Н. И. Лебедев

КРАХ ФАШИЗМА В РУМЫНИИ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Н. И. Лебедев

КРАХ ФАШИЗМА В РУМЫНИИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1976

Ответственные редакторы
академик АН СССР И. И. МИНЦ,
доктор исторических наук В. Н. ВИНОГРАДОВ

$\frac{10603\text{-}332}{042\,(02)\text{-}76}$ В 3-1-6-76

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях, когда соотношение сил на международной арене изменилось в пользу социализма, оказывающего все возрастающее воздействие на ход общественного развития, как никогда важное значение приобретает всестороннее изучение мирового революционного процесса, закономерностей и особенностей его развития. В этой связи одной из основных научных проблем является анализ событий в тех европейских странах, где социализм утвердился после второй мировой войны на развалинах фашистских режимов, сметенных мощной волной революционного движения народных масс.

С тех пор прошли десятилетия, ознаменовавшиеся триумфальным шествием идей социализма по всей планете. Твердый и последовательный внешнеполитический курс социалистических государств привел к повороту от политики «холодной войны» к разрядке международной напряженности. «То, чего удалось добиться в этом отношении за последние пять лет, имеет поистине непреходящее значение,— отмечает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС.— Сделано все возможное для обеспечения условий мирного строительства в нашей стране и в братских странах социализма, для мира и безопасности всех народов»[1].

Однако и в этих условиях реакционные силы нередко продолжают культивировать фашистские методы. Как подчеркивал Л. И. Брежнев, «опыт революционного движения последних лет наглядно показал: если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии. Он готов попрать и суверенитет государств, и любую законность, не говоря уже о гуманности. Клевета, одурманивание общественности, организация голода и разрухи, подкуп и угрозы, террор, организация убийств политических деятелей, погромы в фашистском стиле — таков арсенал современной контрреволюции, которая всегда действует в союзе с международной империалистической реакцией. Но все это в

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 4.

конечном счете обречено на провал. Дело свободы, дело прогресса непобедимо»[2].

Обреченность попыток возродить фашизм наглядно подтверждает крушение фашистских режимов как в годы второй мировой войны, так и в наши дни. В этой связи все более очевидно важное значение опыта тех стран, где в конце второй мировой войны трудящиеся во главе с коммунистами свергли террористические фашистские режимы и приступили к строительству социалистического общества. Революции в этих странах были новым этапом начавшегося в октябре 1917 г. перехода человечества от капитализма к социализму.

Одним из таких государств была Румыния, народ которой под руководством компартии в короткий срок ликвидировал унаследованную от буржуазно-помещичьего строя отсталость и превратил свою страну в процветающую социалистическую республику. Вместе с СССР и другими странами СРР составляет могучее социалистическое содружество, стоящее на страже дела мира и социализма. «Как член Организации Варшавского Договора, Румыния,— подчеркнул Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии, Президент Социалистической Республики Румынии товарищ Николае Чаушеску,— постоянно заботится об укреплении боеспособности своей национальной армии, сотрудничает с армиями других государств—участников Варшавского Договора и готова в любой момент выполнить взятые ею обязательства»[3]. Социалистическая Республика Румыния активно участвует в деятельности Совета Экономической Взаимопомощи, внося свой вклад в выполнение Комплексной программы социалистической экономической интеграции. Между Румынией и Советским Союзом в духе давних традиций дружбы и солидарности наших народов и партий развиваются отношения плодотворного товарищеского сотрудничества во всех областях, полностью отвечающие интересам обеих стран, делу социализма и мира.

* * *

Буржуазная историография, выполняя социальный заказ реакции, фальсифицирует новейшую историю социалистических стран Европы, в том числе Румынии[4]. Особый упор делается на извращение периода народно-демократических и социалистических революций в этих странах. Тезисы об «экспорте революции», об «отсутствии» предпосылок революций в странах Во-

---

[2] Материалы XXV съезда КПСС, с. 36.

[3] «Правда», 1976, 4 июня.

[4] Подробнее об этом см.: *Язькова А. А., Спиваковский Е. И.* О фальсификации некоторых вопросов новейшей истории Румынии современной реакционной буржуазной историографией.— В кн.: Новая и новейшая история Румынии. М., 1963.

сточной Европы являются центральными в том потоке литературы, который после войны заполнил книжный рынок Запада. То была продукция специально созданных в США, ФРГ и других странах исследовательских институтов, значительную часть «исследователей» в которых составляли реакционные эмигранты из восточноевропейских стран.

Для буржуазной литературы по исследуемому периоду румынской истории прежде всего характерно отсутствие анализа социально-экономического развития буржуазно-помещичьей Румынии. Эта особенность, несомненно, связана со стремлением не касаться острейших проблем, которые в решающей степени определяли вызревание предпосылок революционного движения масс в условиях политики жесточайшего гнета и эксплуатации трудящихся, проводимой тогдашними румынскими правителями. Более того, западный автор Анри Прост в своей книге «Судьба Румынии» вопреки фактам утверждал, что в период между двумя войнами Румыния была процветающим государством. «Эта страна,— писал он,— была страной изобилия, а жизнь там была легкой для всех»[5]. Другой автор, характеризуя политический режим, господствовавший в буржуазно-помещичьей Румынии, назвал его «царством чистой демократии»[6].

Нередко подобные оценки распространялись также на годы фашистской диктатуры и участия в антисоветской войне[7]. Некоторые американские исследователи объявили их периодом «общего экономического прогресса»[8]. Западногерманский историк Хильгрубер и другие авторы[9] утверждали, что подчинение румынской экономики интересам гитлеровского рейха и антисоветской войны оказало благотворное влияние на хозяйственное положение Румынии.

Тем самым затушевывались усилившиеся в результате войны нищета и бедствия трудящихся масс и обострившиеся классовые противоречия, которые вызвали новый подъем революционной борьбы.

Указанный тезис об «отсутствии» причин для революционного движения в стране тесно связан с попытками обелить верхушку румынской монополистической буржуазии и помещиков, скрыть ее истинную роль в установлении фашистской диктатуры. Таким образом замалчивался тот факт, что фашизм в Румынии был реакцией монополистических кругов на рост революционного движения, с которым они уже были не в состоянии справиться в условиях буржуазного парламентаризма. Некоторые авторы объясняли установление диктатуры исключительно

---

[5] *Prost H.* Destin de la Romanie. Paris, 1954, p. 6.
[6] Chalenge in Eastern Europe, ed. by. C. Black. New York, 1954, p. 40.
[7] *Bolitho H.* Rumania under King Carol. New York, 1940; *Esterman A.* King Carol, Hitler and Lupescu. London, 1942.
[8] East-Central Europe, ed. by St. Fisher-Galati. New York, 1954, p. 40.
[9] Memorial Antonesco. Le troisiéme homme de l'axe, vol. I. Paris. 1970. p. 174,

экономическими интересами королевской камарильи. Они утверждали, что в отличие от Италии и Германии, где приход фашизма к власти был альтернативой коммунизму, в Румынии якобы не существовало революционного кризиса, который вынуждал бы буржуазию передать власть в руки фашистов.

Известный английский историк Хью Ситон-Уотсон следующим образом объяснил установление фашизма в Румынии и ее участие в антисоветской войне: «Слишком занятые личными интересами и амбицией, чтобы подумать о реформах, ослепленные страхом перед «большевизмом», румынские правители неизбежно скатывались к фашизму и прислужничеству иностранному (германскому.— *Н. Л.*) империализму» [10].

Для подкрепления этих выводов западные буржуазные историки прибегали к фальсификации самого понятия «румынский фашизм». Объявив его единственным носителем фашистскую организацию «Железная гвардия», они зачислили в разряд антифашистов всех тех, против кого она по самым различным причинам выступала. Так, бежавший из Румынии в 1948 г. правосоциалистический лидер Шербан Войня (Шербанеску) объявил борцами против фашизма в Румынии всех буржуазных деятелей, а также короля Кароля II [11]. Это утверждение, поводом для которого послужило столкновение последнего с «Железной гвардией», стремившейся к установлению своей диктатуры, явно перекликается с положениями, содержащимися в изданной в США в 1939 г. книге Джозефа Роусека, который писал, что государственный переворот 10 февраля 1938 г., в результате которого в Румынии была установлена королевская диктатура, был якобы продиктован стремлением спасти страну от фашистского режима, грозившего ей в случае захвата власти железногвардейцами [12].

Любопытно, что подобная аргументация использовалась порой на Западе и для того, чтобы даже открытую военно-фашистскую диктатуру генерала Антонеску выдать за «демократический режим», якобы вызванный к жизни национальными интересами. Так, авторы изданного в США коллективного труда о Румынии обосновывают ее тем, что Антонеску в январе 1941 г. подавил мятеж железногвардейцев и отменил официальное наименование румынского государства как национал-легионерского, т. е. фашистского. Далее они утверждают: поскольку Антонеску не имел в своем распоряжении таких партий, как Гитлер в Германии и Муссолини в Италии, он не был «настоящим фашистом», а его режим «исторически гораздо более значителен, чем это обычно считается» [13].

---

[10] *Seton-Watson H.* Eastern Europe between the Wars 1918—1941. New York, 1946, p. 216.

[11] *Serbanesco G.* Ciel rouge sur la Romanie. Paris, 1952.

[12] *Roucek J.* The Politics of the Balkans. New York, 1939, p. 51.

[13] East-Central Europe, p. 12.

В действительности сущность событий февраля 1938 г. и января 1941 г. состояла в том, что в борьбе за власть «Железная гвардия» дважды потерпела поражение от более сильных фашистских группировок — сначала королевской, а затем возглавляемой генералом Антонеску и поддерживаемой не кем иным, как Гитлером.

Для западных авторов характерно также стремление, замалчивая деятельность Коммунистической партии Румынии, решительно боровшейся против фашизации страны, восхвалять буржуазно-помещичьи партии, а их политику, способствовавшую установлению фашистского режима, представлять в выгодном для них свете. Еще Роусек назвал национал-царанистскую партию «главным оппонентом фашизма и других форм авторитаризма в Румынии» [14]. Противоречащие этому факты, такие, как, например, соглашение между национал-царанистской партией и фашистской «Железной гвардией» на парламентских выборах 1937 г., заметно усилившее позиции железногвардейцев, квалифицировались как «чисто технический» избирательный пакт [15].

Все же некоторые исследователи были вынуждены в той или иной степени признать, что позиция буржуазных румынских политиков не только не препятствовала, а, напротив, создавала благоприятные условия для установления фашистского господства. В частности, Х. Ситон-Уотсон констатировал, что «большая доля ответственности за трагедию в Румынии лежит на двух людях», одним из них он называет лидера национал-царанистов Ю. Маниу. И хотя совершенно очевидно, что фашизм в Румынии пришел к власти при поддержке влиятельных буржуазных кругов, заинтересованных в ликвидации парламентского строя и установлении диктатуры, Ситон-Уотсон ограничился следующим мягким упреком по адресу Маниу: «Его ошибка состоит в том, что он очень мало сделал для дела демократии» [16].

Насколько далекими от истины являются концепции буржуазной историографии относительно характера королевской диктатуры и режима Антонеску, а также позиций, которые занимали румынские буржуазно-помещичьи партии по отношению к этим двум разновидностям власти фашизма, убедительно показывает следующее сравнение. Будучи вынужден в какой-то степени признать причастность Маниу к фашизации страны, Ситон-Уотсон тем не менее отвел ему второстепенную роль. «Первым» из двух лиц, которые «ответственны за трагедию Румынии», он назвал «Кароля, который разрушил демократию, поощрил терроризм и активно способствовал развращению (фашизмом.— *Н. Л.*) румынской молодежи» [17]. Характеристика, прямо скажем, недвусмысленная.

---

[14] *Roucek J.* Op. cit., p. 39.
[15] *Wolff R.* The Balkans in Our Time. Cambridge, 1956, p. 131.
[16] *Seton-Watson H.* Op. cit., p. 216.
[17] Ibidem.

Однако буржуазно-помещичьи круги совершенно иначе оценивали королевскую диктатуру. Способствуя ее установлению, они видели в ней реальное средство упрочения своего господства перед лицом нараставшего революционного движения масс. Идеологи румынской буржуазии уже тогда уверяли мировое общественное мнение в «демократичности» и «надклассовости» королевской диктатуры. Такая линия, в частности, нашла отражение в книге румынского автора П. Павела, вышедшей в Лондоне в 1943 г.[18]

В этой связи следует заметить, что если традиционно прозападная ориентация румынских господствующих классов вынуждала их покровителей в Англии и во Франции выступать в качестве адвокатов королевской диктатуры как в период ее существования, так и позднее, то столь же рьяно они стремились оправдать и сменивший ее режим Антонеску. И в этом — доказательство социальной однозначности обоих режимов, равно фашистских по своей сущности и различавшихся лишь внешнеполитической направленностью и степенью агрессивности.

Хотя в период правления генерала Антонеску гитлеровцы распоряжались в Румынии как у себя дома, многие буржуазные исследователи делали попытки доказать, будто румынский фашистский диктатор проводил самостоятельный политический курс. Его изображали чуть ли не германофобом или «гитлеровским союзником поневоле», вынужденным пойти на сотрудничество с фашистской Германией якобы лишь в силу сложившейся международной обстановки.

А в книге с характерным подзаголовком «Третий человек фашистской оси»[19] Антонеску поставлен почти вровень с Гитлером и Муссолини. П. Шмидт, личный переводчик Гитлера, уверял, что Антонеску был «одним из ближайших к Гитлеру лиц и находился с ним даже в более близких отношениях, чем Муссолини. Он был единственным иностранцем, к которому Гитлер обращался за военными советами, находясь в затруднительном положении»[20].

Подобного рода утверждения служили вполне определенной цели — доказать, что при Антонеску Румыния не была зависимой страной, а являлась «равноправным союзником» Германии. А. Хильгрубер так и писал: «Румыния короля Кароля и маршала Антонеску не была сателлитом рейха»[21].

Это, однако, не мешает буржуазным авторам, стремящимся опорочить политическое и социально-экономическое сотрудничество социалистических стран, в том числе Румынии, с СССР,

---

[18] *Pavel P.* Why Rumania Failed? London, 1943, p. 208.
[19] Memorial Antonesco. Le troisième Homme de l'axe, vol. 1.
[20] *Schmidt P.* Hitler's interpreter. New York, 1951, p. 205.
[21] *Hillgruber A.* Hitler, König Karol und Marschall Antonescu. Wiesbaden, 1954, S. 232.

прибегать также и к противоположным утверждениям. Так, французский автор Максим Мурен, очернив советскую внешнюю политику, изобразил историю Румынии военных и послевоенных лет как переход «от одного сателлитизма к другому»[22].

Столь же предвзято и искаженно освещается западной буржуазной историографией предвоенная внешняя политика буржуазно-помещичьей Румынии.

Реакционная румынская эмиграция пыталась оправдать переход страны в лагерь фашистской «оси» ссылками на позицию, занятую англо-французскими правящими кругами в отношении германской экономической и политической экспансии в Юго-Восточной Европе. «На вопрос, почему Румыния не смогла стать на сторону союзников в этой войне,— писал П. Павел,— легко ответить: потому что западная политическая и военная система, на которой основывалась румынская безопасность, потерпела крах намного раньше»[23].

Конкретизируя этот тезис, бывший генеральный секретарь румынского МИД А. Крецяну в своих мемуарах ссылался на то, что западные державы не захотели чинить препятствия германской политике в отношении Румынии[24]. Это обстоятельство, а также давление со стороны гитлеровцев, уверял бывший румынский министр иностранных дел Г. Гафенку, вынудили Румынию заключить в конце 1939 г. экономический договор с Германией. Он писал: «Существовало только одно средство устранить нависшую над нами германскую угрозу — найти возможность непосредственно договориться с рейхом... Единственным эффективным средством обеспечения Румынией собственной безопасности было заключение соглашения с рейхом»[25].

Некоторые английские буржуазные исследователи разделяют эти взгляды. Истерман, описывая визит Кароля II в Лондон и Париж в ноябре 1938 г., подчеркивал, что как английское, так и французское правительства дали понять королю, что они положительно относятся к перспективе румыно-германского сближения[26]. Известный английский историк Уиллер-Беннетт также указывал, что западные державы добивались от своих восточноевропейских союзников, в том числе и от Румынии, согласия на «мирное проникновение Германии»[27].

Спору нет, таково было одно из гибельных последствий мюнхенской политики правящих кругов Запада. Это был вынужден признать в 1951 г. английский королевский институт международных отношений. «Мюнхенское соглашение,— говорится в од-

---

22 *Morin M.* Le drame des états sattelites de l'Axe de 1939 à 1945. Paris, 1957, p. 216.

23 *Pavel P.* Op. cit., p. 172.

24 *Cretzianu A.* The Lost Opportunity. London, 1958, p. 1178.

25 *Gafencu Gr.* Prelude to the Russian Campaign. London, 1944, p. 230—231.

26 *Esterman A.* Op. cit., p. 121—122.

27 *Wheeler-Benett J.* Munich-prologue to the Tragedie. London, 1963, p. 127.

ном из его исследований, изданных в то время,— было решающим свидетельством того, что Франция и Великобритания были не способны или не хотели выступать... в защиту европейских государств, ставших объектом агрессии тоталитарных государств»[28].

Но признание того факта, что западные державы рассматривали Румынию в качестве разменной монеты в торге, который они вели с гитлеровской Германией, стремясь направить фашистскую агрессию на Восток, против Советского Союза, не может служить оправданием для румынских правителей, ставших уже в предвоенные годы на путь сближения с фашистским рейхом и отказавшихся от сотрудничества с Советским Союзом, решительно выступающим против агрессии. Тем более что начало такому сотрудничеству уже было положено в период, когда министром иностранных дел Румынии являлся Н. Титулеску.

Отказ румынских правящих кругов от продолжения этого сотрудничества был прямым следствием их враждебной политики в отношении СССР, усиливавшейся по мере фашизации Румынии. Буржуазная историография, ставя все с ног на голову, пытается оправдать этот отказ мифической угрозой со стороны СССР, который будто бы намеревался захватить Румынию. Так, Гафенку уверял, что Румыния «была вынуждена искать помощи со стороны держав оси против большевистского напора»[29], но он был вынужден тут же признать, что советская дипломатия добивалась соглашения между балканскими странами в целях совместной защиты этой части Европы от фашистской агрессии.

Мирное разрешение бессарабского конфликта преподносилось в буржуазной литературе как «акт советской агрессии», якобы толкнувший Румынию в объятия германского фашизма. Даже принятие румынскими правящими кругами «венского арбитража» Гитлера и Муссолини, по которому Северная Трансильвания была передана хортистской Венгрии, объявлялось ни более ни менее как результатом «давления СССР».

Абсурдность таких утверждений, призванных оправдать капитуляцию румынских правителей перед агрессией фашистской Германии, настолько очевидна, что даже Г. Гафенку счел необходимым опровергнуть его. В своих мемуарах «Прелюдия к русской кампании» он заявил, что ссылка на «опасность непосредственного русского вторжения в Молдову», использовавшаяся в качестве решающего аргумента для навязывания «венского арбитража», вызывает у него удивление, ибо Советский Союз не проявлял никаких агрессивных намерений в отношении Румынии и, напротив, выражал желание развивать добрососед-

---

[28] Survey of International Affairs 1938, vol. 3. London, 1953, p. 124

[29] *Gafencu Gr.* Op. cit., p. 50.

ские отношения с ней[30]. К этому остается лишь добавить, что СССР, как известно, решительно выступал против «венского арбитража», осуждая его как типичную империалистическую сделку.

Твердя о вынужденном переходе буржуазно-помещичьей Румынии в лагерь держав «оси» и замалчивая истинные цели этого шага, бывшие румынские политические деятели и дипломаты стремятся выставить в благоприятном свете проводившийся ими внешнеполитический курс. Они пытаются доказать даже свою приверженность идее коллективной безопасности и уверяют, что отказались от нее не по своей вине.

Такой тезис выдвинул, в частности, бывший министр иностранных дел Румынии Н. Петреску-Комнен. В доказательство он следующим образом охарактеризовал позицию своего правительства в период чехословацкого кризиса: «В то время как Европа трепетала при звуках голоса Гитлера, склонилась перед всеми его требованиями, согласившись в Мюнхене на расчленение Чехословакии, только одна Румыния, я подчеркиваю, она одна осмелилась поднять голос в пользу несчастной союзницы»[31].

В действительности дело обстояло не так. Румынские правители тогда заботились лишь о том, чтобы не вызвать недовольства фашистской Германии, и фактически способствовали мюнхенскому сговору, сделавшему Чехословакию легкой добычей Гитлера.

Западные исследователи не дают правильного освещения политики правительств Англии и США в отношении режима Антонеску в период его участия в агрессии против их союзника СССР. Чтобы оправдать позицию Лондона и Вашингтона, которые длительное время уклонялись от объявления войны Румынии и поощряли румынских фашистов, они представляют дело так, будто правительство Антонеску не вело военных действий против Советского Союза, а всего лишь стремилось к «возвращению румынских провинций Бессарабии и Северной Буковины». При этом в большинстве случаев делаются попытки реабилитировать преступные действия румынской фашистской клики на оккупированной советской территории. А. Даллин, например, утверждал, что они были «гуманными» и «резко контрастировали с германской политикой»[32].

Хорошо известно, насколько далека от истины эта оценка. Сначала румынские фашисты мечтали о создании «Великой Румынии» за счет Советской Молдавии и украинских земель до Днепра, а добравшись вместе с армией Паулюса до Сталинграда, требовали «передвинуть румынскую границу на восток, вплоть до Урала». При этом они совместно с гитлеровцами

---

[30] *Gafencu Gr.* Op. cit., p. 51, 56—59.

[31] *Comnèn N.* Anarchie, dictature ou organisations internationales. Genève, 1946, p. 127.

[32] *Dallin A.* German Rule in Russia 1941—1945. London, 1957, p. 463.

«участвовали в истреблении сотен тысяч советских людей. В одной только Одесской области немецко-румынские захватчики уничтожили до 200 тыс. мирных жителей, в Молдавской ССР — около 64 тыс., в Черновицкой области — более 16 тыс.»[33]. Общая стоимость имущества, награбленного румынскими фашистами на советской земле, составила 948 млрд. лей в довоенном исчислении[34].

Этого не отрицает и американский исследователь Вольф. В своей книге, являющейся в данном отношении редким исключением в буржуазной историографии, он признал, что румынские фашисты систематически грабили оккупированную советскую территорию[35].

Отнюдь не академический интерес представляет выяснение положения Румынии в гитлеровском блоке. Ибо пытаясь представить Румынию независимой от германского рейха и полностью сохранившей свой суверенитет, реакционные историки хотят убедить читателей в том, что в стране не было причин для возникновения национально-освободительного движения. Ту же цель преследуют попытки представить Антонеску «национальным вождем», ниспосланным стране в трудное для нее время.

Подобные усилия предпринимались на Западе с первых дней после свержения фашистской диктатуры в Румынии. Так, газета «Нью-Йорк таймс» уже тогда не постеснялась назвать Антонеску «спасителем румынской нации»[36]. В послевоенное же время эту версию подхватила буржуазная историография, стремящаяся доказать, будто режим Антонеску не был фашистским[37]. А американский историк Л. Ставрианос даже заявил, что румынский диктатор якобы «имел значительную народную поддержку, по крайней мере пока «ось» одерживала победы»[38].

С этим вымыслом непосредственно связана и фальсификация истории румынского движения Сопротивления. Буржуазная историография не ограничивается игнорированием того факта, что ведущая роль в нем принадлежала Коммунистической партии Румынии. Упомянутый Р. Вольф, например, утверждал, что ее платформа антифашистской борьбы была «крайне непопулярна» среди населения[39]. Некоторые же исследователи пошли еще дальше, объявив, что КПР тогда вовсе не существовала[40].

Вопреки истине многие западные авторы называют главными противниками режима Антонеску лидеров буржуазно-помещичьих партий и короля Михая, которые якобы защищали де-

---

[33] Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1971, с. 137.
[34] «Graiul nou», 22.IX 1944.
[35] *Wolff R.* Op. cit., p. 235.
[36] «New York Times», 7.IX 1940.
[37] См. East-Central Europe.
[38] *Stavrianos L.* The Balkans since 1453. New York, 1958, p. 762.
[39] *Wolff R.* Op. cit., p. 280.
[40] *Lukacs J.* The Great Powers and Eastern Europe. New York, 1953, p. 463.

мократические институты, выступали против политики подчинения страны германскому рейху и участия Румынии в войне против Советского Союза.

Английский вице-маршал Артур Голд Ли, являвшийся после войны членом Союзной Контрольной Комиссии в Румынии, написал биографию короля Михая, одна из глав которой так и озаглавлена: «Лидер сопротивления». Автор назвал его признанным вождем румынских патриотических антигитлеровских сил, противником антисоветской войны. Между тем сохранилась телеграмма, адресованная генералу Антонеску, в которой румынский король выражал диктатору свою «признательность» и «радость» по поводу начала военных действий против Советского Союза. Это, однако, не помешало Ли утверждать, что румынская монархия была «против войны с Россией»[41].

Крецяну объявил лидером румынского сопротивления Ю. Маниу, ссылаясь на то, что последний поддерживал в годы войны радиосвязь со штабом англо-американских союзников в Каире[42].

Все эти утверждения не выдерживают никакой критики. Даже буржуазная пресса и часть западных исследователей признали, что только румынские коммунисты вели борьбу против режима Антонеску и гитлеровских оккупантов, за прекращение войны. Так, английский историк Ситон-Уотсон констатировал, что «серьезную оппозицию» режиму Антонеску проявляла лишь действовавшая в подполье коммунистическая партия, в то время как лидеры «исторических» партий ограничивались посылкой меморандумов на имя фашистского диктатора Румынии[43].

Позицию румынских буржуазных политических деятелей достаточно полно охарактеризовал лондонский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» еще в 1944 г. Он писал: «Это досадный и тягостный факт, что оно (правительство Антонеску.— *Н. Л.*) имеет поддержку большинства известных румынских политиков. За исключением нескольких бывших министров, убитых железногвардейцами в декабре 1940 г., румынские ведущие политические личности ничем не проявили себя, кроме словесной оппозиции к войне. Это относится как к лидеру национал-царанистской партии Ю. Маниу, так и к лидеру национал-либеральной партии Дину Брэтиану»[44].

Но дело не только в этом. Как было позднее документально установлено, среди национал-царанистов имелось сильное течение, выступавшее за то, чтобы «приспособить программу и идеологию» этой партии к «современной политической реальности», т. е. открыто перейти на позиции прислужничества фашизму.

---

[41] *Lee A. G.* Against the Sickle. The Story of King Michel of Rumania. London, 1949, p. 31.
[42] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 7.
[43] *Seton-Watson H.* The East European Revolution. London, 1950, p. 87.
[44] «New Statesman and Nation», April 1944, p. 236.

Маниу, как и лидер национал-либералов Брэтиану, разделяя эти взгляды, предпочел проводить их в жизнь, громко не афишируя. Считая военно-фашистскую диктатуру лучшей гарантией против «коммунизма в Румынии», они фактически стали сообщниками генерала Антонеску и поддерживали его внутриполитический и внешнеполитический курс[45].

Искаженную картину истории румынского движения Сопротивления нарисовал упоминавшийся американский историк Ставрианос. Признавая, что в Румынии коммунисты выступали за организацию действенной борьбы против фашистского господства и использовали для этого все формы сопротивления, в том числе вооруженную борьбу, Ставрианос также не отрицал, что КПР обладала большим опытом нелегальной деятельности и использовала его весьма эффективно, между тем как буржуазные партии отказались объединиться с КПР в Патриотический антигитлеровский фронт. Он согласился с тем, что в Румынии в противоположность буржуазным деятелям «коммунисты были решительными противниками участия Румынии в антисоветской войне»[46].

Но в целом его анализ румынского движения Сопротивления носил субъективный характер и преследовал цель умалить роль борьбы антифашистских сил во главе с компартией. Аргументация автора свелась к тому, что, поскольку Румыния была союзницей гитлеровской Германии, а не оккупированной страной, движение Сопротивления было неэффективным и исходило в основном из англофильских буржуазных кругов[47]. Причем, согласно его версии, даже весной 1944 г., когда Советская Армия вышла на границу с Румынией, придворные круги проявляли больше активности, чем массовые организации[48].

С этим тезисом, несомненно, связан и другой. Признавая, что военная обстановка оказывала большое влияние на внутриполитическое положение в Румынии в годы второй мировой войны, буржуазные исследователи преднамеренно преувеличивают значение действий войск западных союзников для нарастания антифашистских и антивоенных настроений в стране. В изданной в Лондоне еще в 1943 г. брошюре Александру Мезинческу «Два года германского господства в Румынии», представляющей собой хронологию актов саботажа и диверсий в стране, налицо явное стремление умалить воздействие крупных успехов Советской Армии на развитие антигитлеровской борьбы румынского народа. Автор заявил, что подъем освободительного движения в стране начался якобы под влиянием операций англо-амери-

---

[45] См.: Procesul marii tradări naţionale (Stenograma desbaterilor dela tribunalul poporului asupra Antonescu). Bucureşti, 1946; Le proces des dirigeants de l'ancien parti national-paysan: Maniu etc. Bucureşti, 1947.
[46] *Stavrianos L.* Op. cit., p. 762.
[47] Ibidem.
[48] Ibid., p. 767.

канских войск в Северной Африке, и даже не упомянул о Сталинградской битве, ознаменовавшей начало коренного перелома в ходе всей мировой войны[49].

Между тем благоприятные условия для развертывания антифашистской борьбы возникли в связи с кризисом диктатуры Антонеску, вызванным именно сокрушительным разгромом немецких и румынских фашистских войск на Волге, который, как констатировал «Нью стейтсмен энд нейшн», потряс Румынию[50].

Внешнеполитическим маневрам румынских правящих кругов в связи с наступлением коренного перелома в ходе войны буржуазная историография уделяет большое внимание, видя в их освещении возможность говорить об «оппозиционной деятельности» лидеров буржуазно-помещичьих партий и монархии по отношению к режиму Антонеску. В основном речь ведется о переговорах князя Б. Штирбея в Каире весной — летом 1944 г. по вопросу об условиях выхода Румынии из войны.

Организация его миссии приписывается исключительно «оппозиции», возглавляемой Маниу и королем Михаем, хотя в действительности Штирбей вел переговоры с согласия Антонеску и выступал фактически представителем румынской реакции в целом. Лидеры «исторических» партий информировали Антонеску о всех этапах переговоров в Каире. Через посредство Штирбея правительство Антонеску получило условия, на которых союзники — СССР, Англия и США были готовы заключить перемирие с Румынией.

Наиболее подробно об этой миссии писал А. Крецяну, который принимал участие в ее подготовке и был в курсе переговоров[51]. Однако и он не слишком откровенен. Дело в том, что именно его генерал Антонеску назначил посланником в Турцию, поручив установить контакты с представителями США и Англии с целью зондажа возможностей сепаратного выхода Румынии из войны. В Анкару первоначально направился и Штирбей, имевший более широкие полномочия и пытавшийся там достичь договоренности с англо-американскими представителями без участия СССР.

Об этом и умалчивает Крецяну, хотя соответствующие факты еще в 1944 г. сообщили падкие на сенсацию западные газеты. В частности, «Нью-Йорк таймс» писала, что в Анкаре «Румыния находилась в контакте только с британцами и американцами. Русские не были информированы их английскими и американскими союзниками относительно присутствия здесь (в Анкаре.— *Н. Л.*) румынских эмиссаров или о каких бы то ни было мирных переговорах»[52].

---

[49] См.: *Mezincescu A.* Rumania over two Years of German Domination. London, 1943.
[50] «New Statesman and Nation», August 1944, p. 236
[51] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 141- 188.
[52] «New York Times», 15.III 1944.

Лишь после того как Штирбей прибыл в Каир, переговоры с ним вели представители трех союзных держав. Тем не менее и здесь отчетливо выявилась антисоветская сущность политики румынских правящих кругов.

Сначала это был расчет на то, что англо-американские войска предпримут вторжение на Балканский полуостров и тем самым воспрепятствуют вступлению Советской Армии в Румынию. Даже провал этого плана не повлиял на характер домогательств румынского эмиссара в Каире. Продолжая добиваться оккупации Румынии англичанами и американцами, он тайно предлагал им «в крайнем случае» послать в Бухарест и другие центры воздушно-десантные соединения.

Смысл таких предложений очевиден: англо-американские войска рассматривались правящими кругами Румынии в качестве гарантии сохранения буржуазно-помещичьего строя, подавления нараставшей революционной борьбы румынского народа. Поскольку у западных союзников не было возможности направить свои войска в освобождаемую Советской Армией Румынию, Штирбей по указанию из Бухареста затягивал переговоры в Каире. Этот факт, однако, не помешал Крецяну бросить упрек Советскому Союзу в «затягивании и срыве» переговоров в Каире[53]. Вынужденный отказ империалистических кругов Англии и США от «балканского варианта» Крецяну, подобно многим английским и американским авторам, считал самой большой политической ошибкой Запада, приведшей к ликвидации капиталистического строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы[54].

Не меньше усилий направили буржуазные авторы и на то, чтобы извратить суть событий 23 августа 1944 г., явившихся началом народной революции в Румынии и в конечном итоге приведших к свержению буржуазно-помещичьей власти. Эти события изображены как «дворцовый переворот», главным действующим лицом которого якобы был король Михай. Р. Вольф, например, поддержал версию «Нью-Йорк таймс» от 27 августа 1944 г. о «единоличном перевороте». Чтобы подчеркнуть заслуги Михая, этот автор даже упрекал лидеров буржуазно-помещичьих партий в том, что они тратили время на «нескончаемые дискуссии», в то время как «молодой король действовал»[55].

В таком же духе писал Роусек, по словам которого Михай начиная с 1942 г. «семь раз планировал» устранение Антонеску[56]. Ситон-Уотсон лишь дополнил эту версию, приписав решающую роль не только королю, но и военным из его окружения[57]. Крецяну несколько иначе нарисовал картину событий

---

[53] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 144—145.
[54] Ibid., p. 181.
[55] *Wolff R.* Op. cit., p. 241.
[56] *Roucek J.* Balkan Politics. Stanford, 1947, p. 247.
[57] *Seton-Watson H.* The East European Revolution, London, 1950, p. 89—90.

23 августа 1944 г. Согласно его трактовке, идейным вождем свержения режима Антонеску был не кто иной, как Маниу, который в момент прорыва советскими войсками фронта под Яссами и Кишиневом дал королю «совет действовать»[58].

Таким образом, налицо тенденция буржуазной историографии намеренно замалчивать тот факт, что организатором и руководителем вооруженного восстания 23 августа 1944 г. была Коммунистическая партия Румынии, сгруппировавшая вокруг себя все силы, выступавшие по той или иной причине против режима Антонеску и гитлеровского господства. Многие западные авторы также не пожелали признать народный характер восстания, проявившийся в участии в нем румынской армии и созданных компартией боевых патриотических отрядов, поддержанных широкими массами.

Отдельные исследователи, однако, оказались вынуждены хотя бы вскользь признать, что участие короля Михая в событиях 23 августа 1944 г. было продиктовано отнюдь не демократическими или патриотическими побуждениями, а желанием отмежеваться от режима Антонеску и избежать ответственности за участие в антисоветской войне. И. Стил указал, что содействовать восстанию его заставила «боязнь революции, которая смела бы прочь династию»[59]. Буржуазно-помещичьи круги, как признал Ставрианос, были вообще против вооруженного восстания, если оно не совпадет с англо-американским вторжением на Балканы[60]. А Ли отметил, что, в частности, Маниу всячески стремился избежать принятия решения о свержении Антонеску[61].

Западная литература полна самых различных измышлений и о военных последствиях выхода Румынии из войны на стороне фашистского блока. Разумеется, это тема больше всего привлекла западногерманских авторов. Наиболее характерны рассуждения генерала Фрисснера, бывшего командующего группой армий «Южная Украина», окруженной и разгромленной Советской Армией в ходе Ясско-Кишиневской операции. В своей книге «Проигранные сражения» он утверждал, что поражение гитлеровцев во второй мировой войне явилось следствием того, что «боевая ценность их союзников была низкой и что Германия была предана румынами»[62].

Нелепость этого объяснения очевидна, так как автор, объявив румынскую армию небоеспособной, в то же самое время уверял, что ее переход на сторону войск антифашистской коалиции явился причиной разгрома гитлеровской Германии. Но Фрисснер меньше всего заботился о том, чтобы свести концы

[58] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 146.
[59] *Steel J.* The Future of Europe. New York, 1946, p. 70.
[60] *Stavrianos L.* Op. cit., p. 768.
[61] *Lee G. A.* Op. cit., p. 60, 63.
[62] *Frissner H.* Verratene Schlachten. Hamburg, 1956, S. 217.

с концами в своих воспоминаниях. Его единственная цель — оправдать перед историей гитлеровское командование и, конечно, прежде всего самого себя. «То, что противник добился этих внезапных успехов (прорыв фронта под Яссами и Кишиневом.— *Н. Л.*), следует,— уверял он,— объяснить в основном ненадежностью румынских соединений»[63].

Фриснер утверждал, что и вырваться из Ясско-Кишиневского котла германские войска не смогли только вследствие перехода румынской армии на сторону вооруженных сил антигитлеровской коалиции.

Дело, конечно, было *в ином:* гитлеровское командование оказалось не в состоянии спасти свои окруженные армии прежде всего вследствие превосходства советского военного искусства, выразившегося в данном случае в блестящей разработке и осуществлении Ясско-Кишиневской операции. Вместе с тем войска Советской Армии, действовавшие против фашистской группы армий «Южная Украина», имели подавляющее преимущество в живой силе и особенно в военной технике. Соотношение по числу дивизий составляло 1,8:1, по танкам — 4,5:1, артиллерии и самолетам — 2:1 в пользу советских войск[64]. На решающих направлениях превосходство Советской Армии было еще выше[65].

Лживую версию, сочиненную битым фашистским генералом, на свой лад повторил Ситон-Уотсон. В книге «Восточноевропейские революции» он утверждал, что Румыния «открыла Красной Армии весь юго-восток Европы»[66], пытаясь таким образом умалить значение разгрома советскими войсками мощной фашистской группировки, державшей румынский фронт, принизить решающую роль Советской Армии в освобождении Румынии от ига германского фашизма. Между тем совершенно ясно, что именно вступление советских войск на румынскую территорию и их стремительное продвижение в сторону Бухареста не только явились решающими факторами, обусловившими успех восстания 23 августа 1944 г., свержение Антонеску и переход Румынии на сторону антифашистской коалиции, но также создали необходимые предпосылки для дальнейших наступательных операций Советской Армии на южном участке советско-германского фронта.

Нельзя не подчеркнуть, что вооруженное восстание 23 августа 1944 г. сорвало планы фашистского командования, которое после прорыва фронта под Яссами и Кишиневом пыталось организовать оборону и остановить советские войска, наступавшие в глубь Румынии. Это событие, вне всякого сомнения, способст-

---

[63] *Frissner H.* Verratene Schlachten, S. 69.

[64] См.: Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы. 1944—1945. М., 1970, с. 92.

[65] См.: Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне, с. 153.

[66] *Seton-Watson H.* The East European Revolution, p. 89—90

вовало быстрейшему осуществлению освободительной миссии Советской Армии на юго-востоке Европы. Следует, однако, заметить, что в связи с окружением и разгромом группы армий «Южная Украина» у германского командования не было достаточных сил для организации обороны на рубеже Фокшанских ворот.

Фальсификация событий, связанных со свержением фашистского режима Антонеску, имеет и другую цель. Объявив вооруженное восстание 23 августа 1944 г. «дворцовым переворотом», буржуазная историография стремилась затушевать тот факт, что оно являлось началом революции, давно вызревавшей в Румынии и ускоренной бедствиями войны. Тем самым реакция рассчитывала оклеветать новый общественный строй, установленный в стране в результате победы революции, представить его как насильственно навязанный Румынии советскими войсками.

Народная революция, началом которой явилось августовское вооруженное антифашистское восстание, имела глубокие исторические корни в экономической и общественно-политической жизни страны. Их вызревание было ускорено положением Румынии накануне и в период второй мировой войны, мощным подъемом борьбы народных масс за социальное и национальное освобождение, благоприятными условиями, возникшими в результате побед Советской Армии, разгромившей гитлеровские войска — главную опору румынской реакции.

Отдельные западные исследователи признают это в той или иной степени[67]. Например, Ставрианос был вынужден констатировать: «Социальные революции, последовавшие за второй мировой войной, были обусловлены различными причинами. Одной из них был разрушительный результат оккупации стран, дискредитировавший старый режим в странах-сателлитах (Румынии и Болгарии)... Другой — движение Сопротивления, возникшее под преимущественно коммунистическим влиянием в оккупированных странах... Окончательным фактором было наступление Красной Армии, нанесшее решающий удар надеждам на восстановление предвоенных институтов и режимов...»[68]

Но подавляющее большинство буржуазных авторов из числа тех, кто поставил себя на службу антикоммунизму, отрицают закономерность революции в Румынии.

Реакционные румынские эмигранты особенно изощряются в фальсификации периода с 23 августа 1944 г. по 6 марта 1945 г., когда в ходе народной революции в стране была установлена демократическая власть. Они безудержно клевещут на Коммунистическую партию Румынии и демократические силы, боровшиеся под ее руководством, обвиняют Советский Союз в

---

[67] *Warriner D.* Revolution in Eastern Europe. London, 1950; *Seton-Watson H.* The East European Revolution.

[68] *Stavrianos L.* Op. cit., p. 761.

«экспорте революции», а ликвидацию господства буржуазии и помещиков объявляют концом демократии и независимости Румынии.

Все, что вышло из-под их пера, пропитано ядом буржуазного национализма и воинствующего антикоммунизма[69].

Антикоммунистическая направленность работ буржуазных авторов по истории Румынии сохраняется и поныне. В условиях разрядки международной напряженности, пришедшей на смену периоду «холодной войны», лишь более изощренными становятся приемы и методы идеологических диверсий против социализма. К этому вынуждают также успехи социалистического строительства в Румынии и других странах, воочию демонстрирующие превосходство нового строя перед капитализмом.

Для буржуазной литературы по истории европейских социалистических государств в последнее десятилетие характерен новый подход. Теперь упор делается, в частности, на национализм, с помощью которого антикоммунисты хотели бы оторвать эти государства от Советского Союза, нарушить единство стран социалистического содружества. Буржуазные ученые превозносят «всесилие» национализма. По мнению А. Тойнби, патриарха современных английских историков, претендующего на роль теоретика истории человечества, национализм стал как бы религией всех народов земного шара. З. Бжезинский утверждает, что коммунистическая идеология не в состоянии дать ответ на вызов, бросаемый национализмом. Исследователь международных отношений Э. Дьордь пишет, что национализм «в его восточноевропейской разновидности» может стать «фундаментальным принципом» в развитии мирового коммунизма[70].

С помощью национализма империалистические политики намереваются разобщить силы мирового социализма, ослабить и подорвать его позиции. В докладе «СССР и Восточная Европа», подготовленном по заданию сенатской комиссии по иностранным делам США и содержащем рекомендации относительно истоков и средств проведения американской политики в отношении социалистического содружества, прямо говорится, что национализм, который в свое время «разнес на куски Австро-Венгерскую империю», должен являться главным оружием подрыва этого содружества изнутри»[71].

Этими же идеями пронизан изданный в 1966 г. сборник о «сдвигах» в странах Восточной Европы[72].

---

[69] См., например: *Serbanesco G.* Sous la botte sovietique. Paris, 1957; *Cretzianu A.* Captive Rumania. New York, 1956; *Seicaru P.* Rien que des cendres. Paris, 1949, etc.; *Markham R.* Rumania under the Soviet Yoke. Boston, 1949; *Korbel I.* The Captive Nations. Toronto, 1955.

[70] Подробнее об этом см.: *Лебедев Н. И.* Пролетарский интернационализм и банкротство его критиков.— «Международная жизнь», 1970, № 2, с. 18.

[71] U. S. Foreign Policy. USSR and Eastern Europe. Washington, 1960, p. 77.

[72] Eastern Europe in Transition, ed. by K. London. Baltimore, 1966, p. 17.

Сочетая культивирование национализма с рекомендациями «улучшить» социалистический строй восточноевропейских стран, идеологи антикоммунизма настойчиво пропагандируют «национальный коммунизм». Обращение к истории этих стран для современных антикоммунистов считается оправданным только в том случае, если оно служит интересам идеологической борьбы против социализма. В таком духе написана, к примеру, книга С. Думитру, одно заглавие которой говорит само за себя — «Румыния, несчастная страна»[73]. Ее автор, бежавший от революции, пытается давать советы о том, как «примирить социализм со свободой», имея, конечно, в виду такое «примирение», которое взамен подлинной свободы, обретенной румынским народом при социализме, принесло бы реставрацию капиталистического строя.

Этот затасканный тезис по-прежнему время от времени выдвигают и реакционные западные историки. Так, профессор Вашингтонского университета Дж. Ротшильд в книге «Восточно-Центральная Европа между двумя мировыми войнами», представляющей собой девятый том издаваемой этим университетом «Истории Восточно-Центральной Европы», усиленно пропагандирует мысль о «демонтаже» социализма в рассматриваемых странах при помощи пресловутой политики «наведения мостов».

В ее проведении важную роль он отводит идее создания различных региональных союзов государств Восточной и Центральной Европы с целью подорвать их дружбу и сотрудничество с Советским Союзом. При этом автор заявляет, что «изучение социалистических стран Европы важно не только для истории, но и для нынешних американских национальных интересов в мире»[74], т. е. подчинено стратегии борьбы американского империализма против социалистического содружества.

Трудно сказать яснее о сущности подобных «исследований», представляющих собой все те же не раз уже терпевшие провал попытки борьбы с коммунизмом при помощи фальсификации истории освободительной борьбы народных масс европейских стран и роли СССР в их избавлении от социального гнета и иноземного ига.

* * *

За годы народной власти в Румынии появилась обширная литература по проблемам, связанным с историей страны в 30-е годы, созданием предпосылок народной революции и ее победы на заключительном этапе второй мировой войны.

---

[73] *Dumitru S.* Roumanie, terre d'infortune. Paris, 1970.

[74] *Rothschild J.* East Central Europe Between the two World Wars. Washington, 1971, p. IX, 10, 11, 186.

Проблемы экономического и политического положения трудящихся масс Румынии в период между двумя мировыми войнами рассмотрены в работе Г. Сурпата [75]. На большом фактическом материале он показал условия жесточайшей эксплуатации и угнетения масс при буржуазно-помещичьем строе. В книге подробно освещается обнищание пролетариата, а также рассматривается экономическое положение других категорий трудящихся. Не ограничиваясь изучением условий труда и жизни рабочего класса, автор показывает также борьбу пролетариата против эксплуататоров.

Следует отметить, что, в целом положительно оценивая книгу, румынская партийная печать вместе с тем подвергла критике высказывание автора о «колониальном типе» эксплуатации трудящихся в буржуазно-помещичьей Румынии. При этом указывалось, что, хотя страна была экономически слаборазвитой, тем не менее уровень развития производственных отношений того времени, а также характер политических и экономических связей между Румынией и империалистическими державами не дают оснований для такого утверждения [76].

В 1957 г. было опубликовано исследование, посвященное особенностям развития монополистического капитализма в Румынии [77]. Трудом, подводящим итоги изучения истории экономического развития Румынии в СРР, явился выход в свет в 1974 г. книги В. Дикулеску «История национальной экономики» [78]. В ряде работ была проанализирована роль иностранного капитала в румынской экономике, показаны роковые последствия для страны экономического «сотрудничества» с германским рейхом [79].

Значительное место в историографии социалистической Румынии занимают работы, исследующие политическую борьбу в предвоенный и военный период.

Проблематика румынского фашизма—выявление его корней, особенностей идеологии, различных аспектов политики диктатуры И. Антонеску и т. п.— получила свое освещение в вышедшем в 1971 г. сборнике «Против фашизма», представляющем собой изложение материалов научной сессии по этой теме [80]. Значительная часть материалов сборника отражает борьбу румынских народных масс во главе в компартией против фашизма. К этому сборнику примыкает монографическая работа М. Фэту и И. Спэлэцелу «Железная гвардия — террористическая организация фашистского типа», в которой главное внимание уде-

---

[75] *Surpat G.* Pauperizarea clasei muncitoare din România burghezo-moşierească între cele două războaie mondiale. Bucureşti, 1962.
[76] «Lupta de clasă», 1962, N 12.
[77] Aspecte dezvoltării capitalismului monopolist în Romania. Bucureşti, 1957.
[78] *Diculescu V.* Istoria economiei naţionale. Bucureşti, 1974.
[79] *Ravas Gh.* Din istoria petrolului romînesc. Bucureşti, 1955; Economiă românească sub jugul imperialismului german. Bucureşti, 1946.
[80] Impotriva fascismului. Bucureşti, 1971.

лено разоблачению ультрареакционного, антинародного и антинационального характера этой организации, показу ее зависимости от гитлеровцев[81].

Различные аспекты деятельности фашистской «Железной гвардии» в предвоенный период, ее взаимоотношения с румынской монархией и буржуазными партиями затрагиваются в труде А. Саву «Королевская диктатура». Представляет интерес также опубликованная в сборнике статей по истории экономической мысли статья К. Богдана «Социально-экономическая база фашизма в Румынии»[82].

В румынской историографии проделана также определенная работа по изучению деятельности буржуазно-помещичьих партий, в первую очередь так называемых «исторических» — национал-либеральной и национал-царанистской, выявлению их ответственности за национальную катастрофу, постигшую страну,— установление власти фашизма и участие Румынии в антисоветской войне Гитлера[83].

Румынские историки уделяли и продолжают уделять внимание вопросам внешней политики буржуазно-помещичьей Румынии. Их исследования имеют исключительно важное значение для понимания социально-экономического развития страны, обстановки, в которой проходил процесс созревания революции и ее последующей победы.

Что касается предвоенной внешней политики румынских правящих кругов, то ее первыми активными исследователями зарекомендовали себя Ж. Бендитер и Э. Кампус[84]. В статьях 50-х гг. они подробно показали позицию Румынии в отношении аншлюса и чехословацкого кризиса (май — сентябрь 1938 г.), последствия антинациональной линии румынских правителей, отказавшихся от политики коллективной безопасности и сотруд-

---

[81] *Fătu M., Spălățelu T.* Garda de fier-organizaţie teroristă de tip fascist. Bucureşti, 1971.

[82] *Savu Al.* Dictatura regală. 1938—1940. Bucureşti, 1970; *Bogdan C.* Baza social-economica a fascismului în România.— «Studii de istorie a gîndirii economice». Bucureşti, 1971, N 15, p. 79—95.

[83] *Gărneața A.* Adevărată istorie a unei monarhii. Familia Hohenzöllern. Bucureşti, 1948; *Țuțui Gh., Popescu A.* Zdrobiţi de popor. Bucureşti, 1959; *Țuțui Gh., Popa M* Hohenzollernii în România. Bucureşti, 1962; *Fătu M.* Sfirşitul fără glorie. Partidul naţional-ţărănesc (Maniu) şi partidul naţional-liberal (Brătianu) în anii 1944—1947. Bucureşti, 1972.

[84] *Benditer J.* Politica antipopulară şi antinaţională a burgheziei româneşti în anii 1937—1939.— «Studii», 1954, N 2; *idem.* Atitudinea guvernului român faţă de Cehoslovacia în lunîele premergatoare Münchenului mai — septembrie 1938.— «Studii», 1956, N 5; *idem.* Anschluss şi unele consecinţe ale lui asupra politicii externe a Rominiei.— «Studii şi cercetari stiinţifice-istorii» Jasi, 1956, fasc. 2; *Campus E.* Aspecte ale politicii externe a Rominiei in etapa post-muncheneză.— «Studii şi materiale de istorie contemporană», Bucureşti, 1956; *idem.* Pozitia României in timpul primei faze a celui al doilea razboi mondial.— «Studii şi articole de istorie», Bucureşti, vol. II, 1957; *idem.* Tratativele diplomatice in preajama dictatului de la Viena.— «Studii», 1957, N 3.

ничества с СССР в деле защиты от гитлеровской агрессии, их внешнеполитический курс в послемюнхенский период и в начале второй мировой войны.

В конце 60-х — первой половине 70-х годов были опубликованы две монографии. Одна — о Малой Антанте, другая — о Балканской Антанте. В 1971 г. вышла в свет книга В. Мойсука «Дипломатия Румынии и проблемы защиты суверенитета и национальной независимости. Март 1938 — май 1940 г.»[85]

В трудах румынских историков получила широкое отражение деятельность видного румынского дипломата Н. Титулеску. О ней подробно рассказывается в богато документированной работе И. Опри[86], а также во многих статьях в румынской научной и публицистической литературе. В этой связи особого внимания заслуживает статья академика П. Константинеску-Яшь и профессора И. Опря[87]. Подчеркивая, что Титулеску занимал буржуазные классовые позиции, авторы этих работ в то же время отдают должное его пониманию опасности, угрожавшей суверенитету и независимости Румынии в связи с наступлением фашизма, показывают, что его дипломатическая деятельность в течение ряда лет отвечала миролюбивым устремлениям румынского народа и национальным интересам страны.

Предвоенной внешней политике Румынии посвящена интересная статья Г. Захария и Д. Туцу. Рассматривая, в частности, румыно-германские отношения в 1933—1936 гг., авторы пришли к следующему выводу: «...Румынская буржуазия, стремясь к укреплению экономических позиций путем расширения товарооборота со всеми капиталистическими странами, была заинтересована в использовании возможностей традиционных для Румынии рынков сбыта сельскохозяйственных продуктов — Германии и Италии... Но из-за того, что германское правительство выдвинуло невыгодные условия и требовало смены внешнеполитической ориентации Румынии, румынское правительство оказало сопротивление планам нацистского правительства...»[88]

Речь идет как раз о попытках Н. Титулеску предотвратить опасность, угрожавшую Румынии со стороны фашистской Германии, в дальнейшем потерпевших неудачу не только в связи с заинтересованностью румынской буржуазии в развитии связей с германским «рынком», но и главным образом вследствие ее антисоветизма и курса на фашизацию страны. В этом свете становится очевидной и непоследовательность показанных в статье усилий, направленных на заключение аналогичных договоров о

---

[85] *Мойсук В.* Дипломатия Румынии и проблемы защиты суверенитета и национальной независимости. Март 1938 — май 1940. Бухарест, 1971.
[86] *Oprea I.* Nicolae Titulescu. Bucureşti, 1966.
[87] *Constantinescu-Iaşi P., Oprea I.* O importantă figură a diplomaţiei europene — Nicolae Titulescu.— «Studii», 1961, N 6.
[88] *Zaharia Gh., Tuţu D.* Aspecte ale politicii externe a României în anii 1933—1936.— «Analele», 1965, N 5, p. 125.

ненападении или взаимной помощи Румынии с СССР и Германией[89].

В румынской историографии имеется ряд работ по венскому диктату, расчленившему страну и положившему начало полному подчинению румынских правящих кругов политике гитлеровской Германии. В этих работах показывается также борьба румынского народа против актов национального предательства, совершенного румынскими правителями, согласившимися на позорный «венский арбитраж»[90].

Само собой разумеется, историки Социалистической Республики Румынии главное внимание уделяли и уделяют исследованию роли народных масс, их борьбе против фашизма, за национальное и социальное освобождение, показу руководящей роли Коммунистической партии Румынии в этой борьбе. Библиография работ по этой тематике очень велика. Не имея возможности подробно останавливаться на ней, мы хотели бы, однако, обратить внимание на некоторые исследования, представляющие значительный научный интерес.

В этой связи следует упомянуть «Историю Румынии» под редакцией видного румынского историка М. Роллера. Эта книга, являющаяся первой попыткой создания подлинно научной истории страны, была переведена на русский язык в 1950 г. и получила заслуженное признание у советских историков[91].

В числе первых книг о деятельности массовых легальных организаций, созданных компартией в период фашизации страны, была работа известного румынского историка П. Константинеску-Яшь[92]. Она рассказывает об участии представителей различных слоев населения — рабочих, крестьян, служащих, преподавателей школ и университетов, артистов, юристов, студентов в антифашистском движении, показывает его размах, достижения и неудачи. В 1971 г. вышла в свет книга о деятельности одной из таких организаций — «Патриотическая защита»[93].

Значительный вклад в изучение рабочего движения внесла монография А. Романа, посвященная революционным боям рабочих-текстильщиков фабрики в г. Бухушь[94]. На основе документальных данных, в том числе ранее не публиковавшихся, автор на примере одного предприятия отчетливо показал руководящую роль компартии в организации масс на борьбу против капиталистической эксплуатации и произвола буржуазно-помещичьих властей.

---

[89] Ibid., p. 132.

[90] *Simon A.* Dictatul de la Wiena. Cluj, 1972; *Bunescu T.* Lupta poporului romin impotriva dictatului fascist de la Wiena. Bucureşti, 1971.

[91] История Румынии. Популярный очерк. Пер. с рум. М., 1950.

[92] *Constantinescu-Iaşi P.* Organizatii de masă conduse de Partidul Comunist din Romînia în anii 1932—1938. Bucureşti, 1952.

[93] *Matichescu O.* Apărarea patriotică. Bucureşti, 1971.

[94] *Roman A.* Din istoria luptelor revoluţionare ale muncitorilor textilisti de la fabrica de postav din Buhusi. Bucureşti, 1959.

В 1960 г. появилась первая монографическая работа о борьбе крестьян в период фашизации страны. Ее авторы Т. Джорджеску и Л. Фодор, исследовав архивные документы и прессу того времени, создали запоминающуюся картину крестьянского восстания в долине Гимеша, показали силу солидарности рабочих и крестьян, выступавших против господства буржуазии и помещиков [95].

Важным событием в изучении антифеодального характера первого этапа народной революции в Румынии стала публикация трехтомного сборника «Борьба КПР за создание союза рабочего класса с трудящимся крестьянством в движении за аграрную реформу в 1944—1945 гг.» [96] В его более чем тридцати статьях рассматриваются особенности массовых выступлений за аграрную реформу в различных областях страны, значение этой борьбы для установления демократической власти в Румынии.

К. Мурджеску одним из первых исследовал аграрный вопрос в период между двумя мировыми войнами, а также аграрную реформу 1945 г. В своей книге он показал также борьбу масс под руководством компартии за ликвидацию помещичьего землевладения после свержения фашистского режима [97].

Значительное число статей посвящено политической деятельности румынских коммунистов в армии, росту антифашистских настроений в ее рядах, особенно после разгрома гитлеровцев под Сталинградом. Об участии румын в партизанском движении в СССР, Чехословакии и Франции рассказывается в работах Г. Адоряну, П. Никиты и О. Олтяну [98]. Румынские историки проделали большую работу по исследованию различных аспектов борьбы масс во главе с компартией за свое национальное и социальное освобождение [99].

---

[95] *Georgescu T., Fodor L.* Rascoala ţăranilor din Valea Ghimesului (1934). Bucureşti, 1960.

[96] Din lupta PCR pentru inchegarea alianţei clasei muncitoare cu ţărănimea muncitoare in bătălia pentru reforma agrară din 1944—1945, vol. I—III. Bucureşti, 1955—1956.

[97] *Murgecsu C.* Reforma agrară din 1945. Bucureşti, 1955.

[98] *Nichita P., Adorianu Gh.* Date cu privire la participarea unor partizani români la lupta impotriva fascismului în detasamente de partizani din Uniunea Sovietică. Cehoslovacia şi Franţa.— «Analele», 1961, N 6; *Olteanu O.* Despre acţiunile unor grupuri de partizani Sovietici şi români care au luptat pe teritoriul Slovaciei. — «Analele», 1960, N 4.

[99] *Matei Gh.* Insurecţia armată din august 1944 — cotitura hoţarîtoare în istoria poporului român.— «Studii», 1964, N 4; *Georgescu T.* Contribuţia intelectualitatii la lupta antifascista din România 1933—1944.— «Analele», 1965, N 3; *Oprea I.* Organizarea si activitatea formaţiunelor patriotice de lupta.— «Studii», 1960, N 4; *Savu Al.* Lupta maselor populare sub conducerea PCR pentru răsturnarea primului guvern cu majoritate reactionară.— «Analele», 1959, N 6; *Liveanu V.* Din lupta PCR pentru unitatea clasei muncitoare.— «Studii», 1959, N 4; *Zaharescu V.* Intărirea partidului şi legăturilor lui cu masele — factor hotarîtor în lupta pentru organizarea şi infăptuirea insurecţiei armate din august 1944.— «Analele», 1962, N 4; *Udrea T.* Rolul comitetelor tărăneşti in faurirea alianţei dintre clasa muncitoare şi ţărănimea muncitoare sub

Первой попыткой обобщения результатов румынской историографии в области изучения борьбы масс против фашизма, за установление народной власти были лекции в помощь изучающим историю партии, подготовленные и опубликованные в 1956 г. Институтом истории партии при ЦК РРП. В 1961 г. они были изданы отдельной книгой [100] и явились ценным учебным пособием, хотя не были лишены определенных недостатков, охарактеризованных на пленуме ЦК РРП 30 ноября — 5 декабря 1961 г. как тенденция к некоторой идеализации истории партии, недостаточный показ ее борьбы против внутренних врагов и др.[101]

Несомненным достоинством этого издания, на наш взгляд, является верная оценка роли освободительного наступления Советской Армии по румынской территории для успеха августовского вооруженного восстания. «Продвигаясь вперед, освобождая один город за другим, одну область за другой,— говорится в книге,— славная Советская Армия разгромила главную группировку гитлеровских войск на территории страны и сыграла решающую роль в освобождении нашей страны» [102].

В целом ряде книг и статей, опубликованных в 70-х годах, детально освещается деятельность Коммунистической партии Румынии и организаций, работавших под ее идейным или организационным руководством [103].

Румынская историография изучаемого периода уделяет большое внимание показу активного участия Румынии в разгроме гитлеризма. В 1959 г. вышла первая крупная монография «Вклад Румынии в разгром фашистской Германии». Одна из ее частей посвящена также анализу экономического и политического положения страны в первой половине 1944 г., деятельности компартии по подготовке и проведению августовского восстания. В 1970 г. в Бухаресте была издана работа Е. Бантя, К. Николае и Г. Захария, подробно показывающая участие румынского народа и его армии в заключительной фазе войны против гитлеровской Германии [104]. Этой теме посвящены также статья К. Нико-

---

conducerea PCR.— «Studii», 1959, N 4; *Topalu V.* Din Lupta PCR pentru apărarea intereselor fundamentale ale maselor populare in perioada dictaturii regale 1938—1940.— «Studii», 1961, N 2.

[100] Lecţii in ajutorul celor care studiază istoria RPR. Bucureşti, 1961.

[101] «Scinteia», 13. XII 1961.

[102] Lecţii in ajutorul..., p. 461—462.

[103] См.: Istoria României. Compendiu. Bucureşti, 1969; *Ioniţa Gh., Ţuţui Gh.* Frontul Plugarilor (1933—1953). Bucureşti, 1970; Organizaţiile de masă legale şi ilegale create conduse sau influenţate de PCR 1921—1944, vol. I. Bucureşti, 1970; *Nedelcu F.* PCR in viaţa politică a României (1934—1940).— «Anale de istorie», Bucureşti, 1973, N 5; *Ţuţui Gh.* Partidul in perioada luptei pentru instaurarea puterii democrat-populare (august 1944— martie 1945).— «Revue d'histoire roumaine», Bucureşti, 1974, t. 27, N 3; *Simon A., Negoe S.* Comitetul naţional antifascist din Romania. Bucureşti, 1973.

[104] *Бантя Е., Николае К., Захария Г.* Румыния в антигитлеровской войне. Август 1944 — май 1945. Бухарест, 1970.

лае в обширной монографии по истории румынской армии, опубликованные в последнее время работы Г. Романеску, Л. Логина и Е. Бантя [105].

В 1965 г. вышел в свет сборник сообщений, представленных румынской делегацией на Международной научной конференции в Москве, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией [106]. Он содержит значительный и во многом новый фактический материал о решающей роли Коммунистической партии Румынии в свержении диктатуры Антонеску и саботаже антифашистской борьбы буржуазно-помещичьими партиями, о значительном вкладе румынского народа и его армии в разгром гитлеровского вермахта. Авторами помещенных в сборнике сообщений являются И. Попеску-Пуцурь, Г. Захария и И. Радулеску, В. Роман, В. Захареску и А. Петрик, генерал-майор К. Попа и подполковник Л. Логин, Н. Константинеску и В. Анеску.

Большой интерес представляет и сборник воспоминаний бойцов патриотических формирований рабочих и крестьян, участвовавших в антифашистской борьбе офицеров и генералов [107].

Ряд работ на исследуемую тему издан в Румынии в серии научных публикаций, издающейся с 1963 г. Некоторые из них вышли на русском языке [108]. В 1974 г. была переведена на русский язык и издана в СССР книга А. Петрика и Г. Цуцуй об установлении народно-демократического строя в Румынии [109]. Характерной чертой этих книг, написанных на основе достижений румынской историографии изучаемого периода, является показ освободительной борьбы народных масс под руководством компартии и вклада Румынии в дело антигитлеровской коалиции.

Августовское антифашистское восстание является предметом неустанного научного исследования в Румынии. Каждый год появляются все новые посвященные ему работы. В 1959 и 1964 гг. вышли специальные юбилейные номера журналов «Студии» и «Аналеле» соответственно по случаю 15- и 20-летия этого знаменательного события. В журнале «Анналы истории» (1972, № 3) напечатана статья Г. Матея об особенностях деятельности компартии по созданию Единого рабочего фронта в 1921—

---

[105] Страницы истории румынской армии. Бухарест, 1975; *Romanescu Gh., Loghin L.* Cronica participării armatei române la războiul mondial. Bucureşti. 1971; *Bantea E.* Les actions militares roumaines sur la cote de la Mer Noire pendant l'insurection nationale antifasciste d'août 1944.— «Revue d'histoire roumaine». Bucureşti, 1974, t. 13, N 1.

[106] Contributia Romaniei la victoria asupra fascismului. Bucureşti. 1965.

[107] Armata română in războiul antihitlerist. Bucureşti, 1965.

[108] *Гольдбергер Н., Захария Г.* Румыния во второй мировой войне. М., 1964; *Петрик А., Цуцуй Г.* Установление и укрепление народно-демократического строя в Румынии. Бухарест, 1964.

[109] Румыния в годы народно-демократической революции. 1944—1947. Пер. с рум. М., 1974.

1944 гг. За год до этого был издан сборник статей об августовском восстании 1944 г. [110]

Статья Н. Гольдбергера и Г. Захария, опубликованная в в 1962 г. в журнале Института истории партии, явилась первой работой, в которой специально исследовалось национальное и международное значение румынского движения Сопротивления [111]. Авторы отметили, что в период до 23 августа 1944 г. в Румынии основной формой антифашистской борьбы был саботаж. Он принимал все более широкий размах и содействовал срыву многих военных и экономических мероприятий режима Антонеску и гитлеровцев. С момента августовского восстания, указывается в статье, началась вооруженная борьба против фашизма, оказавшая глубочайшее влияние на внутриполитическое и международное положение в стране. Н. Гольдбергер и Г. Захария особо подчеркивают те выгоды, которые принес Румынии переход на сторону антигитлеровской коалиции.

В 1973 г. в книге «Европейское Сопротивление в годы второй мировой войны 1938—1945», вышедшей в Бухаресте, помещена статья Г. Захария «Румыния и Сопротивление народов Центральной и Юго-Восточной Европы накануне и в годы второй мировой войны...» [112].

* * *

Значительные достижения в исследовании событий в Румынии предвоенного и военного периода принадлежат советской исторической науке. Из общих трудов, в которых отражена эта тема, следует прежде всего указать на первую книгу 5-го тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза», охватывающую период с 1938 по 1945 г.[113] В ней, в частности, содержится анализ возглавлявшегося компартиями движения Сопротивления, в том числе и в Румынии, влияния героических усилий Советской Армии на развитие освободительной борьбы народов, решающей роли Советских Вооруженных Сил в избавлении от гитлеровского ига. «Победы, одержанные Красной Армией уже в начале Ясско-Кишиневской операции, оказали решающее влияние на политическую обстановку в Румынии,— подчеркивается в книге.— Под руководством Коммунистической партии Румы-

---

[110] *Matei Gh.* Aspecte şi trăsături ale activităţii PCR pentru Făurirea Frontului Unic Muncitoresc (1921—1944).— «Anale de istorie», 1972, N 3; August 44. Culegere de studii. Bucureşti, 1971.

[111] *Goldberger N., Zaharia Gh.* Caracterul naţional şi internaţional al miscării de rezistenţă din România.— «Analele», 1962, N 3.

[112] *Zaharia Gh.* România şi rezistenţa popoarelor din centrul şi sud-estul Europei in preajma şi in timpul celui de-al doilea război mondial.— In: Rezistenţa europeană in anii celui de-al doilea război mondial 1938—1945, vol. 1. Bucureşti, 1973.

[113] История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1. М., 1970, с. 591.

нии прогрессивные силы страны вечером 23 августа начали вооруженное восстание. Это восстание знаменовало исторический поворот в жизни румынского народа. Оно положило начало народной революции, которая привела к установлению народно-демократического строя и строительству социализма в Румынии».

Значение разгрома фашистских полчищ Советской Армией для успешного развития революции в Румынии показано в недавно вышедшем фундаментальном двухтомном труде «История внешней политики СССР». «После вступления Красной Армии в пределы Румынии,— отмечается в первом томе этого издания,— в Бухаресте 23 августа началось народное восстание. Опираясь на победы Красной Армии, румынские рабочие под руководством Коммунистической партии свергли фашистское правительство Антонеску» [114].

Решающая роль СССР в освобождении стран Европы, в том числе и Румынии, от немецко-фашистского господства освещается в фундаментальном многотомном труде «История второй мировой войны» [115]. Опираясь на большой фактический материал, авторы этого обобщающего исследования дают глубокий анализ причин возникновения второй мировой войны, показывают, как изменился характер войны после вступления в нее Советского Союза, раскрывают освободительную миссию Советских Вооруженных Сил, их решающий вклад в разгром германского фашизма и сотрудничавших с ним реакционных режимов, анализируют революционную ситуацию в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, приведшую к победе народно-демократических революций.

Участию Румынии во второй мировой войне значительное место отводится и в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» [116], а также в ряде историко-мемуарных работ, посвященных разгрому немецко-фашистских войск под Яссами и Кишиневом и освобождению Румынии от гитлеровского гнета.

Большая глава посвящена Румынии в фундаментальном труде об освободительной миссии Советских Вооруженных Сил в годы второй мировой войны. Хотя основное внимание в книге уделено военным аспектам этой проблемы, в ней показаны политика правящих кругов страны накануне и в период войны, борьба румынских трудящихся под руководством компартии против антинародного, прогитлеровского курса румынских правителей [117].

---

[114] История внешней политики СССР. 1917—1945. Под ред. А. А. Громыко и Б. Н. Пономарева. Изд. 2-е, ч. 1. М., 1976, с. 462.

[115] «История второй мировой войны 1939—1945» в двенадцати томах, т. 1—6. М., 1973—1976.

[116] «История Великой Отечественной войны 1941—1945», т. 1—6. М., 1960—1965.

[117] Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне, с. 135—136.

В книге «Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы» подробно освещается ход боевых действий 2-го и 3-го Украинских фронтов в 1944—1945 годах, а также содержится четкая политическая оценка событий того времени. «К лету 1944 г.,— говорится в этой работе,— когда Красная Армия вступила на территорию Румынии, перед ней встала задача — помочь народам Юго-Восточной Европы сбросить фашистское иго, завоевать свободу и независимость. Красная Армия при этом отнюдь не намеревалась навязывать силой общественный и социальный строй европейским народам. Это противоречило бы принципам ленинской внешней политики Советского государства, считавшего и считающего, что революцию нельзя принести на штыках. Но совершенно очевидно, что вступление армии социалистического государства не могло не создать благоприятных условий для свободного развертывания классовой борьбы, для установления внутренними революционными силами нового, более справедливого общественного порядка, освобождения трудящихся масс не только от чужеземного, но и от социального гнета» [118].

Ценным источником по изучаемой проблеме являются мемуары видных советских военачальников, принимавших активное участие в разработке и успешном осуществлении Ясско-Кишиневской операции, приведшей к разгрому немецко-фашистской группы армий «Южная Украина», свержению фашистской диктатуры Антонеску и изгнанию из страны гитлеровских оккупантов. Здесь прежде всего следует назвать воспоминания Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, Р. Я. Малиновского, М. В. Захарова, С. С. Бирюзова и генерала армии С. М. Штеменко [119].

Решающая роль Вооруженных Сил СССР в освобождении Румынии от гитлеровского ига делает вполне понятным широкий интерес советских исследователей к этим событиям. В 1974 г. вышла в свет еще одна книга — «В боях за свободу Румынии» [120]. Ее автор — военный историк А. В. Антосяк показывает, что после разгрома немецко-фашистской группы армий «Южная Украина» и августовского вооруженного восстания под руководством Коммунистической партии Румынии румынская армия повернула оружие против гитлеровской Германии. В книге освещаются совместные боевые действия советских и румынских войск в операциях по окончательному очищению Румынии от немецко-фашистских оккупантов, а также по освобождению Венгрии и Чехословакии. Автор подчеркивает, что советско-румынское боевое содружество, рожденное в совместных битвах

---

118 Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы, с. 44.

119 *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления, кн. 2. М., 1972; Ясско-Кишиневские Канны. М., 1964; *Бирюзов С. С.* Суровые годы. М., 1966; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны, кн. 2. М., 1974.

120 *Антосяк А. В.* В боях за свободу Румынии. М., 1974.

против фашизма, получило дальнейшее развитие в послевоенные годы и стало одним из ярких проявлений единства социалистических стран в борьбе за мир во всем мире. Эта тема нашла отражение и в работе М. Е. Монина «Содружество, рожденное в боях».

Вместе с тем советская историография уделяет все возрастающее внимание также проблемам, связанным с политикой румынских правящих кругов накануне и в период второй мировой войны, стремясь полнее исследовать причины, которые толкнули эту страну на гибельный для нее путь антисоветизма и участия в агрессии гитлеровской Германии против СССР. Начало научной разработки этой важной темы относится к первым двум послевоенным десятилетиям, когда в нашей литературе начали появляться работы, в которых в большей или меньшей степени затрагивались упомянутые вопросы.

Процессу фашизации страны в 1934—1937 гг. посвящен ряд исследований А. А. Язьковой. Ее перу принадлежит одна из первых советских монографий, показавших фашистский характер королевской диктатуры в Румынии. Анализируя предвоенную внешнюю политику румынских правящих кругов, автор приходит, на наш взгляд, к правильному выводу о том, что они еще в 1936—1937 гг. стали на путь постепенной изоляции Чехословакии и фактической поддержки германской агрессии против нее, а весной и летом 1938 г. предприняли ряд шагов, облегчивших мюнхенский сговор. Ею же написана интересная монография «Малая Антанта в европейской политике. 1918—1925» [121], в которой освещен ряд важных проблем истории внешней политики Румынии. По истории внутренней и внешней политики правящих кругов Румынии в межвоенные годы опубликован также и ряд статей того же автора [122].

Сущность политики германского империализма и губительные последствия его хозяйничанья в довоенной Румынии рассмотрены в книге А. А. Шевякова, а также в ряде его статей [123].

---

[121] *Язькова А. А.* Румыния накануне второй мировой войны. М., 1973; *она же.* Малая Антанта в европейской политике. 1918—1925. М., 1974.

[122] *Язькова А. А.* Борьба румынского народа против наступления реакции и фашизма в 1935—1937 гг.— «Вопросы истории», 1960, № 12; *она же.* Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Румынией в 1934 г.— «Новая и новейшая история», 1964, № 6; *она же.* Малая Антанта и Мюнхен.— «Новая и новейшая история», 1967, № 4; *она же.* О некоторых вопросах изучения фашизма в Румынии.— «Вопросы истории», 1970, № 3; *она же.* Малая Антанта и проблемы коллективной безопасности в Восточной Европе.— «Новая и новейшая история», 1972, № 6, и др.

[123] *Шевяков А. А.* Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии (1936—1941 гг.). Кишинев, 1964; *он же.* Из истории экономической экспансии германского империализма в Румынии в 1936—1941 гг.— «Вопросы истории», 1961, № 12; *он же.* Превращение гитлеровской Румынии в плацдарм для нападения на СССР.— «Новая и новейшая история», 1962; № 4; *он же.* Внешняя политика СССР и советско-румынские отношения (январь — август 1939 г.).— «История СССР», 1974, № 1.

Этой теме посвящено и несколько работ И. Н. Чемпалова[124].

Внимание советских исследователей привлекают и другие вопросы румынской истории предвоенных и военных лет. В работах Б. М. Колкера, Я. М. Копанского и И. Э. Левита разоблачаются антисоветские происки гитлеровской Германии и Румынии в предвоенные годы, освещаются захватнические планы румынских правящих кругов, а также некоторые проблемы внешней политики буржуазно-помещичьей Румынии[125]. Анализ аграрных отношений в буржуазно-помещичьей Румынии дан в работе экономиста Н. П. Фролова[126]. А. И. Соколан посвятил свою статью анализу позиций румынских марксистов по вопросу о характере и движущих силах народной революции накануне второй мировой войны[127].

В 1961 г. на украинском языке в Киеве вышла книга С. М. Пархомчука «Рождение новой Румынии. Антифашистское движение и победа народной демократии в Румынии (1941—1945 гг.)»[128]. Она вошла составной частью в подготовленную С. М. Пархомчуком докторскую диссертацию «Революционная борьба румынских трудящихся за развитие страны по демократическому пути, за мир и дружественные отношения с СССР», которая охватывает период с 1918 по 1945 г.[129]

Предпосылки и основные этапы народной революции в Румынии освещаются также в монографии М. Г. Сазиной «Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя (1944—1947)». Видное место в книге зани-

---

124 *Чемпалов И. Н.* Германская экспансия на Балканах в 1938—1939 гг.— «Уч. зап. Уральского гос. ун-та». Свердловск, 1958; *он же.* К истории заключения германо-румынского экономического соглашения 1939 г.— «Новая и новейшая история», 1959, № 1; *он же.* К вопросу о германском ультиматуме Румынии (март — апрель 1939 г.) — В кн.: Рабочее движение и международные отношения в зарубежных странах. Свердловск, 1960; *он же.* Завершение оккупации Румынии немецко-фашистскими войсками (январь — март 1941 г.) — «Уч. зап. Уральского гос. ун-та». Свердловск, 1968, № 63, вып. 6.

125 *Левит И. Э.* Захватнические планы буржуазно-помещичьей Румынии накануне второй мировой войны.— «Уч. зап. Молдавского филиала АН СССР», Кишинев, 1957, т. VI; *Копанский Я. М., Левит И. Э.* Происки гитлеровской Германии в Румынии и новые тенденции во внешней политике румынских правящих кругов (1933—1934).— В кн.: Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974; *Колкер Б. М., Левит И. Э.* Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939— июнь 1941). М., 1971.

126 *Фролов Н. П.* Аграрные отношения в буржуазно-помещичьей Румынии.— «Труды Кишиневского сельскохозяйственного ин-та», 1958, т. 17.

127 *Соколан А. И.* Румынские марксисты о характере и движущих силах народной революции накануне второй мировой войны.— В кн.: Ленинское философское наследие и современность. М., 1975.

128 *Пархомчук С. М.* Народження нової Румунии. Антифашистский рух и перемога народної демократии в Румунии (1941—1945 рр). Київ, 1961.

129 *Пархомчук С. М.* Революционная борьба румынских трудящихся за развитие стран по демократическому пути, за мир и дружественные отношения с СССР. Киев, 1963.

мает показ борьбы за демократизацию страны после 23 августа 1944 г.[130] Ю. К. Томшин посвятил свою работу борьбе Коммунистической партии Румынии за единство рабочего класса в 1944—1948 гг., Ф. П. Шевченко — участию румын в партизанском движении на оккупированной советской территории[131].

Следует особо отметить книгу В. Л. Исраэляна[132]. Исследовав широкий круг архивных документов и литературы по истории антигитлеровской коалиции и внешней политики СССР в годы Великой Отечественной войны, автор детально показал ход переговоров в Каире между представителями трех союзных держав и официальными уполномоченными Румынии относительно выхода последней из войны на стороне фашистского блока.

За последнее десятилетие советская историография обогатилась значительным числом новых книг, полностью или частично посвященных Румынии довоенного и военного периода. Помимо уже перечисленных можно, например, указать на книгу Д. М. Проэктора «Агрессия и катастрофа»[133]. В этом обширном исследовании хода и исхода второй мировой войны большое внимание уделено показу предательства, совершенного кликой Антонеску по отношению к румынскому народу, ее роли гитлеровской агентуры в Румынии. В книге приведены также многочисленные документы, подтверждающие, что преступная деятельность этой клики стала возможной вследствие поддержки, оказываемой ей румынской монархией и буржуазно-помещичьей реакцией, чья ненависть к СССР и стремление к захвату советских территорий привели Румынию на грань национальной катастрофы.

Захватнические тенденции румынской реакции в годы войны и предшествовавший период обстоятельно рассмотрены в труде А. М. Лазарева «Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос»[134]. Для понимания сущности этой проблемы большой интерес представляет и работа первого секретаря ЦК Компартии Молдавии И. И. Бодюла «Присоединение Бессарабии к России и исторические судьбы молдавского народа»[135].

Следует также упомянуть статью Н. А. Паклина «Крах дик-

---

[130] *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя (1941—1945). М., 1963.

[131] *Томшин Ю. К.* Борьба Коммунистической партии Румынии за единство рабочего класса в 1944—1948 гг.— В кн.: Новая и новейшая история Румынии. М., 1963; *Шевченко Ф. П.* Участие венгров и румын в партизанском движении на Украине в годы Великой Отечественной войны Советского Союза.— «Новая и новейшая история», 1961, № 5.

[132] *Исраэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция 1941—1945, М., 1964.

[133] *Проэктор Д. М.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне. 1939—1945. М., 1972.

[134] *Лазарев А. М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974.

[135] *Бодюл И. И.* Присоединение Бессарабии к России и исторические судьбы молдавского народа.— «Вопросы истории», 1972, № 8.

татуры Антонеску», опубликованную в журнале «Новая и новейшая история» и содержащую интересный фактический материал об антинародной политике румынских правящих кругов в период войны [136].

Ряд работ по истории Румынии предвоенного и военного периода опубликовал также автор настоящего исследования. Среди них — книги о балканской политике и роли румынских правителей в 30-х годах в Малой и Балканской Антантах, о внутриполитическом и международном положении страны в 1938—1945 гг., статьи об отношении правящих кругов Румынии к «балканскому варианту» Черчилля, о борьбе за установление народной власти в Румынии в период с 23 августа 1944 г. по 6 марта 1945 г. и ряд других [137].

В обобщающем труде советских специалистов по истории Румынии в 1918—1970 гг., изданном в 1971 г. под редакцией автора данной монографии, затрагиваются многие из проблем, исследуемых в настоящей работе [138]. Это прежде всего вопросы экономического развития, внутриполитической борьбы, внешнеполитической деятельности Румынии того периода и др.

* * *

Настоящее исследование одного из наиболее динамичных периодов румынской истории, когда сам ход общественного развития, революционная борьба масс под руководством коммунистиче-

---

[136] *Паклин Н. А.* Крах диктатуры Антонеску.— «Новая и новейшая история» 1970, № 3 и 4.

[137] *Лебедев Н. И.* За мир на Балканах. М., 1960; *он же.* Румыния в годы второй мировой войны. Внешнеполитическая и внутриполитическая история Румынии в 1938—1945 гг. М., 1961; *он же.* «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер (Из истории румынского фашизма, монархии и ее внешнеполитической «игры на двух столах»). М., 1968; *он же.* Падение диктатуры Антонеску. М., 1966; *он же.* «Балканский вариант» англо-американской стратегии во второй мировой войне.— «Новая и новейшая история», 1959, № 5; *Lebedev N. I.* Varianta balcanică a strategiei anglo-americane in perioada celui de al doilea război mondial.— «Analele romino-sovietice», 1960, N 1 (29); *Лебедев Н. И.* Борьба за установление народной власти в Румынии в период с 20 августа 1944 г. по 6 марта 1945 г.— В кн.: Новая и новейшая история Румынии. М., 1963; *он же.* Коммунистическая партия Румынии — организатор антифашистской борьбы и победы вооруженного восстания 23 августа 1944 года.— «Вопросы истории», 1964, № 7; *он же.* «Исторические партии» Румынии в период антисоветской войны 1941—1944 гг.— «Вопросы истории», 1965, № 12; *он же.* Нарастание кризиса верхов в Румынии в годы второй мировой войны.— «Новая и новейшая история», 1966, № 3; *он же.* Некоторые вопросы внешнеполитической истории Румынии в освещении буржуазной историографии.— «Новая и новейшая история», 1967, № 3; *он же.* Румыния 1944—1964.— В кн.: История зарубежных стран, т. 1. М., 1965. См. также: *Лебедев Н. И., Карпещенко Е. Д.* История Румынской Народной Республики (Краткий очерк). М., 1964; *Виноградов В. Н., Карпещенко Е. Д., Лебедев Н. И., Язькова А. А.* История Румынии нового и новейшего времени. М., 1964, и др.

[138] История Румынии. 1918—1970. М., 1971.

ской партии привели к отпадению Румынии от капиталистической системы, основывается на охарактеризованных выше работах историков СССР и СРР. Большое значение для изучения истории народной революции, развернувшейся в Румынии после свержения фашизма 23 августа 1944 г., имеют и другие работы. В этой связи хотелось бы отметить исключительную важность комплексных исследований, которые ведутся Научным советом Академии наук СССР, возглавляемым академиком И. И. Минцем, по истории Великой Октябрьской социалистической революции. Эти исследования показывают неразрывную связь Октября с последующими социалистическими революциями, выявляют их общие закономерности и национальную специфику, подтверждая тем самым великую жизненную силу марксизма-ленинизма. Изучение народной революции в Румынии, выявление ее объективной необходимости и неизбежности представляет большой научный и политический интерес.

Исследование этой темы имеет еще большое значение потому, что политика румынских правящих кругов в предвоенный период, приведшая к фашизации страны, окончательной утрате политической и экономической независимости и неисчислимым бедствиям и страданиям народных масс, является еще одним подтверждением научной несостоятельности измышлений буржуазной историографии относительно «отсутствия» в Румынии того времени предпосылок для освободительного движения масс. Важность такого исследования, как уже отмечалось, особенно очевидна в свете современной обстановки в мире, когда противники разрядки напряженности не брезгуют поддержкой и даже союзом с неофашистами, чтобы спасти гибнущий капитализм, остановить, а по возможности и повернуть вспять ход исторического развития человеческого общества.

Несмотря на большое число опубликованных работ тема исследования еще далека от того, чтобы считаться изученной. Речь идет не только о необходимости конкретного научного анализа истории возникновения фашизма в Румынии, его кратковременного господства и последующего крушения. Исследование истории фашизма в той или другой стране дает возможность правильно понять это явление, порожденное загниванием капитализма на монополистической стадии развития, характерной чертой которого, по выражению В. И. Ленина, является реакция по всем линиям.

Теоретической основой исследования явилось марксистско-ленинское учение об общественном развитии, дающее ключ к пониманию экономической и политической истории буржуазно-помещичьей Румынии.

Произведения В. И. Ленина исключительно важны для выяснения политических последствий роста государственно-монополистических тенденций и причин наступления реакции и фашизма в Румынии. Шаги к большей монополизации и огосударствле-

нию капиталистического производства, как указывал В. И. Ленин, сопровождаются «усилением реакции и военного деспотизма»[139]. В. И. Ленин выявил реакционную роль господства империалистов в Румынии и других странах, где они выступали врагами всякого прогресса и демократического движения: «Ничего, кроме поддержки гнилья и застоя, кроме бюрократических помех свободе, не несет Балканам даже самая «либеральная» буржуазная Европа...»[140]

Известное сходство социально-экономического развития буржуазно-помещичьей Румынии и царской России, проявившееся в сохранении пережитков феодализма и незавершенности буржуазно-демократических революций, делает для исследователя румынской истории особенно ценными такие ленинские работы, как «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Демократические задачи революционного пролетариата», «Вопрос о земле и борьба за свободу», «Аграрный вопрос и силы революции» и др.[141]

В трудах В. И. Ленина мы находим обоснование гегемонии пролетариата в демократической революции, показ реакционной сущности буржуазии, которая ради сохранения своих привилегий готова пойти на национальное предательство. «Буржуазия показала всему миру, что, когда наступает тяжелый кризис, когда нация в опасности, буржуазия управлять не может»[142]. Свидетельством этому явился тот факт, что организатором и руководителем августовского антифашистского восстания 1944 г. в Румынии явились не буржуазные партии и монархия, а революционный авангард рабочего класса — Коммунистическая партия.

Только руководствуясь ленинскими положениями о революционном кризисе и революционной ситуации, можно понять сложный процесс вызревания революции в Румынии, протекавший в условиях войны и фашистского господства.

Работа В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» лежит в основе тактики коммунистических и рабочих партий, руководящих освободительной борьбой трудящихся масс. Она позволяет глубоко понять также тактическую линию КПР в исследуемый период борьбы за свержение фашизма и установление народно-демократической власти. О необходимости собственного опыта масс для их высвобождения из-под влияния буржуазии как условия победы революции говорится в одном из «Писем из далека» Ленина.

В. И. Ленин обратил внимание на объективную неизбежность саморазоблачения буржуазии. «При известных обстоятельст-

---

[139] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 450.
[140] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 142.
[141] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, 10, 13, 15.
[142] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 233.

вах, в наилучшем для него случае,— писал он о правительстве, установившемся в России после Февральской революции, свергнувшей монархию,— новое правительство может несколько оттянуть крах, опираясь на все организаторские способности всей русской буржуазии и буржуазной интеллигенции. Но даже в этом случае оно *не в силах* избежать краха, ибо *нельзя* вырваться из когтей ужасного, всемирным капитализмом порожденного чудовища империалистской войны и голода, не покидая почвы буржуазных отношений, не переходя к революционным мерам, не апеллируя к величайшему историческому героизму и русского и всемирного пролетариата» [143].

Это ленинское замечание во многом подходит к политической обстановке в Румынии в период с 23 августа 1944 до 6 марта 1945 г., когда буржуазия безуспешно пыталась остановить развитие народной революции.

Не имея возможности перечислить все богатство ленинских идей, которые составили теоретическую базу настоящего исследования, хотелось бы напомнить еще одну мысль В. И. Ленина, имеющую прямое отношение к объяснению своеобразного развития победоносной народной революции в Румынии. Речь идет о ленинском предвидении возможности мирной победы революции, о возможности мирной уступки «власти буржуазией, если она убедится в безнадежности сопротивления и предпочтет сохранить свои головы» [144]. Возникновение этой возможности В. И. Ленин связывал с наличием на международной арене мощного социалистического государства.

Для оценки реакционного внешнеполитического курса буржуазно-помещичьей Румынии важно ленинское указание о том, что нет и не может быть надклассовой внешней политики, что внешняя политика буржуазного государства выражает интересы господствующего класса, а не всей нации или народа. Между внешней и внутренней политикой существует теснейшая связь. «Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противополагать внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль» [145].

В свете этого указания становится особенно понятной внешнеполитическая ориентация румынских правящих кругов на гитлеровскую Германию, диктовавшаяся их экономическими и политическими интересами и вытекавшая из политики фашизации страны.

Огромное значение для изучения проблемы имеет исторический опыт КПСС и мирового коммунистического движения, отраженный в программных документах нашей партии и Коммунистического Интернационала, в докладах, речах и выступлениях

---

[143] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 37.
[144] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 122.
[145] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и других руководителей партии и Советского правительства [146]. Правильным пониманием задач и путей борьбы с угрозой фашизма вооружили в свое время коммунистов всех стран решения VII конгресса Коминтерна (август 1935 г.) [147].

В докладе Г. М. Димитрова VII конгрессу Коминтерна «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма» и ряде его работ, в том числе «Фашизм на Балканах», дается анализ экономических и политических причин и особенностей фашистского движения в странах Юго-Восточной Европы, а также определены конкретные задачи и формы антифашистской борьбы [148].

Документы конференций и съездов РКП содержат глубокий анализ борьбы румынского народа за национальное и социальное освобождение, народной революции, начатой вооруженным восстанием 23 августа 1944 г. В произведениях Г. Георгиу-Дежа нашли отражение многие вопросы экономического и политического развития Румынии и ее международного положения в предвоенный и военный период [149]. Особую ценность для исследования проблемы имеют «Документы из истории Румынской коммунистической партии» [150].

Для понимания проблематики исследуемой темы большое значение имеют доклады, речи и статьи Генерального секретаря Румынской коммунистической партии Н. Чаушеску [151].

В партийных документах Коммунистической партии Румынии подчеркнуто значение интернациональной помощи СССР для успеха освобождения Румынии от гитлеровского ига. «В огне войны против фашизма создалось румыно-советское братство по оружию, крепла братская дружба нашего народа к стране

---

[146] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961; Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971; Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976; *Брежнев Л. И.* Великая победа советского народа.— Ленинским курсом. Статьи и речи, т. 1. М., 1970; *он же.* Пятьдесят лет великих побед социализма.— Ленинским курсом. Статьи и речи, т. 2. М., 1970; *он же.* За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы.— Там же; *он же.* О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик.— Ленинским курсом. Статьи и речи, т. 4. М., 1974; *он же.* Великий подвиг советского народа.— Ленинским курсом. Статьи и речи, т. 5. М., 1976.

[147] Резолюция VII Всемирного конгресса Коминтерна. М., 1935.

[148] *Димитров Г. М.* Избр. произв., т. I—II. М., 1957.

[149] *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи (1945—1956 гг.), т. I—II. М., 1956; *он же.* Статьи и речи (1960—1962 гг.) Бухарест, 1963; *Cheorghiu-Dej Gh.* Articole şi cuvintări (1955—1959). Bucureşti, 1959; *idem.* Articole şi cuvintări (1959—1961). Bucureşti, 1961.

[150] Documente din istoria PCR (1917—1944). Bucureşti, 1951; Documente din istoria PCR (1934—1937). Bucureşti. 1957.

[151] *Ceauşescu N.* România pe drumul desăvârşirii construcţiei socialiste., vol 1—6. Bucureşti, 1969—1972; *idem.* România pe drumul construirii societăţii socialiste multilateral dezvoltate, vol. 7, Bucureşti, 1973.

победившего социализма — Советскому Союзу, горячая признательность к Советской Армии-освободительнице, воины которой пролили свою кровь за свободу нашей страны»[152],— заявил Г. Георгиу-Деж в докладе о 40-й годовщине партии в мае 1961 г. В докладе Генерального секретаря РКП Н. Чаушеску на съезде работников политического просвещения и социалистической культуры в июне 1976 г. подчеркнута роль Советского Союза, его Вооруженных Сил в деле освобождения Румынии в годы второй мировой войны[153].

Наряду с этими документами важной основой настоящего исследования явились соответствующие материалы советских и румынских архивов, в значительной части ранее не публиковавшиеся.

Изучение ряда фондов Архива Центрального Комитета Коммунистической партии Румынии позволило яснее представить деятельность компартии, ее политическую и тактическую линию в борьбе против фашизма и за установление народно-демократической власти, ее усилия по созданию антигитлеровского фронта, переговоры по этому вопросу с деятелями «исторических» партий и т. п. Много фактов, относящихся к характеристике румынского антифашистского движения Сопротивления, содержат информационные бюллетени сигуранцы и других правительственных секретных служб. Особую ценность для исследователя имеют стенограммы заседаний правительств Румынии в рассматриваемый период. Исключительный интерес представляют хранящиеся в этом архиве рукописные дневники бывшего премьер-министра Арманда Калинеску и видного буржуазного политика Константина Аржетояну[154].

Большой фактический материал о жизни трудящихся масс и их борьбе против фашистской диктатуры и антисоветской войны, внутреннем положении в стране, антифашистских и антивоенных настроениях в румынской армии почерпнут из фондов Центрального архива Института истории партии при ЦК РКП, Государственного архива в Бухаресте, Архива министерства вооруженных сил[155]. Здесь же имеются материалы о военной подготовке и развертывании августовского антифашистского вооруженного восстания. В архиве министерства иностранных дел удалось ознакомиться с документами о румыно-германских отношениях[156].

---

[152] *Gheorghiu-Dej Gh.* Articole şi cuvîntări (1959—1961), p. 440.

[153] «Scînteia», 4.VI 1976.

[154] Arhiva CC al PCR, fond 104, Argetoianu C. Insemnări zilnice; fond 2, Calinescu A. Insemnari-notice.

[155] Arhiva Ministerului Forţelor Armate, fond Marele Stat-Major; Arhiva Statului Bucureşti, fond Presedinţia Consiliului de ministri.

[156] Arhiva Ministerului Afacerilor Externe, fond Germania.

В работе использованы и некоторые опубликованные в Румынии архивные материалы. Часть из них относится к деятельности компартии по подготовке и проведению вооруженного восстания 23 августа 1944 г., борьбе масс в годы войны [157]. Необходимо также отметить опубликованные стенограммы судебных процессов над главными румынскими военными преступниками во главе с Антонеску и над руководителями национал-царанистской партии [158]. В этих документах содержится ценный материал для изучения многих важных политических и экономических проблем румынской истории предвоенных и военных лет. Чрезвычайно интересны материалы, относящиеся к мятежу железногвардейцев в январе 1941 г.[159]

Длительная работа над многочисленными микрофильмами румынских архивных документов в Историко-дипломатическом архиве МИД СССР позволила подробно изучить внутреннюю и внешнюю политику фашистского правительства Антонеску. Эти материалы характеризуют положение Румынии в гитлеровском блоке, показывают цели участия румынских правящих кругов в антисоветской войне. Документы раскрывают взаимоотношения румынского фашистского диктатора с монархией и руководством буржуазных партий, нарастание «кризиса верхов» после наступления коренного перелома в ходе второй мировой войны.

Автор ознакомился также с некоторыми документами из Архива внешней политики СССР, касающимися советско-румынских отношений в предвоенный период и отражающими миролюбивую и справедливую политику Советского Союза в отношении Румынии, его борьбу в защиту свободы и независимости румынского народа. Важным источником по этому вопросу явились опубликованные документы внешней политики СССР [160].

Для анализа политики империалистических держав в отношении Румынии большой интерес представляют дипломатические документы, опубликованные в США, Англии и других странах [161]. Критически проанализированы также фактические данные, содержащиеся в буржуазной литературе.

---

[157] Documente privind pregătirea şi infăptuirea sub conducerea PCR a insurecţiei armate de 23 august 1944.— «Analele», 1959, N 4; Documente privind starea de spirit a maselor...— «Analele», 1961, N 4.

[158] Procesul marii trădări naţionale. Bucureşti, 1946; Le procès des dirigeants de l'ancien parti national-paysan. Bucureşti, 1947.

[159] Pe marginea prăpăstiei, vol. I—II. Bucureşti, 1941.

[160] Внешняя политика СССР, т. I—VI. М., 1944—1947; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. I—III. М., 1946—1947; Документы внешней политики СССР, т. I—XX. М., 1959—1976.

[161] Documents on German Foreign Policy (1918—1945), Series D. Washington — London, 1951—1960; Documents on British Foreign Policy (1919—1939), Third series. London, 1949—1955; Foreign Relations of U. S. Diplomatic Papers (1932—1939). Washington, 1944—1947; I documenti diplomatici italiani. series S. Roma, 1947—1953.

На основе этих материалов автор, руководствуясь марксистско-ленинской методологией изучения истории, стремился выявить основные внутренние и внешнеполитические факторы социально-экономического развития Румынии, вскрыть особенности румынского фашизма предвоенных и военных лет, показать борьбу трудящихся масс под руководством компартии против его господства, нарастание движения Сопротивления, подготовку и осуществление антифашистского вооруженного восстания 23 августа 1944 г.

Важное место в книге занимает исследование предпосылок народной революции и ее развития, решающей роли СССР в освобождении Румынии от гитлеровского ига и создании благоприятных условий, обеспечивших румынскому народу, прошедшему через горнило борьбы с фашизмом, возможность свободно избрать путь, приведший к созданию процветающей и независимой Румынии — равноправного члена могучего социалистического содружества.

Глава первая

НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ И ФАШИЗМА

7 июня 1931 г. в Синайю, где находилась летняя резиденция Кароля II, приехали два румынских магната — Н. Малакса и М. Аушнит. Они были встречены адъютантом короля П. Думитреску, который взялся, разумеется небезвозмездно, устроить им встречу с монархом. Он проводил их во внутренние покои дворца, где они и предстали перед Каролем II. Когда были отвешаны все положенные поклоны, заговорил Аушнит. В своей речи он отметил успехи румынской промышленности и подчеркнул, что они достигнуты благодаря королевской поддержке. Затем Малакса, державший в руках туго набитый портфель, протянул его королю со словами:

— Ваше величество, крупная промышленность просит вас принять сто миллионов лей в знак признательности за вашу заботу о ее процветании.

Позднее, рассказывая друзьям об этой сцене, Малакса говорил: «Мы ожидали, что последует большой скандал и нас выставят из дворца. Но ничего подобного не случилось. Кароль II поочередно пожал нам руки, а затем наградил орденами. Вечером мы играли все вместе в бридж, и никто не произнес ни единого слова о том, что произошло на аудиенции» [1].

А произошло то, что вскоре оказало непосредственное влияние на всю экономическую и политическую жизнь страны. Ибо в действительности Малакса и Аушнит тогда вручили Каролю II не столько плату за уже проявленную «заботу» об их интересах, так как прошел всего лишь год со времени его восстановления на румынском престоле, сколько аванс в счет будущих выгод, которые сулило им его правление. В дальнейшем такие встречи стали регулярными, причем сумма, вручаемая Малаксой и Аушнитом королю, ежегодно удваивалась и утраивалась, а в 1936 г. достигла 650 млн. лей. За десять лет своего пребывания на румынском престоле Кароль II, являвшийся богатейшим помещиком страны, стал также одним из крупнейших капиталистов, совладельцем 34 промышленных предприятий и нескольких банков [2].

[1] См.: *Gărneaţa A.* Adevărată istorie a unei monarhii. Bucureşti, 1948, p. 110.
[2] Ibidem.

Что касается Малаксы, Аушнита и стоявших за ними монополистических кругов, то свои затраты на выражение «признательности» они с лихвой возместили за счет созданных политикой Кароля II благоприятных условий для колоссального увеличения прибылей и дальнейшего усиления эксплуатации трудящихся. Таким образом, встреча в Синайе летом 1931 г. положила начало сделке, имевшей тяжелые последствия для народных масс. Чтобы представить ее сущность, необходимо хотя бы вкратце рассмотреть положение в стране в тот период.

Румыния тогда была экономически отсталой, преимущественно аграрной страной. К началу 30-х годов 76,7 % ее самодеятельного населения было занято в сельском хозяйстве и только 7,9% — в промышленности[3]. Удельный вес последней в производстве валового продукта даже во второй половине того же десятилетия не превышал 35%, а ее доля в национальном доходе была еще меньше — 33,7% [4].

Наряду с укреплявшим свои позиции монополистическим капиталом в стране существовали значительные остатки феодально-крепостнических отношений, что явилось следствием особенностей развития капитализма в Румынии. Слабая и склонная к компромиссу с помещиками, румынская буржуазия не могла ликвидировать феодальные пережитки, в первую очередь помещичье землевладение, не подвергая опасности частную собственность вообще. Поэтому она предпочла вступить в союз с помещиками.

На реакционный характер этого альянса в свое время указала компартия Румынии. Г. Георгиу-Деж подчеркивал: «В период развития капитализма в Румынии буржуазия пошла на сговор с помещиками с целью подавления народной борьбы. В основу этого сговора легло сохранение крупного помещичьего землевладения, что обусловило сохранение значительных феодальных пережитков в нашей экономике и экономическую и социальную отсталость нашей страны. Эта особенность развития Румынии усугубила страдания рабочего класса и трудящегося крестьянства»[5].

В стране царил режим беспощадной эксплуатации широких народных масс.

На промышленных предприятиях рабочий день длился 10—12, а в ряде случаев и более часов, а заработная плата была нищенской, причем ее реальная ценность из года в год падала вследствие непрерывного удорожания продуктов питания и предметов первой необходимости. Прибыли же заводчиков и фабрикантов достигали баснословных размеров. Чтобы представить, насколько беззастенчиво грабила буржуазия трудящихся,

[3] См.: Economia Romîniei între anii 1944—1959. Bucureşti, 1959, p. 636.
[4] См.: Социалистическая индустриализация стран народной демократии. М., 1960, с. 181—182.
[5] *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи, т. I. М., 1956, с. 324.

достаточно привести, например, такие данные: за один лишь год прибыли кучки владельцев промышленных предприятий составили 18 млрд. лей, между тем как заработная плата, выплаченная ими за это же время 289 400 рабочим, лишь немногим превышала 8 млрд. лей[6].

Не лучшим было и положение крестьянства.

В деревне властвовали помещики и кулаки. Составляя всего 8% сельского населения, они владели 52% обрабатываемой площади, в то время как на долю 74,9% крестьянской бедноты приходилось лишь 28% земли[7]. Подавляющее большинство жителей села, задыхавшееся в тисках безземелья, несло также тяжелое бремя всевозможных феодальных повинностей, отработок, издольщины, непомерных налогов и иных поборов, не вылезало из долговой кабалы. Ко всему этому надо добавить, что грабительская политика цен, проводившаяся правящими кругами страны, имела гибельные последствия и для деревни. Так, за период между двумя войнами промышленные товары, необходимые крестьянину, вздорожали по сравнению с продуктами сельского хозяйства в 3—5 раз[8].

Положение трудящихся масс особенно ухудшилось в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. В Румынии он проявился с большой остротой вследствие низкого уровня развития экономики страны, зависимости от иностранного капитала, уродливого переплетения усиливавшегося господства монополистического капитала с пережитками феодально-крепостнических отношений. В эти годы катастрофически сократилось промышленное производство, многие предприятия закрылись, другие были загружены лишь частично. Уже к осени 1930 г. биржевые цены на пшеницу и кукурузу упали наполовину, что привело к резкому сокращению посевных площадей. Так, к 1933 г. по сравнению с 1928 г. они составляли всего одну треть, причем их уменьшение произошло в основном за счет крестьянских хозяйств, где себестоимость производства зерна оказалась вдвое выше, чем доходы от его продажи.

Полностью были дезорганизованы финансы страны. Число банковских промышленных фирм, объявлявших себя банкротами, ежегодно росло, достигнув огромной цифры — 8357.

Одним из основных элементов экономической политики румынских правящих кругов, целиком направленной на обеспечение их собственных интересов, являлись систематические финансовые инъекции для буржуазии и помещиков за счет внешних займов и привлечения иностранных инвестиций. Это привело к образованию огромного внешнего долга, ежегодные выплаты по которому поглощали немалую часть национального дохода. Бо-

---

[6] См.: Breviarul statistic al Romîniei, vol. II. Bucureşti, 1939, p. 478.

[7] См.: Anuarul statistic al Romîniei. 1939—1940. Bucureşti, 1940, p. 403.

[8] См.: *Frunzănescu I.* Preţurile agricole şi industriale în 1939. Bucureşti, 1941, p. 10, 11, 57.

лее того, для их погашения румынское правительство прибегло к получению новых займов, вследствие чего общая сумма внешнего долга не только не уменьшалась, но, напротив, продолжала быстро возрастать. Одновременно из года в год усиливалось проникновение иностранных монополий в румынскую экономику. В 30-х годах им уже принадлежало около 50% промышленного, более 30% банковского капитала и свыше 70% активов страховых обществ страны [9].

Правящие круги страны с самого начала кризиса стремились переложить всю его тяжесть на плечи трудящихся.

Рабочих тысячами выбрасывали за ворота предприятий, а оставленным на производстве удлиняли рабочий день, одновременно урезав и без того нищенские заработки. В результате, даже по данным буржуазной статистики, заработная плата промышленных рабочих была уменьшена на 30—50% [10]. Что же касается армии безработных, то в целом, включая сельскохозяйственный пролетариат, она выросла почти до 500 тыс. человек [11].

В деревне в чрезвычайно бедственном положении оказались не только сотни тысяч батраков, лишившиеся работы, но и не меньшее число мелких крестьянских хозяйств. Будучи не в состоянии уплатить долги и ростовщические проценты, а также огромные, увеличивавшиеся год от года подати, которые в расчете на 1 га земли были в 2,5—4 раза больше, чем налоги на помещиков, 64% крестьянских хозяйств в период кризиса заложили свою землю. А так как большинство из них не смогло выкупить ее в срок, то и она и все их имущество были проданы с молотка [12].

У власти в стране в период мирового экономического кризиса находилась одна из двух «исторических» партий — национал-царанистская. Маскируя свою деятельность проповедью так называемого попоранизма — румынской разновидности народничества, она в действительности представляла интересы буржуазии и помещиков, ничем в этом отношении не отличаясь от национал-либеральной партии, с которой соперничала в борьбе за власть.

Подобно национал-либералам, национал-царанистское руководство было тесно связано с иностранным капиталом. Лидеры этой партии Ю. Маниу и И. Михалаке являлись близкими родственниками совладельцев английских и американских компаний, которым принадлежали ключевые позиции в румынской экономике. Руководящие национал-царанистские деятели А. Вайда-Воевод и Г. Маринеску, возглавлявшие в разное время правительство страны, были официальными представителями неф-

---

[9] См.: Istoria economiei naţionale a Romîniei, vol. II. Bucureşti, 1961, p. 613.
[10] См.: *Cartland B.* The Scandalous Life of King Carol. London, 1957, p. 126.
[11] См.: Istoria economiei naţionale a Romîniei, vol. II, p. 559.
[12] См.: *Горанович М. М.* Крах Зеленого интернационала. М., 1967, с. 164.

тяных компаний «Стандард Ойл», «Ромына-Американа», «Астра ромына» и «Ройал датч шелл».

Поэтому неудивительно, что национал-царанистское правительство с самого начала мирового экономического кризиса прибегло к излюбленному способу румынской буржуазии преодолевать возникавшие перед ней трудности — к внешним займам и усилению политики «открытых дверей» для иностранного капитала. Оно провозгласило «равенство прав иностранных и румынских предпринимателей перед лицом закона и власти», которое якобы должно было «оживить» экономику и тем самым содействовать преодолению кризиса, однако на самом деле привело к усилению зависимости от международного монополистического капитала и дальнейшему ухудшению положения широких масс.

Расплачиваться за эту антинародную и антинациональную политику пришлось именно трудящимся.

Иностранные монополии, как и румынская буржуазия, с большой выгодой для себя использовали предоставленные им возможности жесточайшей эксплуатации масс. Румыния, которую они рассматривали в качестве сферы приложения капитала и источника получения ценного сырья, особенно нефти, стала для них в буквальном смысле золотым дном. Яркой иллюстрацией пагубных для страны последствий экономической политики национал-царанистского правительства может служить такой факт: иностранный капитал в течение двух лет предоставил Румынии займы на сумму около 25 млрд. лей, которые она должна была выплачивать с процентами, а вывез за это же время 18 млрд. лей прибыли от эксплуатации добывающей и других ведущих отраслей ее промышленности, в которых он занимал ключевые позиции [13].

На международной арене национал-царанисты придерживались англо-французской ориентации, ставшей традиционной для румынских правящих кругов со времен окончания первой мировой войны, когда страны Антанты помогли Румынии не только объединить с румынскими землями Трансильванию, ранее входившую в состав Австро-Венгрии, но и отторгнуть часть советской территории — Бессарабию и овладеть Северной Буковиной, населенной по преимуществу украинцами и русскими.

Внутри страны правительство направляло усилия на укрепление и расширение капиталистических форм эксплуатации, подавление борьбы трудящихся за свои права, угнетение национальных меньшинств, а также на поддержку террористических фашистских организаций с целью превращения их в свою ударную силу в борьбе с революционным движением.

Еще в 20-е годы, когда в стране под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции в России развер-

---

[13] См.: *Попов Б. С.* Буржуазно-помещичья Румыния (1918—1944). М., 1955, с. 23.

нулось революционное движение, возглавляемое компартией Румынии, напуганная его размахом буржуазно-помещичья верхушка приступила к лихорадочным поискам путей сохранения своего господства. Уже тогда она начала склоняться к идее о замене буржуазного парламентаризма фашизмом, как более надежным орудием подавления борьбы трудящихся против гнета и эксплуатации.

Проявлением этой тенденции явилось и возникновение в тот период первых фашистских организаций, первоочередной задачей которых являлся подрыв революционного движения. Характерной их особенностью, наряду с ярым шовинизмом и расизмом, являлось использование религии для привлечения масс, особенно сельского населения, находившегося под сильным влиянием духовенства.

Наиболее разительный пример в этом отношении представляет деятельность одного из главных фашистских вожаков в Румынии Корнелиу Кодряну. Любопытно, что он, будучи сыном немки и поляка-католика, переделавшего свою фамилию на румынский лад, объявил себя «защитником румынской расы» и господствовавшей в стране православной религии. В действительности же ему не давали покоя «лавры» Муссолини, захватившего в 1922 г. власть в Италии.

Поставив целью сделать такую же карьеру в Румынии, Кодряну начал с создания в Яссах одной из первых в стране фашистских групп — «Ассоциации христианских студентов». Однако он сумел завербовать в нее всего 46 человек. Поскольку этого было мало для осуществления его честолюбивых замыслов, он вскоре вступил вместе со своими приверженцами в так называемую «Лигу национал-христианской защиты», рассчитывая со временем захватить руководство ею.

Кодряну и его приверженцы приняли активное участие в организованных Лигой в 1923 г. кровавых беспорядках по случаю принятия парламентом закона о предоставлении гражданских прав евреям. Затем погромщики устроили шумную демонстрацию, во время которой прикрепили к румынскому флагу свастику. Одновременно они направили премьер-министру требование отменить этот закон.

Надо сказать, что этот закон был принят румынским парламентом, в котором заседали махровые реакционеры, отнюдь не по их собственной инициативе, а в соответствии с решением Версальской мирной конференции и под давлением стран Антанты. По той же причине он тогда не мог быть отменен, и Лига получила отказ.

В ответ группа ее членов во главе с К. Кодряну и И. Моца решила приступить к террористическим актам и составила список лиц, которых она намеревалась убить. Заговорщики были арестованы и предстали перед судом. Но тут в ход событий вмешались весьма могущественные силы, заинтересованные в том,

чтобы не только не допустить *разгрома фашизма* в зародыше, но и поощрить его дальнейшее развитие. В результате к обвиняемым отнеслись весьма благосклонно. Они были оправданы на том основании, что преступление «осталось в стадии проекта».

Разумеется, это был лишь предлог. Открыто профашистские настроения судей были очевидны, ибо в числе оправданных оказался и Моца, который во время судебного разбирательства выстрелом из революьвера убил другого обвиняемого, заподозрив его в измене. Тем самым буржуазно-помещичий суд фактически солидаризировался с Кодряну, заявившим в своей защитительной речи, что убийство «предателя» служит «общественному оздоровлению». Почувствовав безнаказанность, Кодряну стал действовать еще более нагло. В мае 1924 г., будучи арестован вместе с другими главарями Лиги по приказу префекта полиции в Яссах, он после освобождения застрелил последнего в его служебном кабинете. Буржуазно-помещичий суд вновь оправдал фашистского убийцу, а реакционные круги даже объявили его «национальным героем». Объяснялось это все той же заинтересованностью румынской реакции в создании благоприятных условий для наступления фашизма.

Так оценил ситуацию и Кодряну. Он предпринял новые попытки стать во главе Лиги, оттеснив ее лидера, профессора Ясского университета А. Кузу. Но у последнего, считавшего себя «идейным предшественником Гитлера», оказалось больше сторонников. Потерпев неудачу, Кодряну со своей группировкой вышел из Лиги, чтобы создать собственную фашистскую партию военизированного типа и готовиться к вооруженному захвату власти.

На этот раз чтобы действовать наверняка, Кодряну провел тщательную подготовительную работу. С целью обеспечить себе дальнейшую поддержку реакционных кругов, в том числе церковной верхушки, он решил по-прежнему маскировать религиозной демагогией свои подлинные цели. В этом он видел также возможность завоевать доверие масс верующих. Кроме того, Кодряну хотел таким путем отвлечь внимание крестьянских и городских мелкобуржуазных слоев, на которые он делал ставку, от социальных проблем, связанных с их тяжелым и все более ухудшавшимся положением. Наконец, фашистский главарь учитывал, что основная масса сельского населения, обманутая национал-царанистской партией, выдававшей себя за «защитницу крестьянства», а на деле отстаивавшей интересы господствующих классов, испытывала ненависть к политиканству ее деятелей.

Поэтому созданная им в 1927 г. новая фашистская организация получила импонирующее верующим название «Легион Михаила Архангела». Кроме того, Кодряну объявил, что она «будет скорее школой или войском, чем политической партией». Фактически же «Легион Михаила Архангела» стал и тем, и другим, и

третьим. Это была военизированная организация, готовившая вооруженные банды по образцу гитлеровских штурмовиков, предназначавшиеся, как и последние, для борьбы с революционным движением и в конечном счете для захвата власти и установления фашистского режима в стране.

Такая направленность созданной Кодряну организации подтверждается тем, что сначала он даже хотел назвать ее антикоммунистической лигой. Однако указанные выше соображения заставили его отказаться от этого намерения, с тем чтобы исподволь подготовить из легионеров послушное орудие осуществления своих планов, карьеристская сущность которых подтверждается всей его последующей деятельностью. «Факты показывают,— подчеркивает один из ведущих румынских исследователей фашизма профессор В. Роман,— что движущими силами, самыми скрытыми причинами деятельности руководства легионеров и всего их движения в целом являлись отнюдь не забота о родине, не патриотизм, не преданность интересам народа, своей страны, а жажда власти, стремление к личному обогащению, достижению всех этих целей любыми средствами, даже путем предательства родины, народа, независимости и национального суверенитета»[14].

Пока же в соответствии с объявленными целями Кодряну выдвинул на первый план психологическую обработку легионеров. Им предписывалось «старательно избегать» всяких политических дискуссий, «которые отравляют души и сеют раздоры», а вместо них устраивать сообща пение религиозных псалмов, которое-де, напротив, «создает гармонию душ», необходимую для выполнения «великой миссии». Последняя же состояла, по словам Кодряну, в «полном и абсолютном устранении евреев, если возможно мирным путем или любыми другими средствами».

Таким образом, Кодряну все еще не решался до конца раскрыть свои планы, считая, что и объявленной программы достаточно для создания фашистской организации. При этом легионерам внушалось, что действовать они будут именно «любыми средствами», и потому должны вооружаться и готовиться к террористическим актам, которые объявлялись «героическими подвигами». В помещениях, где происходило «совместное пение псалмов», появились плакаты, на которых было написано: «Кто не имеет оружия, пусть приобретет его», «Не губи в себе героя», «Умирают только один раз» и т. п.

В январе 1929 г. в «Легион Михаила Архангела» влилась другая фашистская группа — «Братья по кресту», действовавшая в Галаце под руководством М. Стелеску, после чего в 1931 г. легион был переименован в «Железную гвардию», организован-

---

[14] Impotriva fascismului. Bucureşti, 1971, p. 14.

ную по-военному. Во главе ее ячеек, а также городских, уездных и областных отделений были поставлены командиры, чьи приказы подлежали беспрекословному исполнению. За неподчинение подвергали суровым наказаниям, вплоть до физической расправы и уничтожения. В подражание германским и итальянским фашистам железногвардейцы носили униформу, но рубашки у них были не коричневые или черные, а зеленые. Дополнялись они портупеей и эмблемой в виде голубой свастики на желтом фоне. Члены организации подразделялись на пять групп: юноши от 14 до 20 лет составляли секцию «братья по кресту», молодежь от 21 до 28 лет — «легионерский корпус», люди старшего возраста — так называемую политическую секцию. Были также студенческая и женская группы. Кроме того, имелся специальный отряд смертников, предназначавшихся для «особо важных» террористических актов.

Однако и «Легион Михаила Архангела» и созданная на его базе «Железная гвардия» к началу 30-х годов все еще оставались малочисленными и не имели опоры в массах. Реакционные буржуазно-помещичьи круги, мечтавшие об установлении фашистской диктатуры, не могли не учитывать скандальной известности К. Кодряну и других железногвардейских лидеров. Поэтому, охотно используя их в качестве орудия борьбы с революционным движением, господствующие классы не видели в них подходящей политической силы, способной стать у власти в стране.

Экономический кризис 1929—1933 гг., проявившийся в Румынии с особой силой, привел к резкому обострению классовых противоречий и новому мощному подъему борьбы трудящихся масс за свои жизненные права.

Глубокую оценку сложившейся в тот период обстановки в стране дал V съезд Компартии Румынии, состоявшийся в 1931 г. Созданная в 1921 г. КПР уже два года спустя была запрещена властями и с тех пор действовала в глубоком подполье. Проявляя величайшую стойкость и мужество, румынские коммунисты продолжали руководить революционной борьбой масс. Трудности, испытываемые ими, усугублялись наличием внутри партии оппортунистических элементов как правого, так и левого толка. КПР нашла в себе силы дать им должный отпор. И именно V съезд КПР сыграл в этом отношении знаменательную роль.

V съезд отверг оппортунистическую теорию «неокрепостничества», согласно которой преувеличивалось значение остатков феодализма в стране и соответственно этому утверждалось, что в Румынии назревает буржуазная революция, призванная расчистить почву для капиталистических отношений. Съезд разоблачил суть этой точки зрения, состоявшую в том, чтобы гегемоном революции провозгласить буржуазию, а пролетариату и крестьянству отвести роль ее придатка, отказывающегося от борьбы за свержение эксплуататорского строя. Одновременно была

вскрыта и ошибочность другой, левацкой теории, сторонники которой, напротив, переоценивали степень капиталистического развития страны и, заявляя, что перед Румынией стоят задачи непосредственно пролетарской революции, тем самым вели дело к изоляции рабочего класса от его основного союзника — крестьянства.

Принимая во внимание в первую очередь остроту противоречий между пролетариатом и буржуазией, а также крестьянами и помещиками, господствующими классами и угнетаемыми национальными меньшинствами, съезд пришел к выводу, что Румыния является одним из слабых звеньев в цепи капиталистических государств. Он подчеркнул наличие предпосылок для победы революции, гегемоном которой явится румынский пролетариат, руководимый компартией. «Как объективные социально-экономические условия румынской революции и особенности ее движущих сил,— указывалось в решении съезда,— так и международное положение (общий кризис капитализма, кризис версальской системы, развитие мировой пролетарской революции и в особенности решающее значение успехов социалистического строительства для мировой революции) создают условия для быстрого перехода от завершения буржуазно-демократической революции к пролетарской, социалистической революции» [15].

В целях организации и руководства борьбой трудящихся масс против буржуазно-помещичьего господства Румынская коммунистическая партия выдвинула следующие лозунги: свержение монархии, а также диктатуры финансового капитала и помещиков, установление власти рабоче-крестьянского правительства, безвозмездная конфискация помещичьих и монастырских земель, их распределение между безземельными и малоземельными крестьянами, борьба против фашистского террора. В условиях обострения противоречий на международной арене съезд потребовал от партии мобилизации масс на борьбу против подготовки империалистической и особенно антисоветской войны, замышлявшейся в то время международной реакцией, подчеркнув при этом, что, «защищая СССР, они защищают самих себя, защищают свои повседневные, насущные и исторические интересы» [16].

Актуальность задач, выдвинутых съездом, подтверждалась резким обострением классовых противоречий в стране, сопровождавшимся мощным подъемом революционной борьбы. С самого начала экономического кризиса Румыния вновь стала ареной массовых выступлений пролетариата и крестьянской бедноты против усиливавшегося гнета буржуазии и помещиков. За длившейся более месяца весной 1929 г. стачкой на лесоразработках

[15] Documente din istoria partidului comunist din Romînia. 1917—1944. Bucureşti, 1951, p. 126.
[16] Ibid., p. 117.

в долине Муреша последовала крупная забастовка шахтеров в г. Лупени.

Власти прибегли к жесточайшим репрессиям. Только при подавлении шахтерской стачки было убито и ранено свыше ста рабочих. Войска и полиция были брошены также против забастовщиков в ряде других промышленных центров.

Однако ни «ленский расстрел в Румынии», как назвала «Правда» кровавую расправу над шахтерами Лупени, ни репрессивные меры буржуазно-помещичьего правительства не запугали румынский пролетариат. Происходивший в стране в результате картелизации процесс концентрации производства уже тогда привел к тому, что на крупных предприятиях, имевших 500 и более рабочих, было сосредоточено свыше 30% общей их численности [17]. Это делало пролетариат, несмотря на его сравнительную малочисленность, мощной революционной силой, выступавшей во главе всего трудового населения страны в борьбе против гнета буржуазии и помещиков.

Вот почему в ответ на репрессии классовые бои еще шире развернулись по всей стране. Массовые стачки вспыхнули на предприятиях Ясс, Бухареста и других городов. Вслед за рабочими в революционное движение включилась и деревенская беднота. Доведенная до отчаяния голодом и нуждой, она захватывала помещичьи земли, отказывалась платить налоги, нередко оказывала вооруженное сопротивление полиции и жандармам.

В этих условиях румынская реакция сочла необходимым ускорить фашизацию страны и обратила взоры к известному своими диктаторскими замашками наследнику румынского престола, проживавшему в Париже. Так возник вариант упрочения господства буржуазии и помещиков посредством установления монархо-фашистского режима с последующим расширением его базы на основе поддержки «Железной гвардии», а также подобных ей группировок и их объединения под эгидой короля.

В 1930 году на румынский трон взошел Кароль II, который сразу же взял курс на установление режима личной власти. Как писал впоследствии его биограф, Кароль внимательно следил за ходом событий «в других, более сильных странах, надеясь там обнаружить что-либо стоящее подражания». И конечно обнаружил, что Муссолини в Италии «создавал порядок в хаосе», а Гитлер в Германии «нанес поражение коммунистам». И румынский монарх именно их взял за образец. «С ошеломляющей быстротой,— отмечал тот же автор,— Кароль превращался из короля, правящего через парламент, в диктатора» [18].

Однако предпринятая им уже в 1931 г. попытка государственного переворота с целью ликвидации парламентской системы не увенчалась успехом. Объяснялось это разногласиями внутри

---

[17] Anuarul statistic al Rominiei. 1939—1940, p. 347.
[18] *Cartland B.* Op. cit., p. 138.

господствующих классов, вызванными соперничеством двух «исторических» партий, и противоречиями между отдельными группировками буржуазии. Не случайно биограф короля с огорчением писал о непрекращавшихся «межпартийных стычках, вызывавшихся зачастую личной амбицией и обстановкой всеобщей коррупции» [19].

Неудача не обескуражила короля. Он продолжал свои усилия, направленные на установление диктатуры, причем теперь они стали более планомерными. В частности, Кароль II стремился всемерно укрепить свое влияние в армии, с тем чтобы превратить ее в опору осуществления намеченных им планов. Активизировались и наиболее реакционные круги буржуазии и помещиков, возлагавшие на Кароля надежды в деле фашизации страны и поэтому всячески старавшиеся укрепить его позиции, а заодно и свои собственные.

Так началось формирование той группировки румынских господствующих классов, которая стала известна под названием королевской камарильи, впоследствии установившей монархо-фашистскую диктатуру. Одним из эпизодов этого процесса объединения сил крайней реакции и явилась упомянутая в начале главы встреча в Синайе.

Отказ от методов буржуазного парламентаризма с целью фашизации политической жизни обусловливался социально-экономическим развитием Румынии того времени.

Хотя Румыния позднее других стран вступила на путь капиталистического развития, а в экономике страны сохранялись сильнейшие феодальные пережитки, в рассматриваемое время ее промышленность, как уже отмечалось, достигла высокой степени концентрации производства и капитала, характерной для монополистической стадии капитализма. Этот процесс резко усилился во время мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и последовавшего за ним периода. Многие мелкие и средние предприятия и банки потерпели банкротство, или были поглощены крупными, монополистическими объединениями. К 1936 г. промышленные предприятия с капиталом свыше 100 млн. лей каждое составляли 0,5% общего числа всех акционерных обществ, но располагали более чем 80% акций промышленности Румынии.

В стране насчитывалось около 100 картелей, которые объединяли основную часть различных отраслей промышленности. В металлургической промышленности, например, они контролировали 98% вложенного капитала. Процесс концентрации и централизации сопровождался усилением роли финансового капитала.

В румынской экономике господствовала кучка монополистов, связанных теснейшими узами с иностранным капиталом, глав-

---

[19] *Cartland B.* Op. cit., p. 138.

ным образом англо-французским, и соперничавших между собой. Их междоусобная борьба была следствием процесса дифференциации внутри буржуазии, которым сопровождались значительные изменения, происходившие в экономической структуре Румынии после первой мировой войны. В то время возникли или расширились новые отрасли промышленности — нефтяная, металлургическая, химическая, росло военное производство. Стимулировалось это отнюдь не только действительными потребностями страны. Решающую роль играли, с одной стороны, растущее проникновение иностранных монополий, для которых Румыния была как выгодной сферой приложения капитала, так и источником получения ценного сырья, а с другой — усилившаяся милитаризация экономики, связанная с внешнеполитическим курсом румынских правящих кругов.

В результате наряду с возглавляемой семейством Брэтиану группировкой крупного капитала, финансовым центром которой был «Румынский банк», а политическим — национал-либеральная партия, занимавшей до того времени доминирующее положение, появились более или менее независимые от нее монополии. Среди них выделялась группа, первоначально сконцентрировавшаяся вокруг «Марамуреш-банка» и «Банка румынского кредита». Она была заинтересована в дальнейшем ускоренном развитии новых отраслей и достигла в этом немалых успехов.

Постепенно соотношение сил этих двух группировок менялось. Узость внутреннего рынка, обусловленная феодальными пережитками, крайне тяжелым положением широких масс и низкой покупательной способностью населения, сдерживала развитие промышленности товаров народного потребления, в которой господствовали монополии, возглавляемые семейством Брэтиану, а в годы мирового экономического кризиса привела к резкому падению ее производства. Иначе обстояли дела у группировки, хозяйничавшей в военной промышленности и связанных с ней отраслях. Прибыли этих предпринимателей были неизменно высокими по той причине, что они получали все более крупные заказы от государства, являвшегося главным потребителем их продукции. В кризисные же годы по существу вся экономическая политика стоявших у власти национал-царанистов была направлена на поддержку именно этой финансово-промышленной группы. Тем более, что в нее вместе с семействами Малакса, Аушнит, Мочорница, Аржетояну, Штирбей и Жигурту входил также крупный капиталист А. Вайда-Воевод, возглавлявший правительство. Поэтому не приходится удивляться тому, что она получала львиную долю государственных субсидий, пользовалась всевозможными льготами, в том числе и при налогообложении, а закупаемая у нее продукция оплачивалась по завышенным ценам.

Вскоре данная группировка усилилась и начала вытеснять своих соперников, стремясь заиять доминирующее положение в

стране. Несомненно, что следствием этого в немалой степени явилась не только замена национал-либерального правительства национал-царанистским, но и установление более тесного сотрудничества этой группировки с международными монополиями, владевшими ключевыми позициями в экономике Румынии.

К началу 30-х годов собственник металлургических заводов Н. Малакса был, как и М. Аушнит, совладельцем ряда крупнейших промышленных компаний со смешанным румынским и иностранным капиталом, в том числе «Решица», «Астра», «Металлургические дунайские предприятия» и др. Малаксе также принадлежала значительная часть акций «Форд-ромына», «Копша-Мика-Куджир», а Аушнит был крупным акционером объединения «Титан-Надраг-Калан», английского концерна «Виккерс», лондонского Вестминстерского банка, «Американского кредитного общества» и др. В нефтяной промышленности, получившей наибольшее развитие и ставшей ведущей отраслью, в основном хозяйничали компании «Астра ромына», «Стяуа ромына», «Ромына-американа», «Конкордия» и «Коломбия», в руководство которых наряду с представителями английского, французского и американского капитала входили К. Аржетояну, А. Вайда-Воевод, а также Г. Маринеску и В. Антонеску.

Тесно связан был с иностранным капиталом и Кароль II. В сущности и его восстановление на румынском троне произошло не без содействия международных монополистических кругов, видевших в этом гарантию получения долгов Румынии по займам и дальнейшего усиления своих позиций в ее экономике. Финансист Шарль Рист, посланный в Бухарест в качестве «эксперта» французскими банками, предоставившими румынскому правительству очередной заем, в связи с восстановлением Кароля II на престоле с удовлетворением заявил: «С нынешнего дня я больше не беспокоюсь о финансовой стабилизации в Румынии».

Хотя финансовой стабилизации достичь так и не удалось, тем не менее в Румынии действительно были предприняты попытки вывести страну из тяжелого кризиса. Государство увеличило и без того колоссальные субсидии крупнейшим банкам и монополиям, а также экспортные премии помещикам за вывоз зерна. Под прикрытием демагогических призывов к жертвам «в интересах нации» буржуазно-помещичья верхушка вела решительное наступление на и без того низкий жизненный уровень трудящихся. В январе 1931 г. была претворена в жизнь первая так называемая «жертвенная кривая», выразившаяся в сокращении заработной платы государственных служащих и рабочих. Осуществленная затем вторая «жертвенная кривая» привела к увольнению с работы 30% лиц, занятых на предприятиях и в государственных учреждениях, к дальнейшему значительному уменьшению заработной платы и размера пенсий.

Введение «жертвенных кривых» было связано со все усиливавшейся зависимостью от международного финансового капитала, требовавшего от румынского правительства принятия радикальных мер с целью обеспечения уплаты долгов по заграничным займам. Ярким свидетельством этой зависимости было установление прямого иностранного контроля над румынскими финансами. Таково было условие, при котором западные страны соглашались предоставлять очередные займы Румынии. И оно было принято королевским правительством. С каждым новым займом в стране увеличивалось число прибывавших из-за границы контролеров и финансовых экспертов. Так, уже упоминавшийся представитель французских заимодавцев Шарль Рист, назначенный советником при Национальном банке, фактически определял финансовую политику Румынии, в том числе и ее государственный бюджет. В числе иностранных экспертов, контролировавших по существу все отрасли румынской экономики, были Лефевр, Авеноль, ди Нола, Совдей, Нимейер и многие другие.

Следующим шагом в этом направлении явилось соглашение о так называемом консультационно-техническом сотрудничестве с Лигой наций. Оно было подписано по требованию иностранных кредиторов, которые иначе не соглашались удовлетворить просьбу румынского правительства о предоставлении нового займа. В соответствии с этим соглашением Румыния фактически ставилась под контроль Лиги наций и должна была под присмотром ее экспертов обеспечить выплаты по внешним займам путем увеличения налогов, взимаемых с населения, что влекло за собой дальнейшее ухудшение положения трудящихся, а также осуществить «необходимые административные меры» в отношении крестьян «по скорейшему сбору задолженности»[20].

Унизительный характер этого документа, подписанного румынским правительством в Женеве 28 января 1933 г., вызвал недовольство и протесты даже среди приближенных Кароля II. Один из них, известный румынский историк и политический деятель монархист Н. Йорга, выступил в печати со статьей, озаглавленной «Хуже, чем во времена турецкого господства»[21].

КПР оценила Женевское соглашение как открытую атаку кучки румынских и иностранных эксплуататоров против трудящихся. Начатое тогда же в соответствии с этим соглашением осуществление третьей «жертвенной кривой» вызвало взрыв возмущения народных масс. Против политики правительства, означавшей окончательное экономическое и политическое закабаление Румынии, дальнейшее ухудшение положения трудового народа, решительно выступил рабочий класс, руководимый компартией.

---

[20] League of Nations. Agreement Signed at Geneva on January 28, 1933, Establishing Technical Advisory Collaboration in Rumania. Geneva, 1933, p. 11.
[21] «Neamul Romînesc», 8.II 1933.

Новый подъем революционной борьбы ознаменовался в январе-феврале 1933 г. мощными выступлениями железнодорожников и нефтяников, носившими ярко выраженный политический характер. Так, бастовавшие рабочие-железнодорожники депо Гривица выдвинули лозунги «Долой осадное положение!», «Да здравствует единый фронт!», «Да здравствует Коммунистическая партия!». Правительство бросило против них войска. Каратели открыли огонь. Были убиты и ранены десятки рабочих-железнодорожников, а их руководители коммунисты Г. Георгиу-Деж, Киву Стойка и многие другие были брошены в застенки и приговорены к длительному тюремному заключению.

Властям, однако, не удалось погасить мощную вспышку борьбы трудящихся. Атмосфера в стране настолько накалилась, что вызвала тревогу не только у румынских правящих кругов, но и у их западных кредиторов. В английской буржуазной прессе, например, появились сообщения о том, что Кароль II весьма обеспокоен назреванием революции в Румынии. Решительное выступление румынского пролетариата подорвало антинародные и антинациональные замыслы румынской и международной реакции, вынудило ее отступить.

Тем не менее и в дальнейшем реакционные круги во главе с Каролем II упорно продолжали стремиться к установлению фашистского режима, все более представлявшемуся им лучшим средством подавления революционной борьбы масс и усиления их эксплуатации. Эта тенденция и после мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. питалась развитием в Румынии государственно-монополистического капитализма, при котором, как указывал В. И. Ленин, «шаги к большей монополизации и большему огосударствлению производства неизбежно сопровождаются усилением эксплуатации трудящихся масс, усилением гнета, затруднением отпора эксплуататорам, усилением реакции и военного деспотизма и вместе с тем неизбежно ведут к неимоверному росту прибыли крупных капиталистов за счет всех остальных слоев населения...»[22].

Такому ходу событий в Румынии способствовала также непрерывно усиливавшаяся милитаризация экономики. В то время как для народных масс она становилась все более тяжким бременем, Кароль II и его окружение использовали и ее в своекорыстных целях. Государственное финансирование военной индустрии и связанных с нею отраслей, где господствовала королевская камарилья, приняло гигантские масштабы. В 1936 г., например, оно составило 76% всех капиталовложений в промышленность. Государственные закупки по завышенным ценам также непрерывно росли. Они охватывали всю продукцию военной промышленности, до 70% — металлургической и до 80% — угольной.

---

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 449—450.

Отрасли, в которых хозяйничали король и тесно связанные с ним картели, были объявлены «национально важными». Они теперь не только получали государственные субсидии и различные льготы, но и полностью освобождались от налогов, пользовались пониженным тарифом на транспорте и т. д. Их интересами объяснялась и проводимая правительством протекционистская политика, ограждавшая высокими таможенными барьерами внутренний румынский рынок от более дешевых товаров иностранного производства. Так, за период с 1929 по 1938 г. таможенные пошлины повысились в 8,5 раза и носили фактически запретительный характер [23].

По закону 1936 г. лишь тем промышленным предприятиям, которые приступали к выпуску изделий, ранее не производившихся в стране — а это почти целиком относилось к тем же картелям,— предоставлялись выгодные условия ввоза из-за границы необходимых машин и оборудования. Кроме того, на довольно длительный срок (от 16 до 32 месяцев) запрещался импорт подобных изделий.

Растущие тенденции государственно-монополистического регулирования нашли свое выражение и в других актах королевского правительства. Последнее взяло в свои руки ряд хозяйственных функций. В частности, был установлен государственный контроль над внешней торговлей и в целом над деятельностью промышленных предприятий, а также создана правительственная комиссия по снабжению их сырьем и материалами. Эти меры укрепили господствующее положение монополистического капитала, располагавшего по своему усмотрению государственной властью, создали для него огромные преимущества в борьбе с конкурентами.

Вместе с тем они способствовали наступлению политической реакции, усилению тенденций к отказу от буржуазной демократии даже в том усеченном виде, в каком она существовала в Румынии. Парламентаризм с его борьбой конкурирующих партий, дискуссиями по принимаемым законам, необходимостью соблюдения определенной процедуры становился все большей помехой для монополистической верхушки, жаждавшей неограниченного использования государственного аппарата для собственного обогащения. Достижение такой цели могла обеспечить лишь ликвидация парламентаризма и замена его диктаторским режимом.

Характерно, что прямую связь между интересами монополистической верхушки и ее усилиями по установлению фашистского режима признавал несколько позднее и один из национал-царанистских деятелей П. Павел. Говоря о последствиях государственного протекционизма, осуществлявшегося королевской

---

[23] *Mageari V.* Evoluţia economiei romîneşti după războiul mondial. Bucureşti, 1940, p. 235.

камарильей, он констатировал: «Экономический либерализм был мертв и неизбежную смерть политического либерализма нельзя было отсрочить»[24].

Наряду с крупнейшими промышленными магнатами и заправилами финансовой олигархии в установлении диктаторского режима были заинтересованы крупные аграрии, которые также пользовались благами протекционизма. Правительство выдавало им экспортные премии за зерно, скот и мясо, продававшиеся на мировом рынке. За каждый вывезенный вагон зерна государство доплачивало экспортеру 10 тыс. лей. Только в 1935 г. на эти цели было израсходовано 28 млрд. лей.

В целях укрепления позиций крупных аграриев и сельской буржуазии в 1937 г. был издан закон «Об организации и поощрении сельского хозяйства». Он стимулировал создание крупных землевладений, закреплял за ними дешевую рабочую силу, ограничивая личную свободу крестьян запрещением ухода из деревни без разрешения местных властей, официально регламентировал полуфеодальные повинности в пользу помещиков, сдававших землю в аренду,— отработки, дижму (десятину) и др. Во второй половине 30-х годов широкое распространение получила отправка солдат в помещичьи имения в качестве даровой рабочей силы. Кроме того, через «Союз сельскохозяйственных палат» государство распределяло между крупными землевладельцами машины и сельскохозяйственные орудия, химические удобрения и семенной материал по сниженным ценам.[25].

Фашизация страны, выраставшая на базе усиления государственно-монополистических тенденций, ущемляла экономические интересы части буржуазии, не принадлежавшей к господствующей верхушке финансового капитала. Если находившаяся в руках королевской камарильи тяжелая и военная промышленность при финансовой и прочей поддержке со стороны государства расширяла свое производство, то предприятия, выпускавшие потребительские товары для населения, не были загружены, а многие средние и мелкие предприятия вообще прекращали свою деятельность. В противоположность этим разоряющимся предприятиям расширялись и приносили баснословные доходы заводы и фабрики, принадлежавшие монополистической верхушке. В 1934 г., например, заводы «Решица» при капитале 825 млн. лей дали 900 млн. лей дохода.

Проводившаяся правительством гонка вооружений явилась важным источником обогащения господствующей монополистической верхушки за счет широчайших масс населения. Размеры военных ассигнований были, как уже отмечено, очень велики. Даже по официальным данным, они составили в 1936/37 финансовом году 4,7 млрд. лей, т. е. примерно четвертую часть госу-

[24] *Pavel P.* Why Rumania Failed? London, 1943, p. 108.
[25] *Constantinescu N. N., Axenciuc V.* Capitalismul monopolist în România. Bucureşti, 1962, p. 112.

дарственного бюджета. Однако эти цифры отражают лишь прямые военные расходы, да и то далеко не полностью. По оценке современных румынских экономистов, на финансирование гонки вооружений фактически тратилось гораздо больше. Например, в том же бюджетном году на военные цели, а также на содержание репрессивных органов и бюрократического государственного аппарата ушло 72,9% бюджетных средств[26].

Колоссальные военные расходы, непосильные для экономики буржуазно-помещичьей Румынии, правительство пыталось финансировать не только с помощью внешних, но и внутренних займов. В 1934 г. был выпущен «заем вооружения», распространение которого среди населения, по признанию румынского буржуазного экономиста Г. Добровича, носило принудительный характер[27]. Причем сумма навязываемых трудящимся облигаций превышала их платежеспособность. В конечном счете пришлось вновь прибегнуть к новым иностранным займам, вследствие чего к середине 1937 г. государственный долг Румынии достиг 112,2 млрд. лей, из которых 78,4 млрд. лей приходилось на внешнюю задолженность.

Основным же источником финансирования государственных расходов на гонку вооружений, поощрение «национально важной промышленности», оплату выгодных заказов монополистам и выплату «экспортных премий» крупным аграриям, а также на покрытие задолженности по иностранным займам являлись растущие из года в год налоги. Особенно резко возросло косвенное обложение, всей своей тяжестью ложившееся на плечи народных масс. В 1935—1936 гг. оно по сумме в три раза превосходило прямые налоги. По данным румынской буржуазной газеты «Аргус», было установлено более 50 прямых и косвенных налогов. Среди них — сборы, взимаемые с продажи хлеба, крупного рогатого скота, тканей, сахара и др. О подлинных размерах этого вида обложения можно судить по следующему примеру: из 28 лей, которые стоил килограмм сахара, 16 лей составляли косвенные налоги.

На положении румынского пролетариата, ухудшавшегося, как уже отмечалось, вследствие роста дороговизны и падения реальной заработной платы, едва ли не самой низкой в Европе, тяжело отразилась и экономическая политика правящих кругов. Она привела к резкому сокращению производства в невоенных отраслях. В 1935 г. в текстильной и кожевенной промышленности производственные мощности использовались лишь наполовину, в деревообрабатывающей — на 35%. Так обстояло дело и на других предприятиях, не связанных с военным производством. Прямым результатом этого явился непрекращавшийся рост без-

---

[26] «Studii», 1963, N 1, p. 167.
[27] См.: *Dobrovici Ch.* Evolutia economică şi financiară a Romîniei în perioadă 1934—1943. Bucureşti, 1943, p. 91.

работицы, принявший, как признавала румынская буржуазная печать, угрожающие размеры.

Следствием экономической политики правительства явилась и усиливавшаяся нищета трудящегося крестьянства. Хронический аграрный кризис вел к деградации сельского хозяйства, которое в 30-х годах продолжало оставаться основным сектором румынской экономики[28].

Основная масса крестьян испытывала острую нужду в земле, инвентаре, семенном материале, а также кредитах, которые можно было получить только на ростовщических условиях. Деревенская беднота страдала от продолжавшего возрастать разрыва между ценами на сельскохозяйственные и промышленные товары, который, по данным американского исследователя Г. Робертса, в 1935 г. увеличился по сравнению с 1929 г. вдвое[29].

Налоги на крестьян, включая косвенное обложение, возросли в 1933—1937 гг. в два с лишним раза. За неуплату налогов со двора уводилась последняя корова, отбиралось скудное крестьянское имущество. Число разорявшихся тружеников села катастрофически росло. Если в 1934 г. было продано с молотка около 3700 крестьянских хозяйств, то в 1936 г.— более 6 тыс. Об ужасающей нищете румынской деревни невольно свидетельствовала официальная пресса, помещавшая объявления о продаже с торгов следующего «имущества» должника: «два женских платка, три разбитые чашки, обколотый стакан, две дубинки с именем Костаке Граду, катушка ниток, кошелек с двумя леями и два свидетельства о бедности». Даже с трибуны румынского парламента однажды прозвучали слова о том, что «крестьянство продолжает нищать, его жизненный уровень, низкий еще до войны, постоянно падает, крестьянин недоедает, ходит в лохмотьях, его хозяйство рушится»[30].

Анализируя экономическое и политическое положение Румынии, пленум ЦК КПР в феврале 1935 г. отмечал, что правительство вело политику укрепления и усиления позиций финансового капитала и крупных аграриев, наступления на жизненные экономические интересы трудящихся города и деревни. В том же документе компартии указывалось: «В связи с тем, что применявшимися до сих пор методами буржуазии не удалось затормозить движение недовольных масс и подорвать нарастание революционной волны, среди самых реакционных групп буржуазии вызревают планы немедленного установления открытой фашистской диктатуры»[31].

---

[28] *Crîndea D.* Despre venitul național în capitalism. București, 1965, p. 212.

[29] См.: *Roberts H.* Rumania: Political Problems of an Agrarian State, New Haven, 1951, p. 177.

[30] «Monitorul oficial», part. III-a, Desbaterile parlamentare, şed. 3 ianuarie 1937, p. 658.

[31] Documente din istoria partidului comunist din Romînia. 1934—1937. București, 1957, p. 212—213.

Этот вывод подтверждала проводимая правящими кругами политика фашизации страны. В целях усиления борьбы против революционных и демократических сил власти ввели по всей Румынии осадное положение, развязали террор против коммунистов. Были приняты расистские законы, аннулировавшие провозглашенное в 1923 г. гражданское равноправие всех национальных меньшинств, оказывалась все возрастающая политическая и финансовая поддержка фашистским организациям, что способствовало росту их численности и значительной активизации.

Возникновение новых организаций было связано также с приходом в начале 1933 г. к власти в Германии фашизма. В Румынии была создана так называемая румынская национал-социалистская партия. При всей своей малочисленности она развила бурную деятельность, а ее лидер Ш. Татареску в том же году отправился в Берлин, чтобы наладить непосредственную связь с Гитлером и заручиться его политической поддержкой и материальной помощью. В частности, он надеялся получить средства и конфискованное у германской социал-демократической партии типографское оборудование, чтобы организовать в Румынии издание своих газет.

В Берлине к Ш. Татареску отнеслись весьма сдержанно. Гитлеровская клика уже тогда строила далеко идущие планы в отношении Румынии, однако считала, что еще не пришло время для их осуществления. Она действовала исподволь, стремясь обеспечить себе содействие Кароля II и его правительства в усилении позиций Германии в румынской экономике. Что же касается румынских фашистов, которым Берлин отводил немаловажное место в своей политике в отношении Румынии, то он предпочитал поддерживать, да и то тайно, лишь наиболее «перспективных».

Ш. Татареску в этом смысле не устраивал гитлеровцев. Заключение, представленное германским министерством иностранных дел фюреру, гласило: «Татареску не является подходящей персоной, через которую Германия может приобрести влияние (в Румынии.—*Н. Л.*), ибо на него нельзя положиться политически и у него нет последователей в стране». Далее рекомендовалось оказывать финансовую помощь только тем румынским фашистам, которые умело маскируют свои цели, таким, например, как Никифор Крайник, «который, хотя и является убежденным национал-социалистом и другом Германии, известен как не принадлежащий ни к одной политической партии»[32].

Однако гитлеровский МИД, довольно точно охарактеризовавший Ш. Татареску, заблуждался относительно Н. Крайника, который был хорошо известен в Румынии как идейный руково-

---

[32] Documents on German Foreign Policy. 1918—1945 (далее — DGFP, 1918—1945), series C, vol. I. London, 1959, p. 874, 917, 920.

дитель «гындиризма», крайне реакционного течения, проповедовавшего антикоммунистическую, антидемократическую, фашистскую идеологию[33].

Название этого течения связано с журналом «Гындиря» («Размышления»), вокруг которого оно группировалось. Главным направлением деятельности «гындиристов» была «борьба против марксизма как революционного учения, предназначенного преобразовать человеческое общество в интересах угнетенного большинства, а также против конкретной общественно-политической практики пролетариата»; нескрываемой же целью этого течения являлось установление фашистского режима, задуманного как надежный инструмент поддержания и защиты капиталистического строя. Современный румынский историк М. Фэту справедливо считает Н. Крайника духовным отцом румынского фашизма, в том числе и «Железной гвардии»[34].

Ш. Татареску, по-видимому, был весьма разочарован сдержанным приемом в Берлине. Об этом свидетельствует тот факт, что по возвращении в Бухарест он слил свою малочисленную национал-социалистскую партию не с прогитлеровской «Железной гвардией», а сначала с национально-аграрной партией О. Гоги, и затем — вместе с ней — присоединился к кузистам, которые отличались от железногвардейцев внешнеполитической ориентацией. В результате такого слияния возникла фашистская национал-христианская партия, вторая по численности после «Железной гвардии».

Говоря об упомянутом различии, следует подчеркнуть, что деятельность всех без исключения фашистских организаций в Румынии основывалась на воинствующем антикоммунизме, разнузданном национализме и антисемитизме. Различие же в их внешнеполитической ориентации определялось несколькими причинами. Главную роль играла оценка соотношения сил на международной арене.

Кузисты считали, что помощь в установлении фашистского режима в Румынии, если бы она и была оказана гитлеровцами, была бы неэффективной из-за противодействия Англии и Франции. Иным было отношение железногвардейских руководителей к германскому фашизму. И по существу из того же расчета на выгоды от участия в борьбе за «мировое господство» на стороне гитлеровской Германии, которым впоследствии руководствовалась румынская правящая верхушка, еще раньше исходили Кодряну и его подручные, ставшие не только рьяными поклонниками гитлеровской клики, но и ее агентурой в Румынии.

Отныне «Железная гвардия» стремилась к установлению диктатуры по гитлеровскому образцу, а ее лидеры открыто за-

---

[33] См.: *Fătu M., Spălăţelu I.* Garda de fier — organizaţie teroristă de tip fascist. Bucureşti, 1971.
[34] Ibidem.

являли, что, придя, к власти, свяжут Румынию военным союзом с германским рейхом. И хотя это означало не что иное, как готовность подчинить Румынию гитлеровской Германии, они при всяком удобном случае разглагольствовали о своей независимости от последней. Например, небезызвестный И. Моца, говоря о гитлеровской политике ревизии границ, установленных Версальским договором, которая, в частности, означала и поддержку территориальных требований хортистской Венгрии к Румынии, заявлял: «Да, мы откровенно аплодируем канцлеру Гитлеру... Но это никак не означает капитуляции перед его возможной враждебностью»[35].

Сохранения существовавших в межвоенные годы румынских границ требовала и национал-христианская партия Гоги — Кузы. Однако она считала, что это возможно лишь при содействии Англии и Франции, а потому объявила себя сторонницей сохранения связей с ними. Другое отличие этой партии от железногвардейцев заключалось в том, что она полагала возможным осуществить фашизацию страны при частичном сохранении буржуазного парламентаризма, что также было связано с ориентацией на «демократические» западные державы.

В то время в Румынии действовала еще одна фашистская организация — «Крестовый поход румынизма», почетным председателем которой был генерал Н. Радеску, зарекомендовавший себя безжалостным палачом революционной борьбы трудящихся. Эта группировка ориентировалась на фашистскую Италию, так как предпочитала установление диктатуры с сохранением монархии, и яростно выступала против «старой демократии», т. е. буржуазного парламентаризма.

Между фашистскими группировками велась ожесточенная борьба. «Железная гвардия» предлагала партии Кузы объединиться, но при этом претендовала на ведущую роль. Кузисты не только не соглашались подчиниться железногвардейцам, но и всячески третировали их, называя «кучкой скоморохов» и «донкихотствующими легионерами». Особенно резким нападкам подвергался главарь «Железной гвардии» Кодряну, которого Куза именовал не иначе, как «божьим придурком».

Фашизм в Румынии приобрел довольно значительное число сторонников, что, по мнению американского исследователя, явилось следствием банкротства буржуазно-помещичьих партий[36]. Действительно, массы разочаровались в национал-либералах и особенно национал-царанистах, показавших себя верными слугами монополистической буржуазии и крупных аграриев. Эти партии, находясь у власти, не только уклонялись от проведения широких экономических и социальных реформ, в которых нуждалась страна, но и способствовали усилению господства приви-

---

[35] *Moţa I.* Cranii de lemn. Bucureşti, 1940, p. 42.
[36] *Roucek J.* Balkan Politics. Stanford University Press, 1947, p. 46.

легированных классов и дальнейшему ухудшению положения трудящихся.

Однако это была не единственная причина известного роста численности и влияния фашистских организаций. Большую роль сыграла также поддержка, оказанная им правящими кругами. Особенно это относилось к «Железной гвардии». В своем стремлении направить движение недовольных народных масс в русло фашизма румынская реакция натолкнулась на значительное препятствие, состоявшее в противоборстве различных фашистских группировок.

Так возник вопрос, кому из них отдать предпочтение. Решить его румынским правителям было нелегко. Ближе всего стоявшая к идее установления монархо-фашистского режима группировка «Крестовый поход румынизма» была самой малочисленной. Слабым было влияние и партии Гоги — Кузы. В этих условиях «Железная гвардия», казалось, лучше других фашистских организаций была способна справиться с революционным движением в стране, усилившимся в годы мирового экономического кризиса. Это и определило выбор буржуазно-помещичьей реакции.

Еще в 1928 г. находившаяся у власти в стране национал-царанистская партия в поисках средств борьбы против растущего революционного движения, угрожавшего господству капитализма в стране, вступила в контакт с «Железной гвардией» и предложила ей политическую, финансовую и любую иную поддержку. Взамен А. Вайда-Воевод, министр внутренних дел, встретившись с К. Кодряну, потребовал от него «немедленно организовать отряды и выступить против коммунизма, который начал укореняться в нашей стране...» С того времени и началось субсидирование деятельности железногвардейцев за счет секретных правительственных фондов, специально предназначавшихся для поддержки антикоммунистических сил.

Через сигуранцу банды Кодряну ежемесячно получали из этих средств около 500 тыс. лей и, кроме того, дополнительную плату, размер которой был прямо пропорционален оказываемым ими «услугам» правительству. Так, за зверские расправы над рабочими-забастовщиками во время массовых революционных выступлений в феврале 1933 г. «Железной гвардии» было уплачено 70 млн. лей [37].

Надо сказать, что такого рода финансирование железногвардейцев, начавшееся по инициативе национал-царанистского правительства, как отмечает известный английский историк Х. Ситон-Уотсон, с 1930 г. осуществлялось уже с согласия короля. Оно продолжалось и после происшедшей в 1933 г. смены кабинета [38].

---

[37] См.: Impotriva fascismului, p. 34.

[38] См.: *Seton-Watson H.* Eastern Europe between the Wars 1918—1945. London, 1946, p. 206.

Делалось это по-прежнему тайно, однако Кароль II не раз выступал открыто в поддержку фашистской организации Кодряну. Так, в начале 1932 г. он публично заявил, что доверяет «Железной гвардии», готов ей помогать и просит ее также верить ему[39]. Тем не менее ни Каролю II, ни лидерам обеих «исторических» партий так и не удалось окончательно «приручить» железногвардейцев. Объяснялось это противоречивыми устремлениями противоборствующих сторон.

Как национал-царанисты, так и национал-либералы помимо общей для них задачи борьбы против коммунизма и защиты господства буржуазии и помещиков, определявшей политику поддержки фашистской «Железной гвардии», преследовали узкопартийные цели, обусловленные острыми противоречиями между отдельными группировками буржуазии и помещиков. Последнее привело к тому, что даже внутри этих партий возникли враждующие фракции.

В национал-либеральной партии возникли две группировки. Одна из них, так называемые «старые либералы», возглавлялась И. Дукой и Д. Брэтиану. Лидером «молодых либералов» был Г. Татареску, брат упоминавшегося выше неудачливого руководителя румынской национал-социалистской партии. Обе группировки не уступали одна другой в реакционности. Г. Татареску, будучи министром внутренних дел в 1924 г., отличился беспримерной жестокостью при подавлении народного восстания в Татарбунарах. И. Дука же, как с полным основанием отмечала подпольная печать КПР, с самого начала своей политической карьеры был смертельным врагом революционного пролетариата. Не уступал ему в этом отношении и Д. Брэтиану.

Будучи в равной мере реакционными, эти фракции представляли враждовавшие между собой группировки крупной буржуазии. «Молодые либералы» принадлежали к тем монополистическим кругам, чьи интересы оказались связанными с финансово-промышленной группой, захватившей тяжелую индустрию. Поскольку они таким образом участвовали в дележе плодов милитаризации экономики и государственного протекционизма, то и примкнули к королевской камарилье. А «старые либералы» во главе с семейством Брэтиану выражали интересы той группировки крупного капитала, которая при этом оказалась «обделенной».

Такова была основа борьбы, происходившей внутри национал-либеральной партии и резко усилившейся в кризисные и послекризисные годы, когда промышленность, производившая товары широкого потребления, переживала упадок. Угроза прибылям финансово-промышленной группы Брэтиану еще больше возросла в связи с ущербом, нанесенным ее цитадели — Румынскому банку деятельностью Национального банка, который зна-

[39] См.: «Universul», 27.III 1932.

чительно усилил свои позиции в экономике страны, так как именно через него правительство осуществляло свои финансовые связи с картелями, господствовавшими в военной промышленности и связанных с ней отраслях.

Вот почему «старые либералы», видя угрозу для себя в усилении позиций королевской камарильи, выступали против попыток Кароля II сконцентрировать в своих руках всю полноту власти. При этом на словах они отстаивали парламентскую систему, хотя в действительности их шумная оппозиция диктаторским устремлениям короля была продиктована намерением взять в свои руки управление страной и установить собственную диктатуру.

На то же претендовала и национал-царанистская партия во главе с Ю. Маниу и И. Михалаке. Причем этого не скрывало руководство партии, заявившее: «Если речь пойдет об установлении диктатуры, то она может быть установлена только господином Михалаке». Сам Михалаке, посетивший «с целью политических наблюдений» в 1934 г. фашистскую Италию, по возвращении в Румынию дал понять, что готов взять за образец «созидательную деятельность Муссолини»[40].

Почерпнутые Михалаке в фашистской Италии «идеи» нашли отражение и в крайне реакционной программе, принятой на съезде национал-царанистов в 1935 г. В ней подтверждалась приверженность конституционной монархии, но при условии введения «групповой демократии» вместо «индивидуальной» и замены сената «корпоративным советом». Этим реакционным целям соответствовал выдвинутый съездом лозунг создания «крестьянского государства», хозяйственная система которого должна была бы основываться на «совокупности трех секторов — государственного, частного и кооперативного».

По существу это была программа установления корпоративного строя по итальянскому фашистскому образцу. Этот замысел уже тогда разоблачила Компартия Румынии, подчеркивавшая, что лозунг «крестьянского государства» является контрреволюционным, призванным помочь румынским помещикам и капиталистам «заманить крестьян, чтобы потом создать фашистское государство»[41].

Одного из лидеров этой партии А. Вайду-Воевода не удовлетворила даже программа, принятая съездом национал-царанистской партии. Под предлогом того, что в нее не включен так называемый принцип «нумерус валахикус», предусматривавший крайние меры против национальных меньшинств, он со своими сторонниками вышел из национал-царанистской партии.

---

[40] Le proces des dirigeants de l'ancien parti national-paysan. Bucureşti, 1947, p. 41.

[41] См.: *Язькова А. А.* Румыния накануне второй мировой войны (1934—1939). М., 1963, с. 88.

Но в действительности этим не исчерпывались разногласия Вайды-Воевода со своими бывшими коллегами. Вайда-Воевод вскоре создал собственную организацию под названием «Румынский фронт», имевшую ярко выраженную фашистскую окраску, а затем объединил ее с несколькими другими крайне реакционными группировками в «Национальный парламентский блок», программа которого, в частности, предусматривала введение расистских законов, изменение конституции с целью усиления королевской власти, а в области внешней политики — отказ от развития добрососедских отношений с СССР.

Таким образом, в обеих «исторических» партиях, именовавших себя демократическими, к середине 30-х годов произошел новый значительный сдвиг вправо, охарактеризованный известным румынским историком М. Роллером как проявление процесса их фашизации [42].

В то же время внутри них сложилось несколько соперничающих группировок, стремящихся установить диктаторский режим и использовать его в интересах представляемых ими монополистических групп. Отколовшиеся от основной части обеих партий фракции в основном примыкали к окружению Кароля II. Вследствие этого борьба внутри господствующей верхушки развернулась практически между тремя основными силами. Одной из них были национал-царанисты, руководимые Ю. Маниу и И. Михалаке, другой — «старые либералы» во главе с И. Дукой и Д. Брэтиану, третьей — королевская камарилья, включая Г. Татареску и «молодых либералов», а также А. Вайду-Воевода с его приверженцами.

Общая в той или иной мере для всех перечисленных группировок тенденция к фашизму толкала каждую из них к усилению контактов с «Железной гвардией» и с другими фашистскими организациями с целью превращения их в свою опору. Особенно повысился их интерес к железногвардейцам, которые в годы мирового экономического кризиса, спекулируя на тяжелом положении народных масс и прибегая к социальной демагогии, сумели расширить свое влияние главным образом в деревне.

Следует вновь подчеркнуть, что фашизм в Румынии развивался на той же идеологической основе, что и в Германии и Италии. По части психологической обработки населения «Железная гвардия» многое позаимствовала у гитлеровцев и чернорубашечников Муссолини. Она демагогически апеллировала к наболевшим нуждам масс, играла на их национальных чувствах и даже на революционных традициях. Железногвардейские главари уверяли, что ставят своей целью «возвысить румынский народ» и «устранить социальную несправедливость». Они заявляли, что благодаря их усилиям «скоро придет время, когда

---

[42] *Roller M.* Scrieri istorice şi social-politice. Bucureşti, 1957, p. 218.

каждый будет иметь свое место в жизни в соответствии с его верой и духовными запросами». С целью привлечения масс на свою сторону железногвардейцы требовали неподкупной власти, пытались выступать под личиной защитников страны, эксплуатируемой империалистическими державами, взывали к оскорбленному национальному чувству.

Вместе с тем характерным для фашистов приемом было разжигание низменных инстинктов и укоренившихся предрассудков. «Превосходя своим цинизмом и лживостью все другие разновидности буржуазной реакции,— отмечал Г. М. Димитров в докладе на VII конгрессе Коминтерна,— фашизм приспособляет свою демагогию к национальным особенностям каждой страны и даже к особенностям различных социальных слоев в одной и той же стране...»[43].

«Железная гвардия», провозгласив лозунг «На каждую душу — полгектара земли», обещала крестьянам также освобождение от ростовщиков, отмену обременительных налогов и т. п. Рабочим железногвардейцы обещали ввести «легионерский социализм», при котором путем «улучшения существующего строя, основанного на частной собственности», якобы исчезнут классовые противоречия и наступит эра социальной справедливости. Железногвардейцы уверяли, что они выступают за право на труд и, придя к власти, обеспечат «полную оплату труда» посредством участия рабочих в доходах капиталистов и создания производственных кооперативов, которые после выплаты банку полученного займа станут совладельцами предприятий. Резко критикуя буржуазное государство, где «за деньги можно добыть все — высокий пост, почет и т. п.», Кодряну и его подручные заявляли, что при «легионерском», т. е. фашистском режиме «труд перестанет быть проклятьем для человека и станет его самым важным достоянием»[44].

Социальная аргументация железногвардейцев свидетельствует о том, что фашизм в Румынии, как и в других странах, являясь реакцией на успехи и рост влияния коммунистических идей, позаимствовал некоторые из них, чтобы привлечь население на свою сторону, но использовал их в чисто демагогических целях.

В деревнях, например, подручные Кодряну устраивали беседы на темы о повышении доходов крестьянских хозяйств, хотя для основной массы сельских жителей, либо не имевших земли, либо задыхавшихся от долгов, практическая польза этих разговоров была равна нулю. То же самое относится к различным другим затеям руководителей железногвардейцев. С целью продемонстрировать заботу о прогрессе страны и благосостоянии народа они организовали ремонт дорог и мостов, разумеется

[43] *Димитров Г. М.* Избранные произведения, т. I. М., 1957, с. 299.
[44] *Herseni T.* Miscarea legionară şi muncitorimea. Bucureşti, 1940, p. 20—22.

силами своих приверженцев-крестьян, которых сгоняли в «трудовые лагеря», поставив над ними «проверенных» командиров.

Но все это, включая и предпринятое возведение плотины на реке Бузэу, ни в малейшей степени не облегчило положения подавляющей массы сельского населения — безземельной бедноты и батраков. Деятельность созданных железногвардейцами женских ячеек ограничивалась обсуждением вопросов о приготовлении пищи, уходе за детьми, т. е. отражала те же установки о месте женщины в обществе, которые насаждались германским фашизмом.

Низкий уровень социально-экономического развития страны, забитость и отсталость мелкобуржуазных масс города и деревни определили ряд особенностей румынского фашизма.

В деятельности «Железной гвардии» активное участие принимала церковь, пользовавшаяся, как уже отмечалось, большим влиянием на румынское крестьянство. Священники были в числе наиболее ярых пропагандистов «идей» Кодряну, привлекшего их лозунгом защиты православной религии от безбожников и «разрушителей церкви». Железногвардейские руководители считали своей особой заслугой, что они «первые в мире осуществили соединение политического движения (фашизма.— *Н. Л.*) с религиозной структурой» [45].

В их арсенале средств психологического воздействия на верующих имелись, например, театрально обставленные въезды в деревни. Легионеры появлялись верхом на конях и с копьями в руках, изображая архангела Михаила. Широко насаждался религиозный мистицизм, который сочетался с культом смерти, что имело целью подготовить рядовых железногвардейцев к вооруженной борьбе за власть. Кодряну, например, внушал, что каждый член организации должен быть готов пожертвовать жизнью, «ибо его кровь послужит цементированию легионерской Румынии». «Кто боится смерти, тот отказывается от воскрешения!»,— проповедовал Кодряну.

Под предлогом сохранения «самобытности» нации «Железная гвардия» насаждала обскурантизм, выступала против распространения образования в массах, уверяя, что только при этом условии румынский народ «останется самим собой». В то же время фашизм в Румынии, так же как и в других странах, стремился придать себе характер движения господствующей нации. Кодряну и его приверженцы отказывались признать какие бы то ни было права различных национальных меньшинств, хотя последние составляли значительную часть населения страны. Если итальянские фашисты твердили о «превосходстве» латинской, а германские — арийской расы, то железногвардейские главари заявляли то же самое относительно валахов [46].

---

[45] См.: *Языкова А. А.* Указ. соч., с. 85.
[46] *Roller M.* Op. cit., p. 178.

Главари «Железной гвардии», как и других румынских фашистских организаций, основную свою задачу видели в борьбе против коммунизма. Особую ненависть вызывали у них отстаиваемые КПР принципы пролетарского интернационализма. Веру румынских рабочих в принципы международной солидарности трудящихся они пытались подорвать разнузданной антикоммунистической пропагандой, разжиганием национальной розни и вражды к Советскому Союзу, подстрекали под прикрытием лозунга о «возрождении Великой Румынии» к войне против СССР.

Однако фашистам так и не удалось привлечь на свою сторону румынский рабочий класс, что явилось подтверждением его политической зрелости, влияния Коммунистической партии. Железногвардейцам в этом деле не помогли ни демагогические обещания, ни заигрывания с рабочими, ни лицемерное осуждение репрессий против забастовщиков. Обмануть пролетариат им не удалось. Не пошла за «Железной гвардией» и основная часть крестьянства.

По своему социальному составу эта фашистская организация была неоднородной, в нее входили люди, принадлежавшие к различным слоям общества. Основным ее компонентом являлась мелкая буржуазия города и деревни — ремесленники, мелкие землевладельцы, процесс разорения которых резко усилился в годы экономического кризиса. Именно в этот период они и были вовлечены в «Железную гвардию».

Способствовало этому и то, что разорявшаяся мелкая буржуазия проникалась экстремистскими настроениями. Фашистская идеология и практика отвечали настроениям взбесившегося мелкого буржуа, терявшего надежду на обогащение и становившегося объектом прямой эксплуатации монополистической буржуазии, тем более, что неотъемлемой частью этой идеологии был расизм, привлекавший эти элементы перспективой обеспечить себе существенные блага за счет национальных меньшинств.

Наряду с мелкобуржуазными городскими элементами ядро организации Кодряну составляли представители разорившейся земельной аристократии, промотавшие остатки былого богатства и потерявшие прежнее политическое влияние. «Железная гвардия» привлекла их своей реакционностью, близкой по духу строгой иерархией, а главное — казавшейся реальной возможностью восстановить утраченные позиции и войти в состав господствующей элиты. Активными участниками организации были студенты буржуазного происхождения, дети кулаков, деревенских торговцев, спекулянтов и ростовщиков. Ударные же силы железногвардейцев, их террористические группы и отряды, формировались из профессиональных бандитов и уголовников.

Уже в первой половине 30-х годов «Железная гвардия» начала превращаться в значительную политическую силу. Исклю-

чительно важную роль в этом сыграла политическая и финансовая поддержка со стороны всех группировок правящих кругов, каждая из которых стремилась натравить железногвардейцев на своих соперников.

Наибольшие возможности тут, естественно, оказались у могущественных буржуазно-помещичьих кругов, входивших в королевскую камарилью. В частности, помимо выплат из государственной казны, «Железную гвардию» по прямому указанию Кароля II щедро субсидировали крупнейшие воротилы румынского монополистического капитала М. Аушнит, Н. Малакса и др.

Но организация Кодряну, охотно принимая финансовую и иную помощь правящих кругов, не намеревалась ограничиться ролью послушного орудия монархии или «исторических» партий. Она стремилась к установлению собственной диктатуры.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что «Железная гвардия» претендовала на роль наиболее действенной силы, способной путем массового террора подавить революционное движение и обеспечить самые благоприятные условия для упрочения капиталистического строя в стране и реализации реакционных внутриполитических и агрессивных внешнеполитических целей румынской монополистической верхушки. Таков подлинный характер программы главарей «Железной гвардии», что является еще одним подтверждением характеристики фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»[47], данной VII конгрессом Коминтерна, проходившего в августе 1935 г.

Особенность обстановки Румынии 30-х годов состояла в том, что всесильная монополистическая верхушка, единая в своей ставке на фашизм, в силу происходившей внутри нее конкурентной борьбы разделилась, как уже было показано, на несколько группировок, каждая из которых стремилась поставить государственный аппарат на службу собственным интересам. Это и определило как существенные различия в их представлениях о способах установления диктатуры и о ее характере, так и оказываемое всеми ими противодействие стремлению главарей «Железной гвардии» к власти. Среди причин, обусловивших отказ допустить «Железную гвардию» к управлению государством, весьма существенную роль играли опасения каждой из монополистических группировок, что ее конкуренты извлекут все выгоды от железногвардейской диктатуры.

Не составляла исключения в этом отношении и королевская камарилья. Ее вполне устраивали яростные нападки железногвардейцев на парламентский режим, который, по их словам,

---

[47] *Димитров Г. М.* Избранные произведения, т. I, с. 376.

вел к «гибели нации», так как не мог обеспечить «отбора наиболее достойных национальных лидеров». Спекулируя на банкротстве буржуазной демократии в Румынии, где правящие партии дискредитировали себя в глазах народа проведением политики, шедшей вразрез с жизненными интересами широких масс, «Железная гвардия» заявляла, что «нация не может больше терпеть бесконечной смены у кормила государственного правления одних и тех же партий».

Подобные выступления лидеров железногвардейцев в целом импонировали королевской камарилье, так как соответствовали ее собственным усилиям по ликвидации остатков демократии. Характерно, что одинаковыми были даже некоторые приемы, применявшиеся как королем и его окружением, так и главарями «Железной гвардии» для заигрывания с массами с целью показать себя «защитниками народа» от пороков парламентаризма. Для сравнения приведем, например, их аргументацию относительно происхождения коррупции, процветавшей буквально во всех звеньях государственного аппарата и вызывавшей законное возмущение среди населения.

Так, в июне 1935 г. один из представителей королевской камарильи генерал Г. Маринеску, выступая по румынскому радио, заявил, что политические партии, представленные в парламенте и правительстве, состоят сплошь из «воров». Кароль II месяц спустя в интервью корреспонденту агентства Юнайтед пресс сказал, что с тех пор, как он стал королем, т. е. за пять лет, сменилось 11 правительств, и все они состояли из людей, ставивших свои личные интересы и честолюбие превыше всего. О том же говорили и писали главари «Железной гвардии», заявлявшие, что «взятка и воровство подорвали моральное здоровье румынской нации» и что повинна в этом «демократия» [48].

Каролю II и его окружению импонировало, что нападки Кодряну и его подручных на парламентскую систему сочетались с уверениями в верности короне. Например, один из идеологов «Железной гвардии» В. Марин писал, что демократия отрицает главенствующую роль короля в управлении страной, в то время как «национализм является по своей сущности монархическим».

В действительности это пропагандистский прием, рассчитанный на завоевание популярности среди крестьян, составлявших подавляющее большинство жителей страны. Потеряв доверие к буржуазно-помещичьим партиям и еще не разобравшись в том, что политика последних все больше определялась Каролем II, значительная часть сельского населения сохраняла традиционную для румынской деревни того времени приверженность монархии. Это обстоятельство и использовала «Железная гвардия», объявив себя защитницей трона, которому-де угрожали «козни демократии». Но такие заявления отражали всего лишь

---

[48] Cartea comandantului legionar. Bucureşti, f. d., p. 7.

«запасной вариант» вынашиваемых железногвардейскими главарями планов захвата власти, сводившийся к тому, что если не удастся установить фашистский режим гитлеровского типа, то последовать «итальянскому образцу».

Намерения «Железной гвардии» не могли долго оставаться тайными, тем более, что их все явственнее обнаруживали предлагавшиеся ею «пути оздоровления» страны, противоречившие планам королевской камарильи. Последняя всячески доказывала, что наилучший выход — установление единовластия монарха. К такому выводу и свел Г. Маринеску упомянутое выше выступление по радио. Главный его аргумент состоял в том, что «единственной здоровой силой» в стране является армия, верная королю. Другой довод в пользу самодержавного управления выдвинул тогда же М. Манойлеску, представитель монополистических кругов, связанных с Каролем II и особенно заинтересованных в дальнейшей милитаризации экономики. Он заявил, что соответствующая «реорганизация» невозможна без «сильной власти» во главе с королем.

В этом-то как раз и заключалось основное противоречие между приверженцами королевской диктатуры и железногвардейцами. Поскольку Кодряну и его подручные сами рвались к власти, все их выступления против буржуазной демократии заканчивались требованием передать управление страной из «немощных трясущихся рук астматиков в руки молодого поколения, обогащенного идеями Ницше».

Стремление железногвардейцев к власти и немедленному заключению союза Румынии с гитлеровской Германией представляло в середине 30-х годов опасность для экономических и политических интересов подавляющего большинства румынской буржуазии и помещиков, сотрудничавших преимущественно с англо-французскими монополистическими кругами. Господствующие классы страны были также обеспокоены тем, что банды Кодряну развязали террор не только против коммунистов, но и против буржуазно-помещичьих деятелей, в чем-либо не согласных с «Железной гвардией». Деятельность последней в качестве гитлеровской агентуры в Румынии вызывала недовольство и в правительственных кругах Англии и Франции.

В результате наряду со всесторонней поддержкой усилий «Железной гвардии» в деле подрыва революционного движения, время от времени предпринимались против нее те или иные меры, являвшиеся, впрочем, тоже одной из форм воздействия с целью «приручения». Причем характер и масштабы таких мер зависели от того, какая из соперничавших буржуазно-помещичьих группировок обладала в тот момент ведущими позициями в управлении государством и насколько опасной для себя считала она деятельность «Железной гвардии».

В годы мирового экономического кризиса, как уже говорилось, у власти находилось национал-царанистское правительст-

во, всемерно поддерживавшее «Железную гвардию». Контакты с ней осуществлялись через А. Вайду-Воевода, занимавшего сначала пост министра внутренних дел, а затем премьер-министра. Суть этих связей раскрыл позднее на процессе железногвардейцев-убийц командир одного из легионерских отрядов Г. Беза. «С самого начала,— заявил он,— «Железная гвардия» была полицейской организацией и предпринимала только те акции, которые ей приказывал осуществить министр внутренних дел Вайда-Воевод». Последний признал это, выступая в качестве свидетеля, однако уточнил, что «направлял внимание организации («Железной гвардии».— *Н. Л.*) на борьбу с коммунизмом» [49].

Между тем Каролю II, не достигшему в 1931 г. успеха в попытке государственного переворота, дело представлялось иначе. Одной из причин своей неудачи он считал противодействие парламентских партий, в том числе национал-царанистов и связанных с ними железногвардейцев. Воспользовавшись тем, что не все члены правительства разделяли симпатии Вайды-Воевода к Кодряну, король настоял в 1931 г. на принятии решения о запрете «Железной гвардии».

Но практических последствий этот акт не имел. Будучи формально распущенной, «Железная гвардия» благодаря покровительству части членов правительства продолжала действовать. Она даже выступила на парламентских выборах в том же году, правда под новым названием — «Группировка Корнелиу Кодряну», и выставила 17 кандидатов. И хотя она не получила ни одного мандата, так как собрала всего лишь 30 тыс. голосов, тем не менее это свидетельствовало, что, несмотря на запрет, ей удалось даже расширить свое влияние. Увеличение числа ее сторонников происходило и в дальнейшем; в следующем году она уже получила пять мест в парламенте.

Приход Гитлера к власти в Германии ободрил румынских фашистов-железногвардейцев, вызвав заметную активизацию их деятельности. Именно к тому времени относится усиление их попыток захватить власть в стране. На этой основе возник тогда конфликт между ними и их противниками в национал-царанистском правительстве.

Поводом послужило сборище 800 железногвардейцев в районе Вишани в июле 1933 г. Хотя оно было разрешено А. Вайдой-Воеводом, являвшимся тогда премьер-министром, тем не менее министр внутренних дел А. Калинеску, «до неистовства преданный Каролю II», распорядился разогнать собрание. Взбешенный Кодряну направил премьер-министру письмо, в котором заявлял, что железногвардейцы «скорее погибнут, чем потерпят унижение». Однако Калинеску твердо стоял на своем, вследствие чего и был внесен в «черный список», а впоследствии убит железногвардейцами.

---

[49] «Patria», 31.III 1934.

Еще раньше такая же участь постигла председателя национал-либеральной партии И. Дуку. «Старые либералы» раньше других буржуазных группировок потерпели неудачу в попытках использовать «Железную гвардию» в своих интересах. Видя, что борьба за влияние на нее велась теперь между королевской камарильей и национал-царанистами и не без основания считая, что и малоэффективный запрет этой организации в 1931 г., и разгон устроенного ею сборища в июле 1933 г. были всего лишь проявлением этой борьбы, они попытались вмешаться в нее.

Но сделали неосторожный ход. Критикуя А. Калинеску за недостаточность принятых им мер и обвиняя А. Вайду-Воевода в попустительстве Кодряну и его бандам, И. Дука в интервью парижской газете заявил, что, став главой правительства, уничтожит «Железную гвардию».

На выборах в декабре 1933 г., когда национал-царанисты окончательно дискредитировали себя в глазах народных масс, национал-либералы получили 55% голосов. В результате они смогли сформировать правительство, которое возглавил председатель партии И. Дука. Первым же актом, подписанным новым премьер-министром, было опубликованное в правительственном вестнике «Мониторул официал» решение кабинета о роспуске организации Кодряну. Одновременно по распоряжению Дуки были арестованы некоторые ее активисты.

Эти действия при сложившемся тогда соотношении сил не могли быть предприняты без одобрения короля. Между тем он еще верил, что сможет подчинить себе «Железную гвардию» и потому не сразу дал свое согласие. Конец его колебаниям положила позиция тогдашнего министра иностранных дел Н. Титулеску, заявившего, что он войдет в состав кабинета Дуки только при условии роспуска «Железной гвардии», деятельность которой мешала проводимой им и поддерживаемой в то время Каролем II политики ориентации на западные державы.

Вместе с тем Кароль, руководствуясь своими планами в отношении железногвардейцев, не захотел объявить королевским декретом о роспуске их организации[50], предоставив это новому главе правительства.

Таким шагом он рассчитывал убить двух зайцев: нанести удар по Кодряну, чтобы сделать его более сговорчивым, и восстановить «Железную гвардию» против Дуки. Последнее объяснялось тем, что лидер «старых либералов» в качестве премьер-министра не устраивал королевскую камарилью, так как она опасалась нежелательных изменений в экономической политике и вследствие того, что И. Дука выступал в 1930 г. против восстановления Кароля II на румынском престоле[51].

---

[50] *Bolitho H.* Rumania under King Carol. New York, 1940, p. 150.

[51] *Prost H.* Destin de la Roumanie. 1918—1954. Paris, 1954, p. 67.

Расчет короля и его окружения устранить премьер-министра И. Дуку оправдался. Он был убит железногвардейцами.

Убийство произошло при обстоятельствах, которые дают основания полагать, что королевская камарилья не только спровоцировала, но и являлась соучастницей этого преступления. 29 декабря 1933 г. Дука был на аудиенции у короля в его летней резиденции. В 8 часов премьер-министр покинул дворец и прибыл на железнодорожную станцию Синайя. На перроне его уже в течение нескольких часов ожидали трое убийц. По странному «совпадению» на неизвестных лиц никто не обратил внимания, на перроне не горел свет и не было ни одного из восьми полицейских, выделенных для охраны премьер-министра.

Сопоставляя эти, а также другие факты, в том числе ненависть Кароля II и его окружения к лидеру «старых либералов», некоторые западные буржуазные авторы признают причастность королевской камарильи к расправе над ним. «Не будет слишком смелым утверждать,— писал один из них,— что убийство Дуки было совершено при участии министра внутренних дел Инкулеца и префекта полиции Маринеску»[52].

Когда убийцы сделали свое дело, они были схвачены. Тотчас же обнаружилась их принадлежность к «Железной гвардии». По стране прокатилась волна возмущения, повсюду требовали сурового наказания террористов и тех, кто направлял их преступную деятельность. Последовали новые аресты. В тюрьме оказались многие железногвардейцы и некоторые их руководители, в том числе крупный помещик отставной генерал князь З. Кантакузино-Граничеру.

Что касается К. Кодряну, которого также разыскивали, то он, по свидетельству биографа Кароля II, в поисках безопасного места явился на виллу любовницы короля Елены Лупеску. Боясь, что железногвардейцы убьют и ее, если она не спрячет Кодряну, мадам Лупеску переправила его в дом своего отца. Любопытно, что король, узнав об этом, не только одобрил ее действия, но и тотчас отправился туда же для переговоров с Кодряну. «Они до поздней ночи обсуждали политические вопросы,— сообщает тот же автор.— И хотя Кароль предлагал ему фактическое партнерство, Кодряну отклонил требование поставить «Железную гвардию» под личный контроль короля»[53].

Учитывая щекотливое положение, в котором оказался Кодряну, его неуступчивость можно объяснить тем, что, как он знал, Кароль II не только нуждался в железногвардейцах, но и опасался, как бы они не распространили свою террористическую деятельность дальше желаемых им пределов. Такой «фон» переговоров виден из их исхода. Было достигнуто лишь одно соглашение: главарь «Железной гвардии» обязался «не нападать»

---

[52] *Prost H.* Op. cit., p. 67.
[53] *Cartland B.* Op. cit., p. 143—144.

на короля и его окружение, а Кароль — обеспечить безопасность Кодряну и его сторонников, а также оказывать им всемерное содействие, в том числе помочь «оправданию Кодряну в суде»[54].

После этого Кодряну спокойно отдал себя в руки румынской полиции, которая и на этот раз оставила его на свободе под тем предлогом, что следствием якобы не установлена его связь с убийцами Дуки. Последние в марте 1934 г. были приговорены военным трибуналом к пожизненному заключению, а остальные арестованные железногвардейцы, в том числе Кодряну, освобождены.

Показательно, что правительственный комиссар на процессе вообще отказался выдвинуть какие-либо обвинения против них, а свидетелями защиты выступили Вайда-Воевод, Маниу и другие лидеры национал-царанистов. Руководствуясь интересами партийной борьбы против национал-либерального правительства, а также соображениями об использовании фашистских организаций против демократических сил, руководимых коммунистами, они по существу осудили решение о роспуске «Железной гвардии», назвав этот акт «неумным». В частности, Вайда-Воевод прямо заявил, что поддержка «Железной гвардии» позволяет направить «разрушительную энергию румынской молодежи» на борьбу с коммунизмом.

Эта грязная история имела неожиданное продолжение. Впоследствии, когда внутри «Железной гвардии» обострилась борьба за главенство между Кодряну и его заместителем Стелеску, «капитан» решил избавиться от последнего и с этой целью стал давать ему самые опасные поручения. При выполнении одного из них Стелеску был арестован. В тюрьме 12 октября 1935 г. он написал письмо, в котором обвинил Кодряну в стремлении подчинить организацию своим личным целям и честолюбивым замыслам, а после освобождения официально порвал с «Железной гвардией» и сделал разоблачительное заявление относительно обстоятельств убийства премьер-министра Дуки. В связи с этим правительство под давлением общественности было вынуждено назначить судебный пересмотр дела.

Но все еще оставалось в силе тайное соглашение Кодряну с Каролем II, соблюдавшееся обеими сторонами. И хотя вследствие преобладания национал-либералов в парламенте решение о роспуске «Железной гвардии» после убийства Дуки было подтверждено, это не помешало ей продолжать свою деятельность. Объяснение тому следует искать в последовавшем резком усилении позиций королевской камарильи.

Хотя по традиции правительство должен был возглавлять глава партии большинства, а им после гибели И. Дуки стал Д. Брэтиану, также принадлежавший к «старым либералам», вместо него Кароль II поручил сформировать кабинет Г. Тата-

---

[54] Ibidem.

реску. Новый премьер-министр, как уже говорилось, был лидером «молодых либералов» и входил в ближайшее окружение короля. Поэтому с его назначением на пост главы правительства, как отмечала Компартия Румынии, «значительно возросла роль королевской камарильи и военной клики, а фашизация либеральной партии и государства сделала значительный шаг вперед»[55].

Группировавшаяся вокруг короля верхушка монополистической буржуазии теперь могла еще шире использовать аппарат управления государством для упрочения своих позиций, для ускорения подготовки к установлению диктаторского режима в стране. Такой курс и проводило правительство Г. Татареску. Он, как показано выше, привел к усилению господства королевской камарильи в экономике страны за счет оттеснения конкурирующих буржуазно-помещичьих группировок и дальнейшего усиления эксплуатации трудящихся. На очереди было решение следующей задачи — постепенная подготовка к установлению монархо-фашистского режима.

Чтобы создать благоприятные условия для осуществления этих планов, ежегодно издавались королевские декреты, продлевавшие осадное положение, введенное после революционных выступлений румынского пролетариата в феврале 1933 г. В нарушение конституции 1923 г., провозгласившей буржуазно-демократические свободы, в 1934 г. был принят закон «О защите государства», запрещавший деятельность коммунистической партии и других демократических организаций. В то же время в дополнение к существовавшим фашистским группировкам была создана под эгидой короля еще одна — молодежная, именовавшаяся «Стража цэрий» и организованная по образцу «гитлерюгенда».

Проводя фашизацию политической жизни страны и, подобно «Железной гвардии», заимствуя приемы и методы из арсенала итальянских и германских фашистов, королевское правительство стремилось путем разжигания национализма и социальной демагогии привлечь население на свою сторону. В 1934 г. был принят закон, по которому устанавливалось, что 50% директоров, управляющих и других руководителей, а также 80% всех категорий служащих предприятий и обществ должны быть «румынскими гражданами». Позднее эту «квоту» еще более увеличили. Подразумевалось при этом не подданство, а национальная принадлежность. К тому же подобного рода мероприятия совершенно не касались иностранного капитала, хотя именно он занимал ключевые позиции в экономической и политической жизни страны.

Цель правительства Г. Татареску состояла в том, чтобы, учитывая многонациональный состав населения страны, направить

[55] Documente din istoria partidului comunist din Romînia. 1934—1937, p. 70.

в русло национализма недовольство мелкобуржуазных масс, убедить их, что все несчастья происходят от «засилья» лиц нерумынской национальности, которые якобы «вытеснили румын». Речь шла о венграх, проживавших в основном в некоторых районах Трансильвании, и целом ряде других национальных меньшинств, в первую очередь евреях. Разжигание воинствующего антисемитизма и превращение его в одну из основ политики государства также было делом рук кабинета Г. Татареску и отражало его стремление найти «общий язык» с «Железной гвардией», черпавшей свои «идеи» у германского фашизма.

Все это определяло взаимоотношения между королевской камарильей и железногвардейцами, опираясь на поддержку которых она стремилась обрести «массовую базу». По совету Кароля II и министра юстиции В. Попа «Железная гвардия» начала выступать от имени партии «Все для страны». Официальным ее главой считался князь Кантакузино-Граничеру, фактическим же руководителем оставался Кодряну. Субсидировалась она королем через премьер-министра Татареску и министра внутренних дел Инкулеца[56].

При таких условиях нечего было и думать, что власти дадут ход разоблачительному заявлению Стелеску. Сам он по приказу Кодряну был зверски убит в больнице, где находился на излечении после операции, а в ответ на решение относительно пересмотра дела о расправе над И. Дукой железногвардейцы в апреле 1936 г. провели съезд в Тыргу-Муреше, на котором приняли решение физически уничтожить ряд своих противников из национал-царанистской партии, в том числе Н. Титулеску, В. Маджару, М. Гельмеджеану, А. Калинеску, которые активно поддерживали Кароля II, но в отличие от группировки А. Вайды-Воевода выступали против террористической деятельности железногвардейцев. Для того чтобы наверняка обеспечить себе дальнейшую поддержку короля, Кодряну прибегнул к уже испытанному приему — включил в «черный список» и мадам Лупеску.

Кароль II был разгневан. Ведь он «честно» выполнял условия соглашения с Кодряну и даже помогал в организации съезда железногвардейцев. В частности, по его указанию правительство предоставило им бесплатно специальный поезд из Бухареста в Тыргу-Муреш. Всячески содействуя им, королевская камарилья рассчитывала использовать железногвардейцев для борьбы против левых сил, в разряд которых она, между прочим, зачисляла даже буржуазно-помещичьи оппозиционные круги. Премьер-министр Г. Татареску, например, в одной из своих речей в 1936 г. назвал национал-царанистов и всех, кто левее, «оппозицией анархии», не причислив к ней железногвардейцев.

---

[56] *Seton-Watson H.* Op. cit., p. 207.

Последние же, в отличие от короля, сочли момент подходящим для нарушения договоренности. Еще по пути в Тыргу-Муреш они сделали остановку в Синайе и надругались над памятью убитого ими премьер-министра Дуки, осквернив мемориальную доску, установленную на вокзале. Бесчинствуя, они выкрикивали: «Смерть Елене Лупеску!» Ей, а также вышеупомянутым деятелям национал-царанистской партии после съезда в Тыргу-Муреше были отправлены за подписью генерала Кантакузино-Граничеру письма, в которых им предлагался «выбор» — либо уход с политической арены, либо смерть.

Эта очередная атака железногвардейцев представляет интерес тем, что ее острие было направлено не только против ряда политических деятелей, но и против Елены Лупеску и тем самым против Кароля II. Учитывая последующие события, о которых речь пойдет ниже, можно считать, что съезд в Тыргу-Муреше положил начало открытой борьбе «Железной гвардии» против королевской камарильи, или, иначе говоря, активизации усилий Кодряну и его сторонников по подготовке к захвату власти.

Объяснение тому — в окрепших и принявших конкретное направление контактах «Железной гвардии» с Берлином.

Оценивая силы румынских фашистских группировок, гитлеровская клика некоторое время колебалась в выборе той из них, на которую можно было бы сделать ставку. После Ш. Татареску в Берлине побывал и А. Куза, заявивший по возвращении: «Гитлер дал нам все необходимые инструкции для организации штурмовых отрядов... Мы будем прочно связаны с гитлеровской организацией в Вене...»[57]. Однако кузисты все же не стали основной опорой германского фашизма в Румынии. Следующим его шагом в этом направлении явились несколько поездок гитлеровских эмиссаров в Бухарест и другие румынские города в начале 1931 г., в результате которых самой «перспективной» была признана «Железная гвардия». С того времени она стала главной агентурой Берлина в Румынии, его фаворитом № 1[58].

Среди многочисленных документов, подтверждающих это, существует недавно ставший известным протокол секретного совещания в германском министерстве иностранных дел, состоявшегося 23 июня 1934 г. при участии А. Розенберга, Р. Гесса и Г. Гиммлера. На совещании, в частности, констатировалось, что с помощью полученных из Берлина 750 тыс. германских золотых марок «Железная гвардия» продолжает увеличивать свою численность и повышать активность. Однако гитлеровские главари выразили свое недовольство тем, что она не выполнила одно из своих обязательств — убить румынского министра иностранных дел Н. Титулеску, который вызвал ненависть гитлеровцев своей политикой ориентации на западные державы[59].

[57] Impotriva fascismului, p. 85.
[58] Ibid., p. 87.
[59] Ibidem.

Все это дает основание полагать, что не только подготовлявшееся железногвардейцами убийство Н. Титулеску, но и уничтожение политических деятелей, включенных в «черный список» в Тыргу-Муреше в 1936 г., входили в число акций, выполнявшихся по указанию из Берлина. Гитлеровцы не ограничивались финансированием «Железной гвардии», а предпринимали всевозможные другие меры для усиления ее позиций. Еще в 1934 г. они с целью обеспечить взаимодействие между Кодряну и фашистскими организациями трансильванских немцев создали на свои средства в Бухаресте так называемый румыно-германский институт культуры, в руководящий центр которого вошли «духовный отец» железногвардейцев Н. Крайник и лидер немецкого меньшинства в Трансильвании.

Таким образом, начиная с первой половины 1934 г. германский фашизм сделал ставку в Румынии на «Железную гвардию», финансировал и направлял ее деятельность. Железногвардейцы расценили широкую поддержку гитлеровской Германии как верный способ захвата власти в стране в свои руки. По мнению современного румынского историка П. Илие, эта поддержка, усиленно рекламировавшаяся железногвардейцами, в значительной мере способствовала росту их численности и влияния в 1934—1937 гг.[60]

Соответственно возрастала агрессивность приверженцев Кодряну, в том числе и по отношению к королевской камарилье, нашедшая проявление и в описанных выше событиях 1936 г.

Хотя Кароля II взбесили угрозы железногвардейцев по адресу Е. Лупеску, все же он и на этот раз не пошел на решительные меры, приберегая их для борьбы с демократическими силами, с революционным движением, возглавляемым коммунистами. Когда письма за подписью Кантакузино-Граничеру стали предметом судебного разбирательства, королевский прокурор заявил, что не находит в них состава преступления. Что же касается железногвардейцев, убивших Стелеску, то суд вынес довольно мягкий приговор, а Кодряну, по приказу которого совершались все чудовищные преступления его банд, вообще не тронули.

Это не могло не поощрить легионеров на новые бесчинства и террористические акты. В августе 1936 г., когда руководители национал-царанистов в целях охраны своей безопасности решили создать «крестьянскую гвардию», группа железногвардейцев явилась на виллу генерального секретаря этой партии В. Маджару и пригрозила убить его, если будет совершено покушение на жизнь их «капитана».

Против создания «крестьянской гвардии» немедленно ополчилось и правительство Г. Татареску. Этот шаг национал-царанистских лидеров был объявлен проявлением анархии. Под

---

[60] Ibidem.

предлогом борьбы с ней 29 августа 1936 г. было принято решение о роспуске всех так называемых «гвардий». Однако оно не коснулось железногвардейцев. И совсем не потому, что их организация теперь именовалась партией «Все для страны», а вследствие поддержки, оказываемой ей правительством.

В действительности распоряжение правительства было одним из проявлений его нового значительного сдвига вправо и имело целью повести решительную атаку на демократические силы. Главный удар королевская камарилья направляла при этом против компартии, растущий авторитет и влияние которой мешали буржуазно-помещичьей реакции установить диктаторский режим в стране и усилить гнет и эксплуатацию трудящихся.

Отмечая исключительно тяжелое положение народных масс Румынии, пленум ЦК КПР, состоявшийся в августе 1936 г., указывал: «Крестьянство, рабочий класс, ремесленники, служащие, интеллигенция, мелкие торговцы поставлены в условия физического вырождения. Крестьяне мрут от голода, пеллагры, сифилиса, сыпного тифа. Социальные болезни приобретают эпидемический характер и среди городского населения. Туберкулез косит служащих. Больницы закрываются, смертность растет, а рождаемость падает. Закрываются университеты и школы, неграмотность увеличивается и понижается культурный уровень народа. Возгласы отчаяния раздаются со всех сторон»[61].

Все это не могло не вести к недовольству политикой правящей верхушки, обострению классовых противоречий, росту борьбы масс за свои жизненные права.

Революционно настроенных трудящихся не могла обмануть лицемерная политика Кароля II, сочетавшего террористические методы с беззастенчивой демагогией и в зависимости от того, кому адресовались его речи, именовавшего себя «королем рабочих», «королем крестьян», «королем культуры» и т. п. Вскрывая роль короля в зверском подавлении революционных выступлений трудящихся Румынии в феврале 1933 г., орган компартии газета «Скынтейя» писала, что Кароль II, «которого подобрали в кабаре Парижа... стоит во главе всех кровавых действий против рабочих и крестьян... Трудящиеся массы не ждут никакой помощи от первого помещика и палача Румынии. Трудящиеся массы борются за свержение монархии и всей буржуазно-помещичьей диктатуры»[62].

Под руководством областного комитета КПР в октябре 1934 г. состоялась крупная забастовка рабочих на лесозаготовках в долине р. Гимеш, поддержанная крестьянами окрестных сел и вылившаяся в подлинное восстание. Его участники заняли примарии нескольких сел, изгнав оттуда представителей властей и жандармов, уничтожили долговые списки, захватили склады,

[61] Documente din istoria partidului comunist din Romînia. 1934—1937, p. 424—425.

[62] См.: *Tutui Gh., Popa M.* Hohenzollernii în Romînia. Bucureşti, 1962, p. 47.

где хранились конфискованные у крестьян продукты. Правительству удалось подавить восстание лишь после того, как оно использовало значительные воинские силы и жандармские подразделения, действовавшие с обычной в таких случаях жестокостью: были убиты 32 человека, большое число участников подверглось тяжким наказаниям.

Но борьба не прекращалась. В том же 1934 г. бастовали рабочие угольных шахт, текстильных фабрик в Бухуше и Яссах, лесоразработок в Чуке и многих других предприятий. Они требовали повышения заработной платы и прекращения увольнений. В Бухаресте рабочие заводов «Малакса» и «Титан» провели демонстрацию протеста против наступления на жизненный уровень трудящихся, против фашизма и военных приготовлений. Согласно румынской официальной статистике того времени, в 1935 г. имели место 274 трудовых конфликта, а в 1936 г.— 345, охватившие соответственно 76 813 и 83 988 рабочих. В их число включены как конфликты, разрешавшиеся путем соглашения, так и забастовки, число и масштабы которых значительно преуменьшены. Тем не менее даже из этих заниженных данных явствует, что, например, в 1936 г. в 88 стачках участвовало более 16 тыс. рабочих.

Компартия, несмотря на свою малочисленность и преследования со стороны властей, пользовалась большим влиянием и авторитетом среди рабочих. Под ее руководством румынский пролетариат вел мужественную борьбу за улучшение своего экономического положения, за демократические свободы и мир. Наиболее крупными его выступлениями в 1936 г. явились стачки шахтеров и металлургов в Анине, на заводе «Хауг» в Бухаресте, а также в Бухуше, где 5 тыс. текстильщиков бастовали в течение 70 дней. Не раз прекращали работу железнодорожники и нефтяники. Летом того же года более месяца длилась забастовка 2 тыс. рабочих арадского завода «Астра вагоане», а осенью восемь недель вели упорную борьбу за свои права рабочие крупнейшей в Румынии обувной фабрики «Дермата». В первые месяцы 1936 г. забастовочная волна прокатилась по предприятиям Бухареста, Медиаша, Тимишоары и других городов. В Араде шесть недель не работала фабрика «ИТА», 2500 рабочих которой добивались улучшения условий труда и жизни.

Забастовочная борьба рабочих сочеталась с демонстрациями мелких ремесленников и торговцев, инвалидов войны, представителей интеллигенции, протестовавших против грабительской налоговой политики правительства и фашизации страны, выступлениями крестьян против жестокой эксплуатации, непосильного бремени налогов, за землю и свободу. В Мехединце, Долже, Турде и других уездах крестьяне, вооружившись топорами и вилами, изгоняли сборщиков налогов и жандармов, производивших конфискацию имущества за неуплату налогов. «Нет ни одного уезда,— сообщала коммунистическая печать,— где бы

крестьяне, по меньшей мере в двух-трех селах, не выгнали бы сборщиков налогов»[63].

Непрекращающиеся забастовки рабочего класса, выступления трудящегося крестьянства в 1934—1935 гг., а также растущее недовольство мелкобуржуазных городских кругов показали, что политика королевской камарильи наталкивалась на сильнейшее сопротивление со стороны народных масс. Подавить их противодействие и укрепить свое господство буржуазно-помещичья верхушка могла только путем установления фашистской диктатуры. Как мы видели, по этому пути она и пошла.

Румынская буржуазия, будучи неспособной выступить руководителем борьбы за демократию и прогресс, за национальные интересы своей страны, всегда проявляла склонность к компромиссам с самыми реакционными силами. Поэтому даже те слои господствующих классов Румынии, которые по различным причинам не симпатизировали и даже осуждали фашистское движение, отвергали решительную борьбу против него путем объединения всех антифашистских сил страны. При всех минусах фашизм казался румынским буржуазно-помещичьим кругам наименьшим злом по сравнению с коммунизмом. И они всеми средствами стремились затормозить нараставшее недовольство масс, переплетавшееся теперь с борьбой против фашизма.

В этих условиях знамя антифашистской борьбы в Румынии подняли пролетариат и его революционная партия. КПР учитывала, что после революционных боев в феврале 1933 г. антифашистские настроения усилились в широких слоях населения. Поскольку же успех борьбы против фашизма зависел от совместных действий демократических сил, компартия прилагала огромные усилия для их объединения.

В конце 1934 г. ЦК КПР принял решение «О немедленных задачах партии в связи с фашизацией страны», в котором на первый план выдвигалась организация массовых выступлений в целях развития широкого антиимпериалистического и антифашистского движения. ЦК КПР указал, что формами этих выступлений могли быть и экономическая борьба пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии, и борьба с шовинизмом и требования отмены осадного положения и «чрезвычайных законов», и сопротивление попыткам развязывания империалистической войны. В том же году компартия обратилась к народным массам с манифестом «Против нищеты, фашизма и войны — единый фронт борьбы».

Для ведения работы в массах под руководством КПР создавались многочисленные легальные демократические организации — молодежные, женские, просветительные и другие. Общее их число, несмотря на предпринятые против них репрессии властей, в 1933—1938 гг. достигало 30.

---

[63] См.: *Язькова А. А.* Указ. соч., с. 100.

Некоторые из них просуществовали недолго. В феврале 1936 г. с целью развертывания культурной работы среди масс и борьбы против суеверий, являвшихся питательной средой для реакционной и фашистской пропаганды, была создана «Лига борьбы с предрассудками». Первые же ее успехи насторожили правительство, и оно тотчас же наложило на нее запрет. Месяц спустя возникла «Лига борьбы против грубого обращения», созданная КПР для защиты политзаключенных от зверств и террора, для оказания им моральной и материальной помощи, а также борьбы с рукоприкладством в школах, на заводах, в помещичьих и кулацких владениях. В июне того же года правительство запретило и эту организацию.

С июня 1933 до ноября 1934 г. действовал Национальный антифашистский комитет, имевший отделения в Брэиле, Галаце, Ботошани, Питешти, Каракале, Рымникул-Сэрате, Крайове и других городах. Он издавал «Бюллетень антифашистского движения», в котором разоблачал фашистскую демагогию и правительственную политику покровительства железногвардейцам и другим румынским фашистам, призывал в свои ряды «всех обеспокоенных ростом фашистской опасности», указывал им путь борьбы с нею [64]. Более продолжительное время удалось продержаться таким организациям, как «Комитет защиты антифашистов» (с начала 1935 до середины 1937 г.) и «Группа адвокатов-демократов» (1935—1938 гг.).

«Группа адвокатов-демократов» имела секции в 52 уездах страны. Ее члены выступали на судебных процессах, инсценированных правящими кругами в целях подавления демократических сил, возглавляемых коммунистической партией. В группу входили такие выдающиеся адвокаты, как Ион Георге Маурер, Михаил Маковей, Стелиан Ницелеску, Михаил Кручану. Они выступали на крупнейших в те годы судебных процессах над руководителями революционной борьбы румынского пролетариата Георге Георгиу-Дежем, Киву Стойкой, Илие Пинтилие, Георге Василики, Николае Чаушеску и 24 другими антифашистами-коммунистами, Георге Апостолом, Александру Могиорошем, Григоре Преотяса, Петре Константинеску-Яшь, Теодором Бугнариу и другими.

Организуя борьбу национальных меньшинств, КПР добилась в августе 1934 г. создания Союза венгерских трудящихся Румынии (МАДОС). Он выступал против капиталистической эксплуатации, реакционной политики румынских и венгерских капиталистов и помещиков, против фашизма, шовинизма и расизма, в защиту демократических свобод. Отделения МАДОС имелись в Бухаресте, Клуже, Одорхее, Сфынтул-Георге, Хунедоаре, Брашове, Араде, Тимишоаре, Сату-Маре, Турде и других местах. Орга-

---

[64] *Constantinescu-Iaşi P.* Organizaţii de masă legale conduse de partidul comunist din Romînia în anii 1932—1932. Bucureşti, 1952, p. 35.

низации «Союза венгерских трудящихся Румынии» под руководством компартии активно участвовали в крестьянском восстании в Валя Гимешулуй.

Демократической организацией трудящегося крестьянства являлся и «Фронт земледельцев», созданный П. Грозой в начале 1933 г. Легально действуя в период до установления королевской диктатуры в феврале 1938 г., он всемерно содействовал компартии в деле объединения всех демократических сил.

В 1935 г. «Фронт земледельцев» заключил соглашение с МАДОС о совместной антифашистской борьбе. Когда же деятельность обеих этих организаций была запрещена, они перешли на нелегальное положение и продолжали тесно сотрудничать с КПР.

Коммунистическая партия Румынии вела большую работу по вовлечению масс в антифашистскую борьбу, широко использовала как нелегальную, так и легальную печать. В 1933 г. выходило 72 таких издания, в 1934 г.— 65, в 1935 г.— 70. Сигуранца (политическая полиция) с беспокойством отмечала рост их тиража. По ее данным, нелегальные издания расходились в количестве 5—6 тыс. экземпляров, а легальные, используемые компартией,— 25—30 тыс.[65]

В феврале 1935 г. ЦК КПР принял решение добиваться создания Народного антифашистского фронта. В этом документе отмечалось: «Чтобы помешать фашистским мероприятиям правительства, бьющим по всем слоям трудящегося населения Румынии, и преградить путь установлению военно-фашистской диктатуры, необходимо мобилизовать вокруг рабочего класса и под его руководством всех союзников... создать вокруг пролетарского ядра широкий Народный антифашистский фронт». Компартия указывала, что он должен отличаться от антифашистского движения последних лет как широтой и конкретностью целей, так и методами действий. Далее подчеркивалось, что задача Народного антифашистского фронта—объединить не только рабочих, но и все слои мелкой буржуазии города, ремесленников, интеллигенцию и в особенности все трудящееся население деревни, т. е. всех недовольных политикой правительства[66].

Как видно из этого решения, компартия тогда еще не указывала прямо на возможность вовлечения в Народный антифашистский фронт других слоев буржуазии, в том числе средней, интересы которых ущемляла королевская камарилья, но в нем уже ставился вопрос о необходимости применения более гибкой тактики и установления единства действий с массовыми буржуазными партиями, в частности с национал-царанистской. Несмотря на то, что руководители этой партии, заявлялось в решении, входят в число проповедников фашизма, ее рядовые

[65] «Studii», 1963, № 1, p. 40—41.
[66] Documente din istoria partidului comunist din Romînia. 1934—1937, p. 216—217.

члены не хотят ни фашистского террора, ни фашистской диктатуры.

Деятельность Компартии Румынии по объединению демократических сил страны вступила в новую фазу после VII конгресса Коминтерна, который четко определил расстановку политических сил в борьбе против фашизма и выработал стратегию и тактику мирового коммунистического и рабочего движения. Как отмечал позднее Г. Георгиу-Деж, «руководствуясь ценными указаниями VII Конгресса Коммунистического Интернационала, партия усилила свою работу по обеспечению единства действий рабочего класса и сплочению вокруг пролетариата всех общественных слоев и категорий, заинтересованных в демократическом развитии страны, в защите мира и национальной независимости в целях создания широкого Народного антифашистского фронта» [67].

Огромные трудности в работе по объединению антифашистских сил страны усугублялись расколом рабочего движения. В Румынии существовали три социалистические партии: социал-демократическая во главе с Т. Петреску, левосоциалистическая К. Поповича и так называемая унитарная социалистическая. КПР неоднократно предпринимала шаги к достижению соглашения с ними о совместных действиях в борьбе против фашизма — и к концу 1935 г. добилась первого успеха в этом деле.

К тому времени компартия наряду с борьбой за Единый рабочий фронт предприняла усилия по созданию под своим руководством массовой легальной организации, вокруг которой сплотились бы все антифашистские, демократические силы. Так возник «Блок защиты демократических свобод», или, как его сокращенно называли, «Демократический блок», который развил большую активность по мобилизации рабочих, крестьян, мелких ремесленников, интеллигенции, служащих на борьбу против фашистской опасности, за улучшение жизненных условий, в защиту демократических свобод, прогресса и мира.

В сентябре 1935 г. «Демократический блок» начал переговоры о единстве действий с левосоциалистической партией К. Поповича, «Фронтом земледельцев» и МАДОС, завершившиеся в ноябре-декабре, накануне частичных выборов в парламент, заключением соглашения о единстве действий. Что касается социал-демократической партии, то ее реформистское руководство вновь уклонилось от участия в совместных действиях всех демократических сил. Так же поступили и национал-царанистские лидеры, которым тоже было послано предложение о сотрудничестве в борьбе с фашизмом. Тогда «Демократический блок» обратился непосредственно к низовым организациям этих партий и добился соглашения с рядом из них. В этой связи следует отметить, что левое крыло национал-царанистов приняло актив-

[67] *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи (1960—1962). Бухарест, 1963, с. 210.

ное участие в работе созданных компартией в начале 1936 г. «гражданских комитетов», ставивших своей задачей борьбу с угрозой фашизма, в защиту демократии, за равноправие женщин и всех граждан независимо от национальности, вероисповедания и социального положения, против дороговизны и спекуляции, за контроль над расходованием общественных средств. Рост авторитета «Демократического блока» привел к сотрудничеству с ним и такие буржуазно-демократические группировки, как царанистская (крестьянская) партия, руководимая Н. Лупу, радикально-царанистская во главе с Г. Юнианом и др.

Тем самым были заложены основы Народного антифашистского фронта. Наличие объективных условий для его создания в масштабах всей страны ярко подтвердило единение демократических сил, обеспечивших победу своим кандидатам на частичных выборах в парламент в уездах Хунедоара и Мехединц в феврале 1936 г. и тем самым нанесших сокрушительное поражение реакции.

Развивая этот успех, КПР усилила борьбу за объединение демократических сил. Под давлением масс съезд социал-демократической партии в апреле 1936 г. проголосовал за резолюцию, призывающую к борьбе с фашизмом, а 1 мая несколько тысяч рабочих, собравшихся в Народном доме, высказались за Единый рабочий фронт. Они также потребовали создания Народного антифашистского фронта. В поддержку этой идеи выступил и ряд организаций национал-царанистской партии в Бухаресте, Яссах и других городах.

22 апреля 1936 г. состоялось пленарное заседание руководства «Демократического блока», в котором участвовали представители 14 организаций, в том числе национал-царанистской и социал-демократической партий, МАДОС, демократического студенчества, железнодорожников, металлургов. Было принято решение немедленно приступить к созданию широкого Народного антифашистского фронта на основе программы-минимум, включавшей борьбу против дороговизны, высоких налогов, цензуры, осадного положения и подготовки войны, за роспуск фашистских организаций, политическую амнистию и т. д.[68]

Руководство национал-царанистской партии попыталось использовать рост антифашистских настроений широких масс для своей конкурентной борьбы против правительства королевской камарильи. С той же целью 31 мая 1936 г. оно решило провести манифестацию в Бухаресте. Компартия призвала трудящихся столицы принять участие в этом собрании и превратить его в мощную демонстрацию румынского народа и национальных меньшинств против фашизма, войны, национального угнетения, капиталистической эксплуатации, за правительство Народного антифашистского фронта. На призыв КПР откликнулись не

[68] См.: *Язькова А. А.* Указ. соч., с. 117.

только рабочие Бухареста, но и десятки тысяч крестьян, пришедших из 11 уездов Мунтении. Они прошли по улицам столицы с лозунгами компартии: «Долой фашизм!», «Хотим мира!», «Требуем освобождения борцов-антифашистов!», «Землю крестьянам!»[69]. С трибуны, установленной на Пиаца Ромына, представители коммунистической партии обратились с речью к демонстрантам.

Успехи демократических сил на частичных выборах в парламент и в деле создания Народного антифашистского фронта явились тревожным сигналом для румынской реакции. Правительство усилило террор против коммунистов и всех антифашистов. «Демократический блок» был объявлен распущенным, а его руководителей предали суду.

Однако драконовские меры не смогли ослабить борьбу КПР за интересы народных масс. Не помогли в этом властям и поощряемые ими вооруженные фашистские банды, которые с еще большим ожесточением стали нападать на представителей демократических сил. Террористы встретили решительный отпор со стороны специальных групп самозащиты, созданных под руководством коммунистов. Заметим, что одна из целей правительства Г. Татареску при принятии им решения о роспуске «всех так называемых гвардий», состояла в том, чтобы ликвидировать антифашистские группы самозащиты.

В августе 1936 г. состоялся расширенный Пленум ЦК Коммунистической партии Румынии, который детально обсудил проблему борьбы против фашизма в стране. Оценив проделанную работу по организации выступлений рабочих единым фронтом в защиту своих политических и экономических прав, а также деятельность созданных под руководством компартии массовых легальных антифашистских демократических организаций, Пленум отметил: «Все это — элементы Народного антифашистского фронта, частичные успехи нашей борьбы за Народный антифашистский фронт. Проникновение в сознание масс трудящихся, крестьян, мелкой буржуазии и интеллигенции идеи необходимости единства рабочего класса и создания Народного антифашистского фронта, принятие другими партиями наших лозунгов, терминологии и аргументации свидетельствуют об успехах нашей борьбы за единый пролетарский фронт и Народный антифашистский фронт. Но мы еще далеки от осуществления Народного антифашистского фронта, который смог бы остановить наступление фашизма и помешать установлению военно-фашистской диктатуры»[70].

Анализируя обстановку в стране, Пленум пришел к выводу, что Румыния страдает не от провозглашенной конституцией парламентской системы, а оттого, что последняя фактически от-

[69] Там же, с. 119.
[70] Documente din istoria partidului comunist din Romînia. 1917—1944, p. 290.

сутствует. Отстаивая ее, широкие народные массы — рабочие, крестьяне, ремесленники, торговцы, мелкая буржуазия, интеллигенция, служащие, большинство студенчества и значительная часть военных — выступают против фашизации страны. Компартия видела возможность вовлечь в Народный антифашистский фронт не только мелкую, но и другие слои буржуазии. Ибо, как отмечал Пленум, «на опыте фашистских диктатур в Германии и Италии и политики преследования всех демократических элементов правительством Татареску широкие круги румынской буржуазии убеждаются, что фашистская диктатура направлена экономически и политически не только против пролетариата, крестьянства и угнетенных национальностей, но и против экономических и политических интересов той части буржуазии, которая не принадлежит к господствующей верхушке финансового капитала»[71].

В соответствии с этими оценками, а также учитывая возросшую опасность войны и усилившуюся тенденцию правящих кругов Румынии к внешнеполитической переориентации на «ось Берлин — Рим», Пленум включил в принятую им «Платформу борьбы Народного антифашистского фронта за мир, хлеб, землю и свободу» следующие требования: отказ от приготовлений к войне на стороне гитлеровской Германии, последовательная мирная политика и немедленное заключение договора о взаимной помощи с СССР; защита конституционного режима, гражданских свобод и демократических учреждений, ликвидация фашистских организаций; национальное равноправие, прекращение разжигания национальной вражды; обеспечение экономического и культурного подъема народных масс, 8-часового рабочего дня, достаточной заработной платы, снижение налогов, улучшение положения трудящихся деревни, установление справедливых цен на сельскохозяйственные продукты, предоставление дешевого государственного кредита крестьянам, уменьшение размера арендной платы, дижмы; борьба против засилья монополий, диктовавших свои цены на внутреннем рынке под прикрытием таможенных барьеров.

С последним пунктом было связано и выдвинутое в «Платформе» требование национализации военной промышленности и Национального банка, являвшихся экономической базой господства королевской камарильи, которая выступала в то время главным претендентом на установление фашистской диктатуры в стране. Коммунистическая партия Румынии выражала готовность вести переговоры с другими партиями и организациями относительно общей борьбы на базе «Платформы» или отдельных ее пунктов — за мир, против опасности войны и военно-фашистской диктатуры, за сохранение режима буржуазного пар-

---

[71] Documente din istoria partidului comunist din Romînia. 1917—1944, p. 288.

ламентаризма и замену профашистского кабинета Г. Татареску правительством Народного антифашистского фронта.

Летом 1937 г. вместо запрещенного «Демократического блока» компартия создала «Демократический союз». Новая легальная массовая организация ставила своей задачей защиту демократических свобод, национальной независимости и мира, предотвращение фашистской опасности и войны, улучшение жизни народных масс. «Демократический союз» обратился к национал-царанистской, социал-демократической и другим партиям с предложением объединиться в общий фронт борьбы против фашизма. Однако они не откликнулись на этот призыв.

Более того, национал-царанистское руководство к этому времени открыто стало на путь предательства демократических сил, к которым оно себя причисляло. Еще весной 1937 г., за несколько месяцев до очередных парламентских выборов, Маниу начал переговоры с железногвардейским главарем К. Кодряну и в принципе согласился на заключение избирательного соглашения между своей партией и фашистской организацией «Все для страны».

Этот маневр в сущности явился продолжением профашистской линии, которую лидеры национал-царанистов проводили и тогда, когда управляли страной. Поскольку такого же курса придерживалась соперничавшая с ними национал-либеральная группировка во главе с Г. Татареску, принадлежавшая к королевской камарилье и пришедшая к власти в 1933 г., она, как это уже отмечалось, постепенно захватила в свои руки все основные каналы, по которым осуществлялись связи буржуазно-помещичьей верхушки с фашистскими организациями и оказываемая им всесторонняя поддержка. Тем самым в ходе борьбы за их превращение в свою опору, происходившей между политическими силами, которые представляли конкурирующие монополистические круги, национал-царанисты вслед за «старыми либералами» были оттеснены на второй план. Но они не оставляли надежды взять реванш и, ожидая подходящего случая, готовились немедленно его использовать.

Весной 1937 г. такой случай, казалось, представился. Контакты с гитлеровской кликой, в то время быстро укреплявшей свои внешнеполитические позиции, менявшееся соотношение сил в капиталистическом мире в пользу фашистской Германии — все это подстегивало Кодряну и его организацию к активизации усилий по скорейшему заключению военно-политического союза Румынии с германским рейхом. В этих условиях железногвардейцы более чем когда-либо не желали быть лишь орудием в руках королевской камарильи, предпочитая захватить власть в стране в свои руки.

Такое намерение представлялось им вполне осуществимым, поскольку в результате поддержки, оказываемой «Железной гвардии» как румынской правящей верхушкой, так и Берлином,

эта организация выдвинулась на первый план среди наиболее реакционных политических группировок в стране. Она пополняла свои ряды в основном за счет отставного офицерства, духовенства, реакционной части студенчества и интеллигенции, а также деклассированных элементов.

Полагая, что наступил долгожданный момент для перехода от слов к делу, Кодряну объявил 1937 г. «годом борьбы и жертв», т. е. началом решительного наступления румынского фашизма. Подготовка к нему не оставляла сомнений в характере намеченных целей, так как шло повсеместное вооружение железногвардейцев и других румынских фашистов.

Велось оно при попустительстве, а порой и при соучастии властей.

Однако вскоре королевская камарилья обнаружила, что жестоко ошиблась, полагая возможным со временем превратить железногвардейцев в свою опору. Правда, они выполняли отведенную им роль в борьбе с революционным движением и способствовали усилению позиций Кароля II и его окружения в их соперничестве с другими буржуазно-помещичьими группировками. Не смущал королевскую камарилью и тот факт, что террористическая деятельность железногвардейцев распространялась не только на коммунистов, но и на тех лиц из имущих классов, кто по различным причинам выступал против «Железной гвардии». Простив им все прежние преступления подобного рода, король и правительство Г. Татареску снисходительно отнеслись и к учиненной ими в феврале 1937 г. расправе над руководством организации национал-либеральной молодежи, выпустившим антилегионерскую листовку, и к совершенному ими покушению на жизнь ректора Ясского университета Траяна Брату, известного своими антифашистскими взглядами.

И все же наступил момент, когда королевская камарилья была вынуждена вступить в острый конфликт с ними.

Готовясь к захвату власти и учитывая, что Кароль II добровольно ее не уступит, железногвардейцы решили организовать дворцовый переворот. В апреле 1937 г. Кодряну установил связь с братом короля принцем Николае и склонил его к совместным действиям. Был разработан соответствующий план. Он сводился к тому, чтобы принц стал председателем железногвардейской партии «Все для страны» и одновременно фактическим главнокомандующим румынской армией, с помощью которой и предполагалось совершить переворот. Для этого Николае, являвшийся генеральным инспектором армии, разослал в воинские части циркулярное письмо с рекомендацией офицерам вступать в железногвардейские формирования и подчиняться их командованию, возглавить которое должен был он сам. Подлинная суть плана, автором которого, разумеется, был Кодряну, состояла в том, чтобы обеспечить захват власти «Железной гвардией», а принца Николае сделать пешкой в ее руках.

Но затея эта провалилась. Каролю II было нетрудно ее разгадать, поскольку он сразу же узнал от преданных ему офицеров о письме Николае. Принц был подвергнут домашнему аресту и решением коронного совета лишен прав члена королевской фамилии. Официально было объявлено, что эти меры вызваны отказом Николае расторгнуть брак, в который он вступил в 1931 г. вопреки воле семьи, однако столь запоздалая реакция явно обнаруживала неправдоподобность данной версии.

Действительную причину наказания принца оказалось невозможно скрыть еще и потому, что железногвардейцы после провала заговора объявили себя противниками Кароля II и даже предприняли попытку освободить Николае, но были рассеяны полицией.

Дальнейшие события свидетельствуют, что король и после всего этого продолжал попытки заключить союз с «Железной гвардией», не желая иметь в ее лице противника, которого он все больше опасался. Так, вскоре после описанных событий по инициативе Кароля II состоялись его тайные переговоры с Кодряну. Об их содержании можно судить по воспоминаниям К. Аржетояну, выступившего тогда посредником между железногвардейцами и королем. По его свидетельству, последний накануне переговоров заявил в кругу своих приближенных, что не только не хочет уничтожить «Железную гвардию», но, напротив, намерен использовать ее в собственных целях, возглавив эту фашистскую организацию и оттеснив Кодряну на второй план.

Учитывая характер намерений Кодряну, легко понять, почему переговоры на такой основе не увенчались успехом. Король добился лишь обещания не предпринимать новых попыток организации путча. Но и оно, как показало будущее, имело весьма сомнительную ценность. Противоречивые интересы и конкурентная борьба за приоритет в установлении фашистской диктатуры делали невозможным сколько-нибудь прочное соглашение между железногвардейцами и монархией.

Тогда-то и выступило на авансцену руководство национал-царанистов, предполагавшее воспользоваться конфликтом для того, чтобы восстановить и расширить движение «Железной гвардии» и, опираясь на нее, обеспечить себе возвращение к власти и установление фашистской диктатуры в собственных интересах. Такой характер намерений Ю. Маниу подтверждается всей его деятельностью в тот период. Начав переговоры с Кодряну, он одновременно принялся в своих публичных выступлениях всячески восхвалять «успехи» режимов Гитлера и Муссолини, способствуя тем самым как росту политического авторитета румынских фашистских организаций, так и ускорению развернутой реакционными силами подготовки к установлению антинародной диктатуры в Румынии.

Не вызывает сомнения тот факт, что по крайней мере большинство членов национал-царанистского руководства поддер-

живало Ю. Маниу. Ибо несколько месяцев спустя он был избран председателем партии. Сразу после этого, в ноябре 1937 г., Маниу подписал упомянутое соглашение с Кодряну, названное «Пактом о ненападении», согласно которому национал-царанистское руководство признало террористическую фашистскую «Железную гвардию» в качестве легальной политической силы, достойной управлять страной.

Насколько далеко зашло в то время сотрудничество между лидерами национал-царанистов и железногвардейцев, видно из того, что Кодряну не только высоко оценил это соглашение, способствовавшее дальнейшему распространению влияния его организации, особенно в деревне, но и письменно засвидетельствовал общность своих взглядов с Маниу. В написанном Кодряну тогда завещании, где перечислялись те, кто в случае его смерти должен был возглавить «Железную гвардию», подчеркивалось, что его преемникам надлежит во всем слушаться председателя национал-царанистской партии. «Если и они погибнут, тогда следует обратиться к Юлиу Маниу» [72].

«Демократический союз» потребовал от Ю. Маниу объяснений по поводу соглашения с «Железной гвардией» и отверг его ссылки на опасность установления фашистского режима в стране в случае победы правительства королевской камарильи на выборах. Как писала левобуржуазная газета «Диминяца», соглашение Маниу — Кодряну разочаровало и дезориентировало массы, требовавшие единства действий сил демократии, а «не избирательного пакта о ненападении с фашистами, который логикой вещей превращается в идеологический пакт, выгодный только крайне правым» [73]. Как заявила компартия, ничто не может оправдать чудовищного акта предательства демократии, совершенного руководством национал-царанистов. В центральном органе КПР — нелегальной газете «Скынтейя» подчеркивалось, что «главную опасность представляет собой фашизм, независимо от того, исходит он от правительства или от „Железной гвардии"» [74].

Нельзя не считать предательской и позицию, занятую правосоциалистическими лидерами. Они выступили против совместных действий всех демократических сил и по существу против самой идеи борьбы с фашизмом, объявив ее «маневром коммунистов».

Таким образом национал-царанистские и правосоциалистические лидеры сорвали предпринятую компартией попытку создания Народного антифашистского фронта.

Эта неудача объяснялась также тяжелыми условиями подполья, в которых действовала КПР, и ее собственными слабостями. В антифашистской деятельности коммунистов Румынии,

---

72 Procesul marii trădări naţionale. Bucureşti, 1946, p. 173.
73 «Dimineaţa», 29.XI 1937.
74 См.: *Язькова А. А.* Указ. соч., с. 194.

как, впрочем, и других стран, были ошибки. В частности, неудача в деле создания Народного антифашистского фронта в Румынии накануне второй мировой войны связана и с тем, что КПР, видя главную и непосредственную угрозу фашизма со стороны королевской камарильи и ее правительства во главе с Г. Татареску, не смогла вовремя оценить всю глубину опасности, исходившей от «Железной гвардии» [75].

Расчеты национал-царанистского руководства путем соглашения с Кодряну добиться победы на выборах не оправдались. Дискредитировавшее себя еще в период своего пребывания у власти в стране, а ныне докатившееся до сделки с террористической фашистской организацией, оно уже не смогло обмануть массы. Тем более, что в соответствии с пактом Маниу — Кодряну претерпела резкие изменения и избирательная платформа национал-царанистов. Из нее были исключены выдвигавшиеся ранее в демагогических целях обещания создать «крестьянское государство» и обеспечить национальное равноправие. Их заменили призывы следовать примеру гитлеровской Германии и фашистской Италии, которых восхвалял в своих речах Ю. Маниу, а также шовинистический лозунг «Румыния — для румын».

Все это, как и открытый сговор с железногвардейцами, оттолкнуло от национал-царанистов значительные слои населения. Если на парламентских выборах 1931 г. эта партия получила 45% голосов, то в декабре 1937 г.— всего лишь 20%.

Выборы показали и серьезное ослабление позиций национал-либеральной партии, что, несомненно, также явилось следствием усиления профашистских тенденций в разных ее группировках. Так, если одна из них во главе с Г. Брэтиану присоединилась к пакту Маниу — Кодряну, то Г. Татареску от имени руководства национал-либералов заключил избирательные соглашения с фашистским «Румынским фронтом» и партией немецкого национального меньшинства, являвшейся прямой гитлеровской агентурой в Румынии.

Несомненно этим, как и в целом профашистским курсом правительства Татареску, объяснялся тот факт, что вместо 55% голосов в 1933 г. национал-либеральная партия в декабре 1937 г. получила всего 36%, т. е. на 4% меньше, чем требовалось, согласно установленной конституцией 1923 г. мажоритарной системе, для получения абсолютного большинства мест в парламенте. Это был первый случай в истории Румынии, когда буржуазно-помещичья партия, стоявшая у власти и широко использовавшая в своих интересах государственный аппарат, не смогла обеспечить себе необходимое число голосов.

Не добились решающего успеха на выборах и фашистские партии. Хотя в атмосфере разжигаемой ими и всеми буржуазно-помещичьими партиями кампании злобного антикоммунизма и

---

[75] См.: *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи, т. 1, с. 16, 18

оголтелого шовинизма железногвардейцам удалось значительно укрепить свои позиции, они собрали только 16,5% голосов, а соперничавшая с ними фашистская национал-христианская партия — немногим более 9%.

Парламентские выборы в декабре 1937 г. прошли под знаком усиленной активизации реакционных сил. Вместе с тем они в определенной степени продемонстрировали кризис румынского буржуазного парламентаризма, не способного обеспечить стране стабильное правление той или иной политической партии. Такой исход выборов не был случайным. Политический кризис нарастал в ходе всего межвоенного периода, когда в Румынии возникли и распались 27 парламентских группировок или коалиций и 35 раз формировались новые правительства. Только за десятилетие (1930—1940) произошло 25 смен премьер-министров и 390 перемещений министров.

На конкурентный характер этих разногласий неоднократно указывала компартия Румынии. Подпольная «Скынтейя» еще летом 1935 г. писала, что они вытекали из того, что «буржуазно-помещичья верхушка не может договориться по вопросу о том, «кто» и «каким образом» должен установить фашистскую диктатуру». В то же время центральный орган КПР справедливо отмечал, что такое соперничество было временным. Газета подчеркивала, что объединявшая все реакционные группировки ненависть к революционным и демократическим силам румынского народа, боровшимся против фашизма и войны, за уничтожение капиталистического гнета, обусловливает их готовность в нужный момент поддержать друг друга в установлении фашистской диктатуры для сохранения и укрепления буржуазно-помещичьего строя [76].

И такой момент наступил после парламентских выборов в декабре 1937 г.

Тот факт, что ни одно из главных политических формирований господствующих классов не смогло набрать нужное число голосов для получения большинства мест в парламенте и тем самым приобретения «законного права» на установление диктаторского режима, крайне обеспокоил реакцию. Тем более, что выборы проходили в обстановке усиления борьбы демократических сил, возглавляемых запрещенной, но неизменно расширявшей свое влияние в массах компартией. При таких условиях уже не только перед «Железной гвардией», но и перед монополистическими кругами встал вопрос об установлении диктатуры путем государственного переворота. А поскольку наиболее мощной буржуазно-помещичьей группировкой была королевская камарилья, опиравшаяся на армию, она и взяла на себя эту задачу.

Принятие такого решения целиком отвечало давнему стремлению Кароля II и его окружения к самовластию во имя собст-

---

[76] «Scinteia», 30.VI 1935.

венных корыстных интересов. И если им не удалось полностью осуществить свое намерение в предшествующие годы, то объяснялось это в значительной мере тем, что не устраивавший их буржуазный парламентаризм тогда еще не обанкротился: то одна, то другая из двух партий, представлявших господствующие классы, добивалась требуемого конституцией большинства мест в парламенте. Не менее важную роль играла внешнеполитическая ориентация короля, как и в целом румынской правящей верхушки, на Англию и Францию, правительства которых не могли открыто поддержать установление диктатуры в Румынии, так как выступали в качестве «защитников демократии» и противников тоталитаризма.

К концу 1937 г. обстановка существенно изменилась. То обстоятельство, что на последних парламентских выборах ни одна партия не получила необходимого большинства, могло быть использовано Каролем II в качестве предлога, чтобы взять всю полноту власти в свои руки.

К числу первостепенных факторов, обусловивших принятие решения об установлении королевской диктатуры, относятся не только показанные в настоящей главе положение в стране и внутриполитическая борьба. Исключительно важную роль сыграла новая расстановка сил на международной арене и связанная с ней внешнеполитическая переориентация румынских правящих кругов. Последняя произошла не сразу. Ей предшествовало длительное маневрирование между двумя враждебными друг другу группировками империалистических держав, в процессе которого формировались внешнеполитические предпосылки для установления королевской диктатуры.

Глава вторая

ОТ ОРИЕНТАЦИИ НА ЗАПАД К СБЛИЖЕНИЮ С ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

В 30-е годы наступление реакции и фашизма в Румынии сопровождалось усилившимися маневрами румынской правящей верхушки на международной арене. В основе их лежало все то же стремление упрочить власть буржуазии и помещиков в стране. Нуждаясь для этого в сильной поддержке извне, румынские господствующие классы искали ее у крупных капиталистических держав. Однако нарастание межимпериалистической борьбы, приведшее к образованию в Европе двух враждебных блоков — германо-итальянского и англо-французского, вынуждало и Румынию сделать выбор.

Для правителей страны это оказалось нелегкой задачей. Традиционная ориентация на западные державы и экономическая зависимость от них толкали румынскую буржуазию и помещиков в англо-французский лагерь, а политика фашизации страны — к опоре на германо-итальянский блок. Все это обусловило довольно длительное внешнеполитическое маневрирование, приведшее, однако, в конце концов румынскую правящую верхушку именно туда, куда ее влекли собственные реакционные устремления — в фашистский лагерь. Важнейшую роль в таком исходе балансирования между двумя блоками сыграло то, что на всех поворотах оно неизменно сохраняло антисоветские тенденции, обусловленные как ненавистью румынских буржуазно-помещичьих кругов к первому в мире социалистическому государству, так и стремлением международного империализма разрешить свои противоречия за счет СССР.

В рассматриваемый период Румыния вместе с Чехословакией и Югославией входила в Малую Антанту, созданную в 1920—1921 гг. и представлявшую собой важное звено во французской системе послеверсальских военно-политических союзов[1]. Этот блок был призван обеспечить сохранение статус-кво, установленного после окончания первой мировой войны, и, в частности, противостоять претензиям хортистской Венгрии на часть территории трех его стран-участниц. В то же время Малой Антанте,

[1] Подробнее об этом см. *Язькова А. А.* Малая Антанта в европейской политике. М., 1974.

как и другим подобным группировкам восточноевропейских стран, отводилась роль «антисоветского кордона» и плацдарма для империалистической агрессии против СССР.

Таким образом, участие в этом блоке представлялось румынскому буржуазно-помещичьему правительству как гарантией против притязаний хортистов на Трансильванию, так и надежным средством закрепить за собой захваченные в 1918 г. советские территории.

Румынская правящая верхушка принимала самое активное участие во всех затевавшихся реакционными кругами Запада антисоветских кампаниях, усилившихся в 30-х годах, когда капиталистический мир оказался в тисках острейшего экономического кризиса, особенно тяжело отразившегося на положении трудящихся масс, в то время как СССР достиг новых крупных успехов в развитии своей промышленности и сельского хозяйства и навсегда покончил с безработицей. Подталкиваемая страхом и злобой мировая реакция попыталась организовать экономический бойкот страны социализма, и свою лепту в это дело не преминула внести правящая верхушка Румынии.

Ее вклад в усилия подобного рода заметно увеличился с вступлением Кароля II на румынский престол. Прибыв в 1930 г. из Парижа, где в то время сходились все нити антисоветских замыслов, он уже при коронации заявил, что нужно готовиться к возможному вооруженному конфликту с СССР. В соответствии с такой установкой румынское правительство в 1931 г. подтвердило военный союз с Польшей, возобновив «гарантийный пакт» и подписав секретную военную конвенцию на случай войны с «восточным соседом». Представители Румынии были постоянными участниками тайных совещаний генеральных штабов ряда восточноевропейских стран, где под руководством французских генералов разрабатывались планы военных приготовлений против Советского Союза [2].

Столь же деятельное участие приняло румынское королевское правительство в организованном западными державами экономическом бойкоте СССР. Когда Франция ввела дискриминационные меры в отношении советского экспорта, этому примеру тотчас же последовали румынские власти. Предпринятые ими шаги подчас принимали анекдотичный характер. Например, закупленная в СССР партия галош была конфискована под тем предлогом, что имевшаяся на их подошвах фабричная марка с изображением серпа и молота могла служить средством... советской пропаганды в Румынии [3].

Однако рост могущества и международного авторитета СССР заставлял Францию, а вслед за ней и ее союзницу Румынию от-

---

[2] См.: История внешней политики СССР, ч. I, 1917—1945. М., 1966, с. 258.

[3] Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР), ф. 125, оп. 13, п. 11, д. 4, лл. 67—68.

ходить от открыто антисоветского курса. К этому толкала их и менявшаяся обстановка в Европе. Как известно, в Германии, которая с помощью западных монополистических кругов еще в 1929 г. полностью восстановила свой военно-промышленный потенциал, в годы мирового экономического кризиса резко активизировались реваншисты. Одновременно правительство Муссолини предъявило требования ревизии послеверсальских границ. Усилилась борьба между французскими и английскими правящими кругами за главенствующую роль на европейском континенте. Поскольку все это ослабляло позиции Франции в Европе и даже могло в конечном итоге привести к ее изоляции, во французской политике по отношению к СССР произошел крутой поворот [4].

Соответствующий зигзаг обозначился и в позиции Румынии. Когда Париж заявил, что готов начать переговоры с Москвой относительно неоднократно предлагавшегося Советским правительством заключения пакта о ненападении, такое же предложение последовало из Бухареста.

Намерения румынских правящих кругов все же не полностью совпадали с линией Франции в этом вопросе. В 1932 г. были подписаны советско-французский, а также советско-польский пакты о ненападении и аналогичные договоры с Финляндией, Латвией и Эстонией, но заключению такого соглашения с Румынией воспрепятствовало предъявленное ее правительством заведомо неприемлемое требование о признании аннексии части советской территории.

Речь шла о Бессарабии, захваченной буржуазно-помещичьей Румынией в 1918 г. Как известно, эта территория, расположенная в междуречье Днестра и Прута, по русско-турецкому мирному договору 1812 г. отошла к России. «Это было событие,— писал в одной из своих статей Первый секретарь ЦК Компартии Молдавии И. И. Бодюл,— увенчавшее вековые чаяния молдавского народа, его исконное стремление избавиться от многовекового турецкого ига и объединиться с великой Россией». Отмечая, что «победа русских войск в войне против Турции имела громадное значение в исторических судьбах всех балканских народов... и приблизила время их освобождения от тяжкого турецкого ига», он подробно охарактеризовал благотворные перемены, которые принесло молдавскому народу последующее столетнее развитие в рамках российского государства, участие в трех русских революциях и обретение подлинной свободы после установления Советской власти [5].

Но недолго довелось молдавскому народу тогда пользоваться плодами этой свободы. Как только молдавские рабочие и крестьяне установили у себя власть Советов, королевская Румыния

---

[4] См.: История внешней политики СССР, ч. I, с. 262.
[5] См.: «Вопросы истории», 1972, № 8, с. 3—7.

оккупировала Бессарабию под предлогом ее защиты «от анархии и грабежа». При этом в манифесте короля говорилось, что после восстановления спокойствия и порядка в крае румынские войска будут отведены. Но это обещание не было выполнено. Румынское правительство не выполнило и подписанное им в марте 1918 г. соглашение, по которому обязалось в течение двух месяцев вывести свои войска из Бессарабии [6].

В дальнейшем румынское правительство упорно игнорировало все усилия СССР, последовательно добивавшегося ликвидации конфликта мирным путем [7].

Трудящиеся Бессарабии вели упорную борьбу за свое освобождение, о чем красноречиво свидетельствует перечень крупнейших революционных выступлений тех лет: в январе-феврале 1919 г., в котором участвовали десятки тысяч рабочих и крестьян, революционные бои в Бендерах, в мае того же года, забастовки кишиневских рабочих в 1920 г., партизанская борьба в 1921 г., первомайские манифестации в 1924 г. и последовавшее за ними Татарбунарское восстание, участники которого выступили с оружием в руках за создание Молдавской Советской республики. Несмотря на жесточайшие репрессии, борьба молдавских трудящихся против оккупантов за возвращение в братскую семью народов СССР не прекращалась и в дальнейшем [8].

Между тем румынские правители, отказавшиеся выполнить свои обязательства о выводе войск, перешли при поддержке западных держав к открытому предъявлению Советскому Союзу требования о признании аннексии. Разумеется, правительство СССР решительно отклоняло эти претензии, неизменно подчеркивая, что желает справедливого разрешения конфликта мирным путем и создавая таким образом благоприятные условия для установления добрососедских советско-румынских отношений. Но развития таких отношений не желала румынская реакция.

Одним из немногих румынских буржуазных государственных деятелей, пытавшихся осуществлять этот более реалистический внешнеполитический курс, был министр иностранных дел Н. Титулеску. Однако и он не сразу пришел к этому. В течение ряда

---

[6] См.: Документы внешней политики СССР, т. I. М., 1957, с. 210—211.

[7] Позиция Советского правительства по вопросу о Бессарабии и Северной Буковине нашла свое отражение в официальных документах внешней политики СССР. См.: Документы внешней политики СССР, т. I. М., 1957, с. 66—67, 79, 82—84, 89—90, 111—112, 210—211, 241—242, 248—249; т. II. М., 1958, с. 64—66, 148—151; т. VII. М., 1963, с. 164—168, 171—177, 179—182, 221—226, 312—315; т. XII. М., 1967, с. 702 и др.

[8] Истории борьбы молдавских трудящихся в этот период посвящен ряд работ историков Молдавской ССР, в том числе: *Березняков Н. В., Бобейко И. М.* и др. Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918—1940 гг.). Кишинев, 1970; *Копанский Я. М.* Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной (1918—1940). Кишинев, 1975; *Лазарев А. М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974.

лет он выдвигал признание аннексии Бессарабии в качестве условия улучшения и нормализации отношений между СССР и Румынией [9].

Дипломатическая деятельность Н. Титулеску тесно связана с внешнеполитическим маневрированием румынских правящих кругов в 30-е годы.

В этой связи показательна история срыва переговоров о заключении советско-румынского пакта о ненападении. В интервью 16 октября 1932 г. нарком иностранных дел СССР говорил относительно его причин: «Если бы Румыния действительно стремилась... к заключению пакта о ненападении, а не преследовала побочных целей, то соглашение не требовало бы столь длительных переговоров и было бы давно достигнуто. Но систематическое дезавуирование собственных уполномоченных (речь идет о том, что румынское правительство неоднократно отказывалось от своих же проектов.— *Н. Л.)* и представителей союзных с Румынией стран обнаруживает следы... борющихся между собой в Румынии влияний, будь то внешнего или внутреннего характера. Ход переговоров заставлял иногда сомневаться в серьезности и искренности стремлений Румынии к заключению пакта. Мы имеем откровенное заявление ответственных политических деятелей Румынии о ненужности для Румынии пакта. От таких деятелей трудно ожидать, чтобы они направляли и вели переговоры с целью соглашения, сколько бы они ни говорили о своем стремлении к сближению между Румынией и СССР» [10].

Заняв позицию, вследствие которой румыно-советский пакт о ненападении не был заключен, господствующая верхушка Румынии тем самым принесла в жертву своим захватническим интересам наметившуюся было нормализацию отношений с СССР.

И это явилось результатом того, что в Румынии в ходе борьбы различных группировок верх одержали сторонники давления на СССР, среди которых видное место принадлежало в то время Н. Титулеску. Насколько значительную роль сыграл он тогда в определении позиции румынского правительства, свидетельствует тот факт, что сразу же после срыва румыно-советских переговоров король назначил его министром иностранных дел.

По-видимому, Каролю II пришлись по душе как демарши Н. Титулеску, так и условия, которые тот поставил, принимая назначение. Впоследствии Титулеску следующим образом напоминал о них королю: «Я сказал вашему величеству, что если речь идет о том, чтобы мне быть министром иностранных дел в кабинете Вайды, то мне там делать нечего. Я хотел быть министром иностранных дел вашего величества, т. е. постоянно, во всех кабинетах. Ваше величество согласилось... «Постоянно»

[9] См.: *Лазарев А. М.* Указ. соч., с. 52.

[10] Внешняя политика СССР. Сб. документов, т. III (1925—1934). М., 1945, с. 562. Подробнее об этом см.: Документы внешней политики СССР, т. XV. М., 1969, с. 21, 44, 172.

означает, что я буду министром иностранных дел до тех пор, пока ваше величество будет доверять мне»[11].

Нашедший отражение в этих словах девиз Н. Титулеску «Внешняя политика — не есть политика правительства, это политика короля» также представлял собой отзвук разногласий в румынских верхах по поводу заключения с СССР пакта о ненападении. Однако влияние сторонников подписания договора явно оказалось незначительным, да и позиция их была нерешительной, колеблющейся, и в конце концов они отказались от нее.

Об этом свидетельствуют действия даже тех деятелей, которые высказывали недовольство стремлением Титулеску быть «министром короля». Так, национал-царанистские лидеры, которые тогда не принадлежали к королевской камарилье и хотели править, опираясь на буржуазные парламентские институты, впоследствии заявляли, что осуществление девиза Титулеску «завершило развращение Кароля II», укрепив его в намерении властвовать единолично.

Нельзя не признать, что подобная точка зрения имела основания. Во всяком случае, независимо от смысла, который сам Н. Титулеску вкладывал в свои слова, не вызывает сомнения, что поставленные им и, конечно, охотно принятые королем условия объективно привели к такому положению, при котором внешняя политика, став прерогативой Кароля II, превратилась в руках королевской камарильи в один из важнейших рычагов установления ее диктатуры и фашизации страны.

Однако недовольство национал-царанистских деятелей не распространялось на позицию нового министра иностранных дел по отношению к СССР. Это видно из того, что Титулеску, выступив в ноябре 1932 г. в парламенте, где тон задавали национал-царанисты, и назвав проект румыно-советского пакта о ненападении неприемлемым, так как он-де «ослабляет позиции Румынии на востоке», легко добился принятия решения прекратить переговоры о его заключении[12].

В том же духе при их поддержке действовал он и в последующие месяцы. После срыва переговоров о заключении румыно-советского пакта о ненападении новый министр иностранных дел стал добиваться того, чтобы и другие страны Малой Антанты воздерживались от сближения с Советским Союзом. Вот что он сам рассказывал об этом: «Посмотрев на карту Европы, я увидел, что все страны установили или предполагали установить отношения с СССР. Только на две я имел возможность оказать влияние — на Чехословакию и Югославию. Нужно было любой ценой достигнуть того, чтобы эти страны не признавали СССР до тех пор, пока не будут обеспечены условия (речь идет о тре-

[11] *Oprea I.* Nicolae Titulescu. Bucureşti, 1966, p. 194.

[12] Подробнее относительно советско-румынских переговорах о заключении пакта о ненападении и причинах их срыва см.: *Копанский Я. М., Левит И. Э.* Советско-румынские отношения. 1929—1934. М., 1971, с. 75—115.

бовании, которое он выдвигал во время переговоров относительно заключения румыно-советского пакта о ненападении.— *Н. Л.*)»[13].

Свое намерение Н. Титулеску осуществил в декабре 1932 г. на конференции Малой Антанты в Белграде. Представители Югославии и Чехословакии от имени своих правительств приняли предложение Титулеску о координации и согласовании внешней политики трех стран и, в частности, обязались не устанавливать дипломатических отношений с СССР до тех пор, пока этого не сделает Румыния[14].

Но Н. Титулеску был достаточно реалистичным политиком, чтобы не заметить происходивших в последующее время больших изменений в международной обстановке, требовавших от румынского правительства иного, трезвого подхода к взаимоотношениям с СССР. Во-первых, благодаря экономическим успехам и последовательной борьбе за сохранение и упрочение мира Советский Союз приобретал все больший вес на мировой арене. Во-вторых, пришедшие к власти в Германии гитлеровцы сделали реваншизм своей государственной политикой и не скрывали, что намерены силой произвести ревизию версальской системы. Наконец, в-третьих, Англия и Франция, которых Румыния рассматривала в качестве гарантов этой системы, проявляли готовность к сговору с фашистскими державами.

Подтверждение тому, что английское и французское, а также американское правительства явно отходят от прежнего курса, Титулеску получил вскоре же после срыва переговоров относительно заключения румыно-советского пакта о ненападении, т. е. еще до прихода Гитлера к власти. 10 декабря 1932 г. на совещании глав правительств Англии, США, Франции, Италии и Германии три западные державы признали за последней право на равенство в вооружениях. Далее, весной 1933 г., сразу после того, как Гитлер возглавил германское правительство, в европейских дипломатических кругах стало известно о готовности правительств Англии и Франции совместно с Германией и Италией подписать «пакт четырех», предусматривающий возможность пересмотра мирных договоров, заключенных после первой мировой войны.

Такой договор, будучи попыткой антисоветского сговора двух империалистических группировок, в то же время явился бы ударом по тем малым европейским странам, которые были заинтересованы в сохранении послевоенного статус-кво. Над ними, в том числе и Румынией, нависла угроза фашистской агрессии.

Н. Титулеску, опытный политик, не мог не заметить этой опасности. Действуя как захватчик на востоке, в Бессарабии, буржуазно-помещичья Румыния в условиях, сложившихся после при-

[13] «L'Epoque», 6.VI 1939.

[14] *Machray R.* The Struggle for Danube and Little Entente 1929—1938. London, 1939, p. 81.

хода Гитлера к власти в Германии, сама могла оказаться жертвой агрессии с запада, со стороны хортистской Венгрии, претендовавшей на Трансильванию.

Эта историческая область, населенная румынами, а также венграми и представителями других национальностей, ранее входила в состав Габсбургской империи, а после окончания первой мировой войны была передана Румынии. Ее объединение с румынскими землями было закреплено Трианонским договором. Хотя договор был подписан хортистским правительством Венгрии, тем не менее оно в дальнейшем неоднократно требовало его пересмотра. Во внешней политике хортистов, как свидетельствует ряд советских и современных венгерских историков, одной из ее главных тенденций, наряду с ярым антисоветизмом, являлся реваншизм и, в частности, обеспечение благоприятных условий для захвата Трансильвании [15], равно как и других утраченных после первой мировой войны земель.

Начавшийся отход Англии и Франции от послеверсальской политики давал хортистам определенный перевес в борьбе с Румынией в трансильванском вопросе. Находясь по существу уже тогда в одном лагере с реваншистскими правительствами гитлеровской Германии и фашистской Италии, они теперь могли рассчитывать не только на их более мощную поддержку, но и во всяком случае на пассивность Англии и Франции.

Румынские правящие круги были крайне обеспокоены всем этим. Наиболее реакционная группировка и фашистские организации все настойчивее требовали тесного сближения с Германией и Италией. Другая, в то время более многочисленная часть буржуазных кругов, тесно связанная с англо-франко-американским капиталом, по-прежнему возлагала свои надежды на Париж и Лондон, а также Вашингтон. К этому политическому направлению принадлежал и Н. Титулеску, однако в его концепции появились новые элементы.

Н. Титулеску не мог не видеть разительного контраста между проводимой западными державами политикой потворства агрессивным устремлениям реваншистских сил в Европе и последовательной борьбой Советского правительства за создание системы коллективной безопасности, за принятие мер, препятствующих агрессии. И он счел целесообразным пойти на сближение с СССР и поддержать его усилия по обеспечению мира, надеясь, что такую же позицию займут не только другие малые страны, заинтересованные в сохранении территориального статус-кво, но и союзные с ними западные великие державы, для которых усиление гитлеровской Германии и фашистской Италии также было небезопасным.

---

[15] См., например, *Пушкаш А.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, с. 10—11; *Juhasz Gyula.* A Teleki — Kormany Külnolitikaja. Budapest, 1964.

Титулеску высоко оценил инициативу Советского Союза, выдвинувшего на конференции по разоружению проект конвенции об определении агрессии, который своей ясностью и точностью не оставлял фашистским государствам никакой лазейки для дипломатической маскировки и оправдания агрессивных действий. По-видимому, Титулеску удалось оказать соответствующее воздействие на свое правительство, напуганное «пактом четырех», ибо он получил необходимые полномочия, и 3—4 июля 1933 г. в Лондоне поставил свою подпись под двумя аналогичными конвенциями с Советским Союзом об определении агрессии: в первом случае Румыния выступала в числе пограничных с СССР стран, во втором — в составе членов Малой Антанты.

Рассматривая с точки зрения интересов Румынии эту конвенцию, заключенную по инициативе и при участии Советского государства, Титулеску понимал, что она ослабляет позиции реваншистских стран, в том числе и Венгрии, или по крайней мере затрудняет осуществление их агрессивных намерений, а также может предотвратить готовившееся заключение упомянутого «пакта четырех».

И он не ошибся.

Хотя главы правительств Англии, Франции, Германии и Италии буквально через десять дней после заключения между СССР и рядом восточноевропейских стран конвенции об определении агрессии все же подписали этот пакт, открывавший путь для ревизии границ, однако он вызвал настолько сильное возмущение общественности европейских стран, в том числе и Франции, что французское Национальное собрание отказалось ратифицировать его, и он так и не вступил в силу. Другим важным событием, свидетельствовавшим об укреплении международного авторитета СССР, явилось установление советско-американских дипломатических отношений, осуществленное 16 ноября 1933 г. по предложению президента США Ф. Д. Рузвельта. К тому времени Советский Союз уже обменялся послами также с Испанской республикой и рядом других стран.

Все это укрепило позиции Н. Титулеску, и по его предложению королевское правительство приняло решение восстановить румыно-советские дипломатические отношения, прерванные еще в 1918 г. [16]

9 июня 1934 г. в Женеве произошел обмен письмами между наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым и министром иностранных дел Румынии Н. Титулеску о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами [17].

В тот же день были установлены советско-чехословацкие отношения.

---

[16] Подробнее об этом см.: *Копанский Я. М., Левит И. Э.* Указ. соч., с. 141—179.

[17] Документы внешней политики СССР, т. XVII. М., 1971, с. 379—380.

В последующий период Советское правительство приложило немало усилий для развития добрососедских отношений с Румынией. В начале 1935 г. ей были возвращены находившиеся в России с 1916 г. ее архивы и другое имущество, в том числе эталоны метра и килограмма, принадлежавшие румынской палате мер и весов. В сентябре того же года было установлено прямое железнодорожное сообщение между Румынией и СССР. Румынское правительство в свою очередь отменило декрет, дискриминирующий Советский Союз в области внешней торговли. Одновременно было подписано платежное соглашение и протокол о взаимном предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации. СССР также получил согласие на пролет над румынской территорией самолетов авиалинии Москва — Прага. Месяц спустя советские летчики и парашютисты по приглашению королевского аэроклуба принимали участие в авиационном празднике на аэродроме Бэняса близ Бухареста.

Стремясь наладить взаимопонимание с Румынией и с другими странами Малой Антанты, связанными с Францией, СССР исходил из того, что это будет способствовать включению их в создаваемую усилиями советской дипломатии систему коллективной безопасности в Европе. Как отмечала газета «Известия», «...установление нормальных дипломатических отношений между СССР и Румынией и СССР и Чехословакией имеет бесспорно крупное международное политическое значение, поскольку оно является значительным вкладом в арсенал средств, которыми будут располагать государства, борющиеся за всемирную отсрочку военной развязки...» [18]

Радостно восприняли возобновление отношений с Советским Союзом народные массы и прогрессивная общественность Румынии. ЦК КПР в специальном заявлении приветствовал это важное событие. Социал-демократическая партия одобрила восстановление дипломатических отношений как акт, способствующий поддержанию мира в Юго-Восточной Европе и развитию румыно-советских экономических связей. Демократическая печать выразила полную поддержку курсу на румыно-советское сближение, рассматривая его как вклад в организацию отпора реваншистским государствам. «В современных условиях,— писал видный румынский ученый П. Константинеску-Яшь в демократической газете «Кувынтул либер»,— единственная политика, которая может обеспечить мир — это политика, проводимая в последнее время Титулеску: присоединение к антиревизионистским и миролюбивым странам» [19].

Иначе к деятельности Н. Титулеску, направленной на установление и развитие добрососедских отношений с СССР, отнеслась румынская реакция. Каждый его шаг в этом направлении

---

[18] «Известия», 1934, 10 июня.
[19] «Cuvintul liber», 12.X 1935.

она встречала в штыки. Так, едва стало известно о том, что он поставил свою подпись под конвенцией об определении агрессии, как на него обрушились с нападками противники любых акций по сближению с Советским Союзом. Еще более ожесточенной атаке подвергся Титулеску после восстановления румыно-советских дипломатических отношений.

Особую ярость реакции вызывал тот факт, что ни конвенция, ни документы о восстановлении дипломатических отношений не содержали признания аннексии Румынией советской территории. Характерным в этом смысле было выступление в парламенте А. Кузы, одного из фашистских главарей. От имени представляемой им национал-христианской партии он заявил: «Господин Титулеску 9 июня 1934 г. заключил с Россией соглашение, в котором ничего не говорится о Бессарабии. В результате он совершил ошибку, которую сам осуждал два года назад» [20].

Недовольство по этому поводу высказали также К. Аржетояну, А. Вайда-Воевод, Г. Брэтиану и другие реакционные политические деятели.

Советский Союз прилагал значительные усилия к развитию торговых отношений с Румынией. Однако, как это отмечалось в письме заместителя наркома иностранных дел полпреду СССР в Румынии М. С. Островскому, предложенный советской стороной план развития товарооборота между обеими странами наталкивался на серьезные трудности в виде ограничительного валютного законодательства Румынии [21]. Подобное положение вещей наносило ущерб прежде всего румынской стороне [22]. Тем не менее правящие круги буржуазно-помещичьей Румынии систематически отказывались от развития взаимовыгодных экономических и торговых связей с СССР.

Антисоветизм румынских правящих кругов отчетливо проявился и в отношении к созданному в Румынии летом 1934 г. обществу «Друзья СССР», в которое вошли сторонники развития румыно-советских связей и борьбы против фашизма и угрозы войны. Уже в конце того же года общество было распущено по распоряжению властей. Преследованиям подвергалось и образованное в первой половине 1935 г. «Общество по поддержанию культурных связей между Румынией и СССР». Хотя эта организация, отражавшая симпатии прогрессивной румынской общественности к Советскому Союзу, продолжала существовать и в дальнейшем, на нее неоднократно накладывался запрет, вследствие чего ей приходилось действовать под разными названиями.

Румынские власти систематически чинили препятствия также и практическому развитию культурных связей между Советским Союзом и Румынией, на что неоднократно указывали в своих официальных беседах с ними советские дипломатические пред-

[20] Studii şi materiale de istorie contemporană, vol. I. Bucureşti, 1962, p. 205.
[21] Документы внешней политики СССР. т. XVIII. М., 1973, с. 288.
[22] Там же, с. 346.

ставители. В апреле 1936 г. временный поверенный в делах СССР в Румынии Б. Виноградов заявил, например, представителю румынского МИД Радулеску решительный протест по поводу запрещения советским артистам выступать в ряде городов, кроме Бухареста и Ясс. «Я указал Радулеску, что в то время как два советских танцора превращаются в глазах румынской полиции чуть ли не в государственную опасность, в стране развертывается разнузданная гитлеровская пропаганда, толерируемая правительственными органами,— сообщал он в НКИД.— Гитлеровцы имеют свою партийную организацию, возглавляемую гаулейтером, присланным из Берлина. Издающийся в Бухаресте «Тагеблат» является не чем иным, как филиалом «Фелькишер беобахтер», так как почти все передовые статьи пишутся и подписываются лицами, постоянно проживающими в Берлине. Я привел также целый ряд других факторов, свидетельствующих о том, что под флагом перемены румынской внутренней политики на самом деле подготовляется перемена внешнеполитической ориентации» [23].

Вот почему КПР, приветствуя восстановление румыно-советских дипломатических отношений, одновременно указывала, что политика правящих кругов королевской Румынии по отношению к СССР лишена последовательности и искренности и что господствующие классы по-прежнему ставят препятствия на пути развития дружбы румынского и советского народов. Призывая народные массы к дальнейшей борьбе за разоблачение политики правящих кругов и установление действительно дружественных отношений с СССР, КПР подчеркивала, что «маска миролюбия служит эксплуататорским классам Румынии для еще большего разжигания шовинизма и прикрытия бешеной гонки вооружения» [24].

В этой связи необходимо прежде всего указать на противоречивость и непоследовательность действий самого Н. Титулеску и некоторых других представителей румынской правящей верхушки, которые выступали за сближение с СССР. Различие между ними и противниками добрососедских отношений с Советским Союзом определялось главным образом неодинаковыми взглядами на пути и способы обеспечения этих интересов. По существу оно явилось отражением происходившей внутри буржуазно-помещичьих кругов борьбы между двумя политическими направлениями, из которых одно вело к фашизации страны и союзу с гитлеровской Германией, а другое все еще верило в возможность сохранить и упрочить господство эксплуататорских классов с помощью буржуазного парламентаризма и продолжения внешнеполитической ориентации на западные державы.

---

[23] Документы внешней политики СССР, т. XIX. М., 1974, с. 234—235.
[24] Documente din istoria partidului comunist din Romînia. 1934—1937. Bucureşti, 1957, p. 145.

Н. Титулеску, будучи наиболее выдающимся представителем второго из этих направлений, вполне обоснованно считал, что растущая угроза интересам и самой безопасности Англии и Франции со стороны гитлеровской Германии и фашистской Италии, а также антисоветская экспансионистская программа германского фашизма делают западные державы и СССР естественными союзниками. Возможность объединения их усилий для предотвращения агрессии он усматривал в восстановлении советско-английских дипломатических отношений в 1929 г., заключении советско-французского пакта о ненападении в 1932 г., признании Советского Союза Соединенными Штатами в 1933 г., вступлении СССР в Лигу наций в 1934 г., подписании советско-французского договора о взаимопомощи в 1935 г. и других важных актах, способных составить основу эффективной системы коллективной безопасности.

Заинтересованность румынского министра иностранных дел в создании такой системы была продиктована как подлинными интересами его страны, так и особыми целями ее господствующих классов, связанными и с упрочением буржуазно-помещичьего строя и с закреплением аннексированной советской территории.

Тот факт, что последнее было предметом заботы не только наиболее реакционных кругов Румынии, но и такого деятеля, как Н. Титулеску, подтверждается отнюдь не одним лишь срывом по его инициативе переговоров о заключении советско-румынского пакта о ненападении в 1932 г. Он, как и некоторые другие румынские политики, обнаружил склонность превратно толковать и конвенцию об определении агрессии, подписанную в 1933 г., и восстановление румыно-советских дипломатических отношений в 1934 г. как якобы гарантию сохранения за Румынией аннексированной советской территории. Подобная трактовка подписанных совместно с Советским правительством документов, как он заявил в парламенте, основывалась, с одной стороны, на содержавшемся в них отказе СССР прибегнуть для разрешения спора к силе оружия, а с другой — на том, что Румыния не вернет Бессарабию, так как «никто не оставляет занятую территорию по доброй воле».

Что же касается политики сближения с СССР в целях поддержки борьбы советской дипломатии за создание системы коллективной безопасности в Европе, то Н. Титулеску, искренне стремясь ее отстаивать, действовал все же непоследовательно, а нередко прибегал и к опасному балансированию между противоборствовавшими силами.

Титулеску говорил и в румынском парламенте и на международных форумах неоднократно, что дружба Румынии с СССР служит делу обеспечения мира на юго-востоке Европы. Более того, когда при активном участии Титулеску Советскому Союзу было направлено приглашение, подписанное 30 государствами —

членами Лиги наций, автоматически обеспечивавшее его прием в эту международную организацию, румынский министр иностранных дел заявил, что в лице СССР она приобрела последовательного борца за коллективную безопасность, чья политика и растущая мощь являлись одной из важнейших гарантий мира и безопасности народов.

С полным основанием он связывал этот свой вывод также с наметившимся после прихода Гитлера к власти в Германии курсом наиболее дальновидных политиков Франции на упрочение контактов с Советским Союзом. Титулеску, принимавший участие в подготовке франко-советского договора о взаимной помощи, подписанного в мае 1935 г., назвал его событием огромной важности для дела мира, «базой будущей организации европейской безопасности», создающей, в частности, благоприятные условия для заключения странами Малой Антанты аналогичных договоров с Советским Союзом с целью гарантировать мир в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Необходимо отметить, что борьба Н. Титулеску против реваншистских государств, за сохранение территориального статус-кво шла по различным линиям, в том числе и путем укрепления Малой Антанты. Он сыграл важную роль в выработке так называемого организационного пакта Малой Антанты, подписанного странами-участницами — Румынией, Чехословакией и Югославией 16 февраля 1933 г. и продлившего на неограниченный срок действие всех соглашений, лежавших в основе деятельности этого блока. Титулеску стал председателем Совета Малой Антанты, избранного для проведения общей внешней политики трех стран, и ее представителем в Совете Лиги наций.

Румынское правительство в период пребывания Н. Титулеску на посту министра иностранных дел приняло активное участие в создании еще одного блока — Балканской Антанты в составе Югославии, Румынии, Турции и Греции. Согласно пакту, подписанному этими странами 9 февраля 1934 г., они взаимно гарантировали «как отдельные, так и все свои общие балканские границы» и взяли на себя обязательство не нападать друг на друга, а в случае если одна из них подвергнется агрессии со стороны какого-либо балканского государства (имелись в виду Болгария и Албания, не вошедшие в Балканскую Антанту) или небалканского, выступающего в союзе с балканским, оказать ей помощь.

Малая и Балканская Антанты были тесно связаны между собой. Румыния и Югославия входили в ту и в другую, причем в обеих председательствовал Н. Титулеску. Он полагал, что малые страны Центральной и Юго-Восточной Европы, объединенные в этих блоках, не будут более враждовать друг с другом, смогут противостоять проискам реваншистов и их пособников, приобретут самостоятельность и независимость по отношению к крупным империалистическим державам. Но то была иллюзия, ибо Балканская Антанта оказалась игрушкой в руках империа-

листических держав, стремившихся к укреплению и расширению своих позиций в этой части Европы. По существу то же самое можно сказать и о Малой Антанте. Отсутствие искреннего и эффективного сотрудничества с Советским Союзом делало их неспособными защищать свои интересы.

Здесь мы вновь вплотную подходим к тем аспектам внешней политики румынских правящих кругов, осуществлявшейся Н. Титулеску, в которых проявилась ее непоследовательность и противоречивость.

Поскольку гитлеровская Германия, фашистская Италия и хортистская Венгрия провозгласили 1933 г. годом пересмотра договоров, Малая Антанта подписанием организационного пакта приобрела, наряду с прежней антивенгерской, также определенную антигерманскую и антиитальянскую направленность. Это, разумеется, вызвало ответные меры. Германский министр иностранных дел фон Нейрат тотчас же направил послу в Италии инструкцию, в которой указал, что «общей целью, преследуемой нами... является постепенное ослабление и, если возможно, последующий развал Малой Антанты» [25].

Такую же позицию заняли гитлеровская Германия и фашистская Италия по отношению к Балканской Антанте. Внешне германское правительство демонстрировало свою якобы незаинтересованность в развитии политических событий на Балканах. Но это, конечно, был камуфляж. Сразу же после создания Балканской Антанты из Берлина было направлено германским представителям за границей циркулярное письмо, в котором указывалось, что она «будет способствовать усилению политической напряженности на Балканах» и что поэтому ее следует рассматривать «как рецидив старых политических методов» [26].

Оба балканских блока имели также несомненную антисоветскую окраску.

Если учесть упомянутые выше «побочные цели», которыми правящая верхушка Румынии руководствовалась в ходе происходивших в тот период румыно-советских переговоров, то признание Титулеску означало не что иное, как намерение использовать Малую Антанту для удержания захваченной советской территории. Организационный пакт фактически предусматривал не только обеспечение границ, но и взаимные гарантии против революционного движения, значительно усилившегося в этих странах под влиянием мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Поэтому нельзя не прийти к выводу о стремлении участников Малой Антанты достичь при помощи данного блока таких целей, которые противоречили интересам мира, подрывали его позиции, вели к изоляции от Советского Союза, являвшегося главной силой в борьбе против агрессии фашистских государств

---

[25] DGFP. 1918—1945, series C, vol. I, London, 1959, p. 11.
[26] DGFP. 1918—1945, series C, vol. III. London, 1959, p. 463.

и насильственных действий по перекройке политической карты Европы.

Тот факт, что румынское правительство занимало двойственную позицию по отношению к СССР, подтверждается документами Балканской Антанты. Как уже говорилось, восстановление румыно-советских дипломатических отношений было осуществлено 9 июня 1934 г. Но ныне стало известно, что за четыре дня до этого, т. е. в то время как правящие круги Румынии демонстрировали готовность вести политику добрососедства, они подписали документ, свидетельствующий об его направленности против Советского Союза.

Речь идет о румыно-турецкой конвенции, заключенной 5 июня 1934 г. в рамках Балканской Антанты. Она гласила, что если на одну из подписавших ее сторон будет совершено нападение, то другая сторона немедленно предпримет военные действия против агрессоров, территории которых соприкасаются с ее территорией.

Официально подразумевался возможный конфликт между одним из участников этого договора и Болгарией, профашистское правительство которой тогда также выступало с требованием ревизии версальских договоров. Однако то обстоятельство, что и Турция и Румыния граничили также с СССР, причем румынские правители издавна вели военные приготовления против него, придавало конвенции столь явно антисоветский характер, что на это не могло не обратить внимания турецкое правительство. И по его настоянию румынское правительство было вынуждено дать письменное обязательство о том, что в случае военного конфликта с Советским Союзом оно не будет требовать турецкой помощи.

Поскольку Н. Титулеску принадлежала ведущая роль в разработке и заключении румыно-турецкой конвенции, это может служить наглядной иллюстрацией его активного участия в двойственной политике, которую проводило тогда королевское правительство Румынии на международной арене. Впрочем, это и не удивительно, ибо при всех особенностях, существенно отличавших его позицию от линии большинства других румынских государственных деятелей того времени, он оставался буржуазным политиком, отстаивавшим интересы своего класса. Поэтому в его деятельности понимание опасности реваншизма и фашизма, требовавшей от всех миролюбивых сил совместных с СССР действий по предотвращению агрессии, тесно переплеталось не только со стремлением удержать за Румынией аннексированную советскую территорию, но и с антикоммунистическими воззрениями.

В этом отношении характерна аргументация Титулеску против «пакта четырех» во время конфиденциальных встреч с государственными деятелями западных держав. С целью предотвратить подписание соглашения Англии и Франции с Германией и Италией он в апреле 1933 г. посетил Париж и Лондон. Беседуя с

лидером лейбористской партии Макдональдом, вскоре ставшим британским премьер-министром, Титулеску не согласился с его утверждением о том, что «пакт четырех» имеет целью устранить возможность насильственного пересмотра границ Германией. Румынский министр сказал, что уступки фашистским государствам могут привести лишь к увеличению их аппетитов, а в качестве главного аргумента в пользу защиты территориального статус-кво в Европе использовал следующий довод: «Ревизия договоров будет означать войну, за которой последует большевизация Европы» [27].

Верность Н. Титулеску своему классу довольно долго служила ему защитой от нападок румынской крайней реакции по поводу его политики сближения с СССР, а его деятельность по предупреждению венгерских и болгарских попыток ревизии версальского мирного урегулирования получила одобрение всех группировок правящих кругов страны. Но возраставшая в этой связи антигерманская и антиитальянская направленность румынской внешней политики вызывала у многих из них недовольство.

На внешнеполитический курс румынского правительства оказывали влияние различные факторы. Не последнюю роль сыграло нарастание кризиса буржуазного строя и вытекавшая из этого фашизация политической жизни Румынии. Здесь нашла свое проявление неразрывная связь внешнеполитического курса с внутриполитическим, на которую указывал В. И. Ленин, подчеркивавший, что внешняя политика является продолжением внутренней и определяется ею [28].

Развернув наступление против революционных и демократических сил румынского народа, ведя дело к ликвидации буржуазного парламентаризма и установлению диктаторского режима, правящая румынская верхушка была заинтересована в сотрудничестве с германскими и итальянскими фашистами, провозгласившими своей целью борьбу с коммунизмом. Реакционные силы страны также считали, что в случае сближения с Германией она окажет Румынии поддержку в сохранении не только захваченных у СССР земель, но и Трансильвании, на которую претендовала хортистская Венгрия.

Гитлеровская клика, заинтересованная в привлечении Румынии на свою сторону, не рассеивала этих надежд. Еще в 1933 г. Гитлер в беседе с румынским посланником сказал, что германское правительство готово воздействовать на Венгрию и свести к минимуму ее возможности вооружения, если Румыния и другие страны Малой Антанты «будут благосклонны к Германии». Один из главарей национал-социалистской партии А. Розенберг заявил тогда же, что в Берлине считают непременным условием

[27] *Tabouis G.* Douăzeci de ani de tensiuni diplomatice. Bucureşti, 1965, p. 154—155.

[28] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

сближения с Румынией ее отход от французской системы военно-политических союзов и «вступление в зону политического влияния Германии»[29].

Важным фактором сближения с германским фашизмом была заинтересованность Румынии в развитии экономических связей с Германией. В то время как доля Англии и Франции в румынском внешнеторговом обороте после кризиса 1929—1933 гг. сокращалась, удельный вес Германии, ведшей торговлю на клиринговой основе, неуклонно рос. На основе заключенного в 1931 г. германо-румынского торгового договора Германия непрерывно увеличивала свои закупки зерна и нефти.

Эта тенденция еще более усилилась с приходом Гитлера к власти в Германии и начавшимися лихорадочными приготовлениями к войне. Общий объем румыно-германской торговли в 1933—1936 гг. увеличился в два раза, а по вывозу нефти еще больше. Так, если в 1932 г. Германия закупила румынской нефти на 296 млн. лей, то в 1935 г. уже на 1540 млн. лей. Характерно, что соответствующие английские закупки уменьшились с 2018 до 1077 млн. лей, а французские — с 1797 до 512 млн. лей. Аналогичные изменения произошли в экспорте румынского зерна, вывоз которого Англией и Францией в рассматриваемый период резко сократился.

Рост экономической зависимости от Германии толкал румынскую буржуазию и помещиков, связанных экономическими интересами с немецкими монополиями, к политическому сближению с гитлеровцами, тем более что в это время отмечалось также усиленное проникновение германского капитала в промышленность и финансы Румынии.

Проникновение Германии в румынскую экономику не могло не сопровождаться также и постепенным укреплением ее политических позиций в Румынии, на что прямо указал в одной из своих бесед с Н. Титулеску полпред СССР М. С. Островский: «...Я ему пояснил,— сообщал он М. М. Литвинову,— что на основании сделанного мною анализа политических и общественных сил Румынии позволительно прийти к заключению, что антисоветские и отчасти прогерманские настроения имеются не только у короля и в придворных сферах, но широко распространены в армии, духовенстве, так называемом бухарестском обществе и почти во всех политических партиях. Титулеску не соглашался со мною только насчет политических партий, назвав почти всех вождей, якобы поддерживающих его внешнюю политику. Он признал, что немцы ведут весьма активную кампанию в Румынии...»[30]

Все эти факторы не могли не сказываться на дипломатической деятельности Н. Титулеску. И хотя он со всей непримири-

[29] См.: *Язькова А. А.* Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939. М., 1963, с. 72.

[30] Документы внешней политики СССР, т. XVIII, с. 364.

мостью относился к попыткам ревизии версальской системы, тем не менее предпринимал шаги и по сближению с Берлином. Об этом свидетельствуют германские архивные документы, опубликованные после второй мировой войны.

Так, в марте 1933 г. германской миссии в Бухаресте было передано секретное заявление Н. Титулеску для правительства рейха. Любопытно, что вручил его по частным каналам руководитель одной из румынских фашистских группировок. При этом он сообщил, что в беседе с ним Титулеску просил и ответ доставить таким образом, чтобы румыно-германский обмен мнениями не получил огласки.

Учитывая уже тогда неприязненное отношение как германских, так и румынских фашистов к королевскому министру иностранных дел, а также содержание его заявления, трудно допустить, что последнее было подложным. В этом случае оно скорее носило бы враждебный Германии характер, способный усилить недовольство гитлеровцев его автором. Между тем в заявлении выражалось желание Титулеску встретиться с Гитлером, и далее говорилось: «1. Титулеску считает официальное сближение с Германией желательным и необходимым. 2. Польская проблема (т. е. германские территориальные требования к Польше.— *Н. Л.)* не является препятствием для реализации вышеуказанного желания. Поляки совершенно безразличны Титулеску. 3. До тех пор пока нет ясности в отношениях между Германией и Румынией, последняя, естественно, не может оторвать себя от Франции...» [31]

Почти слово в слово совпадало это заявление с соображениями, высказанными Каролем II в том же месяце в «частной» беседе с корреспондентом гитлеровского официоза «Фелькишер беобахтер» Вебером, который немедленно проинформировал о ней германское министерство иностранных дел. Если вспомнить, что Титулеску с благосклонного согласия монарха называл себя «министром короля», есть все основания считать их позицию по отношению к Берлину по крайней мере в то время согласованной. И это также подтверждает подлинность приведенного заявления Титулеску.

Как бы подкрепляя это заявление, Кароль II в беседе с Вебером сказал, что в «связи с последними событиями в Германии Румыния придает большое значение укреплению отношений с Германией» и что польский вопрос не является тому препятствием.

Германская миссия в Бухаресте, запрошенная Берлином в связи с этим, проявила определенную осторожность, высказав следующее мнение: «Вполне возможно, что заявление Вебера верно во всех основных пунктах. Это совпадает с политическими методами Титулеску». Гитлеровские заправилы сочли необходи-

---

[31] DGFP. 1918—1945, series C. vol. I, p. 220.

мым продолжить диалог и направили румынскому министру иностранных дел приглашение прибыть в Берлин, а германский МИД констатировал, что налицо «попытка Титулеску ослабить плохое впечатление от официальной румынской политики в вопросах разоружения и ревизии договоров» [32].

Гитлеровское правительство решило использовать желание Кароля II и его окружения сблизиться с Германией и усилило давление с целью изменить внешнеполитический курс Румынии. Для этого была избрана «жесткая линия».

26 мая 1933 г. Гитлер в присутствии министра иностранных дел фон Нейрата принял румынского посланника Комнена и сказал ему, что позиция Румынии, которая «во всех случаях постоянно противилась равноправию Германии», т. е. выступала против ревизии версальской системы, мешает развитию германо-румынской торговли. Когда же Комнен начал уверять, что Титулеску и румынское правительство придают большое значение хорошим отношениям с Германией, Гитлер резко оборвал его, заявив, что «это — общие фразы», расходящиеся с позицией Румынии.

То же самое говорил фон Нейрат при встрече с Титулеску летом 1933 г. Откровенно шантажируя Титулеску, он упирал на то, что не видит, каким образом можно осуществить желание Бухареста увеличить германские закупки в Румынии, поскольку последняя «своими действиями мешает восстановлению Германии» как великой державы.

В связи с этим особый интерес представляет ответ румынского министра иностранных дел фон Нейрату.

Однако для его сопоставления с официальной позицией Румынии необходимо вернуться к поездке Титулеску в Англию и Францию для демаршей против «пакта четырех». Попутно он от имени стран Малой Антанты добивался тогда от правительств Англии и Франции отказа от поддержки идеи восстановления династии Габсбургов, что явилось бы первым этапом воссоздания Австро-Венгерской империи в качестве еще одной реваншистской державы в Европе. В беседе с английским королем Эдуардом VIII, склонявшимся к возвращению Отто Габсбурга на австрийский престол, Титулеску заявил, что Румыния, Чехословакия и Югославия не могут согласиться ни с этим, ни с захватом Австрии Германией. Более того, он так поставил перед ним вопрос: «Государь что предпочитаете вы для оказания сопротивления Германии и аншлюсу: одного человека или три армии (румынскую, югославскую и чехословацкую.— *Н. Л.*)».

Встретившись после этого с фон Нейратом, Титулеску действовал иначе. Он сказал, что будучи антиревизионистом, выступил против «пакта четырех», однако Румыния, которая, по его словам, никогда не согласится с венгерским ревизионизмом, поддер-

---

[32] DGFP. 1918—1945, series C, vol. I, p. 220, 222.

живаемым Италией, не будет возражать против аншлюса Австрии с Германией. Далее Титулеску подчеркнул, что если Германия не поддержит ревизионистские устремления Венгрии, то у него не будет причин противодействовать германским пожеланиям о пересмотре версальской системы [33].

Это заявление несомненно представляет собою ключ к пониманию сущности внешнеполитического маневрирования румынского правительства в бытность Титулеску министром иностранных дел. Стремясь обеспечить Румынии сильную поддержку на международной арене, оно поначалу придерживалось традиционной ориентации на наиболее мощные в послеверсальское время западные державы, содействовало укреплению и расширению системы профранцузских союзов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Однако активизация реваншистских сил показала румынским правящим кругам необходимость упрочить свои позиции путем сближения с СССР и содействия его борьбе за создание системы коллективной безопасности.

Когда же появились явные признаки противодействия усилиям Советского Союза со стороны западных держав и их растущего пособничества гитлеровцам, в Бухаресте начали терять уверенность в том, что Англия и Франция смогут и захотят отвести от Румынии нависшую над ней опасность и принялись искать выход из создавшегося положения посредством контактов с Германией.

При этом если Н. Титулеску руководствовался в основном стремлением укрепить безопасность и международные позиции Румынии путем сочетания традиционных связей на Западе с наметившимся улучшением румыно-советских отношений, а также поисками «взаимопонимания» с Берлином, то у большинства его коллег во главе с Г. Татареску, сторонников курса королевской камарильи на фашизацию страны, в связи с этим усилилась тенденция к использованию сложившейся в Европе обстановки для более тесного сближения с гитлеровской Германией за счет постепенного отхода от ориентации на «демократические» Францию и Англию.

Следовательно, совпадение взглядов относилось лишь к вопросу о контактах с гитлеровцами, да и те представлялись поразному. В отношении фашистской Италии позиции Г. Татареску и Н. Титулеску также расходились. Последний, как явствует, например, из его беседы с фон Нейратом, пытался добиться сотрудничества с Берлином для того, чтобы противопоставить его реваншистским устремлениям как хортистской Венгрии, так и фашистской Италии.

Иной линии придерживались премьер-министр и вся королевская камарилья. Одобряя в основном режим Муссолини, в котором их не устраивала лишь второстепенная роль монарха, они

[33] DGFP. 1918—1945, series C, vol. I, p. 586.

стремились только к тому, чтобы итальянский фашизм не поддерживал притязания хортистов на Трансильванию. Так, Г. Татареску в одном из своих выступлений в парламенте заявил: «С точки зрения Румынии венгерский ревизионизм является преступлением. Итальянский же ревизионизм — это всего-навсего заблуждение. Поэтому, как бы ни были печальными для нас итальянские выступления за ревизию договоров, они никак не могут подорвать узы дружбы, связывающие Румынию с Италией» [34].

При сравнении этого заявления с позицией, изложенной Н. Титулеску при встрече с фон Нейратом, легко обнаружить их общность в главном: в стремлении заручиться поддержкой фашистских государств, если понадобится, то и путем отказа от противодействия тем их агрессивным намерениям, которые непосредственно не затрагивали румынские интересы.

На формирование такого курса в целом огромное влияние оказывали как антиревизионистские цели и острая заинтересованность значительной части румынской буржуазии и помещиков в сбыте нефти и сельскохозяйственных продуктов в Германию и Италию, так и политика фашизации Румынии, проводимая королевской камарильей. Но если профашистски настроенный премьер-министр видел в сближении с режимами Гитлера и Муссолини надежное средство решения всех внутриполитических и внешнеполитических проблем страны, то министр иностранных дел исходил из соображений, продиктованных изменениями расстановки сил на международной арене. Учитывая усиленно наращиваемый при поддержке западных держав военно-экономический потенциал Германии, он понимал, что она готовится сыграть зловещую роль в судьбах народов, однако в то же время считал, что агрессивность гитлеровцев может не распространиться на Румынию. Именно ради этого предпринимал он свои попытки найти общий язык с ними, полагая, что румыно-германское сотрудничество вынудит фашистскую Италию отказаться от поддержки хортистских притязаний.

Последующий ход событий показал, что все разновидности маневрирования румынского правительства оказались несостоятельными. Балансирование между двумя враждебными империалистическими группировками, а также неискренняя политика в отношении СССР, продиктованная страхом перед революционизирующим воздействием его успехов на трудящиеся массы Румынии, как известно, привели к гибельным последствиям. И одним из них явилось расчленение страны на основе так называемого венского арбитража, осуществленного гитлеровской Германией и фашистской Италией.

---

[34] Chambre des députes, L'oeuvre legislative pendant la session du 1 fevrier 1934 à 28 avril 1934 ét la session extraordinaire du 14 juin 1934 au 5 juillet 1934. Bucureşti, 1934, p. 11.

И в рассматриваемое время усилия Н. Титулеску получить какие-либо внешнеполитические выгоды от контактов с гитлеровской Германией не имели и не могли иметь успеха. Ибо гитлеровцы не только не собирались воздействовать в желательном для Румынии направлении на свою союзницу фашистскую Италию, но, напротив, стремились разжигать противоречия между малыми странами, в том числе между Венгрией и Румынией, с тем чтобы подчинить их себе одну за другой.

Поэтому даже заявление, которое Титулеску сделал фон Нейрату, они рассматривали как попытку румынского министра иностранных дел ставить им свои условия, что и вызвало в Берлине и в Риме новый приступ злобы против него. В результате Титулеску попал в число тех государственных деятелей, которых германские и итальянские фашисты решили устранить любыми средствами со своего пути.

Одной из их жертв, как известно, стал убитый в Марселе в 1934 г. французский министр иностранных дел Л. Барту, придерживавшийся курса на заключение союза между Францией и СССР для создания эффективной преграды агрессивным замыслам фашистских государств. Еще раньше, в декабре 1933 г., была совершена расправа над румынским премьер-министром И. Дукой, к которой приложили руку не только железногвардейцы и поощрявшая их королевская камарилья, но также и гитлеровцы, хорошо осведомленные о его репутации профранцузского деятеля. Соучастие германского фашизма в этом преступлении ясно подтверждается заявлением немецкого посла в Париже Кестера.

В беседе с французской журналисткой Женевьевой Табуи Кестер признал, что в Берлине надеются с помощью «пяти или шести» таких террористических актов устранить тех, кто мешает осуществлению планов Германии. Не менее очевидна связь между расправой над румынским премьер-министром и французским министром иностранных дел, ибо даже гитлеровская «Фёлькишер беобахтер» откровенно писала, что гибель Дуки «символична», так как его убийцы «стреляли по Франции» [35].

Такая же участь готовилась и для Н. Титулеску. Задолго до того, как его имя попало в «черный список» железногвардейцев, в итальянской фашистской прессе появились статьи с угрозами по адресу румынского министра иностранных дел, публиковавшиеся не без ведома главы дипломатического ведомства Италии графа Чиано. О характере этих угроз дает представление следующая фраза, в различных вариациях появлявшаяся в то время на страницах римских газет: «Наступит день, когда какой-нибудь студент влепит пулю... и мы покончим таким образом с Титулеску» [36].

---

[35] См.: *Oprea I.* Op. cit., p. 295.
[36] Ibidem.

К чести Титулеску надо сказать, что он не устрашился угроз. Публично выступив против политических убийств, которые он охарактеризовал как действия, направленные против мира и безопасности народов, а также потребовав сурового наказания террористов, он продолжал действовать в духе своего понимания международного положения Румынии и того внешнеполитического курса, которого, по его мнению, ей надлежало придерживаться.

Кароль II до поры до времени во многом разделял взгляды своего министра иностранных дел, чем и объяснялась относительная прочность позиций Титулеску и предоставленная ему возможность широкого маневрирования на международной арене. Однако король, по-прежнему стремившийся к установлению своей личной диктатуры в стране, стал поглядывать в сторону гитлеровской Германии и фашистской Италии, в которых он видел образец тоталитарного режима, и все чаще соглашался с точкой зрения Г. Татареску.

В результате контакты с Берлином осуществлялись не только Титулеску, но и его противниками как в правительстве, так и вне его. В частности, немалые усилия в этом отношении предпринимал премьер-министр Г. Татареску, причем действовал он, по-видимому, минуя министра иностранных дел, а нередко и «жаловался» на него гитлеровцам.

В данном отношении небезынтересен следующий эпизод.

В августе 1933 г. Г. Татареску направил в Германию своего эмиссара Рудольфа Брандша, председателя фракции немецкого меньшинства в румынском парламенте. Последний, руководствуясь полученной инструкцией, в беседе с директором экономического департамента германского МИД Риттером сказал, что внешнеполитический курс Румынии определяется тремя факторами: боязнью, что Германия поддержит хортистские территориальные требования, финансовой зависимостью от Франции и «личностью Титулеску», т. е. его профранцузскими взглядами. Далее Брандш от имени Г. Татареску заявил, что Кароль II недоволен ориентацией «только на французскую политику» и стремится к «восстановлению прежних дружеских отношений между Германией и Румынией в экономической и политической областях».

Выслушав, Риттер ответил, что рейх не может верить одним лишь дружественным заверениям и что германо-румынское сближение невозможно до тех пор, пока Румыния не предпримет шагов, явно показывающих изменение ее политики в отношении Германии. Эта была все та же «жесткая позиция» в отношении внешнеполитического курса Н. Титулеску.

Но если с распространением своего политического влияния на Балканах гитлеровские правящие круги не спешили, то экономические связи стран этого района с Англией и Францией их явно беспокоили, ибо мешали планам экспансии германского

рейха в Юго-Восточной Европе. Особенно интересовали их румынская нефть и зерно. Поэтому в Берлине решили прежде всего использовать стремление Бухареста к развитию торговли с Германией, чтобы в дальнейшем сдвинуть Румынию с позиции противодействия пересмотру мирных договоров.

Приступив к делу, гитлеровцы использовали различные средства для оказания влияния на румынские правящие круги. В сентябре 1933 г. «ИГ Фарбениндустри» заключил контракт на закупку в Румынии зерна на сумму 17 млн. рейхсмарок взамен поставок своей продукции на 13,6 млн. рейхсмарок. Затем «ИГ Фарбениндустри» в качестве жеста доброй воли выделил румынскому правительству 250 тыс. рейхсмарок на «расходы по его усмотрению». Одновременно такая же сумма была направлена на финансирование фашистских группировок и той части румынской прессы и политиков, которые выступали за развитие германо-румынских отношений.

В 1934 г. румынские правящие круги предприняли новые шаги к сближению с Германией. В феврале правительство Г. Татареску направило германскому правительству меморандум об «улучшении отношений» между двумя странами. Ответа не последовало. 25 мая румынский посланник в Берлине Н. Комнен и министр финансов В. Маджару посетили в связи с этим фон Нейрата. Сославшись на недавно заключенный торговый договор между Германией и Югославией, Комнен выразил пожелание «видеть такими же» германо-румынские отношения.

На это фон Нейрат заявил, что Румыния требует от Германии жертв, которые она может принести лишь друзьям. Это замечание отражало усилившееся недовольство гитлеровцев антиревизионистской деятельностью румынского министра иностранных дел. На сей раз они были возмущены созданием Балканской Антанты. Тот же фон Нейрат, узнав об этом, подчеркнул в письме германскому послу в Риме, что пока во главе румынской внешней политики будет стоять Титулеску, у Германии нет надежд на укрепление своих позицией в Румынии [37].

Продолжая упрекать румынское правительство в недружественном отношении к Германии, гитлеровцы, однако, учитывали, что оно начинает тяготиться своей исключительно профранцузской ориентацией. Германский посланник в Бухаресте писал в июне 1934 г., что Кароль II организовал с большой помпой прием Л. Барту в Румынии, вылившийся в демонстрацию румыно-французского союза, только с одной целью — получить от Франции кредиты на вооружение. В Берлине было также известно, что Комнен, оценивая состояние отношений между Германией и Румынией весной 1934 г., пришел к выводу о возможности заключения румыно-германского пакта о ненападении [38].

[37] DGFP. 1918—1945, series C, vol. III, p. 592.
[38] Arhiva Ministerului Afacerilor Externe (далее — Arhiva MAE), fond Germania, vol. 74, n/p.

Тогда гитлеровская верхушка решила сделать благожелательный жест в адрес румынских правителей. В октябре 1934 г. Геринг от имени Гитлера во время встречи в Бледе заявил Каролю II, что Германия якобы не заинтересована в поддержке венгерских требований ревизии Трианонского договора. Это произвело нужное впечатление в Бухаресте. Явившись к статс-секретарю германского МИД Бюлову за подтверждением упомянутого заявления, Комнен сказал, что «оно расчистило путь для политического сближения между Румынией и Германией».

Однако через полтора месяца фон Нейрат внес существенную поправку, вызванную тем, что в Будапеште проявили открытое недовольство заигрыванием Гитлера с румынскими правителями. И вот германский министр иностранных дел объявил, что Геринга неправильно поняли и что Германия не против ревизии Версаля вообще, а против осуществления Венгрией своих требований силой.

В Бухаресте такая «поправка» вызвала нечто вроде шока, поскольку стало очевидно, что Берлин в дальнейшем так или иначе поддержит притязания хортистов на Трансильванию. Придя в себя, румынские правители были вынуждены призадуматься и в конце концов сочли целесообразным продолжать контакты с германским правительством, но и не порывать политических связей с западными державами, особенно с Францией, содействовавшей в то время усилиям СССР по созданию системы коллективной безопасности, а также предпринять определенные шаги по дальнейшему улучшению румыно-советских отношений.

По существу это была политика выжидания, направленная на то, чтобы, следуя по-прежнему за Францией и Англией, сохранить для себя возможность постепенного, а если потребуется — крутого поворота своего внешнеполитического курса.

Тем не менее по своим ближайшим целям она соответствовала позиции Титулеску и позволяла ему проводить свою линию на международной арене. Стремясь придать выжидательной тактике активный характер, он выдвинул идею посредничества Румынии между Германией и Францией. Кароль II и его правительство одобрили эту мысль, полагая, что выступление в такой роли укрепит их положение на международной арене, обеспечив расположение как Франции, так и Германии.

12 ноября 1934 г. Титулеску изложил свои соображения в беседе с германским посланником в Бухаресте. Румынский министр иностранных дел заявил, что германо-польское сотрудничество лишает Францию возможности полагаться на Польшу как на один из факторов французской системы союзов и поэтому Париж стремится к сближению с Берлином. Далее он сказал, что Румыния готова стать посредником в разрешении германо-французского конфликта и что такая роль ей вполне подходит, поскольку отсутствие территориальных споров между нею и Германией «усилило ее позицию в отношении своих союзников».

Пользуясь случаем, Титулеску выразил сожаление, что его политику считают в Берлине недружественной. «Как раз наоборот»,— заявил он. И в подтверждение указал, что стоит за всемерное развитие румыно-германских отношений, а в вопросе об Австрии предпочитает линию на аншлюс, так как это устранит опасность воссоздания Австро-Венгерской империи и позволит Германии вновь, как и перед первой мировой войной, утвердить на Балканах свое экономическое преобладание.

Спустя месяц после этой беседы Титулеску предпринял следующий шаг в том же направлении. По его поручению Комнен передал германскому министру иностранных дел заверение Титулеску о том, что он не является «антигерманцем» и «готов в любое время выступить посредником в деле примирения» Германии с Францией.

Однако в Берлине эта идея не встретила поддержки. В дипломатических кругах гитлеровской Германии, учитывавших все еще значительную экономическую зависимость Румынии от западных держав, хотели, чтобы она по крайней мере отказалась от «опасной опоры на Францию» и для начала предпочла ей Англию, что, по их мнению, явилось бы шагом к ее сближению с Германией [39].

Такая позиция объяснялась как различием тенденций в английской и французской политике в отношении гитлеровской Германии, так и тем, что к этому времени в Берлине решили помешать румынскому участию в системе коллективной безопасности, основу которой составили договоры о взаимной помощи, подписанные СССР, Францией и Чехословакией. Дело в том, что если одним из направлений внешней политики Титулеску стали контакты с гитлеровской Германией, то другим была отстаиваемая им линия на развитие румыно-советских отношений. Наряду с упоминавшейся выше готовностью заключить с Германией пакт о ненападении он хотел иметь такой же договор с СССР. Это намерение первоначально встретило сопротивление со стороны короля и правительства Г. Татареску, опасавшихся, что союз с СССР сразу же усилит враждебность Германии к Румынии и ухудшит румыно-польские отношения, а также приведет к росту влияния коммунистических идей в стране. «Министр Титулеску,— констатировал чехословацкий посланник в Бухаресте Ян Шеба,— стремился к тому, чтобы сближение Румынии с Советским Созом шло в ногу со сближением Праги с Москвой. Положение у него в этом отношении было тяжелее, чем у Бенеша. Румынская общественность, а именно ее решающая часть — привилегированная буржуазия, с трудом приспосабливалась к новой ориентации, страшась перспектив отношений с соседом, который устранил старые привилегии» [40].

---

[39] Istoria XX weka. Zbornik Radova, VII. Beograd, 1965, p. 91.
[40] АВП СССР, ф. 125, оп. 9, д. 215, п. 15, лл. 12—13.

На позицию Кароля II и правительства Г. Татареску серьезное влияние оказывало давление со стороны гитлеровской Германии. Берлин, отказавшись от участия в «Восточном пакте», совместно проектировавшемся Советским Союзом и Францией в качестве одного из важнейших элементов системы коллективной безопасности в Европе, решительно противился и какому бы то ни было участию Румынии в этой системе. Гитлеровская клика ополчилась против подобных договоров, назвав их «политикой окружения Германии», хотя на самом деле они были призваны преградить путь фашистской агрессии в Европе.

Румынское правительство поспешило успокоить Берлин. В марте 1935 г. Титулеску, беседуя с германским поверенным в делах, согласился с замечанием гитлеровского дипломата о том, что «обязательство о взаимной помощи с большевиками по «Восточному пакту» нетерпимо для Германии». Далее он сказал, что в свое время Румыния приняла приглашение Барту участвовать в этом пакте, но когда узнала, что германское и польское правительства отклонили такое предложение, взяла обратно свое согласие, ибо она «без Германии и Польши никогда не присоединится к такому договору».

Ведя и далее беседы в том же духе, румынский министр иностранных дел подчеркнул, что его правительство принимает во внимание и учитывает германскую позицию в том или ином вопросе. В частности, он сказал, что будет поддерживать создание «черноморского пакта» в составе СССР, Турции и Румынии лишь в том случае, если не будет возражений со стороны Германии и Польши. Характерно также, что Титулеску на этот раз и о Франции говорил не так, как прежде. Если раньше он давал понять, что Румыния выступит на ее стороне в любом военном конфликте, то теперь заявил о намерении соблюдать в случае франко-германской войны благожелательный нейтралитет, а военные действия вести только против Венгрии.

В известной мере Титулеску добился своей цели: германский поверенный в делах в донесении Берлину о состоявшейся беседе сделал вывод, что хотя румынский министр иностранных дел настроен в пользу «Восточного пакта» и считает Россию лучшей гарантией антиревизионистской политики, все же Румыния будет держаться в стороне от этого пакта; сдвиги в румынской позиции он объяснял «быстрым ростом мощи новой Германии» и вызванным этим желанием укрепить с ней связи. Вместе с тем он усмотрел в позиции Титулеску стремление играть на «антагонизме между Москвой и Берлином»[41].

Когда в связи с заключением франко-советско-чехословацкого союза стали усиленно распространяться слухи о якобы имеющемся договоре Румынии с СССР, разрешающем проход советских войск через румынскую территорию в случае германского

[41] DGFP. 1918—1945, series C, vol. III, p. 1011—1013.

нападения на Францию и Чехословакию, Бухарест поспешил успокоить Берлин. 23 мая 1935 г. германский военный атташе получил от Кароля II заверения, что Румыния не даст такого разрешения. Но этим дело не ограничилось. Через месяц с опровержением тех же слухов выступил Комнен, заявивший фон Нейрату, что «Титулеску и все румынские правящие круги никогда ничего не предпримут без или против Германии».

Распространившиеся слухи о намерении Румынии присоединиться к франко-советско-чехословацкой системе безопасности вызвали бурную реакцию также в Будапеште и Варшаве. Но это не произвело большого впечатления на румынское правительство. Вопли хортистов, которые стали называть Румынию «агентом Советского Союза в Европе», оно вообще игнорировало. Некоторое беспокойство вызвала позиция Польши, правящие круги которой заговорили о возможности денонсации «гарантийного договора» с Румынией в случае заключения румыно-советского союза. Польский посланник в Бухаресте Арцишевский даже специально посетил румынский МИД, чтобы заявить, что ст. 5 упомянутого договора запрещает Румынии вести переговоры или подписывать пакт о взаимопомощи с СССР без предварительного согласия Польши.

Но в ответ его заверили, что Румыния не ведет никаких переговоров с СССР, причем не согласились с польским толкованием ст. 5. Румынские дипломаты напомнили, что эта статья состояла из двух частей: первая гласила, что «ни одна из высоких договаривающихся сторон не может заключить союз с третьим государством, не посоветовавшись предварительно с другой стороной», но зато вторая указывала, что это обязательство не распространялось на «союзы, заключаемые в целях поддержания договоров, уже подписанных сообща Польшей и Румынией...» Поскольку, таким образом, с полным основанием подчеркнули представители румынского МИД, договор о взаимной помощи с СССР явился бы подтверждением обязательств, подписанных в свое время и Польшей и Румынией как членами Лиги наций, то он подпадал под действие второй части ст. 5 и, следовательно, не мог противоречить «гарантийному пакту».

Проблема отношений с СССР стала в 1935 г. центральной и во внутриполитической борьбе в Румынии. Особенно острый характер приняла она в связи с происходившими тогда дальнейшими изменениями обстановки в Европе, усиливавшими угрозу фашистской агрессии.

В марте гитлеровская Германия ввела обязательную воинскую повинность и приступила к формированию 12 армейских корпусов, а также к созданию сильнейшей авиации. От имени Малой и Балканской Антант Титулеску заявил протест против этого вопиющего нарушения Версальского мирного договора, но западные державы ограничились словесным осуждением действий гитлеровцев. Что касается Англии, то вскоре она открыто

продемонстрировала свою поддержку гонки вооружений в Германии. 18 июня было подписано англо-германское морское соглашение, согласно которому Германии официально предоставлялось право увеличить свой флот до уровня 35% по отношению к совокупным морским силам Британской империи.

Титулеску увидел в этом английском жесте больше, чем простую уступку в вопросе вооружения. При встрече с английским премьер-министром Болдуином он обратил его внимание на широко распространившееся мнение о том, что Германия дала Англии обещание сохранять мир на западе Европы, «получив взамен свободу действий на Востоке».

Патриотические силы Румынии, выступавшие за безоговорочную ориентацию на антиревизионистский блок, требовали установления союзнических отношений с Францией и СССР, с помощью которых можно было обезопасить страну от агрессии германского фашизма и его союзников в Европе. Однако сближение с Советским Союзом, отвечавшее жизненным интересам народа, было не по нутру румынской реакции, ориентировавшейся на фашизм во внутренней и внешней политике. И все же Кароль II и правительство Г. Татареску в конце концов были вынуждены согласиться с точкой зрения Титулеску, который привел целый ряд аргументов в пользу заключения договора о взаимной помощи с СССР.

Отстаивая свою позицию, Титулеску говорил, что отказ последовать примеру французского и чехословацкого правительств ведет к «парадоксальной ситуации, когда Румыния, будучи другом Франции и союзницей Чехословакии, выступала бы врагом России, являющейся союзницей двух названных государств».

Указывая на недостаточную подготовленность румынской армии, которая одна не в состоянии дать отпор ревизионистским устремлениям, он подчеркивал: «В случае каких-либо осложнений единственно реальная помощь, на которую мы можем рассчитывать, придет к нам не из Франции и не из Англии, а только из СССР». По его мнению, договор о взаимной помощи с СССР необходим Румынии при любом развитии событий в Европе. Если Германия развяжет войну и к ней присоединится Венгрия, говорил Титулеску, то пакт с СССР обеспечит Румынии могучего союзника, способного оказать эффективную помощь против агрессии, а в случае германо-советского сближения, он явится защитой от «требований территориальной ревизии» [42].

Согласившись в принципе с этими аргументами, румынское правительство, однако, стремилось предварительно заручиться хотя бы молчаливым согласием Германии на заключение румыно-советского пакта о ненападении.

И эту миссию взял на себя Титулеску. Румыния, говорил он германскому поверенному в делах в Бухаресте весной 1935 г.,

[42] «Analele», 1965, N 5, p. 131—132.

имеет территориальный спор не с Германией, а с Россией, и всеми силами стремится его выиграть. Для этого, заявил он далее, она старается приобрести соответствующие юридические документы и уже располагает некоторыми из них. Такими документами, по его мнению, были подписанный СССР совместно с Румынией протокол о досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога, а также советско-румынское соглашение о восстановлении дипломатических отношений. Очередным шагом в том же направлении, подчеркивал Титулеску, может явиться заключение договора о взаимной помощи.

Титулеску вновь заявил, что хочет разрушить «легенду о его антигерманской позиции». Повторяя это гитлеровскому поверенному в делах, он через румынского посланника в Берлине Комнена неоднократно передавал германскому министерству иностранных дел свои заверения в том, что никогда не подпишет договор с СССР, если не будет в состоянии заключить точно такое же соглашение с Германией.

В гитлеровских кругах стремление Румынии к сближению с СССР также расценивалось как маневр с целью удержать захваченную советскую территорию. «Титулеску,— отмечалось в одном из донесений германской миссии в Бухаресте,— выступает в пользу пакта с Россией, даже жертвуя союзом с Польшей, ибо венгерский ревизионизм является более непосредственной угрозой, чем мировая большевистская революция. К тому же он считает Румынию в военном отношении настолько слабой, что даже в союзе с Польшей она не в состоянии защитить себя от России,— по крайней мере до тех пор, пока перевооружение Германии не достигнет такого уровня, когда она (Германия.— *Н. Л.*) сможет присоединиться (к Румынии.— *Н. Л.*), развернув войска на Пруте».

В донесении также указывалось, что Кароль II, осведомленный о слабости своей армии, больше всего обеспокоен «внутренней опасностью, которую влечет за собой пакт с Россией». Он боится за свой трон и потому не хочет сжигать мосты, связывающие его с антибольшевистскими государствами — Германией и Польшей, тем более что втайне надеется на германскую поддержку против венгерского ревизионизма, которую ему обещал Геринг в 1934 г. при встрече в Бледе [43].

В Берлине имели и другие основания для того, чтобы убедиться в дружественной политике Румынии по отношению к Германии. Тогда же, весной 1935 г., в Бухаресте был подписан румыно-германский торговый договор, который дополняла конвенция, предусматривавшая германские капиталовложения в румынскую промышленность, особенно в нефтяную. По-видимому, Титулеску сыграл при этом весьма активную роль. «Пере-

---

[43] DGFP. 1918—1945, series C, vol. IV. London, 1962, p. 211.

говоры, начавшиеся три недели назад,— писал по данному поводу 26 мая германский поверенный в делах,— имели неожиданно благоприятный эффект на отношение к Германии со стороны правящих кругов Румынии, и создалась необычно дружественная атмосфера», причем румынский министр иностранных дел, «признавая глубоко обоснованными наши требования, говорил так, будто он был нашим адвокатом».

Оценивая сложившуюся ситуацию, нарком иностранных дел СССР в июне 1935 г. констатировал в письме, адресованном советскому полпреду в Бухаресте: «Я, признаться, подозревал, что Титулеску рано или поздно заговорит о каком-либо пакте, но его нынешний план превосходит мои опасения. Опасаюсь я именно, что Титулеску придаст своим предложениям характер шантажа. Вы, мол, заключили с Францией и Чехословакией пакты о взаимной помощи, эту помощь вы можете оказать им, только пройдя или пролетая через нашу территорию, а потому извольте нам за это заплатить... Поразительнее всего то, что, добиваясь от нас гарантий против Венгрии и окончательного получения Бессарабии, Титулеску в то же время хочет не только сохранить союз с Польшей, но даже исключить помощь Румынии в случае нападения на нас Польши. Если Титулеску будет держаться на этих позициях, то боюсь, что придется с ним поругаться и поездка его в Москву не состоится». И далее: «Сколько бы Титулеску ни крутил, он хочет добиться формального признания нами Бессарабии, на что мы не пойдем» [44].

В июле 1935 г., когда Кароль II счел, что будет «правильно понят» в Берлине, румынское правительство решило прозондировать отношение СССР к заключению пакта о взаимной помощи. Однако, по-видимому, одновременно, было решено: во-первых, не форсировать румыно-советские переговоры, а во-вторых, поставить их в прямую зависимость от согласия Германии заключить с Румынией такой же договор. Данное предположение имеет веские основания. Так, Титулеску в течение двух месяцев не приступал к выяснению возможности заключить румыно-советский пакт, а попытку договориться с Берлином предпринял немедленно: уже в июле он поручил Комнену заявить, что Румыния готова заключить с Германией пакт о взаимной помощи на тех же условиях, которые она предложит Советскому Союзу [45].

В ожидании положительного ответа из Берлина Титулеску в сентябре того же года при встрече с М. М. Литвиновым затронул наконец вопрос о заключении между Румынией и СССР пакта о ненападении. И хотя встретил благожелательное отношение советской стороны, тем не менее прошло еще десять месяцев, прежде чем он сделал следующий шаг к началу переговоров.

---

[44] Документы внешней политики СССР, т. XVIII, с. 572—573.
[45] *Oprea I.* Op. cit., p. 262.

Широкие круги румынской общественности выступали за тесное сотрудничество с Советским Союзом в деле обеспечения безопасности страны. Демократическая пресса Румынии, выступая в пользу союза с СССР, писала, что он явится «мощной гарантией мира», «залогом мира на востоке Европы и безопасности нашего народа». Курс Титулеску на сотрудничество с Советским Союзом активно поддерживали и те буржуазные политики, которые стремились защитить страну от угрозы агрессии фашистских государств.

Наиболее твердую и последовательную позицию в этом вопросе заняла КПР. Коммунистическая партия считала заключение советско-румынского договора о взаимной помощи единственным путем защиты национальной независимости и территориальной целостности Румынии. Она подчеркивала, что союз с СССР диктуется не только общими интересами мира, но и чисто национальными интересами Румынии, задачей спасения ее от угрозы фашистского порабощения.

Компартия предупреждала, что отказ от заключения договора о взаимной помощи с Советским Союзом лишит Румынию ее естественного союзника, приведет к опасной изоляции на международной арене. В выработанной ЦК КПР платформе Народного антифашистского фронта говорилось о необходимости вести борьбу за последовательную миролюбивую политику, за стабильный курс на сближение с Советским Союзом и немедленное заключение с ним пакта о взаимной помощи, за укрепление связей с Францией, Малой и Балканской Антантой [46].

В то же время прогермански настроенные реакционные круги Румынии осенью 1935 г. резко усилили нападки на Н. Титулеску, заявляя, что его политика союза с Францией, Чехословакией и СССР втянет страну в войну против Германии.

Особенно ожесточенное сопротивление оказывали они сближению с Советским Союзом. Против заключения советско-румынского договора о взаимной помощи выступали главари фашистских организаций К. Кордяну, А. Куза, О. Гога, а также крайне правые буржуазно-помещичьи деятели Г. Брэтиану, А. Вайда, К. Аржетояну и др. Лидеры национал-христианской партии опубликовали специальное заявление, где в самых резких выражениях протестовали против идеи такого пакта, утверждая, что он «превратит Румынию в авангард большевистских армий со всеми вытекающими последствиями».

Г. Брэтиану в октябре 1935 г. внес в парламент запрос по поводу появившихся в иностранной прессе сообщений о «приближающемся» заключении договора между Румынией и СССР, а также военной конвенции, открывающей при определенных условиях северо-восточные границы страны для прохождения со-

---

[46] Documente din istoria partidului comunist din Romînia. 1934—1937, p. 281—283, 434.

ветских войск. Требуя «разъяснений», Г. Брэтиану заявлял, что союз с СССР «несовместим с завтрашней безопасностью страны, как внутренней, так и внешней».

Не успокоило реакцию и опубликованное румынским министерством иностранных дел 16 октября 1935 г. коммюнике, в котором опровергались слухи относительно предстоящего заключения союзного договора с СССР. Противники политики Титулеску считали, что он хочет поставить их перед свершившимся фактом, и усилили атаки. В конце ноября Г. Брэтиану вновь сделал запрос в парламенте, обвиняя министра иностранных дел в покушении на конституцию, в которой имелась специальная статья, запрещавшая проход иностранной армии через румынскую территорию [47].

Титулеску отвел это обвинение. Отвечая в парламенте на запрос Г. Брэтиану, он сообщил, что никогда не велись и сейчас не ведутся переговоры о проходе советских войск через румынскую территорию. Позднее, опровергая утверждения о том, что между ним и Бенешем будто было достигнуто соглашение по этому вопросу, он заявил: «Я никогда не подписывал с Бенешем никакого договора о пропуске советских войск через Румынию на помощь Чехословакии. Более того, я никогда не обсуждал с ним этого вопроса».

Тем временем окончательно определилась и позиция Берлина в отношении идеи советско-румынского пакта о ненападении. Если и раньше там относились к ней с подозрением, то в связи со слухами о намерении Румынии разрешить советским войскам проход в Чехословакию, против которой гитлеровцы уже плели нити заговора, они открыто выступили против румыно-советского сближения, которое вместе с союзными договорами, заключенными Францией и Чехословакией с СССР, могло стать препятствием для агрессивных замыслов германского фашизма. Гитлеровское министерство иностранных дел получило задание помешать этому. Германской миссии в Бухаресте было предложено заявить румынскому правительству следующее: «Настойчивые слухи относительно переговоров между Советской Россией и Румынией о предстоящем заключении румыно-советского пакта создали в Германии впечатление, что румынское правительство, вопреки многочисленным опровержениям, готово участвовать в той или иной форме во франко-русско-чехословацкой системе взаимной безопасности» [48].

В ответ на подобного рода демарши последовала целая серия заявлений Титулеску, в которых он, как и прежде, стремился оправдаться в глазах гитлеровцев. 9 ноября 1935 г., беседуя с германским поверенным в делах и заверяя его, что «никогда не давал русским согласия на проход войск», он заявил, что

---

[47] *Brătianu G.* La Roumanie et l'URSS. Bucureşti, 1936, p. 23—24, 29.
[48] DGFP, 1918—1945, series C, vol. IV, p. 59.

«заключит с ними пакт о взаимной помощи только при условии, что он не будет направлен против Германии».

Как явствует из этого заявления, смысл заверений, направляемых Титулеску в Берлин, оставаясь в основном прежним, претерпел одно существенное изменение. Если раньше в них указывалось, что Румыния не подпишет с СССР пакта «без или против» Германии, то теперь слово «без» уже не фигурировало.

Иначе говоря, формально речь шла о том, что румыно-советский пакт может быть подписан и в случае отказа гитлеровцев пойти на такое же соглашение с Румынией. На самом же деле подобные заявления отражали стремление Титулеску добиться от Берлина согласия на одновременное заключение румыно-германского и румыно-советского договоров о ненападении. Тем самым он надеялся заставить замолчать своих противников в парламенте и правительстве, доказав им выгодность такой политики, при которой Румыния вступила бы в союз и с гитлеровской Германией и с СССР.

Для Титулеску выбор такой тактики в отношении Германии, несомненно, определялся событиями того времени, связанными с нападением Италии на Эфиопию. Советский Союз решительно выступил против итальянской агрессии. Его поддержали правительства многих государств, вынужденные считаться с общественным мнением. В результате Лига наций 9 октября 1935 г. вынесла решение о финансовых и экономических санкциях в отношении Италии.

Между тем английское, а также французское правительство, которое с июня 1935 г. возглавил профашистски настроенный П. Лаваль, пошли по иному пути. Как известно, Лаваль в декабре 1935 г. подписал секретное соглашение с Муссолини, означавшее ликвидацию независимости Эфиопии. А когда итальянский дуче перед вторжением в Эфиопию спросил Макдональда, какова будет реакция Англии на это, то получил такой ответ: «Англия — леди. Женщинам нравятся активно наступательные действия мужчин, но при условии соблюдения секретности. Поэтому действуйте тактично, и мы не будем вмешиваться»[49].

Титулеску не мог не обратить внимания на уклончивую позицию британского и французского представителей в Лиге наций, выразившуюся, в частности, в их стремлении оправдать те страны, которые отказывались принимать санкции против агрессора. И он решительно выступил против такой точки зрения, заявив: «Сожалею, что не могу согласиться ни с делегатом Англии, ни с делегатом Франции. Это не часто случается со мной. Но когда это случается, я не перестаю настаивать на своем мнении с тем упорством, которое вам всем известно».

Однако вряд ли он знал о действительной линии правительств Англии и Франции в отношении итало-эфиопской войны.

---

[49] *Price G.* Extra-Special Correspondent. London, 1951, p. 242.

Скорее Титулеску, а под его воздействием и румынское правительство сочли резолюцию Лиги наций о санкциях, за которую высказалось 50 государств, проявлением усилившихся тенденций к отпору агрессии и решили использовать их в собственных антиревизионистских целях.

Этим можно объяснить тот факт, что в Бухаресте уже 19 октября был издан подготовленный министром иностранных дел правительственный декрет о запрещении прямых или косвенных кредитов итальянскому правительству, подписки на займы, выпущенные в Италии, а также экспорта оружия и военных материалов в эту страну. Еще через месяц запрет был распространен на ввоз из Италии любых товаров, за исключением слитков золота, золотых и серебряных монет.

От имени правительства Румынии Титулеску заявил в декабре 1935 г. о готовности участвовать в «нефтяных санкциях», эффективность которых могла стать решающей, ибо Италия зависела целиком от импорта нефти, причем $^3/_4$ его приходилось на 10 стран, в том числе СССР, согласившихся прекратить эти поставки.

Более того, хотя усилиями английских и французских представителей в Лиге наций обсуждение вопроса о «нефтяных санкциях» затянулось, Румыния официально присоединилась к осуществлявшим эти санкции странам.

Надо сказать, что практическое значение предпринятых Бухарестом шагов свелось к нулю. Румынское правительство не склонно было осуществлять на деле свое решение об экономических санкциях против Италии. Как свидетельствует А. Прост, который в начале 30-х годов был вице-председателем франко-румынского нефтяного треста «Колумбия» и финансовым советником румынского правительства, поставки из Румынии в Италию не прекратились, они шли через Австрию и Венгрию. В Бухаресте, отметил он, не захотели пожертвовать даже частично торговыми выгодами ради того, чтобы помешать Муссолини продолжать завоевание Эфиопии [50].

Поскольку Н. Титулеску не понял подлинной сущности политики Англии и Франции в период итальянской агрессии против Эфиопии, то, очевидно, ему еще не была ясна и их позиция в отношении фашистских государств, принимавшая все более определенный антисоветский характер и ставившая под угрозу интересы не только малых стран, но и собственные. Лишь позднее он лучше в ней разобрался. В рассматриваемое же время румынский министр иностранных дел еще верил в то, что Англия и Франция способны противостоять реваншистским силам и во имя этой цели будут действовать совместно с Советским Союзом, а Германия при таких условиях не пойдет дальше захвата Австрии и не поддержит хортистские притязания на румынскую

---

[50] *Prost H.* Destin de la Roumanie. 1918—1954. Paris, 1954, p. 92—93.

территорию. Подобными соображениями Н. Титулеску и руководствовался, всячески демонстрируя желание Румынии сблизиться с Германией путем дальнейшего расширения экономических связей, а также выступая за заключение как румыно-советского, так и румыно-германского пакта о ненападении. Но так как в Берлине враждебно относились к сближению Румынии с СССР и не выражали своей готовности подписать с ней такой договор, Титулеску, как мы уже видели, попытался воздействовать на гитлеровцев упомянутым заявлением от 9 ноября. Однако расчет не оправдался.

Значительный интерес в этой связи представляет обширный политический отчет германской миссии в Бухаресте за 1935 г.[51], в котором подробно рассматривался внешнеполитический курс Румынии и ее министра иностранных дел.

Указывая на определенную противоречивость румынской позиции в отношении Германии, авторы отчета отмечали, что как страна, выступающая за сохранение статус-кво, Румыния находится в лагере противников рейха, но ее правители, враждебно настроенные к СССР, продолжают смотреть на Берлин как на возможного партнера или по крайней мере считаются с возможностью «возвращения перевооруженной Германии на поле балканской политики». Правительство Румынии, говорилось далее в отчете, не может не воспользоваться представившейся возможностью вести «политику качелей», т. е. балансировать между двумя группами держав.

Германская миссия в Румынии далее подчеркивала, что румынский министр иностранных дел помимо конфиденциальных заверений в дружбе с Германией демонстрировал ее и публично. Так, в феврале 1935 г. «он принял наше (германское.— *Н. Л.*) перевооружение», не только «молчаливо признав в феврале 1935 г. наше требование на равные права», но и стремясь убедить других в обоснованности германской точки зрения. К числу «благожелательных» действий Титулеску были отнесены произнесенный им в апреле тост в честь Гитлера, которого он тогда почтительно назвал рейхсфюрером вместо официального «канцлер». Указывалось и на то, что в результате вмешательства министра иностранных дел со страниц некоторых румынских газет исчезли «нападки» на Гитлера. В отчете подчеркивалось, что румынское правительство, в том числе и Титулеску, не имеет каких-либо «антигерманских тенденций» в экономических вопросах, напротив, оно руководствуется «искренним желанием укреплять торговые связи с Германией», причем на это стремление не оказывают никакого влияния внешнеполитические связи с западными державами.

Центральное место в этом документе занял вопрос об отношении правительства Румынии к Советскому Союзу, являвшемся

[51] DGFP. 1918—1945, series C, vol. IV, p. 942—945.

для гитлеровцев главным критерием в оценке румынской политики. Миссия в Бухаресте считала, что румынское сближение с СССР не преследует антигерманских целей и является вынужденным, ибо «отказ» Германии втягиваться в балканские дела показал Румынии, что у нее нет достаточно сильного союзника против СССР, и «толкнул ее в объятия России». Румынское правительство, по мнению миссии, не следует осуждать за его русскую политику, ибо «ухаживанием за Россией» оно ставит своей задачей обеспечить себе владение «приобретенной» советской территорией и воспрепятствовать проходу советских войск через страну в случае возникновения войны.

Далее следовал вывод: Румыния будет проводить курс на сближение с СССР лишь до тех пор, пока не увидит, что Германия стала политическим фактором в Юго-Восточной Европе. Тогда, говорилось в отчете, румынские правители, если и не перейдут полностью в германскую группировку, то по крайней мере возобновят политику балансирования, «которая... является их методом самоутверждения и которая столь соответствует их характеру».

Германская миссия рекомендовала своему правительству проводить в отношении румынских правящих кругов следующую политическую линию: подчеркивать общность интересов, выражая недовольство «диктатом западных стран», разочарование в Лиге наций и т. п. «Мы должны,— гласил отчет,— заинтересовать румынских политиков, даже таких, как Титулеску, в Германии как важном факторе их политики, показать, что Германия является «козырной картой» в их игре с друзьями и врагами... Если мы проявим необходимую осторожность, то сумеем убедить даже Титулеску, что в его интересах иметь сильным этот козырь. Позиция, которую он занял по отношению к нашему перевооружению, свидетельствует о наличии таких возможностей». В румыно-венгерском территориальном конфликте предлагалось вести более гибкую линию, позволяющую «оказать влияние» на Румынию.

Последнее предложение было связано с тем, что переданная германской миссией в Бухаресте осенью 1935 г. просьба лидера фашистской национал-христианской партии О. Гоги сделать по этому вопросу заявление в пользу Румынии встретила отказ со стороны гитлеровской верхушки. МИД Германии дал отрицательный ответ на это предложение, сославшись на то, что такое заявление вызвало бы обострение отношений между Венгрией и Румынией и что поэтому-де «в румынских интересах как можно меньше говорить о своих границах» [52].

В действительности этот аргумент был составной частью тех средств, с помощью которых гитлеровская клика и в дальнейшем играла на румыно-венгерских противоречиях. К тому же

[52] DGFP. 1918—1945, series C vol. IV, p. 851.

противоположные заверения Германия давала обеим сторонам уже в рассматриваемое время.

Так, объясняя венгерским представителям причины своего «хорошего отношения» к Румынии, гитлеровцы говорили, что стремятся таким образом удержать ее в стороне от франко-советско-чехословацкого союза и любой другой антигерманской коалиции, но что политика Германии по отношению к Венгрии остается «неизменной», а это означало, кроме всего прочего, поддержку территориальных притязаний хортистов. Для румын были наготове совершенно иные «разъяснения».

Например, при встрече с Г. Брэтиану в январе 1936 г. фон Нейрат заявил, что Германия «никоим образом не связывает себя активной поддержкой венгерских ревизионистских устремлений». Г. Брэтиану, как гласит немецкая запись беседы, с огромным удовлетворением встретил это заявление гитлеровского министра иностранных дел и сказал, что оно «будет очень ценным в его борьбе против румыно-русского союза», поскольку сторонники такого союза аргументируют его необходимостью предупреждения германо-венгерских агрессивных планов в отношении Румынии [53].

Возвращаясь к отчету германской миссии в Бухаресте за 1935 г., следует подчеркнуть, что даже в этом документе, составленном в благожелательном по отношению к Титулеску тоне, не содержалось рекомендации принять его предложение относительно заключения румыно-германского договора о ненападении. Ибо оно шло вразрез с гитлеровской политикой «дальнего прицела» в отношении Румынии. Потому-то в Берлине и не пошли дальше упомянутого выше заявления, которое фон Нейрат сделал в беседе с Г. Брэтиану, явно имевшего одну цель — дать в руки румынских фашистов «сильный козырь» в их борьбе против сближения Румынии с СССР.

Титулеску же, убедившись в провале попытки воздействовать на гитлеровское правительство намеками на возможность подписания румыно-советского пакта о ненападении без заключения подобного румыно-германского договора, вернулся к своей прежней линии.

В начале 1936 г. Титулеску вторично предложил Берлину заключить пакт о взаимной помощи между Румынией и Германией. Месяц спустя по его поручению Комнен заверил германского министра иностранных дел, что в отношениях Румынии с Советским Союзом «не наступило никаких изменений и что если однажды Румыния почувствовала бы необходимость заключения пакта с Россией, то, во-первых, она сочла бы необходимым, чтобы подобный пакт не был направлен против Германии; во-вторых, Румыния была бы расположена заключить подобный же

[53] DGFP. 1918—1945, series C, vol. IV, p. 1028.

пакт с рейхом, и, в-третьих, Румыния не допустит даже предположения о проходе советских войск через свою территорию»[54].

Но результат был тот же. Фон Нейрат ответил, что «преждевременное» подписание Румынией пакта о взаимной помощи с СССР произвело бы неблагоприятное впечатление в Берлине. Само же германское правительство, по его словам, не намеревалось заключать подобных договоров с какой бы то ни было страной.

На самом деле отказ принять предложение Титулеску имел совсем иную причину. В меморандуме о германской политике в отношении Румынии, составленном 21 февраля 1936 г. после совещания у статс-секретаря МИД Германии, указывалось, что рейх не может связать себя какими бы то ни было обязательствами, соглашениями и договорами с Бухарестом, так как, «во-первых, Венгрия в своей ревизионистской политике преследует цели, одинаковые с нашими, а во-вторых, потому что Венгрия даже с географической точки зрения более важна для нас, чем Румыния, этот бескомпромиссный противник ревизионизма».

Официальный отказ гитлеровцев заключить пакт означал, что Румыния вследствие двойственной политики своего правительства рискует оказаться в стороне от франко-советско-чехословацкого союза и тем самым стать легкой добычей фашистской агрессии. Нужно было выбирать. Но на это в Бухаресте и теперь не пошли.

24 февраля 1936 г. была предпринята очередная попытка «убить двух зайцев». В тот день румынский министр иностранных дел направил в Берлин еще одно заверение, гласившее, что «если в силу обстоятельств Румыния будет вынуждена заключить договор (о взаимной помощи с СССР.— *Н. Л.*), то ни король, ни какое бы то ни было румынское правительство не дадут согласия на разрешение прохода русских войск через румынскую территорию».

Одновременно Титулеску от имени румынского правительства вновь предложил свое посредничество в переговорах с западными державами[55].

Гитлеровская клика в подобных услугах не нуждалась, поскольку уже достаточно хорошо знала, что и без них не встретит со стороны Англии и Франции противодействия своим агрессивным акциям.

Это отчетливо подтвердилось в марте 1936 г., когда германские войска, вопреки существовавшим международным договорам, вступили в Рейнскую область.

Англия и Франция внешне бурно реагировали на этот акт, однако ничего практически не предприняли против развиваю-

---

[54] *Oprea I.* Op. cit., p. 262; Arhiva MAE, fond Germania, vol. 75, n/p.
[55] DGFP. 1918—1945, series C, vol. VI, p. 114—115, 1184.

щейся гитлеровской агрессии, надеясь в дальнейшем направить ее на Восток, против Советского Союза.

Н. Титулеску, однако, воспринял французскую «ноту протеста» как признак намерения Парижа, опираясь на союз с восточноевропейскими странами, в первую очередь с СССР, дать действенный отпор агрессору. В связи с этим он добился решения румынского правительства о солидарности с заявлением Франции, тем самым продемонстрировав, что Румыния продолжает придерживаться позиции защиты версальских договоров.

Насколько убедительной показалась его аргументация даже премьер-министру Г. Татареску, видно из того, что, как заявил последний на том же заседании кабинета, по его мнению, Франция должна ответить на действия Гитлера концентрацией части своей армии на границе с Рейнской областью. Вместе с тем, как можно заключить из архивного румынского документа, правительство Румынии тогда же решило сохранить нейтралитет в случае возникновения военного конфликта Франции, Чехословакии и Советского Союза с Германией [56].

Официально выраженная румынским правительством солидарность с французской нотой протеста вызвала ярость у главарей «Железной гвардии». А так как они не знали о другой части решения кабинета, касавшейся нейтралитета, то предположили, что в случае военного конфликта будет разрешена транспортировка советских войск по румынским железным дорогам в Чехословакию, и в связи с этим готовились организовать путч [57].

Но вскоре выяснилось, что румынское правительство собиралось соблюдать нейтралитет, а главное — никакого военного конфликта между Францией и Германией не произошло, и необходимость в путче отпала.

Н. Титулеску был явно обескуражен позицией Англии и Франции в отношении ремилитаризации Рейнской области. Несколько воспрянул он духом, когда при обсуждении в Лиге наций этого вопроса Советский Союз осудил тенденцию Запада к капитуляции перед агрессором и призвал к решительным действиям по обузданию тех сил, которые толкали мир к новой войне. Титулеску поддержал предложение СССР. Выступив от имени Малой Антанты на заседании Совета Лиги наций, состоявшемся в Лондоне 17—19 марта 1936 г., он предупреждал: «Если одностороннее нарушение договоров будет оставаться без последствий, то это будет концом коллективной безопасности и Лиги наций». И потребовал положить конец подобной безнаказанности.

Отказ западных держав от применения санкций к Германии в соответствии с Уставом Лиги наций был большим ударом для

---

[56] Arhiva MAE, fond Germania, dos. 81, n/p.
[57] Ibidem.

Титулеску, опасавшегося, что Франция не выступит в защиту малых стран от гитлеровской агрессии. «Успокойте нас, господин председатель совета министров Франции,— заклинал он Леона Блюма летом 1936 г.,— или по крайней мере скажите нам правду! Ибо мы не забываем, что 7 марта (когда войска германского вермахта вступили в Рейнскую область.— *Н. Л.*) вы не защищали самих себя. Так каким же образом вы будете защищать нас от агрессора?» Ответа не последовало [58].

Призывы Титулеску к борьбе против агрессора встречали все более холодный прием у французских дипломатов, постепенно отходивших от политики коллективной безопасности ради достижения сделки с фашистскими державами за счет малых стран и СССР. Здания Малой и Балканской Антант, возведенные усилиями Н. Титулеску и его сторонников в других странах, начали рушиться, теряя одну из своих главных опор — Францию.

Этот процесс не могло остановить и принятое несколько позднее, 6 июня 1936 г., решение глав государств Малой Антанты добиваться заключения союзного пакта с Францией, ибо правители последней вслед за Англией стали на путь сговора с германо-итальянским блоком. Титулеску, например, уже весной 1936 г. пришел к выводу, который он так изложил королю: в будущем со стороны Англии и Франции нельзя ожидать большего, чем моральное осуждение агрессора.

В условиях, когда фашистские государства перешли к открытым актам агрессии, а в определенных кругах западных стран намечалась тенденция к сговору с ними за счет восточноевропейских стран, особо важное значение для Румынии приобретало сближение с СССР. Но непоследовательность румынского правительства в целом и его министра иностранных дел в частности, отражавшая стремление буржуазно-помещичьих кругов Румынии лавировать между противоборствующими силами на международной арене, затрудняла переговоры относительно заключения румыно-советского пакта о взаимной помощи и в конечном итоге обрекала их на неудачу.

Между тем внутриполитическое положение Румынии в 1936 г. характеризовалось быстрым ростом крайне правых сил во главе с фашистской «Железной гвардией». Поддержка, оказываемая Каролем II и правительством Татареску железногвардейцам, открыто заявлявшим о своем намерении связать Румынию союзом с гитлеровской Германией, вызывала вполне обоснованное недоверие к внешнеполитическому курсу румынского правительства и могла сделать невозможным не только заключение союза с СССР, но и сохранение связей с Францией. Тем более что она создавала предпосылки для усиления давления на Румынию со стороны гитлеровской Германии.

---

[58] См.: *Язькова А. А.* Румыния накануне второй мировой войны, с. 130.

Последняя же, стремясь не допустить заключения румыно-советского договора о взаимной помощи, широко пропагандировала создание блока, в который кроме нее вступили бы Австрия, Польша, Югославия, Румыния, Венгрия и Болгария. Если учесть дальнейшую судьбу всех этих стран, то легко понять, чего стоили уверения Берлина в том, что в рамках такого блока они обеспечат свою безопасность.

Что касается румынской реакции, то она активно включилась в эту кампанию, вторя гитлеровцам, пугавшим Румынию «опасностью, которую несут в себе соглашения с СССР»[59].

Отдавая себе отчет в том, что внутренняя политика правительства препятствует проведению его внешнеполитического курса, Титулеску в июле 1936 г. вручил премьер-министру заявление об отставке. Румыния, сказал он при этом, теряет доверие своих союзников из-за очевидной поддержки, оказываемой правительством крайне правым группировкам, ориентирующимся на Германию.

Но король не принял отставки, опасаясь, что она могла быть расценена в Лондоне и Париже как отход Румынии от западной ориентации. Объясняя Титулеску причины покровительства железногвардейцам и другим фашистам, Кароль II сказал, что одних легальных средств, находящихся в распоряжении правительства, недостаточно для борьбы «против коммунизма в стране» и что для этого необходимо использовать, помимо государственной полиции, еще и «другие силы», т. е. фашистские организации. Но покровительство, оказываемое им, заверял король, не изменило внешнеполитической линии Румынии.

Тогда Титулеску потребовал одобрения проводившегося им курса, который в последнее время вызывал споры в правительстве Татареску.

Это требование было принято. На заседании совета министров 16 июля 1936 г. было подтверждено, что основной целью румынской внешней политики является заключение пакта о союзе между Францией и Малой Антантой, как это было установлено на июньской встрече глав трех государств — Румынии, Чехословакии и Югославии. Далее в принятом в тот день решении говорилось: «Мы — противники коммунизма внутри страны, и ни один член правительства не является его сторонником... Но в области внешней политики мы — за соглашение с СССР, союзником наших союзников Франции, Чехословакии и Турции, соглашение, единственно способное сделать эффективным эти союзы. Мы не можем быть одновременно союзником Франции и недругом России, ее союзницы»[60].

Одновременно были обновлены полномочия Титулеску, касавшиеся пакта о взаимной помощи с СССР, причем они вклю-

---

[59] «Revue Ruomaine d'histoire», 1966, N 3, p. 464.
[60] «Analele», 1965, N 5, p. 133.

чали уже не только ведение переговоров, но и заключение соответствующего договора. Было решено также прекратить антисоветские нападки в печати, опубликовать ряд благожелательных по отношению к СССР статей и осуществить некоторые другие меры, способствующие сближению между двумя странами.

Со своей стороны Титулеску постарался в известной степени успокоить оппонентов курса на сближение с Советским Союзом. Титулеску, как сообщал в Варшаву временный поверенный в делах Польши в Румынии Понинский, ссылаясь на беседы с румынскими политическими деятелями, «принял в отношении ряда правых политиков, в том числе Авереску и Гоги, обязательство не заключать никакого соглашения с Советами, которое разрешило бы проход советских войск или предусматривало бы военное сотрудничество».

Румынский министр иностранных дел теперь, по-видимому, решил не откладывать дело в долгий ящик: уже через пять дней после упомянутого заседания правительства он во время конференции в Монтре сообщил советскому наркому иностранных дел М. Литвинову о своих полномочиях на ведение переговоров и заключение с СССР договора о взаимной помощи в случае агрессии со стороны любого государства. Титулеску сказал, что выполнение сторонами обязательств по пакту должно быть обусловлено оказанием Францией помощи жертве агрессии. Далее он заявил, что в договор следует включить статью, согласно которой вступление войск на территорию страны для оказания ей помощи против агрессора могло бы иметь место лишь по получении официальной просьбы ее правительства, а отвод этих войск на их собственную территорию был бы произведен немедленно по окончании военных действий.

Румыния не имела договора о взаимной помощи с Францией, а надежды на скорое заключение союза последней со всеми странами Малой Антанты были слабыми, что объяснялось, в частности, позицией тогдашнего югославского монархо-фашистского правительства. Формально солидаризировавшись в этом отношении с Чехословакией и Румынией, оно в действительности не желало связывать себя военно-политическим сотрудничеством с Францией и СССР и держало курс на сближение с гитлеровской Германией. Таким образом, позиция румынского правительства, обусловливавшего оказание взаимной помощи участием Франции, была далека от реальности и не способствовала заключению эффективного военного союза между Румынией и СССР.

Тем не менее советская сторона, как и при подписании договора с Чехословакией, была готова принять предложения Титулеску. Она проявила терпимость и в вопросе об оккупированных Румынией советских землях. Не отказываясь от своих законных требований в этом вопросе, СССР вместе с тем не настаивал на немедленном разрешении территориального конф-

ликта. По-прежнему стремясь урегулировать его мирным путем, Советское правительство считало первоочередным делом организацию отпора фашистской агрессии и этой задаче подчиняло всю свою внешнеполитическую деятельность.

Румынское правительство вскоре, однако, прервало переговоры, удалив Н. Титулеску, и в дальнейшем не возобновляло их. Тем самым оно продемонстрировало, что окончательно перешло на реакционные позиции не только во внутренней, но и во внешней политике. Точнее, политика фашизации страны привела, и не могла не привести, к такому исходу борьбы внутри румынских правящих кругов.

Н. Титулеску пытался в проводимой им внешней политике сочетать противоположные тенденции, выявившиеся в ходе этой борьбы,— стремление сохранить ориентацию на западные державы и тягу к сближению с гитлеровской Германией. В сущности, такой курс определялся не только собственной концепцией румынского министра иностранных дел. Он был обусловлен особенностями всей внутренней и внешней политики правящей верхушки страны.

Свою приверженность западной ориентации она сохраняла до определенного времени как вследствие политического доминирования Англии и Франции в послевоенной капиталистической Европе, так и в силу экономической зависимости Румынии от французского, английского и американского капитала. Более того, с ним были тесно связаны финансовые интересы румынской буржуазии и помещиков.

В то же время осуществлявшаяся Каролем II и его окружением политика фашизации страны определила симпатии королевской камарильи к режимам Гитлера и Муссолини. Этот фактор приобретал все большее значение для нее также и потому, что именно она получала экономические выгоды от усилившегося проникновения германского капитала в Румынию. Наконец, прогитлеровские тенденции стимулировались возраставшими внешнеполитическими претензиями гитлеровцев, не встречавшими отпора со стороны западных держав.

Но эти претензии, касавшиеся тогда ревизии версальских договоров, могли обернуться серьезными осложнениями и для Румынии, заинтересованной в сохранении статус-кво, установленного после первой мировой войны, и опиравшегося на систему профранцузских союзов.

В таких условиях и вспыхнула внутри румынских правящих кругов борьба двух внешнеполитических направлений. Причем она велась не только между различными группировками. Фактически и Кароль II и многие из тех, кто составлял его окружение, испытывали сомнения и колебания, результатом которых и являлась двойственная политика на международной арене. Главной ее целью оставалось сохранение территориального статус-кво, т. е. предотвращение захвата Трансильвании хортиста-

ми, принадлежавшими вместе с германским и итальянским фашизмом к ревизионистским силам, и удержание аннексированных Румынией советских земель. Поскольку СССР выступал за мирное решение советско-румынского конфликта, а реваншисты во главе с гитлеровской кликой не скрывали своего намерения силой перекроить карту Европы, то румынские правящие круги понимали, что непосредственная опасность им грозит со стороны хортистской Венгрии, поддерживаемой Берлином и Римом.

Отсюда вытекало стремление сохранять ориентацию на западные державы, а это при сложившейся к середине 30-х годов международной обстановке требовало от Румынии присоединения к франко-советско-чехословацкому союзу. Но сближение с СССР противоречило внутренней политике Кароля II и его окружения, направленной на фашизацию страны, в то время как ориентация на гитлеровскую Германию, по их мнению, соответствовала этой цели и, кроме того, представлялась некой «гарантией» удержания захваченной советской территории.

Поиски выхода из создавшейся ситуации привели к выработке такой линии, которая, казалось, была способна обеспечить достижение внешнеполитических целей румынских правящих кругов. И состояла она, как показано выше, в попытках заручиться одновременной поддержкой и СССР и гитлеровской Германии. Такой курс был взят с той целью, чтобы присоединение к франко-советско-чехословацкому союзу помогло устранить угрозу потери Трансильвании, а сближение с Берлином укрепило захваченные Румынией позиции на Днестре.

Но если Н. Титулеску, фактический вдохновитель этого курса, руководствовался исключительно внешнеполитическими соображениями, то Кароль II и большинство членов его правительства во главе с Г. Татареску позволяли министру иностранных дел проводить его еще и потому, что союз с гитлеровской Германией должен был способствовать их политике фашизации страны и предотвратить «нежелательное влияние» сближения с СССР на румынские народные массы.

Это различие имело существенное значение. Антиревизионистский курс, отстаиваемый в то время всей правящей верхушкой Румынии, у Н. Титулеску дополнялся антипатией к фашизму, что накладывало особый отпечаток на его практическую деятельность. А это усиливало ненависть к нему со стороны как румынских, так и германских, итальянских и прочих фашистов и в конечном счете способствовало его устранению из состава правительства.

Конечно, отставка Титулеску была следствием многих причин. Однако именно политика фашизации Румынии и связанное с ней усиление контактов с фашистскими режимами, прежде всего с гитлеровской Германией, сыграли в этом первостепенную роль.

Во внешнеполитических учреждениях фашистской Германии не было единства мнений по вопросу о методах, с помощью которых можно было бы перетянуть королевскую Румынию в лагерь держав «оси».

Министерство иностранных дел, возглавляемое дипломатом старой формации фон Нейратом, считало более подходящим экономическое воздействие на румынские правящие круги с целью подчинения их интересам гитлеровской агрессии в Европе [61]. И такого рода давление, сочетаемое с политическим шантажом, отчетливо проявилось в отношениях между рейхом и Румынией.

Внешнеполитический отдел национал-социалистской партии считал это недостаточным. По его мнению, можно было «договориться» со всеми членами румынского правительства, кроме министра иностранных дел. Поэтому в соответствии со своей линией на вмешательство во внутренние дела Румынии путем поощрения террористической деятельности железногвардейцев, он заявлял, что только при условии устранения Титулеску Германия сможет осуществить свои «румынские» планы.

В конечном итоге в Берлине избрали «нечто среднее» между двумя крайностями: германское правительство потребовало отстранить Титулеску с поста министра иностранных дел, угрожая в противном случае свернуть свою торговлю с Румынией.

Гитлер в беседе с О. Гогой летом 1936 г. прямо сказал: «Тормозящим фактором является непримиримость Титулеску... Если сила его сопротивления будет сломлена, то Германия и Румыния легко договорятся по политическим и экономическим вопросам». Заявление в таком же духе сделал Риббентроп. Он также предупредил О. Гогу, что не может быть и речи об улучшении германо-румынских отношений, пока королевское правительство не докажет своего желания «перейти на другой путь». А министр иностранных дел фон Нейрат, следуя той же линии, уточнил ее следующим образом: Титулеску является главным препятствием для нормализации германо-румынских политических отношений и дальнейшего развития экономических связей; после его устранения с поста министра иностранных дел Румынии можно будет договориться по всем вопросам [62].

Непримиримую позицию в отношении Титулеску заняли итальянские фашисты, озлобленные его выступлением по эфиопскому вопросу в Лиге наций, а также активной ролью в создании Балканской Антанты, одной из целей которой являлось противодействие итальянскому экспансионизму в Юго-Восточной Европе.

Рупор Муссолини газета «Джорнале д'Италиа» писала: «До тех пор, пока во главе румынской внешней политики будет оставаться Титулеску, Италия не возобновит дружественных связей

[61] Istoria XX weka. Zbornik Rabova, VII, p. 91—92.
[62] Историко-дипломатический архив МИД СССР (далее — ИДА), ф. микрофильмов архивных документов.

с Румынией». В июле 1936 г. дуче принял редактора румынской профашистской газеты «Курентул» П. Шейкару и высказал ему крайнее недовольство румынской позицией в европейских делах, подчеркнув свое враждебное отношение к Титулеску. Это заявление итальянский посланник в Бухаресте Уго Сола довел до сведения румынского премьер-министра Г. Татареску. П. Шейкару по возвращении из Рима заявил своему единомышленнику Аржетояну: «Дуче любит нас и не путает нас с Титулеску, которого он ненавидит сильнее, чем ты» [63].

Против Титулеску велась кампания и плелись интриги также польскими реакционными политиками. Министр иностранных дел Польши Ю. Бек, питавший личную неприязнь к Титулеску, так характеризовал его политику в документе, составленном для главы польского государства: «Официальная политика Румынии, проводимая министром Титулеску, человеком, стремящимся к внешним эффектам, вот уже около года не развивается параллельно политике союзной с ней Польши. Это особенно проявилось в отношении двух государств к французской системе коллективной безопасности в Восточной Европе, которую Титулеску полностью принял, имея намерение заключить пакт о взаимной помощи между Румынией и Советами» [64].

Бек считал, что Румыния, сблизившись с СССР, нарушит свои обязательства по союзу с Польшей, и добивался, чтобы, следуя примеру последней, румынское правительство ориентировалось на гитлеровскую Германию. Польские правители на правах «верных друзей и союзников» Румынии твердили с германского голоса, что румынская внешняя политика идет по неправильному пути. Титулеску, по их мнению, оторвался от своей страны, приносил в жертву интернациональным интересам ее национальные задачи, давал пагубные советы королю и правительству.

Призывая отвергнуть политику сближения с СССР, они утверждали, что Советский Союз слаб в экономическом и военном отношении и не может быть союзником, Франция, а тем более Англия не оказывают и не окажут никакой экономической или военной поддержки Румынии, а посему-де нужно сближаться с Германией. Мотивировалось это тем, что Румыния, как и Польша, живет сейчас «не за счет торговли с Францией или с Советами, а за счет торговли с Германией». Польские правители пугали румынских: «Ужас охватывает при одной только мысли о том, что сталось бы с польским и румынским народами, если бы для них закрылся германский рынок» [65].

Ориентация на Францию и сближение Румынии с СССР подвергались резким нападкам и со стороны югославских руково-

---

[63] *Oprea I.* Op. cit., p. 345—346.
[64] См.: АВП СССР, ф. 125, оп. 20, д. 11, п. 16, л. 275.
[65] Там же.

дителей, отказавшихся от политики коллективной безопасности. Югославский министр иностранных дел заявлял, что действия Титулеску якобы подрывают единство Малой Антанты. С других позиций критиковали политику румынского министра иностранных дел хортисты, стремившиеся настроить гитлеровскую клику против Румынии. «До тех пор, пока иностранными делами Румынии будет руководить Титулеску, политика этой страны все больше будет ориентироваться на сотрудничество с русскими»,— внушал Хорти Гитлеру.

Румынский министр иностранных дел вызвал резкое недовольство и в английских правящих кругах, поскольку на конференции в Монтре при пересмотре режима черноморских проливов он солидаризировался с французской и советской делегациями, руководствуясь при этом интересами укрепления безопасности черноморских государств и борьбы против фашистской агрессии. Лондонская «Таймс» тогда заявила, что Титулеску «открыто стал на сторону Франции и Советов», а «Ивнинг стандарт», говоря о его выступлениях против английского проекта, писала, что в Монтре деликатность Титулеску сменилась «яростью и дерзостью».

Поскольку на этой конференции Англии пришлось отступить от своих требований, соответствовавших агрессивным планам германо-итальянского блока, то позиция Титулеску вызвала новый взрыв ярости в Берлине и Риме, а один из румынских реакционных деятелей назвал его выступление в Монтре «провокационным» в отношении Германии и Италии [66].

Давление Берлина, Рима, Варшавы и Белграда не могло не оказывать воздействия на румынскую правящую верхушку. И все же не это решило судьбу Титулеску. Определяющим оказалось то, что в самой Румынии в это время отмечался рост влияния фашистов, требовавших союза не с Францией, «разъедаемой Народным фронтом», а с «покончившей у себя с коммунизмом» Германией.

Против внешнеполитического курса, проводившегося Титулеску, объединились все недовольные им, в том числе буржуазно-помещичьи круги, заинтересованные в развитии торговли с гитлеровским рейхом. Они требовали от Кароля II и его правительства отставки Титулеску. Внутри румынского правительства также усилились прогерманские тенденции. Как отмечала тогда зарубежная пресса, ожесточенная борьба против Титулеску, обвиняемого в дружественном отношении к Франции и Советскому Союзу, объяснялась тем, что, по мнению правящей румынской верхушки, следовало раз и навсегда повернуться к Германии.

На эту опасную тенденцию указывала подпольная коммунистическая газета «Скынтейя». Выступив с разоблачением тех,

---

[66] «Analele», 1965, № 5, p. 135.

кто саботировал деятельность Титулеску, она подчеркивала, что широкие массы румынского народа одобряют его курс, видя в союзе с СССР единственное средство защиты от гитлеровской угрозы [67].

Большую активность в деле устранения Титулеску проявлял О. Гога, который неоднократно обращался по этому вопросу к Каролю II. В июле 1936 г., после поездки в Берлин и бесед с Гитлером и Риббентропом, он направил королю письмо, в котором заявил, что сохранение Румынией прежней ориентации не соответствует развитию международной обстановки и новому соотношению сил в Европе. Он утверждал, что Франция в силу своего внутриполитического положения утратила международный престиж и не может выступать в роли покровителя малых стран.

По вине Титулеску, говорил О. Гога, за последние годы ухудшились отношения с Италией, наступило явное охлаждение в румыно-польском союзе, а политика по отношению к Германии «провоцирует» ее на антирумынские акции. Национал-христианский лидер считал необходимым заблаговременно подготовить запасные позиции, с тем чтобы перегруппировка сил на международной арене не застала Румынию «связанной по рукам и ногам» ее прежними союзами.

Верность традиционным внешнеполитическим связям Румынии он назвал «жестким догматизмом, несовместимым с самосохранением» румынского государства. «Смею надеяться,— писал О. Гога королю,— что непримиримость, которую мы проявляли до самого последнего времени, прекратится и будет начато осторожное зондирование с целью выяснить возможности нашего включения в новую обстановку». Под этим он подразумевал переориентацию Румынии на гитлеровскую Германию и Италию, сближение с которыми «должно укрепить в стране антикоммунистические силы». По мнению О. Гоги, задача внешнеполитической переориентации страны не могла быть осуществлена Титулеску, ибо он не пользовался доверием Берлина и Рима [68].

Г. Брэтиану, являвшийся лидером одной из группировок национал-либеральной партии, на словах выступал за необходимость сохранения Румынией ее союзов, опиравшихся на Францию. На самом же деле, борясь против заключения румыно-советского пакта о взаимной помощи под предлогом того, что такой договор будет способствовать росту коммунистических сил внутри страны, а на европейской арене вызовет еще большее сближение Германии и Венгрии, он требовал отказа от политики коллективной безопасности и, следовательно, отхода Румынии от Франции и Чехословакии, имевших договоры о взаимной помощи с Советским Союзом.

---

[67] См.: «Scînteia», 23. V 1936.
[68] *Oprea I.* Op. cit., p. 354.

Устранение Н. Титулеску с поста руководителя румынской внешней политики предопределялось также усилившейся личной неприязнью Кароля II к нему. Международная известность и популярность Титулеску задевала за живое честолюбивого румынского короля. Кроме того, он хотел освободиться от слишком самостоятельного министра иностранных дел, чья деятельность на международной арене становилась помехой курсу на фашизацию страны и на сближение с Берлином и Римом.

Разоблачая антинародную внутреннюю политику правящей верхушки, КПР в одном из своих документов того времени указывала: «Фашистские методы Гитлера и Муссолини без зазрения совести вводятся в практику буржуазно-помещичьей диктатуры Румынии» [69].

Несоответствие между политикой внутри страны и внешнеполитической деятельностью Титулеску было очевидным. «В то время как страна катится к фашистскому режиму,— констатировал А. Прост, характеризуя обстановку в Румынии к середине 1936 г.,— ее министр иностранных дел продолжает выступать перед западными правительствами и прессой в качестве поборника демократии, прав человека и свободы народов. Но эта позиция не отвечает чувствам тех, от имени которых он уполномочен говорить и действовать» [70].

Окончательно решила судьбу Н. Титулеску его позиция по отношению к войне в Испании.

В связи с этим следует напомнить некоторые факты, свидетельствующие о том, что симпатии народных масс Румынии в тот период были на стороне испанских патриотов, боровшихся против франкистов, поддерживаемых германским и итальянским фашизмом. Если железногвардейцы, развернувшие яростную кампанию против республиканской Испании, сумели послать всего лишь семь человек в войска Франко, то по призыву КПР в интернациональные бригады вступили 500 румынских антифашистов, в числе которых были и бессарабские коммунисты. Они мужественно и самоотверженно сражались против мятежников и интервентов, написав на своем знамени «За вашу и нашу свободу!» [71]

Что же касается румынских властей, то они не только жестоко преследовали тех, кто выступал против покушения на свободу испанского народа и участвовал в деятельности созданных компартией «комитетов защиты Испании», но и открыто демонстрировали свою солидарность с франкистами и интервентами. Так, тела двух убитых в Испании железногвардейцев были торжественно доставлены в Румынию. От границы их везли в специальном поезде, останавливая его на каждой станции для проведения митингов. Чтобы привлечь как можно большую толпу

[69] Documente din istoria partidului comunist din Romînia. 1934—1937, p. 175.
[70] *Prost H.* Op. cit., p. 90.
[71] *Fătu M., Spălățelu I.* Garda de fier — organizație teroristă de tip fascist. București, 1971, p. 174.

людей, панихиду в Бухаресте служили лично патриарх Мирон Кристя и 400 священников. На могилах двух «героев» красовались рядом венки от румынских правителей и возложенные дипломатическими представителями Германии и Италии от имени Гитлера и Муссолини.

Легко представить, какова была реакция правящей верхушки страны на полученное в конце августа 1936 г. известие о том, что Титулеску, находясь во Франции, дал согласие на передачу республиканской Испании 100 пушек и 15 самолетов, изготовленных на французских заводах по заказу румынского правительства [72].

Действительно, Титулеску не разделял профашистские тенденции своего правительства. Тогда еще не определилась англо-французская так называемая политика «невмешательства» в испанские дела, ставшая в дальнейшем линией на пособничество интервенции фашистских государств в Испании. В Лондоне и Париже пока на словах осуждали мятеж Франко. Титулеску же, искренне симпатизировавший законному испанскому правительству, полагал, что за словами английских и французских деятелей последуют и конкретные дела. И верный своему обычному стремлению играть активную роль в решении международных проблем, он и предпринял шаг, который, по его мнению, соответствовал сложившейся обстановке.

Далее события, как рассказывал позднее сам Н. Титулеску, развивались следующим образом: «29 августа 1936 г. в 5 час. из Бухареста потребовали сообщить мое мнение об интервенции в Испании. Я ответил, что мы должны следовать за Францией и Англией. В 8 час. мне сообщили, что я перестал быть министром иностранных дел Румынии».

Официальным предлогом послужило создание однопартийного кабинета. Это должно было означать, что Н. Титулеску получил отставку как единственный министр, не принадлежавший к национал-либералам, представленным в правительстве Г. Татареску.

Но, как мы уже видели, это было не совсем так. Анализ политики правящей верхушки Румынии во второй половине 1936 г. показывает, что отстранение Титулеску не было просто уступкой Кароля II и премьер-министра Г. Татареску давлению крайне реакционных, фашистских сил. Оно соответствовало интересам самой королевской камарильи, ее курсу на отказ от политики коллективной безопасности, стимулировавшемуся как сближением с гитлеровской Германией, так и тенденцией западных держав к «умиротворению» фашистской агрессии.

В этом смысле нельзя признать исчерпывающим содержащийся в исследовании английского королевского института международных отношений вывод о том, что падение Титулеску было

[72] «Analele», 1965, № 5, p. 135.

«результатом смены политического ветра»[73]. Такая «смена» действительно произошла, однако началась она задолго до отставки Титулеску.

Франция, за политическим курсом которой еще следовала Румыния в первой половине 30-х годов, уже тогда заняла двойственную позицию. Не воспрепятствовав ремилитаризации Рейнской области, она также не пожелала активно противодействовать гитлеровской Германии на Балканах. Да и подписанный в мае 1935 г. договор о взаимной помощи между Францией и Советским Союзом устраивал Париж отнюдь не с точки зрения совместной с СССР борьбы против агрессивных планов гитлеровской Германии. Положительное значение этого акта умалялось тем, что одновременно не была заключена военная конвенция, а сам договор оказался «лишенным автоматизма действия»[74]. Лаваль, например, в конфиденциальных беседах не скрывал, что он свел франко-советский пакт к минимуму с целью, как он однажды заявил Н. Титулеску, сделать этот документ «мертвым». Профашистский премьер-министр Франции, по свидетельству Ж. Табуи, руководствовался при подписании данного пакта стремлением обострить отношения между Берлином и Москвой и тем самым создать предпосылки для антисоветского сговора с Гитлером путем заключения «франко-германского договора большого масштаба»[75].

Титулеску тогда же довел слова Лаваля до сведения Кароля II. Но король и его министр иностранных дел по-разному отнеслись к ним.

Дело в том, что даже в условиях, когда западные державы, в том числе Франция, отказывались вести борьбу с агрессией фашистских государств и готовились вступить в сделку с ними за счет интересов малых восточноевропейских стран, у последних имелась возможность отстоять свои интересы путем союза с СССР. В известной мере это понимал и Титулеску. Кроме того, он верил в то, что развитие событий непременно приведет к объединению усилий западных держав и Советского Союза для совместной борьбы против фашистской агрессии. Этим и объяснялось различие между его отношением к вопросу о заключении румыно-советского союза и позицией румынской правящей верхушки в целом, которая руководствовалась интересами борьбы против революционных и демократических сил в стране, а потому и восприняла слова Лаваля как сигнал к переходу на путь, ведущий к сближению с гитлеровской Германией.

Таким образом, этот курс был взят Каролем II и его окружением до отстранения Титулеску, при первом же дуновении «нового политического ветра» с Запада. Вот почему и шаги тог-

---

[73] Survey of International Affairs. The World in March 1939. London, 1952, p. 263.
[74] История внешней политики СССР, ч. I. 1917–1945, с. 292.
[75] *Табуи Женевьева.* Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960, с. 289.

дашнего министра иностранных дел по сближению с СССР, хотя он и стремился приспособить их к требованиям румынской реакции, не соответствовали ее целям. Но в то время он был еще нужен ей в качестве выразителя якобы сохраняемой ориентации на западные державы, которая в действительности все больше превращалась в ширму для усиления контактов с Берлином.

Необходимость такого прикрытия диктовалась опять-таки не только внешнеполитическими, но и в еще большей степени внутриполитическими соображениями. Ведь в сближении с фашистской Германией важнейшую роль играли выгоды, которые получала определенная часть буржуазии и помещиков от растущих экономических связей с рейхом, ставшим к середине 30-х годов главным внешнеторговым партнером Румынии, а также захватнические устремления румынской правящей верхушки, усиленно подогреваемые гитлеровцами, уверявшими, что союз с Берлином обеспечит ей не только удержание уже оккупированных, но и аннексию других советских земель.

Вряд ли нужно говорить о том, насколько далеки были подобные цели от подлинных интересов румынских трудящихся. Более того, широкие народные массы активно выступали против сближения с гитлеровской Германией.

На опасность такого курса неоднократно указывали румынские коммунисты. В резолюции расширенного пленума ЦК КПР, состоявшегося в августе 1936 г., говорилось: «Румыния имеет для германского империализма колоссальное значение. Как источник зерна и нефти и как страна, расположенная по соседству с Советским Союзом, она может стать базой снабжения Германии в подготовке войны, а в случае войны может облегчить нападение германского империализма на Советский Союз активным участием в войне или же разрешением прохода германских войск через ее территорию... Румыния может послужить германскому империализму объектом территориальной компенсации его союзников». Компартия подчеркивала, что перед лицом фашистских агрессоров Румыния может сохранить свою независимость только путем тесного сотрудничества и союза с СССР. КПР заявляла, что румынские фашисты и реакционеры, выступавшие против заключения договора о взаимной помощи с СССР, предают национальные интересы страны, и предупреждала: кто поднимает руку на Советский Союз, тот роет могилу национальной независимости Румынии, готовит раздел ее империалистами [76].

Румынские правящие круги не вняли этим словам. Решив отказаться от внешнеполитического курса, который вел страну в лагерь антифашистских государств, они не пошли на союз с СССР, предпочитая сближение с фашистской Германией. Имен-

[76] Documente din istoria patidului comunist din Romînia. 1917—1944, p. 280—283.

но это и привело к отставке Титулеску. Тем самым осуществились расчеты гитлеровцев, сформулированные в свое время германским поверенным в делах в Бухаресте следующим образом: когда Титулеску перестанет быть министром иностранных дел Румынии, это будет означать, что «принято решение против России» [77].

Устранение Н. Титулеску было отражением кризиса довоенной румынской внешней политики, возникшего в прямой связи с кризисом версальской системы и внутриполитическим кризисом в Румынии. Именно это определило курс на сближение буржуазно-помещичьей Румынии с фашистскими державами, начавшими с согласия «западных демократий» играть решающую роль в европейских делах. Как писала «Скынтейя», отстранение Титулеску явилось победой реакционных феодально-монархических сил Румынии. «И хотя они,— указывала газета КПР,— не могут еще открыто провозгласить военно-фашистскую диктатуру и открыто перейти на сторону фашистской Германии, они сумели в результате внутренних маневров нанести удар по внешней политике союза Румынии с Францией, Малой Антантой и по укреплению отношений с СССР, удалив Титулеску из правительства» [78].

Теперь Титулеску припомнили все его «грехи». Если раньше против тех или иных действий министра иностранных дел выступали его открытые противники, то после отставки Титулеску к ним присоединился и Кароль II. Как оказалось, он тоже был недоволен тем, что Румынии пришлось участвовать в санкциях против Италии в период ее агрессии против Эфиопии.

В беседе с чехословацким посланником в Бухаресте в октябре 1936 г. король заявил: «Не было надобности действовать так, как действовал Титулеску в качестве румынского министра иностранных дел, когда он... поставил Румынию в число первых стран, выступивших за применение санкций. Если мы и должны были выступать в группе таких стран, то очень хорошо было бы находиться где-нибудь в середине или в конце, а отнюдь не впереди, куда нас поставил г-н Титулеску вопреки моей воле и желанию членов правительства» [79].

Имя Титулеску неразрывно связано с борьбой против фашистской агрессии, за сохранение мира и безопасности народов. Но, как подчеркивает современный румынский исследователь И. Опря в своей монографии, посвященной этому выдающемуся дипломату, «следует с самого начала сказать, что Титулеску восставал против фашизма не по социальным соображениям» [80].

В течение всей своей политической и дипломатической карьеры он выступал выразителем и защитником интересов румын-

[77] DGFP. 1918—1945, series C, vol. IV, p. 362.
[78] «Scînteia», 1. X 1936.
[79] *Brătiany G.* La politique extèrieure de la Roumanie. Bucareşt. 1937, p. 30.
[80] *Oprea I.* Op. cit., p. 277.

ских господствующих классов. Оставаясь буржуазным политиком, Титулеску преследовал цели сохранения и укрепления буржуазно-помещичьего строя, обеспечения интересов господствующих классов Румынии на международной арене. Будучи сторонником буржуазного парламентаризма, Титулеску отвергал фашизм как средство сохранения капиталистических порядков. На международной арене он ориентировался на страны, выступавшие против ревизии версальских договоров, и верил в способность Лиги наций содействовать обеспечению коллективной безопасности и организации отпора агрессивным государствам.

Несмотря на вполне понятную буржуазную ограниченность политических концепций Титулеску, его деятельность по мобилизации сил противников фашистской агрессии способствовала борьбе против развязывания новой мировой войны. Отстранением же Титулеску королевская камарилья нанесла серьезный удар по фронту антиревизионистских государств, по делу сохранения и обеспечения мира. «В лице Титулеску,— отмечала в связи с его отставкой газета «Известия»,— Румыния теряет самого авторитетного государственного деятеля, а дело мира теряет одного из самых активных своих друзей».

В беседе со сменившим Н. Титулеску на посту министра иностранных дел Виктором Антонеску полпред СССР подчеркнул: «Титулеску действительно пользовался нашим доверием, ибо он в качестве большого патриота понимал, что интересы Румынии требуют тесных отношений с СССР» [81].

Отставка Титулеску отнюдь не означала, что румынские правящие круги, как утверждает в своих мемуарах Н. Йорга, предпочли сближению с Советским Союзом традиционную опору на Францию, Малую и Балканскую Антанты. Во-первых, такая опора в сложившихся условиях и могла быть действенной только при сотрудничестве с СССР. Во-вторых, как справедливо подчеркнул югославский историк Живко Аврамовски, отстранение Титулеску означало не только отказ от политики румыно-советского союза, но и как следствие этого укрепление позиций гитлеровской Германии в Юго-Восточной Европе и ослабление Малой Антанты [82].

Действительно, двойственность румынской внешней политики определялась при Титулеску ориентацией на западные державы, сочетавшейся, с одной стороны, со стремлением участвовать вместе с ними и Советским Союзом в создании системы коллективной безопасности, а с другой — с попытками дополнительно обезопасить себя путем сближения с Германией. Причем главной оставалась опора на Францию и ее систему союзов.

Смена руководства дипломатического ведомства Румынии положила начало иной расстановке акцентов в этой формуле двой-

---

[81] Документы внешней политики СССР, т. XIX, с. 433.
[82] Istoria XX weka. Zbornik Radova, VII, p. 92.

ственности. Отныне участие в системе коллективной безопасности вместе с СССР отвергалось. От ориентации на западные державы осталось, да и то до поры до времени, лишь стремление не порывать с ними окончательно. Зато контакты с гитлеровской Германией перерастали в установление тесных связей с нею [83].

Все это надломило и без того шаткий союз стран Малой Антанты. Румыния, которая при Титулеску была по характеру своей внешней политики ближе к Чехословакии, чем к Югославии, и до некоторой степени сдерживала прогерманские тенденции югославского правительства, теперь начинала отдаляться от обоих своих партнеров. Не имея общих границ ни с Германией, которая была для Чехословакии врагом № 1, ни с Италией, от которой исходила главная опасность для Югославии, Румыния отныне оставляла себе роль беспристрастного посредника, что объективно было на руку фашистским агрессорам, стремившимся ослабить Малую Антанту.

Победа германофильской профашистской группировки правящих кругов не привела к немедленному открытому переходу на сторону гитлеровской Германии. В значительной мере это объяснялось внутриполитическими причинами — наличием в стране широкого демократического, антифашистского движения, возглавляемого компартией, и противоречиями внутри господствующих классов. Поэтому новый министр иностранных дел Виктор Антонеску прежде всего счел необходимым успокоить общественное мнение, заявив, что «внешняя политика Румынии будет такой же, как и до настоящего времени». В своих беседах с советским полпредом в Бухаресте он пытался заверить последнего, что в советско-румынских отношениях якобы «ничто не изменилось». Однако полпред указал ему на то, что «политическая дружба имеет свою ценность лишь тогда, когда она не скрывается», и прямо сказал, что если румынский министр будет «на ухо шептать о дружбе, а публично расшаркиваться перед Германией и Польшей, то это не принесет никакой пользы ни нам, ни Румынии» [84]. В другой своей беседе с В. Антонеску советский полпред указал на прямоту и искренность советской внешней политики, подчеркнув, что Советский Союз «имеет возможность иметь единую политическую линию без игры на два табло» [85].

Симптоматичной была реакция румынского министра. Антонеску, замечал М. С. Островский, «будучи еще очень молодым министром иностранных дел, покраснел в том месте, где я говорил об игре на два табло. После неловкой паузы Антонеску перевел разговор на наши экономические отношения...»

Несмотря на заверения В. Антонеску, факты неопровержимо свидетельствовали о принятой румынскими правящими кругами

---

[83] Istoria XX weka. Zbornik Radova, VII, p. 92.
[84] Документы внешней политики СССР, т. XIX, с. 455.
[85] Там же, с. 495

политической линии на постепенное, замаскированное сближение с Германией, улучшение отношений с Италией и Польшей [86].

Такая политика вполне устраивала и гитлеровцев. 7 ноября 1936 г. в беседе с Г. Брэтиану, совершившим очередную поездку в Берлин, Геринг подтвердил необходимость «соблюдать скрытность» в организации германо-румынского сотрудничества, чтобы не вызвать преждевременно «ненужную реакцию» со стороны Франции [87].

Если для гитлеровцев стремление к определенной маскировке в этом деле определялось их обычной практикой подготовки всех своих внешнеполитических акций втайне, с тем чтобы потом ставить противников перед свершившимся фактом, то у румынских правителей были другие причины не афишировать сближение с Германией.

Одна из них обусловливалась все еще значительной зависимостью Румынии от ее прежних союзников в финансовых, экономических и некоторых других вопросах. Достаточно напомнить, что монополиям западных держав принадлежала половина румынского промышленного и почти треть банковского капитала, а также более чем две трети активов страховых обществ. Кроме того, хотя в экспорте Румынии первое место занимала Германия, западные державы не уступали гитлеровскому рейху по совокупному вывозу румынской продукции. В 1936 г. румынские поставки на германский и австрийский рынки составляли 5,7 млрд. лей, а на один только английский — 3,1 млрд. лей [88].

Довольно крупные закупки производила и Франция. К тому же финансовая зависимость от нее все еще оставалась весьма чувствительной для Румынии. Наконец, французская военная промышленность являлась основным поставщиком вооружения для румынской армии. Если к этому добавить, что Румыния была связана с Францией договором о дружбе и консультациях по внешнеполитическим вопросам, то становится очевидным то щекотливое положение, в котором оказались румынские правители при проведении политики переориентации на гитлеровскую Германию.

Не могли они не считаться также с Англией. Здесь играли важную роль не только острая заинтересованность в существующих румыно-английских экономических связях, но и стремление расширить их за счет дальнейшего уменьшения удельного веса Франции, объяснявшееся тем, что в Бухаресте считали английскую политику в отношении Германии более «реалистической», чем французскую. Таким образом, румынское правительство пыталось балансировать как между германо-итальянским и англо-французским блоками, так и внутри последнего, разумеется все

---

[86] Там же, с. 478

[87] См.: ИДА, ф. микрофильмов.

[88] См.: League of Nations. International Trade Statistics 1938. Geneva, 1939, p. 225.

с той же целью — обеспечить себе благоприятные условия для сближения с гитлеровским рейхом.

Экономическая слабость Румынии вела к тому, что даже открытый разрыв с Чехословакией, заключившей столь ненавистные румынским правителям пакты о взаимопомощи с СССР и Францией, оказался затруднительным. Прежде всего существовала довольно крупная финансовая задолженность чехословацкому правительству, кроме того, не хотелось рисковать предоставленным Чехословакией кредитом для закупок оружия на сумму 500 млн. крон.

Все это вместе взятое и вынуждало Кароля II и правительство Г. Татареску действовать в деле сближения с гитлеровской Германией скрытно, чтобы не насторожить своих прежних союзников, и постепенно — в расчете на то, что со временем всесторонние тесные румыно-германские связи сделают ненужной чью-либо иную помощь. Первостепенное значение имело также стремление получить от Берлина твердые гарантии против возможных попыток захвата Трансильвании хортистской Венгрией.

Гитлеровцы, отдававшие себе отчет в том, что без румынской нефти и сельскохозяйственной продукции Германия не могла начать никакой военной кампании, не скупились на обещания. Так, Розенберг в беседе с О. Гогой осенью 1936 г. в ответ на просьбу высказать свое отношение к претензиям хортистов на румынскую территорию назвал их «фантастическими» и сказал, что «собирание сил против большевизма важнее, чем создание ревизионистского блока». Далее он заверил, что Германия не будет поддерживать требования Венгрии к Румынии. Подобные заявления неоднократно делались гитлеровской кликой, дававшей при этом понять, что германская поддержка может быть оказана Румынии только в случае ее сближения с фашистскими державами, окончательного отказа от ориентации на «западные демократии» и в первую очередь отказа от союза с СССР.

Последнее требование было главным. 15 ноября 1936 г. Комнен писал в Бухарест: «Германия хочет от Румынии одного — прекращения «заигрывания с Советами». Вслед за тем он известил свое правительство, что Геринг продолжает настаивать на официальном прекращении румыно-советских переговоров относительно пакта о взаимной помощи, так как это даст ему уверенность в прочности прогерманской позиции Румынии. При этом, как явствует из того же донесения, он не отказал себе в удовольствии припугнуть Бухарест, заявив румынскому посланнику: «Мы предлагаем вам дружбу. Если вы отвергнете ее... мы, возможно, будем укреплять наши связи с Болгарией и Венгрией» [89].

В том же месяце частый гость гитлеровцев Г. Брэтиану совершил очередную поездку в Берлин, чтобы выяснить условия, на которых могло основываться румыно-германское сотрудниче-

[89] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 75, n/p.

ство. Хотя он не был официальным лицом, однако фашистская верхушка не без оснований полагала, что Кароль II и правительство Г. Татареску использовали его для дипломатического зондажа и подготовки официальных шагов по сближению Румынии с Германией. Поэтому ему было оказано большое внимание и предоставлена возможность встретиться с Гитлером и Герингом.

7 ноября состоялась беседа Г. Брэтиану с Г. Герингом, показавшая, что германских фашистов по-прежнему больше всего тревожит проблема румыно-советского военного союза, который мог привести к срыву гитлеровских планов не только на Балканах. «Окончательно ли устранена проблема пакта Румынии с СССР?» — таков был первый вопрос румынскому эмиссару. Выслушав заверения Брэтиану, Геринг сказал, что Германия готова дать гарантии территориальной целостности Румынии при следующих условиях: во-первых, устранение всякой возможности ее сближения с Советским Союзом; во-вторых, заключение долгосрочного (на 5—6 лет) румыно-германского экономического соглашения; в-третьих, политическое сближение Румынии с Германией.

Последнее, заявил он с целью ослабить опасения определенной части румынских господствующих классов, должно проходить исключительно на антисоветской основе и ни в коей мере не будет направлено против Англии и Франции. Геринг уверял, что в случае войны против СССР Германия не потребует участия Румынии, ибо румынский нейтралитет, по его словам, более выгоден для гитлеровского рейха [90].

Во время встречи с Гитлером 16 ноября Г. Брэтиану, отметив свои заслуги в борьбе против заключения договора о взаимной помощи с Советским Союзом, охарактеризовал новый внешнеполитический курс Румынии. Остатки политики времен Н. Титулеску дают себя знать, говорил он, но сейчас в руководящих кругах страны пришли к выводу, что укреплению румынских позиций будут способствовать тесные связи с Польшей и Югославией, следование их курсу на международной арене. «Румыния хочет быть нейтральной,— говорил он.—...Эта позиция не разрывает наших связей с Францией, с которой у нас договор о дружбе и консультациях в вопросах внешней политики, но показывает, что мы не хотим себя подчинять ни советскому, ни французскому пакту» [91].

Гитлеру понравилась эта идея, поскольку было совершенно ясно, что «нейтралитет» Румынии означал ее отказ от союза с СССР, отход от политики коллективной безопасности, выход из французской системы военно-политических союзов в Восточной

---

[90] ИДА, ф. микрофильмов.

[91] *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden, 1954, S. 10.

Европе. Поэтому он, разумеется, одобрил намерение румынских правителей, подчеркнув, что они должны в первую очередь полностью «освободиться от тенденций, вызванных большевистским влиянием», т. е. покончить со всеми «остатками» политики Титулеску. Заявив, что большевизм «угрожает» Румынии и всей Европе, он уверял: «...если Румыния захочет стать форпостом европейского порядка (т. е. подчинит себя интересам антисоветской борьбы гитлеровцев.—*Н. Л.*), то ни одно государство не будет более, чем Германия, заинтересовано в ее поддержке» [92].

Другим условием Гитлер поставил «улучшение» экономических отношений, иначе говоря — подчинение румынской экономики требованиям рейха. Взамен всего этого он обещал не поддерживать Венгрию в трансильванском вопросе. Более того, именно на данной встрече Гитлер бросил румынской правящей верхушке еще одну антисоветскую приманку. «Я прошу вас,— заявил он, обращаясь к Г. Брэтиану,— передать королю, что мы готовы не только гарантировать границы современной Румынии, но и поддерживать всеми силами требования, которые она имела бы за пределами своих границ» [93].

Сообщение о содержании бесед Г. Брэтиану с Гитлером и Герингом было с удовлетворением встречено королем и правительственными кругами Румынии. Кароль II дал указание развивать румыно-германское сближение. Малакса, Бужой и другие представители финансово-экономических кругов предприняли с этой целью поездки в Германию. По указанию румынского министерства иностранных дел Комнен встретился 4 декабря с Герингом и обсудил с ним некоторые вопросы политического и экономического сотрудничества между двумя странами.

Здесь необходимо пояснить некоторые аспекты политики румынской правящей верхушки, связанные с идеей «нейтралитета» Румынии, выдвинутой Г. Брэтиану при встрече с Гитлером и Герингом и одобренной ими.

Отказ от прежнего внешнеполитического курса проводился Каролем II и правительством Г. Татареску под видом «восстановления самостоятельности» в международных отношениях [94]. Образцом такой «самостоятельности» стала для румынских реакционеров панская Польша, которая, отказываясь от сотрудничества с Францией, сближалась с гитлеровской Германией. Одновременно Польша стремилась создать в Восточной Европе так называемый нейтральный блок с участием Румынии и ряда других малых стран, который якобы позволял им проводить независимую политику в условиях образования двух блоков крупных держав.

Но эта затея, по справедливому замечанию английских иссле-

---

[92] *Hillgruber A.* Op. cit., S. 10.
[93] Ibidem.
[94] «Мировое хозяйство и мировая политика», 1937, № 4, с. 87.

дователей, лишь создала иллюзию независимого поведения восточноевропейских государств, ибо «нейтральный блок в действительности служил германским целям ослабления существующей дипломатической структуры Восточной Европы» [95], т. е. таких важнейших звеньев французской системы военнополитических союзов, как Малая и Балканская Антанты. Он создавался также на ярко выраженной антисоветской основе, что особенно располагало в его пользу румынскую реакцию.

Сотрудничество Румынии с Польшей, которое, по словам английского историка А. Тойнби, «прозябало при Титулеску», стало расширяться и укрепляться с первых же дней пребывания В. Антонеску на посту министра иностранных дел. В октябре 1936 г. был заключен румыно-польский торговый договор. 27 ноября состоялось подписание соглашения о культурном сотрудничестве, а затем последовала ратификация другого соглашения — об уточнении румыно-польской границы, подписанного еще в мае 1935 г. До начала 1937 г. визиты в Варшаву нанесли В. Антонеску, управляющий Национальным банком М. Константинеску, начальник румынского генерального штаба генерал Самсонович. Тогда же румынского посланника в Польше Вишояну, известного своими профранцузскими взглядами, сменил Замфиреску.

Польские правители стремились ускорить создание «нейтрального блока».

В апреле 1937 г. с официальным визитом в Румынию прибыл польский министр иностранных дел Бек. Излагая в беседе с В. Антонеску свои соображения, он начал с того, что великие державы приступили к закулисной перекройке сфер влияния. Указывая, что Англия и Франция, желая расколоть «ось Берлин — Рим» и обеспечить мир на западе Европы, готовы уступить Германии свои позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе, Бек особенно возмущался «полукоммунистической Францией». Он говорил, что если в данный момент она делает кое-какие уступки для Польши, Румынии и даже Югославии, то только для того, чтобы в торге с Германией увеличить цену за свой отказ покровительствовать этим государствам в дальнейшем.

В таких условиях, продолжал гость, Румыния и Польша не должны оставаться инертными и ждать, пока состоится продажа их интересов Францией. В качестве «наилучшего решения» он предлагал проводить «политику неприсоединения», от которой Польша и Румыния якобы выиграют, ибо, по его словам, оба блока великих держав будут стремиться привлечь их на свою сторону. Как на подтверждение правильности такого курса Бек указывал, что само румынское правительство своим нейтралитетом в 1914—1916 гг. добилось создания «Великой Румынии».

---

[95] Survey of International Affairs. The World in March 1939, p. 264—265.

Учитывая прогерманскую позицию Бека, можно сделать из этих рассуждений следующий вывод: стремясь создать «нейтральный блок» в интересах гитлеровцев, он хотел сохранить для Польши прерогативу прямых связей с ними со всеми вытекавшими из этого преимуществами. Остальным же участникам проектируемого блока, в том числе и Румынии, отводилась второстепенная роль. Они должны были всерьез считать себя «нейтральными» и открыто перейти на сторону гитлеровской Германии лишь тогда, когда это сделает Польша.

По-видимому, некоторые опасения на сей счет и появились у румынских правителей, желавших «самостоятельно» сблизиться с гитлеровской Германией. Поэтому они ограничились тем, что заверили Бека в своем окончательном отказе от заключения пактов о взаимной помощи не только с СССР, но и с Францией и Чехословакией, а в коммюнике о визите Бека подчеркнули намерение развивать румыно-польское сотрудничество.

Так они и действовали.

В июле того же года на празднование седьмой годовщины возвращения Кароля II на престол была приглашена польская правительственная делегация в составе президента Мосьцицкого, министра иностранных дел Ю. Бека и высших военных чинов. Затем сам румынский король отправился в Польшу, где вел длительные переговоры с главным инспектором польской армии маршалом Рыдз-Смиглы, знакомился с военным производством, присутствовал на военных маневрах.

Этот визит продемонстрировал антисоветскую направленность возобновляющихся тесных румыно-польских отношений. С согласия Кароля II он по случаю пребывания в Польше был провозглашен почетным командиром полка, «отличившегося» во время войны, которую польские правители вели против Советской России в 1920 г. Следующий визит нанес начальник польского генерального штаба генерал Стахевич, прибывший в Бухарест «с целью практического осуществления польско-румынского военного сотрудничества». В целом все это свидетельствовало о попытке восстановления «санитарного кордона» против СССР.

Вместе с тем румынские правители продолжали свой собственный курс на установление более тесных связей с гитлеровской Германией. Здесь встретились серьезные трудности, попрежнему в немалой степени определявшиеся значительной экономической и связанной с ней политической зависимостью Румынии от западных держав, а также внутриполитической борьбой, развернувшейся вокруг международных проблем.

Насколько сильны были французские финансово-экономические позиции в Румынии, видно из того, что от них до известного времени зависели даже румыно-германские торговые отношения. Об этом свидетельствует такой, например, любопытный факт.

2 ноября 1937 г. германская делегация, возглавляемая Воль-

татом, начала в Бухаресте переговоры о заключении торгового договора с Румынией. Их успешному завершению сразу же начал препятствовать румынский Национальный банк, стремившийся во внешней торговле отдавать предпочтение тем странам, где, в отличие от Германии, он мог получить свободно конвертируемую валюту. Вольтат объяснял это противодействие также позицией группировавшихся вокруг Национального банка прозападных буржуазных кругов, опасавшихся, что «германское господство в Румынии станет слишком сильным».

Переговоры, безрезультатно длившиеся уже свыше месяца, казалось, были обречены на провал.

Но вот в начале декабря в Бухарест прибыл с визитом французский министр иностранных дел И. Дельбос. Именно он оказался тем посредником, который ускорил заключение румыно-германского торгового договора. Прошло несколько дней, и 13 декабря Вольтат торжествующе известил Геринга об успешном для Германии завершении переговоров. При этом, объясняя причины затяжки, он писал: «Из-за оппозиции румынского Национального банка я не мог добиться подписания румынами этого соглашения до прибытия французского министра иностранных дел Дельбоса» [96].

Визит Дельбоса в Бухарест, несомненно, имел целью укрепить традиционные связи Румынии с Францией, основательно пошатнувшиеся после отставки Титулеску.

Надо сказать, что в тот период внешняя политика Кароля II и правительства Г. Татареску, перестраиваемая в соответствии с линией на отход от участия в системе коллективной безопасности и на сближение с фашистскими государствами, проходила как бы первый этап своей метаморфозы, поэтому в ней находили свое отражение обе эти тенденции.

Наиболее четко и притом незамедлительно выявилась ее открытая антисоветская направленность.

Демонстрацией враждебности к СССР явилось уже в конце 1936 г. награждение Каролем II бывшего царского посланника в Бухаресте Поклевского-Козела румынским орденом. «Этот бывший царский дипломат,— писала в те дни «Правда»,— не прекратил и после восстановления нормальных дипломатических отношений между Румынией и СССР своей активной антисоветской деятельности на территории Румынии. Вот этого-то диверсанта, охранника и спекулянта румынское правительство наградило орденом... Как это вяжется с заверением румынского правительства о дружественных отношениях с Советским Союзом? Как это правительство при наличии официального советского представителя в стране может принимать и награждать бывшего царского посланника, враждебная деятельность которого про-

---

[96] Survey of International Affairs. The World in March 1939, p. 264—265.

тив Советского Союза в Румынии хорошо известна? Не является ли это прямым поощрением тех элементов в Румынии, которые вкупе с фашистской агентурой ведут антисоветскую кампанию и работают против мира?»[97]

В ноябре 1936 г. румынское министерство внутренних дел запретило демонстрацию в Румынии советских фильмов «Пепо» и «Цирк». В то же время министр внутренних дел И. Инкулец на митинге в пограничном с Венгрией городе Орадя-Маре выступил с речью, в которой призвал 19-миллионный румынский народ «стать зорким часовым на восточной границе», реке Днестре.

Советский полпред заявил в связи с этим решительный протест, в котором говорилось: «Разумеется, всякое правительство делает ту политику, которую оно считает соответствующей своим национальным интересам, и мне остается только принять к сведению, что национальные интересы Румынии на данном этапе ей диктуют по тем или иным причинам мобилизацию сознания народных масс против Советского Союза. И делается это двояким способом: как замалчиванием мирной политики моей страны, так и спекулируя на патриотизме народных масс, указывая им на угрозу со стороны Союза, о которой и Инкулец, и все правительство знают, что эта опасность существует только в воображении Гоги, Кузы и Жоржа Братиану»[98].

Румынская реакция не ограничивалась словесными провокациями. В 1937 г. по вине румынской стороны участились инциденты на Днестре. 10 июня выстрелом, произведенным с правого берега р. Днестр, был убит колхозник с. Кушеры Молдавской АССР Урсул Родион. В тот же день красноармеец заставы Каменец-Подольского участка Яшпортов был ранен осколком гранаты, брошенной в него лицом, перебравшимся на левый берег под прикрытием группы вооруженных лиц, находившихся на правом берегу Днестра.

В связи с этими инцидентами НКИД заявил в Москве самый решительный протест[99].

В феврале 1937 г. В. Антонеску официально объявил, что правительство Румынии не намерено продолжать переговоры относительно заключения пакта о взаимной помощи с СССР. Как сообщил в марте 1937 г. советскому полпреду посетивший Бухарест министр иностранных дел Турции Р. Арас после свидания с королем и В. Антонеску, «румыны-де ищут сейчас формулу, которая могла бы служить базой соглашения с СССР. Эта формула должна: 1) не быть пактом о взаимопомощи, 2) дать официальное признание (аннексии) Бессарабии и показать миру отличное состояние румыно-советских отношений. Формулы этой они еще не нашли»[100].

---

[97] «Правда», 1936, 15 декабря.
[98] Документы внешней политики СССР, т. XIX, с. 577.
[99] Документы внешней политики СССР, т. XX. М., 1976, с. 333.
[100] Там же, с. 257.

Подобное положение вещей, приходившее в резкое противоречие с национальными интересами Румынии, разумеется, ни в коей мере не устраивало и советскую сторону.

Стремление СССР развивать торгово-экономические связи с Румынией также натолкнулось на сопротивление румынских правящих кругов. Национальный банк встал на путь саботажа торговых отношений с СССР, игнорируя платежное соглашение, заключенное в феврале 1936 г. Текущий счет Госбанка СССР был открыт лишь спустя почти десять месяцев, и к началу 1937 г. баланс торговых отношений сократился до мизерной суммы — 2 млн. лей.

Такую линию проводило правительство Г. Татареску и в дальнейшем, хотя были очевидны существенные выгоды, которые могла дать Румынии торговля с СССР. Так, осенью 1937 г., когда в тяжелом положении оказалась румынская металлургическая промышленность, именно Советский Союз помог преодолеть эти затруднения, предоставив нужное сырье и полуфабрикаты. Но вскоре румынская сторона прекратила и эти закупки.

Торговый представитель СССР в Румынии сообщал о заинтересованности определенной части румынских деловых кругов в развитии торговли с Советским Союзом. В советское торгпредство приходили представители румынских фирм, прося «помочь им избавиться от немецкого засилья на рынке». Однако румынское правительство воспротивилось ввозу нужных стране советских товаров: сельскохозяйственных машин и инвентаря, тракторов ХТЗ 15/30, грузовиков и легковых автомашин, химических товаров и красителей, асбеста, медикаментов, швейных машин, смазочных масел, чугуна, железных заготовок и др., которые СССР готов был продать,— а также не пошло навстречу готовности советской стороны закупить в Румынии крупный рогатый скот и свиней, лучшие сорта текстильных и трикотажных изделий и некоторые другие товары с целью дальнейшего реэкспорта[101].

Но и этим дело не ограничилось.

Румынская реакционная пресса в 1937 г. стала публиковать статьи, призывавшие к расширению границ за счет территории СССР, выбалтывая таким образом агрессивные антисоветские замыслы, лежавшие в основе проводимой Каролем II и его правительством политики союза с гитлеровской Германией. В прямой связи с этим аспектом внешнеполитического курса румынской правящей верхушки находились рост военных расходов и увеличение численности армии.

Ее сухопутные силы, по данным военного ежегодника Лиги наций, к концу 1937 г. возросли до 22 пехотных, 2 легкопехотных и 4 кавалерийских дивизий, 65 легких артполков, 28 тяжелых артдивизионов и 16 саперных полков. Авиация насчитывала 850 самолетов, а флот — 8 эсминцев, значительное количество

---

[101] АВП СССР, ф. 125, оп. 23а, д. 1, п. 17, лл. 75—76.

подводных лодок и других военных кораблей. Усиленно накапливалось вооружение для дальнейшего увеличения армии, в которую, по тем же данным, Румыния могла мобилизовать около 2 млн. человек.

Итак, румынские правители безоговорочно заняли антисоветскую позицию, рассчитанную и на мирное время, и на случай войны. В данном вопросе у них не было колебаний.

Иначе обстояло дело с выбором достаточно сильных союзников, готовых как поддержать эту позицию, так и избавить Румынию от необходимости военными средствами противостоять хортистским посягательствам на Трансильванию. Эти два основных направления внешней политики Кароля II и правительства Г. Татареску вносили в нее целый ряд противоречий.

Ее антисоветская направленность обусловила отказ от участия во франко-советско-чехословацком союзе и, следовательно, привела не только к ухудшению отношений с СССР, но и к фактическому отходу от ориентации на Францию и от обязательств в отношении союзницы по Малой Антанте — Чехословакии. Та же направленность толкала румынские правящие круги к тесному сближению с гитлеровской Германией. Однако, если в воинствующем антисоветизме последней они не сомневались, то уверенности в ее готовности стать на их сторону в румыно-венгерском территориальном споре у них не было.

Этим объяснялись усиленные попытки добиться от гитлеровской клики официального заявления по данному вопросу. Но так как успеха они не имели, то Кароль II и правительство Г. Татареску, продолжая политику сближения с Берлином, в рассматриваемое время все же не решались окончательно порвать с антиревизионистскими силами. Румыния продолжала в определенной степени сотрудничество с западными державами и со своей союзницей по Малой Антанте — Чехословакией, а также оставалась членом Лиги наций, где в тот период Советский Союз вел настойчивую борьбу против угрозы фашистской агрессии.

Такое лавирование румынского правительства вынуждало его делать время от времени заявления о «неизменности» своей внешней политики и «верности существующим союзам». Так, начальнику французского генерального штаба генералу Гамелену во время его визита в Бухарест были даны заверения в том, что «Франция может всегда полагаться на румынскую армию». Ему даже пообещали разрешить проход советских войск через север Румынии в Чехословакию «в случае необходимости» [102].

Подобного рода заверения были вынужденными, поскольку Румыния, оставаясь членом Лиги наций, не могла не создавать видимость своей верности ее уставу, обязывавшему всех членов этой организации разрешить проход иностранных войск через свою территорию для защиты страны, подвергшейся нападению.

---

[102] *Gamelin M.* Le prologue du drame. Paris, 1946, p. 279.

Кроме того, существовало заключенное еще при Титулеску соглашение, по которому румынское правительство при финансовой помощи Чехословакии обязалось улучшить железнодорожные коммуникации на севере страны на случай возможного использования их для перевозки советских войск через румынскую территорию в Чехословакию.

Тот факт, что это соглашение оставалось в силе, несомненно, объяснялся также стремлением румынских правителей сохранить для себя возможность получения от Чехословакии, как и от Франции, новых кредитов и вооружения. Вот почему Кароль II, как отмечал английский буржуазный историк Хью Ситон-Уотсон, «заверял Чехословакию и Францию в своей лояльности и продолжал строительство железной дороги Буковина — Трансильвания, по которой... советские войска могли бы пройти через Северную Румынию в Чехословакию».

Но эти обещания румынские правители не собирались выполнять. Реконструкция упомянутой железнодорожной линии, находившейся в отвратительном состоянии, как констатировали периодически посещавшие Румынию чехословацкие контрольные миссии, проходила «очень медленно», а вернее — велась с таким расчетом, чтобы вообще сорвать или затянуть ее на долгие годы. Ибо румынский король, делая вид, будто сохраняет верность своим прежним союзникам, одновременно, как констатировал тот же автор, «держался в отдалении от русских и беспокоился о том, чтобы не вызвать недовольство Берлина» [103].

Как ни пытались Кароль II и его правительство уверить Чехословакию в своем «добром отношении» к ней, их лицемерие было настолько очевидным, что привело к значительному ухудшению отношений между двумя странами. В январе 1937 г. вышла в свет книга чехословацкого посланника в Бухаресте Яна Шебы «Россия и Малая Антанта в мировой политике», содержавшая упрек в адрес румынских правящих кругов, отказывавшихся от сотрудничества с Советским Союзом в деле обеспечения коллективной безопасности в Европе.

Румынская реакция ответила на это форменной демонстрацией в парламенте не только против автора книги, но и против всей внешнеполитической линии Чехословакии. В результате чехословацкий посланник в феврале того же года был отозван своим правительством из Румынии [104]. Прошло менее двух месяцев и румынское правительство отвергло предложение Чехословакии распространить обязательства об оказании взаимной помощи, принятые странами Малой Антанты, также на случай агрессии со стороны Германии и Италии. Отказалась это сделать и Югославия, которая к тому же заключила пакт с Болгарией и Италией.

---

[103] *Seton-Watson H.* Eastern Europe between the Wars 1918—1945. New York. 1946, p. 391.

[104] *Язькова А. А.* Румыния накануне второй мировой войны, с. 137.

Все это нанесло тяжелый удар Малой и Балканской Антантам, над укреплением которых в свое время трудился Н. Титулеску, стремясь превратить их в звенья коллективной безопасности. Действия правительств Румынии и Югославии по сближению с фашистскими державами подрывали основу, на которой держались эти антиревизионистские блоки. Процесс их распада не могло остановить и создание в апреле 1937 г. под председательством Кароля II военного совета Малой Антанты, официальной задачей которого являлось укрепление сотрудничества стран-участниц. Это оказалось невозможным вследствие коренных расхождений между ними по вопросам внешней политики. «Государства Малой и Балканской Антант,— писала по этому поводу румынская газета «Мишкаря»,— взяли курс в различных направлениях» [105].

Двойственная позиция румынских правителей накладывала отпечаток и на их политику сближения с гитлеровской кликой. Это отчетливо проявилось, в частности, в марте-апреле 1937 г. во время переговоров с Берлином по вопросу о заключении договора о дружбе между Румынией и Германией.

Характерно, что их инициатором выступила румынская сторона, и это несомненно показывает ее стремление ускорить сближение с гитлеровской кликой. Вместе с тем содержание предложенных ею основ для заключения такого договора говорит о боязни поставить себя в полную зависимость от Берлина.

Основы договора были изложены в памятной записке, которую Комнен вручил 20 марта Герингу, и включали следующие пункты: Румыния остается членом Лиги наций и сохраняет верность ранее заключенным союзам, но обязуется не участвовать ни в каком договоре, который мог быть истолкован как направленный против Германии, и не допустит, чтобы армии какого-либо иностранного государства проходили через ее территорию; Германия гарантирует неприкосновенность всех румынских границ и окажет Румынии всемерное содействие в экономическом развитии.

Не прошло и месяца как Геринг сообщил румынскому посланнику, что уполномочен Гитлером заявить о принятии Германией всех изложенных пунктов. Со своей стороны германское правительство пожелало сделать лишь одно дополнение. Геринг заявил, что Румыния, оставаясь членом Лиги наций, может оказаться вовлеченной в такие возможные ее действия, как, например, экономические санкции против Германии. Не ставя прямо вопроса о выходе Румынии из этой международной организации, Геринг добивался, чтобы румынское правительство взяло на себя обязательство не участвовать в таких санкциях [106].

Предложенное Герингом «дополнение» поставило румынское

---

[105] *Язькова А. А.* Указ. соч., с. 136.
[106] ИДА, фонд микрофильмов.

королевское правительство в весьма затруднительное положение. Взяв на себя такое обязательство, Румыния рисковала бы в любой момент оказаться полностью изолированной от западных держав, что пока не входило в расчеты ее правительства, основанные на политике балансирования между двумя блоками. В результате переговоры затянулись.

По-видимому, румынская реакция все же была готова пожертвовать своими связями с прежними союзниками ради сближения с гитлеровской Германией при условии, если последняя даст наконец гарантии против притязаний хортистов на Трансильванию. Ибо в апреле, когда еще не был решен вопрос о заключении румыно-германского договора о дружбе, прибывший в Берлин для ведения финансово-экономических переговоров А. Константинеску затронул эту тему в беседе с Герингом.

Константинеску сказал, что в Румынии ведется сильная кампания против сближения с Германией, а немецкие дипломаты в Бухаресте явно настроены в пользу венгерского ревизионизма. «Поэтому желательно было бы,— продолжал он,— чтобы вы нашли способ дать понять румынскому общественному мнению, что предложения, сделанные в ноябре 1936 г. через Г. Брэтиану и подтвержденные в декабре 1936 г. румынскому посланнику в Берлине Комнену, остаются в силе».

Геринг ответил, что сделает это, но так и не выполнил своего обещания: гитлеровская Германия не желала открыто взять на себя обязательство, которое осложнило бы ее отношения с хортистской Венгрией.

Другое дело — словесные обещания. На них в Берлине не скупились и в дальнейшем. Так, летом того же года, после одной из своих участившихся поездок в Берлин для встреч с германскими руководителями, О. Гога заявил Каролю II, что ему были даны заверения в случае заключения Румынией тесного союза с Германией не поддерживать венгерские притязания на румынскую территорию. Король и его правительство, однако, хотели иметь официальное подтверждение такой позиции Берлина и потому предпочли по-прежнему маневрировать. Вследствие этого договор о дружбе с Германией тогда не был подписан.

К числу множества свидетельств, подтверждающих двойственность румынской внешней политики рассматриваемого периода, следует отнести и письмо генерала Иона Антонеску лидеру национал-либералов Д. Брэтиану от 29 октября 1942 г. И. Антонеску, ставший с 1940 г. главой фашистской диктатуры в Румынии, назвал внешнеполитический курс Кароля II и правительства Г. Татареску в 1936—1937 гг. «двойной игрой», причем осуждал их за то, что они сразу не решились связать судьбу страны с гитлеровской Германией. Именно это, по его словам, и имело гибельные последствия для Румынии. Как известно, дело обстояло совсем наоборот. Но в приведенном письме есть строки, с которыми нельзя не согласиться. Так, в нем указывается: король и

его правительство отказались заключить пакты о взаимной помощи с Францией и Чехословакией, а также с Советским Союзом, но в то же время в Бухаресте по случаю визита Кароля II в Париж было заявлено о «полной солидарности с Францией». Не было недостатка, продолжал автор письма, также в жестах румыно-чехословацкой солидарности, однако одновременно делались заявления, находившие отклик в Польше и свидетельствовавшие о политике сближения с Германией, враждебной Чехословакии.

К этому следует добавить, что речь шла отнюдь не о «полной» солидарности с Францией. Несмотря на все старания французского правительства умалить значение франко-советского пакта о взаимной помощи еще при его подписании, все же такой договор существовал. И в этом вопросе румынские правители были весьма далеки от солидарности с Францией, что в сущности и определяло в значительной степени их отход от профранцузской ориентации, приобретавший все более открытый характер.

Потверждением тому может служить, например, поездка Кароля II в Париж и Лондон летом 1937 г. Он тогда наотрез отказался принять предложение французского правительства относительно заключения договора о союзе между Румынией и Францией.

Правда, в Париже это не вызвало беспокойства, так как Кароль II заявил, что при создавшихся условиях такой договор мог быть истолкован как определенная форма франко-советско-румынского сотрудничества, направленного против Германии, что его никак не устраивало. Таким образом, в данном вопросе занятая им позиция была в сущности не антнфранцузской, а исключительно антисоветской. Он и сам это подтвердил, заявив французским руководителям: «Россия остается Россией, и какие бы то ни было союзы с ней, если Франция попыталась бы их нам навязать, мы порвем» [107].

Реакционные круги Франции тоже учнтывали, что заключение предложенного ими франко-румынского союза действительно способствовало бы все менее желательному для них самих укреплению совместного с Советским Союзом и Чехословакией фронта борьбы против фашистской агрессии. Ибо в этом случае Румыния, даже не имея пакта о взаимной помощи с СССР, оказалась бы вынужденной в определенной степени содействовать, например, выполнению французских и тем самым также советских обязательств в отношении Чехословакии. Поэтому в Париже отнеслись с «пониманием» к упомянутому заявлению Кароля II.

Встревожило французских руководителей другое. Предложение заключить франко-румынский союз было продиктовано

---

[107] *Iorga N.* Memorii, vol. VII. Bucureşti, 1939, p. 437.

исключительно стремлением усилить свои позиции внутри англо-французского блока, в котором все явственнее обозначалась доминирующая роль Великобритании. Кароль II, однако, не только отказался от союза с Францией, но и открыто демонстрировал свое намерение предпочесть ей Англию.

Вот почему в Париже ему был оказан довольно холодный прием.

Будучи заинтересован как в поощрении антисоветского курса правителей Румынии, так и в дальнейшем ослаблении французских позиций в этой стране, британский империализм пошел навстречу некоторым пожеланиям Кароля II. Это привело к известному оживлению англо-румынской торговли и увеличению займов, предоставляемых Лондоном Бухаресту.

Однако и в Лондоне румынского короля встретили не слишком тепло. Здесь были вполне удовлетворены стремлением румынского короля к установлению более тесных политических и экономических связей с Великобританией. Английские правящие круги одобряли и отказ Румынии от сближения с СССР и ее тенденцию к отходу от ориентации на Францию. Но то, что Кароль II говорил об этом открыто, а также всячески афишировал общность румынской и британской позиции в отношении гитлеровской Германии, «шокировало» английских государственных деятелей и, более того, ставило их в затруднительное положение перед лицом широкой общественности своей страны, решительно требовавшей прекратить политику потворства агрессивным планам фашистских государств.

Вот несколько не в меру, с точки зрения британской дипломатии, откровенных высказываний румынского короля в 1937 г.

В беседе с английским экспертом по международным делам В. Стидом он заявил: «Говорят, что малая заинтересованность Великобритании в румынских делах объясняется тем, что Румыния выглядит французской колонией». Желая опровергнуть такое представление и, по его собственным словам, добиться, «чтобы в Лондоне не смотрели на англо-румынские отношения через французские очки», он прежде всего указал на то, что, в отличие от правительства Франции, не собирается сближаться с Советским Союзом. То же самое король сказал и о румынской политике в отношении Германии. Король заявил о том, что «нынешняя политика Англии в отношении Франко и Германии вполне приемлема для Румынии», и выразил желание установить «ось Лондон — Бухарест».

Сдержанный прием, оказанный Каролю II в Париже и Лондоне, таким образом, объяснялся неодинаковыми причинами. Если английское правительство не пожелало открыто продемонстрировать свое расположение к румынскому королю, чтобы тем самым не подтвердить его публичные заявления о совпадении позиций Великобритании и Румынии в отношении фашистских

государств, то в Париже констатировали резкое ослабление традиционных связей Румынии с Францией.

Политика Румынии не устраивала французское правительство по двум основным причинам. Одна из них была связана с давней межимпериалистической борьбой между Францией и Англией за преобладание в Европе. Другая же, имевшая особое значение для французских правящих кругов в тот период, заключалась в том, что они, ведя дело вместе с английским правительством к антисоветскому сговору с фашистской Германией, были заинтересованы в сохранении всех своих «козырей», в том числе и румынского, для подготовлявшегося торга с Гитлером.

Этим и были вызваны как визит И. Дельбоса в Бухарест в конце 1937 г., так и его попытки укрепить франко-румынские связи. Поскольку само французское правительство стало на путь соглашения и «определенных» уступок Германии, такую же линию гость из Парижа рекомендовал Румынии. Более того, он дал понять румынскому правительству, что западные державы одобрительно относятся к сближению Бухареста с Берлином.

Как уже было отмечено, такое же внушение было сделано и руководству Национального банка, тесно связанного с французским капиталом, что и ускорило подписание румыно-германского торгового договора. Насколько он был выгодным для гитлеровской Германии, видно из того, что соглашение предусматривало увеличение на $^1/_3$ ее закупок нефти и продовольствия в Румынии на клиринговой основе, которые (вместе с закупками Австрии) и без того уже в 1937 г. достигли огромной суммы — 8,2 млрд. лей, т. е. возросли почти в полтора раза по сравнению с 1936 г.[108]

Французский министр иностранных дел способствовал заключению такого договора, ибо знал, что Румыния в конце концов все равно его подпишет. Свое содействие этому он считал жестом, который покажет румынскому правительству, что Франция поддерживает его контакты с Берлином, и тем самым укрепит «взаимопонимание» между Бухарестом и Парижем. Ту же цель преследовали обещания И. Дельбоса увеличить поставки вооружения для Румынии и предоставить ей новые кредиты и высказанные им в беседе с В. Антонеску настойчивые просьбы воздерживаться от всяких актов, которые могли быть истолкованы как направленные против Германии и Италии.

Подобные рекомендации, собственно говоря, были лишними, ибо королевское правительство Румынии и без них всячески заискивало перед гитлеровской кликой. Хотя оно продолжало балансировать во внешней политике, но это не могло долго продолжаться. Германский посланник в Бухаресте Фабрициус в своем донесении в Берлин от 18 ноября 1937 г. выразил твердую

---

[108] League of Nations. International Trade Statistics 1938. Geneva, 1939, p. 225.

уверенность, что развитие экономических связей приведет к тому, что Румыния окажется в зависимости от Германии и будет в международных отношениях все больше и больше ориентироваться на нее, «уходя от прошлой постоянной политики, которая при Титулеску склонялась к Советской России».

Такой вывод Фабрициус сделал после беседы с В. Антонеску, который заявил ему, что румынское правительство «преисполнено решимости идти с Германией», а на вопрос о возможности возрождения старого проекта союза Румынии с Францией ответил отрицательно. В. Антонеску также обратил внимание германского посланника на тот факт, что королевское правительство не поддержало чехословацкий план организации экономического сотрудничества дунайских стран, и подчеркнул: «Урегулирование в Дунайском бассейне, которое не предполагает участия Германии, неприемлемо для Румынии» [109].

И. Дельбос мог и не знать об этой беседе, но общая прогерманская политика Кароля II и правительства Г. Татареску была ему, разумеется, известна. Следовательно, его советы избегать недовольства Берлина не только отражали линию самого французского правительства в этом вопросе, но и имели ту же цель, что и содействие подписанию румыно-германского торгового договора.

Вместе с тем в ходе переговоров с В. Антонеску французский министр иностранных дел ни словом не обмолвился о фактическом отказе своего правительства от прежнего курса на поддержку усилий Советского Союза по предотвращению фашистской агрессии. Так же поступил и его румынский коллега, усмотревший в позиции гостя из Парижа возможность дальнейшего проведения королевским правительством двойственной внешней политики. Более того, он сумел уловить и показную сторону внешнеполитического курса правящих кругов Франции, и потому, вторя Дельбосу, заявил, что «Румыния является сторонником коллективной безопасности, означающей одно и то же как в Западной, так и в Восточной Европе».

В действительности дело обстояло иначе, ибо не только румынские, но и французские правящие круги в то время отошли от политики коллективной безопасности, предпочитая ей проведение курса на «умиротворение» агрессора, т. е. на достижение сговора с ним на антисоветской основе. Торжественные заявления о «верности» делу защиты мира от агрессии служили лишь благопристойным прикрытием подготовлявшегося сговора. Таков был истинный характер и опубликованного по окончании визита Дельбоса совместного румыно-французского коммюнике, в котором говорилось о полном совпадении взглядов сторон.

И. Дельбос встречался в Бухаресте не только с представителями правительства, но и с оппозиционными политическими

---

[109] DGFP. 1918—1945, series D, vol. V. London, 1954, p. 195—197.

деятелями, известными в прошлом своей приверженностью англо-французской ориентации.

К рассматриваемому времени позиция многих из них претерпела существенные изменения. Например, Ю. Маниу, ставший незадолго до этого председателем национал-царанистской партии, как отмечалось в предыдущей главе, успел уже заключить сделку с «Железной гвардией» и выступить с многочисленными заявлениями, в которых он восхвалял Гитлера и Муссолини. В той или иной мере процесс «поправения» коснулся и значительной части других буржуазных политических деятелей, встречавшихся с Дельбосом. И они, конечно, не хуже В. Антонеску поняли из бесед с парижским гостем, что правительство Франции более не склонно придерживаться на деле политики коллективной безопасности и что оно, как и английское правительство, взяло курс на уступки гитлеровской Германии и фашистской Италии.

В целом, таким образом, французский министр иностранных дел пытался в преддверии сговора западных держав со странами «оси» так «сбалансировать» внешнюю политику Румынии, чтобы ее связи с Берлином оставались под контролем Франции. Однако объективно его визит только усилил тенденцию румынского правительства к сближению с гитлеровским рейхом за счет ослабления французского влияния и дал толчок к ее распространению на более широкие круги господствующих классов страны.

Между тем этот процесс и без того проходил весьма интенсивно, чему способствовали растущая заинтересованность румынской буржуазии и помещиков в торговле с Германией и усилившийся процесс фашизации страны. Как уже отмечалось, в целях удушения продолжавшего набирать силу революционного движения основные буржуазно-помещичьи политические группировки, не говоря уже о фашистских организациях, были готовы покончить с парламентской системой правления, а борьба между ними свелась к вопросу о том, кто и какими методами установит диктатуру в стране. Это неизбежно толкало их все дальше по пути внешнеполитической ориентации на режимы Гитлера и Муссолини, причем и здесь расхождения чаще всего касались форм и темпов сближения с фашистскими державами.

Еще несколько месяцев назад, весной 1937 г., открыто выступали за установление тесных связей с гитлеровским рейхом лишь фашистские главари и те политические деятели, которые и прежде были известны своими прогерманскими настроениями. К. Кодряну продолжал твердить, что как только железногвардейцы придут к власти, они в течение 48 часов заключат союз с Германией. Лидер фашистской национал-христианской партии О. Гога требовал отказаться от двойственной политики и открыто пойти на сближение с гитлеровцами, чтобы вместе с ними вести «борьбу за уничтожение коммунизма».

В таком же духе выступали в румынском парламенте и другие реакционные политические деятели. А. Вайда-Воевод, например, заявил: «Последние два года наша политика скользила по опасному уклону. Мы дошли до того, что Литвинов стал нашим оплотом. Теперь (т. е. после отставки Титулеску.— *Н. Л.*) положение вполне определилось. Идет борьба между национализмом и коммунизмом. Поэтому мы должны сделать выбор. Я выбираю Муссолини и Гитлера».

Иные взгляды высказывали в то время многие видные деятели «исторических» партий.

Кое-кто из них даже пытался реально оценить складывавшуюся международную обстановку и определить в ней место своей страны. Например, на одном из совместных заседаний комиссий по иностранным делам палаты депутатов и сената прозвучали голоса в пользу сближения с СССР.

Отражая эту позицию, демократическая «Репортер» указывала, что Франция и Чехословакия, являющиеся союзницами Румынии, имеют договоры о взаимной помощи с Советским Союзом, что укрепило их положение на международной арене. «Наша же страна,— подчеркивала газета,— с этой точки зрения находится в неблагоприятном положении, которое она может исправить лишь заключением взаимных обязательств с СССР» [110]. Официоз румынских консерваторов газета «Эпока» отвергала идею «нейтрального блока», не без оснований заявляя: «То, что предлагают под формулировкой нейтралитета, является не чем иным, как заменой наших союзников другими. Считая, что теперешние недостаточно сильны, хотят их заменить другими — более слабыми» [111].

Национал-царанистские руководители в основном выступали тогда за сохранение ориентации на западные державы. Правда, некоторые из них, и раньше восхвалявшие фашистские режимы, критиковали правительство лишь из соображений межпартийной борьбы, и потому их заявления касались лишь «неопределенности» внешней политики страны. Так, И. Михалаке говорил на съезде национал-царанистов в апреле 1937 г.: «Редко случалось, чтобы наше государство было в таком положени, как сейчас... Во внешней политике мы не знаем, кто наши союзники и кто уже перестал ими быть... Мы живем на вулкане внутри страны, а во внешней политике царит неопределенность, дезориентация и хаос». Зато Ю. Маниу уверял, что стоит за верность Румынии традиционным союзникам, за ее участие в создании системы коллективной безопасности, за заключение договора о взаимной помощи с СССР [112].

Конечно, искренность подобных заявлений лидера национал-царанистов весьма сомнительна. Еще летом 1936 г., выступая на

[110] «Reporter», 11. IV 1937.
[111] «Epoca», 2. IV 1937.
[112] АВП СССР, ф. 125, св. 19, д. 9, п. 15, л. 102.

одном из митингов, он выразил «понимание справедливых требований Италии в отношении Эфиопии» и тем самым показал, что ничего не имеет против актов фашистской агрессии, непосредственно не затрагивающих интересы Румынии. Весной 1937 г. Маниу начал переговоры с «Железной гвардией», в значительной мере повлиявшие на характер предвыборной кампании национал-царанистов и их избирательную платформу. Наконец, немало сделал он и для того, чтобы культивировать в своей партии антисоветские настроения, о чем сообщала, в частности, газета «Диминяца»[113].

По-видимому, он в определенной степени солидаризировался и с внешнеполитической линией главаря железногвардейцев, который тогда же заявил: «Я против великих демократий Запада, против Малой и Балканской Антант, я не питаю никакой приверженности к Лиге наций, в которую я не верю. Я за внешнюю политику Румынии вместе с Римом и Берлином...»[114] Отсутствие существенных расхождений по этому вопросу между лидером национал-царанистов и Кодряну последний констатировал следующим образом: «Если с Маниу мы заключаем пакт о взаимном ненападении, то с Титулеску мы могли бы заключить лишь пакт о взаимном нападении».

О том же свидетельствовала получившая полное одобрение в фашистских кругах статья «Путь Маниу», опубликованная осенью 1937 г. в национал-царанистской газете «Ромыниа ноуа». Предложенные в ней «основы внешней политики Румынии» сводились к отказу от политики коллективной безопасности и постепенному переходу в лагерь фашистских держав[115].

Переход фашизма в наступление внутри страны, сигналом для которого послужил пакт о ненападении между национал-царанистами и железногвардейцами на парламентских выборах в декабре 1937 г., дал новый толчок политике сближения с гитлеровской Германией. Вместе с тем он выявил усилившееся сходство внешнеполитической ориентации соперничавших буржуазно-помещичьих и откровенно фашистских группировок. Это означало, что в их междоусобной борьбе за власть появился новый аспект — стремление превзойти друг друга в угодничестве перед гитлеровским рейхом и таким образом добиться от него поддержки в своих притязаниях на главенствующую роль в установлении диктатуры в стране.

Исход парламентских выборов в декабре 1937 г., не давших необходимого преимущества ни одной из этих группировок, поставил их в затруднительное положение. Поскольку же наиболее выгодными в этих условиях оказались позиции королевской камарильи, то она и воспользовалась ими для установления своей диктатуры.

---

[113] См.: «Dimineaţa», 30. III 1937.
[114] *Язькова А. А.* Указ. соч., с. 193.
[115] См.: «Romînia nouă», 17. X 1937.

Глава третья

УСТАНОВЛЕНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ ДИКТАТУРЫ. КУРС НА СОЮЗ С ГЕРМАНСКИМ ФАШИЗМОМ

Еще в период подготовки к парламентским выборам 1937 г. Кароль II и его окружение решили ускорить установление диктаторского режима. Это решение было продиктовано, помимо общего для всех господствовавших классов страны стремления задушить революционное движение, также и обострившейся борьбой за власть внутри лагеря реакции.

Особенно встревожил королевскую камарилью пакт Ю. Маниу — К. Кодряну — Г. Брэтиану, который, по ее мнению, отражал тенденцию к консолидации оппозиционных сил. Это представлялось опасным, так как участники пакта конкурировали с ней в том, чтобы следовать «примеру Гитлера и Муссолини» внутри страны и во внешней политике, и потому могли рассчитывать на поддержку Берлина и Рима.

Буржуазно-помещичья верхушка, группировавшаяся вокруг короля, разумеется опасалась утратить власть и те экономические преимущества, которые давало использование государственного аппарата. Но, помимо того, она претендовала на ведущую роль в фашизации страны и в интересах всего эксплуататорского строя в целом, считая, что ее соперники в борьбе за власть не в состоянии его отстоять; тем более, что ни национал-либеральное, ни национал-царанистское правительства не смогли приостановить рост революционного движения. Что же касается железногвардейцев, то их приход к власти означал бы, во-первых, немедленный разрыв все еще весьма важных финансово-экономических и политических связей с западными державами, а это король и его окружение считали «преждевременным», поскольку расстановка сил на международной арене окончательно еще не определилась, да и «выяснение отношений» с гитлеровской Германией не было завершено. Во-вторых же, при таких условиях правление террористической «Железной гвардии», имевшей еще меньшую опору в массах, чем «исторические» партии, грозило мощным социальным взрывом, в результате которого в конечном счете могло быть вообще сметено буржуазно-помещичье господство в стране.

Силой, наиболее способной отстоять и укрепить его, королевская камарилья считала себя, поскольку представляла самую

мощную монополистическую группу и к тому же в какой-то мере опиралась на армию. Она учитывала и приверженность определенных слоев населения к монархии, что должно было обеспечить ей их поддержку.

Таким образом, перед королем и его окружением стояла задача ликвидировать противоречия в лагере реакции, которые тормозили осуществление их планов фашизации страны, и подавить, или хотя бы нейтрализовать, конкурентов в борьбе за власть. Но если на компартию можно было обрушиться с жестокими репрессиями, то в условиях действовавшей системы правления подобные методы нельзя было применить в отношении оппозиционных правительству легальных партий и группировок. Они же, напротив, имели возможность вести борьбу против него и в парламенте, где были довольно широко представлены, и вне его.

Так буржуазный парламентаризм стал помехой для королевской камарильи, и она решила покончить с ним. Еще летом 1937 г. Кароль II, находясь с визитом в Лондоне, заявил в беседе с представителями английских правящих кругов, что намерен «усилить» королевскую власть. Пояснив, что этого требует «бесплодность» оппозиционных политических партий, лидеры которых способны лишь на «критиканство», он подчеркнул: «Моя задача как короля — научить их дисциплине и включить в созидательную работу». И тут же не преминул выразить восхищение тем, как это сделали Гитлер и Муссолини.

А один из близких к нему деятелей, К. Аржетояну, несколько позднее, незадолго до выборов в парламент, записал в своем дневнике: «Единственная возможность выхода из болота, в котором мы находимся,— это создание тоталитарного правительства, правительства авторитета и порядка, которое будет свободно от какой-либо избирательной или клубной тирании, правительства из лиц, указанных королем» [1].

Установить диктатуру «законным путем» не удалось. Но оставалась надежда на более благоприятные итоги новых парламентских выборов, назначенных на 2 марта 1938 г. Казалось, что для этого достаточно лишь должным образом подготовить их, чтобы создать такое правительство, которое формально не представляло бы королевскую камарилью, но не имея большинства в парламенте, фактически зависело бы от нее и выполняло ее волю.

В то время Кароль II рассчитывал, что итоги выборов позволят вновь поручить Г. Татареску формирование правительства и, опираясь на него, установить королевскую диктатуру. Но этот план был сорван, так как не только группировке «молодых либералов», но и в целом всей национал-либеральной партии не удалось собрать необходимого числа голосов.

---

[1] Arhiva CC al PCR, fond. 104, *Argetoianu C.* Insemnări zilnice, p. 2784.

Первоначально король хотел создать военное правительство во главе с генералом И. Антонеску, занимавшим видное положение в армии. Но затем отказался от этой мысли, так как опасался его связей с «Железной гвардией». В конце концов выбор пал на национал-христианскую партию, которая, будучи фашистской, все же враждовала с железногвардейцами и, в отличие от них, выступала сторонницей абсолютной монархии. Вполне соответствовали планам короля также ярый антисоветизм лидера этой партии О. Гоги, его внешнеполитическая ориентация на страны «оси» и связи с Берлином. Для большей «надежности» нового правительства было решено ввести в его состав и несколько ставленников монарха. Немаловажное влияние на выбор оказал и тот факт, что близкий друг Кароля II юрист и видный политический деятель И. Мическу как раз тогда вступил в национал-христианскую партию, и это позволяло привлечь его к государственным делам.

29 декабря 1937 г. О. Гога сформировал новое правительство. Почетный председатель национал-христианской партии «патриарх» румынских фашистов А. Куза вошел в состав кабинета в качестве заместителя премьера и министра без портфеля; его сын, Г. Куза, стал министром труда; И. Мическу занял пост министра иностранных дел. В числе «рекомендованных» королем были также А. Калинеску и И. Джигурту, возглавившие соответственно министерство внутренних дел и министерство промышленности и торговли. Будущего фашистского диктатора генерала И. Антонеску пригласили на пост военного министра. Отъявленные реакционеры были назначены и на другие ответственные должности.

Кароль II не скрывал, что считает правительство Гоги — Кузы исполнителем своей воли. Об этом он во всеуслышанье заявил в интервью корреспонденту английской газеты «Дейли геральд» Истерману в январе 1938 г. «Я — хозяин страны,— говорил румынский король.—Это правительство—мое правительство. Оно должно получать мое одобрение. Когда я буду недоволен тем, как оно ведет дела, я потребую его смены». Обосновывая подобные заявления, означавшие по существу намерение покончить с буржуазным парламентаризмом, он ссылался на то, что демократия в Румынии «еще молода», не имеет традиций и потому «не способна обеспечить порядок в стране».

Любопытно, что король попытался даже представить создание целиком зависящего от него национал-христианского правительства в качестве меры, препятствующей приходу фашизма к власти в Румынии. Именно так он объяснял и свое стремление установить режим королевской диктатуры. Но то была всего лишь уловка, продиктованная стремлением, с одной стороны, замаскировать сущность подготовляемого королевской камарильей государственного переворота, а с другой — заручиться поддержкой сил, боровшихся против «Железной гвардии», в ко-

торой Кароль II теперь видел опасного соперника. И этот маневр не смог обмануть прогрессивные силы страны. «Призывая к власти фашистскую национал-христианскую партию, король открыто продемонстрировал, что он... замышляет фашистский переворот...»,— писала в тот период коммунистическая пресса. Разоблачив таким образом действительное предназначение нового правительства, она также указывала, что за его спиной стоят не только Кароль II и наиболее реакционные буржуазно-помещичьи круги Румынии, но и фашистские державы [2].

Это красноречиво подтверждали и вывешенные в честь нового правительства флаги со свастикой, и внешнеполитическая программа национал-христианской партии, предусматривавшая отказ от «всякого сотрудничества с Советской Россией» и безотлагательную «нормализацию» отношений с гитлеровской Германией, т. е. заключение румыно-германского союза.

Не случайно поэтому сформирование кабинета О. Гоги было расценено в Берлине как немалый успех германской политики в Юго-Восточной Европе. Гитлеровский министр иностранных дел фон Нейрат в секретном циркулярном письме отметил, что оно имеет исключительное значение для фашистской Германии «как из-за склонности Гоги к национализму во внутренних делах, так и из-за дипломатических позиций страны, являющейся, в частности, соседом Советской России» [3].

Внешняя политика национал-христианского правительства с самого начала ориентировалась на фашистские государства. Гога рассчитывал добиться от Берлина официальной поддержки в вопросе о румынских границах и тем самым упрочить собственные позиции как главы правительства. 1 января 1938 г. он телеграфировал Гитлеру о своей «непоколебимой решимости поддерживать хорошие и сердечные отношения с Германией» и выразил пожелание выслушать от германского фюрера «справедливую концепцию естественных отношений между двумя странами и жизненных прав Румынии, нынешние границы которой бесспорно оправданы национальным принципом» [4].

Гитлер ничего не ответил по существу дела, ограничившись выражением «сердечной благодарности» за новогоднее дружеское поздравление. Причины подобной сдержанности, связанные со стремлением Берлина использовать в своих интересах венгеро-румынский территориальный конфликт, настолько очевидны, что их не обошел молчанием и западногерманский историк А. Хильгрубер в своей книге «Гитлер, король Кароль и маршал Антонеску». Он обратил внимание на то, что телеграмма Гоги даже не была опубликована в германской прессе, так как гитлеровское правительство не хотело дать хортистам ни малейшего

---

[2] См.: «Scînteia», 31. I 1938; *Язькова А. А.* Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939. М., 1963, с. 205.

[3] См.: *Язькова А. А.* Указ. соч., с. 207.

[4] DGFP. 1918—1945, vol. V. London, 1954, p. 214.

повода для беспокойства в связи с их притязаниями на Трансильванию[5].

Но Гога продолжал действовать в прежнем направлении. Два дня спустя он принял германского посланника и заверил его, что «Германия может быть очень довольна его правительством». Вслед за тем во главе ряда дипломатических миссий Румынии за границей были поставлены сторонники профашистской ориентации. Тогда же заместитель премьера А. Куза заявил, что Румыния переживает момент, когда «окончательно» определяется ее внешнеполитическая ориентация, направленная на установление дружбы с Германией и Италией.

Гитлеровская верхушка выражала удовлетворение развитием событий в Румынии и ее внешнеполитической позицией. В телеграмме румынского посланника о его беседе с Гитлером и Герингом 21 января 1938 г. сообщалось, что «фюрер, как обычно, проявил особый интерес к нашей стране. Он заявил, что эволюция Румынии является первым радостным событием этого года». Тогда же германское правительство предложило румынскому правительству в целях борьбы с «внутренним коммунизмом» организовать соответствующее сотрудничество, придав ему «технический характер» и строгую секретность[6].

В период пребывания у власти национал-христианской партии Румыния еще больше отошла от традиционного сотрудничества с Францией и странами Малой и Балканской Антант. Румынские правители не скрывали, что не окажут помощи союзной Чехословакии в случае нападения на нее Германии. Военный министр генерал И. Антонеску в беседе с польским посланником Арцишевским прямо сказал об этом, сославшись на то, что румыно-чехословацкий договор о взаимной помощи в рамках Малой Антанты действителен только против агрессии со стороны Венгрии. Допуская, что Франция выступит в защиту Чехословакии и что это повлечет за собой соответствующее выступление Советского Союза, он заявил: «Тогда Румыния окажется под угрозой со стороны СССР (имелась в виду возможность прохода советских войск через румынскую территорию для оказания помощи Чехословакии.— *Н. Л.)*... Поэтому я приложу все силы, чтобы укрепить армию и должным образом ее вооружить»[7].

Этим заявлением, предназначенным для передачи гитлеровцам, румынский военный министр фактически дал им обещание, что Румыния займет благоприятную позицию в отношении германской агрессии против Чехословакии и в сущности выступит на их стороне, оказывая сопротивление проходу советских войск.

В связи с этим нельзя не отметить, что резкий внешнеполитический поворот сопровождался дальнейшим усилением анти-

[5] *Hillgruber A.* Hitler, König Karol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen 1938—1944. Wiesbaden, 1965, S. 15.
[6] Arhiva MAE, fond. Germania, vol. 76, n/p.
[7] DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 235—236.

советской и антикоммунистической направленности не только во внешней, но и во внутренней политике румынских правящих кругов. В стране оживилась деятельность белоэмигрантских элементов, которым правительство Гоги оказывало всяческую поддержку. «Теперь нам наконец здесь созданы благоприятные условия для работы»,— заявил прибывший в Бухарест из Берлина руководитель белогвардейского «вольного казачества» атаман Билый. С разрешения румынских властей он произнес речь, в которой призвал к «крестовому походу» против Советского государства. Гога обсуждал с германским и итальянским посланниками Фабрициусом и Сола планы усиления фортификационных работ по Днестру, причем Италия предлагала в этой связи своих инженеров для руководства ими.

Западные державы, хотя и шли по линии «умиротворения» агрессивных государств, добиваясь сделки с ними за счет своих союзников в Центральной и Юго-Восточной Европе, чтобы направить фашистскую агрессию против СССР, все же не одобряли решительных шагов правительства Гоги, направленных на сближение с державами «оси». Румыния занимала видное место в экономических и военно-стратегических планах англо-французских империалистических кругов, которые хотели подороже запродать ее гитлеровской Германии. Откровенно прогерманские действия правительства Гоги — Кузы ослабляли позиции западных держав в их торге с германскими и итальянскими империалистами.

По этой причине с первых же дней существования правительства национал-христианской партии правящие круги Англии и Франции стали выражать свое недовольство.

В западной прессе развернулась кампания против кабинета Гоги, подкрепленная мерами экономического и дипломатического давления. Французское правительство поставило в известность румынского министра иностранных дел И. Мическу, что его визит во Францию, намеченный на январь 1938 г., в нынешней обстановке состояться не может. Одновременно Франция отказалась гарантировать румынские платежи по закупкам оружия в Чехословакии, в результате чего последняя прекратила военные поставки в Румынию.

Французский поверенный в делах в Бухаресте Бонкур заявлял, что в Париже возмущены созданием национал-христианского правительства, которое равнозначно правительству «Железной гвардии». «Всякое доверие к политике Румынии подорвано,— предупреждал он.— Первые отклики скажутся в экономической и финансовой областях. В настоящее время Румыния не получит никакого кредита или финансовых и торговых льгот во Франции, Англии и Соединенных Штатах» [8].

Все это чрезвычайно встревожило значительную часть румын-

[8] См.: *Argetoianu C.* Op. cit., p. 3085.

ской буржуазии, связанную с англо-франко-американским капиталом. Непрочность финансово-экономического положения и недоверие к политике правительства вызвали массовое изъятие вкладов из банков, составившее буквально за несколько дней 2 млрд. лей, а также падение курса акций на бирже. Сократилось промышленное производство, почти вдвое уменьшился объем румынского экспорта, резко возросла инфляция: менее чем за неделю курс леи понизился почти на 25% по отношению к курсу фунта стерлингов и доллара.

Хаосу в хозяйственной жизни страны в период правления национал-христиан способствовали также их злоупотребления властью, массовые хищения и коррупция. Как впоследствии обнаружилось, приверженцы Гоги — Кузы ухитрились присвоить даже субсидию в сумме 500 млн. лей, которую незадолго до их прихода к власти предоставило Румынии чехословацкое правительство. В результате национал-христианское правительство быстро восстановило против себя все основные буржуазные партии, которые и без того были раздражены тем, что к власти пришли не они, а партия Гоги — Кузы, хотя она собрала на декабрьских выборах 1937 г. наименьшее количество голосов.

Ухудшившееся экономическое положение страны, приведшее к росту дороговизны и безработицы, особенно тяжело отразилось на трудящихся массах. Новые бедствия обрушились на них и вследствие принятых кабинетом Гоги мер в связи с новыми парламентскими выборами. В явно демагогических целях было объявлено о снижении цен на соль, керосин, табак, текстильные изделия, а также об отмене сельскохозяйственного налога и некоторых видов штрафов, налагаемых на крестьян. Эти меры были широко разрекламированы, однако на деле оказались пустыми обещаниями.

Положение трудящихся города и деревни, напротив, стало еще более тяжелым. Вместо отмененного налога был введен новый, не менее обременительный налог на продажу сельскохозяйственной продукции. Штрафы взимались по-прежнему, поскольку их частичную отмену местные власти скрывали от крестьян, в подавляющем большинстве неграмотных. Более того, поборы резко увеличились, так как члены национал-христианских «временных комиссий», заменивших распущенные декретом от 5 января 1938 г. уездные и коммунальные правления, занялись главным образом вымогательством денег у населения. Что же касается цен на товары первой необходимости, то они только за первую неделю после прихода к власти правительства Гоги возросли на 40%.

В результате страну охватила новая волна протеста трудящихся масс. Во многих промышленных центрах рабочие решительно выступили в защиту своих жизненных прав. На текстильных фабриках Крайовы, Галаца, Лугожа и ряде других предприятий вспыхнули забастовки. Недовольство приняло массовый

характер и в деревне. Крестьяне настойчивей, чем прежде, требовали проведения широкой аграрной реформы. В ряде коммун произошли столкновения крестьян с жандармами и налоговыми агентами.

Разжигая шовинизм, правящая верхушка пыталась отвлечь пролетариат от борьбы и направить его недовольство в другое русло. Делая вид, будто оно заботится прежде всего о рабочих и служащих румынской национальности, правительство приняло закон, позволявший предпринимателям увольнять лиц нерумынского происхождения. Однако трудящиеся выступили против националистической диверсии, имевшей цель расколоть рабочий класс. Движение протеста, в котором приняли участие промышленные и сельскохозяйственные рабочие, интеллигенция, ремесленники, возглавила компартия. Рост ее влияния в массах вынуждена была констатировать и сигуранца. В одном из ее донесений правительству указывалось, что рабочие в Бухаресте «подстрекаются коммунистическими элементами к манифестациям на улицах и перед зданием министерства труда» [9].

Усилив террор против демократических сил, власти закрыли многие газеты, которые не придерживались правительственного курса, в том числе такие буржуазные органы, как «Диминяца», «Адеверул». Так называемый закон «румынизации» прессы запретил выходившие в оккупированной Бессарабии газеты на русском языке. В помощь уже упоминавшимся «временным комиссиям» по всей стране были созданы вооруженные национал-христианские отряды «ланчиеров», стремившиеся подменить полицию.

25 января 1938 г. правительство Гоги одобрило так называемые меры обеспечения порядка на выборах. Лишь официально выдвинутым кандидатам предоставлялось право вести предвыборную агитацию, что фактически лишало компартию возможности вести разъяснительную работу в ходе избирательной кампании. Кроме того, разрешалось применение оружия «для поддержания порядка», что также было направлено против любых противников национал-христианской партии.

Коммунистическая партия Румынии предупреждала массы, что приход партии Гоги — Кузы к власти — предвестие фашистской диктатуры, и призывала к объединению всех демократических сил для срыва планов реакции. «Отправным пунктом и основным содержанием единого фронта борьбы,— указывала выходившая в подполье «Скынтейя»,— является воспрепятствование любой попытке установления фашистской диктатуры в стране, заключения союза с блоком фашистских государств» [10].

Тот факт, что основные буржуазные партии официально осудили передачу управления страной в руки национал-христиан-

[9] «Analele», 1965, № 3, p. 125.
[10] «Scînteia», 1. I 1938.

ских лидеров и считали опасной их внутреннюю и внешнюю политику, создавал предпосылки для расширения блока антифашистских сил. Действуя через легальные организации, КПР продолжала настойчивые попытки создать Народный антифашистский фронт, который смог бы нанести поражение фашизму на предстоявших парламентских выборах. В начале 1938 г. «Демократический союз» направил меморандум руководству национал-царанистской партии, полагая, что оно извлекло должный урок из своего поражения на декабрьских выборах. Предложение о сотрудничестве было сделано также национал-либеральной партии.

Однако лидеры «исторических» партий и на этот раз заняли враждебную позицию в отношении Народного антифашистского фронта. Не отвергая предложения о сотрудничестве на время выборов, они стали вести бесконечные дискуссии с делегациями КПР и других демократических организаций, откладывая со дня на день принятие решения и тем самым тормозя объединение антифашистских сил.

В конце концов по требованию состоявшегося 25 января совещания представителей коммунистической, радикал-царанистской, социал-демократической и социалистической партий, а также МАДОС и Фронта земледельцев лидеры национал-царанистов были вынуждены несколько изменить свою позицию. По-прежнему отказываясь от участия в широком фронте борьбы против фашизма, они согласились лишь на заключение избирательного соглашения с социал-демократической партией, а также взяли на себя формальное обязательство не возобновлять пакта с железногвардейцами.

Буржуазно-помещичьи партии боялись создания Народного антифашистского фронта и его победы на выборах. Сами же они были не способны противостоять фашизму. И не только потому, что, как записал А. Калинеску 31 января в своем дневнике, потеряли «динамизм» и не могли стать «факторами управления ситуацией», но главным образом вследствие своей готовности поддержать фашистскую диктатуру при условии, что она будет отвечать их собственным интересам, а не противоречить им, как это произошло в результате прихода к власти национал-христианской партии. И руководство обеих «исторических» партий активно способствовало замене национал-христианского правительства королевской диктатурой.

Что касается Кароля II и его окружения, то они довольно скоро обнаружили, что ошиблись, призвав к власти партию Гоги — Кузы. Несомненно, немалую роль в этом сыграл усиливавшийся нажим не только французского правительства, но и английского, расположением которого румынский король очень дорожил. И все же решающую роль в судьбе национал-христианского правительства сыграло другое обстоятельство, а именно — неожиданно обнаружившийся его сговор с «Железной гвардией».

Западные державы добивались устранения национал-христианского правительства с самого начала его существования. Упомянутые выше меры французского правительства и демарш его представителя в Бухаресте относятся к концу декабря 1937 — началу января 1938 г. В те же дни сестра Кароля II вдовствующая югославская королева Мария привезла ему полученное в Белграде письмо из Лондона, в котором говорилось, что из-за курса, проводимого кабинетом Гоги на международной арене и внутри страны, «политика Великобритании и Франции по отношению к Румынии изменится» и что «последствия этих изменений скажутся в ближайшее время».

И действительно, вскоре британский министр иностранных дел А. Иден объявил И. Мическу, что если и дальше «так будут идти дела в Румынии», то намеченный на март 1938 г. государственный визит румынского короля в Лондон не состоится. 5 января английский посланник в Бухаресте Р. Хор дал понять румынскому министру иностранных дел, что «при нынешних обстоятельствах» в Румынии британское правительство будет вынуждено согласиться на пересмотр тех частей Трианонского договора, которые касались Трансильвании.

Кароль II и по его поручению Мическу в ответ заявили, что «внутренняя система» Румынии не окажет никакого влияния на ее внешнеполитическую ориентацию [11]. Хотя они стремились таким образом «успокоить» западные державы, подобные заявления убеждали в том, что румынский король одобряет фашистские методы, с помощью которых национал-христанское правительство пыталось управлять государством. Не удалось скрыть также ни прямую связь фашизации страны с внешнеполитическим курсом, ни явную причастность к нему королевской камарильи. О том свидетельствовало, в частности, ее согласие на передачу германским фирмам военных заказов, ранее размещенных во Франции и Чехословакии. А вот и другой пример: несмотря на сделанное британским правительством под давлением общественности Англии предостережение относительно признания румынами итальянской аннексии Эфиопии, Кароль II официально известил Муссолини о таком признании и даже принес ему извинения за «вынужденное» участие румынского правительства в экономических санкциях против Италии [12]. По-видимому, короля не очень смущало, что все это могло рассматриваться как открытая демонстрация его поддержки внешнеполитического курса Гоги, который в интервью для выходившей в Праге немецкой газеты объявил о намерении заключить «договоры о дружбе» с Италией и Германией [13].

Так продолжалось почти до конца января. Но когда 3 февраля Хор вновь явился к Аржетояну, чтобы через него напомнить

[11] «Le Temps», 6. I 1938.
[12] «Corriere della Sera», 7.I 1938.
[13] «Prager Tageblatt», 19.I 1938.

королю от имени своего правительства о нежелательности пребывания национал-христианской партии у власти, оказалось, что уже принято решение об отставке кабинета Гоги [14].

Что же произошло перед этим?

Поручая формирование правительства национал-христианской партии, Кароль II исходил, помимо всего прочего, и из того, что она враждовала с «Железной гвардией», в которой он также видел угрозу своей власти. Более того, отдав предпочтение О. Гоге и А. Кузе, король рассчитывал на обострение взаимоотношений между ними и К. Кодряну. И полагал, что не ошибся, так как железногвардейцы, получившие на выборах почти вдвое больше голосов, чем гого-кузисты, принялись с еще большей яростью поносить лидеров национал-христианской партии, презрительно именуя их королевскими лакеями, дилетантами в политике и т. п. Последние не оставались в долгу.

Но во взаимоотношениях двух фашистских организаций вскоре произошел перелом.

Следует отметить, что железногвардейцы сделали для себя определенные выводы из того, что буржуазно-помещичья верхушка не вручила им управление страной после парламентских выборов в декабре 1937 г. В частности, они пошли на отказ от своих наиболее демагогических посулов, в том числе от лозунга «На каждую душу — полгектара земли», и Кодряну заявил, что если «Железная гвардия» придет к власти, то она не будет проводить экспроприацию земель. Этим он стремился завоевать доверие господствующих классов страны. Ту же цель преследовали лидеры железногвардейцев, пытаясь укрепить свои связи с военным министром генералом И. Антонеску. Надеясь приобрести в его лице поддержку армейской верхушки, а также реакционных буржуазно-помещичьих кругов, где он пользовался большим весом, они даже предложили ему возглавить их партию «Все для страны», а в случае ее прихода к власти занять еще и пост главы правительства. Но он отклонил это предложение, так как, по-видимому, в тот момент невысоко оценивал возможности железногвардейцев и не доверял им.

А те упорно продолжали искать себе союзников для усиления своих позиций на предстоявших выборах. И так как тем же были заняты тогда национал-христианские лидеры, то недавние соперники начали нащупывать пути к сближению. Национал-христианские лидеры ухватились за такую возможность, поскольку их усилия по обеспечению собственного успеха на выборах наталкивались, с одной стороны, на враждебность народных масс, а с другой — на недовольство значительных слоев буржуазии и помещиков. Кроме того, они опасались, что Кароль II в конце концов под нажимом Запада лишит их своей поддерж-

---

[14] *Argetoianu C.* Op. cit., p. 3351; Arhiva MAE, Memoriale lui A. Calinescu «Insemnări notiţe», dos. 7, f. 66.

ки. Более надежным представлялся им союз с близкими по «духу» железногвардейцами.

Последние же исходили из того, что, располагая более многочисленной организацией, они смогут играть ведущую роль в совместных с национал-христианами действиях. Поэтому они также стремились к соглашению, в связи с чем прекратили нападки на правительство Гоги и даже выступили с заявлениями, в которых одобряли его внутреннюю и внешнюю политику, требуя лишь проводить ее более решительно.

Секретные переговоры между гого-кузистами и железногвардейцами продолжались весь январь и закончились заключением избирательного соглашения. Одновременно национал-христианская партия заключила такое же соглашение с партией немецких национал-социалистов в Румынии.

Роль посредника между национал-христианской партией и «Железной гвардией» сыграли весьма заинтересованные в объединении румынских фашистов гитлеровцы. Это подтверждают опубликованные после второй мировой войны секретные документы национал-социалистской партии Германии [15]. Однако сведения об этом проникли в западную прессу еще в конце января 1938 г. [16] Одновременно в немецкой и итальянской печати появилось сообщение о том, что Гога на одной из встреч со своими единомышленниками сказал, что как он, так и Куза «готовы протянуть дружескую руку Корнелиу Кодряну» [17].

Характерно, что румынская буржуазная пресса, в том числе и принадлежавшая «историческим» партиям, которые именовали себя демократическими, словно сговорившись, ни словом не упомянула об этом заявлении, хотя оно, несомненно, представляло собою важную политическую сенсацию. И не только потому, что оно последовало после многолетней и временами крайне ожесточенной борьбы двух соперничавших фашистских группировок, но также вследствие вносимого им существенного изменения в расстановку сил перед новыми парламентскими выборами. Ведь объединение железногвардейцев и гого-кузистов, особенно в условиях, когда последние возглавляли правительство и могли беспрепятственно использовать в своих интересах избирательный механизм, создавало реальную угрозу захвата власти фашистами.

Молчание румынской буржуазной прессы, несомненно, объясняется стремлением скрыть от масс новую и на сей раз чрезвычайно опасную вспышку борьбы внутри лагеря реакции и тем самым предотвратить взрыв народного негодования против наступления фашизма. В этом были заинтересованы все группировки господствующих классов, поскольку сами они в той или иной мере были сторонниками фашистского режима, а между собой

[15] Nazi Conspiracy and Agression, vol. III. Washington, 1946, p. 36.
[16] «Berliner Börsen-Zeitung», 27. I 1938.
[17] «L'Ordre», 28. I 1938.

боролись лишь за право установить его. По той же причине каждая из них усмотрела в сговоре гого-кузистов и железногвардейцев угрозу собственным планам. Понимая, что в данном сговоре главную роль будет играть организация Кодряну, лидеры как национал-царанистской, так и национал-либеральной партий поспешили указать королю на опасность ее прихода к власти. Ю. Маниу заявил об этом в своем меморандуме на его имя, а Д. Брэтиану — в личной беседе с Каролем II.

Но он и без их предупреждения уже видел, чем грозит объединение гого-кузистов с железногвардейцами. Более того, из всех группировок господствующих классов король и его окружение оказались в самом опасном положении, ибо уже ни для кого не было секретом, что «Железная гвардия» хотела установить фашистскую диктатуру «без Кароля II». Поэтому последний был вне себя, узнав о предательстве облагодетельствованных им национал-христианских лидеров.

Вот почему немедленно, уже в начале февраля, было принято решение дать отставку правительству и провести ряд мер, направленных на подрыв позиций национал-христианской партии и «Железной гвардии» на приближавшихся новых выборах. Но если первое можно было осуществить сравнительно легко, так как существование кабинета Гоги целиком зависело от короля, то второе представлялось делом затруднительным, а главное — не было уверенности в его эффективности.

А. Калинеску, являвшийся министром внутренних дел, советовал Каролю II под видом обеспечения безопасности и порядка в стране во время избирательной кампании принять «особые» меры против железногвардейских банд и отрядов национал-христианских «ланчиеров». Для этого он предлагал провести концентрацию полицейских сил и жандармерии, снабдив их авто- и мототранспортом и вооружив пулеметами и боевыми газами. Однако и Калинеску признавал, что даже при таких условиях невозможно предвидеть результат выборов, поскольку соперниками королевской камарильи выступили и «исторические» партии. А это могло стать препятствием для установления королевской диктатуры.

В связи с подобными опасениями министр внутренних дел в конечном итоге пришел к выводу о необходимости вообще отказаться от новых парламентских выборов. Целесообразнее, говорил он Каролю II, не дожидаясь выборов, совершить государственный переворот и установить единовластие короля. Правда, он считал, что следует пока сохранить парламент, но при этом резко ограничить его права и лишить возможности контролировать правительство, после чего «отправить на каникулы политические партии» и выработать втайне новую конституцию, «узаконивающую» королевскую диктатуру.

Неожиданно идею отказа от проведения парламентских выборов поддержали руководители «исторических» партий. Разу-

меется, они стремились таким путем достичь своих целей. Как национал-царанисты, так и «старые либералы» рассчитывали, что именно им будет поручено установление диктатуры. Как раз из таких соображений исходил, в частности, Брэтиану, предлагавший «временно» ликвидировать конституционные права и, усилив исполнительную власть, перейти к авторитарному режиму, чтобы «успокоить умы» и «восстановить порядок».

Необходимо подчеркнуть, что поскольку правящей верхушке сравнительно легко удавалось и до этого, и в дальнейшем пресекать происки гого-кузистов и железногвардейцев, то ее стремление к «авторитарному режиму», несомненно, объяснялось не столько нежеланием вручить власть откровенно фашистским организациям, сколько опасением, что это приведет к дальнейшему и еще более мощному подъему революционного движения в стране. Об этом откровенно заявил тот же Брэтиану в статье, опубликованной в дни, когда королевская камарилья, уже приняв решение об отставке правительства Гоги, еще не отваживалась отказаться от проведения выборов.

Характерно, что лидер «старых либералов» выступал против передачи власти организации Кодряну не потому, что она являлась фашистской, а упирал на отсутствие у нее «опытных в управлении государством людей». Поставив вопрос о том, «что может произойти в случае прихода «Железной гвардии» к власти», он дал на него такой ответ: «Методы, применяемые легионерским движением, сеют семена революции»[18]. Все это подтверждает, что к установлению диктатуры румынскую господствующую верхушку толкали усиливавшийся социальный и политический кризис, растущее недовольство и борьба народных масс[19].

Вероятно, статья Брэтиану, как и аналогичная позиция Маниу, явилась для королевской камарильи сигналом о том, что «исторические» партии, во-первых, тоже выступают за немедленное установление диктатуры и, во-вторых, хотели бы взять осуществление этой задачи на себя, поскольку именно они располагают «опытными в управлении государством людьми». Но монополистическая верхушка, группировавшаяся вокруг короля, как и прежде ни с кем не хотела делить власть. Поэтому крупнейшие ее представители буквально на следующий день после опубликования статьи лидера «старых либералов» (9 февраля) провели срочное совещание, на котором было решено сообщить Каролю II, что они желают установления королевской диктатуры.

В тот же день король вызвал во дворец Г. Татареску, А. Калинеску и Э. Урдаряну и совместно с ними оформил документы об отмене парламентской системы правления. 10 февраля был обнародован декрет Кароля II, в котором сообщалось, что кабинет Гоги отстраняется от управления страной, так как за время

---

[18] «Viitorul», 8. II 1938.
[19] См.: *Язькова А. А.* Указ. соч., с. 222.

его пребывания у власти «анархия стала наводнять государство», а вместо него сформировывается «личное правительство» короля во главе с патриархом Мироном Кристей.

Так было положено начало неприкрытой королевской диктатуре.

Национал-христианские лидеры расценили отстранение их от власти как отказ от фашизации страны. В таком же духе трактуют это событие и некоторые буржуазные исследователи, утверждающие, что 10 февраля 1938 г. был нанесен «удар по фашизму» в Румынии. Один из них даже говорил, что Кароль II вообще призвал к власти национал-христиан лишь для того, чтобы «дискредитировать фашизм» в глазах населения страны, «вызвать отвращение к нему», а когда эти цели были достигнуты, монархия-де прекратила «фашистский фарс». Таким образом, установление королевской диктатуры представлялось актом спасения демократии от «фашистского кошмара». По мнению того же автора, Кароль II действовал с целью «раздавить фашизм» [20].

В действительности же государственный переворот 10 февраля 1938 г. привел к утверждению господства фашизма в Румынии.

Королевская диктатура являлась, как подчеркивал в свое время ЦК КПР, диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистских и наиболее агрессивных слоев монополистического капитала и крупных помещиков во главе с королевской камарильей. По своей сущности она была фашистской диктатурой, но выступала в своеобразной форме, обусловленной конкретной исторической обстановкой в Румынии. Это был монархо-фашистский режим. Его установление подтверждало вывод VII конгресса Коминтерна о том, что на пути к фашизму реакционнейшие круги крупной буржуазии используют различные формы открытой фашистской диктатуры.

Как указывал Г. Георгиу-Деж, «королевская диктатура означала уничтожение последних демократических, профсоюзных и политических свобод, что обеспечило установление фашистского режима в нашей стране, ослабило наше национальное сопротивление все более серьезным угрозам со стороны германского фашистского империализма и создало условия для оккупации нашей страны фашистскими захватчиками» [21].

Новое правительство во главе с патриархом М. Кристей было послушным орудием королевской диктатуры. В его состав вошли представители монополистической группы, тесно связанной с Каролем II. Заместителем председателя совета министров был назначен Г. Татареску, который вместе с группой «молодых либералов» окончательно порвал с национал-либеральной партией

---

[20] *Easterman A* King Carol, Hitler and Lupescu. London, 1942, p. 102—104.
[21] *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи, т. I. М., 1956, с. 17.

Д. Брэтиану. К. Аржетояну, являвшийся председателем «клуба миллиардеров» — ассоциации банкиров и крупных промышленников, стал министром промышленности и торговли. Сохранили свои посты генерал И. Антонеску и А. Калинеску. В правительство вошли также Н. Йорга, И. Авереску, Г. Маринеску, А. Вайда-Воевод и другие реакционнейшие политики.

Первым шагом на пути фашизации страны явилось введение во всей стране осадного положения, существовавшего до этого в крупных городах. В результате и в уездах управление перешло от префектов в руки начальников гарнизонов, а их юрисдикция заменила гражданское судопроизводство. Предоставляя чрезвычайные полномочия военным властям, Кароль II надеялся, что сможет подавить любое недовольство народных масс.

Затем была отменена конституция 1923 г. Ее сменила новая, официально узаконившая тоталитарный режим. 21 февраля 1938 г. был опубликован проект этой конституции, а уже 24 февраля состоялся «плебисцит», призванный санкционировать государственный переворот Кароля II. Плебисцит вылился в грубый фарс, в издевательство над волей народа. Во-первых, проект новой конституции был опубликован всего лишь за три дня до «всенародного голосования». Во-вторых, оно проходило в условиях осадного положения и террора военных властей. Наконец, каждый голосовавший должен был публично заявить, согласен ли он с «бесповоротным решением короля», причем ответы регистрировались с указанием фамилии, домашнего адреса и места работы голосующего. В такой ситуации население не могло не «одобрить» новую конституцию. За нее проголосовали 4 283 395 человек, против — 5413.

То была конституция фашистского типа, законодательно оформившая режим королевской диктатуры. В руках Кароля II сосредоточивалась вся полнота власти, ему принадлежала и законодательная инициатива, которой лишились палата депутатов и сенат. Члены парламента могли выполнять свои обязанности только после принесения присяги, содержание которой не оставляло сомнений в том, что они служат не народу, а монарху. Статья 46-я новой конституции гласила, что «король назначает и смещает своих министров», которые ответственны лишь перед ним, а не перед парламентом, фактически превращавшимся в совещательный орган.

Фашистский характер режима подчеркивался провозглашением принципа корпоративности. Новая конституция устанавливала, что в палату представителей избираются представители трех корпораций — сельского хозяйства и ручного труда, торговли и промышленности, свободных профессий. Королю предоставлялось право назначать половину состава сената сроком на 9 лет. В выборах могли участвовать лишь граждане в возрасте от 30 лет, безработные лишались избирательных прав. Занимать государственные посты или владеть землей разрешалось

только румынам. Запрещалась «устная и письменная агитация за изменение государственного правления, за раздел или распределение частной собственности, за освобождение от налогов или за классовую борьбу» [22].

Таким образом, преступными объявлялись даже высказывания против гнета и эксплуатации, шовинизм возводился в один из основных принципов политики государства, резко сужался круг лиц, участвующих в выборах, а корпоративная система фактически лишала трудящихся возможности избрать в парламент своих представителей. Последнее отчетливо подтвердили инсценированные несколько месяцев спустя «выборы». Среди 258 членов палаты депутатов оказалось 107 банкиров, промышленников, помещиков и торговцев, 55 адвокатов, 30 профессоров и преподавателей, 2 владельца ресторанов и т. д. Примерно таким же был состав сената. Впрочем, парламент и в таком виде не играл практически никакой роли в управлении страной и предназначался лишь для того, чтобы формально прикрывать ликвидацию институтов буржуазного парламентаризма в Румынии после установления королевской диктатуры.

Главный удар правительство обрушило на коммунистов. В феврале-марте по всей стране производились многочисленные политические аресты, во время которых были брошены в застенки активные деятели компартии, в том числе К. Давид и М. Роллер.

Характерно, что правосоциалистические предатели румынского рабочего класса, как и руководство буржуазно-помещичьих партий, не замедлили публично выразить свое удовлетворение тем, что королевская диктатура, как они полагали, направлена исключительно против коммунистов [23].

В действительности же репрессии против компартии явились в Румынии, как и в гитлеровской Германии и фашистской Италии, первым шагом к упразднению других политических партий. Долго ждать этого не пришлось. Сначала были изданы два специальных распоряжения короля. Одним из них запрещалось участие в политической деятельности государственных служащих, церковнослужителей, преподавателей учебных заведений и вообще всех, кто получал в какой-либо форме заработную плату от государства, уезда или общины. Другое предписывало закрыть всю демократическую прессу, как «ненужную» и «вредную» для интересов румынского государства, а также прекратить выпуск какой бы то ни было литературы на русском, украинском и других языках национальных меньшинств.

Затем был издан декрет о роспуске всех политических партий и организаций. Новым законом «О защите порядка в госу-

---

[22] Constituţiunea regelui Carol al II-a din 20 februarie 1938. Bucureşti, 1938, p. 27.

[23] См.: «Lumea nouă», 8.V 1938.

дарстве» еще раз под страхом смертной казни запрещались пропаганда, направленная на изменение формы государственного правления, призывы к классовой борьбе и т. п. Какие бы то ни было собрания могли проводиться только с разрешения полицейских властей. Министерству внутренних дел предоставлялось право высылать лиц, признанных «опасными для порядка и спокойствия» в государстве.

Этими мерами королевская диктатура стремилась подавить не только революционное движение трудящихся масс, но и оппозицию тех кругов румынской буржуазии, которые не были связаны с ведущими монополистическими объединениями.

Лидеры «исторических» партий, еще недавно радовавшиеся репрессиям против КПР, были особенно обескуражены этими декретами потому, что в сущности они ведь сами подталкивали короля к установлению диктатуры. Об этом Маниу и Брэтиану напомнили Каролю II в верноподданническом письме и выразили недоумение по поводу роспуска их партий [24]. Но король уклонился от ответа. Он ограничился лишь тем, что, как бы признавая «заслуги» руководителей «исторических» партий в период установления диктатуры, назначил некоторых из них, в том числе Брэтиану, Маниу и Михалаке, «почетными сенаторами».

Королевская диктатура запретила деятельность рабочих профсоюзов, распустив Всеобщую конфедерацию труда. Вместо них, следуя примеру фашистских режимов Италии и Португалии, она стала создавать цеховые корпорации, которые должны были обеспечить «гармонию труда и капитала», стать «фактором сотрудничества» рабочих и предпринимателей. Согласно опубликованному списку, устанавливалось три категории цеховых корпораций: рабочих, частных служащих и ремесленников. Первая включала 16 корпораций (шахтеров, металлистов и рабочих электропромышленности, кельнеров и пекарей и т. п.), вторая и третья — по четыре [25]. Их деятельность осуществлялась под непосредственным контролем министерства труда, которое, естественно, защищало интересы предпринимателей. Всякая попытка рабочих отстоять свои экономические и политические права жестоко подавлялась.

Откровенно фашистской была политика и в национальном вопросе. Согласно официальной статистике, национальные меньшинства составляли свыше четвертой части населения страны. К ним относились: 1,5 млн. венгров, 780 тыс. немцев, 730 тыс. евреев, 360 тыс. украинцев, 450 тыс. русских, 400 тыс. болгар и т. д. Отсюда ясно, что расистские мероприятия, осуществлявшиеся королевской диктатурой, носили массовый характер. Правда, они никак не затронули немецкое меньшинство, что объяснялось, конечно, прежде всего опасением вызвать неудовольствие Бер-

---

[24] ИДА, ф. микрофильмов.

[25] «Monitorul oficial», 13. XI 1938

лина. Не коснулись дискриминационные меры и буржуазной прослойки других национальных меньшинств. И это также понятно, ибо целью политики «Румыния для румын», провозглашенной королевской диктатурой, являлось прежде всего разжигание национальной розни среди трудящихся масс, чтобы отвлечь их от революционной борьбы. Вот почему румынская фашистская печать, твердя об иноплеменном засилье, в основном упирала на то, что румыны составляли якобы лишь 40% общего числа рабочих и 10% инженерно-технических работников в промышленности.

Под шум разнузданной националистической пропаганды осуществлялся пересмотр гражданства, что, кстати сказать (как и создание корпоративной системы), было начато еще правительством Гоги. Это — еще одно подтверждение того, что его отстранение от власти не являлось результатом каких-либо политических разногласий между королевской камарильей и национал-христианскими лидерами, а лишь отражало борьбу за власть внутри лагеря румынской реакции. Что касается расистских мероприятий, то правительство королевской диктатуры пошло даже дальше гого-кузистов. В частности, оно начало переговоры с другими государствами о выселении евреев из Румынии. «В 1938 году,— отметил один из американских исследователей,— были выработаны жесткие антиеврейские законы», а несколько позднее Кароль II дополнил их декретом, каравшим браки между евреями и румынами тюремным заключением сроком до 5 лет, и «изгнал евреев из армии, гражданской администрации и правлений акционерных обществ» [26].

Направляя главный удар против коммунистов и возглавляемых ими демократических сил, а также разжигая национальную рознь с целью направить в русло шовинизма недовольство трудящихся политикой правящей верхушки, королевская диктатура стремилась таким путем приобрести поддержку народных масс. Ведь вскоре она, как подчеркивал в августе 1938 г. теоретический и политический орган ЦК КПР журнал «Лупта де класса», стала диктатурой узкого круга наиболее реакционных представителей монополистического капитала и крупного помещичьего землевладения. Поэтому для нее с самого начала было особенно важно обрести массовую базу.

Провал попыток восстановить трудящихся против их революционного авангарда — компартии и тем самым привлечь широкие слои населения на свою сторону вынудили Кароля II вновь обратить свои взоры к железногвардейцам. В сущности он никогда не терял надежду подчинить их своему влиянию и видел препятствие лишь в «упрямстве» Кодряну. Поэтому и после установления королевской диктатуры, когда все политические партии и организации были запрещены, железногвардейцам позво-

[26] *Stoyan P.* Spotlight on the Balkans. New York, 1940, p. 42.

лили продолжать свою деятельность под видом проведения «культурных» и «национальных» кампаний. Вместе с тем Кароль II с нетерпением ожидал случая, который позволил бы ему сломить сопротивление Кодряну и окончательно договориться с «Железной гвардией», которую он хотел сделать ядром широкой фашистской организации, безоговорочно преданной королевской диктатуре.

Но железногвардейские вожаки в новых условиях действовали осторожно. Они открыто не выступали против нового режима еще и потому, что его фашистские мероприятия по сути соответствовали их собственным целям. Они возражали только против лишения избирательных прав молодежи, которая легче поддавалась демагогической агитации «Железной гвардии», а также роспуска по решению правительства легионерских кооперативов. Но этого, конечно, было недостаточно для применения репрессивных мер против них.

И все же повод был найден.

Министр Йорга возвратил Кодряну письмо, в котором выражался протест по поводу роспуска упомянутых кооперативов, с пометкой, что не может принять его «от человека, который, вспомнив, сколько было пролито крови им и его окружением, должен был бы опуститься на колени в раскаянии». В ответ Кодряну осыпал Йоргу резкими упреками и напомнил ему, что он не всегда был столь враждебно настроен в отношении железногвардейцев, как хочет теперь это показать. Тогда Йорга по настоянию Калинеску написал в военный трибунал жалобу на действия Кодряну, обвинив его в нанесении оскорбления министру при исполнении служебных обязанностей. На основе этой жалобы суд приговорил Кодряну к шести месяцам тюрьмы.

Вскоре обнаружилось, что железногвардейцы вели усиленную подготовку к путчу с целью установления своей диктатуры. Они создали военизированные подразделения, назвав их именами двух погибших в Испании железногвардейцев — «Моца и Марин», а также «Легионерский корпус бывших военных» и другие террористические формирования. Были составлены списки лиц, которые подлежали истреблению после прихода к власти «Железной гвардии».

Раскрытие этого заговора привело к тому, что вместе с другими легионерскими главарями Кодряну вновь предстал перед королевским судом.

На публичном процессе, начавшемся 23 мая 1938 г. в военном трибунале второго армейского корпуса, Кодряну и его сообщникам были предъявлены обвинения «в заговоре против общественного порядка», создании вооруженных групп, разглашении секретных документов сигуранцы и т. п. В речи прокурора впервые прозвучало, что Кодряну — «чужестранец, не имеющий ни капли румынской крови». Далее обвинитель патетически воскликнул: «И этот человек хотел стать национальным спасителем!.. Кодря-

ну является человеком, который отравил румынскую молодежь террористическими доктринами и заразил страну чувствами и идеями, чуждыми румынскому духу и темпераменту!»[27].

По приговору Кодряну и его сообщники были осуждены на десять лет каторжных работ. Впоследствии 14 главарей «Железной гвардии» (вместе с Кодряну) были расстреляны.

Процесс над железногвардейскими руководителями и их устранение не могут, тем не менее, расцениваться как свидетельство борьбы румынского короля против фашистского движения. Кароль II, чья поддержка «Железной гвардии» как орудия подавления революционных сил помогла росту и укреплению позиций этой организации, не желал и не мог желать ее уничтожения. Он хотел одного — любыми средствами подчинить себе железногвардейцев.

В этой связи заслуживает внимания оценка описываемых событий, содержащаяся в корреспонденции из Бухареста, посланной летом 1938 г. В ней указывалось: «Утверждать о «расправе» правительства с железногвардейским движением равносильно отрицанию фашистской сущности нынешнего правительства». Далее подчеркивалось, что в действительности королевская диктатура не заинтересована в подавлении фашистского движения в стране в лице «Железной гвардии». Под ширмой борьбы с железногвардейцами правительство громит антифашистов, арестовывает руководителей рабочего класса. При этом фашистская печать утверждает, что «Железная гвардия» ни в чем не повинна и что она будто бы «действовала под руководством коммунистов». В то же время «если рядовой железногвардеец подвергается за незаконное хранение оружия смехотворному наказанию — 1—3 месяца тюрьмы, то представителей рабочего класса за обнаружение у них газеты «Известия», продаваемой в Румынии легально, осуждают на 10 лет тюрьмы»[28].

Сказанное подтверждается тем, что Кароль II, устраняя в лице Кодряну и его сообщников опасных конкурентов, одновременно стремился наладить сотрудничество с новыми руководителями «Железной гвардии». Еще до окончания процесса над Кодряну он послал к его преемнику Хориа Сима, укрывшемуся в гитлеровской Германии, эмиссара, чтобы договориться об условиях этого сотрудничества. Но попытка сговора с озлобленной последними событиями железногвардейской верхушкой в то время не увенчалась успехом.

Тогда король предпринял другие шаги для создания массовой социальной базы для своей диктатуры. 16 декабря того же года он объявил, что учреждает единую партию под названием «Фронт национального возрождения» (ФНВ). Эта организация, с самого начала задуманная как фашистская, должна была за-

---

[27] DGFP. 1918—1945 series D, vol. V, p. 280.
[28] АВП СССР, ф. 125, оп. 20, д. 11, п. 16, л. 230.

менить все другие партии, оказавшиеся под запретом, и получала монополию на политическую деятельность. Только ФНВ имел право выдвигать кандидатов на парламентских, муниципальных и других выборах. По примеру фашистских партий Германии и Италии члены румынского «Фронта национального возрождения» должны были носить униформу — голубой френч английского покроя, белую рубашку с галстуком, кепку и особый пояс, а также трехцветную нарукавную повязку.

Королевская камарилья пыталась внушить населению, что эта фашистская партия, как и породившая ее диктатура Кароля II, якобы «стоят над классами» и руководствуются интересами «нации в целом». В специально изданной брошюре «Новый режим» заявлялось, что ФНВ выражает не интересы какого-либо класса или группы лиц, а «коллективные интересы государства и собственно нации»[29]. В действительности же дело обстояло как раз наоборот. Фронт национального возрождения был призван укрепить королевскую диктатуру, олицетворявшую господство верхушки монополистической буржуазии и помещиков в Румынии.

Запись в ФНВ осуществлялась почти поголовно, целыми организациями и объединениями псаломщиков, фармацевтов, кельнеров, таксистов, предпринимателей и т. д. Здесь можно было видеть рядом социал-демократа, железногвардейца, национал-цараниста, национал-христианина, национал-либерала. После переговоров А. Калинеску с руководителями немецкого и венгерского национальных меньшинств они также вошли в «общую королевскую семью».

Согласно королевскому декрету об организации «Фронта национального возрождения», при этой единой политической партии были созданы военизированные формирования «национальной гвардии», которым также вменялось в обязанность следить за настроениями в стране «и действовать совместно с военными властями в целях поддержания общественного порядка».

Интересам обеспечения социальной опоры королевской диктатуры в массах была подчинена и деятельность молодежной организации «Стража цэрий», созданной еще в начале 30-х годов. Членство в ней было обязательным для всех мальчиков от 7 до 18 лет и для всех девочек от 7 до 21 года. Это была организация фашистского типа, родственная итальянскому фашистскому молодежному движению и германскому «гитлерюгенду». Верховным командиром «Стражи цэрий» являлся король, при нем действовал совещательный орган «Верховный руководящий совет» в составе премьер-министра, патриарха румынской православной церкви, министров просвещения, обороны и других официальных лиц. В марте 1939 г. было официально установлено разграниче-

---

[29] *Calinescu A.* Noul regim. Bucureşti, 1938, p. 29,

ние сфер деятельности в школе: обучение, образование молодежи возлагалось на министерство просвещения, а ее воспитание, «формирование детской души» — на «Стражу цэрий» [30].

Но ни Фронт национального возрождения, ни «Стража цэрий» не смогли подвести сколько-нибудь прочную массовую базу под королевскую диктатуру. Создание ФНВ оказалось неудачной попыткой консолидации всех политических группировок буржуазии и помещиков под королевской эгидой. Эта организация не имела ни авторитета, ни влияния среди населения, да и сама она была механическим объединением враждовавших между собой политических сил.

Шаткость монархо-фашистского режима обнаруживалась не только внутри страны, но и на международной арене. Сразу же после государственного переворота Кароль II поспешил заверить Берлин, что отставка правительства Гоги никак не повлияет на отношения с рейхом. О намерении королевской диктатуры осуществлять сближение с гитлеровцами свидетельствовало и назначение в марте 1938 г. посланника в Германии Комнена министром иностранных дел.

Германское министерство иностранных дел пришло к аналогичному выводу. Оценивая последние события в Бухаресте, оно подчеркивало, что установление королевской диктатуры в Румынии вызвано внутриполитическими обстоятельствами, а отнюдь не стремлением изменить внешнеполитический курс. «Румыния,— отмечалось в том же документе,— нуждается в политической реформации любой ценой, а Гога недостаточно силен, чтобы быть реформатором». Далее подчеркивалось, что его отставку не следует квалифицировать как поражение германской политики, поскольку Кароль II продемонстрировал, что не намерен мешать осуществлению планов рейха в Центральной Европе, включив в новую конституцию статью, фактически запрещающую проход советских войск через румынскую территорию для помощи Чехословакии. «Это особенно важно, принимая во внимание неоднократно проявленное Советской Россией желание добиться для себя права прохода через Румынию в Чехословакию. Статья 91 (новой румынской конституции.— *Н. Л.*), как это представляется, имеет целью блокировать такие попытки» [31].

Так же спокойно отнеслось германское министерство иностранных дел к мерам королевской диктатуры в отношении железногвардейцев. Оно указывало: «Несмотря на то, что против идеологически близкой нам «Железной гвардии» ведется борьба, у нас нет причин беспокоиться относительно поворота событий. Напротив, надо надеяться, что в своей внешней политике король Кароль будет последовательно реализовывать неоднократно вы-

---

[30] «Universul», 21.III 1939.
[31] DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 251.

сказанное им желание войти в более тесные отношения с Германией»[32].

Кароль II не замедлил подтвердить этот прогноз.

Одним из первых внешнеполитических актов правительства королевской диктатуры были признание включения Австрии в состав рейха. В беседе с германским посланником Фабрициусом, состоявшейся 18 марта 1938 г., король сказал, что приветствует захват Австрии Германией, ибо издавна считал аншлюс неизбежным. Реакционная румынская пресса утверждала, что Австрия была «искусственно созданным государством», а деловые круги Бухареста открыто выражали свое удовлетворение аншлюсом, улучшавшим, по их мнению, перспективы торговли с Германией.

В то же время представители другой части буржуазии, поддерживавшие тесные связи с западными державами, не разделяли этих восторгов. К тому же в широких кругах румынского населения были сильны антигерманские настроения, сохранившиеся со времени немецкой оккупации Румынии в годы первой мировой войны. Наконец, и сам король тогда все еще хотел иметь опору и на Западе, хотя бы в лице Англии. Все это накладывало определенный отпечаток на его внешнеполитический курс в первый период диктатуры. В той же беседе с Фабрициусом Кароль II, высказываясь за «теснейшие отношения с Германией», оговаривал, что их установление должно проходить постепенно, чтобы не вызвать недовольства внутри и за пределами Румынии. Но в сущности ничто не мешало ему и тогда придерживаться линии, соответствовавшей планам гитлеровцев, поскольку в тот период такую же политику проводили не только английское, но и французское правительства. Особенно яркий пример тому — его позиция в период мюнхенского сговора, когда королевская Румыния стала на путь «предательства своего чехословацкого союзника»[33].

В этой связи нельзя не напомнить о лицемерном заявлении, сделанном после войны бывшим румынским министром иностранных дел Комненом, не постеснявшимся написать в своих мемуарах: «В то время как Европа трепетала при звуках голоса Гитлера, склонилась перед всеми его требованиями и расчленила в Мюнхене Чехословакию, Румыния одна, я подчеркиваю, одна осмелилась поднять голос в пользу несчастной союзницы».

В действительности дело обстояло совсем иначе.

Как известно, «английское правительство использовало германские притязания на чехословацкие земли для своих корыстных целей — для переговоров и заключения англо-германского соглашения, которое гарантировало бы безопасность Англии и неприкосновенность ее колониальных владений. При этом имелось в виду заплатить Гитлеру, выдав ему Чехословакию»[34].

[32] DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 251.
[33] Lecţii în ajutorul celor care studiază istoria PMR. Bucureşti, 1961.
[34] История внешней политики СССР, ч. I. 1917—1945. М., 1976, с. 317.

Вместе с тем, как признала впоследствии западная буржуазная пресса, цель мюнхенской политики британских и последовавших их примеру французских правящих кругов заключалась «в том, чтобы уничтожить Чехословакию как самостоятельный военный, политический и экономический фактор и подготовить условия для дальнейшей экспансии Германии в сторону Польши и России» [35].

Антисоветская направленность мюнхенского сговора и привлекала румынскую реакцию. Как ей казалось, он вел к столь желанному для нее созданию единого антисоветского фронта. Это радовало ее еще и потому, что такой поворот в мировой политике обеспечивал ведущую роль гитлеровской Германии, к сближению с которой стремились правящие круги Румынии, и одновременно поддержку их западными державами.

Вот почему Кароль II и его правительство фактически содействовали мюнхенской сделке, предав свою союзницу Чехословакию. Накануне Мюнхена румынский посланник сообщал из Берлина, что германские руководители «полностью удовлетворены позицией Румынии».

Суть же этой «позиции», как писал впоследствии Г. Брэтиану в статье, опубликованной в газете «Универсул», состояла в том, что Румыния «твердо сопротивлялась всякой попытке превратить ее в путь для прохода Советской Армии» [36]. А Кароль II заявил тогда же в узком кругу, что «он предпочел бы видеть в своей стране немцев в качестве врагов, нежели русских в качестве друзей» [37].

Считая, что антисоветский характер Мюнхенского соглашения автоматически обеспечит закрепление Бессарабии «навечно» за Румынией, королевская дипломатия попыталась за свою предательскую политику по отношению к Чехословакии в дни Мюнхенского сговора выторговать у стран «оси» гарантии против хортистских притязаний на Трансильванию. Подобного рода демарши свидетельствовали о готовности румынских правящих кругов закрыть глаза даже на возможное участие венгерских войск в нападении на Чехословакию, хотя в этом случае Румыния была обязана немедленно прийти к ней на помощь в соответствии с договором стран-участниц Малой Антанты.

Вот как изложил эту позицию румынский посланник в Риме Замфиреску. Беседуя 29 сентября с итальянским министром иностранных дел Чиано, он начал с перечисления заслуг своего правительства, способствовавшего решению чехословацкого вопроса в интересах агрессоров. На Румынию, сказал посланник, оказывалось очень сильное давление, чтобы она разрешила свободный проход советских войск через ее территорию в случае германского нападения на Чехословакию. Румыния сопротивля-

---

[35] «Foreign Affairs», October 1946, p. 38.
[36] «Universul», 22. V 1939.
[37] DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 310.

лась и будет сопротивляться подобным требованиям. Затем он перешел к сути своего демарша, сделав заявление, которое Чиано кратко записал так: «Румыния осведомлена, что Венгрия скоро сможет получить обратно те части ее территории, которые были под властью пражского правительства. Принимая во внимание нынешнее развитие событий, румынский посланник считает это логичным и естественным. Он просит, однако, итальянское правительство использовать свое влияние на Будапешт, чтобы с венгерской стороны не было импульсивных действий, которые сделали бы трудной позицию Румынии в связи с ее обязательствами по соглашениям Малой Антанты...» [38].

Итальянский министр, уклонившись от прямого ответа, заметил, что, по его мнению, Румыния может с сегодняшнего дня считать себя свободной от обязательств по Малой Антанте, ибо одна из ее участниц — Чехословакия — «существенно изменилась, сделав несуществующим и недействительным пакт Малой Антанты». Замфиреску заявил, что румынское правительство придерживается такого же мнения [39].

Тот факт, что румынское правительство не собиралось выполнять свои обязательства по договору Малой Антанты, если бы Венгрия напала вместе с Германией на Чехословакию, подтвердил позднее и французский генерал Виллелюм. Давая свидетельские показания парламентской комиссии, занимавшейся расследованием причин поражения Франции во второй мировой войне, он сказал: «Ни Югославия, ни Румыния не вмешались бы, даже если бы Венгрия присоединилась к Германии; это видно из заявлений, которые делало румынское министерство иностранных дел» [40].

Что же касается вопроса о Трансильвании, то, в отличие от Рима, Берлин по-прежнему не скупился на обещания румынскому правительству. И это вполне понятно, так как именно гитлеровцы были заинтересованы тогда в благоприятной для них позиции Румынии в отношении чехословацкого кризиса. 22 сентября румынский посланник в Берлине сообщил, что германское правительство полностью удовлетворено линией Бухареста в вопросе о Чехословакии и в связи с этим более чем когда-либо расположено к разрешению румыно-венгерских споров в пользу Румынии. А шесть дней спустя, накануне подписания мюнхенского соглашения, Геринг заявил, что Германия гарантирует территории Румынии и Югославии от венгерских притязаний, если эти страны займут «нейтральную позицию» в чехословацком вопросе.

Поведение румынских правящих кругов, способствовавших мюнхенскому сговору империалистических держав, было по достоинству оценено и реакционными кругами на Западе. Прави-

[38] Ciano's Diary. London, 1948, p. 236—237.
[39] Ibid., p. 237.
[40] Les evenements survenus en France de 1939 à 1945.

тельства Англии и Франции в октябре 1938 г. направили румынскому правительству телеграмму, в которой выразили благодарность за его позицию в период Мюнхена. По-своему признательность Каролю II высказал и Гитлер. 14 октября он прислал румынскому королю поздравления по случаю его дня рождения, чего ни разу не делал прежде. А 4 ноября впервые после первой мировой войны с «дружеским визитом» прибыл в Констанцу германский крейсер «Эмден».

Королевское правительство Румынии заняло «нейтральную позицию» не только в отношении германских требований к Чехословакии. Вместе с югославским правительством оно не оказало решительного противодействия и хортистам, потребовавшим тогда передачи им всей Словакии и Закарпатской Украины. Между тем позиция Румынии в этом вопросе имела важное значение, причем, как писал в Берлин германский посланник Фабрициус, в Бухаресте это понимали, так как знали, что если Румыния проявит готовность дать вооруженный отпор хортистским попыткам захватить чехословацкие земли, то Югославия присоединится к ней [41].

Линия румынского королевского правительства в отношении хортистских территориальных претензий к Чехословакии была столь же нечеткой, как весь его внешнеполитический курс. Считая их «в принципе» вполне «логичными и естественными», оно стремилось, однако, ограничить их размеры, чтобы не допустить значительного усиления Венгрии. Только этим и объяснялись возражения Бухареста против передачи Венгрии «всей Словакии и Закарпатской Украины». Но характерно, что когда по поручению Кароля II Комнен подготовил для Будапешта соответствующее заявление, то решено было предварительно «согласовать» его с Берлином. Гитлеровцы же «посоветовали» не выступать с этим демаршем, пообещав оказать «сдерживающее воздействие» на Венгрию. Не менее показательно, что и польское правительство рекомендовало Румынии не создавать «осложнений» хортистским требованиям, поддержанным великими державами, а вместо этого самой принять участие в дележе чехословацкой территории.

Следует заметить, что на мюнхенской конференции не рассматривались притязания хортистов к Чехословакии. Для их удовлетворения было решено провести так называемый арбитраж. Чехословацкое правительство предложило включить Румынию в число арбитров, но Хорти на это не согласился.

Незадолго до арбитража, 19 октября в Румынию поспешно прибыл польский министр иностранных дел Бек. В беседе с Каролем II и Комненом он предложил им потребовать включения в румынскую территорию северо-восточной части Закарпатской Украины, пояснив, что проходившая там железная дорога яви-

[41] DGFP. 1918—1945, series D, vol. II. London, 1953, p. 576.

лась бы дополнительной линией коммуникаций между союзными Польшей и Румынией. Румынский король отказался, но отнюдь не потому, что хотел проявить солидарность с Чехословакией. Свое нежелание выдвинуть упомянутое требование он так объяснил Беку: «Мы не хотим удлинять еще на 100 миль нашу границу с Венгрией» [42].

Но дело было не только в этом. Английская газета «Глазго геральд» следующим образом комментировала тогда румынскую позицию: «Кароль не мог не знать, что оставшаяся у Чехословакии часть Рутении (т. е. Закарпатской Украины.— *Н. Л.*) обеспечивает Германии проход не только на Украину, но и в Румынию...» Таким образом, кроме названной Беку причины, существовали еще две, о которых король умолчал. И обе они были связаны с расчетом румынской реакции на то, что не за горами вторжение гитлеровцев в СССР, и с ее готовностью предоставить свою страну в качестве одного из плацдармов для антисоветской войны. Об этом Г. Брэтиану по поручению Кароля II прямо заявил 28 октября германскому посланнику Фабрициусу. «Как друг Германии,— говорится в записи этой беседы,— он (Брэтиану.— *Н. Л.*) хочет обратить внимание на важность сохранения коридора, отделяющего Польшу от Венгрии и гарантирующего наиболее безопасную связь между Германией и Румынией через Чехословакию. Если Польша и Венгрия будут иметь общую границу, то таким образом они отрежут нас» [43].

В Берлине все это отлично понимали. Более того, гитлеровцы стремились обеспечить себе прямой доступ в Румынию и на случай, если им потребуется ее оккупировать. Поэтому в результате венского арбитража, состоявшегося 2 ноября 1938 г., хортистам были переданы лишь южные районы Словакии и Закарпатской Украины с городами Кошице, Мукачево, Ужгород. Остальная часть Закарпатской Украины была объявлена «автономной республикой» в рамках Чехословакии и фактически служила коридором, непосредственно связавшим Германию с Румынией. Английское правительство, самоустранившееся от участия в арбитраже и предоставившее полную свободу рук Гитлеру, одобряло его планы относительно этой части Европы. Британский министр иностранных дел Галифакс в инструкции английскому послу в Берлине, посланной в конце октября 1938 г., откровенно писал, что он доволен германскими намерениями использовать Чехословакию для распространения своего влияния вплоть до Румынии и как трамплин для нападения на Советскую Украину [44].

Хотя румынскую реакцию такое решение вполне устраивало, оказалось, что радоваться еще рано, поскольку хортистское пра-

---

[42] Survey of International Affairs. 1939, vol. II, p. 92.
[43] DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 324.
[44] *Kertesz St.* Diplomacy in a Wirlpool. New Dely (Indiana), 1953, p. 40.

вительство вновь и с особой настойчивостью потребовало передачи Венгрии также и Трансильвании.

В Бухаресте не могли не знать, что эти притязания опирались на молчаливую поддержку не только гитлеровской Германии, ибо ничем иным нельзя было объяснить упорное нежелание последней официально предоставить Румынии территориальные гарантии, но и английских правящих кругов, поскольку британские дипломаты начиная с весны 1938 г. открыто заговорили о необходимости румынских уступок в трансильванском вопросе. Что же в этих условиях предприняли Кароль II и его правительство?

Единственная имевшаяся у них реальная возможность предотвратить аннексию трансильванской территории, как подтвердили последующие события, заключалась в сотрудничестве с СССР и другими миролюбивыми силами, в первую очередь в заключении румыно-советского пакта о взаимной помощи.

Народные массы Румынии активно поддерживали идею румыно-советского сотрудничества в деле укрепления мира и безопасности. Они выступали за ее претворение в жизнь и в рассматриваемый период, хотя прошло уже немало времени с тех пор, как королевское правительство прервало переговоры с СССР относительно заключения пакта о взаимной помощи. Особенно ярко проявилось это стремление в связи с расчленением Чехословакии и усилившейся угрозой захвата Трансильвании хортистами.

В те дни советское дипломатическое представительство в Бухаресте получало многочисленные письма от румынского населения, в которых выражалось горячее одобрение миролюбивой внешней политики СССР, выступавшего в защиту малых стран. Вот что сообщала в Москву советская миссия в Румынии, например 31 октября 1938 г.: «Начиная с визита Бека в наш адрес поступило 17 заявлений от групп рабочей молодежи и отдельных румынских граждан с просьбой оказать Румынии помощь... и заключить военный союз». В одном из писем молодые рабочие Бакэу выражали солидарность с политикой СССР, который «решительно защищает мир и целостность территории малых государств». Румыния, писали они, нуждается в поддержке и помощи Советского Союза, поэтому правительство должно заключить военный пакт с СССР. В другом письме, полученном советской миссией в Бухаресте, говорилось: «Мы считаем вас единственным нашим союзником... который борется за справедливость, за уничтожение хищного фашизма, за мир и целостность каждой страны» [45]. Такие сообщения поступали и в дальнейшем.

Но сотрудничество с СССР не входило в намерения правительства королевской диктатуры. Оно предпочитало все больше сближаться с гитлеровской Германией, что соответствовало как

[45] АВП СССР, ф. 125, оп. 20, д. 11, п. 16, л. 234.

антикоммунистическому духу монархо-фашистского режима, так и его антисоветским захватническим помыслам. Заискивая перед Берлином, Кароль *II* рассчитывал добиться и гарантий против хортистских притязаний на Трансильванию.

27 сентября 1938 г. король через своего приближенного Флондора высказал Фабрициусу пожелание «установить с Германией отношения более тесные; чем до сих пор». Но теперь, когда чехословацкий кризис был позади, гитлеровцы не видели необходимости заигрывать с румынскими правителями в целях предотвращения пропуска советских войск через Румынию на помощь Чехословакии. Поэтому Фабрициус повел себя совсем не так, как в предшествующие месяцы. Он сказал Флондору, что Румыния, кроме содействия развитию экономических отношений с Германией, пока не дала доказательств того, что ее желание сблизиться с рейхом может стать реальностью.

Вероятнее всего, в этой довольно туманной фразе заключался намек на то, что Румыния все еще оставалась членом Лиги наций, не выступала официально в поддержку агрессивной программы фашистского блока, сохраняла связи с западными державами и т. п. Флондор начал оправдываться. Он сказал, что «сдерживающим фактором» в румынской внешней политике является «соседство с Советским Союзом», который, как опасаются король и правительство, «предпримет вторжение» в случае «полного» перехода Румынии на сторону рейха. Флондор также не преминул попросить Фабрициуса сказать, хотя бы в «частном порядке», сможет ли Германия оказать Румынии помощь в этом случае.

Фабрициус и тут намекнул на необходимость усиления антисоветской политики румынского правительства. Он заявил: «Фюрер всегда рассматривал Румынию в качестве бастиона против Советской России, такого же мнения придерживается и министр иностранных дел... Мы были бы рады укрепить этот бастион, но я не могу ничего сказать о том, как это сделать».

Сообщая в Берлин об этой беседе, Фабрициус так охарактеризовал политику Кароля II: «По моему мнению, этот демарш является предварительным зондированием вопроса о том, намерены ли мы и до каких пределов помогать Румынии против Советской России (т. е. в удержании захваченных советских земель.— *Н. Л.*). Король все больше убеждается, что такая помощь со стороны Франции становится маловероятной и что хорошие отношения с Германией могут также защитить его от венгерского ревизионизма. Но он не верит, что может сделать решительный шаг к установлению более тесных отношений с Германией, пока мы не защитим Румынию от Советской России. Он еще не склонен нарушить свои отношения с Францией и особенно с Англией слишком резким сближением с Германией».

Фабрициус также подтверждал, что у королевской камарильи «очень усилилось» стремление к тесному сближению с рейхом.

Румыния, писал он, по мнению ее правящих кругов, должна иметь с Германией «по крайней мере такие же хорошие отношения, какие имеет Венгрия». В то же время посланник считал, что подобному сближению не мешают румынские связи с Англией и Францией, поскольку эти страны «имеют хорошие отношения» с Германией. Как он полагал, суть заключалась в том, что Кароль II хотел получить германские территориальные гарантии. Признав, что Берлин не может их дать и что они к тому же были бы восприняты как «недружественный акт» правительствами Венгрии и Болгарии, он высказал такое предположение: «Но мы можем, и это укладывается в нашу современную программу, помочь Румынии в ее перевооружении в более значительных размерах, чем мы делали до этого, снабжая ее самолетами и противотанковыми орудиями, оборудованием и поставками для промышленности» [46].

Мюнхен усилил позиции прогерманских элементов в Румынии. На их сторону начали переходить и те буржуазные политики, которые раньше были известны своей ориентацией на западные державы. Лидер «старых либералов» Д. Брэтиану пришел к выводу, что прежняя позиция, выражавшаяся словами: «чего бы это ни стоило, но только с Францией» — неправильна. Маниу, давно зарекомендовавший себя поклонником Гитлера и Муссолини, вновь решил добиваться расширения сотрудничества с фашистским рейхом. Об этом они и написали в совместном меморандуме на имя Кароля II, предлагая взять «равнение на Берлин». Но Кароль II не нуждался в советах лидеров «исторических» партий, ибо сам еще 7 октября известил гитлеровское правительство, что «решительно выступает за изменения в нынешней румынской внешней политике».

Одним из первых после расчленения Чехословакии открыто потребовал ориентации на державы «оси» генерал Антонеску. Если до этого он не слишком афишировал свои взгляды и высказывал их лишь в узком кругу, а также в письмах Каролю II, то теперь он откровенно изложил их на страницах газеты «Тимпул». В статье под многозначительным заголовком «Мы научились» он писал, что настала пора отказаться от «приверженности Женеве», окончательно избавиться от «духа коллективной безопасности» и рассчитывать только на силу, т. е. на гитлеровскую Германию. Ему вторил владелец этой газеты реакционный буржуазный политик Г. Гафенку. Он так ставил вопрос: «У Германии есть планы. Имеют ли их другие страны? Если другие страны не имеют планов, то нам необходимо шагать вместе с Германией» [47].

Речь, конечно, шла об антисоветских замыслах гитлеровской клики, с которыми румынская реакция связывала свои собствен-

---

[46] DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 308, 310.
[47] «Timpul», 10. X 1938.

ные захватнические планы. В этом вопросе все ее соперничавшие между собой группировки были едины. Антисоветские настроения резко усилились не только в тех реакционных кругах, которые были недовольны некоторой медлительностью в деле сближения с фашистским блоком, но и в правительстве королевской диктатуры. Так, премьер-министр Кристя в речи, произнесенной в конце ноября 1938 г., недвусмысленно заявил притязания на заднестровские земли, т. е. на аннексию Молдавской автономной советской республики.

Если учесть, что до этого румынские официальные лица избегали открыто говорить о своем стремлении к дальнейшим захватам советской территории, то подобное заявление главы правительства можно расценить как проявление тенденции реакционных кругов королевской Румынии к преднамеренному обострению отношений с СССР. Такое предположение подтверждается и тем, что румынская правящая верхушка в этот период всячески старалась продемонстрировать перед Берлином наличие у Румынии неких «непримиримых противоречий» с Советским Союзом и в связи с этим заполучить наконец от гитлеровской Германии гарантии в отношении Бессарабии, а заодно и Трансильвании.

Непосредственную связь между антисоветскими настроениями румынских правителей и их стремлением к сближению с гитлеровским рейхом отметил и побывавший в октябре в Бухаресте заместитель директора департамента экономической политики германского МИД Клодиус. Свои впечатления он изложил следующим образом: «События 1938 года привели к глубокому изменению политической позиции Румынии. Убеждение в том, что необходимо в определенных пределах сотрудничать с Германией, завоевало общее признание (имеется в виду единодушие различных буржуазных группировок в этом вопросе.— *Н. Л.*). Это изменение может быть приписано закату политического престижа Франции, росту германского могущества в 1938 году, убеждению, что только Германия сможет обеспечить эффективную защиту против России (т. е. гарантировать сохранение территории, аннексированной у СССР.— *Н. Л.*), а также убеждению, что Румыния во все возрастающей степени экономически зависит от Германии».

Клодиус в целом верно указал на причины, определившие дальнейший сдвиг в румынских правящих кругах в сторону гитлеровской Германии. Однако он не коснулся некоторых различий во взглядах отдельных группировок румынской реакции по этому вопросу. По-видимому, его интересовала лишь общая картина их настроений, поскольку она оказалась достаточно благоприятной для порученной ему экономической миссии. Между тем упомянутые различия существовали. Это видно и из приведенных выше высказываний. Если лидеры «исторических» партий выражали готовность отказаться от преимущественной ориентации на

Францию и «равняться на Берлин», что не исключало и связей с Англией, то такие деятели как Антонеску и Гафенку требовали по существу полного разрыва с западными державами и присоединения к фашистскому блоку.

Внешнеполитическая линия Кароля II и его правительства проходила как бы между этими двумя позициями. Дорожа своими собственными тесными финансовыми связями с Западом и в то же время прилагая все большие усилия к сближению с Германией, королевская камарилья по существу продолжала «игру на двух столах». И хотя она постепенно отходила все дальше от западного «стола», гитлеровцам этого было мало.

Вот почему на заявление Кароля II от 7 октября из Берлина спустя неделю последовал такой ответ: рейх готов к сближению с Румынией, но при условии, если ее правительство «четко скажет», как оно понимает развитие румыно-германских политических отношений.

О том, что скрывалось за этим требованием, довольно ясное представление дает беседа вновь посланных королем в Берлин в начале ноября Г. Брэтиану и А. Константинеску с Герингом. Ей предшествовала их встреча со статс-секретарем гитлеровского министерства иностранных дел Вейцзеккером, который на ставший уже традиционным вопрос о позиции Германии и Италии в отношении хортистских притязаний на Трансильванию дал успокоительный ответ. Он сказал, что рейх не будет поощрять венгерский ревизионизм в этом вопросе.

Иначе высказался на эту тему Геринг. Приняв эмиссаров из Бухареста, он заявил, что Берлин «не проявит заинтересованности» в сокращении территории Румынии, если последняя станет «дружественной» для Германии страной. Далее он выразил серьезное недовольство ее нынешней политикой, которая, по его словам, остается «неясной». Рейх, подчеркнул Геринг, должен быть уверен, что «Румыния не окажется противником (Германии.— *Н. Л.*) ни в силу связей с Лигой наций, ни путем какой-либо другой комбинации или системы союзов». Он не скрыл недовольства и тем, что Кароль II устранил с открытой политической арены прогермански настроенную «Железную гвардию», а ее вожаков посадил в тюрьму. И при этом поучительно заметил, что «отсутствие связи между королем и общественным мнением» можно преодолеть только с помощью фашистской партии, а посему-де «Железная гвардия» призвана обеспечить «связь между диктатурой и народом». Выяснилось также, что он неудовлетворен тем, как развивались румыно-германские экономические отношения, в которых, по утверждению Геринга, за последнее время не произошло большого прогресса.

Дело в том, что гитлеровцы в то время стремились добиться полного подчинения экономики Румынии интересам рейха. Сразу после Мюнхена они перешли в решительное наступление для установления своей монополии в румынской внешней торговле.

Румыния тогда испытывала исключительно большие трудности со сбытом зерна и нефти, экспорт которых в Англию, Францию и другие страны неуклонно падал. В стране накопилось большое количество нереализованного зерна — около 1 млн. т. Переговоры румынских представителей с английскими деловыми кругами о крупных поставках румынского зерна и нефти в обмен на английские промышленные товары летом 1938 г. не дали желаемого результата. Англичане отказались также предоставить кредиты Румынии.

Проинформировав обо всем этом Берлин, германский посланник в Бухаресте Фабрициус рекомендовал своему правительству воспользоваться тяжелым финансово-экономическим положением Румынии и «дружески помочь» ей, закупив по дешевой цене румынское зерно. Это предложение было принято, и германская делегация, прибывшая в октябре 1938 г. в Бухарест для переговоров о заключении очередного ежегодного торгового соглашения, поставила вопрос о резком увеличении германских закупок, в первую очередь нефти и зерна. При этом она поставила условием расширения торговли повышение курса немецкой марки с 38—39 до 43—44 лей [48].

Принятие германского требования вело к полному внешнеторговому закабалению Румынии германским капиталом, к увеличению ее убытков от клиринговой торговли. И королевское правительство попыталось выторговать уступки, затягивая переговоры. Это и вызвало у германского правительства то недовольство, которое высказал Геринг при встрече с Г. Брэтиану. Причем он заявил, что напрасно румынское правительство пытается искать себе других торговых партнеров, ибо Англия и Франция признали приоритет германских интересов в экономике придунайских стран. «В Мюнхене,— подчеркнул Геринг,— я лично обсуждал этот вопрос с Даладье, который подтвердил мне это»[49].

Данная ссылка на Мюнхенскую конференцию — еще одно свидетельство достигнутой между Гитлером и англо-французскими правящими кругами сделки, согласно которой германская фашистская агрессия направлялась на Восток, что практически «означало — против СССР» [50].

Вместе с тем это был сговор за счет интересов малых восточноевропейских стран, и этого не могли не видеть румынские правящие круги, ибо они не только были свидетелями расчленения Чехословакии, но и на себе испытывали усилившееся давление гитлеровцев. Если бы королевское правительство Румынии было способно реально оценить сложившееся положение, исходя из подлинных потребностей своей страны, оно, несомненно, прислушалось бы к предостережениям Советского Союза об опасных

[48] *Шевяков А. А.* Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии. Кишинев, 1963, с. 46.
[49] ИДА, ф. микрофильмов.
[50] История внешней политики СССР, ч. I, с. 321.

для всех народов последствиях мюнхенской сделки и к его настойчивым призывам к организации коллективного отпора экспансионистским силам.

Но Кароль II и его окружение меньше всего думали об этом. Ненависть к СССР и стремление любыми средствами удушить революционное движение в своей стране, приведшие их к установлению монархо-фашистского режима, толкали их и к тесному сближению с гитлеровской Германией. А тот факт, что они еще пытались торговаться с ней, объяснялся опять-таки их неспособностью понять полнейшую бессмысленность надежд на «равное партнерство» с хищническим германским фашизмом.

Даже упомянутое выше требование гитлеровцев дать объяснение румынской позиции по поводу «политических отношений» с Германией Кароль II расценил как приглашение к равноправным переговорам. Поэтому он сообщил 22 октября германскому посланнику, что хотел бы лично отправиться в Берлин. Когда же этот визит был согласован, король послал туда Г. Брэтиану и А. Константинеску для предварительного дипломатического зондажа, а сам решил сначала посетить Париж и Лондон, полагая, что это укрепит его позиции на переговорах с Гитлером.

Кароль II выехал в начале ноября, взяв с собой наследного принца Михая, министра иностранных дел Комнена, министра двора Урдаряну и группу финансовых экспертов. Включение последних в свиту короля объяснялось его намерением выяснить возможность укрепления экономических связей с Францией и особенно с Англией, чтобы благодаря этому выторговать более выгодные условия у Германии.

Первое разочарование постигло его в Париже. Едва он прибыл туда, как получил сообщение о неутешительных результатах встречи Г. Брэтиану и А. Константинеску с Герингом. Особенно неприятным было известие о договоренности между Герингом и французским премьер-министром Даладье относительно «приоритета германских интересов в придунайских странах». В существовании такого соглашения Кароль II убедился и в ходе своих бесед с французскими руководителями.

Затем последовала вторая, еще более серьезная для него неприятность. Еще в Париже король узнал, что британский премьер-министр Чемберлен, выступая в парламенте, заявил: «Географически Германия уже занимает преобладающее положение в Центральной и Юго-Восточной Европе. Поэтому я не вижу причины, почему мы должны ожидать каких-либо решающих изменений в этой области. Что касается Англии, то мы не намерены чинить препятствий Германии в этих странах или блокировать ее экономически». В довершение ко всему в день прибытия Кароля II в Лондон газета «Таймс» демонстративно подчеркнула, что расширение немецкой торговли в бассейне Дуная представляет собой «естественное и желательное явление»[51].

[51] «Times», 15. XI 1938.

Не обнаружив ни в Париже, ни в Лондоне желания противодействовать Берлину, Кароль II так и не понял, что английские и французские империалисты используют Румынию в качестве разменной монеты в торге с германскими соперниками. Но одно ему стало ясно, что политика умиротворения направлена на создание единого антисоветского фронта и что Румынии в нем отведено место рядом с Германией и под ее руководством. И хотя это означало, что нужно во всем идти на уступки Берлину, румынский король утешал себя тем, что они в дальнейшем окупятся. Разобрался он и в том, что свой курс западные державы тщательно маскируют. Поэтому он сам после посещения Лондона и Парижа поехал в гитлеровскую Германию не с официальным государственным визитом, а якобы для того, чтобы навестить своего дядю — князя Фредерика Гогенцоллерна. Однако, как было заранее условлено, он сразу же направился в Берхтесгаден, где 24 ноября его принял Гитлер; сугубо конфиденциальная беседа между ними длилась более полутора часов. Кароль II начал с того, что заверил фюрера в том, что всегда твердо придерживался антисоветской позиции, но из-за соседства «огромного русского государства» не имел возможности заявлять об этом открыто. Не преминул он сказать и о том, что отказался пропустить советские войска через румынскую территорию в Чехословакию и что «никогда не разрешит этого»[52].

Гитлер отнесся к этому заявлению довольно равнодушно, поскольку теперь уже его не беспокоили планы в отношении Чехословакии. Зато он проявил явный интерес к «Железной гвардии», выразил сочувствие Кодряну и ввиду его «слабого здоровья» высказал пожелание, чтобы ему были созданы в тюрьме благоприятные условия. Румынский король не только пообещал исполнить его просьбу, но и изъявил готовность помириться с железногвардейцами и даже сотрудничать с ними, если они «разумно» поведут себя, т. е. подчинятся ему. О Кодряну же он сказал: «Если бы он был с головой, я не поколебался бы пригласить его в правительство».

А затем король поспешил перейти к главному, заявив, что хотел бы укреплять «дружественные отношения и сотрудничество» между Румынией и Германией. И, чтобы продемонстрировать свою готовность полностью подчинить страну гитлеровскому рейху, предложил построить через Чехословакию железную дорогу, которая обеспечила бы румыно-германские коммуникации, минуя Венгрию. Когда же Гитлер возразил, что в случае войны русские могут использовать такую дорогу для продвижения к Германии с юга, Кароль II еще раз заверил в своей решимости не допустить этого. Но его собеседник остался при своем мнении, тем самым показав, что не питает доверия к Каролю II. Он также уклонился от ответа на вопрос о позиции Бер-

[52] DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 339.

лина в трансильванском вопросе, заявив, что румыно-венгерский конфликт прямо не затрагивает Германию. В действительности дело заключалось совсем в другом. Записавший эту беседу Риббентроп от себя добавил, что Гитлер оставил трансильванский вопрос «открытым», считая, что «мы (т. е. германское правительство.— *Н. Л.*) не должны связывать себя перед Румынией обязательством противиться оккупации этой территории венграми. Основная идея нашей политики в отношении Венгрии и Румынии в настоящий момент должна состоять в том, чтобы держать оба эти утюга в раскаленном состоянии и разрешать вопросы в германских интересах в соответствии с развивающейся обстановкой» [53].

Таким образом, эта встреча ясно показала, что Кароль II, категорически отвергавший сотрудничество с СССР и до поры до времени колебавшийся между западными державами и гитлеровской Германией, теперь сделал выбор и усиленно старался убедить фюрера в своей преданности. Гитлер же, хотя и убедился в том, что румынский «утюг» достаточно раскалился, считал целесообразным пустить его в дело прежде всего для экономического закабаления Румынии. Что же касается военно-стратегических целей, связанных с дальнейшими планами гитлеровской агрессии, направленными не только против СССР, но и против западных держав, то Германия не считала Кароля II, проводившего до последнего момента двойственную политику, надежной опорой.

Последующие события подтвердили, что гитлеровцы в течение всего периода королевской диктатуры использовали ее для максимального укрепления своих позиций в Румынии и в то же время подыскивали замену Каролю II, которая позволила бы без опасений включить эту страну в агрессивный фашистский блок. Немалые надежды возлагались по-прежнему на «Железную гвардию», зарекомендовавшую себя не только ярым антисоветизмом, но и открытой враждебностью к «западным демократиям». Но так как ее позиции в стране были недостаточно сильными для захвата власти, что подтвердили провалы нескольких попыток путча, то гитлеровцы пока «терпели» Кароля II, а железногвардейцев держали в резерве.

Этим объяснялись и проявленное Гитлером беспокойство по поводу состояния здоровья Кодряну, и гневная реакция Берлина на его расстрел, последовавший буквально через несколько дней.

Судя по заявлению, сделанному Каролем II во время беседы в Берхтесгадене, он по-прежнему готов был покровительствовать железногвардейцам, но при условии, если они подчинятся ему. Иначе говоря, речь шла о том, чтобы сохранить фашистский режим в стране в форме королевской диктатуры, не заменяя ее

---

[53] Ibidem.

железногвардейской. Однако приверженцы Кодряну, действуя по указке гитлеровцев, не шли на это. Более того, при содействии последних «Железная гвардия» в то самое время, когда фюрер договаривался с румынским королем об облегчении положения ее главаря, готовила очередной путч.

Еще в те дни, когда Кароль II собирался направиться из Англии в Германию, железногвардейцы распространили в Румынии листовку, призывавшую силой освободить их вожака из тюрьмы. Это намерение они объясняли так: «Информация, полученная от ответственных лиц, показывает, что подготавливается убийство К. Кодряну. Арманд Калинеску, чьи намерения убить Кодряну нам известны давно, утверждает, что король разрешил ему совершить этот гнусный поступок во время своего отсутствия в стране по случаю поездки в Лондон». Нападение на тюрьму и освобождение Кодряну должно было стать сигналом для общего выступления железногвардейцев, которые надеялись, что пребывание Кароля II за границей облегчит им захват власти. Тем более, что к тому времени они сумели привлечь на свою сторону часть офицеров и солдат 3-й армии.

Властям удалось раскрыть заговор. При этом выяснилась причастность к нему генерала Антонеску. Оказалось также, что он установил тайную связь с заключенными в тюрьму главарями «Железной гвардии».

Таким образом, стал известен и источник информации о намерении властей убить их.

Сообщение министра внутренних дел обо всем этом, а также об уже вспыхнувших беспорядках, организованных железногвардейцами, король получил на обратном пути из Германии в Румынию. Прибыв в Бухарест 28 ноября, он немедленно провел заседание совета министров, на котором были выработаны меры по подавлению готовящегося мятежа. На следующий день генерал И. Антонеску был смещен с должности. Затем последовал арест генерала князя Кантакузино, являвшегося номинальным главой «Железной гвардии» в период ее легальной деятельности. А 30 ноября газеты сообщили, что Кодряну и 13 его сообщников были убиты «при попытке к бегству» из тюрьмы.

Ликвидацией Кодряну и его сообщников королевская диктатура хотела избавиться от опасного конкурента, стремившегося захватить власть. Кароль II действовал столь решительно и потому, что, по-видимому, расценил замечание Гитлера относительно Кодряну как отсутствие у Берлина намерения сделать ставку на «Железную гвардию».

Король ошибся, расправа над железногвардейскими вожаками вызвала бешеную реакцию гитлеровской клики. Германская пресса развернула яростную кампанию, непосредственно направленную против румынского короля. Разгневанный до предела Геринг сказал югославскому послу в Берлине, что убийство Кодряну похоронило возможность политического соглашения с

Румынией. Он подчеркнул, что так считает и Гитлер, увидевший прямую связь между его встречей с Каролем II и последовавшим через несколько дней убийством Кодряну [54].

Кароль II, не ожидавший такой реакции, поспешно принял меры, которые, по его мнению, могли успокоить Берлин. В состав правительства срочно были включены три деятеля, известные своими прогерманскими настроениями, в том числе Г. Гафенку, сменивший Н. Комнена на посту министра иностранных дел. Одновременно были сняты все прежние возражения против некоторых невыгодных для Румынии условий торговли с Германией.

Королевское правительство также решило без промедления начать переговоры о заключении широкого румыно-германского экономического соглашения, которого давно добивалась гитлеровская клика. В Берлин в начале 1939 г. вновь был направлен Г. Брэтиану. Он заявил Герингу, что в Бухаресте готовы принять германского уполномоченного по этому вопросу и что король окажет ему всяческое содействие в быстрейшем завершении переговоров и заключении приемлемого для Германии экономического соглашения.

Миссия Г. Брэтиану этим не ограничивалась. По поручению Кароля II и правительства он поставил перед Герингом вопрос об улучшении румыно-германских отношений «в целом», многозначительно заметив, что для этого уже «наступила пора», о чем, по его словам, свидетельствовали и изменения в составе румынского совета министров, усилившие его прогерманскую позицию. Г. Брэтиану также подчеркнул свою убежденность в том, что «будущее Румынии целиком зависит от ее отношений с Германией» [55].

Геринг сделал вид, что неохотно идет на принятие предложений Румынии, хотя на самом деле гитлеровская клика давно ждала их и немало сделала для того, чтобы заставить румынское правительство пойти на такой шаг. Начал он, как всегда, с упреков. Румыния, по его словам, оставалась единственной на юго-востоке Европы страной, политика которой вызывает у Германии сомнения. Затем он заявил, что, несмотря на «кризис германо-румынских отношений в конце 1938 г.», т. е. после гибели Кодряну и других железногвардейских главарей, «немцы вели себя благородно», и даже тогда Гитлер якобы отклонил просьбу хортистов поддержать их претензии на Трансильванию. Теперь, продолжал Геринг, наступила очередь румын дать доказательства своей «доброй воли». Патетическую речь он закончил тем, что согласился заключить в кратчайший срок широкое экономическое соглашение между двумя странами, которое способство-

---

[54] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 76 bis, Intervedere Marcovici — Constantinescu din 20. I 1939.

[55] DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 389.

вало бы устранению «германских сомнений». И даже пообещал, что в этом случае Германия могла бы дать Румынии гарантии в отношении ее границ [56].

О результатах встречи с Герингом было немедленно доложено королю. Как Г. Брэтиану, так и румынский посланник в Берлине предлагали не упускать представившийся случай связать страну с гитлеровским рейхом широким экономическим договором. В противном случае, утверждали они, Германия окончательно примет сторону Венгрии и Болгарии, поддержав их территориальные требования к Румынии [57].

Но как раз тогда, в первые месяцы 1939 г., против такого договора стали усиленно выступать те круги румынской буржуазии, которые были особенно тесно связаны с западными монополиями. К тому же и в правительственных кругах кое-кто опасался, что подобный шаг не только будет означать экономическое подчинение Румынии рейху, но и вовлечет ее в лагерь, враждебный Англии и Франции. Подобные настроения наблюдались и у части румынских дипломатов, особенно у тех, кто осуществлял контакты с Лондоном и Парижем. А некоторые из них даже попытались помешать заключению румыно-германского экономического соглашения и вообще сближению Румынии с Германией. На этой почве возник довольно неприятный для Бухареста дипломатический скандал.

Надо сказать, что антигерманские тенденции не случайно проявились в тот период. Дело в том, что английское правительство тогда потерпело очередную неудачу в своих попытках откупиться от колониальных требований Германии за счет уступки ей сферы влияния в Юго-Восточной Европе. В связи с этим оно прибегло в феврале-марте 1939 г. к давлению на гитлеровцев, демонстрируя свою способность оказать противодействие германской экспансии в Румынии. Именно с этой целью в Бухарест, где уже шли переговоры о германо-румынском экономическом договоре, был послан лорд Семпилл. Он беседовал с Каролем II, а затем с его министрами. После этого распространились слухи о разработке обширной программы развития англо-румынских экономических отношений, а также о готовящихся «трехсторонних переговорах между Англией, Францией и Румынией». Германский посланник Фабрициус выразил министру иностранных дел Гафенку недовольство по этому поводу, но тот заверил, что румынское правительство твердо решило завершить «нынешние переговоры» с Германией и не имеет никаких иных планов.

Вскоре выяснилось, что на деле английское правительство отнюдь не намерено противодействовать германскому закабалению Румынии.

---

[56] DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 389.
[57] ИДА, ф. микрофильмов.

Однако прежде чем это обнаружилось, румынский посланник в Лондоне В. Тиля, введенный в заблуждение визитом Семпилла в Бухарест, попытался содействовать предполагаемым английским планам. Информируя в феврале британского министра иностранных дел Галифакса о ходе румыно-германских экономических переговоров, он обратился к нему с просьбой, чтобы англичане закупили у Румынии излишки зерна и нефти. Это позволило бы нам, говорил Тиля, заявить Германии, что мы уже заключили соглашения с Англией и ничего не имеем для продажи германскому рейху. Британское правительство отклонило предложение, сославшись на низкое качество румынского зерна и дороговизну румынской нефти, хотя подлинная причина связана была с мюнхенской политикой Англии.

Тем временем произошли события, обнаружившие «весь трагизм совершенного в Мюнхене злодеяния с точки зрения судеб не только Чехословакии, но всего человечества» [58]. В середине марта гитлеровцы ликвидировали чехословацкое государство, оккупировав всю Чехию, а Словакию превратив в марионеточную республику. Закарпатскую же Украину они полностью отдали хортистской Венгрии, чьи войска и оккупировали ее немедленно. Румынское правительство, меньше всего беспокоившееся о судьбе своей бывшей союзницы по Малой Антанте, оказалось, однако, и само перед лицом серьезной опасности. Захват Закарпатской Украины хортистами означал, что они теперь угрожали Трансильвании не только с запада, но и с севера. Румыно-венгерские отношения резко обострились. По приказу Кароля II скрытно проводилась всеобщая мобилизация. Что касается помощи извне, то главную надежду в этом отношении румынское правительство возлагало на гитлеровцев и для получения от них поддержки форсировало завершение переговоров о заключении экономического соглашения с Германией, приняв все ее требования.

Но одновременно оно «на всякий случай» дало своим дипломатическим представителям указание привлечь внимание западных держав к нависшей над Румынией угрозе нападения хортистских войск.

Этим и воспользовался посланник в Лондоне Тиля для новой попытки противопоставить Англию гитлеровской Германии в румынском вопросе. Толчком для него послужил и тот факт, что британское правительство тогда выступило с формальным осуждением захвата Чехословакии и столь же лицемерным обещанием оградить от агрессии другие страны Европы. Приняв все это за чистую монету, Тиля в течение 14—17 марта неоднократно посещал Форин оффис, задавая один и тот же вопрос: «Какую помощь может ожидать Румыния в случае германской или совместной венгеро-германской агрессии против нее?»

---

[58] История внешней политики СССР, ч. I, с. 325.

16 марта он заявил, что из секретных источников стало известно о намерении Германии в ближайшее время приступить к расчленению Румынии по чехословацкому образцу, с тем чтобы в конечном итоге установить протекторат над всей страной. В этой связи он просил разъяснить, может ли румынское правительство рассчитывать на поддержку Великобритании против «германской угрозы любого характера». Далее Тиля говорил, что захват Чехословакии, поставлявшей вооружение для Румынии, нанес удар по румынской обороноспособности, и поэтому для Бухареста жизненно важно незамедлительно получить заем в 10 млн. ф. ст. для покупки оружия в Англии и, возможно, в Бельгии и США. Он не скрыл, что действует «в частном порядке», но подчеркнул свою уверенность в желании румынского правительства получить ответ на поставленные им вопросы.

17 марта Тиля сообщил Галифаксу, что Берлин обещает гарантировать румынские границы, но взамен требует согласиться на германскую монополию экспорта Румынии и на ограничение ее промышленного развития в интересах рейха. Это, по-видимому, был отголосок тех посулов, которые давала гитлеровская клика, настаивая на быстрейшем заключении долгосрочного румыно-германского экономического соглашения. Но Тиля также заявил, что румынское правительство рассматривает требования Берлина как ультиматум и что оно хотело бы в этой связи выяснить английскую позицию в случае германского нападения.

В Бухаресте же были озабочены совсем другим — стремлением ускорить заключение упомянутого румыно-германского соглашения. В те самые дни, когда Тиля осаждал Форин оффис, румынскому правительству, наконец, удалось сломить сопротивление части буржуазных кругов, заверив их в «выгодности» такого соглашения. Причем Аржетояну, выступая на заседании Высшего экономического совета, председателем которого он являлся, заявил, что рейх якобы не преследует политических целей в Румынии и что гитлеровцы, вкладывая капиталы в развитие экономических связей с нею, будут заинтересованы в ее «защите» [59]. В тот же день 7 марта коронный совет принял окончательное решение, которым, как сообщал Фабрициус в Берлин, «была одобрена политика сближения с Германией, в особенности предложенное Вольтатом соглашение» [60].

Таким образом, оккупация Чехословакии гитлеровскими войсками послужила для румынской реакции еще одним аргументом в пользу переориентации на Германию. А так как к этому времени в Бухаресте в связи с запросом из Лондона стало известно о демаршах Тили, то и возник дипломатический скандал. 18 марта английский посланник Хор телеграфировал Галифаксу о своей беседе с Гафенку, который сказал ему, что «нет ни

---

[59] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8098, f. 157.
[60] DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, p. 31.

слова правды» в сообщениях о германском ультиматуме Румынии и что он удивлен всем, что было заявлено румынским посланником министерству иностранных дел Великобритании. Переговоры с Вольтатом, подчеркнул румынский министр иностранных дел, «проходят нормально и на условиях равноправия», и «в данный момент не существует угрозы политической или экономической независимости Румынии».

На следующий день Хор сообщил в Форин оффис, что Гафенку «задал сильную головомойку» Тиле, а Кароль II со своей стороны также заверил его в отсутствии какого-либо «германского ультиматума». По мнению английского посланника, Тиля «просто неумело выполнил» инструкцию своего МИД о необходимости информировать Англию о румыно-германских переговорах [61].

Германский посланник в Бухаресте Фабрициус также запросил разъяснений относительно демаршей Тили в Лондоне. В ответ Гафенку заявил, что тот действовал по собственной инициативе и получил за это строгий выговор. «Министр иностранных дел подтвердил мне,— писал Фабрициус в Берлин,— что он просил англичан не приезжать (в Бухарест.— *Н. Л.*) для обсуждения конкретных дел до тех пор, пока не завершатся германо-румынские переговоры. Он жаловался на огромное давление, оказываемое на правительство из-за границы с целью предотвратить заключение договора. Британский посланник, например, посетил его в связи со слухами о германском экономическом ультиматуме, который он опроверг. Посланник посетил его еще раз, ибо в Лондоне не поверили в опровержение. Тогда Гафенку без лишних слов отвел его к королю, который повторил ему это...» Наконец, чтобы положить конец поступавшим отовсюду слухам о германском ультиматуме, Гафенку 21 марта направил следующую телеграмму в адрес румынской миссии в Белграде: «Не было германского ультиматума» [62].

На первый взгляд кажется странным, что этот инцидент, получивший столь широкую огласку, окончился для Тили относительно благополучно. Но ничего удивительного в том нет, ибо он действительно всего лишь «перестарался», что объяснялось, по-видимому, его принадлежностью к тем кругам румынских дипломатов, которые тогда не без оснований опасались сближения с гитлеровской Германией. Что же касается давления Берлина на бухарестских правителей, оно в самом деле носило ультимативный характер. Так, еще в феврале, когда не очень быстро подвигались переговоры о заключении румыно-германского экономического соглашения в Бухаресте, вероятно не без помощи гитлеровцев, распространились слухи о возможном вступлении

[61] Documents on British Foreign Policy (далее — DBFP). 1919—1939, Third series, vol. IV. London, 1954, p. 284—285, 366, 370.
[62] Arhiva MAE, fond. 71, 1939, vol. 76 bis (tel. N 18491).

германских войск в Румынию, чтобы обеспечить рейх нефтью. Фабрициус поспешил «успокоить» румынское правительство.

Сделано это было следующим образом: «Я успокоил его,— писал он в Берлин,— заявив, что сотрудничество с нами в широких масштабах в области экономики сделает ненужной эту акцию (т. е. вторжение.— *Н. Л.*)» [63]. Сказано без всяких околичностей! Если же учесть, что это было в самый разгар споров в Бухаресте по поводу соглашения с Германией, то нетрудно догадаться об источниках сведений Тили о германском ультиматуме.

Нельзя исключить и того, что румынские правители (или по крайней мере кто-либо из них) пытались с помощью Тили выяснить позицию английского правительства в отношении готовящегося подписания румыно-германского договора. Само же румынское правительство проявляло большую заинтересованность в заключении этого договора. Хотя, как признавал Кароль II, «многое в германских предложениях было неприятно», ни он, ни его окружение не хотели упускать случая установить «дружеские» отношения с гитлеровской Германией.

Британское правительство со своей стороны поддерживало эти усилия. В то же время оно использовало демарш Тиля для провокационного маневра с целью столкнуть Советский Союз с Германией. 18 марта 1939 г. оно уведомило Советское правительство, что «имеются серьезные основания опасаться насилия над Румынией», и запросило о его позиции в случае такого развития событий. Советское правительство в ответ предложило немедленно созвать совещание представителей СССР, Великобритании, Франции, Румынии, Польши и Турции для выработки совместных мер на случай гитлеровского нападения. Выражалось также согласие на созыв этой конференции в любом месте, но одновременно высказывалось убеждение в том, что целесообразно было бы провести ее в Бухаресте: это подчеркнуло бы желание участников помешать возможному нападению германских фашистов на Румынию. Английское правительство отклонило советское предложение, ибо оно помешало бы проводить политику поощрения гитлеровской агрессии на Восток, против социалистического государства. Так же поступили румынские правители, когда Советское правительство в марте 1939 г. поставило их в известиость о своей готовности оказать помощь Румынии в случае если она подвергнется агрессии [64].

Отвергнув советское предложение, продиктованное благородными целями сохранения независимости Румынии и борьбы против распространения фашистской агрессии на юго-востоке Европы, румынские правители предпочли союзу с СССР преступный сговор с германским фашизмом.

---

[63] DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, p. 31.
[64] Arhiva MAE, fond. 71, 1939, tel. N 20722, 30 martie 1939.

23 марта 1939 г. было подписано соглашение «Об укреплении экономических отношений между румынским королевством и германским рейхом» на 5 лет — до 31 марта 1944 г. Оно должно было остаться в силе и на следующее пятилетие, если ни одна из сторон не денонсирует его за год до истечения указанного срока. В основу взаимных расчетов был положен клиринг. Соглашение обязывало Румынию разработать экономический план на 10 лет, который основывался бы на импортных потребностях Германии. Румынскому сельскому хозяйству предстояло развиваться с учетом германского спроса на продукцию земледелия и животноводства. Капиталовложения в промышленное развитие страны ограничивались рамками нефтяной, горнодобывающей и лесной отраслей, а свои потребности в машинах она должна была удовлетворять только за счет ввоза из Германии.

Все это обрекало Румынию на положение аграрно-сырьевого придатка германской военной экономики. К тому же предусматривалось создание смешанных германо-румынских акционерных обществ для разведки, добычи и переработки нефти, бокситов, медного колчедана и другого минерального сырья. Германский империализм получал, таким образом, возможность глубже проникнуть внутрь румынской экономики и контролировать ее.

Ряд статей соглашения недвусмысленно говорил о том, что Румыния втягивалась в подготовку к замышляемой гитлеровской кликой войне против СССР. Так, румынская сторона обязывалась предоставить в Галаце, Брэиле и других румынских портах на Дунае так называемые свободные зоны, которые гитлеровцы могли использовать практически в любых целях, тем самым ущемляя румынский суверенитет. Германия брала на себя поставки оборудования для военной промышленности Румынии и вооружения для ее армии, флота и авиации с целью их переоснащения по гитлеровскому образцу, а также оказание помощи в «развитии коммуникаций», что фактически было связано с будущими потребностями немецко-фашистских войск.

В секретном приложении содержались уточнения и дополнения к соглашению. Общая сумма германских военных поставок Румынии устанавливалась в размере 200—250 млн. лей. На румынское правительство возлагалось обязательство принять меры к увеличению добычи и переработки нефти для гитлеровской военной машины, поощрять деятельность германо-румынских нефтяных, а также сельскохозяйственных компаний. Германские монополии и их «эксперты» получали доступ в румынские банковские учреждения [65].

Заключением соглашения от 23 марта 1939 г. королевская диктатура сделала решающий шаг на пути к утрате национальной независимости Румынии, к экономическому и политическому закабалению страны гитлеровским рейхом.

---

[65] DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, p. 94—96.

Королевское правительство решило неукоснительно проводить в жизнь это кабальное соглашение, о чем следующим образом оповестил министр экономики Бужой 31 марта 1939 г. на заседании Высшего экономического совета: «Не будем стремиться быть ловкими, не будем стремиться быть хитрыми, а будем лояльными...» Причем эта «лояльность» в отношении гитлеровского рейха распространялась и на англо-французские реакционные круги, поскольку они своей мюнхенской политикой по существу подтолкнули румынских правителей к соглашению с Берлином и превращению страны в плацдарм для нападения фашистской Германии на Советский Союз. Позднее, в 1943 г., об этом прямо заявил Г. Татареску, отметивший в своем обзоре румынской предвоенной внешней политики, что «экономическое сотрудничество» с рейхом осуществлялось в «рамках солидарности» с западными державами [66].

Иными словами, прогерманский внешнеполитический курс румынской королевской диктатуры, определявшийся ее фашистской сущностью, совпал с линией английского и французского империализма на создание благоприятных условий для гитлеровской агрессии против СССР. Это соответствовало надеждам всех группировок румынской реакции на дальнейшее развитие международной обстановки. Оно должно было, по их мнению, привести к созданию единого антисоветского фронта империалистических держав. Различие же во взглядах сводилось к тому, кто больше выиграет от этого — гитлеровская Германия, ослабленная предполагаемой войной против могучего Советского государства, или западные державы, намеревавшиеся содействовать ей, но при этом сохранить свои основные силы и тем самым сыграть решающую роль в послевоенном мире.

И если, например, «Железная гвардия» и родственные ей группировки безоговорочно делали ставку на фашистский рейх, уверенные в его способности установить мировое господство, то значительная часть правящей верхушки страны испытывала в этом определенные сомнения. Даже те ее представители, которые издавна придерживались прогерманской позиции, исходили из неодинаковых предпосылок. Характерно различие между такими, например, деятелями, как Антонеску и Гафенку. Оба были сторонниками быстрейшего сближения с Германией. Но первый стоял на позициях, сходных с железногвардейскими. Второй же видел необходимость союза с рейхом в том, что гитлеровцы являлись главной ударной силой в борьбе против СССР и мирового революционного движения; в то же время он хотел перестраховаться на будущее, сохраняя контакты с западными державами, в первую очередь с Англией. Такой линии в сущности придерживалось и все правительство королевской диктатуры. Более того, подобную политику проводил и ряд других стран, возглавляв-

---

[66] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8098, f. 163.

шихся реакционными правительствами. Даже хортистские правители Венгрии, одними из первых принявшие непосредственное участие в реализации агрессивной программы гитлеровского рейха, вплоть до вступления в мировую войну на его стороне постоянно «консультировались» с английским правительством. Последнее же в свою очередь выражало «сочувственное» отношение к их захватническим планам, а после фашистского нападения на СССР пользовалось «услугами» будапештских дипломатов для тайных переговоров с Берлином [67].

Гитлеровцы хорошо знали об этих связях, но не мешали им, следя лишь за тем, чтобы они не выходили за рамки интересов рейха, которым такие контакты по существу соответствовали. Германский фашизм видел в них дополнительное средство нейтрализовать западные державы в связи с готовившимися им новыми актами агрессии и тем самым достичь основной стратегической цели — разгромить противников поодиночке. Вот почему и румынские правители, даже после того как они подчинили страну интересам германского фашизма, по-прежнему стремились сохранять хорошие отношения с западными державами, в первую очередь с Англией, а Берлин им в этом до поры до времени не препятствовал.

Разумеется, характер подобных румынских контактов в рассматриваемый период отличался, например, от венгерских, и это вполне понятно, если учесть, что их цели, общие по своей антисоветской направленности, во многом существенно различались. В значительной мере это было связано с румыно-венгерскими противоречиями: как Хорти, так и Кароль II, помимо всего прочего, искали на Западе дополнительной поддержки друг против друга в борьбе за Трансильванию. Для бухарестских правителей эта задача приобрела особую остроту из-за того, что Германия так и не выполнила обещания о территориальных гарантиях, которых они ожидали от нее, согласившись подписать кабальный договор от 23 марта 1939 г.

Между тем 8 дней спустя стало известно, что английское правительство предоставило такие гарантии Польше. Этот шаг британских правящих кругов был вызван резким обострением германо-польских отношений: Германия потребовала передать ей Данциг (Гданьск), а затем аннулировала договор с Польшей о ненападении.

Назревавшая германо-польская война не входила в планы британского империализма. Английское, а за ним и французское правительства, предоставив Польше гарантии, попытались изменить направление фашистской агрессии, повернуть ее против СССР. Так и поняли в Берлине этот жест. В частности, гитлеров-

---

[67] См.: *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, с. 77, 202.

ский дипломат Г. Дирксен иронически охарактеризовал его как проявление британской «политики двойного действия», имевшей целью заставить германское правительство осуществлять агрессию по согласованию с Лондоном [68].

Румынское королевское правительство пришло к такому же выводу, но в отличие от Берлина, где не собирались менять свой «график» захватов, приняло англо-французский жест всерьез. Поэтому в Бухаресте решили тоже на всякий случай обеспечить себя гарантиями западных держав, рассчитывая, что это подстегнет и германское правительство.

Поверенному в делах в Лондоне Флореску было поручено начать переговоры. На его демарш последовали заверения в том, что Англия не утратила интереса к Румынии и готова вместе с Францией дать ей гарантии при условии заключения румыно-польского союза, действительного на случай войны против Германии. Несколько разочарованный Флореску спросил, нельзя ли их распространить и на венгерскую агрессию против Румынии. Ответ гласил, что это само собой разумеется, ибо Венгрия не выступит без Германии [69].

Такая перспектива решительно противоречила намерениям румынского королевского правительства, не только не желавшего конфронтации с рейхом, но, напротив, стремившегося к союзу с ним. Уже одно это исключало возможность заключения румыно-польского договора о взаимной помощи, особенно когда отношения между Германией и Польшей обострились. К тому же и последняя, как выяснилось, не собиралась помогать Румынии в случае нападения на нее хортистов. Польский министр иностранных дел Бек категорически отказался принять соответствующее английское предложение, сославшись на наличие польско-венгерского оборонительного союза [70].

Что же касается румынской позиции по этому вопросу, то английский посланник в Бухаресте Хор получил весьма подробные разъяснения, которые он и изложил в своем донесении в Лондон следующим образом: «Румынское правительство не верит, что у Германии есть хотя бы малейшее намерение напасть на Румынию; оно не верит Польше, которая может пойти на переговоры с Германией; румынское правительство боится заключить договор о взаимной помощи с Польшей, ибо Германия, увидев в этом румынскую готовность войти в англо-французский фронт, поощрит и поддержит венгерское нападение на румын; если Германия нападет на Польшу, Румыния не сможет оказать ей серьезной помощи; результатом румынской попытки прийти на

---

[68] См.: Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. II. М., 1948, с. 205.
[69] DBFP. Third series, vol. IV, p. 576.
[70] Foreign Relations of US. Diplomatic Papers (далее — FRUS). 1939, vol. I, p. 96, 117.

помощь Польше будет, по всей вероятности, поощрение Германией венгерского нападения на Румынию». Далее Хор сообщал, что румынские правящие круги хотели бы сохранить «на ранней стадии войны» нейтралитет и что, по их мнению, Германия ничего не выиграет от него.

Таким образом, позиция румынских правителей, как им, видимо, казалось, приемлемая для Англии, на самом деле не могла удовлетворить Лондон. Было ясно, что они хотели заручиться поддержкой западных держав, не порывая с Германией. Намек же на то, что нейтралитет будет ими соблюдаться лишь на «ранней стадии войны», был весьма прозрачным: он означал, что румынские правители в случае войны между англо-французским и германо-итальянским блоками займут сторону того из них, на чьей стороне окажется перевес.

Ведя переговоры с английским правительством о гарантиях, румынские правители стремились показать, что являются сторонниками пактов о взаимной помощи против германской агрессии, но не могут-де заявить об этом во всеуслышанье. В действительности же они уже сделали выбор в пользу Германии, в чем Гафенку и заверил еще раз Фабрициуса 4 апреля, заявив, что Румыния не даст втянуть себя в политику «окружения Германии». Как писал германский посланник в донесении об этой беседе, Гафенку сказал ему, что «делает все возможное, чтобы предупредить втягивание Румынии в британскую политику окружения. По этой причине он даже послал в Лондон генерального секретаря (румынского МИД.— *Н. Л.*) Крецяну, чтобы тот более ясно изложил его взгляды, так как он не доверяет Тиле»[71].

А в это время А. Крецяну, добиваясь английских гарантий, доказывал заместителю британского министра иностранных дел Кадогану, что Румыния уже связана с англо-французской системой безопасности, ибо румыно-польский договор 1931 г. якобы действителен против агрессии со стороны любого государства, в том числе и Германии. То же самое он пытался внушать затем и Галифаксу, принявшему его 10 апреля.

В связи с тем, что румынское королевское правительство добивалось англо-французских гарантий и в отношении Трансильвании, Крецяну выразил заинтересованность в посылке Англией и Францией в Румынию самолетов с экипажами, зенитных орудий, а также дивизий через Дарданеллы. «Это слишком быстрый подход,— ответил ему Галифакс,— и было бы лучше выяснить политическую обстановку, прежде чем переходить к обсуждению военных проблем».

Такое «выяснение» тут же обнаружило, что румынское королевское правительство не только не хочет сотрудничать с СССР или связывать себя какими-либо соглашениями, направленными против гитлеровской агрессии, но и выступает против заключе-

[71] DGFP, 1918—1945, series D, vol. VI, p. 217.

ния четырехстороннего пакта между Англией, Францией, Польшей и Советским Союзом, ибо любой из этих шагов, как выразился Крецяну, «спровоцирует Германию».

Для чего же добивалось королевское правительство Румынии англо-французских гарантий?

Факты и документы убеждают, что в действительности речь шла о гарантиях без упоминания о том, против кого они направлены, вследствие чего их можно было бы толковать в антисоветском духе, а при случае и действительно придать им такой характер. Это могло, как полагало румынское правительство, не только оправдать в глазах гитлеровцев факт принятия Бухарестом англо-французских гарантий, но и в сочетании с соглашением от 23 марта окончательно убедить Берлин в прогерманской ориентации Румынии. Благодаря этому Берлин также мог бы дать Румынии свои гарантии. В результате были бы обеспечены румынские границы как на западе, так и на востоке при любом исходе противоборства между англо-французским и германо-итальянским блоками, а главное — создана еще одна предпосылка для их совместной борьбы против СССР.

Ради этого румынские правители шли на всевозможные уловки. Любопытно, что с целью ускорить получение гарантий от западных держав Кароль II, учитывая происходившие в тот период англо-франко-советские переговоры о мерах по предотвращению гитлеровской агрессии против Польши, даже пообещал британскому посланнику, что «в случае необходимости Румыния примет русскую помощь», хотя заявить об этом открыто он «пока не может». Следующий ход — так сказать, с другой стороны — сделал Гафенку. 11 апреля он пригласил к себе Хора и, сообщив ему о своем предстоящем визите в Берлин, сказал, что хочет там обсудить вопрос о предоставлении Румынии германских гарантий и что ему будет легче добиться их, если уже будут гарантии от Англии и Франции. Кстати, это подтверждает, что румынское королевское правительство не только не скрывало от западных держав, но и подчеркивало в переговорах с английскими и французскими правящими кругами свое стремление действовать в согласии как с ними, так и с гитлеровской Германией.

Есть все основания считать, что именно это обстоятельство произвело наибольшее впечатление в Лондоне.

Не следует забывать, что английское и французское правительства, вступившие в переговоры с Советским Союзом о предотвращении фашистской агрессии под давлением общественного мнения своих стран, «на самом деле никак не стремились к соглашению... Одновременно с переговорами в Москве представители Лондона вступили в секретные контакты с третьим рейхом о широком англо-германском сотрудничестве и разделе сфер влияния в мире, причем Восточная и Юго-Восточная Европа должна была войти в германскую «сферу». В этом плане многочисленные гарантии, которые стала раздавать Англия, прежде

всего Польше, представляли собой лишь средство нажима на Гитлера, чтобы заставить его быть «сговорчивее» с Лондоном»[72].

К этому нужно добавить, что такая «сговорчивость» требовалась англо-французскому империализму для того, чтобы обезопасить собственные позиции. С этой целью он стремился «переадресовать» агрессию германского фашизма, заставить его напасть не на слабого противника — Польшу, а на СССР, поскольку рассчитывал, что германо-советская война, независимо от ее исхода, истощит силы обеих ее участников.

Таким образом, английское и французское правительства были и сами заинтересованы в предоставлении Румынии гарантий без указания о том, против кого они направлены. Это соответствовало самой сути британского нажима на Гитлера. Вот почему тот факт, что Гафенку намеревался использовать англо-французские гарантии в ходе своих переговоров в Берлине, как нельзя более устраивал западные державы. И он, как и рассчитывал румынский министр иностранных дел, сыграл роль ускорителя в принятии ими решения, желательного для Кароля II и его правительства.

Буквально через два дня, 13 апреля, английское правительство, отказавшись от всех предварительных условий, предоставило Румынии, а также Греции свои гарантии. Правда, они не вполне соответствовали ожиданиям Бухареста. Дело в том, что Чемберлен, выступая в парламенте, сформулировал эти гарантии так: английское правительство окажет немедленно «всяческую зависящую от него помощь» Румынии и Греции, если какие-либо действия будут угрожать их независимости и если правительства этих двух стран «сочтут для себя жизненно важным оказать сопротивление своими национальными силами». Такое же заявление сделал в тот день и Даладье. Это были гарантии независимости, но не территориальной целостности, отражавшие стремление Лондона достичь своих целей в отношении Румынии и в то же время не оттолкнуть от себя окончательно Венгрию.

Основной же смысл гарантий, как и хотело румынское королевское правительство, состоял в отсутствии какого бы то ни было упоминания о том, что они направлены против гитлеровской агрессии. Это позволило Калинеску и Гафенку уже 14 апреля вновь заверить германского посланника, что «Румыния не присоединится к британской политике окружения Германии». Что же касается отсутствия в формуле упоминания о территориальной целостности, то румынские правящие круги сочли за лучшее «не замечать» этого и даже подчеркивать, что гарантии распространяются на «все границы Румынии». Более того, в написанном позднее бывшим премьер-министром Г. Татареску обзоре «Наша политика» особо отмечалось, что англо-французские гарантии были сформулированы так, что оказывались для румын-

[72] *Проэктор Д. М.* Агрессия и катастрофа. М., 1972, с 62.

ского правительства действительными и на случай войны против СССР. От самой Румынии, писал он, зависело, что именно считать «жизненно важным» для себя и прибегнуть ли к использованию своих «национальных сил», т. е. создать условия для осуществления англо-французских гарантий. Небезынтересно, что и Галифакс подтвердил такую трактовку, заявив в июне 1939 г.: «Гарантии, данные нами Румынии, применимы в настоящее время на случай нападения с любой стороны»[73].

В то же время в Бухаресте довольно скоро убедились, что англо-французские гарантии равным счетом ничего не дают Румынии. И прежде всего обнаружилось, что они не действуют против хортистских притязаний на Трансильванию. Британские дипломаты, руководствовавшиеся желанием сохранить хотя бы остатки своего влияния на хортистское правительство и сдержать его стремление к окончательному переходу в германо-итальянский лагерь, продолжали настойчиво советовать румынским правителям пойти на уступку в трансильванском вопросе. Одновременно они, как явствует из документов хортистского МИД, «дали понять венгерскому посланнику в Лондоне Барце, что британские гарантии Румынии касаются лишь ее национальной независимости, но не территориальной целостности»[74].

Не оправдывались и надежды на получение германских гарантий, так как гитлеровцы не собирались выполнять обещание, которое они неоднократно давали, подтвердив его в период переговоров о заключении соглашения от 23 марта. Ныне, когда Румыния связала себя этим кабальным договором, в Берлине вообще уже не считали нужным вспоминать о своих посулах Бухаресту.

Напротив, теперь заманчивые предложения делались Будапешту. В апреле Гитлер в разговоре со своими приближенными выразил уверенность, что в готовившемся нападении на Польшу «наверняка... Венгрия в качестве союзника будет на стороне Германии», а хортистскому посланнику Стояи он сказал, что его правительство может рассчитывать на удовлетворение своих территориальных требований, если оно безоговорочно выполнит пожелания рейха[75]. Тогда же итальянский министр иностранных дел Чиано, а вслед за ним и Муссолини в ходе переговоров с венгерскими правителями порекомендовали им принять участие в намеченном на ближайшее будущее захвате и расчленении Югославии, пообещав за это «не поддерживать Румынию против Венгрии» в трансильванском вопросе[76].

В Бухаресте могли и не знать об этих обещаниях, но в целом была общеизвестна поддержка странами «оси» захватнических

---

[73] DBFP. Third series, vol. VI, 1954, p. 127.
[74] См.: *Пушкаш А. И.* Указ. соч., с. 88—89.
[75] См.: Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962, с. 170—171.
[76] См.: *Пушкаш А. И.* Указ. соч., с. 89.

устремлений хортистов. Возражая против английских рекомендаций по поводу уступок в трансильванском вопросе, Гафенку подчеркивал в беседе с английским поверенным в делах, что хортисты в отличие от румынского королевского правительства окончательно перешли в гитлеровский лагерь. «Венгрия,—говорил он,— стратегически уже является частью германского рейха». А Калинеску даже пригрозил британскому дипломатическому представителю, что и Румыния пойдет на «полную переориентацию политики», т. е. последует примеру Венгрии, если Англия будет оказывать поддержку венгерским требованиям.

Однако больше всего тревожил Гафенку тот факт, что принятие Румынией англо-французских гарантий, вопреки ожиданиям, не только не ускорило предоставление их также Германией, но, напротив, усилило недоверие гитлеровцев к политике румынского королевского правительства. Фабрициус, например, счел возможным даже сделать нечто вроде выговора румынскому министру иностранных дел. Явившись к нему, он заявил, что принятие гарантий западных держав произвело неблагоприятное впечатление в Берлине. И угрожающе добавил: «Румыния должна понять, что мы не можем бесстрастно смотреть на то, как Британия все больше опутывает гарантированные страны сетями окружения (Германии.— *Н. Л.*), и что мы также вынуждены определить нашу позицию».

Ошеломленный Гафенку с горечью воскликнул: «Разве мы, король и правительство, делая все для сближения с Германией, заказывая оружие в Германии и держа страну открытой экономически для Германии, заслуживаем этого?» Оправдываясь, министр подчеркнул, что румыно-германский экономический договор значит больше, чем «все другое», ибо он поставил Румынию в зависимость от рейха. Фабрициус и сам это хорошо знал. Потому-то он и разговаривал теперь в повышенном тоне с Гафенку. Беседа закончилась тем, что германский посланник отклонил очередную просьбу относительно гарантий рейха, квалифицировав ее как несвоевременную[77].

Таким образом, претензии гитлеровцев к румынскому королевскому правительству состояли в том, что оно якобы вело двойственную политику. Кстати, подобная оценка внешнеполитического курса Кароля II и его окружения в рассматриваемый период является весьма распространенной и во многих исследованиях, посвященных предвоенной истории Румынии. Однако факты и документы говорят об очевидном стремлении румынских правителей к союзу с гитлеровской Германией. Если по-прежнему поддерживались связи с западными державами и давались заверения в «солидарности» с ними, то объяснялось это отчасти все еще значительной зависимостью страны от англо-французского капитала и связанной с ней необходимостью как-то

[77] DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, p. 868—870.

маскировать внешнеполитическую переориентацию на фашистский рейх, а главным образом тем, что такая переориентация имела не антифранцузскую или антианглийскую, а исключительно антисоветскую основу.

Это полностью подтверждает позиция румынских правящих кругов в связи с англо-франко-советскими переговорами в 1939 г.

Даже довольно тесные контакты с Лондоном и Парижем во время этих переговоров осуществлялись Бухарестом в интересах гитлеровской Германии, поскольку они помогли Англии и Франции сорвать заключение направленного против фашистской агрессии договора о взаимной помощи с СССР. Британское и французское правительства благодаря этому получили возможность ссылаться на нежелание как Польши, так и Румынии участвовать в системе коллективной безопасности вместе с Советским Союзом. Как свидетельствовал впоследствии Гафенку, правительство Великобритании «было счастливо выдвинуть на первый план возражения Польши и Румынии, чтобы ограничить те обязательства, которые мог взять на себя Советский Союз»[78].

Уже 20 апреля румынский посланник в Москве Диану заявил английскому послу в СССР, что не следует ожидать согласия румынского правительства на военное сотрудничество с Советским Союзом. Такое же заявление сделал в Лондоне во время своего визита в Англию румынский министр иностранных дел Гафенку. В телеграмме, посланной им в Бухарест 25 апреля, сообщая об «интересных переговорах» со всеми ведущими членами английского правительства и представителями оппозиции, а также с американским послом в Великобритании, он писал: «Я изложил нашу точку зрения, что мы не хотим быть втянутыми в систему всеобщей помощи, которая опиралась бы на Россию. Участие России в гарантиях, которые нам даны (Англией и Францией.— *Н. Л.*)... не усилило бы наши позиции, скомпрометировало бы наши отношения с Германией». Далее он с сожалением отметил, что не может помешать западным державам в их стремлении подстраховаться переговорами с СССР, а в заключение подчеркнул: «Мы хотим оставаться вне любой системы, организуемой с участием России, и мы останемся довольны, если наше имя не будет произнесено по случаю возможной франко-советской декларации»[79].

Англо-французская дипломатия делала вид, что пытается убедить румынское правительство изменить свою позицию, но на деле и сама была заинтересована в сохранении последней, так как не желала успеха переговоров в Москве. Поэтому она выдвигала перед Бухарестом такие предложения, которые заведомо являлись неприемлемыми для него. Так, 30 апреля Хор ознакомил Калинеску с предложениями Галифакса. Румынскому ко-

---

[78] *Cafencu G.* Derniers jours de l'Europe. Paris, 1939, p. 165—166.
[79] «Studii», 1960, N 4, p. 62.

ролевскому правительству рекомендовалось исходить из того, чтобы: «во-первых, не лишиться советской помощи в случае конфликта; во-вторых, не подвергать опасности общий фронт на Востоке по причине обостренной восприимчивости Польши и Румынии; в-третьих, не играть на руку Германии поощрением антикоминтерновской деятельности, чтобы не потерять симпатии всего мира; в-четвертых, не провоцировать Германию на насильственные действия». Калинеску отклонил предложение, заявив, что принятие советской помощи было бы расценено Германией как враждебный акт. 22 мая Гафенку в телеграмме румынской миссии в Лондоне следующим образом изложил позицию королевского правительства в отношении англо-франко-советских переговоров: «Переговоры с Советской Россией ведутся независимо от помощи, гарантированной Румынии (Англией и Францией.— *Н. Л.*)... Поэтому румынское правительство не может взять на себя ответственность формулировать какое-либо предложение». А 1 июня по его поручению румынский посланник Тиля посетил английский МИД и напомнил, что «румынское правительство с самого начала просило, чтобы ни в каком англо-русском соглашении Румыния не упоминалась». Далее он выразил пожелание, чтобы «прибывающему сегодня в Лондон Титулеску не давали возможности высказаться в английской прессе в пользу румыно-советского сотрудничества» [80].

Показательны также усилия румынского королевского правительства, направленные на срыв участия других стран Балканской Антанты в системе коллективной безопасности. Здесь особенно четко проявилась прогерманская позиция бухарестских правителей, направленная не только против СССР, но и против политики Англии и Франции. Речь идет о Турции. Если британские гарантии Польше рассматривались в Лондоне и Париже как средство нажима на гитлеровскую Германию с целью направить ее агрессию против СССР, то на Балканах такая же роль отводилась гарантиям, предоставленным Румынии, и существовавшему англо-турецкому договору. Причем действие последнего предполагалось распространить на Балканы в целом, для чего и велись соответствующие переговоры. Вся эта политика вместе с англо-французской системой союзов в Западной Европе сводилась к тому, чтобы оставить для гитлеровской агрессии лишь один путь — через оккупированную Чехословакию на восток, против Советского Союза.

Конечно, если бы румынские правители были посвящены в сокровенные тайны англо-французской дипломатии, они не стали бы мешать ее антисоветским планам. Кроме того, в Бухаресте

---

[80] DBFP. Third series, vol. V, p. 747. Н. Титулеску, покинувший Румынию еще в дни прихода к власти фашистской национал-христианской партии Гоги — Кузы, продолжал за границей выступать за заключение румыно-советского пакта о взаимной помощи.

больше прислушивались к голосу Берлина. Между тем гитлеровская клика, учитывая мощь социалистического государства, предпочитала до нападения на него захватить или подчинить себе граничившие с ним малые страны и разгромить своих западных противников, а потому и направляла тогда главные усилия на то, чтобы разъединить их. Этим и руководствовалось румынское королевское правительство, воспротивившись в свое время оказанию советской помощи Чехословакии, а теперь отклонив английское предложение о заключении румыно-польского соглашения на случай агрессии Германии.

Продолжая завоевывать доверие гитлеровской клики, оно воспротивилось и распространению действия англо-турецкого договора на балканские страны. Гафенку специально отправился в Анкару, чтобы уговорить правительство Турции не соглашаться на такой шаг. И был счастлив, когда узнал, что к этому его вояжу в Берлине отнеслись с большим одобрением. Действительно, в циркуляре от 24 июня, который германское министерство иностранных дел разослало заграничным дипломатическим представительствам, с удовлетворением отмечалось, что Гафенку во время визита в Анкару добивался отказа Турции «служить системе безопасности западных великих держав»[81].

Английское же правительство, естественно, было возмущено этими действиями Гафенку. Галифакс телеграфировал Хору: «Если действительно румынское правительство сделало представление турецкому правительству, требуя от него, чтобы англо-турецкий договор... не распространялся на Балканы, нам следует сделать представление румынскому правительству, сказав, что мы удивлены и крайне обескуражены таким шагом... Вы должны подчеркнуть, что договор между Великобританией и Турцией является существенной частью общего соглашения для защиты Румынии против агрессора и что поэтому ей не следует исключать себя из него, а нужно проявить твердость, встретив недовольство «оси» в этой связи»[82].

Характер данной инструкции свидетельствовал о том, что английское правительство все еще не имело представления о действительной позиции румынских правителей в отношении Германии. Оно полагалось на их заверения в солидарности и, конечно, глубоко заблуждалось, ибо эта «солидарность» по существу все больше относилась к гитлеровской Германии.

Даже 13 июня, уже после демарша Хора по поводу действий Гафенку в Анкаре, находившаяся там румынская миссия получила из Бухареста инструкцию, в которой предлагалось вновь поставить турецкое правительство в известность о том, что Румыния не желает никаких соглашений, которые противоречили бы ее политике. То был уже прямой отказ принять предложение

---

[81] DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, p. 780.
[82] DBFP. Third series, vol. V, p. 701, 723.

Лондона о предоставлении румынскому правительству турецких гарантий, связанных с англо-турецким договором, хотя Гафенку несколькими днями ранее уверял Хора, что «горячо одобряет этот договор»[83].

Таким образом, на первом этапе англо-франко-советских переговоров, когда вырабатывались основы и формулы политического сотрудничества антифашистских государств для отражения гитлеровской агрессии, румынское королевское правительство, не желая компрометировать себя перед Берлином не только сближением с СССР, но и тесными связями с Англией и Францией, отказалось от единого фронта с ними. Тем самым оно по существу стало пособником в захватнических планах фашистской Германии.

Такую же линию проводила румынская правящая верхушка и в период переговоров военных миссий СССР, Англии и Франции в августе 1939 г.

Главным в то время был вопрос о проходе советских войск через территорию Польши и Румынии для ведения совместных операций вооруженных сил договаривающихся сторон против общего врага. Без такого решения Советский Союз, не имея общей границы с Германией, был лишен возможности прийти на помощь Англии и Франции. Но уже ход переговоров показал, что военные планы западных держав исключали сотрудничество советских Вооруженных Сил с польскими и румынскими для отпора гитлеровской агрессии.

В ст. 16-й инструкции английского правительства своей военной миссии в Москве говорилось: «Если русские потребуют, чтобы французское и британское правительства сделали Польше, Румынии и прибалтийским государствам предложения, которые повлекли бы за собой сотрудничество с Советским Союзом или его Генеральным штабом,— миссия не должна брать на себя таких обязательств». Кроме того, предлагалось установить, что в случае германского нападения на эти страны Красная Армия могла прийти к ним на помощь, только если они сами «попросят» об этом. Это заранее обрекало Польшу и Румынию либо на полное подчинение Германии, либо на их прямой захват гитлеровцами; и то и другое лишало союзные страны дополнительных ресурсов для борьбы с фашистской агрессией.

Реальность такого хода событий признал и английский делегат адмирал Дракс, подтвердивший, что если Польша и Румыния не попросят советской помощи, то они быстро станут «провинциями агрессивной Германии». В ответ на это глава советской военной миссии на переговорах К. Е. Ворошилов сказал, что подобный исход совсем не в интересах Англии, Франции и Советского Союза[84].

---

[83] Ibid., p. 723.
[84] См.: «Международная жизнь», 1959, № 2, с. 154—156.

Тем не менее английские и французские правящие круги даже не попытались, как предлагала советская сторона, использовать свое влияние и разносторонние связи, в том числе военно-политические, с Польшей и Румынией для получения разрешения на проход советских войск через румынскую и польскую территории в случае необходимости. Объяснение тому, как известно,— незаинтересованность англо-французских империалистов в военном союзе с СССР, их стремление использовать переговоры с ним лишь в целях своей политики нажима на гитлеровскую Германию, с тем чтобы направить все ее агрессивные замыслы в русло антисоветской войны.

Срыву англо-советских переговоров активно способствовали польские и румынские правители, хотя исходили они из различных соображений. Если в Варшаве полагали, что гитлеровцы, учитывая англо-французские гарантии Польше, не решатся ее атаковать, то в Бухаресте по-прежнему были убеждены в отсутствии у Германии «малейшего намерения напасть на Румынию» и действовали исключительно в соответствии со своими планами завоевать доверие рейха. Это определяло и их позицию в отношении военного сотрудничества с Советским Союзом. Уже сам факт англо-франко-советских переговоров настолько раздражал румынское королевское правительство, что его дипломатический представитель в Лондоне открыто выразил недовольство по этому поводу. Он заявил в беседе с Галифаксом, что, по его мнению, западные державы «слишком ухаживают за русскими». А Кароль II в беседе с турецким президентом Исметом Иненю сказал, что не желает иметь никакого дела с СССР. Касаясь угрозы хортистского вторжения в Трансильванию, он подчеркнул, что не допустит советские войска на территорию своей страны, «даже если они пойдут на помощь сражающейся румынской армии»[85].

Правда, в Лондоне и Париже отнюдь не были заинтересованы в предоставлении советским войскам права прохода через территории соседних стран. Вследствие этого английские и французские правящие круги и не подумали пустить в ход имевшиеся в их распоряжении серьезные экономические и политические средства давления на Румынию и Польшу. Лишь правительство Франции, да и то по прямому требованию советской военной миссии, уже в последние дни переговоров дважды ставило перед своим польским союзником вопрос о пропуске советских войск, однако и это был лишь маневр. Дело в том, что английское правительство одновременно действовало в противоположном направлении, подогревая антисоветские настроения правителей панской Польши. В результате, как и следовало ожидать, польское правительство отклоняло французские представления

---

[85] DBFP. Third series, vol. VI, p. 674.

и «встречало при этом полную поддержку со стороны британского кабинета»[86].

Но в Бухаресте явно не были известны все тонкости этой «игры» англо-французской дипломатии. Даже Гафенку, находившийся тогда в Париже, не имел точной информации о происходивших событиях. Сведения же, полученные им из Бухареста от Г. Татареску, показывают, что и там толком ничего не знали. Татареску сообщал: «Для очистки совести правительства Лондона и Парижа решили предпринять демарш перед нашим правительством и правительством Польши. Знаю, что такой демарш был сделан в субботу в Варшаве и встретил категорический отказ министра Бека»[87].

Итак, румынское правительство, во-первых, считало, что Париж и Лондон ставили перед Польшей вопрос о пропуске советских войск и, во-вторых, само ожидало такого же англо-французского демарша. И в том, и в другом оно ошибалось. Роль английского правительства в переговорах с польскими руководителями была совсем иной. Что же касается Румынии, то запрашивать ее по этому вопросу Чемберлен и Даладье вообще сочли излишним. В британских и французских правительственных кругах не без оснований полагали, что если уж Польша, которой непосредственно угрожала германская агрессия, отказывается от советской помощи, то румынское правительство, развивающее и углубляющее сотрудничество с рейхом, тем более даст отрицательный ответ.

В том же сообщении Татареску, которое получил в Париже Гафенку, подчеркивалось, что и в случае англо-французского демарша предложение СССР о пропуске советских войск через территорию Румынии будет отвергнуто в соответствии с «постоянными директивами по этому вопросу»[88].

Приведенные факты и документы разоблачают позднейшие утверждения Гафенку о том, что румынское королевское правительство якобы было непричастно к срыву англо-франко-советских переговоров, проходивших весной и летом 1939 г. Более того, из сказанного явствует, что если на позицию польского правительства в связи с названными переговорами определенное влияние оказала британская дипломатия, то для румынских правящих кругов и этого не потребовалось, так как они целиком по собственной инициативе заранее отвергли всякую мысль о совместных с СССР действиях по предотвращению агрессии.

Это и неудивительно, ибо только такую линию и могло избрать правительство королевской диктатуры — как в силу своей фашистской сущности, так и вследствие стремления к прогитлеровской ориентации во внутренней и внешней политике.

---

[86] История внешней политики СССР, ч. I, с. 341.
[87] «Studii», 1960, N 4, p. 69.
[88] Ibidem.

Прослеживая внешнеполитический курс королевской диктатуры за первые полтора года ее существования (февраль 1938 г.— август 1939 г.), нетрудно увидеть происшедшие в нем коренные изменения. Если вначале сохранялась двойственность с характерным для предшествующих буржуазных правительств страны преобладанием прозападных тенденций, то к концу этого периода последние оттесняются на второй план. На первом же оказалась все более усиливавшаяся зависимость Румынии от гитлеровской Германии, являвшаяся, однако, не следствием неких объективных причин, а прямым результатом политики правительства королевской диктатуры, ставшего на гибельный для страны путь.

Единственной в Румынии политической партией, уже тогда указавшей на опасность подобного курса, была КПР. С самого начала установления королевской диктатуры коммунисты призывали к ее свержению, предупреждая, что она представляет собою прямую угрозу национальной независимости страны.

Когда гитлеровская Германия захватила Австрию, компартия выступила с разоблачением прогерманской позиции румынского правительства и призвала народные массы бороться против новых актов капитуляции перед фашистской агрессией. «Тот факт,— говорилось в заявлении КПР, распространенном в апреле 1938 г.,— что правительство королевской диктатуры не находит ни слова протеста против оккупации Австрии, до сих пор не заявляет о своем намерении быть вместе с Францией и СССР, чтобы защищать союзницу Румынии — Чехословакию в случае нападения Гитлера, показывает, что это правительство готовит сдачу Румынии Гитлеру»[89].

Требуя защищать от германской агрессии союзницу Румынии по Малой Антанте — Чехословакию, компартия в связи с этим решительно выступала за пропуск советских войск через румынскую территорию. Она также считала необходимым объединение всех балканских стран для организации военного и политического сотрудничества с СССР в целях обеспечения коллективной безопасности. КПР указывала, что для осуществления внешней политики, соответствовавшей интересам независимости страны, и для борьбы против фашистской агрессии необходимо прежде всего свергнуть королевскую диктатуру и передать власть демократическому правительству.

После оккупации всей Чехословакии гитлеровскими войсками, когда усилилась опасность расчленения и захвата Румынии фашистской Германией и хортистской Венгрией, компартия обратилась к населению страны с новым призывом к борьбе против капитулянтской политики правящей верхушки во главе с Каролем II. «Поднимайтесь на борьбу, чтобы помешать любой попыт-

---

[89] См.: *Язькова А. А.* Указ. соч., с. 247.

ке капитуляции! — говорилось в заявлении КПР, опубликованном в марте 1939 г.— Арестуйте всех агентов Гитлера в нашей страие. Удалите из правительства, армии и государственного аппарата всех фашистов и капитулянтов. Чешский народ вырыл траншеи и возвел могучие укрепления, он был готов защищать свою свободу и жизнь. Но его предали правительство и реакционная буржуазия. Румынский народ и национальные меньшинства! Будьте на страже, чтобы вас не постигла судьба народов Австрии и Чехословакии»[90].

Румынские коммунисты, выступая руководящей силой в борьбе за защиту родины, были готовы сотрудничать в рамках патриотического фронта со всеми политическими и общественными силами, способными выступить против любой капитуляции перед гитлеровской Германией. «Объединяйтесь все вместе в единый фронт борьбы против Гитлера и его союзников-ревизионистов! — призывала компартия.— Заставьте правительство объединиться с теми внешними силами, которые преисполнены решимости бороться против фашистских агрессоров и использовать выгоды соседства с великим Советским Союзом, всегда изъявлявшим готовность защищать страны от угрозы фашистского нашествия».

Разоблачая намерения королевской диктатуры заключить кабальный экономический договор, КПР призывала народные массы сорвать его подписание. Когда же правящая верхушка все-таки совершила этот предательский акт, компартия в обращении к населению страны заявила, что договор от 23 марта 1939 г. обеспечивает гитлеровцам возможность не только экономически подчинить себе Румынию, но и втянуть ее в готовящуюся антисоветскую войну. «Нынешнее правительство капитулировало перед смертельным врагом страны,— говорилось далее в обращении.— Богатства государства используются фашистскими захватчиками в целях производства пушек и бомб, предназначенных для убийства наших солдат, наших женщин и детей, для захвата Румынии»[91].

В июне 1939 г. расширенный пленум ЦК КПР определил позицию партии и ее задачи в условиях надвигающейся военной опасности. Он подчеркнул, что для румынского народа единственно справедливой войной является защита независимости и границ родины от фашистской агрессии. В решениях пленума указывалось, что КПР должна сосредоточить все свои силы на немедленном создании Единого рабочего фронта и Народного антифашистского фронта для ведения борьбы против гитлеровской агентуры, королевской диктатуры и фашистской агрессии, за создание демократического правительства национального спасения.

---

[90] Documente din istoria partidului comunist din Romînia 1917—1944. Bucureşti, 1951, p. 319.
[91] Ibidem.

Призывы компартии находили поддержку у широких масс трудящихся. Несмотря на репрессии властей, в Бухаресте, Клуже, Ораде и других городах состоялись собрания и митинги, на которых рабочие гневно протестовали против договора 23 марта 1939 г. Под коммунистическими лозунгами прошли в том же году первомайские демонстрации и митинги. Их участники решительно высказались против фашизма и королевской диктатуры, за восстановление демократических прав и свобод, за национальное равноправие, за мир и лучшую жизнь. Более 20 тыс. рабочих, служащих, ремесленников и интеллигенции прошли в тот день по улицам Бухареста под лозунгами: «Долой королевскую диктатуру!», «Долой фашизм!», «Требуем разрыва германо-румынского экономического пакта, являющегося предательством страны!», «Требуем ареста фашистов!», «Амнистию заключенным антифашистам!», «Даешь патриотический фронт!», «За свободную и независимую Румынию!», «Да здравствует Советский Союз!».

Компартия Румынии, как указывается в ее документах, в рассматриваемый период допустила ряд ошибок в своей деятельности по мобилизации румынского народа на борьбу против королевской диктатуры. Правильно оценив последнюю как диктатуру фашистского типа, КПР, однако, проявила непоследовательность: в начале 1939 г. охарактеризовала «Фронт национального освобождения» как «массовую партию» и выдвинула в этой связи лозунг «концентрации демократических сил внутри и вне ФНВ». Этот лозунг был ошибочным, ибо призывал демократические силы участвовать во «Фронте национального возрождения», имевшем цель обеспечить массовую базу королевской диктатуре. Также неправильным было указание партийным организациям участвовать в «парламентских выборах» в июне 1939 г., инсценированных Каролем II и его правительством для создания видимости демократического режима в стране.

Компартия и в этот период недооценивала опасность со стороны «Железной гвардии» и не направила против нее антифашистскую борьбу румынского народа. А несколько позднее, исправляя эти ошибки, КПР допустила просчеты противоположного, сектантского толка. В частности, добившись значительного влияния в корпорациях, охватывавших массы рабочих, служащих, ремесленников и другие слои трудящихся, она дала коммунистам указание выйти из этих профессиональных объединений на том основании, что они были созданы реакционным правительством.

Хотя компартия последовательно устраняла эти ошибки, все же они затормозили на время организацию более широкой борьбы против фашизма. Ее развертыванию препятствовали также предательская линия правосоциалистических лидеров и двоедушие руководства «исторических» партий. Что касается «старых либералов» во главе с Д. Брэтиану и национал-царанистских

деятелей Ю. Маниу, И. Михалаке и других, то они фактически оказывали поддержку монархо-фашистскому режиму, призывая демократические силы воздерживаться от борьбы с ним и уверяя их в том, что он падет «сам собой».

Королевская диктатура, действительно, оказалась недолговечной. Но ее падение произошло совсем не так, как это изображали лидеры «исторических» партий. Причем они сами способствовали и тому, что ей удалось еще многое сделать для дальнейшей фашизации страны и ее втягивания в опасный союз с гитлеровской Германией, и тому, что королевскую диктатуру сменил еще более кровавый военно-фашистский режим, толкнувший Румынию в пучину войны на стороне держав «оси».

Глава четвертая

МОНАРХО-ФАШИСТСКАЯ ПОЛИТИКА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ СТРАНЫ

Первого сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу. Спустя два дня Англия и Франция объявили войну Германии. Началась вторая мировая война.

Нападение гитлеровской Германии на Польшу застало румынское правительство связанным определенными обязательствами перед западными странами. Фактически оно отказалось их выполнить. Это относилось не только к ранее данному Бухарестом согласию на транзит английских военных материалов в Польшу, а также предоставление баз для них и для сборки самолетов, которые предполагалось посылать морским путем в Констанцу и Галац. По германским сведениям, было отвергнуто также предложение о высадке англо-французских войск для прохода на польскую территорию и, по-видимому, для совместных с румынскими вооруженными силами действий в случае возможной германо-венгерской агрессии против Румынии[1].

Правящая верхушка Румынии пыталась объяснить свои действия желанием сохранить нейтралитет, чтобы избежать «осложнения отношений с соседними странами». Но кого она при этом имела в виду? Конечно, не своего польского союзника, испытывавшего крайнюю нужду в помощи против захватчиков. И тем более не Советский Союз, который в течение длительного времени выступал за организацию коллективного отпора агрессии. Следовательно, речь шла в основном о хортистской Венгрии, а вернее, о стоявшей за ней гитлеровской Германии. Именно с фашистским рейхом не хотели румынские правители «осложнять отношения». Иначе говоря, их «нейтралитет» был выгоден только агрессору.

Официальное объявление Румынией в первые же дни войны нейтралитета было явной уступкой гитлеровцам, за которой последовало принятие требований Германии о прекращении всякого транзита военных материалов для Польши и об интернировании всех польских военнослужащих, перешедших на территорию Румынии. Правительство Румынии удовлетворило также

---

[1] DGFP. 1918—1945, series D, vol. VIII, p. 5; *Flandin P. E.* Politique française 1919—1940. Paris, 1946, p. 317.

требование Германии об интернировании членов польского правительства и руководителей вооруженных сил Польши. Берлин приветствовал это «ясное проявление румынского нейтралитета» и ответил согласием на предложение Калинеску относительно обмена трофейного оружия на румынские нефтепродукты и зерно [2].

Для Берлина исключительно важное значение имела румынская нефть. Насколько зависел от ее поставок гитлеровский вермахт, видно из того, что германское правительство в связи с подготовкой нападения на Польшу потребовало летом 1939 г. значительного их увеличения и тщательно следило за выполнением графика отправки нефтепродуктов. Малейшая задержка в этом деле, предупреждали берлинские представители, разговаривавшие теперь с румынскими правителями хозяйским тоном, «может создать впечатление, что Румыния дает задний ход еще до того, как разразился конфликт». Гафенку подобострастно отвечал, что «все будет сделано». В свою очередь Кароль II в беседе с германским военным атташе заверил его, что сам будет следить за отправкой нефтепродуктов в Германию. В результате, как с удовлетворением сообщал Фабрициус 1 сентября своему правительству, только за июль и август Румыния дополнительно поставила рейху нефти на 8 млн. марок. Усилилась и отправка горючего в Италию. Дипломаты стран «оси» в связи с этим даже подшучивали над своими военными коллегами, заявляя, что Румыния завоевана без единого выстрела. Итальянский посол в Берлине, например, говорил: «Зачем нам брать румынскую нефть путем оккупации страны с огромной затратой сил и средств, когда мы можем иметь ее почти с доставкой на дом и без затруднений — по обычным торговым каналам» [3].

Еще 27 августа, за несколько дней до нападения гитлеровцев на Польшу, Гафенку заявил германскому посланнику, что Румыния будет снабжать Германию нефтью, сырьем и сельскохозяйственными продуктами и в период ее «военного конфликта» с Польшей, «даже если Англия и Франция вмешаются в него» Следовательно, румынское королевское правительство добровольно обязалось содействовать войне против своего союзника — Польши и против собственных гарантов — Англии и Франции.

Это дает основание считать, что уже тогда, до начала второй мировой войны, в условиях быстро надвигавшейся вооруженной схватки между двумя враждебными группировками империалистических государств, румынские правители выбрали место в одном строю с гитлеровской Германией. Они, конечно, не объявили о том во всеуслышание, но так действовали тогда почти все другие будущие союзники фашистского рейха, в том

---

[2] См.: История Румынии. 1918—1970. М., 1971, с. 253.
[3] I Documenti diplomatici italiani, serie 9, vol. I, Roma, 1947, p. 28.

числе участница расчленения Чехословакии хортистская Венгрия и маннергеймовская Финляндия. Подобная «стеснительность», вынуждавшая их способствовать осуществлению гитлеровской программы под прикрытием «собственных национальных целей», объяснялась тем, что в рассматриваемое время, когда фашистский сапог еще не придавил почти всю Европу, они опасались скомпрометировать себя в глазах мировой общественности открытым переходом на сторону агрессора и в особенности страшились гнева своих народов. Зато в их конфиденциальных беседах с официальными представителями Берлина не было недостатка в заверениях в преданности, которую они подтверждали и делами.

В таких условиях просьба французского правительства объявить о нейтралитете Румынии не могла встретить положительного отклика. Румынский премьер-министр Калинеску ответил, что «это невозможно, поскольку Румыния не находится в положении таких стран, как Швеция, Дания и Голландия». Противопоставляя свою страну этим традиционно нейтральным государствам, королевское правительство как бы подчеркивало, что не намерено связывать себя нейтралитетом.

Однако совсем иначе отнеслось оно к германскому демаршу по этому же вопросу, который последовал уже после того как Англия и Франция в ответ на вторжение гитлеровских войск в Польшу объявили войну Германии.

В Берлине хорошо понимали, что нейтралитет Румынии еще крепче привяжет ее к рейху. И вот уже 4 сентября в Бухаресте было опубликовано коммюнике, в котором заявлялось, что Румыния намерена «сохранять и впредь мирную позицию, которую она соблюдала до сих пор, добиваясь согласия со всеми соседними странами».

Лицемерие этого заявления, никак не соответствовавшего действительной политике румынского королевского правительства, в особенности в отношении СССР, возможно, не обеспокоила бы гитлеровцев, если бы в числе «соседних стран» не было Польши, против которой они уже вели захватническую войну. Кроме того, им требовалась не «мирная позиция» Румынии, поскольку даже такая терминология претила фашистским вкусам, а более подходящее для них провозглашение нейтралитета, т. е. открытое признание незаинтересованности румынского королевского правительства в создании каких-либо помех гитлеровской агрессии.

Внешнеполитической основой, предопределившей такую позицию румынской правящей верхушки, был ее воинствующий антисоветизм. Он собственно и обусловил сделанный ею выбор.

Факты свидетельствуют, что отказ Кароля II и его правительства от сотрудничества с СССР лишил Румынию реальной возможности защитить свою собственную территорию от хортистских посягательств, которые поощряли, исходя из собственных

интересов, не только германский и итальянский фашизм, но и английский империализм.

Перед лицом этой угрозы румынское королевское правительство годами искало поддержки не у Советского Союза, что позволило бы обеспечить эффективный отпор агрессии, а у гитлеровской Германии и одновременно у западных держав, т. е. как раз у тех, для кого Румыния была лишь разменной монетой в их опасной игре судьбами народов. Когда же настала пора выбирать между англо-французским блоком и гитлеровской Германией, Кароль II и его правительство решили этот вопрос в пользу последней.

Гафенку еще в конце августа 1939 г. счел нужным напомнить Фабрициусу, что румынское королевское правительство «ничего не делало для улучшения своих отношений с Советской Россией, считая улучшение отношений с Германией важнейшим вопросом своей будущей политики». Имея в виду общеизвестную гитлеровскую программу захвата «восточного жизненного пространства», он добавил, что «хочет идти рука об руку с Германией в русском вопросе и просил сообщить в этой связи германскую точку зрения» [4]. А несколько дней спустя, принимая германского военного атташе Герстенберга, румынский министр иностранных дел вновь напомнил о «неизменно» антисоветской позиции своего правительства как доказательстве стремления заслужить «дружбу Германии».

Ради этой «дружбы» румынское королевское правительство и в дальнейшем делало все, чего требовал Берлин. Такая линия стала еще более отчетливой после того как гитлеровцы разгромили и оккупировали Польшу. Один из многих примеров этого — отказ от создания балканского «нейтрального блока».

Идея «нейтрального блока» возникла еще до начала войны, в период англо-франко-советских переговоров. В то время резко усилилась хортистская угроза Трансильвании, и румынское правительство особенно остро почувствовало необходимость найти какую-то замену территориальным гарантиям, которых оно так и не получило ни от западных держав, ни от Германии.

После очередной неудачной попытки добиться от Берлина официальной поддержки против хортистских притязаний Гафенку предложил прибегнуть к помощи Рима. Так появилась мысль создать под эгидой Италии «нейтральный блок» в составе Румынии, Югославии, Венгрии и Болгарии, который хоть в какой-то мере сдерживал бы венгерские и болгарские претензии к Румынии и Югославии.

Хотя хортистская Венгрия отклонила приглашение участвовать в этом блоке, но в дальнейшем, после захвата Польши Германией, возникла надежда на то, что «нейтральный блок» все же удастся создать. Дело в том, что будапештские правите-

---

[4] DGFP. 1918—1945, series D, vol. VII, p. 363—364.

ли, чьи попытки решить трансильванский вопрос «военным путем» пресекались Берлином, решили в этих условиях попытаться достичь своей цели в рамках этого блока.

Но гитлеровская клика, не желавшая вооруженного конфликта между странами, включенными ею в германскую сферу влияния, стремилась не допустить также и любого их объединения. Поэтому в октябре 1939 г. германский МИД через своего посланника в Бухаресте объявил румынскому правительству, что «вопрос о создании политического блока из балканских государств под итальянским руководством совсем не стоит». Этого оказалось достаточно, чтобы Гафенку снял свое предложение об организации блока.

Особенности обстановки в начале второй мировой войны явились для бухарестских правителей дополнительным стимулом к продолжению их внешнеполитического курса, в котором тесно переплетались две основные линии — антисоветская и непосредственно связанная с ней прогитлеровская. Таким «стимулом» была «странная война» на Западе, при помощи которой правительства Англии и Франции пытались и после разгрома Польши добиться развития германской агрессии дальше на Восток, против СССР. Не касаясь подробно этих событий, широко освещенных в литературе, следует лишь подчеркнуть, что у румынских правителей они возродили былые надежды на возникновение единого антисоветского фронта империалистических держав.

Характер поставленной цели, естественно, привел к тому, что Кароль II и его правительство, наряду с продолжением курса на завоевание «дружбы» гитлеровской Германии, предприняли усилия, чтобы восстановить и укрепить свои старые связи с западными державами.

Это дало повод некоторым современным западным историкам говорить о двойственности политики румынского королевского правительства в рассматриваемое время.

Если такой ее характер в предшествующий период, включая весну 1939 г., действительно не вызывает сомнений, то в дальнейшем, начиная с англо-франко-советских переговоров взял верх прогитлеровский курс, поскольку лишь он соответствовал основной антисоветской внешнеполитической линии румынской правящей верхушки. Приведенные факты свидетельствуют, что в этом отношении ничего не изменилось и после заключения советско-германского пакта о ненападении, рассматривавшегося в Бухаресте как временная задержка в осуществлении гитлеровской программы «Дранг нах остен».

Румынское королевское правительство, стремящееся к созданию единого антисоветского фронта нацистской Германии и Запада, ведущую роль в нем и в послевоенном устройстве отводило фашистскому блоку как наиболее «динамичному». В силу этого оно по-прежнему основной упор делало на отношения с Берлином, а также с Римом, и даже свои возобновившиеся в период

«странной войны» контакты с Западом рассматривало как вклад в создание единого антисоветского фронта во главе с гитлеровской Германией.

Кароль II и его правительство в этом отношении действовали по прямому указанию Берлина. Как заявил Гафенку в беседе с германским военным атташе в Бухаресте Герстенбергом, вскоре после заключения германо-советского пакта о ненападении Геринг «рекомендовал» Румынии «иметь дружеские связи» с Англией и Францией, но ни в коем случае не с СССР, иначе она «потеряет дружбу Германии».

Оценка румынской внешней политики накануне и в начале второй мировой войны как двойственной, а не подчиненной интересам гитлеровской Германии, вызывает возражения и потому, что одним из основных ее источников являются заявления, которые делал И. Антонеску, став главой военно-фашистской диктатуры в Румынии. По-видимому, цель подобных высказываний состояла в том, чтобы, критикуя Кароля II, показать себя в более выгодном свете перед Берлином и Римом.

Взять хотя бы выдвигавшиеся И. Антонеску основные «доказательства» двойственности политики королевского правительства. Вот что он писал: «С самого начала войны Румыния сделала ряд жестов в пользу англичан и французов: через ее территорию были перевезены и погружены в Констанце на английский корабль 70 т золота Польского банка, 3/4 интернированных польских военнослужащих сбежали, пользуясь терпимостью румынских властей, правительство приняло во внимание предложение союзных офицеров о возмещении убытков в случае вывода из строя нефтепромыслов путем саботажа... В то же время, чтобы удовлетворить германское правительство, Румыния интернировала членов польского правительства, освободила интернированных польских военнослужащих немецкой национальности, усилила экспорт нефти в Германию» [5].

Если внимательно присмотреться к этим «жестам», то сравнение окажется далеко не в пользу западных держав.

Что касается польского золота, то неопределенность формулировки относительно его доставки на английское судно показывает, что румынское правительство могло и не знать об этом. Вряд ли стало бы оно санкционировать и бегство интернированных польских военнослужащих, скорее им помогало население, в свое время само испытавшее бедствия немецкой оккупации и теперь глубоко потрясенное кровавой расправой над Польшей, учиненной гитлеровцами.

Самое же тяжелое в глазах Берлина преступление, приписываемое королевскому правительству и заключавшееся чуть ли не в сговоре с западными державами с целью «вывода из строя нефтепромыслов», по-видимому, И. Антонеску попросту выду-

[5] ИДА, фонд микрофильмов.

мал. Английское и французское правительства еще до нападения Германии на Польшу действительно предложили Румынии план саботажа и диверсий на нефтеразработках на случай войны, но Кароль II отверг его, о чем и сообщил затем в доверительной беседе германскому военному атташе в Бухаресте.

Зато вполне реальными были «жесты» в пользу гитлеровской Германии, перечисленные тем же автором весьма неполно.

В действительности внешнеполитический курс Кароля II и его правительства во время «странной войны» более чем когда-либо ранее приобрел четкую целенаправленность. Если в предшествующий период на его формирование наряду с антисоветизмом оказывали сильное воздействие противоречия между крупными империалистическими державами, то отныне они, как казалось румынскому правительству, могли быть разрешены, причем как раз на антисоветской основе. Признак наличия такой возможности оно и увидело в «странной войне» на Западе.

Уже во второй половине сентября 1939 г. премьер-министр Калинеску заявил на заседании правительства, что «теперь главной является русская опасность», а это, как известно, на языке мировой реакции означает призыв к активизации антисоветской политики. Даже трансильванская проблема, всегда тревожившая румынских правителей, отошла на второй план. Начались лихорадочные приготовления к участию в предполагавшейся войне всего капиталистического мира против СССР. Основные силы румынской армии получили приказ сконцентрироваться в долине Серета. Сюда, ближе к тогдашней румыно-советской границе, была перегруппирована и значительная часть войск, годами дислоцировавшаяся в Трансильвании.

Время шло, и хотя видимых изменений в международной обстановке не происходило, все же бухарестские правители не теряли надежды на поворот событий в желательную для них сторону. Вряд ли от внимания румынской миссии в Берлине укрылась наметившаяся тогда тенденция части германской правящей верхушки к соглашению с западными державами с целью сосредоточить усилия для войны против СССР. Не могли не знать в Бухаресте и о том, что на линии соприкосновения германских и англо-французских войск немецкие пропагандистские органы распространяли листовки и вели радиопередачи на тему о «нежелании» Германии воевать против Англии и Франции, раздавались призывы к братанию [6].

Конечно, и то и другое не отражало действительных намерений Берлина. Как известно, гитлеровская оппозиция вскоре покорилась своему фюреру и пошла за ним в поход на Запад, а пропагандистские мероприятия германского рейха на передовых позициях «странной войны» имели лишь одну цель — разложение англо-французских войск.

---

[6] См.: *Проэктор Д. М.* Агрессия и катастрофа. М., 1972, с. 113, 118.

Но все это стало ясно позднее. В конце 1939 г. перечисленные факты служили для румынского королевского правительства признаками близящегося «согласия» германо-итальянского блока с англо-французским на антисоветской основе. И в Бухаресте решили не отставать. С целью восстановить старые связи с западными державами в Лондон была направлена просьба признать англо-французские гарантии Румынии действительными на случай конфликта с СССР. На этот демарш последовал уклончивый ответ, гласивший, что «британское правительство не может дать публичного разъяснения по этому вопросу».

Этот краткий диалог поначалу имел неожиданные и весьма неприятные последствия для румынского правительства. 19 октября 1939 г. был заключен англо-франко-турецкий договор о взаимной помощи, откровенно направленный против Советского Союза, причем его ст. 3 предусматривала оказание помощи Румынии со стороны Турции в случае, если Англия и Франция будут вовлечены в войну в связи с гарантиями, которые они дали этим странам.

Реакция Берлина была мгновенной. Гитлеровцы предпочитали, чтобы Румыния оставалась в их собственном активе для будущей войны как против западных держав, так и в особенности против СССР. 24 октября, сразу же после опубликования договора, директор политического департамента германского МИД Виерман выразил румынской миссии резкое недовольство, явно подозревая Бухарест в попытке действовать заодно с западными державами, а не с Германией.

Крайне обеспокоенное, правительство Румынии немедленно заверило Берлин, что сожалеет по поводу включения упомянутой статьи в англо-франко-турецкий договор и что оно к этому совершенно непричастно. Судя по всему, так оно и было. Это подтверждается и дальнейшими событиями, свидетельствующими о том, что инициатива в деле восстановления и укрепления контактов между Румынией и западными державами перешла в руки последних.

Имеющиеся документальные данные показывают, что румынские правители в конце 1939 г. не делали новых попыток в этом направлении, усиленно готовились к войне против СССР и, в частности, продолжали концентрировать войска близ советской границы. В то же время они всячески стремились заручиться поддержкой Берлина, т. е. получить от него то, чего не решились открыто дать западные державы.

Но и тут они не добились успеха, так как гитлеровцы, державшие в глубокой тайне свои дальнейшие намерения, естественно, не желали раскрывать их, тем более Каролю II и его окружению, которым они по-прежнему не доверяли. Избегая даже говорить о том, что они предполагают использовать Румынию в качестве стратегической базы снабжения на период подготовки и осуществления похода немецко-фашистских войск на

Запад, они, разумеется, еще меньше были расположены сообщать об отведенной ей в дальнейшем роли южного плацдарма для нанесения удара на Восток. Вот почему гитлеровцы, постоянно внушая бухарестским правителям, что только с помощью рейха им удастся избежать «русской угрозы», уклонялись от каких-либо официальных заявлений по данному вопросу.

В этом отношении показательной является безрезультатная попытка Гафенку добиться такого заявления, предпринятая им 8 декабря 1939 г. В тот день он сказал Фабрициусу, что Румыния в случае вооруженного конфликта с СССР не сможет поставлять рейху нефть и зерно, однако она не будет обращаться за помощью к Англии и Франции, поскольку «такой шаг создал бы трудности в румыно-германских отношениях».

Германский посланник немедленно донес об этом своему правительству, высказав мысль, что вмешательство рейха в «бессарабскую проблему» в интересах Румынии «могло бы обеспечить длительное влияние» Германии на эту страну. Но в ответ получил 15 декабря указание воздерживаться в этом вопросе как от «официальных», так и от «частных» заявлений [7].

А накануне, 14 декабря, британский посланник в Бухаресте Хор посетил румынского министра иностранных дел и по поручению своего правительства сделал следующее заявление: «Правительство его величества изучило возможность выполнения гарантийных обязательств и пришло к выводу, что оно сможет выполнить их, если Турция немедленно придет на помощь Румынии и если не будет опасности оппозиции со стороны Италии. Если румынское правительство в состоянии дать утвердительный ответ на эти два вопроса, то правительство его величества готово немедленно рассмотреть новую ситуацию вместе с французским правительством, чтобы определить тот вклад, который оно будет способно внести в защиту Румынии» [8].

Итак, Германия вновь отказалась сделать заявление, которого с таким нетерпением ждали в Бухаресте, а западные державы изъявили готовность внести «вклад в защиту Румынии». Если учесть, что новый демарш Лондона был предпринят как бы в развитие англо-франко-турецкого договора, о непричастности к которому совсем недавно самым решительным образом заявило румынское правительство, то, по-видимому, оно должно было и теперь отклонить британские происки. Тем более что прошла всего неделя с того дня, когда Гафенку заверил Фабрициуса в отсутствии у Румынии намерения обращаться за помощью к западным державам, так как это ухудшило бы отношение к ней со стороны Германии.

Однако в Бухаресте не только не отклонили предложение британского правительства, но, напротив, немедленно присту-

---

[7] DGFP. 1918—1945, series D, vol. VIII, p. 498—499, 536.
[8] *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. London, 1945, p. 274, 276.

пили к его реализации. И это тоже не было рецидивом двойственной политики.

Чтобы выяснить мотивы, которыми руководствовались Кароль II и его правительство, принимая предложение Лондона, следует прежде всего обратить внимание на одну деталь английского заявления от 14 декабря — необходимость согласия Италии в качестве непременного условия для оказания англо-французской «помощи» Румынии. Это, несомненно, был важнейший элемент нового заявления английского правительства. Если до этого англо-франко-турецкий договор, несмотря на его очевидную антисоветскую направленность, можно было истолковать в антигерманском духе, то теперь такая видимость исчезла. Более того, фактически это условие говорило о стремлении западных держав действовать против СССР совместно с германо-итальянским блоком.

Ведь итальянское правительство, хотя оно и делало вид, что проводит самостоятельную политику, явно не могло поддерживать развитие военно-политических связей Бухареста с Лондоном и Парижем без ведома и согласия своего германского союзника. Тем более что обе западные державы находились в состоянии войны с Германией, а Румынию гитлеровцы включили в сферу своего влияния. И это хорошо понимали британские правящие круги. Следовательно, желая выяснить позицию Рима, они хотели одновременно прозондировать и возможность контакта с Берлином в деле превращения Румынии в один из плацдармов для развязывания антисоветской войны.

Объективно такое предложение соответствовало интересам гитлеровцев.

Как известно, они предпочитали следовать собственной программе завоеваний и готовились сначала подчинить себе западноевропейские страны, а потом уж напасть на более сильного противника — СССР. Но вторжение на советскую землю, являвшееся всегда и при всех условиях главной целью, основной стратегической задачей германского фашизма, не снималось с повестки дня и в этот период. Ни во время захвата Польши, ни в дальнейшем, когда гитлеровцы готовились двинуться на Запад, в германских военных штабах не прекращалась разработка деталей будущего плана «Барбаросса».

Для осуществления своих замыслов фашистские правители использовали резко активизировавшуюся тогда антисоветскую политику Англии и Франции. Она как нельзя лучше обеспечивала им возможность без помех осуществить удар в западном направлении и одновременно способствовала созданию благоприятных условий для подготовки нападения на СССР.

Последнее представляло для них особую ценность, так как германо-советский пакт о ненападении вынуждал их воздерживаться от ряда внешнеполитических мероприятий, заблаговременного проведения которых требовал основной замысел будущей

антисоветской войны. Поскольку захват Польши обеспечивал лишь создание центрального плацдарма для развертывания сил вторжения на советскую землю, требовались еще северный и южный. Вот почему Берлин не только не препятствовал, но и всячески содействовал антисоветским проискам западных держав в Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, а также в Турции, направленным на подталкивание этих стран к участию в предполагаемом «крестовом походе» против социалистического государства [9].

Прямым результатом этих происков явилась начавшаяся в конце ноября 1939 г. советско-финская война, которая внесла новый важный элемент в обстановку того времени. Западные державы добились одной из своих целей — на северо-западной границе СССР вспыхнул вооруженный конфликт, и они всячески стремились превратить его в антисоветский «крестовый поход». Для этого в Англии и во Франции срочно приступили к формированию 150-тысячного экспедиционного корпуса, предназначавшегося для вторжения в Советский Союз с территории Финляндии. Оценивая впоследствии эти действия правящих кругов, английский буржуазный историк А. Тейлор высказал предположение о существовавшем в Лондоне и Париже «зловещем плане направить войну по антибольшевистскому курсу, с тем чтобы война (Англии и Франции.— *Н. Л.)* против Германии могла быть забыта или даже закончена» [10].

Гитлеровцы не могли не увидеть в таком развитии событий прямую выгоду для себя. Со времени советско-финской войны правящая верхушка фашистской Германии считала, что северный фланг будущего Восточного фронта обеспечен независимо от исхода советско-финляндского вооруженного конфликта.

Иначе обстояло дело с Румынией, которой отводилась такая же роль на юге. В Берлине отлично знали, что бухарестские правители готовятся к участию в войне против СССР. А так как сами гитлеровцы были в этом заинтересованы, но, будучи связаны германо-советским договором, не хотели открыто содействовать таким приготовлениям, они не могли не ухватиться за английское предложение, изложенное посланником в Бухаресте Хором 14 декабря 1939 г. Ведь оно открывало возможность руками западных держав, без явного вмешательства Германии, но под фактическим ее контролем, осуществляемым через союзную Италию, превратить Румынию во «вторую Финляндию» или по крайней мере подготовить ее к выполнению этой роли в нужный Берлину момент.

Именно такое решение, как показали дальнейшие события, и приняло гитлеровское руководство.

О его нежелании демонстрировать свое действительное отно-

---

[9] См.: История внешней политики СССР, ч. 1, М., 1976, с. 358—370.
[10] *Taylor A. I.* English History 1914—1945. Oxford, 1965, p. 469.

шение к антисоветской позиции румынских правителей свидетельствует указание, полученное германским посланником в Бухаресте Фабрициусом 15 декабря 1939 г. Несколько дней спустя румынские эмиссары направились в Рим и Анкару, где они должны были выяснить позиции итальянского и турецкого правительств в связи с заявлением Англии об условиях, на которых западные державы соглашались внести «вклад в защиту Румынии».

Еще недавно одно лишь упоминание о Румынии в англо-франко-турецком договоре вызвало резкое недовольство Берлина, а Бухарест поспешил дать доказательства своей непричастности к этому и даже осудил Турцию за вступление в союз с западными державами. Теперь же речь шла о прямых румыно-турецких переговорах. Ясно, что румынское королевское правительство могло решиться на такой шаг лишь с ведома гитлеровцев. Проще обстояло дело с миссией в Риме, порученной бывшему министру иностранных дел В. Антонеску и несомненно находившейся под контролем Берлина.

Такой вывод вытекает и из содержания беседы В. Антонеску с итальянским министром иностранных дел Чиано. Одобрив без колебаний лондонское предложение, он объяснил свою позицию желанием «защищать» Румынию ради «сохранения первого барьера против большевизации Балкан — области, где Италия является великой державой». Настойчиво рекомендуя Румынии проявлять «твердость и непреклонность» в отношениях с СССР, он дал обещание, выполнение которого практически могла обеспечить лишь Германия, о том, что в случае румыно-советского вооруженного конфликта Венгрия воздержится от нападения на Трансильванию. Далее Чиано заявил, что итальянское правительство окажет Румынии в случае ее вооруженного конфликта с СССР «полную поддержку», в том числе и помощь самолетами, танками, противотанковыми орудиями и другим вооружением [11].

Румыно-турецкие переговоры по этому вопросу также привели к согласию сторон. Об этом можно судить по словам Гафенку, который высоко оценил результаты демаршей и в Риме и в Анкаре [12].

Итак, по существу была достигнута, хотя и весьма извилистым путем, договоренность между западными державами и фашистским блоком относительно подготовки Румынии к участию в нападении на СССР. Участники этого тщательно засекреченного соглашения преследовали, разумеется, различные цели. Каждый из них рассчитывал использовать его в соответствии с собственными интересами. Правительства Англии и Франции видели в достигнутой договоренности еще один шаг к тому, чтобы

---

[11] ИДА, фонд микрофильмов.
[12] *Gafencu G.* Prelude to the Russian Compaign, p. 276.

ускорить германскую агрессию на Восток, против Советского Союза, и тем самым обезопасить себя. А страны «оси», предоставляя западным державам тешиться подобными иллюзиями, получили очередное преимущество и для успешного похода на Запад, и для заблаговременной подготовки южного плацдарма будущего Восточного фронта.

Что касается румынских правителей, то они немедленно воспользовались новыми возможностями для форсирования военных приготовлений против СССР.

Теперь в Румынию потоком шло оружие не только из Германии, но также из Англии и Франции. Очень кстати оказались предоставленные ей уже в конце декабря 1939 г. французские кредиты. Британское правительство разрешило продать большую партию самолетов и военного снаряжения для румынской армии, а также разместить крупные румынские заказы на английских военных предприятиях, хотя само испытывало острую нужду в вооружении [13].

В этот период в Бухаресте вновь зазвучали речи, напоминавшие те времена, когда румынское правительство следовало во внешней политике за западными державами. Гафенку, например, в интервью корреспонденту французской газеты «Пари-суар» заявил: «Дело Европы, от которой зависит не только безопасность, но и само существование нейтральных стран, как бы далеко они ни находились от поля битвы, совпадает для многих из нас с делом цивилизации, в котором Франция представляет собой один из самых великих светочей, и именно потому она для нас особенно дорога».

Подобные заявления воспринимались многими чуть ли не как возвращение к прежней, прозападной ориентации. И, конечно, вызывали чувство удовлетворения у одних и резкое недовольство у других, желавших немедленного и окончательного перехода Румынии на сторону фашистского блока государств.

На самом же деле все было гораздо сложнее.

Правительство королевской диктатуры с первых же месяцев своего существования проводило курс на сближение с гитлеровской Германией и, как показано выше, к концу 1939 г. оказалось в полной зависимости от нее как в экономическом, так и в политическом отношении. Однако в то же время оно по-прежнему не пользовалось доверием в Берлине. Гитлер, как и прежде, называл Румынию «самым сомнительным фактором на Балканах». На то у него были свои причины.

Главная из них заключалась в подозрительном отношении Берлина к Каролю II и его ближайшему окружению, объяснявшемся их давними финансовыми и политическими связями с Западом. Это мешало гитлеровцам привлечь румынское прави-

---

[13] См.: *Шевяков А. А.* Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии, с. 74.

тельство к активному соучастию в осуществлении своих военно-политических планов хотя бы в той степени, в какой они это делали уже в 1939 г. в отношении хортистов. Между тем Румынии в их планах отводилась не менее значительная, а в некоторых вопросах даже более важная роль, чем Венгрии. И не только потому, что обладание румынскими ресурсами, особенно нефтью, являлось для них непременным условием успешного использования современных средств войны для реализации своей захватнической программы, но также и вследствие особого значения, которое они придавали превращению этой страны в южный плацдарм для будущего нападения на СССР. Наконец, гитлеровцы хотели получить в свое распоряжение для данной цели и румынскую армию.

Все эти проблемы в начале 1940 г. уже имели для гитлеровцев первостепенное значение, так как хотя вермахт готовился к походу на Запад, однако не за горами было и нападение на Советский Союз. Еще в ноябре 1939 г., после захвата Польши, Гитлер объявил своим генералам: «Мы сможем выступить против России как только освободимся на Западе». То же самое он повторил на совещании 27 марта 1940 г. [14]

Среди затруднений, встретившихся при рассмотрении этой задачи, не последнюю роль играли серьезные сомнения Берлина в отношении надежности румынского правительства. Иначе говоря, в начале 1940 г. вновь возник вопрос о том, можно ли на него положиться, доверить ему хотя бы саму идею предстоящей антисоветской войны, с тем чтобы военные приготовления Румынии полностью подчинить планам германского командования.

При этом выяснилось, что командование не только не доверяло бухарестскому правительству, но и считало слабыми и неустойчивыми его позиции внутри страны, а потому полагало наиболее целесообразным немедленно оккупировать Румынию. Были даже предприняты определенные шаги в данном направлении: германское командование затребовало и получило согласие хортистов на пропуск через венгерскую территорию немецких войск якобы «для охраны румынских нефтепромыслов» [15].

Хотя в послевоенной литературе высказываются различные точки зрения о том, почему Гитлер отклонил такое решение «румынского вопроса», наиболее вероятной причиной представляется его нежелание преждевременно осложнить отношения с Советским Союзом. В этой связи ему было выгодно, чтобы Румыния готовилась к войне против СССР, не будучи оккупированной германскими войсками и не связанной политическими узами с рейхом.

Отсюда и отказ Гитлера официально вступать в какие-либо иные отношения с румынским правительством, кроме чисто эко-

[14] Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, vol. XXVI. Nuremberg, 1949, p. 327.

[15] Ciano's Diplomatic. Papers. New York, 1946, p. 380.

номических. Это же обстоятельство являлось одной из причин (второй было опасение вызвать нежелательную реакцию хортистского правительства Венгрии), по которым Берлин упорно уклонялся от предоставления территориальных гарантий Румынии.

Вот почему еще в конце 1939 г., когда фашистский фюрер решил, что германские войска нападут на СССР, «как только освободятся на Западе», он позволил Румынии форсировать военные приготовления при помощи западных держав и как бы в рамках развязанной ими антисоветской кампании, а на самом деле под своим негласным контролем, осуществляемым через союзника Германии — фашистскую Италию. Кстати, этот контроль стал особенно эффективным в марте 1940 г., когда было заключено румыно-итальянское соглашение, согласно которому Италия, помимо поставок вооружения, направила в Румынию своих военных инструкторов и приняла ее заказ на постройку военных кораблей, а взамен получила концессию на эксплуатацию ряда румынских нефтяных месторождений, лесных и других природных ресурсов.

Что касается возобновившихся связей Бухареста с Лондоном и Парижем, то они не могли представлять опасности для германских планов в отношении Румынии, так как никаких обязательств эти связи за собой не повлекли, поскольку румынское королевское правительство, принимая щедрые англо-французские дары, по-прежнему держало «равнение» на фашистскую Германию.

Определенное влияние на решение Гитлера воздержаться от оккупации румынской территории оказали, по-видимому, и соображения, связанные с внутриполитическим положением в Румынии, сулившим Берлину возможность «приспособить» ее к своим потребностям, не прибегая к силе. Речь идет о тех мероприятиях Кароля II и его правительства, которые усиленно проводились ими тогда внутри страны для достижения основной цели — тесного сближения с рейхом.

Гитлеровцы не ошибались, считая позиции королевской диктатуры шаткими. Более того, ни в 1938 г., ни в 1939 г. ей так и не удалось выйти из внутриполитической изоляции.

С одной стороны, усиливались противоречия между финансово-промышленной группировкой, возглавляемой Каролем, и не входившими в нее кругами буржуазии. Последние были недовольны экономической политикой, проводившейся исключительно в интересах монополистической верхушки, которой предоставлялись всевозможные льготы и привилегии. Одним из наиболее распространенных путей для обеспечения ее максимальных прибылей являлись правительственные заказы, «работа на оборону».

Государство выступало главным потребителем продукции принадлежавших королевской камарилье отраслей промышленности.

Так, в 1938—1940 гг. оно приобрело 98% изделий заводов «Малакса». Причем закупочные цены, которые устанавливало правительство, порой в 10 раз превышали себестоимость промышленной продукции. Например, один из военных заказов, выполненный фирмой «Малакса», при себестоимости 182 млн. лей был оплачен огромной суммой в 1,6 млрд. лей. А для того чтобы представить в целом колоссальный размер прибылей господствовавшей монополистической верхушки, достаточно сопоставить приведенный пример со следующими официальными данными о военных расходах королевской диктатуры: если в 1936 г. прямые затраты на вооружение равнялись 3,6 млрд. лей, то в 1940 г.— 16,2 млрд. Общая же сумма военных расходов только за первые 17 месяцев монархо-фашистского режима, с февраля 1938 г. по июнь 1939 г., составила 25 млрд. лей, т. е. столько же, сколько было израсходовано на эти цели за восемь предшествующих лет [16].

Помимо прежних привилегий, установленных еще правительством Г. Татареску владельцам отраслей промышленности, признанных «национально важными», в период королевской диктатуры предоставлялись крупные долгосрочные кредиты на льготных условиях. По данным румынской буржуазной печати, в металлургию было вложено 8,5 млрд. лей, что на 17% превышало капиталовложения во все остальные отрасли румынской промышленности.

Мелкие и средние предприятия в этих условиях не выдерживали конкурентной борьбы, разорялись и поглощались крупными. Только в 1938 г. было зарегистрировано 4 тыс. банкротств. Резко усилился процесс концентрации капитала. Из 553 банков, насчитывавшихся в стране в 1937 г., к январю 1940 г. осталось 440, причем большая их часть испытывала все возрастающие трудности. В то же время пять крупнейших банков — «Банка ромыняска», «Банка кредитулуй ромынеск», «Банка комерчиала», «Банка комерчиала италиана» и «Сочиетатя банкарэ», на долю которых приходилась четверть банковского капитала Румынии,— в 1939 г. сосредоточили в своих руках 45% общей суммы финансовых операций.

Все это привело к тому, что не только мелкая и средняя, но и часть крупной буржуазии, считавшая себя обделенной, все громче высказывала недовольство королевской диктатурой.

Это нашло отражение и в позиции, занятой лидерами «исторических» партий. Правда, они по-прежнему были сторонниками диктатуры, поскольку видели в ней наиболее надежное средство подавления революционного движения, однако не могли примириться с тем, что она лишала власти и их самих. Поэтому их «оппозиция» королевской диктатуре представляла собой по существу попытку оказать давление на Кароля II, с

---

[16] См.: *Calinescu A.* Romînia renaşterii. Bucureşti, 1939, p. 31.

тем чтобы он обеспечил и им возможность играть более активную роль в экономической и политической жизни страны.

Поэтому лидеры «исторических» партий не вступили в ФНВ, а вскоре на этой почве возник конфликт между ними и председателем сената Н. Йоргой. Тот настаивал, чтобы все члены верхней палаты не только принесли присягу королю, но и носили форму Фронта национального возрождения. Лидеры «исторических» партий отказались выполнить это предписание. Тогда Н. Йорга потребовал их исключения из парламента. Но тут он допустил промах, поставив этот вопрос на тайное голосование. Результат оказался неожиданным: большинство в сенате отвергло предложение своего председателя. Оскорбленный Йорга покинул заседание. Однако сенаторы, не выполнившие его требование, все же были исключены из парламента, на сей раз без соблюдения ненадежной процедуры голосования.

Хотя роль лидеров «исторических» партий в этом происшествии свелась по существу лишь к демонстрации их недовольства тем, что они, в свое время выступавшие за установление диктатуры, теперь отстранены от власти, тем не менее эпизод в верхней палате представляет несомненный интерес. Как он показывает, достаточно было самого незначительного повода, чтобы члены парламента, воспользовавшись процедурой тайного голосования, выразили своеобразный протест против королевской диктатуры. А это в свою очередь подтверждает, что она не имела опоры не только среди трудящихся, но и у значительных слоев буржуазии, терпевших ущерб от всевластия монополистической верхушки во главе с Каролем II.

Вот почему король в поисках опоры вновь был вынужден обратить свой взор к железногвардейцам. При этом он руководствовался также соображениями, связанными с его стремлением сблизиться с гитлеровцами, которые по-прежнему покровительствовали родственной им «Железной гвардии». Насколько велико было стремление короля заполучить, наконец, поддержку железногвардейцев, свидетельствуют события, развернувшиеся в 1939 г.

Прошел почти год с того времени, когда группа вожаков «Железной гвардии» во главе с Кодряну была уничтожена.

Хориа Сима, ставший преемником Кодряну, и значительное число железногвардейских руководителей и активистов, опасаясь репрессий, бежали в Германию, где были гостеприимно приняты гитлеровцами. Там они совместно с гестапо разработали планы уничтожения своих политических противников в Румынии. В первую очередь было решено расправиться с А. Калинеску, которого они считали ответственным за расстрел группы железногвардейских вожаков.

Одна попытка покушения на румынского министра внутренних дел, предпринятая весной 1939 г., сорвалась, так как террористы не решились действовать, не будучи уверенными в собст-

венной безопасности. Более удачной оказалась попытка покушения, предпринятая осенью того же года, когда А. Калинеску стал уже премьер-министром. 21 сентября он был убит. Убийцы ворвались на радиостанцию и передали в эфир: «Смертный приговор Арманду Калинеску приведен в исполнение, погибшие легионеры отомщены».

Кароль II понял, что уничтожением Кодряну и 13 его подручных не удалось подчинить «Железную гвардию». Тогда он решил провести более широкую акцию. В течение нескольких часов после убийства Калинеску по всей стране были произведены массовые аресты железногвардейцев. Среди схваченных оказался и главарь террористов, который специально для организации убийства Калинеску прибыл из Германии в Румынию, смешавшись с толпой беженцев из Польши, подвергнувшейся гитлеровской агрессии. В стране было объявлено чрезвычайное положение, введенные в Бухарест войска взяли под охрану правительственные учреждения.

22 сентября по распоряжению правительства были организованы публичные казни железногвардейцев. Приказ гласил, что в каждом из 55 уездов подлежали расстрелу по три легионера. Но кое-где ограничились одним-двумя. В тот день было казнено 147, а вскоре еще 95 железногвардейцев. Всего же в период королевской диктатуры, по данным официальной румынской Белой книги, было уничтожено 292 активиста «Железной гвардии».

Теперь, достаточно устрашив, по мнению короля, эту организацию, он усилил попытки включить ее в ФНВ. С этой же целью в январе 1940 г. была произведена реорганизация Фронта национального возрождения, проводившаяся под девизом «Король, нация, труд и вера». Она свелась в основном к двум мероприятиям. Первое из них состояло в укреплении руководящего состава этой «единой партии» наиболее преданными Каролю II людьми, формально представлявшими все три «корпорации». Так, генеральными секретарями ФНВ были назначены Корнецяну (от сельского хозяйства и ручного труда), Волкович (от торговли и промышленности) и профессор Сильвиу Драгомир (от лиц свободных профессий), а членами директората — соответственно Ионеску-Сисешть и Жебеляну, Гафенку, Бужой и Митица Константинеску, Канчиков и М. Раля. Командиром «национальной гвардии» стал Григореску, а начальником «Стражи цэрий» — Сидорович.

Эти назначения, произведенные Каролем II, должны были усилить его роль верховного руководителя Фронта национального возрождения, что он считал предварительным условием включения железногвардейцев в состав этой организации.

Второе мероприятие заключалось в подлаживании ее под гитлеровское фашистское движение, в заимствовании его организационных форм и внешних атрибутов. Например, ст. 3 коро-

левского декрета о реорганизации ФНВ устанавливала, что приветствие членов этой организации «производится поднятием правой руки с простертой над головой ладонью и произнесением слова «Санатате!», равнозначного немецкому «Хайль!».

Кароль II, предпринимавший тогда шаги ко все большему сближению с фашистской Германией, видел в этом основу для примирения с железногвардейцами, требовавшими заключения союза с державами «оси». Главное же, к чему он стремился, пытаясь влить их в единую фашистскую организацию, это исключить возможность самостоятельного политического выступления «Железной гвардии», сохранить в своих руках всю полноту власти.

Изменили свою позицию и железногвардейские главари в отношении монархо-фашистского режима. Это объяснялось как значительными потерями, понесенными ими в период последовавших за убийством А. Калинеску репрессий правительства, так и положением их организации в то время. Даже многие ее приверженцы увидели, что она оказалась беспомощной, когда королевское правительство обрушило на нее репрессии. Флёр «героизма» и «могущества» слетел с «Железной гвардии», показав, что она могла безнаказанно действовать лишь тогда, когда власти опекали ее.

Учитывая резкое падение своего влияния и надеясь восстановить и расширить его при поддержке короля, железногвардейские руководители сделали вид, что готовы к примирению с ним.

Переговоры, которые вели представители Кароля II Э. Урдаряну и М. Манойлеску с находившимся в Берлине Хориа Симой, завершились к весне 1940 г.,— когда гитлеровцы обсуждали вопрос о целесообразности оккупации Румынии,—договоренностью о восстановлении сотрудничества между королевской диктатурой и «Железной гвардией». Об условиях этого соглашения можно судить по тому, например, что уже в середине марта главари железногвардейцев заявили о своей верности трону и присоединении к Фронту национального возрождения, а королевское правительство выпустило из тюрем более 100 ее активистов.

Одновременно поток легионеров двинулся в Румынию из Германии, где они укрывались от ответственности за совершенные преступления. Реабилитация железногвардейцев и связанных с ними лиц развернулась вовсю. На прежних должностях восстанавливались служащие, уволенные ранее за членство в «Железной гвардии» или связь с ней. А когда Хориа Сима возвратился в Бухарест, начальник сигуранцы Морузов встретился с ним и передал ему несколько миллионов лей на финансирование деятельности железногвардейцев среди населения [17].

[17] ИДА, фонд микрофильмов.

Примирение, походившее на капитуляцию Кароля II, было продиктовано, с одной стороны, внутренней слабостью монархо-фашистского режима, не имевшего массовой опоры и державшегося только на штыках. Королевская диктатура решила пойти на уступки «Железной гвардии», чтобы превратить ее в своего открытого союзника в борьбе против демократических и революционных сил. С другой стороны, примирение с железногвардейцами вызывалось растущей внешнеполитической изоляцией румынских правящих кругов, их стремлением преодолеть ее установлением тесного политического сотрудничества с гитлеровской Германией, чьей агентурой в Румынии была «Железная гвардия».

Подобными соображениями руководствовался Кароль II, включив в состав своего правительства Х. Симу и еще четырех железногвардейцев в качестве заместителей министров. Те же мотивы звучат в строках королевского декрета об амнистии, в котором говорилось: «Положение требует полного внутреннего единства и абсолютной гармонии всех сынов страны. Убежденное в этой необходимости, правительство предприняло инициативу к внутреннему умиротворению в стране»[18].

Все это как нельзя более соответствовало интересам гитлеровцев, увидевших в укреплении позиций железногвардейцев возможность перехода власти в Румынии в руки своей агентуры.

Хорошо знали в Берлине и о том, что часть румынской реакции критиковала правительство за «недостаточную твердость и последовательность» в проведении внутренней и внешней политики, т. е. прежде всего за то, что монархо-фашистский режим не сумел покончить с революционным движением в стране и «более решительно» действовать в деле сближения с гитлеровской Германией.

Отражением нараставшего кризиса королевской диктатуры были усилившиеся разногласия в правящих кругах. Еще летом 1938 г., когда во внешней политике Румынии были сильны элементы балансирования между англо-французским и германо-итальянским блоками, открыто выразил несогласие с таким курсом генерал И. Антонеску. Он подал в отставку, заявив, что требует ориентации «только» на Германию, ибо без этого, по его мнению, «правление страной не имеет компаса». Сменив пост военного министра на должность командующего военным округом, будущий фашистский диктатор возобновил связи с железногвардейцами, готовясь от слов перейти к делу.

Таким образом, сложилась весьма своеобразная ситуация. Кароль II и его правительство в сущности делали все, что мог желать Берлин. Они превращали Румынию в фашистское государство, поставили все ресурсы страны на службу Германии, усиленно готовились к войне против СССР фактически в инте-

---

18 «Curentul», 14. III 1940.

ресах рейха и в то же время продолжали в какой-то мере оставаться под влиянием Англии и Франции. Последнее имело важное значение для нацистов, стремившихся не только не осложнять германо-советские отношения, но и помешать улучшению отношений между западными державами и СССР после окончания советско-финской войны.

Вместе с тем гитлеровцы по-прежнему не доверяли румынскому королю, видели слабость его правительства и потому были готовы всячески способствовать его замене другими, более надежными и «сильными» людьми.

Эта особенность отношения берлинской правящей верхушки к бухарестским правителям наложила отпечаток на дальнейшие события.

Как бы в подтверждение гитлеровской оценки ситуации, германский посланник в Бухаресте Фабрициус 1 апреля 1940 г. писал, что, по его мнению, румынский король и его ближайшее окружение, в том числе премьер-министр Г. Татареску, занявший этот пост после гибели Калинеску, министры иностранных дел, двора и военный министр, будут придерживаться «равнения на Германию» до тех пор, пока в них сохранится вера в силу германского оружия. А спустя две недели он сообщил: на только что закончившемся заседании румынского правительства Кароль II заявил своим министрам, что намерен «присоединиться к политической линии», проводимой Германией, и предложил им руководствоваться этим указанием в переговорах с рейхом [19].

В промежутке между этими двумя донесениями гитлеровские войска оккупировали Данию и Норвегию. Таким образом, казалось, подтверждался прогноз Фабрициуса относительно влияния «силы германского оружия» на позицию румынского правительства.

Но дело было не только в этом. У бухарестских правителей и до вторжения гитлеровцев в Скандинавию не было недостатка в той «вере», о которой писал германский посланник. Об этом свидетельствует вся их политика «равнения на Германию», имевшая к тому времени уже довольно солидный стаж. Но, конечно, новые военные успехи вермахта еще более подстегивали королевское правительство в его стремлении сблизиться с гитлеровцами.

Еще во второй половине марта, после разгрома белофинских войск Красной Армией, вынудившего правительство Финляндии пойти на подписание мирного договора с СССР, в Бухаресте пришли к выводу, что только гитлеровская Германия в состоянии стать во главе будущего антисоветского похода. Тогда же Кароль II и его правительство начали отдавать себе отчет в возможности перерастания «странной войны» на Западе в реальное военное столкновение между германскими и англо-французски-

[19] DGFP. 1918—1945, series D, vol. IX, p. 61—62, 167.

ми войсками, причем преобладало мнение, что в этом случае победу одержит вермахт, и следовательно, главенствующая роль в Европе перейдет к рейху. После этого в Бухаресте вообще перестали считаться с Лондоном и Парижем.

Как подтверждение своего прогноза оценили румынские правители и захват Дании и Норвегии германскими войсками, который выглядел в их глазах внушительным на фоне поражения Финляндии, означавшего также провал очередного антисоветского замысла западных держав. Всем этим и объяснялось намерение Кароля II открыто присоединиться к «политической линии» рейха и таким образом добиться, наконец, его согласия официально принять Румынию под свое «покровительство».

Лейтмотивом такого решения по-прежнему была уверенность в неизбежном повороте гитлеровской агрессии на Восток, против СССР. Так и объяснил румынскую позицию министр двора Урдаряну в беседе с германским посланником 15 апреля. Он дал понять, что Кароль II и его правительство готовы действовать «вместе с рейхом» против Советского Союза, и выразил надежду на принятие Берлином этого предложения, ибо «и сейчас, и в будущем для Германии важно, чтобы устье Дуная не оказалось в руках другой великой державы», т. е. СССР.

В подкрепление своих доводов в пользу необходимости получения помощи гитлеровцев в «защите» от «русской угрозы» королевское правительство тогда же, в середине апреля, организовало серию пограничных инцидентов на румыно-советской границе, а в начале мая провело частичную мобилизацию и приступило к концентрации войск по Днестру и обратилось в Берлин с предложением об участии Германии в создании «восточного вала» на румыно-советской границе под видом «строительства дорог»[20].

После того как германские войска 10 мая 1940 г. перешли в наступление во Франции, Бельгии и Голландии, румынские правящие круги стали в ускоренном порядке добиваться политического союза с Германией. 16 мая 1940 г. Кароль II, с восхищением отозвавшись об успехах вермахта на Западе, заявил Фабрициусу, что «будущее Румынии зависит только от Германии». Он спросил, имеет ли Германия какие-либо претензии к Румынии, обещая немедленно удовлетворить их.

25 мая румынский министр иностранных дел пригласил германского посланника, чтобы сделать ему «очень важное заявление». Сообщая об этой беседе в Берлин, Фабрициус так передал слова Гафенку: «Одно время он надеялся, что Румыния внесет свой вклад только при заключении мира. Теперь у него впечатление, что Румыния выступит на сцену раньше». Далее в донесении посланника говорилось, что Гафенку просил «на-

---

[20] *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden, 1954, S. 71.

мекнуть», какую политику в отношении СССР должна проводить Румыния, чтобы установить «более тесную» связь между нею и Германией, и в заключение подчеркнул, что король полностью готов действовать «в соответствии с германскими взглядами», немцы должны только сказать, как это сделать.

Спустя три дня следующий шаг в том же направлении сделал премьер-министр Г. Татареску. Приняв Фабрициуса в присутствии министра иностранных дел Г. Гафенку и министра двора Э. Урдаряну, что должно было символизировать единодушие короля и правительства, он начал с обзора «хороших отношений, установившихся между Румынией и Германией после великого экономического соглашения 23 марта 1939 г.» Затем премьер-министр напомнил, что с начала войны Румыния дала «новые многочисленные доказательства» своего желания тесно сотрудничать с Германией, выразившиеся, в частности, в заключении различных дополнительных соглашений к торговому договору 1939 г., обеспечении безопасности нефтепромыслов и судоходства на Дунае, поставках жидкого топлива в Германию с нефтеочистительных заводов, принадлежавших англичанам и французам, и т. п.

После неоднократного подчеркивания готовности расширить сотрудничество с Германией Г. Татареску вручил Фабрициусу меморандум, в котором заявлялось, что румынское правительство предлагает рейху «тесное сотрудничество... не только в экономической, но и во всех прочих областях». Со своей стороны Урдаряну пояснил, что «король не говорит больше о нейтралитете, а все более склоняется на сторону Германии». По существу это означало согласие присоединиться к германскому фашизму для участия в осуществлении его программы завоеваний.

Меморандум был в тот же день отправлен с курьером, вылетевшим на специальном самолете в Берлин. Вслед за ним Фабрициус послал Риббентропу свой доклад по этому вопросу, охарактеризовав позицию румынских правящих кругов как «результат великих успехов Германии на Западе». Он сообщил также о новых прогерманских жестах короля и его правительства, в частности — об их готовности снабжать гитлеровский рейх нефтью и продовольствием «даже в том случае, если Германия будет иметь задолженность по платежам Румынии».

В докладе посланника особо подчеркивалось, что начальник румынской сигуранцы генерал Морузов по поручению короля направил главе абвера адмиралу Канарису письмо, в котором заявил: «а)...Румыния просит защиты у Германии на случай нападения союзников; б) если будут обнаружены намерения союзных держав напасть на Румынию, мы немедленно информируем Германию о любых планах такого нападения, чтобы германские войска смогли прибыть вовремя»[21].

---

[21] DGFP. 1918—1945, series D, vol. IX, p. 466—467.

Германские фашистские правители, которые и раньше считали преждевременным политическое сближение с Румынией, теперь тем более уклонялись от такого шага, не желая в решающую фазу борьбы с Англией и Францией оказаться втянутыми в возможное румыно-советское вооруженное столкновение. Кроме того, они решили использовать настойчивые предложения услуг Бухареста прежде всего для такого «урегулирования» территориальных споров Венгрии и Болгарии с Румынией, которое еще больше поставило бы эти страны в зависимость от Германии.

Иначе говоря, в Берлине решили, что настала пора, по выражению Гитлера, пустить в ход «раскаленные утюги». О том, как и для чего хотели гитлеровцы это сделать, будет сказано ниже. Здесь же следует отметить, что в ответ на румынские предложения относительно тесного сотрудничества «во всех областях» Риббентроп написал Фабрициусу, что германское правительство требует от Бухареста более конкретного разъяснения его политики и, главное, проявления инициативы в урегулировании отношений с Венгрией и Болгарией.

Правительство королевской диктатуры поспешило дать требуемые «разъяснения». Причем сделано это было весьма основательно. Первым шагом явилась замена министра иностранных дел. Вместо Г. Гафенку, имя которого, при всей преданности этого деятеля идее тесного румыно-германского сотрудничества, все же в какой-то степени было связано с недавним возобновлением контактов между Румынией и западными державами, Кароль II назначил И. Джигирту, хорошо известного в гитлеровских кругах в качестве «друга Германии».

Затем 6 июня в газете «Курентул» было опубликовано полуофициальное заявление о новом направлении румынской внешней политики. В нем говорилось, что отныне Румыния будет выбирать себе «друзей и союзников», способных защищать ее интересы. Это был откровенный отказ от прежней политики, основу которой составлял расчет на соглашение между западными державами и Германией. Единственными румынскими союзниками объявлялись гитлеровцы, ибо «от Ламанша до границ с Италией и СССР — все это арена германского влияния».

В те же дни был осуществлен ряд внутриполитических мероприятий в целях заслужить одобрение Берлина. Кароль II преобразовал Фронт национального возрождения в фашистскую «Партию нации», членам которой было предоставлено исключительное право занятия всех государственных и административных постов. Чиновники, не являвшиеся членами этой партии, увольнялись со службы. В «Партию нации» вошли и железногвардейцы, следуя призыву своего «капитана» Х. Симы «верой и правдой служить стране и королю как преданные солдаты». Одновременно были усилены антисемитские меры, что, как понимали в Бухаресте, также должно было импонировать Гитлеру.

20 июня премьер-министр Г. Татареску вновь принял германского посланника, чтобы сделать ему дополнительное заявление и дать необходимые разъяснения по принятому румынским правительством решению «укреплять и расширять сотрудничество между Германией и Румынией».

Он вручил Фабрициусу составленный королем меморандум, в котором было сказано: «Румынское правительство считает это сотрудничество, диктуемое как геополитическим положением Румынии, так и новым порядком, устанавливающимся в Европе, необходимым во всех областях. Румынское правительство считает, что идентичность интересов, связывавших две страны в прошлом, еще больше углубит их отношения завтра и требует быстрой организации этого сотрудничества, которое предполагает сильную в политическом и экономическом отношении Румынию, ибо только такая Румыния явится гарантией того, что она сможет выполнить свою миссию стража на Днестре и в устье Дуная».

Таким образом, в дополнение к ранее выраженному желанию обрести единственного покровителя в лице германского фашизма румынские правящие круги теперь открыто предлагали ему и свои услуги в борьбе против Советского Союза. На этой основе Кароль II тогда же лично предложил Гитлеру заключить румыно-германский военный союз [22].

Учитывая сказанное о политике гитлеровцев в отношении Румынии, а также их нежелание преждевременно осложнять отношения с СССР, нетрудно догадаться, что они лишь приняли к сведению предложения Бухареста, не дав на них никакого ответа. А тем временем возникла новая ситуация, оказавшаяся неожиданной и для них, и для румынского правительства.

Политика королевской диктатуры создавала серьезную угрозу безопасности юго-западных границ СССР, а поспешность, с которой правящие круги Румынии стремились сблизиться с гитлеровской Германией, говорила о том, что разрешение бессарабского вопроса не терпит дальнейшей отсрочки.

Советское правительство достаточно долго проявляло терпимость в этом отношении. Еще 29 марта 1940 г. в докладе на сессии Верховного Совета СССР отмечалось: «...У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем» [23].

Румынское правительство не собиралось что-либо предпринимать для действительного урегулирования проблемы. По свидетельству германского посланника в Бухаресте, теперь, в ожидании заключения румыно-германского военного союза, оно

[22] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 79, nota din 20 iunie 1940.
[23] «Известия», 1940, 30 марта.

более чем когда-либо не хотело возвращать советскую территорию. Фабрициус в июне 1940 г. сообщал в Берлин: «У меня впечатление, что румыны затягивают начало переговоров с русскими в надежде на скорую германскую победу. Они надеются на нашу огромную заинтересованность в Дунайском бассейне, а также на то, что после окончания настоящей войны на Западе мы будем заинтересованы держать Россию вне Балкан»[24].

В условиях, когда румынские правящие круги приняли решение связать судьбу страны с блоком фашистских агрессоров, чтобы закрепить владение оккупированной советской территорией, правительство СССР не могло более откладывать разрешение затянувшегося конфликта. Оно сочло необходимым прибегнуть к соответствующим мерам, дабы склонить румынское правительство пойти на ликвидацию этого конфликта.

Вечером 26 июня румынскому посланнику в Москве Давидеску было сделано представление о необходимости немедленного разрешения бессарабского вопроса. «Советский Союз,— говорилось в заявлении Советского правительства,— никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу.

Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава (обоснованность этого требования подчеркивалась и тем, что еще в ноябре 1918 г. Народное вече Буковины в соответствии с ясно выраженной волей населения приняло решение о воссоединении с Советской Украиной.— *Н. Л.*)»[25].

Получив советское предложение, королевское правительство попыталось уклониться от его принятия, заручившись поддержкой Германии. Обращение к Берлину было закономерным, поскольку бухарестские правители давно уже считали своей внешнеполитической опорой гитлеровскую Германию.

Пытаясь выиграть время, правительство Румынии через своего посланника в Москве дало 27 июня уклончивый ответ на

---

[24] DGFP. 1918—1945, series D, vol. IX, p. 20.
[25] «Известия», 1940, 29 июня.

советское требование. Лишь после прямого вопроса, принимает ли румынское правительство советское требование, посланник Давидеску ответил утвердительно.

Исходя из этого, правительство СССР предложило, чтобы в течение 4 дней, начиная с 28 июня, румынские войска очистили территорию Бессарабии и Северной Буковины, которую в этот же период займут советские войска; города же Черновцы, Кишинев и Аккерман подлежали занятию советскими войсками 28 июня. На румынское правительство возлагалась ответственность за сохранность имевшихся на этой территории железных дорог, паровозного и вагонного парка, мостов, складов, аэродромов, промышленных предприятий, электростанций, телеграфа.

Для урегулирования спорных вопросов, связанных с эвакуацией румынских войск и учреждений из Бессарабии и Северной Буковины, предлагалось создать смешанную комиссию, в которую вошли бы по два представителя от каждой стороны.

Решение Советского правительства положить конец затянувшемуся бессарабскому конфликту застало врасплох гитлеровскую Германию. Незадолго до этого немецкое общество «Соя» в Бессарабии заключило контракты с крестьянами и выдало им авансы в общей сумме около 1 млрд. лей на семена и проведение посевных работ. Германский посол в Москве говорил румынскому посланнику, что советское требование поразило его и что оно может причинить большой ущерб экономическим интересам рейха в Румынии.

В то же время германское правительство, поставленное правительством СССР в известность о советских требованиях к Румынии, было вынуждено заявить, что оно не заинтересовано в бессарабском вопросе[26].

Гитлеровцы заняли такую позицию, так как им пришлось считаться с тем, что любая их попытка открыто поощрить неуступчивость Румынии могла бы осложнить советско-германские отношения в момент, когда фашистский блок еще не был готов к войне против СССР. В Берлине также опасались, что в случае обострения советско-румынского конфликта Германия лишится поставок нефти из Румынии, в которых она, а также ее союзница Италия были чрезвычайно заинтересованы.

Таким образом, страны «оси» в тот период были не в состоянии помешать реализации справедливых советских требований. Это и определило линию Берлина и Рима в событиях, связанных с мирным разрешением советско-румынского территориального конфликта. Воздержавшись от прямой поддержки стремления румынских правителей силой оружия удержать оккупированную советскую территорию, Гитлер и Муссолини в то же время «обнадежили» их на будущее. Они посоветовали Бухаресту «пока

---

[26] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. I. М., 1961, с. 281.

уступить», тем самым прозрачно намекнув на временный характер такой «уступки».

В этих условиях коронным советом было принято вечером 27 июня 1940 г. решение принять советское предложение о немедленном урегулировании бессарабского конфликта и передаче Северной Буковины. Небезынтересно, что одновременно, буквально сразу же после заседания коронного совета, Кароль II через Фабрициуса обратился к правительству гитлеровской Германии с просьбой прислать в Румынию немецкие войска под видом «военной миссии».

28 июня, после получения согласия румынского правительства, советские войска начали освободительный поход в Бессарабию и Северную Буковину и уже два дня спустя вышли на реку Прут. Повсеместно жители городов и сел с огромной радостью и воодушевлением приветствовали Советскую Армию-освободительницу. И это вполне понятно. Ибо мирное решение бессарабского конфликта, как с полным основанием отметил советский историк А. М. Лазарев, представляло собою «результат слияния двух прогрессивных революционных потоков: 1) непрекращавшейся освободительной борьбы трудящихся оккупированной Бессарабии и 2) последовательной борьбы Советского правительства за справедливое решение вопроса о Бессарабии»[27].

Воссоединение Бессарабии с Советской Молдавией, провозглашенной 2 августа 1940 г. Молдавской Советской Социалистической Республикой, ликвидировало историческую несправедливость, длившуюся 22 года. Оно имело также большое военно-политическое значение: восстановление исторической советско-румынской границы отодвинуло ее на 200 км к западу, что в условиях того времени обезопасило важнейшие промышленные и сельскохозяйственные районы юга европейской части СССР.

Коммунистическая партия Румынии, руководствовавшаяся ленинским принципом самоопределения наций и потому последовательно боровшаяся против аннексии советских земель румынскими помещиками и капиталистами, с удовлетворением встретила освобождение Бессарабии и Северной Буковины[28]. В манифесте ЦК КПР (июль 1940 г.) говорилось: «Трудовой народ! Теперь, когда гигантская сила страны социализма освободила Бессарабию и Северную Буковину из-под тяжкого гнета румынского империализма, появилась реальная возможность для дружбы народов Румынии с великим социалистическим государством».

---

[27] *Лазарев А. М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974, с. 445.

[28] О позиции КПР по этому вопросу подробнее см.: *Копанский Я. М.* Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной. Кишинев, 1975, с. 304—306.

Мирное разрешение бессарабского конфликта, действительно, создавало предпосылки для всестороннего политического и экономического сотрудничества Румынии с Советским Союзом. И правительство СССР приложило большие усилия в этом направлении. Положительную роль сыграла созданная по его инициативе смешанная румыно-советская комиссия. Румынскому правительству было передано оставленное в Бессарабии и Северной Буковине вооружение и военное имущество румынской армии, в том числе 66 тыс. винтовок, 1350 пулеметов, 8152 револьвера, 201 пушка, 109 тыс. артиллерийских снарядов и 17 млн. патронов.

Румынское правительство не только не способствовало налаживанию добрососедских отношений, но и всячески препятствовало этому. В частности, оно даже пыталось помешать возвращению уроженцев Бессарабии и Северной Буковины на освобожденную родину, подвергая их жестокому преследованию и репрессиям. Дело дошло до того, что 30 июня, когда в Галаце на вокзале собралось около 2 тыс. рабочих-бессарабов, ожидавших поезда для отправки в родной край, по ним был открыт огонь из пулеметов, в результате были убитые и много раненых.

Советское правительство было вынуждено заявить протест по этому поводу и потребовало от румынского правительства обеспечения нормальных условий для выезда бессарабов на родину. К 26 июля 1940 г. из Румынии вернулось в Бессарабию и Северную Буковину около 150 тыс. уроженцев этих мест, а к моменту окончания репатриации — 16 декабря того же года — число возвратившихся из Румынии в Советский Союз превысило 220 тыс. человек.

Тем временем румынская реакция еще более настойчиво, чем прежде, добивалась немедленного заключения военного союза с Германией, который, как она полагала, обеспечит ей возможность не только вновь захватить ранее оккупированные, но и другие советские земли.

Эти агрессивные цели даже не скрывались ею. Так, издатель газеты «Курентул» П. Шейкару в одной из своих статей писал, что «в настоящее время границы беспрерывно меняются, и окончательное определение их будет делом того, кто продиктует новое устройство Европы», явно имея в виду германский рейх. А директор бухарестского радио Мугур в письме на имя главы правительства прямо заявил, что для «приобретения территорий», разумеется, на востоке, требуется лишь одно — «искренне вести политику рядом с Германией и как можно быстрее заключить с ней военный союз» [29].

Того же хотело и румынское правительство. Один из наиболее влиятельных членов королевской камарильи новый министр иностранных дел И. Джигурту в меморандуме о намеченном им

---

[29] Arhiva MAE, fond 71, 1940, dos. 79, seris. din 30 iulie 1940.

внешнеполитическом курсе указал, что ставит своей первоочередной задачей присоединение Румынии к германо-итальянскому блоку. Он считал «самой большой ошибкой» то, что это не было сделано раньше. Джигурту назвал военный союз с Германией, которая, как он писал, в скором времени вступит в войну с СССР, единственной надеждой на присоединение новых земель на Востоке.

Прочитав этот меморандум, Кароль II немедленно назначил И. Джигурту премьер-министром вместо ушедшего в отставку Г. Татареску. Новый глава правительства, выступая с заявлением о внешнеполитическом курсе, подчеркнул: «Включение Румынии в новый европейский порядок будет проводиться моим правительством не пустыми словами, а решительными действиями».

Первым его «действием» был отказ от английских «гарантий», которые он объявил не соответствующими внешнеполитической ориентации страны, определяемой «устанавливающимся новым европейским порядком». Затем последовали антибританские и антифранцузские меры. Сначала были уволены и высланы из Румынии английские подданные, работавшие на нефтяных промыслах, крупнейшая англо-румынская нефтяная компания «Астра ромына» перешла под контроль румынского правительства. После этого были подвергнуты аресту, а затем изгнаны из страны французские инженеры, обвиненные в подготовке актов саботажа на основе захваченных гитлеровцами во Франции архивных документов, среди которых фигурировал выработанный в свое время в Париже и отвергнутый тогда же Бухарестом план срыва снабжения гитлеровского рейха нефтью.

Одновременно с назначением Джигурту на пост главы правительства Кароль II сообщил 1 июля Фабрициусу, что хочет скорейшего достижения «политического соглашения с Германией». На следующий день он направил Гитлеру послание, в котором вновь подчеркнул, что всестороннее румыно-германское сотрудничество, «гарантированное политическими договорами», будет залогом успешных «совместных действий» против Советского Союза. В этих целях король просил Гитлера ускорить присылку в Румынию так называемой «военной миссии». Как отмечают английские исследователи международных отношений, речь шла о заключении наступательного и оборонительного союза между Румынией и Германией, который обеспечил бы румынским правителям «абсолютную безопасность» и захват советских земель [30].

Говоря о реакции Берлина на это послание, следует напомнить, что к тому времени, т. е. к началу июля 1940 г., Гитлер уже принял решение переключить германские вооруженные си-

---

[30] Survey of International Affairs. 1939—1946. The Eve of the War. London, 1957, p. 325.

лы на подготовку войны против Советского Союза. Еще в конце мая он дал указание военным инстанциям приступить к соответствующим приготовлениям. С середины июня, одновременно с разработкой плана вторжения на советскую землю, началась срочная переброска войск с запада в ближайшие к границам СССР районы. В конце того же месяца начальник генерального штаба сухопутных войск Германии записал в своем служебном дневнике: «Все взоры обращены на Восток». К этому времени близ советских границ уже были сконцентрированы 24 немецкие дивизии, в том числе шесть танковых и три моторизованные [31].

Начавшееся таким образом стратегическое развертывание немецко-фашистских войск, предназначенных для нападения на Советский Союз, естественно, выдвинуло вновь вопрос об использовании для этой цели румынской территории. Причем, если раньше он время от времени возникал как дело более или менее неопределенного будущего, то теперь, когда Гитлер уже определил сроки вторжения на советскую землю, назначив его на весну 1941 г. [32], германское командование считало, что больше нельзя откладывать проведение широких мероприятий по превращению Румынии в южный плацдарм для нанесения удара на Восток. О том, насколько остро недоставало гитлеровцам этого плацдарма, предназначавшегося для образования правого крыла сил вторжения, свидетельствует тот факт, что уже летом 1940 г. Гитлер не только начал склоняться к принятию предложения об оккупации Румынии, но и отдал приказ подготовить войска для «быстрого захвата ключевых пунктов» румынской территории [33].

И все же до этого дело тогда не дошло. Фашистский фюрер искал иного, более подходящего решения. Опыт захвата Чехословакии и Польши, а также западноевропейских стран уже достаточно ясно показал, что германский фашизм мог рассчитывать лишь на кучку предателей своих народов. В то же время гитлеровцы были вынуждены держать на оккупированных территориях весьма значительные войска для борьбы с развертывавшимся движением Сопротивления. Фашистское руководство Германии, учитывавшее, что в лице СССР оно встретит сильного противника, стремилось приобрести союзников, которые смогли бы выставить свои вооруженные силы для действий на стороне рейха.

Такими потенциальными союзниками, кроме итальянских фашистов, и являлись румынские, а также венгерские правители. Но если Хорти был сравнительно надежной опорой для гит-

---

[31] См.: *Hillgruber A.* Hitlers Strategie. Frankfurt am Main, 1965, S. 231.
[32] См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник, т. 2. М., 1969, с. 82.
[33] См.: *Greiner H.* Die oberste Wehrmachtführung 1939—1943. Wiesbaden, 1951, S. 300.

леровцев, то к Каролю II фашистский фюрер питал по-прежнему недоверие.

Этим, в частности, объясняется и тот факт, что даже после возвращения в Румынию большей части ранее бежавших за границу железногвардейцев в Берлине под покровительством гестапо осталась значительная группа приверженцев Хориа Симы, состоявшая из самых отъявленных головорезов и находившаяся как бы в резерве у гитлеровцев на случай, если бы им потребовалось «убрать» еще кого-нибудь из румынских руководителей.

Среди вероятных будущих жертв этих террористов, несомненно, мог оказаться и Кароль II. Король испытывал постоянный страх перед ними и предпринимал многочисленные попытки добиться, чтобы гитлеровцы лишили их своей поддержки. Характерно, что такими просьбами румынский король неизменно сопровождал и свои предложения об установлении «союзных отношений» с Германией. Так, 14 июня 1940 г., обсуждая с Фабрициусом пути дальнейшего румыно-германского сближения, он вновь с беспокойством заговорил о том, что Берлин уклоняется от принятия его предложений относительно румынских железногвардейцев, находившихся в Германии. Это, по его словам, причиняло ему большую тревогу, «ибо, как он может брать на себя инициативу в проведении политики близких отношений с Германией в духе Кароля I (румынский король, связавший в 1883 г. Румынию союзом с Германией и Австро-Венгрией.— *Н. Л.*), если рейх не заявляет о своей готовности принять меры против этих террористических элементов». В тот же день Джигурту на правах «друга Германии» со своей стороны настойчиво просил Фабрициуса поддержать в этом вопросе короля, поскольку тот, как выразился новый румынский министр иностранных дел, «сейчас преисполнен решимости вести политику с согласия Германии» [34].

Но и на этот раз гитлеровская верхушка на вняла просьбе румынского короля. Более того, вскоре выяснилось, что и возвратившиеся в Румынию железногвардейцы лишь прикидывались покорными Каролю II, а в действительности преследовали совсем иные цели. Действуя внутри ФНВ, «Железная гвардия» не только сохранила, но и довольно быстро укрепила свою организационную и политическую самостоятельность, вновь оказавшись фактически единственной легально действующей партией В начале июля 1940 г., когда ее руководство сочло, что она уже достаточно окрепла, Хориа Сима, по-видимому выполняя указание Берлина, вышел из королевского правительства, а не пожелавшие последовать его примеру три легионерских деятеля— Видяну, Новяну, Ништяну были немедленно исключены из «Же-

---

[34] DGFP. 1918—1945, series D, vol. IX, p. 564.

лезной гвардии». Когда же Кароль II попытался ввести в правительство лидера немецкого национального меньшинства в Румынии Ганса Рота, предложив ему пост министра по делам национальностей, тот, посоветовавшись с Берлином, отказался.

Все это означало, что королевская диктатура, с самого начала своего существования находившаяся во внутриполитической изоляции, потерпела очередную неудачу в попытке опереться на «Железную гвардию». Далее если учесть, что главари железногвардейцев были осведомлены о намерениях гитлеровцев гораздо лучше, чем королевское правительство, то их поспешный отказ от сотрудничества с Каролем II представляется ни чем иным, как бегством с тонущего корабля.

Королевская диктатура, действительно, доживала последние недели.

Выше уже упоминалось, что еще в начале июня в ответ на требование Риббентропа румынское правительство дало «разъяснения» относительно своей внешней политики. Однако в то же время оно не сделало никакого заявления о намерении проявить «инициативу» в урегулировании отношений с Венгрией и Болгарией. Объяснялось это, разумеется, нежеланием идти на уступки в трансильванском вопросе и надеждой на то, что Берлин, дорожа связями с Румынией, будет поддерживать ее в конфликте с хортистами. Однако Риббентроп больше всего хотел выяснить позицию румынского правительства именно в этом вопросе.

Дело в том, что в Берлине тогда происходило своеобразное соревнование между военными и дипломатами, предлагавшими Гитлеру свои рецепты по части решения проблемы включения Румынии в подготовку германского нападения на СССР. Генералы по-прежнему стояли за оккупацию румынской территории, с тем чтобы безотлагательно начать там концентрацию германских войск, предназначенных для действий на южном крыле будущего Восточного фронта. Министерство иностранных дел выдвинуло другой план, с помощью которого, как оно заявляло, можно было не только Румынию, но и Венгрию сделать надежными сателлитами рейха, не прибегая к силе оружия.

Замысел этот основывался, с одной стороны, на том, что хортисты уже неоднократно заявляли о готовности в обмен на получение Трансильвании безоговорочно участвовать всеми своими вооруженными силами и материальными ресурсами в любых агрессивных акциях гитлеровской Германии. С другой — румынские правители, испытывавшие тревогу за эту территорию, всеми силами стремились вновь овладеть Бессарабией, а также захватить и другие советские земли. Все это позволяло гитлеровцам, заявив о своем стремлении не допустить румыно-венгерского вооруженного столкновения и используя огромную зависимость обеих стран от рейха, заставить их принять выгодное для него решение.

Частичное удовлетворение претензий хортистов и обещание в ближайшем будущем компенсировать потери Румынии за счет советских земель должно было, согласно этому замыслу, прочно привязать правителей двух стран к Германии. Такое решение, как понимали в Берлине, могло лишь создать видимость разрешения территориального спора, а на деле углубить румыно-венгерские противоречия, что также было на руку гитлеровцам, поскольку позволяло им и впредь шантажировать обе стороны.

Наконец — и это, несомненно, являлось важной составной частью данного плана,— вынудив Кароля II пойти на частичную уступку хортистам, германская дипломатия рассчитывала таким образом дискредитировать его в глазах румынского народа и вызвать волнения в стране. Их можно было использовать как предлог для обвинения Кароля II в неспособности обеспечить выполнение данных рейху обещаний и добиться, чтобы он «в интересах румыно-германского союза» уступил власть тем, на кого укажет Берлин.

Гитлеру не могла не понравиться такая идея, тем более что она основывалась на его собственном стремлении держать в своих руках и Венгрию и Румынию с помощью политического шантажа, а также сулила возможность избавиться от Кароля II и заменить его более надежной фигурой. Что касается последней, то она уже была на примете.

Имелся в виду генерал И. Антонеску, подвергшийся королевской опале, но тем не менее сохранивший значительное влияние на верхушку румынской армии и, по мнению Берлина, способный «сильной рукой» не только управлять страной, но и поставить вооруженные силы Румынии целиком на службу целям гитлеровцев. Последним импонировало и то, что его оппозиция Каролю II носила откровенно прогерманский характер еще во времена внешнеполитического маневрирования румынского правительства. Многообещающими были также давние связи И. Антонеску с «Железной гвардией», что открывало перспективу создания правительства, опирающегося как на армию, так и на самую крупную в стране фашистскую организацию.

Такой характер разработанного в Берлине плана не вызывает сомнений. И не только потому, что разыгравшиеся вскоре события в основном точно соответствовали этому замыслу. Изложенная выше суть плана гитлеровцев подтверждается также и их мероприятиями, предшествовавшими его осуществлению, и обстоятельствами, при которых на смену монархо-фашистскому режиму в Румынии пришла военно-фашистская диктатура.

У Гитлера, вероятно, были некоторые сомнения в успехе приведенного замысла. Поэтому вплоть до его успешной реализации не исключался и вариант оккупации Румынии, которая, впрочем, тоже скорее всего привела бы к власти генерала И. Антонеску и железногвардейцев, но уже в качестве явно марионеточного правительства. Поскольку же такой путь считался пригодным

лишь на крайний случай, то было решено в первую очередь испробовать дипломатические средства.

И вот в ответ на послание Кароля II Гитлеру от 2 июля 1940 г., содержавшее предложение заключить румыно-германский «оборонительный и наступательный союз», Фабрициус два дня спустя заявил, что ему поручено сообщить Каролю II о желании Гитлера прежде всего получить от румынского правительства разъяснение о том, как оно намерено содействовать «умиротворению Балкан». Следуя полученной из Берлина инструкции, германский посланник прямо изложил позицию своего правительства по вопросу об отношениях Румынии с Венгрией и Болгарией. «Для короля,— говорилось в этой инструкции,— должно стать ясно, что он не может избежать уступки определенной территории» [35].

6 июля министр иностранных дел Манойлеску передал Фабрициусу ответ Кароля II на предложение Гитлера, содержавший согласие начать переговоры с венгерским и болгарским правительствами. «Его величество надеется,— подчеркнул Манойлеску,— что это искреннее заявление, которое требует от Румынии колоссальных жертв, будет рассматриваться как доказательство духа сотрудничества и его личной высокой оценки фюрера». По-видимому, король надеялся на то, что его ответ поможет добиться от Берлина «взаимности». Поэтому 12 июля он вновь обратился к германскому правительству с заверением в том, что «искренне решил равняться на Германию», и в который уже раз попросил прислать «открыто или замаскированно» германских «военнослужащих с танками и самолетами» для «обучения» румынской армии.

Это было еще одно откровенное приглашение оккупировать Румынию германскими войсками и превратить ее в плацдарм и союзника в предстоящей войне гитлеровской Германии против СССР.

Отчаянные попытки Кароля II связать страну союзом с фашистской Германией вызвали обостренную реакцию венгерских правящих кругов. Хортистская клика боялась, что румынские правители, войдя в доверие к Гитлеру, заручатся его поддержкой в трансильванском вопросе. Но, как уже говорилось, совсем не того хотел Гитлер. Поэтому, чтобы успокоить хортистов, он во время встречи с министром иностранных дел Италии Чиано, премьер-министром Венгрии Телеки и министром иностранных дел Чаки в Мюнхене 10 июля, как гласит запись их беседы, «заявил в этой связи, что король Кароль вдруг стал предпринимать огромные усилия для достижения тесного политического сотрудничества с Германией. Фюрер остался очень холоден к этим попыткам сближения. Король Кароль написал даже ему письмо, которое осталось пока без ответа. Он воспользуется возможно-

[35] DGFP. 1918—1945, series D, vol. X, p. 116—117.

стью проинформировать румынского короля, что предварительным условием установления желаемого им германо-румынского сотрудничества является разрешение требований его соседей о ревизии границ. Фюрер сказал, что он разовьет подробно эти идеи в ответе Каролю и твердо убежден, что король Кароль тогда начнет переговоры».

Этот ответ был послан 15 июля. В нем Гитлер упрекнул Кароля II в том, что «в прошлом румынская официальная политика была недружественной и даже враждебной», хотя Германия, исходя из «понятных экономических интересов», заняла, по его словам, «сдерживающую позицию», чтобы предупредить военное столкновение Румынии с ее соседями. Затем фашистский фюрер перешел к угрозам. Теперь, заявил он, германское правительство не намерено занимать такую позицию, если Румыния не достигнет мирного урегулирования споров с Венгрией и Болгарией. В письме подчеркивалось, что рейх якобы заботится об интересах Румынии, не желая ее войны с соседями, сам же он в случае необходимости может обойтись и без румынских поставок нефти.

Гитлер прямо заявил, что до тех пор, пока Румыния не урегулирует свои отношения с соседями путем «разумного решения» спорных вопросов, не может быть и речи о «поисках тесного сотрудничества» между Германией и Румынией и «возможного принятия на себя обязательств значительного масштаба». В заключение он снова пригрозил: «Если Румыния, Венгрия и Болгария сочтут невозможным достичь соглашения, то их позиция, по моему твердому убеждению, не принесет компенсации ни одному из этих государств, а, напротив, накажет их всех».

Угроза в адрес «всех» фактически относилась только к Румынии, ибо именно от нее Гитлер требовал уступок. Просьба же о присылке германских войск осталась без ответа.

Это настолько встревожило Кароля II, что он уже на следующий день отправил в г. Турну-Северин румынскую делегацию для переговоров с представителями хортистского правительства Венгрии. Одновременно по его поручению Джигурту послал Герингу письмо, в котором отметил «тяжелое впечатление», произведенное молчанием германского правительства по вопросу о присылке войск. Тревожным казался премьер-министру и тот факт, что новый румынский посланник в Берлине уже более двух месяцев не мог вручить Гитлеру свои верительные грамоты «Лично я понимаю трудности, вызываемые войной,— писал Джигурту Герингу в этой связи,— но все же я должен сказать, что это затягивание (с принятием верительных грамот румынского посланника.— *Н. Л.*) может быть иначе понято другими кругами».

Наконец, 20 июля 1940 г. Гитлер принял нового посланника Румынии в Берлине, не упустив при этом возможности вновь сделать выговор румынским правящим кругам. «Фюрер считает,— докладывал новый румынский посланник о своей беседе

с Гитлером,— что Румынии не пришлось бы перенести того, что она перенесла, если бы она не вела двойственной политики» [36].

В тот же день пришел и ответ на просьбу относительно присылки войск. Но не от Гитлера и не от Геринга, а от политического департамента германского МИД, сообщавшего, что согласно информации, полученной от верховного командования вермахта, «фюрер решил, что сейчас вооруженные силы ничего не предпримут в этой связи».

Тогда король решил отправиться с визитом к Гитлеру, но тот не захотел принять его.

Вконец напуганный Кароль II направил к Гитлеру Джигурту и Манойлеску с заданием любой ценой добиться политического сотрудничества с Германией. Они привезли германскому фюреру письмо короля с заверениями в преданности и готовности выполнить любой приказ Берлина. Перечислив все свои «заслуги» перед рейхом и униженно умоляя «не выносить столь категорического приговора во вред Румынии», Кароль II выражал согласие действовать в соответствии с указаниями Гитлера в деле урегулирования отношений с двумя соседними странами.

26 июля румынских делегатов принял Риббентроп. Для гитлеровцев уже стало обычаем упрекать румынское правительство за его прошлую внешнюю политику. Это был один из способов давления с целью добиться новых уступок. Не обошлось без упреков и на сей раз.

Риббентроп начал с того, что германские войска захватили во Франции документы, якобы свидетельствующие о том, что румынская политика была «если не антигерманской, то абсолютно проанглийской». Затем он заявил, что Германия «симпатизирует ревизионистским требованиям» правительств Венгрии и Болгарии, так как, по его словам, после первой мировой войны «Румыния стала неестественно большой, получив территории, для завоевания которых не приложила собственных усилий», и что это «нарушило равновесие сил на Балканах». Далее Риббентроп «посоветовал» румынскому правительству как можно быстрее достичь «четкого и окончательного урегулирования отношений с Венгрией и Болгарией».

Оправдывая румынские правящие круги, Джигурту пытался убедить Риббентропа в том, что Румыния «никогда не была настроена против Германии...» Начиная с 1935 г., говорил он, румынское правительство добровольно поставило себя на службу экономическим планам Германии, «лояльно сотрудничая» с ней в области торговли. Джигурту также напомнил, что он лично в начале второй мировой войны, 9 сентября 1939 г., передал Герингу следующие слова Кароля II: объявление Румынией нейтралитета — это «шаг к союзу с Германией». Риббентроп довольно бесцеремонно прервал Джигурту и, возвращая его к теме

---

[36] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 79. doc. 43668, 43669.

беседы, подчеркнул, что сейчас речь идет о «возврате» Венгрии и Болгарии «территорий, которые были приобретены в результате игры удачного случая, а не румынских усилий».

Румынский премьер-министр тотчас же заявил, что его правительство согласно на «урегулирование» путем изменения границы и обмена населением, и выразил надежду на ответный «дружеский жест» Берлина, имея в виду заключение германо-румынского военного союза, предоставление гарантий Румынии, а также экономической помощи со стороны Германии, в частности кредита в 600 млн. марок сроком на 10 лет на закупку германского оружия.

Как гласит далее запись беседы, она закончилась тем, что Риббентроп строго предупредил: если в скором времени Румыния не достигнет урегулирования с Венгрией и Болгарией, то она не только не должна рассчитывать на «развитие своих отношений с Германией», но и вообще «могут возникнуть серьезные последствия» [37].

На следующий день, во время встречи Джигурту и Манойлеску с Гитлером, глава румынского правительства уже не рискнул упоминать о «заслугах» перед рейхом. Он сразу начал с того, что «Румыния готова на уступки, ибо ясно понимает свое положение и знает о желании фюрера установить новый порядок в Европе, частью которого она хочет стать». Затем он осторожно дал понять Гитлеру, что связывает эти территориальные уступки с получением гарантий, фактически означавших оформление румыно-германского политического союза, направленного против СССР.

Таким образом, уверовав в близящееся установление гитлеровского «нового порядка», румынские правители стремились в качестве союзника фашистской Германии получить право на участие в разделе добычи, в первую очередь советской земли, и ради этого соглашались отказаться от части собственной территории. Стремясь подчеркнуть, что его правительство достойно такого доверия, Джигурту обратил внимание фюрера на уже установленный в Румынии фашистский режим и на намерения короля «усовершенствовать» его по германскому образцу.

В ответ на все эти излияния Гитлер ограничился кратким заявлением о том, что предварительным условием предоставления германо-итальянских гарантий Румынии является урегулирование ею отношений с Венгрией и Болгарией, и предложил румынскому правительству без промедления начать переговоры с этими странами. Когда же Манойлеску спросил, будет ли иметь место арбитраж, если румыно-венгерские переговоры окажутся безуспешными, он ответил отрицательно, сославшись на «неудачный» опыт первого венского арбитража, в результате которого хортисты в 1938 г. получили часть территории Чехословакии, но не были этим удовлетворены.

[37] DGFP. 1918—1945, series D, vol. X, p. 302—306.

Кстати, вскоре после беседы Джигурту и Манойлеску с Гитлером выходившая в румынской столице на немецком языке газета «Бухарестер тагеблат» заявила, будто бы Германия не берет на себя роль арбитра, потому что «слишком уважает суверенитет Румынии и Венгрии и не хочет своим вмешательством нанести ему ущерб». Это утверждение в условиях, когда Германия открыто вмешивалась во внутренние дела и взаимоотношения обеих стран, звучало издевательски. К тому же, лицемерно заявляя об отказе выступить арбитром в румыно-венгерском конфликте, гитлеровская клика в действительности готовилась продиктовать правящим кругам Румынии и Венгрии такое решение трансильванской проблемы, которое приковало бы их к колеснице германского империализма.

Неутешительными для румынских правящих кругов оказались также переговоры Джигурту и Манойлеску в Риме, куда они выехали после визита в Берлин. От Муссолини и Чиано им пришлось выслушать те же упреки, что свидетельствовало об общности германской и итальянской линии в отношении Румынии.

Дуче, например, перечисляя грехи Кароля II и его правительства, заявил: «Первой ошибкой была вера в Женеву, второй ошибкой было принятие английских гарантий». Что касается румыно-венгерского территориального спора, то Муссолини ограничился обещанием содействовать принятию «компромиссного решения», т. е. передаче хортистам не всей, а «только» части Трансильвании. И при этом он утешал Джигурту и Манойлеску: «Если румынская территория в результате этого уменьшится, то Румыния станет более однородной (в этническом отношении.— *Н. Л.*)»[38].

Нельзя сказать, чтобы Джигурту, «друг Германии», был всем этим расстроен. Не слишком огорчила его и неудача предпринятой им в Берлине попытки добиться согласия фюрера на то, чтобы румынское правительство прибрало к рукам английские и французские нефтяные акции. На соответствующий его вопрос Гитлер, не долго думая, ответил, что Германия считает эти акции «своими» и, следовательно, должна получать от них доходы.

Молча проглотив и эту пилюлю, румынские правители еще раз показали, что они готовы на любое предательство интересов как своего народа, так и недавних союзников. Более того, заняв такую позицию, они стремились использовать ее в качестве подтверждения готовности безоговорочно служить гитлеровскому рейху. Доказательства лояльности к гитлеровской Германии следовали одно за другим. В частности, 8 августа было подписано новое соглашение о поставке рейху «по твердым ценам» румынского зерна из урожая 1940 г. Оно предусматривало продажу 450 тыс. т ячменя, 50 тыс. т овса, 30 тыс. т ржи, 50 тыс. т кукурузы и другого продовольствия. Причем на случай, если урожай

---

[38] Ciano's Diplomatic Papers, p. 382—383.

этих культур превзойдет первоначальные наметки, румынское правительство обязалось весь избыточный экспорт зерна также предоставить в распоряжение Германии.

Но гитлеровская верхушка, принимая все это как должное, настойчиво добивалась осуществления своей главной в тот период цели в отношении Румынии. Уже через три дня после визита Джигурту и Манойлеску в Берлин Риббентроп телеграфировал Фабрициусу, чтобы он передал румынскому правительству «совет» Гитлера без задержки вернуть Южную Добруджу Болгарии. Такие же «рекомендации» были даны и по вопросу о Трансильвании.

В этой обстановке 19 августа начались румыно-болгарские переговоры в г. Крайове, в результате которых два дня спустя было подписано соглашение о передаче Южной Добруджи Болгарии.

Переговоры с Венгрией, начавшиеся еще 16 июля в г. Турну-Северине, зашли в тупик и 24 августа были прерваны. Спор осложнялся тем, что компактное венгерское большинство в Трансильвании проживало далеко от границы, будучи отделено от Венгрии широкой полосой территории, где большинство населения составляли румыны. Стремясь уменьшить размеры своих уступок, румынское правительство предлагало провести обмен населением, передав при этом Венгрии территорию площадью в 14 тыс. кв. км. Венгерское правительство отвергло это предложение, потребовав передачи территории, на которой, по румынским подсчетам, проживало 2,4 млн. румын, а в Румынии оставалось бы после этого всего 180 тыс. венгров.

Срыв переговоров в Турну-Северине повлек за собой резкое обострение румыно-венгерских отношений. Обе стороны развернули приготовления к войне. Румынские и венгерские войска были подтянуты к границе, участились вооруженные столкновения в пограничной полосе. Когда же Кароль II, напуганный перспективой нападения хортистской Венгрии, которую поддерживали Германия и Италия, вновь обратился в Берлин за помощью, ему ответили, что германское правительство придерживается «нейтральной» позиции в румыно-венгерском споре. Это был все тот же нажим на Румынию.

Гитлер не был вполне уверен в том, что связанный с подготовкой войны против СССР «румынский вопрос» удастся решить политическими средствами и потому одновременно принял меры в соответствии с рекомендациями военного командования. Так, 10 июля при встрече с венгерским премьером Телеки и министром иностранных дел Чаки он сказал им, что недоволен позицией румынского правительства и что если она будет «упрямиться», Германия осуществит в «легкой форме» оккупацию Румынии[39].

---

[39] См.: *Пушкаш А.* Венгрия во второй мировой войне. М., 1963, с. 100.

А после срыва переговоров в Турну-Северине Гитлер 26 августа приказал главнокомандующему сухопутными силами генералу Браухичу держать наготове войска для «быстрого захвата ключевых пунктов Румынии». С этой целью было решено, что 10 пехотных и 2 танковые девизии сосредоточатся в южной части оккупированной Польши и по первому сигналу пересекут румынскую границу [40]. 28 августа последовал приказ использовать для предстоящего вторжения в Румынию также 5 танковых и 3 моторизованные дивизии, дислоцировавшиеся тогда в районе Вены. Одновременно предполагалось ввести в дело и парашютно-десантные войска для занятия стратегических пунктов на румынской территории [41].

Однако Риббентроп не терял уверенности в том, что не военные, а именно он «завоюет» Румынию. Это — одна из иллюстраций к уже упоминавшемуся соперничеству гитлеровских дипломатов и генералов, постоянно стремившихся превзойти друг друга в осуществлении целей, намечавшихся фюрером. Как справедливо заметил по этому поводу советский военный историк Д. М. Проэктор, «трудно определить откуда — из министерства иностранных дел или из ОКВ (верховного командования германских вооруженных сил.— *Н. Л.*) — в большей степени диктовались вопросы политики в Юго-Восточной Европе» [42].

27 августа, когда уже началась переброска германских войск к румынской границе, Риббентроп с согласия Гитлера направил министрам иностранных дел Румынии и Венгрии приглашение прибыть в Вену для «урегулирования» их территориального спора. Одновременно он попросил приехать и итальянского министра иностранных дел графа Чиано, что тот и сделал немедленно.

На следующий день Чиано был принят Гитлером в присутствии Риббентропа для обсуждения румыно-венгерского конфликта. Как всегда, говорил в основном фюрер. Он не стал раскрывать итальянскому министру самой сути своих планов в отношении Румынии, вернее, относительно ее короля, а обрисовал главным образом те неприятные для Германии и Италии последствия, которыми грозила возможная румыно-венгерская война. Так, он подчеркнул, что она нарушит снабжение держав «оси» нефтью и тем самым создаст «исключительно серьезные проблемы для дальнейшего ведения войны».

Затем Гитлер указал на сложность трансильванской проблемы, обусловленной тем, что «в оспариваемой области... на 1,5 млн. венгров приходится 3 млн. румын и 600—700 тыс. немцев», а также особенностями расположения румынского и венгерского населения на этой территории. В заключение он признал, что на 66 тыс. кв. км, или $^2/_3$ территории Трансильвании, на которые претендовали хортисты, лишь треть населения составля-

[40] DGFP. 1918—1945, series D, vol. X, p. 549—550.
[41] *Greiner H.* Op. cit., S. 299.
[42] *Проэктор Д. М.* Агрессия и катастрофа, с. 201.

ли венгры, однако высказался за «максимально возможное» удовлетворение требований Будапешта, мотивируя это необходимостью «наказать» Румынию.

Чиано от имени итальянского дуче выразил полное согласие с германской точкой зрения.

29 августа 1940 г. в отеле «Империал» в Вене Риббентроп в присутствии Чиано принял поочередно румынского и венгерского министров иностранных дел, чтобы склонить их в пользу германо-итальянского арбитража территориального спора. Румынскому министру иностранных дел Риббентроп сказал, что фюрер решил вмешаться в спор, тем более что «Румыния неоднократно просила державы оси вынести арбитражное решение по вопросу о пересмотре границы». Перед тем как взять на себя миссию арбитров, продолжал он, Германия и Италия хотели бы получить от румынского правительства заверение, что оно безоговорочно примет решение, которое будет вынесено державами «оси». Риббентроп подчеркнул, что только после урегулирования споров с Венгрией и Болгарией можно будет предоставить Румынии «гарантию территориальной целостности».

Манойлеску сразу же поставил вопрос о том, распространится ли гарантия на все румынские границы или только на границу Румынии с Венгрией. Риббентроп ответил, что будут гарантированы все границы, и добавил, что можно будет удовлетворить просьбу румынского правительства о посылке под видом «военной миссии» германских войск в Румынию. Чиано присоединился к заявлению германского министра иностранных дел, сказав, что ему мало что остается добавить к сказанному Риббентропом.

Выслушав все это, Манойлеску выразил удивление по поводу того, что возник вопрос об арбитраже, поскольку, по его словам, «фюрер и дуче говорили румынскому председателю совета министров всего несколько недель назад, что они против арбитражного решения». Рассыпая заверения в лояльности к «новому порядку» и проявляя готовность выполнить «любое другое» пожелание держав «оси», он все же пытался поторговаться. Румыния, сказал Манойлеску, безоговорочно согласится с арбитражным решением, если оно будет основываться на принципе обмена населением.

Риббентроп резко прервал его, заявив: «Неуместно со стороны Румынии ставить условия державам оси... В таком случае арбитраж станет невозможным и события будут развиваться своим чередом. Венгрия нападет на Румынию. Война быстро распространится и приведет к вторжению русских, что закрепит крах Румынии» [43].

Надо сказать, что еще накануне, во время совещания Риббентропа и Чиано с Гитлером, было решено с целью оказать давление на Кароля II пустить в ход вымышленную «советскую угрозу» Румынии. Идея такого шантажа принадлежала Фабрициусу,

[43] DGFP. 1918—1945, series D, vol. X, p. 574.

который изложил ее в своем докладе, посланном в Берлин 26 августа 1940 г. Чтобы добиться желательного для рейха исхода переговоров между Румынией и Венгрией, он предложил распространить слух о том, что в случае венгеро-румынской войны «русские вторгнутся на румынскую территорию». Это, по его словам, позволило бы «намекнуть» Бухаресту на необходимость скорейшего достижения соглашения в целях обеспечения безопасности Румынии с востока.

Гитлер одобрил идею Фабрициуса, заявив, что следует указать Бухаресту на угрозу «полного исчезновения» румынского государства в случае венгеро-румынской войны, а также на возможность путем соглашения «спасти национальную территорию» Румынии. Это было, конечно, обещание компенсации за счет СССР.

Риббентроп предложил румынскому министру иностранных дел до полуночи сообщить, готов ли Бухарест подчиниться германо-итальянскому арбитражу. Такое же требование было предъявлеио венгерским делегатам. Их также запугивали «возможным русским наступлением», но на этот раз для того, чтобы убедить хортистов ни в коем случае не начинать войну против Румынии. Кроме того, им было сказано, что Германия и Италия, занятые войной против Британской империи, не смогут оказать помощь Венгрии.

Шантаж подействовал — обе стороны согласились на арбитраж.

30 августа 1940 г. в Бельведерском дворце Риббентроп, Чиано, Манойлеску и Чаки подписали протокол, в котором говорилось, что правительства Румынии и Венгрии обратились к правительствам Германии и Италии с просьбой вынести арбитражное решение, которое будет обязательным для спорящих сторон.

Одиовременно было объявлено и само арбитражное решение, вынесенное германским и итальянским министрами иностранных дел, первый пункт которого гласил: «Окончательной границей между Румынией и Венгрией будет граница, проведенная на прилагаемой карте».

Проведенная Риббентропом и Чиано линия на карте отторгала от Румынии Марамуреш, половину Трансильвании и Кришаны. На передававшейся Венгрии территории в 43 591 кв. км проживало 2,5 млн. человек, из которых половину составляли румыны. В Румынии оставалось 500 тыс. венгров.

Венским диктатом были недовольны правящие круги не только Румынии, но и Венгрии. Хортистов не устраивала полученная территория, так как она составляла только $^{2}/_{3}$ той, на которую они претендовали. Тем не менее обе стороны согласились с арбитражным решением, давшим Гитлеру мощное средство давления на эти страны.

Расчленив Румынию, гитлеровцы лицемерно гарантировали «целостность и неприкосновенность румынской национальной тер-

ритории». 30 августа 1940 г. Риббентроп и Манойлеску обменялись письмами по этому поводу. Тогда же были подписаны венгеро-германский и румыно-германский протоколы относительно немецкого национального меньшинства в Венгрии и Румынии, фактически обеспечившие привилегированное положение для немцев, проживавших в этих странах.

Венский арбитраж нанес сильный удар по стратегическим позициям Румынии. Новая граница, проведенная Риббентропом и Чиано, делала страну по существу неспособной организовать эффективную оборону от агрессии со стороны Венгрии. Центр нефтепромыслового района г. Плоешти оказался всего в 80 км от венгерской границы. Огромный урон наносился экономике Румынии, которая в результате передачи Северной Трансильвании лишалась большого числа промышленных предприятий и сельскохозяйственных районов. Производственные мощности сократились в химической промышленности на $^{1}/_{5}$, в металлургической — на $^{1}/_{3}$, в лесной — на $^{2}/_{5}$ и т. д. Резко уменьшались сырьевые ресурсы и сельскохозяйственное производство Румынии, не говоря уже о сокращении людских ресурсов.

Тем не менее королевская диктатура решила подчиниться венскому диктату. За его принятие высказалось большинство членов коронного совета, заседавшего 30 августа 1940 г. Таким образом, румынские правящие круги капитулировали перед германским рейхом. Активным участием в предстоящем походе фашистской Германии против СССР они надеялись склонить Гитлера к пересмотру венского арбитража в свою пользу или, в крайнем случае, получить на Востоке компенсацию за потерю Северной Трансильвании. Для оправдания акта национального предательства королевская камарилья распространила лживую версию о «безвыходном положении» страны, которой якобы угрожал Советский Союз.

Разоблачая эти клеветнические утверждения, призванные оправдать позорные действия румынских правящих кругов, «Правда» писала: «Окружение Кароля несколько времени назад вело переговоры, в которых подготовлялась передача Венгрии значительной части Трансильвании, а также получение от Германии и Италии гарантий государственной территории Румынии. Каролю нужны были какие-нибудь внешние поводы, чтобы оправдать перед общественным мнением Румынии эти подготовлявшиеся решения. В этих целях окружение Кароля пошло на создание провокационных инцидентов на советско-румынской границе... Кароль, конечно, правильно рассчитывал, что нападение румынских частей на советскую пограничную охрану не может остаться без ответа. Все это было использовано для того, чтобы распространять заведомо ложные слухи о том, что якобы Советский Союз готовит нападение на Румынию...» [44]

[44] «Правда», 1940, 9 сентября.

По этому же поводу в заявлении ТАСС было указано, что распространение клеветнических измышлений объясняется «теми же провокационными целями», которыми диктуются «повторяющиеся в последнее время с румынской стороны инциденты на советско-румынской границе, вызвавшие, как известно, протест со стороны Советского правительства»[45].

Даже Гафенку, который в то время являлся румынским посланником в Москве, впоследствии в своей книге «Прелюдия к русской кампании» опроверг неуклюжие попытки взвалить на СССР ответственность за расчленение Румынии венским диктатом от 30 августа 1940 г. Он писал, что удивлен ссылкой на «опасность непосредственного русского вторжения», использовавшейся в качестве решающего аргумента для навязывания румынскому правительству решения германо-итальянского арбитража. Гафенку также признал, что СССР не проявлял никаких агрессивных намерений в отношении Румынии. Напротив, подчеркнул он, в середине августа 1940 г. при посещении народного комиссариата иностранных дел СССР ему были даны категорические заверения в том, что Советский Союз не имеет претензий к Румынии и желает развивать с ней мирные добрососедские отношения[46]

Советский Союз решительно выступил против венского арбитража, осудив его как типичную империалистическую сделку.

Как подтверждают донесения в Берлин, посылавшиеся германским послом в Москве Шуленбургом, Советское правительство было поставлено перед совершившимся фактом; так как о венском арбитраже оно узнало лишь из сообщений прессы и радио. Он отмечал также, что германские гарантии Румынии восприняты в Москве как направленные против СССР. Справедливость такой оценки подтверждается и признанием Кордта, ближайшего сотрудника Риббентропа. Кордт прямо заявил, что гарантии, предоставленные Румынии одновременно с венским арбитражем, носили антисоветский характер. Наконец, это подтверждает и дневник Чиано, в котором записано следующее высказывание Риббентропа: «Гарантии, которые державы оси дали Румынии, вызвали советское недоверие и враждебность». В целом венский арбитраж, писал бывший хортистский дипломат Кертес, «вызвал серьезные трения между Москвой и Берлином»[47].

Заслуживает внимания трактовка истории венского арбитража в румынской архивной справке, относящейся к осени 1904 г.

В ней говорится, что первоначально державы «оси» стремились отложить разрешение территориальных споров на Балканах до окончания войны, чтобы избежать опасности для зоны, которая снабжала их нефтью, хлебом и сырьем, а также чтобы привлечь страны этого района к войне против СССР. Даже Венгрия

[45] «Известия», 1940, 14 сентября.
[46] См.: *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign, p. 51, 56—57, 59.
[47] *Kertesz St.* Diplomacy in the Whirlpool. Note-Dame (Indiana), p. 128.

склонялась к такому подходу. Но затем, увидев, что румынские правящие круги превращают страну в тоталитарное государство и сближаются с Берлином и Римом, стремясь расположить их к себе, хортисты изменили свою позицию и решительно потребовали решения трансильванского вопроса. Чтобы избежать нежелательной с точки зрения интересов рейха и «оси» войны в этом регионе Европы, державы «оси» решили частично удовлетворить венгерские притязания и предложили свое посредничество, которое потом вылилось во второй венский арбитраж.

В том же документе отмечено, что с помощью этого арбитража Германия стремилась обеспечить себе позиции на юго-востоке Европы и румынскую нефть для нужд войны против Советского Союза. Для достижения указанных целей с самого начала было решено добиваться свержения Кароля II, не пользовавшегося доверием германских руководителей.

Спешка же при подписании венского арбитража и срочная эвакуация уступленной румынской территории, подчеркивалось в архивной справке, объяснялись боязнью, что Советы «могут предупредить и сорвать германские намерения. Поэтому первоначальное посредничество, которое должно было протекать в обстановке тишины и спокойствия, превратилось в обязательный арбитраж ультимативного характера с требованием немедленного выполнения его. Сама форма, в которой Румынии был навязан этот арбитраж, носила элемент наказания Румынии за политику нахождения в противоположном лагере» [48].

В приведенном документе фактически признается, что СССР был против расчленения Румынии фашистскими державами и что румынское правительство при желании могло бы опереться на поддержку Советского Союза. Но оно отвергло этот путь, руководствуясь классовыми интересами, и предпочло капитулировать перед германским империализмом, который не удовлетворялся теперь экономическим закабалением Румынии, а стремился к ее полному политическому подчинению в целях использования в предстоящей войне против СССР.

Румынское королевское правительство пошло навстречу этой политике гитлеровцев, включавшей, как подтверждает даже приведенная румынская справка, план свержения Кароля II и установление военно-фашистской диктатуры в Румынии.

Королевская диктатура к этому времени окончательно дискредитировала себя в глазах широких масс страны. Это был прежде всего результат ее антинародной политики.

Одним из проявлений этой политики явился непрерывный рост налогового обложения, вся тяжесть которого легла на плечи трудящихся. Уже в 1938/39 финансовом году из 31,6 млрд. лей, составлявших государственные доходы, 21,4 млрд., или 67,7%, были получены за счет взимания налогов. При этом поступления от

[48] ИДА, ф. микрофильмов.

прямых налогов, которыми облагался капитал, были втрое меньше, чем от косвенных, налагавшихся на товары потребления. Это означает, что львиную долю налогов, поступавших в распоряжение государства и направляемых на увеличение прибылей господствовавшей монополистической верхушки, составляли поборы с трудящихся масс. Большинство товаров на пути от фабрики до розничной продажи облагалось 55 разными налогами, а продовольствие — еще 9 другими.

Увеличившееся налоговое бремя вело к обнищанию трудящихся, а также разоряло значительное число мелких хозяев. Резко возросла и прямая эксплуатация румынского пролетариата. Правительство королевской диктатуры официально разрешило предпринимателям на фабриках, заводах и «повсюду, где это вызывается общими экономическими потребностями», удлинить рабочий день. 24 июля 1940 г. был издан декрет «Об условиях труда при исключительных обстоятельствах», которым, кроме того, отменялись воскресные и праздничные нерабочие дни, а также отпуска.

Между тем и до этого, как отмечалось в одной из коммунистических листовок 1938 г., «хозяева, желая как можно больше обогатиться, сделали нас рабами, которые должны трудиться по 12—16 часов». В листовке речь шла о ясских текстильщиках. Не лучше было и положение трудящихся на других предприятиях. В том же 1938 г. в официальном отчете властей признавалось, что «нормальный» рабочий день на предприятиях Бухареста, даже на крупных, длится 10—12 часов. Фактически его длительность была еще больше: в хлебопекарной промышленности она доходила до 14—18 часов, в лесной — до 12—16 часов, в текстильной и добывающей — до 10—16, в металлургической — до 10—14 часов[49].

Сущность королевского декрета от 24 июля 1940 г. состояла в том, что борьба за 48-часовую рабочую неделю, которую годами вел румынский пролетариат, объявлялась незаконной, преступной. На предприятиях устанавливалась слежка за рабочими, осуществлявшаяся полицейскими и военными органами, которые жестоко подавляли малейшее проявление недовольства. Методами террора королевская диктатура пыталась подавить рабочее движение.

В то время как длительность рабочего дня возросла, реальная заработная плата продолжала быстро уменьшаться. Если принять уровень 1937 г. за 100%, то в 1938 г. она сократилась до 93%, а в 1940 г.— до 78%. Уже к концу 1938 г. из одного миллиона рабочих, частных служащих и других категорий лиц, работавших по найму, более 66% получали в день от 24 до 79 лей, тогда как официальный прожиточный минимум составлял более 200 лей. Еще ниже был заработок сельскохозяйственных рабочих, не превышавший 23—30 лей в день.

[49] *Surpat Gh.* Pauperizarea clasei muncitoare din Romînia burghezo-moşierească. Bucureşti, 1962, p. 155.

В годы королевской диктатуры ухудшилось также положение трудящихся крестьян. Подавляющее их большинство, по-прежнему страдавшее от безземелья и сохранившихся полуфеодальных форм эксплуатации, как признавал известный румынский буржуазный экономист В. Маджару, не могло обеспечить себя необходимым для жизни [50].

Участь трудового крестьянства становилась все более тяжкой в связи с непрерывно растущим бременем налогов, а начиная с весны 1939 г., когда проводилась частичная мобилизация, также и реквизициями на нужды армии. По некоторым подсчетам, сумма реквизиций, не оплаченных государством, в 1939—1940 гг. составила более 2 млрд. лей. Кстати, точно такую сумму правительство выплатило в 1939 г. помещикам в качестве субсидий за экспорт зерна и других сельскохозяйственных продуктов в Германию. Таким образом и этот «подарок» гитлеровцам был сделан за счет трудящихся крестьян. Реквизиция рабочего скота и мобилизация крестьян в армию привели к тому, что осенью 1939 г. в стране остались незасеянными более 1,5 млн. га земли.

Положение усугублялось усиливавшимся несоответствием цен на продукцию сельского хозяйства и на промышленные товары. Если в 1913 г. крестьянин отдавал за косу 5,3 кг пшеницы, то в 1939 г.— 24,4 кг. Чтобы купить отрез ситца на платье, нужно было продать 233 кг зерна [51].

Стремительно росла задолженность помещикам и ростовщикам, предоставлявшим займы из расчета 40—70% годовых. Заняв 100 лей, крестьянин должен был выплатить через 3 года 600, а через 5 лет — более 1000 лей. В этом отношении тяжелым ударом по труженикам села явился закон от 5 августа 1938 г., согласно которому устанавливалась принудительная выплата долгов в 2-месячный срок, заставлявшая владельцев мелких крестьянских хозяйств за бесценок продавать землю.

Ускорившийся процесс расслоения крестьянства и связанный с ним рост сельскохозяйственного пролетариата способствовали усилению недовольства в деревне, вызывавшему тревогу у господствующих классов.

В целях успокоения крестьянских масс король и его правительство прибегали к проведению демагогических кампаний оказания «помощи» сельскому населению. У крестьян эти мероприятия вызывали глубокое возмущение. Так, по поводу «санитарной кампании» 1938 г. К. Аржетояну в своих мемуарах писал: «Один крестьянин из уезда Горж так жаловался на «санитарное наступление»: «Боже мой, спрашивают у меня про вшей, но почему же не спросят, имею ли я хоть поросенка?!»

---

[50] *Mageаru V.* Evoluţia economiei romaneşti după războiulmondial. Bucureşti, 1940, p. 37—38.

[51] *Фролов Н.* Аграрные отношения в буржуазно-помещичьей Румынии.— «Труды Кишииевского сельскохозяйственного института», т. 17. Кишинев, 1958, с. 216.

Антисанитарные условия, как и вообще бескультурье в румынской деревне, были порождены крестьянской нищетой, и нужны были не «санитарные кампании», а глубокие социальные преобразования, на которые румынские правители пойти не могли и не хотели.

Положение трудящихся масс вызывало озабоченность и у многих представителей господствовавших классов. Так, выступая в парламенте в марте 1940 г., один из депутатов заявил: «Подсчитано, что расходы крестьянина на свое содержание в год составляют 6—7 тыс. лей. Но даже на содержание коровы, которая должна съедать 6—7 кг сена и горсть ячменя, тратится, включая расходы на уход за нею, больше 6—7 тыс. лей. Получается, что стоимость жизни крестьянина не превышает расходов на содержание коровы». Подобные выступления все чаще звучали в обеих палатах бесправного «парламента» в период королевской диктатуры. Они выражали растущее беспокойство имущих классов, их страх перед народным гневом. В частности, в меморандуме совету министров «Ассоциация городских и сельских владельцев» писала, что сложившееся положение может вызвать «опасные социальные конвульсии» [52].

Резкое ухудшение положения трудящихся, а также фактическое упразднение демократических свобод, антирабочее законодательство и террор полицейских властей привели к усилению классовой борьбы. Ее возглавил пролетариат.

Выдвинутые компартией лозунги борьбы против монархо-фашистского режима, за демократические права и подлинные национальные интересы страны находили широкую поддержку. Как отмечала в своих донесениях сигуранца, сразу же после установления королевской диктатуры рабочие многих предприятий по инициативе коммунистов провели митинги и собрания «антиправительственного характера».

Несмотря на усилившиеся репрессии пролетариат продолжал и в дальнейшем выступать с экономическими и политическими требованиями, касавшимися, в частности, повышения заработной платы, снижения цен, сокращения рабочего дня, восстановления уволенных рабочих, свободы собраний и т. п. Не прекращались и забастовки. Даже официальная статистика, намеренно преуменьшавшая размах стачечной борьбы, свидетельствовала, что в 1939 г. в 18 забастовках и 321 трудовом конфликте приняли участие более 700 тыс. рабочих. В действительности же это движение было значительно шире. Так, сигуранца отметила в 1939 г. 24 забастовки только в Бухаресте.

Во многих местах поднимались на борьбу крестьяне, протестовавшие против роста налогового бремени, удорожания жизни и помещичьей эксплуатации. В марте 1938 г. была арестована и предана суду военного трибунала 6-го армейского корпуса в

---

[52] «Studii», 1964, N 6, p. 1330.

Клуже группа крестьян по обвинению в «подстрекательстве против власти». Еще более частыми стали стычки крестьян с налоговыми агентами. В ряде сел были разоружены и избиты жандармы, помогавшие налоговым агентам отбирать за долги последнюю корову и другое имущество бедняков.

О том, какой широкий размах приняла борьба трудящихся масс города и деревни, можно судить, например, по следующему заявлению, сделанному королевским генеральным прокурором на совещании в феврале 1939 г.: «Беспорядки, подвергающие тяжелому испытанию спокойствие и безопасность государства, являются серьезной проблемой, которую правосудие не может игнорировать. Правосудие не может оставаться безразличным перед лицом общественных беспорядков, которые ставят под угрозу не только безопасность, но и само существование государства».

Коммунистическая партия, призывавшая к борьбе против королевской диктатуры, подчеркивала, что от успеха этой борьбы зависит также сохранение национальной независимости Румынии. Страна и народ, предупреждала компартия, падут жертвой фашистской Германии и ее железногвардейской агентуры, если не будет свергнута королевская диктатура. Борьба за оказание отпора фашистской агрессии, против капитулянтской политики королевской диктатуры, подчинявшей страну гитлеровской Германии, была одной из центральных задач компартии в тот период. «Никаких уступок фашистской Германии,— призывал Центральный комитет Коммунистической партии Румынии в одной из листовок весной 1939 г.— Каждый килограмм зерна и нефти обернется пулями в грудь румынского солдата».

Новые задачи встали перед румынским народом и компартией в связи с начавшейся второй мировой войной. КПР была единственной в Румынии партией, выразившей солидарность с народом Польши, ведшим справедливую борьбу против гитлеровских оккупантов. Она заявила, что будет мобилизовывать румынский народ как на защиту национальной независимости и целостности страны, так и на поддержку освободительной борьбы народов захваченных гитлеровцами стран.

Со всей силой подчеркивала КПР необходимость союза с СССР, боровшимся за мир, за прекращение войны и оказание помощи жертвам фашистской агрессии. Разоблачая политику втягивания Румынии в империалистическую войну, компартия говорила массам, что только при поддержке великой страны социализма румынский народ сможет обеспечить себе независимость и мир. Она призывала свергнуть королевскую диктатуру и положить конец ее политике предательства национальных интересов.

А для этого, указывали коммунисты, необходимо прежде всего создать Единый рабочий фронт и объединить вокруг него все патриотические силы, выступающие против войны, в защиту национальной независимости, с тем чтобы свержение королевской дик-

татуры привело к власти правительство, опирающееся на широкие массы народа [53]..

С весны 1940 г., когда под влиянием германских побед на Западе реакционные круги румынской буржуазии и помещиков во главе с королевской камарильей открыто готовились к включению страны в фашистский блок для участия в войне против Советского Союза, компартия усилила борьбу против этих планов, противоречивших национальным интересам Румынии. В частности, КПР тогда создала «Антивоенный комитет», развернувший не только среди населения, но и в воинских частях большую работу по разоблачению антинародных замыслов королевской диктатуры.

Деятельность коммунистов в армии была настолько успешной, что встревожила румынский генеральный штаб. 27 апреля 1940 г. он направил командирам воинских частей специальную инструкцию, в которой говорилось: «Коммунистическая пропаганда в последнее время приняла такой размах, что требует принятия серьезных мер для ее прекращения. При нынешней обстановке нельзя отделять жизнь гражданского населения от жизни армии. По этой причине необходимо принять такие меры для сохранения и укрепления духа армии, которые должны распространиться и на население... Генеральный штаб и его соответствующие органы считают необходимым, чтобы командование крупных соединений поддерживало тесный постоянный контакт с местными жителями, жандармерией, администрацией церквей, школ и Фронта национального возрождения с целью организации контрпропаганды и выявления агентов-пропагандистов. Эту работу следует вести постоянно и энергично...» [54].

В результате деятельности компартии ширилась и принимала угрожающий для властей характер борьба трудящихся города и деревни. Рабочие и крестьяне решительно выступали в защиту своих экономических и политических прав, против фашистской королевской диктатуры, ее антинародной и антинациональной политики. Наряду с антиправительственными выступлениями рабочих сигуранца летом 1940 г. отмечала также значительные волнения в деревнях. В одном из докладов правительству она подчеркивала, что «пассивность крестьян ушла в прошлое» [55].

В конце июня 1940 г. трудящиеся массы Румынии вновь открыто продемонстрировали свои симпатии к СССР и его миролюбивой политике. Приветствуя действия Советского правительства, приведшие к мирному разрешению территориального конфликта и возвращению Бессарабии и Северной Буковины, тысячи бухарестцев — рабочих, служащих, студентов — по призыву компартии организованно вышли на улицы, чтобы выразить искреннюю радость в связи с освобождением населения этих областей от гне-

[53] Arhiva Inst., cota AXXIII-22, doc. 1043.
[54] Arhiva MFA, doc. 14-3, f. 43.
[55] См.: «Studii», 1962, N 2, p. 376.

та румынских помещиков и капиталистов. Чтобы разогнать эту демонстрацию, полиции пришлось арестовать 400 ее участников.

Выступая против захватнической политики в любых проявлениях, КПР, естественно, полностью поддержала меры Советского правительства, мирным путем положившие конец оккупации Бессарабии и Северной Буковины.

Столь же закономерной была и решительная борьба румынских коммунистов против капитулянтской политики королевской диктатуры в вопросе о Трансильвании, являвшейся частью территории Румынии и ставшей объектом захватнических притязаний хортистов. Разоблачая предательскую политику Кароля II и его окружения, компартия еще в марте 1940 г. довела до сведения румынского народа их намерение «уступить» часть этой территории в обмен за обещание Берлина и Рима «компенсировать» ее за счет Советской Молдавии и даже Украины.

В начале августа того же года в связи с начавшимися переговорами в Турну-Северине КПР призвала к созданию широкого патриотического фронта, чтобы свергнуть королевскую диктатуру и тем самым предотвратить готовящееся гитлеровцами расчленение Румынии в интересах развязывания антисоветской войны.

В те дни коммунисты выдвинули лозунг: «Ни клочка земли хортистской Венгрии», подхваченный широкими массами. Когда же король и его правительство совершили предательский акт, согласившись с «венским арбитражем», компартия вновь обратилась к народным массам, раскрыв им истинный смысл принятого в Вене решения, а также германо-итальянских гарантий Румынии. В одной из выпущенных тогда коммунистических листовок говорилось: «Гитлер и Муссолини... сделают с нашей несчастной страной то, что они сделали с Чехословакией и Польшей. Их гарантии не имеют ценности. Единственная страна, способная обеспечить нам спокойствие и мир — Советский Союз».

В этой листовке содержался также призыв к свержению королевской диктатуры, установлению власти народного правительства и заключению союза с СССР.

Следует подчеркнуть, что позиция, занятая компартией в связи с позорным принятием королевской диктатурой арбитражного решения, вынесенного в Вене, отражала настроения широчайших слоев румынского народа.

Всю страну всколыхнула мощная волна возмущения. Тысячи и тысячи патриотов требовали отвергнуть венский диктат, заявляя о своей готовности защищать страну от гитлеровской агрессии. Грандиозные демонстрации протеста против расчленения страны не прекращались в те дни в Бухаресте, Яссах, Констанце, Брашове, Сибиу, Клуже и других крупнейших центрах Румынии. В Тимишоаре участники антифашистской манифестации забросали камнями окна германского и итальянского консульств, сорвали эмблему гитлеровского рейха и едва было не растерзали оказавшегося на их пути немецкого генерала.

Ситуация еще более осложнилась, когда армия отказалась выполнить приказ об оставлении Северной Трансильвании.

Принятие венского диктата накалило до предела политическую обстановку в стране, вызвало резкое обострение кризиса королевской диктатуры и ее падение. Так, широкий размах народной борьбы, массовые выступления трудящихся решили судьбу монархо-фашистского режима, обанкротившегося и во внутренней и во внешней политике. Но его падение не привело к позитивным переменам в Румынии. Напротив, румынской реакции, действовавшей по указке гитлеровцев, удалось установить еще более жестокую военно-фашистскую диктатуру генерала И. Антонеску.

Глава пятая

ВОЕННО-ФАШИСТСКАЯ ДИКТАТУРА АНТОНЕСКУ. ПОЛИТИКА ВТЯГИВАНИЯ РУМЫНИИ В ВОЙНУ ПРОТИВ СССР

Установление военно-фашистской диктатуры генерала И. Антонеску было подготовлено и осуществлено совместными усилиями гитлеровских главарей и румынской реакции. Если на первых порах она была представлена сравнительно небольшим числом фашистских деятелей, то постепенно количество участников расширилось, охватив и лидеров «исторических» партий и дворцовые круги. Чтобы проследить этот процесс, следует обратиться к событиям конца августа — начала сентября 1940 г.

Венский диктат был одним из этапов втягивания как Венгрии, так и Румынии в подготовку к войне против СССР. Вместе с тем в Берлине не могли не понимать, что Кароль II и его правительство, согласившись уступить хортистам значительную часть Трансильвании, окончательно дискредитируют себя в глазах румынского народа. Неизбежное в этих условиях обострение кризиса королевской диктатуры полностью отвечало намерениям гитлеровцев обеспечить приход к власти генерала Антонеску и «Железной гвардии» вместо Кароля II, которому при всем его стремлении «держать равнение на Германию» так и не удалось завоевать доверие ни у Гитлера, ни у Муссолини. Последний, например, прямо заявил об этом во время упоминавшейся выше беседы в Риме с Джигурту и Манойлеску. «Как мы можем верить,— говорил он им,— что Румыния изменила свою политику? У вас правят те же государственные деятели, та же администрация, тот же король» [1].

Но если Муссолини все же намекнул на нежелание Берлина и Рима иметь дело с румынским королем, то гитлеровцы при встречах с представителями бухарестского правительства избегали этой темы и тем более не говорили о своих намерениях в отношении Румынии. Судя по всему, первыми, кого они проинформировали о готовящемся отторжении части Трансильвании и открывающейся в связи с этим возможности устранить Кароля II, были именно И. Антонеску и главарь железногвардейцев Хориа Сима. Нет сомнений и в том, что последние заранее установили между собою контакт и в соответствии с «рекомен-

[1] ИДА, Ф. МИД Румынии, д. 300, л. 61.

дациями» гитлеровцев распределили роли. Только этим можно объяснить поразительную согласованность их действий, столь не свойственную им в течение последних нескольких лет.

Как уже говорилось, Х. Сима еще в июле вышел из состава правительства, а И. Антонеску тогда же послал Каролю II резкое письмо, в котором обвинял его по существу в неспособности управлять страной, за что был понижен в чине, подвергнут аресту и водворен в Быстрицкий монастырь. Тем самым и генерал, и главарь железногвардейцев обеспечили себе «непричастность» к решению трансильванского вопроса в пользу хортистов и возможность выступить в нужный момент в роли «спасителей» страны.

Показателен и тот факт, что едва вспыхнули народные волнения, вызванные согласием Кароля II и его правительства принять венский диктат и приведшие к обострению кризиса королевской диктатуры, как И. Антонеску и Х. Сима совместно появились на политической авансцене. Это было возможно, конечно, лишь при наличии заранее достигнутой договоренности, ибо основу их взаимоотношений в сущности составляло соперничество в борьбе за власть. В тот момент оно также дало себя знать в стремлении каждого из них обеспечить своим собственным приверженцам преимущество при распределении правительственных постов, а потом, как мы увидим далее, привело к серьезным разногласиям и, наконец, к открытому столкновению между ними.

Кстати, это как нельзя лучше подтверждает, что их кратковременный союз был делом рук гитлеровцев, стремившихся усилить позиции своей железногвардейской агентуры, обеспечив ей поддержку со стороны реакционных румынских генералов и политических деятелей. И. Антонеску, пользовавшийся большим влиянием и у армейской верхушки, и среди буржуазных политиков, выразил готовность разделить власть с «Железной гвардией». Вместе с тем, как срочно сообщал в Берлин гитлеровский посланник в Бухаресте Фабрициус, в лице этого генерала был найден человек, «преисполненный решимости осуществить наши требования здесь» [2].

Дальнейшие события развертывались также при непосредственном участии гитлеровцев и их румынской агентуры.

Уже 30—31 августа, когда короний совет, созванный Каролем II, обсуждал вопрос об уступке Венгрии северной части Трансильвании, в стране начались массовые народные демонстрации протеста. Этим и попыталась воспользоваться «Железная гвардия» с целью захвата власти. В различных местах, где происходили широкие манифестации против венского диктата, германского фашизма и капитулировавшей перед ним королевской диктатуры, появились группы легионеров, устроившие свои «де-

[2] DGFP. 1918—1945, series D, vol. XI, p. 24.

монстрации». Они также требовали свержения Кароля II, но обвиняли королевское правительство не в проведении антинародной политики пресмыкательства перед гитлеровцами, а в «нежелании» заключить союз с фашистской Германией, что якобы и привело к потере Северной Трансильвании. В то самое время «капитан» легионеров Х. Сима докладывал германскому посланнику в Бухаресте, что вспыхнувшие в стране выступления будто бы возглавляют король и военные круги с целью воспрепятствовать осуществлению венского диктата. В связи с этим он просил поддержать «Железную гвардию», решившуюся, как выразился ее главарь, на «контрреволюцию» в интересах румыно-германского тесного сотрудничества[3]. Как установлено на состоявшейся в Бухаресте в 1971 г. научной сессии, посвященной разоблачению фашизма в Румынии, на основе документальных данных, это утверждение Х. Симы было явной ложью.

Кароль II не только не помышлял о каком-либо сопротивлении осуществлению венского диктата, но, напротив, санкционировал приказ о выводе румынских войск из Северной Трансильвании. Что касается армейской верхушки, то она поддержала генерала И. Антонеску, сразу же выступившего за выполнение предписаний германо-итальянских «арбитров». Х. Сима, уверяя германского посланника в обратном, рассчитывал заручиться поддержкой гитлеровцев и представить «Железную гвардию» в качестве единственной силы, способной осуществить их цели в Румынии.

Это намерение он изложил в распространенной легионерами 3 сентября листовке за своей подписью. В ней содержалось требование об отречении Кароля II и передаче власти в руки «Железной гвардии», а также заявлялось о ее «глубокой преданности» державам «оси» и стремлении опираться на их поддержку[4].

Попытка легионерских главарей взять инициативу в свои руки не увенчалась успехом. Германский посланник в Бухаресте Фабрициус, хорошо изучивший внутриполитическую обстановку в Румынии, после беседы с Х. Симой телеграфировал в Берлин, предлагая срочно вмешаться в «румынские дела», чтобы предотвратить самостоятельное выступление «Железной гвардии», явно обреченное на провал[5].

Прогноз полностью подтвердился. 3 сентября в Бухаресте, Брашове, Констанце небольшие группы легионеров шумно требовали отречения Кароля II, совершали нападения на правительственные учреждения в столице и даже открыли стрельбу по окнам королевского дворца, но повсеместно их атаки были без особого труда отбиты воинскими частями и полицией. И тот же Фабрициус, поддерживавший прямую связь с Х. Симой, на

---

[3] См.: Impotriva fascismului. Bucureşti, 1971, p. 171.
[4] Ibid., p. 171—172.
[5] См.: DGFR. 1918—1945, series D, vol. I, p. 11.

следующее утро сообщил в Берлин, что «восстание железногвардейцев можно считать провалившимся»[6].

Подготовленный гитлеровцами механизм, с помощью которого власть в Румынии все же перешла в руки «Железной гвардии», но уже на основе ее союза с И. Антонеску и его приверженцами в военных и политических кругах страны, был приведен в действие тоже 3 сентября. По некоторым данным, к концу этого дня лидеры национал-либералов и национал-царанистов Д. Брэтиану и Ю. Маниу уже поздравляли генерала с назначением на пост премьер-министра. Однако, как явствует из архивных документов, король лишь 5 сентября поручил ему возглавлять правительство. Таким образом, за два дня до этого его скорее всего можно было поздравить с возвращением из Быстрицкого монастыря и предстоящим высоким назначением.

Из документов также видно, что 3 сентября еще велись переговоры между королем и И. Антонеску, в ходе которых выяснилось, во-первых, намерение последнего включить Х. Сима и его подручных в состав совета министров и, во-вторых, отречение Кароля II в качестве условия их участия в правительстве. А на следующее утро и король и генерал обратились именно по этому вопросу к германскому посланнику[7].

Кароль II прислал своего доверенного человека, В. Попа, и Фабрициус передал через него краткий и недвусмысленный ответ: вручить власть генералу И. Антонеску. Вскоре Антонеску сам явился в германскую миссию. Беседа с ним была более продолжительной, ее суть Фабрициус также кратко изложил в своем донесении в Берлин. «По соглашению с моим итальянским коллегой,— докладывал он 4 сентября,— и принимая во внимание, что Антонеску является человеком твердой руки, который может быстро спасти страну от хаоса, я посоветовал генералу взять себе диктаторские права, прогнать королевское окружение и до тех пор, пока будет решен вопрос об отречении короля, править единолично»[8].

Это донесение говорит о многом. И прежде всего о том, что в дни политического кризиса в конце августа — начале сентября 1940 г. германская миссия в Бухаресте по существу держала в своих руках управление действиями всех группировок румынской реакции, определяя, кому из них должна принадлежать власть в стране.

Важнейшим фактором, которым воспользовались гитлеровцы для воздействия на неугодного им короля, была, как это ни странно, его прогерманская позиция. У Кароля II имелась реальная возможность сохранить власть. Согласно агентурным данным, которые итальянский посланник в Бухаресте в ночь на

---

[6] *Hillgruber A.* Hitlers Strategie. Frankfurt am Main, 1965, p. 94.
[7] См.: Impotriva fascismului, p. 177.
[8] Ibidem.

2 сентября сообщил в Рим, а также, разумеется, Фабрициусу, с которым он действовал в тесном контакте, в высших военных кругах Румынии группировке, поддерживавшей И. Антонеску, противостояли довольно влиятельные силы во главе с генералом Драгалина и начальником генерального штаба Михаилом. Они предлагали королю организовать сопротивление венскому диктату и заключить соглашение с СССР, чтобы воспрепятствовать возможному вторжению германских войск[9].

Эти сведения подтверждаются и другими данными, из которых следует, что генерал Михаил и его адъютант Теодореску даже 5 сентября продолжали убеждать Кароля II в необходимости сформировать правительство из числа верных ему военных. Они настаивали также на аресте И. Антонеску. А последний знал об этом. Но был уверен, что король не посмеет поступить подобным образом в условиях, когда гитлеровцы высказались за передачу власти их ставленнику. И не ошибся[10].

Таким образом, вряд ли можно говорить о том, что Кароль II был вынужден принять угодное гитлеровцам решение под их нажимом. Они, бесспорно, оказали на него давление, но решающей оказалась его собственная политическая концепция, отвергавшая помощь со стороны Советского Союза и имевшая своей главной целью союз с фашистской Германией. Существенное влияние на его выбор оказали, конечно, и внутриполитические события — массовые народные выступления против венского диктата и германского фашизма.

5 сентября король назначил И. Антонеску главой правительства с диктаторскими полномочиями, что означало прежде всего предоставление ему неограниченных прав для подавления антифашистской борьбы масс и осуществления предписаний венского диктата. Одновременно Кароль II рассчитывал, что приход гитлеровского ставленника к власти ускорит заключение румыно-германского военно-политического союза. Возможно, он также рассматривал свое решение как временную меру, от которой можно было бы отказаться в дальнейшем, когда Антонеску выполнит поставленные перед ним задачи.

Однако генерал действовал по иному плану, подсказанному Фабрициусом. Как уже упоминалось, германский посланник дал ему понять, что ожидается решение вопроса об отречении короля. По-видимому, речь шла о форме отречения, т. е. о том, упразднить ли вообще монархию в Румынии, или устранить только Кароля II. Поэтому И. Антонеску, принимая утром 5 сентября от короля назначение на пост главы государства, ни словом не обмолвился о дальнейшей судьбе Кароля II, что весьма обрадовало последнего, увидевшего в этом подтверждение своих расчетов. Но уже вечером, в половине десятого, новый пре-

---

[9] Ibid., p. 170.
[10] Ibid., p. 177.

мьер-министр предъявил королю требование не позднее 4 часов утра 6 сентября отречься от престола в пользу наследного принца Михая.

Таким образом, ожидавшееся Фабрициусом и, наконец, полученное им из Берлина решение предусматривало замену одного короля другим, более подходящим для роли марионетки, что позволяло сохранить внешние атрибуты монархии и тем самым придать «респектабельность» устанавливаемому военно-фашистскому режиму в стране. В то же время учитывалось, что отречение в пользу сына послужит для Кароля II некоторым утешением, и он отбросит мысль о сопротивлении.

Расчет гитлеровцев оправдался. Хотя ультиматум явился неожиданностью для короля, о чем свидетельствует состоявшаяся в ту ночь его встреча с начальником генштаба Михаилом и другими сторонниками сопротивления венскому диктату, тем не менее он отверг их предложение об аресте И. Антонеску. Ибо такой шаг в сложившихся условиях потребовал бы последовательных действий, а именно отказа от уступки северной части Трансильвании и обращения за поддержкой к Советскому Союзу. Такая линия, несомненно, могла во многом изменить ход событий, но этого-то как раз и не хотел Кароль II.

На рассвете 6 сентября, точно в установленный срок, он подписал акт об отречении от престола в пользу своего сына Михая и затем покинул Румынию, теперь уже навсегда.

Итак, Кароль II по существу добровольно пожертвовал троном во имя достижения тех целей господствующих классов Румынии, которые сам он осуществить уже не мог. Тем самым он принял непосредственное участие в установлении военно-фашистской диктатуры и создании условий для ее союза с германским фашизмом ради сохранения и упрочения эксплуататорского строя и участия совместно с гитлеровской Германией в захватнической войне против СССР. Эта программа, которой следовало правительство И. Антонеску с первого дня своего существования, была полностью поддержана новым королем.

Она была поддержана и лидерами «исторических» партий. Как уже говорилось, Ю. Маниу и Д. Брэтиану еще 3 сентября поздравили И. Антонеску. И это было не случайно.

В период острого политического кризиса в конце августа — начале сентября 1940 г. лидеры буржуазно-помещичьих партий стремились не допустить падения королевской диктатуры под натиском народных масс, ибо опасались, что это повлечет за собой создание народного правительства и, следовательно, глубокие социальные и экономические реформы, а также сближение с СССР в целях защиты Румынии от фашистской агрессии. Зато они охотно поддержали дворцовый переворот и установление диктатуры И. Антонеску, которого они, как и гитлеровцы, считали «сильной личностью», человеком «твердой руки», способным защитить интересы эксплуататорских классов, подавить

народное движение и установить тесные отношения с державами «оси».

Не следует также забывать, что Ю. Маниу и Д. Брэтиану представляли как раз ту часть буржуазно-помещичьих кругов, которые считали свои интересы ущемленными по вине королевской диктатуры, предоставившей более благоприятные экономические и политические возможности другой группе монополистического капитала.

Таким образом, для них наметившиеся перемены, помимо всего прочего, означали и личную выгоду. На упомянутой встрече с генералом Антонеску 3 сентября Ю. Маниу и Д. Брэтиану обещали ему полную поддержку и активное содействие «в восстановлеиии порядка и в реорганизации страны», т. е. в подавлении антиправительственных выступлений народных масс и в окончательном превращении Румынии в фашистское государство. Они одобрили и намерение ввести железногвардейцев в правительство[11], а Антонеску согласился включить в его состав представителей «исторических» партий[12].

Наряду с генералами — сторонниками И. Антонеску, в сформированном им кабинете ведущие посты заняли железногвардейцы. Так, X. Сима стал заместителем премьер-министра, М. Стурдза и Петровическу — министрами иностранных и внутренних дел, Гика — префектом полиции. Согласно договоренности Ю. Маниу и Д. Брэтиану с И. Антонеску в правительство вошли также национал-либералы Оттулеску, Леон, Крецяну и национал-царанисты Джерота и Петреску[13].

Таким образом, фашистской «Железной гвардии», располагавшей собственными террористическими отрядами, теперь передавался и весь государственный аппарат подавления демократических сил. Ей же, как прямой гитлеровской агентуре в Румынии, было поручено осуществлять внешнюю политику.

Так было создано правительство, состоявшее из представителей реакционной военщины, «Железной гвардии» и «исторических» партий, причем последние выполняли роль «демократического» прикрытия военно-фашистской диктатуры. Своего рода маскировкой для нее стала и монархия, сохраненная новыми правителями и их гитлеровскими покровителями из тактических соображений. Отныне она представляла собою составную часть военно-фашистской диктатуры. Это подчеркнул и новый король, 19-летний Михай, который сразу после коронации поздравил И. Антонеску с приходом к власти и пожелал «полного успеха» ему, а также «Железной гвардии» в «перестройке страны»[14].

Генерал И. Антонеску объявил Румынию «национал-легионерским» государством, а себя, по гитлеровскому образцу,—

[11] «Universul», 28.IX 1940.
[12] См.: Procesul marii trădări naţionale. Bucureşti, 1946, p. 186.
[13] Ibidem.
[14] См.: *Gârneaţa A.* Adevarată istorie a unei monarhii. Bucureşti. 1948, p. 123.

«кондукэторулом», т. е. румынским фюрером. Отменив конституцию 1938 г. и таким образом ликвидировав последние остатки буржуазного парламентаризма, он присвоил себе право управлять страной путем издания собственных декретов, имеющих силу закона и подлежащих беспрекословному исполнению. Новоиспеченный румынский фашистский диктатор направил в Берлин послание, в котором благодарил Гитлера за поддержку и уверял в своей верности [15].

За словами последовали и дела. 7 сентября «кондукэторул» встретился с германским военным атташе в Бухаресте полковником Герстенбергом. Заявив ему, что «хочет сотрудничать с Германией целиком и полностью», он сообщил о своем намерении «обнажить фронт против Венгрии и Болгарии, чтобы сосредоточить главные усилия обороны на восточной границе». Речь, конечно, шла не об обороне, поскольку никакой «угрозы с востока» не существовало, а о приготовлениях к участию в захватнической войне против СССР. Именно с этой целью Антонеску сразу же встретился с Герстенбергом. Он передал ему официальную просьбу направить из Берлина специального представителя германского командования «для переговоров о будущем сотрудничестве между румынскими и германскими вооруженными силами», прислать советника для румынского генштаба и инструкторов для военно-учебных заведений, а также значительно увеличить поставки оружия и, наконец, ввести на территорию Румынии германские механизированные и авиационные соединения [16].

Последнее было непосредственно связано с тем, что Антонеску видел шаткость установленной им военно-фашистской диктатуры. Это явствует и из доклада, представленного Гитлеру адмиралом Канарисом, побывавшнм в те дни в Румынии. Глава абвера с полным одобрением отозвался об Антонеску, но подчеркнул, что его режим может устоять лишь при поддержке Германии. Необходимость такой поддержки подтвердили в последующие дни Герстенберг и возвратившийся после переговоров с румынским «кондукэторулом» генерал К. Типпельскирх.

Они не ошибались: румынский рабочий класс, все демократические силы страны понимали, какую угрозу нес Румынии режим генерала Антонеску. Огромную роль в разоблачении его антинародных целей сыграла КПР, решительно выступившая против установления военно-фашистской диктатуры. 10 сентября компартия распространила брошюру «Наша точка зрения», в которой раскрыла обман прогитлеровских реакционных кругов, пытавшихся выдать себя за «патриотов» и «спасителей» страны.

---

[15] См.: «Universul», 8.IX 1940

[16] См.: *Greiner H.* Die oberste Wehrmachtführung 1939—1943. Wiesbaden, 1951, S. 305.

В брошюре ставился вопрос: «Был ли дворцовый переворот «Железной гвардии» во главе с реакционным фашистским генералом Антонеску и «капитаном» Хориа Симой протестом против «венского арбитража» и его принятия королевской диктатурой?» И компартия ответила: «Нет! «Железная гвардия» согласилась с этим решением и потребовала его принятия. Это сказали и Дину Брэтиану, открыто поддержавший военно-железногвардейскую диктатуру генерала Антонеску, и сам Хориа Сима, главарь банды железногвардейцев, который заявил представителям германской прессы, что легионерская Румыния сделает все для национал-социалистской Германии».

Причина замены королевской диктатуры режимом Антонеску, указывалось далее, заключается в обострении политического положения в стране в результате усиления освободительного движения. Хотя и королевская диктатура осуществляла террор в отношении демократических сил, она все же оказалась неспособной остановить революционную борьбу масс. Поэтому господствующим классам потребовалась открытая военно-фашистская диктатура, которая смогла бы в союзе с гитлеровцами вести борьбу против румынского народа. «С этой целью, именно с этой целью,— подчеркивалось в брошюре,— была установлена жестокая военно-легионерская диктатура агента германо-итальянского империализма генерала Антонеску».

Компартия также предупреждала, что фашистский режим, ставящий себя на службу империалистическим интересам гитлеровской Германии, «готов сыграть роль аванпоста возможных антисоветских военных провокаций». Поэтому теперь больше, чем когда бы то ни было, заявляла КПР, румынский народ должен проявлять бдительность и неустанно бороться против империалистического господства, в защиту СССР, «ибо, защищая Советский Союз, мы в то же время защищаем жизнь трудового румынского народа» [17].

КПР призвала народные массы к борьбе против установления военно-фашистской диктатуры, за свободу и независимость Румынии. Успеху этой борьбы, однако, препятствовало отсутствие единства рабочего класса и патриотического антифашистского фронта. В результате румынскому народу не удалось помешать установлению военно-фашистской диктатуры, при помощи которой эксплуататорские классы смогли продлить свое господство, причинив трудящимся новые бедствия и страдания.

В то же время сам факт установления диктатуры генерала Антонеску, целиком порвавшей с методами буржуазного парламентаризма, свидетельствовал о слабости позиций буржуазии и помещиков. Для сохранения своего господства они прибегли к крайней мере — установлению открытого военно-фашистского

---

[17] Documente din istoria partidului comunist din Romînia. Bucureşti, 1953, p. 331—332.

режима, который стал последним этапом буржуазно-помещичьего строя.

Итак, с первых же дней своего существования военно-легионерская диктатура добилась присылки гитлеровских войск в Румынию, чтобы с помощью их штыков сохранить и укрепить свое господство. При этом румынские фашисты клялись: «Мы — с державами оси и будем с ними до конца...» [18].

Лидеры буржуазно-помещичьих партий, объявлявшие себя защитииками демократии, на деле явились пособниками И. Антонеску в установлении фашистской диктатуры в стране. Когда в сентябре 1940 г. вся страна пришла в движение и массы рвались в бой, чтобы установить демократическое правление, эти «демократы» сделали все, чтобы сбить волну народного гнева. Они приложили и немало усилий, чтобы не допустить уличные демонстрации и митинги.

Ю. Маниу, например, сорвал намеченный на 15 сентября массовый митинг трудящихся Бухареста, объявив, что он «откладывается», так как «в связи с обращением к стране генерала Антонеску, руководителя румынского государства и председателя совета министров, в настоящий момент высшим долгом является не давать повода для нарушения спокойствия и внутреннего порядка...» [19] Действительная цель подобных заявлений состояла в том, чтобы выиграть время, необходимое для вступления немецких войск в Румынию.

Гитлеровская клика ие преминула воспользоваться предоставившейся возможностью окончательно подчинить себе эту страну и использовать ее для военных операций на Балканах и против СССР. 20 сентября германское верховное командование издало директиву о вводе войск на румынскую территорию с целью оказания «помощи Румынии, нашему другу, в организации и обучении ее вооруженных сил» [20].

В особом документе, который предписывалось сохранять в строжайшей тайне, разъяснялось, что германские войска посылаются для того, чтобы обеспечить охрану румынских нефтепромыслов и регулярное поступление горючего для гитлеровской военной машины, а также «сделать вооруженные силы Румынии способными выполнять определенные задачи в соответствии с планом, разработанным Германией», и подготовить почву для совместных действий немецких и румынских войск с территории Румынии «в случае если мы будем вынуждены вступить в войну с Советской Россией» [21]. Само собой разумеется, ввод германских войск в Румынию должен был укрепить положение гитлеровской агентуры в стране, помочь легионерам и генералу Антонеску в удушении демократических сил.

---

[18] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 80, n/p.
[19] «Universul», 15.IX 1940.
[20] DGFP. 1918—1945, series D, vol. XI, p. 114.
[21] Ibid., p. 145.

В октябре в Румынию были введены гитлеровские войска. Их численность быстро возрастала и к декабрю превысила 500 тыс. человек. Чтобы оправдать наличие крупных немецких сил, расположившихся в важнейших стратегических пунктах страны, фашистские правители утверждали, будто такая мера связана с осуществлением германских гарантий Румынии и необходимостью ее защиты от возможного нападения Англии на румынские нефтепромыслы.

Любопытно, что эту версию поддержал и тогдашний румынский посланник в СССР Г. Гафенку. Сначала он уверял, что размещение немецких частей в Бухаресте и на всем протяжении Дуная вызвано целями «инструктирования» румынской армии. Когда же в ответ ему было сказано, что количество «инструкторов» слишком велико, он выдвинул упомянутую версию о намерении рейха «защищать столь важную для германской экономики страну» против «британского нападения»[22].

Но подобные надуманные ссылки никого не могли обмануть, так как в тот период все силы Англии были направлены на защиту собственной территории от угрозы гитлеровского вторжения.

К тому же румынское правительство в сентябре продолжало стягивать свои войска к границам СССР и спровоцировало ряд новых пограничных инцидентов. В связи с этим Советское правительство 12 сентября 1940 г. заявило румынскому правительству решительный протест. Следует также отметить, что СССР выступил против венского диктата, расценив его как империалистическую сделку, а германские гарантии Румынии — как направленные против Советского Союза.

Румынские фашисты упорно продолжали проводить антисоветский курс, занявший основное место в их внешней политике. Спустя два месяца после своего прихода к власти И. Антонеску предпринял поездку в Берлин и Рим, чтобы обсудить вопросы сотрудничества Румынии с державами «оси», определить ее место в «новом порядке в Европе» и заручиться поддержкой румынских захватнических планов в отношении СССР.

Прибыв в Рим 13 ноября в сопровождении министра иностранных дел М. Стурдзы, он в течение нескольких дней вел переговоры с Муссолини и Чиано. Как писал в своих заметках об этих переговорах И. Антонеску, главными темами были укрепление армии и экономики Румынии, с тем чтобы она могла «по первому требованию «оси» внести свой эффективный вклад», т. е. вступить в войну на стороне фашистских держав и обеспечить поставки для нее сельскохозяйственных продуктов и нефти[23]. Румынский диктатор выразил готовность удовлетворить все пожелания фашистской Италии. Для этого, как он сказал, нуж-

---

[22] *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. London, 1945, p. 73.
[23] См.: ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 300, л. 58.

но было только одно, чтобы она указала, «что ее интересует в банковской, торговой и промышленной областях»[24].

В ходе беседы И. Антонеску высказал свое мнение о положении на Балканах и в восточной части Средиземноморья. Он заявил, что державам «оси» следует уничтожить английские базы на острове Лемнос и в Салониках, так как их существование означает угрозу воздушных налетов на нефтяные районы Румынии, в случае уничтожения которых Германия и Италия лишатся нефти. Это, конечно, была попытка повысить румынские акции в фашистском блоке. Однако вместе с тем Антонеску явно желал ускорить поражение Англии, которую считал уже обреченной. С откровенным пренебрежением он сравнивал ее, а также Францию «с цирковыми артистами, которые на глазах у публики поднимали огромные тяжести, являвшиеся в действительности пустыми»[25].

Разумеется, не был забыт и трансильванский вопрос. Когда Муссолини, объясняя итальянскую позицию во время венского диктата, сослался на недоверие, которое он и Гитлер испытывали к Каролю II, Антонеску заявил, что хотел бы добиться для румынского населения Северной Трансильвании лишь такого же статуса, какой был предоставлен хортистами немецкому национальному меньшинству.

Фактически, подтвердив, таким образом, свое согласие с венским диктатом, он в то же время дал понять, что надеется превзойти хортистов в «верности» державам «оси» в предстоящей борьбе против СССР и тем самым добиться пересмотра трансильванского вопроса в пользу Румынии. Несомненно, именно это он имел в виду, сказав Муссолини, что «понимает невозможность возвращения Северной Трансильвании сейчас и будет ждать окончания войны»[26].

Действительно, румынские фашисты сразу же после прихода к власти вступили в форменное состязание с хортистами, стремясь обогнать их во всем, что касалось «сотрудничества» с гитлеровской Германией и фашистской Италией. К рассматриваемому времени Антонеску имел уже одну важную «фору»: в то время как в Будапеште еще побаивались приглашать германские войска, в Румынию уже прибыли немецкие 13-я танковая дивизия, авиационные и парашютно-десантные части, предназначенные, как признал впоследствии на Нюрнбергском процессе фельдмаршал Ф. Паулюс, для подготовки румынской армии к участию в нападении на СССР[27].

Теперь румынский диктатор готовился опередить хортистов и в присоединении к так называемому Тройственному пакту, заключенному Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г.

---

[24] См.: ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 308, л. 9 (62).
[25] Memorial Antonesco, vol. I. Paris, 1950, p. 38.
[26] ИДА, ф. МИД Румынии, д. 300, л. 61.
[27] См.: Нюрнбергский процесс, т. II. М., 1958, с. 603.

с целью совместной вооруженной борьбы за передел мира в свою пользу и направленному прежде всего против Советского Союза. Но на этот раз И. Антонеску опоздал. Когда он прибыл 22 ноября в Берлин, оказалось, что хортистское правительство за два дня до этого подписало протокол о присоединении к Тройственному пакту. Правда, имелось одно обстоятельство, которое могло служить утешением для румынского диктатора.

Дело в том, что договоренность между гитлеровскими и хортистскими правительствами об установлении «союзнических» отношений в принципе была достигнута еще в июле. С тех пор, в течение четырех с лишним месяцев, в Будапеште оттягивали официальное оформление этой договоренности, надеясь выторговать дополнительные выгоды. Гитлеровцы, однако, положили конец подобной тактике с помощью своего излюбленного метода шантажа. В ноябре, когда они приступили к расширению военной коалиции, созданной Тройственным пактом, в Бухарест, где теперь правил их ставленник, также было послано приглашение присоединиться к нему. Извещенное об этом хортистское правительство 16 ноября поспешило принять соответствующее решение и уже четыре дня спустя подписало протокол о присоединении к пакту.

Тот же прием был применен и по отношению к Румынии, хотя в Берлине могли не сомневаться в рвении ее новых правителей. Видимо, шантаж стал характерной особенностью гитлеровской дипломатии, и она, так сказать, по инерции воспользовалась им в данном случае. В письме, направленном в Бухарест, сообщалось, что венгерское правительство в ближайшее время намерено присоединиться к Тройственному пакту с целью «обеспечить себе некоторые выгоды». Затем следовало соответствующее приглашение румынскому правительству, мотивируемое тем, что Германия «не хочет создавать Венгрии формально более выгодное положение, чем Румынии» [28].

Вот почему И. Антонеску, не знавший всей подоплеки этого демарша, но вполне удовлетворенный содержанием письма германского министра иностранных дел, не слишком огорчился тем, что хортисты на сей раз опередили его. Тем более, что в Берлине ему был оказан исключительно благожелательный прием. Гитлер лично встретил его на вокзале, а в ходе последовавших за этим бесед пообещал все, чего пожелал румынский диктатор, в том числе и присоединения в будущем Бессарабии и других советских земель к Румынии, дав понять, таким образом, что война против СССР — дело решенное. Антонеску в ответ на это заявил: «В настоящее время Румыния безоговорочно идет вместе с «осью»... Она готова пролить свою кровь за ось на полях битвы» [29].

---

[28] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 81, n/p.
[29] DGFP. 1918—1945, series D, vol. XI, p. 654.

Уже на следующий день, 23 ноября 1940 г., он подписал протокол о присоединении Румынии к Тройственному пакту, тем самым связав ее официальным обязательством приинять участие в войне против Советского Союза, в создании «нового порядка» в Европе и в установлении мирового господства фашизма. При этом И. Антонеску сделал заявление, в котором указал на «органическую и естественную связь» между движением легионеров в Румынии, национал-социализмом в Германии и фашизмом в Италии. Он также подчеркнул, что подписание данного протокола не является «дипломатической формальностью», а представляет собой «глубокий акт новой ориентации румынского государства», свидетельство его стремления способствовать «перестройке Европы и всего мира»[30].

Затем состоялась беседа И. Антонеску с Кейтелем, касавшаяся реорганизации румынской армии в целях использования ее в будущих совместных операциях против СССР. После этого румынский фашистский диктатор вновь был принят Гитлером и заявил ему, что к весне 1941 г. румынские вооруженные силы будут «готовы к действию». Одновременно велись переговоры между Риббентропом и румынским министром иностранных дел Стурдзой по конкретным вопросам, связанным с присоедиинением Румынии к Тройственному пакту. Они кончились 24 ноября к взаимному удовлетворению сторои. Прощаясь со Стурдзой, Риббентроп заявил, что характер отношений между Румынией и Германией полностью изменился. «Теперь,— подчеркнул он, говоря о позиции Берлина,— нет недоверия, теперь есть полное доверие»[31].

Таким образом, Румыния в результате совместных усилий германских и румынских фашистов стала официальным участником агрессивного фашистского блока. Ее правители «отпраздновали» присоединение к Тройственному пакту проведением в Бухаресте военного парада румынских и немецких войск, который принимали генерал Антоиеску и король Михай.

Не меньше радовались в Берлине, где румынский «кондукэторул» произвел наилучшее впечатление. «Если бы в Европе нашелся второй такой Антонеску,— заявил тогда Гитлер своему министру иностранных дел Риббентропу,— все пошло бы как нельзя лучше». А встретившись вскоре с Муссолини, фюрер сказал, что доволен румынским диктатором, так как в своей ненависти к СССР и ко всем демократическим силам он — «настоящий фанатик»[32].

Это определение довольно точно характеризует всю сущность военно-фашистской диктатуры Антонеску. Если во внешней политике она окончательно и бесповоротио связала себя с гитлеровским блоком, то внутри страны ее курс был направлен на

[30] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 80, n/p.
[31] Ibid., vol. 81, n/p.
[32] DGFP. 1918—1945, Series D, vol. XI, p. 1145.

превращение Румынии в типично фашистское государство по итало-германскому образцу. 18 сентября 1940 г. «кондукэторул» на заседании правительства так определил свой внешнеполитический и внутриполитический курс: «Вне страны — «ось», внутри — легионерский режим» [33].

Режим Антонеску сразу же приобрел еще более террористический и кровавый характер, чем предшествовавшая ему королевская диктатура. Страна превратилась в огромную тюрьму. Уже в сентябре 1940 г. в Румынии было создано 35 концентрационных лагерей и тюрем, куда были брошены лучшие сыны и дочери румынского народа. В отличие от королевской диктатуры военно-фашистский режим не счел нужным сохранять даже видимость парламентаризма. Он отменил действие конституции, ликвидировав все гражданские права. Многие промышленные предприятия были милитаризированы, по отношению к рабочим и служащим там применялась военная дисциплина, а нарушителей предавали суду военного трибунала. Отражая заинтересованность наиболее реакционной верхушки румынской буржуазии и помещиков в подавлении народной борьбы с помощью германских фашистов, правительство И. Антонеску с самого начала опиралось на гитлеровские штыки.

С провозглашением Румынии национал-легионерским государством «Железная гвардия» стала руководящей силой нового режима. Специальным правительственным распоряжением от 23 сентября 1940 г. власти на местах обязывались сотрудничать с легионерским движением и предупреждались, что невыполнение указаний префектов-железногвардейцев повлечет за собой отстранение от должности и строгое наказание [34].

Дорвавшаяся до власти «Железная гвардия» развернула массовый террор, бандитскими методами расправляясь со своими политическими противниками. Став правящей и к тому же единственной партией, деятельность которой разрешалась военно-фашистским режимом, она воспользовалась этим для увеличения своей численности и усиления влияния среди части населения, в особенности в мелкобуржуазных кругах.

Тому немало способствовал И. Антонеску, который, подобно Каролю II, надеялся подчинить себе железногвардейцев, сделать их опорой своей диктатуры. Руководствуясь подобными соображениями, он усиленно поддерживал социальную демагогию «Железной гвардии». Еще 7 сентября 1940 г. в коммюнике о программе своего правительства он заявил, что национал-легионерское государство обеспечит крестьянству «подъем» путем административных и санитарных мер, содействия организации как производства, так и продажи продуктов крестьянского труда. Рабочим и служащим он тоже обещал «поддержку» при по-

---

[33] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 300, л. 39.
[34] См.:«Universul», 24.IX 1940.

мощи «социальных реформ и реорганизации промышленного производства», а также обеспечения заработной платы, необходимой для существования. Наконец, глава фашистского правительства уверял, что проведет чистку государственного аппарата с целью искоренения коррупции и т. п.[35]

Для оценки воздействия подобных посулов необходимо иметь в виду, что основная масса населения находилась в крайне бедственном положении. Этим и воспользовались румынские фашисты. «Фашизму,—отмечал в свое время Г. Димитров,—удается привлечь массы потому, что он демагогически апеллирует к их особенно наболевшим нуждам и запросам»[36].

В известной мере так обстояло дело и в Румынии в рассматриваемый период.

Вместе с тем важно отметить и другое существенное обстоятельство, способствовавшее усилению позиций «Железной гвардии». Румынская сигуранца, отмечая в донесении от 25 октября 1940 г., что часть населения оказалась под влиянием легионеров, оценивала этот факт как следствие «разочарования в партиях (национал-либеральной и национал-царанистской.—*Н. Л.*), не выполнивших свои обещания». Из того же документа явствует, что влияние железногвардейцев отмечалось в основном среди наиболее отсталой части населения и деклассированных элементов, которые вступали в эту организацию в надежде получить пост в национал-легионерском государстве, быстро обогатиться и т. п. Основная же масса рабочих и крестьян, как признавала сигуранца, не проявляла интереса к легионерскому движению[37].

Демагогические диверсии, имевшие целью создать иллюзию, что национал-легионерский режим проявляет заботу о трудовом люде, неоднократно предпринимались в недолгий период сотрудничества генерала Антонеску с железногвардейцами.

Так, была развернута благотворительная кампания под названием «легионерская помощь». Но заключалась она главным образом в том, что железногвардейцы под предлогом помощи бедствующим семьям вымогали или просто отбирали деньги, продовольствие, одежду у граждан нерумынской национальности, прежде всего у евреев. Собранные таким образом средства не попадали к тем, для кого они предназначались. «Легионерская помощь» на деле превратилась в операцию по обогащению руководившей ею железногвардейской верхушки. Сбор и распределение средств никем не контролировались. Вследствие этого, как отмечалось несколько позднее в официальном докладе, «многие руководители легионеров присвоили себе крупные суммы».

Не могло улучшить положение трудящихся и предпринятое

[35] См.: «Universul», 8.IX 1940.
[36] *Димитров Г.* Статьи и речи. М., 1937, с. 8.
[37] См.: ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 336, л. 1.

военно-фашистским правительством некоторое повышение заработной платы рабочим, так как они по-прежнему подвергались жестокой капиталистической эксплуатации и в то же время были лишены права отстаивать свои экономические права. Всякая попытка организованного выступления рабочих пресекалась жесточайшими мерами. Между тем длительность рабочего дня по-прежнему устанавливалась по усмотрению предпринимателей, а правительственное распоряжение о минимуме заработной платы почти не соблюдалось.

К тому же в связи с массовыми закупками, производимыми прибывшими в Румынию германскими военнослужащими, безудержно росла инфляция. Она свела на нет незначительное повышение заработной платы. Только за три месяца — с августа по ноябрь 1940 г. — стоимость жизни возросла на 20% [38].

Под прикрытием социальной демагогии усилилась эксплуатация трудящихся монополистическим капиталом, интересы которого защищала военно-фашистская диктатура. В то же время железногвардейская верхушка стремилась обогатиться за счет части буржуазии. Этим, в частности, было продиктовано выдвижение лозунга «руководимой экономики» в противоположность «либеральной экономике, несовместимой с легионерским движением». Одним из элементов этой кампании было учреждение института железногвардейских комиссаров, другим — переход некоторых предприятий в руки правительства или в собственность отдельных представителей военно-фашистского режима. Уже в конце сентября 1940 г. под предлогом борьбы с саботажем были объявлены государственными семь нефтяных компаний, принадлежавших английскому капиталу или связанных с ним.

Резко усилилась так называемая «румынизация» национальной экономики. В этом деле, однако, ее жертвами стали не только предприниматели из числа евреев, но и те румыны, которых железногвардейцы считали своими политическими противниками.

Среди них оказался даже активный участник установления военно-фашистской диктатуры лидер национал-либеральной партии и бывший премьер-министр Д. Брэтиану. Шантажируемый одним из железногвардейцев, он был вынужден продать свою фабрику «Летя», оценивавшуюся в 50 млн. лей, за 5 млн. лей, из которых получил лишь символическую сумму в полмиллиона лей. Легионеры тесно сотрудничали с местной немецкой национал-социалистской партией и зачастую выступали подставными лицами многих ее членов, стремившихся, как явствует из донесений германского посланника в Бухаресте, захватить еврейские фирмы [39]. Такая «румынизация», по признанию пра-

---

[38] «Excelsior», 26.I 1941.
[39] См.: DGFP. 1918—1945, Series D, vol. XI, p. 1050.

вительственных органов, на деле приводила к германизации капитала, усиливая позиции гитлеровцев в румынской экономике[40].

В результате кампаний по «румынизации» и созданию «руководимой экономики», принявших массовый характер, было дезорганизовано хозяйственное положение страны. Усилившаяся нехватка продовольствия, сырья, товаров, кредитов грозила полностью парализовать экономику страны[41]. Генерал И. Антонеску потребовал «устранить все плохое в администрации государства и экономики», подразумевая некомпетентное и вредное вмешательство «Железной гвардии». Он был вынужден сделать такое заявление, поскольку начали углубляться противоречия внутри фашистской верхушки, нараставшие с первых дней ее прихода к власти.

В области экономики они отражали определенные противоречия, существовавшие в Румынии между монополистическим капиталом и фашистами, которых он поставил у власти отнюдь не для того, чтобы они ущемляли его интересы. Господствовавшие классы могла удовлетворить только такая экономическая политика фашистской диктатуры, которая обеспечивала достижение их собственной цели — максимального и беспрепятственного увеличения прибылей. Поэтому румынская буржуазия, естественно, не хотела, чтобы легионеры обогащались за ее счет, да к тому же подрывали хозяйственную жизнь страны и сам процесс капиталистического производства. Она была недовольна также проводившейся «Железной гвардией» резкой антитрестовской пропагандой и проповедью «легионерского социализма», которые при всей их демагогичности ставили под сомнение незыблемость буржуазного строя.

Конфликт возник также и в политической области. Легионеры не ограничились кровавым террором в отношении коммунистов и других представителей демократических сил, а использовали свое пребывание у власти для сведения личных счетов с некоторыми буржуазными политическими деятелями, которые в свое время по разным причинам выступали против «Железной гвардии».

Орудием мести стала легионерская полиция. Она не подчинялась ни Антонеску, ни министерству внутренних дел. То были банды железногвардейцев, одетых в зеленые рубашки, грабившие, избивавшие и убивавшие неугодных им лиц.

Обеспокоенный тем, что их жертвами становились также представители буржуазно-помещичьих кругов, И. Антонеску сделал в начале октября 1940 г. попытку ввести в какие-то рамки деятельность легионерской полиции. Был издан секретный приказ, разъяснявший, что она имеет право лишь сигнализировать

---

[40] См.: Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8098, f. 275.
[41] См.: Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8225, f. 10—16.

об установленных ею нарушениях закона, и требовавший арестовывать тех железногвардейцев, которые не соблюдают этого правила. Тогда же генерал Антонеску опубликовал в газете «Универсул» заявление, в котором говорилось, что «личности, одетые в зеленые рубашки» и терроризирующие население, не являются-де «настоящими железногвардейцами», поскольку они нарушают порядок и законы страны. «Никто,— увещевал диктатор,— не может вести следствие и наказывать, кроме соответствующих государственных органов»[42].

Под нажимом главы правительства его заместитель и «капитан» железногвардейцев Х. Сима был вынужден сделать вид, что готов уступить. 30 октября 1940 г. в «Коммюнике легионерского движения» он подтвердил, что «легионерская полиция является вспомогательной». Однако главарь железногвардейцев «пояснил», что она «ведет расследования, реквизиции с помощью офицеров государственной полиции»[43].

Таким образом, поскольку именно последней он отводил вспомогательную роль, легионеры продолжали действовать в том же духе. Это еще больше обострило конфликт между диктатором и его заместителем.

В начале ноября 1940 г. И. Антонеску в письме к Х. Симе резко потребовал, чтобы железногвардейские вожаки перестали «оспаривать его единоличное право руководить страной». Далее он заявил: «Два дирижера не могут одновременно управлять оркестром. В первую очередь надо отделить правительство от партии». Согласно выдвинутой им схеме «Железная гвардия» должна была «заняться воспитанием молодежи», а все свои требования и пожелания по части государственного управления выдвигать через Х. Симу, как заместителя премьер-министра.

Такая роль не устраивала железногвардейцев, считавших свои позиции достаточно прочными, чтобы действовать по собственному усмотрению. Следует отметить, что это, по-видимому, объяснялось не столько ростом влияния «Железной гвардии», сколько открытой поддержкой со стороны гитлеровских представителей. В данном отношении характерно, что даже во время упоминавшегося выше военного парада, который состоялся в конце ноября по случаю присоединения Румынии к Тройственному пакту, германский посланник сидел в одной машине с Х. Симой, явно афишируя близкие отношения между гитлеровцами и железногвардейцами.

Но и генерал Антонеску не хотел уступать.

В результате противоречия между ним и Х. Симой продолжали усиливаться, постепенно приобретая характер открытой борьбы за власть. Они резко обострились в конце ноября 1940 г. в связи с новой вспышкой террора, коснувшейся и некоторых

---

[42] «Universul», 5.X 1940.
[43] «Universul», 30.X 1940.

представителей буржуазно-помещичьих кругов. Так, в те дни железногвардейцы зверски убили известных политических деятелей и крупных ученых Н. Йоргу и В. Маджару. Тогда же легионерская полиция захватила еще ряд видных представителей прежнего режима, и лишь вмешательство «кондукэторула» спасло их от гибели.

Эти злодеяния, в особенности убийство Н. Йорги и В. Маджару, вызвали возмущение внутри страны и за границей. Фашистская верхушка, не желая себя окончательно скомпрометировать, была вынуждена опубликовать специальное заявление, гласившее, что «генерал Антонеску, правительство и легионерское движение осуждают этот акт»[44].

Был также принят особый закон, предусматривавший смертную казнь или каторжные работы на срок от 5 до 10 лет за преступления против «общественного порядка». Разумеется, он был направлен не только против легионерских банд, но также и против их жертв, в первую очередь коммунистов и представителей других демократических сил, ибо дал в руки властей еще одно «законное» орудие подавления антифашистской борьбы. Однако в то же время этот закон был призван умерить пыл железногвардейцев или по крайней мере направить их террористическую деятельность в более угодное буржуазии русло.

И. Антонеску даже попытался воспользоваться этими событиями, для того чтобы избавиться от конкуреиции легионеров, но по «совету» Гитлера был вынужден сохранить их главарей в составе правительства[45].

Вмешательство Берлина вполне понятно, так как германские фашисты, имевшие немалый опыт в деле физического истребления своих политических противников, одобряли действия «Железной гвардии». Более того, они старались изобразить их как некий «героический акт». Германское информационное бюро даже утверждало, что убийство Н. Йорги и В. Маджару «одобряется всем народом». Поэтому с точки зрения гитлеровцев «не было иикаких оснований» для отстранения легионеров от управления румынским государством.

И все же дело не обошлось без потерь для «Железной гвардии». 30 ноября 1940 г. было официально объявлено о роспуске легионерской полиции, а три дня спустя издано предписание о принятии строгих мер с самоуправством железногвардейцев[46]. Х. Сима от имени своей организации дал очередную клятву верности «кондукэторулу». А тот выразил распущенной легионерской полиции свою «благодарность за оказанные услуги»[47].

Примирение, однако, было мнимым. Борьба за власть между двумя влиятельными группировками военно-фашистского режи-

[44] «Universul», 30.XI 1940.
[45] См.: Memorial Antonesco, vol. I, p. 38.
[46] «Universul», 30.XI 1940.
[47] Ibidem.

ма не только продолжалась, но и приобретала все большую остроту.

На стороне Антонеску были значительные преимущества. Главное из них состояло в том, что гитлеровцы не имели никаких претензий к румынскому диктатору, который не за страх, а за совесть проводил политику полного закабаления Румынии и использования ее германским рейхом в своих захватнических целях. Его внутриполитические позиции были сильнее и потому, что «Железную гвардию», подвергшую страну разграблению, ненавидели не только трудящиеся массы, но и буржуазно-помещичьи круги, отдававшие предпочтение единоличной диктатуре генерала Антонеску. Несомненным преимуществом последиего была и его тесная связь с армейской верхушкой, на которую, следовательно, он мог опереться в своей борьбе за власть против конкурентов — лидеров «Железной гвардии».

Большой интерес для выяснения позиции военных кругов в конфликте между И. Антонеску и легионерами представляет совещание командующих, состоявшееся 28 ноября 1940 г. Прежде всего нужно отметить, что его участники были резко настроены против «Железной гвардии», так как она пыталась вмешиваться в действия командиров частей и даже распространить на армию свои бандитские приемы расправы с неугодными ей лицами. Кроме того, прибывшие на совещание находились под впечатлением только что совершенных железногвардейцами убийств буржуазно-помещичьих политиков. Все это определило позицию генералитета, решительно высказавшегося в поддержку генерала-диктатора. Один из выступавших на совещании «с согласия всех» заявил, что армия окажет И. Антонеску «безусловную помощь». И добавил: «Когда почувствуете в этом необходимость, зовите армию. Она исполнит свой долг».

Однако в условиях, когда Румыния была оккупирована немецкими войсками, а «Железная гвардия» являлась открытой агентурой германских фашистов, да и сам «кондукэторул» целиком зависел от них, он не мог устранить ее без согласия гитлеровцев. Поэтому ему пришлось ограничиться такими, например, мерами, как фактическое отстранение министра иностранных дел Стурдзы от руководства внешней политикой, которое Антонеску взял в свои руки.

Вскоре оказалось, что этого мало, так как лидеры легионерского движения оказывали упорное сопротивление его стремлению установить монополию на власть, стать человеком, олицетворяющим фашистский режим в Румынии. В декабре 1940 г. в беседе с одним иностранным дипломатом «кондукэторул» обмолвился, что железногвардейцы, действующие в государственном аппарате, игнорируют его распоряжения.

Действительно, например, декрет о роспуске легионерской полиции фактически не был выполнен, она продолжала существовать не только в провинции, но и в столице. Более того,

Х. Сима неоднократно вмешивался в функции главы правительства. Так, после отстранения железногвардейца Стурдзы «капитан» попытался назначить на должность министра иностранных дел другого своего приверженца и был крайне обозлен тем, что Антонеску воспрепятствовал этому. Конфликт зашел так далеко, что в начале января 1941 г. легионер Гика, являвшийся начальником полиции, отдал распоряжение не выполнять указания генерала Антонеску, а действовать только по его собственным приказам[48].

В конце концов «кондукэторул» отправился в Берлин, чтобы там добиться согласия на предоставление ему «свободы рук» в отношении железногвардейцев.

Во время встречи с Гитлером 14 января 1941 г. в присутствии фельдмаршала Кейтеля, генерала Йодля, Фабрициуса и нового германского посланника в Румынии фон Киллингера генерал Антонеску прежде всего вновь заверил фюрера в своей верности державам «оси» и готовности участвовать в войне против СССР, отметил, что «отдает себе отчет в риске наступательных или оборонительных операций и не испытывает колебаний в этом деле». Далее он сказал, что для успешного выполнения данной задачи нужно предоставить ему право «навести порядок» внутри страны и стать «единым руководителем» как государства, так и легионерского движения. Ибо, говорил он, «последние четыре месяца стало совершенно очевидно, что собственными силами «Железная гвардия» не может реорганизоваться в соответствии с потребностями управления государством» и, напротив, оказывает «разлагающее влияние» на население и армию. В заключение И. Антонеску подчеркнул, что только правительство военных может обеспечить «полное использование» Румынии в интересах Германии.

Эти аргументы подействовали. Решающую роль, несомненно, оказали соображения, связанные с предстоявшей войной против СССР. Гитлер был заинтересован в прекращении распрей среди своих ставленников в Румынии, чтобы обеспечить себе возможность полностью использовать ее армию и экономический потенциал. И потому, оказавшись перед необходимостью выбора между «родственной» германскому фашизму «Железной гвардией» и не менее близким ему генералом Антонеску, фюрер предпочел сделать ставку на последнего. Тем более, что речь в сущности шла не о ликвидации легионерского движения, а всего лишь о передаче его в ведение «кондукэторула» с целью «консолидации» фашистских сил в Румынии. И Гитлер пообещал Антонеску свою полную поддержку.

Антонеску, возвратившись 15 января в Бухарест, немедленно приступил к осуществлению мероприятий, с помощью которых он хотел подчинить «Железную гвардию». Начал генерал в тот

[48] См.: DGFP. 1918—1945, series D, vol. XI, doc. 631.

же день с грозного предостережения по адресу продолжавших бесчинствовать легионеров. Одновременно он направил Х. Симе письмо, в котором многозначительно сообщил своему заместителю: «Во время вчерашней встречи фюрер сказал мне: «Любое нарушение порядка внутри страны, кем бы ни было оно совершено, не может быть терпимо...»[49]

Однако ни то, ни другое не дало желаемого эффекта. Напротив, как вскоре выяснилось, «Железная гвардия» во главе со своим «капитаном» именно в это время завершила подготовку к сосредоточению всей власти в своих руках, что являлось ее целью с первых дней военно-фашистской диктатуры. Поэтому уже тогда легионеры начали готовиться к вооруженному выступлению, чтобы подавить возможное сопротивление со стороны как народных масс, так и сторонников генерала Антонеску. Еще в сентябре 1940 г. они создали собственные военизированные отряды и через своих ставленников в государственном аппарате добыли для них значительное количество оружия. Подготовка к путчу особенно усилилась после принятия генералом Антонеску мер в связи с ноябрьскими террористическими действиями железногвардейцев. В декабре был проведен специальный инструктаж по этому вопросу на собраниях легионеров в городах Алба-Юлия, Констанца, Бузэу, Тимишоара, Лугож, Карансебеш и др.[50]

К середине января 1941 г., когда «кондукэторул» возвратился из Берлина, «Железная гвардия» была уже готова к вооруженному выступлению и искала лишь повода для путча.

Такой предлог нашелся.

В ночь на 19 января был убит офицер штаба германской военной миссии в Румынии майор Деринг. Убийцу задержать не удалось. В дипломатических кругах румынской столицы не сомневались, что это дело рук легионеров, которые таким путем хотели поссорить немцев с Антонеску и показать, что он не способен обеспечить «безопасность и порядок» в стране.

Так оно, по-видимому, и было. Ибо именно убийство Деринга и использовал Х. Сима в качестве повода для мятежа.

19 января он провел в Бухаресте секретное совещание легионерских руководителей, съехавшихся из разных мест страны. Вслед за тем начались манифестации железногвардейцев против генерала Антонеску, который якобы создал условия, делающие возможными убийства германских офицеров. Легионерские вожаки призывали к немедленной расправе с коммунистами, евреями и масонами, как они называли тех, кто в прошлом был причастен к ориентации на Англию и Францию. Разумеется, главное требование сводилось к созданию железногвардейского

---

[49] ИДА, письмо Антонеску Х. Симе, от 15 января 1941 г.

[50] См.: ИДА, ф. Военный кабинет. Обобщающий доклад о процессе мятежа, лл. 51—55.

правительства в качестве единственно верного пути «преобразования» румынского государства в духе национал-социализма.

И. Антонеску принял контрмеры. Он сместил еще двух легионеров — министра внутренних дел Петровическу и префекта полиции Гику, обвинив их в том, что они допустили убийство германского офицера. Тем самым он стремился снять с себя ответственность за эту акцию и подтвердить слухи о том, что она совершена железногвардейцами.

В ответ на это вечером 20 января перед зданием совета министров собралось около трех тысяч приверженцев Х. Симы, шумно требовавших восстановить всех смещенных. Эта демонстрация должна была накалить обстановку в столице, явившись как бы прологом к вооруженному выступлению легионеров, которое и началось на следующее утро.

Отряды железногвардейцев захватывали казармы, здания полицейских участков, административных учреждений. Одновременно Х. Сима направил ультиматум генералу Антонеску, потребовав вывести войска из столицы и сформировать «чисто легионерское» правительство из числа лиц, которых ему назовет руководство «Железной гвардии».

Такое решение было неприемлемо для «кондукэторула», поскольку оно сделало бы его не более чем марионеткой легионерской верхушки. Антонеску же хотел властвовать, причем единолично. Поэтому неизбежным становилось вооруженное столкновение двух фашистских группировок. Однако генерал Антонеску не сразу решился отдать войскам приказ о подавлении мятежа железногвардейцев и сначала ограничивался призывами прекратить беспорядки. Отчасти это объяснялось его стремлением обеспечить себе оправдание перед гитлеровцами: мол, по отношению к мятежникам было проявлено великодушие, но оно не возымело действия. Другая очень важная причина состояла в том, что он, несмотря на обещание Гитлера, не был уверен в поддержке или хотя бы в «нейтралитете» германских войск, находившихся в Румынии.

В результате армия фашистского диктатора и силы мятежных легионеров не нападали друг на друга. Но зато железногвардейцы, не встречая противодействия со стороны войск генерала И. Антонеску, стали хозяевами положения в столице. Начались грабежи, убийства, погромы. Так называемая легионерская «революция» вылилась в бандитские действия, маскировавшиеся лозунгами антикоммунизма. За первые три дня мятежа были зверски убиты многие десятки жителей Бухареста, разграблено имущество более чем на 100 млн. лей[51].

Трудно представить, что мятеж «Железной гвардии», верной агентуры гитлеровцев в Румынии, мог начаться без ведома и одобрения германских фашистов. Показательно и то, что в эти

[51] ИДА, ф. Военный кабинет. Обобщающий доклад о процессе мятежа, л. 64.

дни немецкие воинские части в Бухаресте были приведены в боевую готовность, но их командование не спешило выступить на чьей-либо стороне.

В своих письменных свидетельских показаниях на состоявшемся в июне 1941 г. процессе участников легионерского мятежа глава германской военной миссии в Румынии генерал Ганзен признал, что за несколько часов до путча его посетил Х. Сима, проинформировавший о предстоящем «восстании». Ганзен также уверял, будто он тогда дал понять «капитану», что железногвардейцы не должны рассчитывать иа поддержку немецких войск.

Однако тот факт, что мятеж все-таки состоялся, опровергает это утверждение. Во всяком случае, генерал И. Антонеску и его сторонники считали, что «Железная гвардия» подняла бунт под влиянием немецких представителей в Румынии, в первую очередь военных. Об этом свидетельствовали и материалы расследования. М. Антонеску, впоследствии ставший заместителем «кондукэторула», прямо заявил Риббентропу, что «волнения в январе 1941 года объясняются... вмешательством германских войск, которые подогрели страсти и ввели в заблуждение некоторые подрывные элементы»[52].

В разгар путча, когда его волна грозила распространиться на всю страну, И. Антонеску 22 января связался с Гитлером по телефону и сообщил, что положение может стать «неуправляемым», так как армия, не дождавшись приказа, сама выступит против железногвардейцев, а это может привести к непредвиденным последствиям.

Если у фюрера и были какие-либо колебания, то после этого сообщения они, вероятно, отпали. Ибо «непредвиденные последствия» могли оказаться крушением военно-фашистской диктатуры в Румынии. Времени до нападения на СССР оставалось все меньше, и Гитлеру совсем не хотелось потерять румынский плацдарм. Поэтому он ответил генералу Антонеску, что одобряет его намерение восстановить «порядок» в стране, и даже подчеркнул необходимость сделать это как можно быстрее. «Мне нужна здоровая румынская армия, а не фанатики»,— заявил он, тем самым давая понять, что не будет мешать «кондукэторулу» в подавлении железногвардейского путча. В тот же день Риббентроп направил германскому посланнику в Бухаресте соответствующую инструкцию.

Все это ясно показывает полнейшую зависимость и Антонеску, и «Железной гвардии» от гитлеровской клики, которая тогда решила их судьбу.

Получив поддержку Гитлера, румынский диктатор в тот же день отдал армии приказ приступить к подавлению легионер-

---

[52] ИДА, ф. МИД Румынии, д. 300. Переговоры Риббентропа с М. Антонеску 26 ноября 1941 г., л. 17 (40).

ского мятежа. И уже сутки спустя «Железная гвардия», не получившая ожидаемой помощи от германских войск в Румынии, была вынуждена прекратить сопротивление.

При разгроме путчистов было убито 236 и ранено 254 человека. Многие легионеры, в том числе и их «капитан» были схвачены, но генерал Антонеску не решился расправиться с ними. Х. Симу он отправил в Германию, где тот и оставался до последних дней войны. Гитлеровцы и сами тайно вывезли многих железногвардейцев и держали их в качестве резервного средства давления на румынского «кондукэторула» на тот случай, если бы он проявил непослушание.

По приказу Антонеску после ликвидации путча были уволены члены «Железной гвардии», занимавшие ответственные должности. Еще раз была запрещена деятельность всех партий, в том числе и легионерской, единственной легальной политической организации. «Железная гвардия» перестала существовать как организационная сила: ее верхушка сбежала в Германию, часть железногвардейцев ушла в подполье, а другие перешли на сторону Антонеску.

Антонеску создал правительство, состоявшее исключительно из его сторонников. Из 12 министерских постов 9 заняли генералы. Но установленный отныне режим лишь по форме отличался от прежнего, национал-легионерского. Смена названия и удаление железногвардейцев из правительства не изменили фашистского характера диктатуры Антонеску, ее внутриполитического и внешнеполитического курса. В циркуляре от 29 января 1941 г. дипломатическим представительствам Румынии за границей, подписанным генералом Антонеску, говорилось: «Целью правительства военных является окончательная ликвидация мятежа, наказание виновных и подавление всякой новой попытки нарушения государственного порядка. Главной миссией этого правительства является, таким образом, обеспечение возврата к нормальным условиям. Во внешней политике правительство, в котором я взял себе также портфель министра иностранных дел, продолжает без колебаний политику на стороне держав «оси»[53].

Получив очередные гарантии румынского участия в антисоветском походе, правители фашистского рейха сделали широкий жест в отношении «кондукэторула». Гитлер через германского посланника в Бухаресте Киллингера сообщил ему о своей полной поддержке. А несколько позднее, когда ушедшие в подполье железногвардейцы начали распространять слухи о «возможности восстановления легионерского движения» при помощи Германии, гитлеровцы помогли фашистскому диктатору Румынии опровергнуть их. В газетах было опубликовано полуофициальное коммюнике, в котором приводилось следующее заявление

[53] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 82, n/p.

Киллингера: «Для Гитлера и германского народа только Антонеску является представителем румынского государства, которого Германия будет поддерживать во всех его действиях, направленных на благо отечества и на поддержание германо-румынской дружбы»[54].

После устранения «Железной гвардии» военно-фашистская диктатура Антонеску продолжила и углубила антинародный и антинациональный курс.

Составной частью подготовки к антисоветской войне было подчинение румынской экономики германскому империализму. В этом отношении гитлеровцы стремились сделать Румынию поставщиком продовольствия и сырья для нужд своей военной машины. В соответствии с такой линией они считали, что в этой стране промышленность должна быть представлена лишь добывающими отраслями, остальные, как «ненужные и даже вредные» для интересов германского рейха, подлежали ликвидации. Правительство Антонеску целиком разделяло эти взгляды. Например, министр пропаганды, разъясняя представителям прессы экономическую политику правительства, утверждал подобно гитлеровцам, что развитие промышленности в Румынии является якобы противоестественным делом. «Румынская экономика,— говорил он,— будет решительно базироваться на своей естественной основе, т. е. на сельском хозяйстве. Румыния является сельскохозяйственной страной, производящей сырье». Сам «кондукэторул» заявил, что ликвидацию «ненужных» отраслей промышленности следует начать с металлургии, с тем чтобы вместо нее развивать производство пищевых продуктов, необходимых для экспорта, разумеется в Германию[55].

Этот курс нашел отражение уже в подписанном 4 декабря 1940 г. румынско-германском соглашении о претворении в жизнь 10-летнего плана «экономического сотрудничества», предусмотренного договором от 23 марта 1939 г. Румыния взяла на себя следующие обязательства: 1) сотрудничать с Германией в развитии сельского и лесного хозяйства; 2) «перестроить» промышленность в рамках «нового европейского порядка»; 3) реорганизовать пути сообщения в соответствии с «естественными направлениями сбыта продукции румынского хозяйства», т. е. максимально интенсифицировать перевозки продовольствия и сырья, особенно нефти в Германию; 4) принять немецких экономических советников; 5) поставлять рейху продукцию по «твердым» ценам.

Данное соглашение еще больше закабаляло Румынию, закрепляя ее положение аграрно-сырьевого придатка гитлеровской Германии.

---

[54] «Universul», 22.V 1941.
[55] См.: Arhiva CC al PCR, fond 103, Stenograma din 17 octombrie 1940, f. 57.

Следующим этапом ее экономического порабощения явились состоявшиеся в начале марта 1941 г. в Вене переговоры между И. Антонеску и Герингом. По мнению западногерманского историка Хильгрубера, они привели к окончательному «включению Румынии в сферу экономики под господством гитлеровской Германии»[56].

Германский капитал использовал различные пути проникновения в румынскую экономику и установления над ней своего контроля. Позиции рейха стали здесь господствующими прежде всего в результате того, что гитлеровцы на правах победителей Франции, Бельгии, Чехословакии и Голландии захватили все имевшиеся в Румынии активы этих стран, а также Англии, находившейся в состоянии войны с Германией. Что касается румынских предприятий американского треста «Стандард ойл», то последний еще в 1939 г. заключил с германским концерном «ИГ Фарбениндустри» конвенцию о разделе сфер влияния, предусматривавшую, что в случае войны каждое из этих монополистических объединений примет на себя защиту интересов партнера в тех зонах, где он в силу сложившихся условий не сможет непосредственно управлять своей собственностью. В соответствии с этим гитлеровская клика вскоре после нападения на Польшу ввела своих представителей в административные советы американских фирм в Румынии. Считалось, что она таким образом «защищает» интересы заокеанского капитала, в действительности же его румынские активы оказались в ее полном распоряжении.

Другим способом, при помощи которого германский капитал завладел румынской экономикой, был переход в его руки доли румынского национального капитала, принадлежавшей еврейским промышленникам, торговцам, финансистам. Проводившаяся военно-фашистским режимом генерала Антонеску так называемая «румынизация» экономической жизни, как уже отмечалось, в действительности превратилась в ее германизацию. Еврейские фирмы за бесценок скупались дельцами из немецкой этнической группы в Румынии или германскими подданными.

Этому всячески способствовала военно-фашистская диктатура. Правда, под давлением буржуазно-помещичьих кругов, недовольных ущемлением своих интересов германским империализмом, «кондукэторул» 30 мая 1941 г. приказал государственному секретариату по «румынизации» «в будущем препятствовать переходу еврейской собственности в руки иностранцев без ведома и одобрения государства»[57]. Однако практически это всего лишь «узаконило» существовавшую практику захвата еврейских предприятий гитлеровцами, ибо Антонеску не мог отказать своим покровителям, когда они обращались за разрешением.

---

[56] *Hillgruber A.* Op. cit., p. 161.
[57] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 319, л. 122.

Гитлеровцы образовывали также новые немецко-румынские акционерные общества. И хотя эта форма не получила большого развития из-за нежелания германского капитала делать значительные вложения в хозяйство Румынии, тем не менее она дополняла общую картину его проникновения в румынскую экономику.

Вслед за захватом еврейских фирм, в том числе крупнейших, принадлежавших Аушниту, Шапиро, Маргулису, Бланку, Кауфману, были лишены руководящих позиций в экономике страны также Малакса, Бужой, Аржетояну, Джигурту и другие представители монополистической верхушки, ранее входившие в королевскую камарилью. Ее роль перешла номинально к государству, а фактически к гитлеровцам и непосредственно сотрудничавшей с ними другой кучке монополистов. В результате резко ослабло влияние недавно еще самой мощной группировки румынской крупной буржуазии, хозяйничавшей при Кароле II в тяжелой и особенно в военной промышленности.

При пособничестве румынских фашистских прислужников гитлеровцы сделались хозяевами положения в основных отраслях промышленности, в торговле и финансах. В румынских архивах имеется немало документов, свидетельствующих об этом. В одном из них, озаглавленном «Германизация капитала», показаны изменения в позициях иностранного и национального капитала Румынии в период 1938—1941 гг., когда в связи с политикой королевской диктатуры, а затем военно-фашистского режима Антонеску гитлеровская Германия, используя благоприятную международную обстановку, ускоренными темпами закабаляла румынскую экономику[58].

Германский капитал занял в ней доминирующее положение. Обеспечивалось это не только практиковавшимся им прямым захватом собственности румынской национальной буржуазии, но также и системой взаимоотношений между правительством Антонеску и гитлеровцами.

Вот несколько примеров. На заводах «Решица» германскому капиталу формально принадлежало 40% акций — бывшая австрийская, чехословацкая и французская собственность, а румынскому правительству—60%, ранее составлявшие долю Малаксы и Аушнита. Однако фактическими хозяевами на этих предприятиях были гитлеровцы, распоряжавшиеся ими по своему усмотрению. Так обстояло дело и на других заводах, отобранных у прежних владельцев. Например, две группы предприятий, из которых одна ранее принадлежала Аушниту, а другая — Малаксе, теоретически перешли в собственность государства. Но первая из них находилась под немецким управлением, а вторая вошла в состав смешанного румыно-германского акционерного общества, которое вскоре поглотил концерн «Герман Геринг верке».

[58] См.: Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8098, f. 258.

Ещё проще овладел германский капитал румынскими финансами. Под его контроль официально перешли два из четырех крупнейших банков страны. Это были «Румынское банковское общество», ставшее филиалом Дрезденского банка, и франко-бельгийский «Румынский коммерческий банк», объявленный собственностью «Дойче банк». Однако и два других — «Банк румынского кредита», раньше находившийся в руках Кароля II, и «Румынский национальный банк» фактически также контролировались гитлеровскими «советниками».

Как в период господства королевской диктатуры, так и особенно в годы военно-фашистского режима Антонеску в Румынии усилились тенденции государственно-монополистического капитализма. Одним из его проявлений и был переход в собственность государства почти всей металлургической и военной промышленности и ряда банковских учреждений. Причем характерной особенностью государственно-монополистического капитализма в Румынии в годы фашистской диктатуры было то, что он служил не только интересам верхушки румынского господствующего класса, но в еще большей степени германскому империализму, с помощью которого эта диктатура была установлена.

Следовательно, даже с чисто экономической точки зрения у румынской буржуазии в целом было немало причин для недовольства политикой правительства Антонеску и господством гитлеровцев, фактически оккупировавших страну.

Однако только КПР решительно выступала против военно-фашистской диктатуры Антонеску. КПР с самого начала разоблачила антинациональный и антинародный характер национал-легионерского режима и призвала массы на борьбу против него, в защиту своих жизненных интересов, за спасение независимости и суверенитета страны.

Еще в сентябре 1940 г. компартия обратилась ко всем прогрессивным силам страны со страстным призывом: «Напрягите вашу силу и энергию! Идите в самую гущу масс, встаньте во главе их! Организуйте их борьбу за экономические требования. Поднимайте на борьбу против железногвардейских банд... Организуйте единый народный фронт трудящихся для свержения тиранической военно-легионерской диктатуры...» В том же месяце областной комитет КПР Молдовы в Яссах распространил листовку «За мир, хлеб, землю и свободу!», разоблачавшую предательскую антинациональную политику правящих кругов и звавшую на борьбу против втягивания Румынии в войну, против голода и дороговизны, за правительство, избранное народом, за дружбу с Советским Союзом [59].

Указывая пути восстановления национальной независимости, газета «Скынтейя», орган ЦК КПР, 8 октября 1940 г. писала: «...Ни Румыния, ни Венгрия не являются отныне независимыми

---

[59] Arhiva MFA, dos. 8B — Contrinformatii, f. 453.

странами. Румынский народ и народ венгерский, балканские народы могут завоевать национальную независимость перед лицом империалистических держав только совместной борьбой и при поддержке великой страны социализма — СССР». Газета звала на борьбу против «Железной гвардии», военно-легионерской диктатуры и нашествия германских оккупантов.

Призывы компартии находили горячий отклик среди патриотов, антифашистов, особенно среди рабочих и крестьянской бедноты. Это вызывало сильную озабоченность у румынской сигуранцы, постоянно подчеркивавшей в своих донесениях, что рабочие «симпатизируют коммунистам». Впоследствии к такому же выводу пришли многие буржуазные исследователи рассматриваемого периода истории Румынии. В частности, известный английский историк Х. Ситон-Уотсон был вынужден признать, что подавляющее большинство румынских рабочих шло за коммунистами.

Компартия, возглавившая борьбу за восстановление национальной независимости и демократических свобод, против гитлеровской оккупации и военно-фашистской диктатуры Антонеску, оказывала значительное влияние и на рядовых членов других политических партий, руководство которых фактически встало на путь сотрудничества с врагами румынского народа. Коммунисты, сообщала сигуранца 1 декабря 1940 г., устанавливают связь с «низовыми кадрами национал-царанистской партии, которые действуют вопреки воле Маниу».

В этих условиях, естественно, терпела провал разнузданная демагогия железногвардейских агитаторов, пытавшихся приобрести доверие рабочих, убеждая их в том, что «легионерское государство» якобы заботится о благе пролетариата и ведет его к «социализму». Так, на бухарестском заводе «Вулкан» рабочие дали отпор докладчику-легионеру и заявили, что жизнь становится все тяжелее и что германские войска объедают страну, обрекая население на голод.

Так было и на многих других предприятиях. Более того, трудящиеся массы сразу разгадали, что демагогические посулы — это всего лишь оборотная сторона террористической деятельности «Железной гвардии». 7 сентября 1940 г. более тысячи рабочих завода «Малакса» в Бухаресте на своем собрании потребовали, наряду с повышением заработной платы, прекращения произвола легионеров и заявили о своей готовности бороться против фашистского режима, за установление демократического народного правительства. В связи с этим выступлением «Скынтейя» призвала трудящихся организовывать на всех предприятиях группы самообороны для отпора легионерским бандам, совершавшим вооруженные нападения на рабочие собрания и митинги протеста[60].

---

[60] См.: «Scînteia», 17.IX 1940.

Характерной чертой рабочих выступлений того времени было выдвижение как экономических, так и политических требований. Борясь за повышение заработной платы и улучшение условий труда, против милитаризации предприятий, трудящиеся решительно протестовали против фашистского режима и его антинародной и антинациональной политики.

Правительство И. Антонеску жестоко расправлялось с участниками этого движения. Уже в сентябре-октябре 1940 г. сотни рабочих бухарестских предприятий были брошены в тюрьмы. Но оно не смогло подавить борьбу масс.

В ответ на репрессии состоялись массовые выступления протеста на столичных заводах «Вулкан», «Вольф», «Воина», «СЕТ», «Пиротехника арматей», «Леонида» и других, а на 17 текстильных фабриках и на заводах «Металлоглобус» вспыхнули забастовки. Мощные демонстрации и стачки, организованные компартией, охватили все важнейшие промышленные центры страны. В начале октября объявили забастовку рабочие металлургических и военных предприятий в городах Анина и Решица. В том же месяце началась стачка лесорубов долины Муреша, 2 тыс. рабочих кирпичного завода в Жимболии, верфей Галаца, предприятий Брэилы и др.

Рабочие различных национальностей выступали единым фронтом против хозяев и фашистских властей, демонстрируя пролетарскую солидарность трудящихся. На вагоностроительном заводе «Астра» в Араде румынские рабочие провели забастовку протеста против увольнения своих товарищей-венгров. В Яссах жены мобилизованных в армию устроили внушительную антивоенную демонстрацию, требуя помощи и освобождения мужей от военной службы. В Брашове несколько дней подряд не прекращались выступления трудящихся, требовавших создания народного правительства и установления дружбы с СССР[61].

Массовые протесты трудящихся, забастовки и собрания рабочих, свидетельствовавшие о ненависти к национал-легионерскому режиму, пугали румынских фашистских правителей. Генерал Антонеску на одном из заседаний правительства заявил: «Все это грозит пожаром. Нужно предупредить его». Опасаясь, что компартия организует антиправительственные выступления по случаю празднования 23-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, он приказал принять «предупредительные меры» в Бухаресте, Брашове, Плоешти, Галаце, Тимишоаре, Араде и других городах, используя для борьбы против демонстрантов «все виды оружия». Одновременно «кондукэторул» потребовал ускорить создание концентрационных лагерей, куда он намеревался заключить всех коммунистов и антифашистов.

---

[61] См.: «Studii», 1964, N 4, p. 762.

Но борьба масс во главе с КПР продолжала нарастать.

По случаю 23-й годовщины Великого Октября компартия провела много собраний, распространила тысячи листовок и брошюр. 3 ноября на площади Обор в Бухаресте коммунисты организовали большую манифестацию под лозунгами «Долой правительство военно-легионерской диктатуры!», «Дружба с СССР!», «Да здравствует Советский Союз!». Демонстранты требовали также удаления немецких войск из Румынии, прекращения вывоза продовольствия в Германию, чтобы обеспечить питанием население страны.

На предприятиях участились случаи саботажа, выражавшегося в порче оборудования, поджогах. На нефтепромысле Бэйкой, например, в октябре вспыхнул пожар, а в Бухаресте сгорела фабрика красителей. В декабре были взорваны резервуары с горючим, подготовленным обществом «Ромына американа» для отправки в фашистскую Германию, выведен из строя нефтепровод Плоешти — Бузэу. Несколько позже была разрушена прядильная фабрика в Галаце, выполнявшая военные заказы[62].

Методами жесточайшего террора военно-фашистское правительство Антонеску — Сима стремилось подавить освободительную антифашистскую борьбу в стране. Полиция и легионеры жестоко расправлялись с коммунистами и антифашистами. Арестованная группа участников демонстраций была брошена в тюрьму Дофтана, которая после подземного толчка находилась в аварийном состоянии и явно должна была вот-вот рухнуть. Так оно и случилось. Под обвалившейся кровлей здания погибли 14 коммунистов, в том числе член ЦК КПР Илие Пинтилие. В январе 1941 г. железногвардейскими бандитами при пособничестве полиции был убит в лесу под Бухарестом борец-коммунист Константин Давид.

Меры по борьбе с антифашистским движением, руководимым коммунистами, были одним из главных вопросов, обсуждавшихся на заседаниях военно-легионерского правительства. Например, 13 декабря 1940 г. совет министров под председательством И. Антонеску заслушал доклад министра внутренних дел К. Петровическу о ходе выполнения намеченного ранее плана репрессий против коммунистов — с целью срыва подготавливаемого ими массового выступления по случаю годовщины расстрела демонстрации трудящихся перед зданием национального театра 13 декабря 1918 г. Отметив, что уже арестовано 49 человек, Петровическу доложил, что компартия, несмотря на это, продолжает антиправительственную агитацию как в столице, так и в других городах. В частности, он сообщил, что в Галаце и других местах коммунисты разбрасывают написанные от руки листовки размером с этикетку спичечной коробки, призывавшие бороться против фашизма.

[62] См.: *Mezincescu A.* Rumania over two years of German Domination. A Chronology of Unrest and Sabotage. Oxford, 1943, p. 6—9.

На этом заседании произошел любопытный эпизод, несомненно связанный с соперничеством между «кондукэторулом» и его коллегами-железногвардейцами. Когда Петровическу сказал, что в листовках коммунисты обвиняют легионеров в продаже страны Гитлеру, И. Антонеску сразу же спросил: «Не говорится ли в них обо мне?». По-видимому, он надеялся, что антифашисты обошли его своим вниманием. Однако железногвардейцу Петровическу незачем было щадить самолюбие «кондукэторула», и он с удовольствием ответил, что в листовках речь идет о правительстве убийц. Антонеску тотчас же потребовал применить максимальную меру наказания к арестованным, чтобы, как он выразился, «дать урок» другим [63].

Четыре дня спустя на очередном заседании кабинета Петровическу сообщил, что число арестованных за составление, печатание и распространение коммунистических листовок, «словесную пропаганду» и хранение коммунистической литературы достигло 141 человек. Тем не менее, отметил он, положение становится все более серьезным. И в качестве примера привел факт взрыва в ночь на 17 декабря резервуаров нефтеочистительного завода в городе Брази, в результате которого сгорело 15 цистерн с нефтью. Антонеску потребовал усилить репрессии. На том же заседании в связи с информацией о катастрофе на шахтах в Лупени, при которой погибло 56 человек, было отмечено, что в этом районе возникла «угроза революционного пожара».

Компартия мобилизовывала на борьбу против фашистского господства также трудящееся крестьянство, находившееся, даже по признанию властей, в крайне тяжелом положении. Сигуранца, отмечая нищету деревенской бедноты, констатировала, что это придает ей «дерзость».

Речь шла об участившихся выступлениях крестьян в уездах Ильфов, Брашов, Бузэу, Мусчел, Текучи, Путна, Тимиш-Торонтал, Арад, Хунедоара и других, где компартия распространила листовки, призывавшие бороться против легионеров и Антонеску, за конфискацию помещичьих земель и создание крестьянских комитетов для организации массового сопротивления реквизициям и принудительным работам в помещичьих имениях. В ряде мест произошли кровавые столкновения крестьян с жандармами. В деревнях Кыржа и Рэурешть на берегу Прута беднота захватила 600 га помещичьей земли и, несмотря на прибытие жандармов, отказывалась вернуть ее помещику. Когда жандармы открыли огонь, 30 крестьян забаррикадировались в доме и стали отстреливаться.

Власти жестоко подавили это выступление. Два крестьянина были убиты, а остальные арестованы и преданы суду военного трибунала. И все же волнения не утихли. Крестьяне многих коммун, в частности в уездах Яломница, Брэила и других, не под-

---

[63] См.: Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8225, ff. 2—3.

чинились приказу о сдаче сельскохозяйственных продуктов, а в уезде Арджеш не вышли на дорожные работы[64].

Гнев народных масс вызывало и присутствие германских войск на территории Румынии. Приглашенные «кондукэторулом» якобы для «обучения румынской армии» дивизии вермахта фактически оккупировали страну, поддерживая своими штыками ненавистный народу фашистский режим. Гитлеровские оккупанты вели себя в Румынии, являвшейся официально союзницей фашистских держав по Тройственному пакту, так же бесцеремонно и заносчиво, как и в завоеванных ими странах Европы. Присутствие германских войск вызывало у населения и в армии опасение, что страна будет втянута гитлеровцами в войну, чуждую национальным интересам Румынии[65].

Ближайшим результатом ввода германской армии в Румынию было резкое ухудшение финансово-экономического положения страны, условий жизни трудящихся масс. Как признал позднее И. Антонеску, «прибытие и проход германских войск через румынскую территорию в 1940—1941 годах ознаменовались серьезным расстройством экономического порядка». Присланная из Берлина так называемая военная миссия, которая первоначально руководила германскими войсками, «инструктировавшими» румынскую армию, вскоре стала органом по обеспечению и снабжению немецких соединений, расположившихся в Румынии или проходивших через ее территорию для агрессии против других стран.

Правительство Антонеску выделило огромную сумму на содержание гитлеровских войск, использовавшуюся германскими военнослужащими в основном для скупки продовольствия и товаров легкой промышленности, которые отсылались ими на родину. Как отмечала служба информации 7-го румынского армейского корпуса, население выражало открытое недовольство прибытием германских войск, в результате которого резко вздорожала жизнь, ухудшилось снабжение продовольствием и товарами первой необходимости. В донесении приводились слова одного из жителей: «Нам не остается и куска хлеба, потому что все забрали и отдали немцам»[66].

Солдаты и офицеры румынской армии тяжело переносили униженное положение, в которое поставил их «кондукэторул», всячески подчеркивавший «превосходство» немецкого военнослужащего над румынским. Антонеску утверждал, что «специфические условия жизни германской расы» требуют-де снабжать немецких солдат лучше, чем румынских. И вот в то время как германский солдат получал ежемесячно 100 лей для себя и еще 8000 «на семью», румынскому солдату давали всего 60 лей в

[64] См.: «Analele», 1963, N 4.
[65] См.: ИДА, Информационный бюллетень Совета министров Румынии от 25 октября 1940 г.
[66] Arhiva MFA, dos. 225/64, f. 29.

месяц. Первого кормили в Румынии мясом и белым хлебом, а второго — черным хлебом и картошкой. Информационный бюллетень армии отмечал в этой связи недовольство румынских солдат и младшего офицерского состава тем, как размещены и снабжаются германские солдаты, подчеркивая, что это создает благоприятные условия для коммунистической пропаганды.

Известен ряд фактов, когда распропагандированные коммунистами солдаты, будучи брошены на подавление выступлений трудящихся, отказывались стрелять в них. Так было, например, в Брашове во время длившихся там несколько дней антифашистских демонстраций [67].

Румынский генеральный штаб в докладе, озаглавленном «Заключение о настроении в армии в связи с пребыванием германских войск в Румынии в период с 10 октября 1940 г. по 1 февраля 1941 г.», указывал, что немецкие военнослужащие вмешивались во внутренние румынские дела, оспаривали действия властей, брали под защиту нарушителей закона из числа своих соотечественников, а также легионеров. Они открыто издевались над румынскими солдатами и голодающим населением: бросая на землю папиросы или хлеб, тут же фотографировали румын, подбиравших все это. Генеральный штаб признал, что население и румынская армия враждебно относились к германским войскам.

На этой почве возникали многочисленные столкновения. В Бухаресте и Плоешти были случаи разоружения и избиения германских солдат и офицеров, оскорбительно ведших себя по отношению к румынам. В том же документе отмечалось, что жители деревни Влашка отказывались продавать немцам продукты питания, а рабочие завода «Стандард» 9 декабря 1940 г. подожгли на станции Теляжен бензохранилище со 150 вагонами бензина, предназначавшегося для германской авиации.

Военно-фашистская диктатура, обеспокоенная участившимися случаями нападения на германских военнослужащих в Румынии, издавала строжайшие приказы по этому поводу. Министр внутренних дел Петровическу в своем распоряжении от 18 января 1941 г. требовал «дружеского и уважительного отношения» к немецким войскам на румынской территории, предупреждая население, что они пользуются правом экстерриториальности и что нападение на них будет строго караться [68]. 22 января 1941 г. был опубликован декрет о смертной казни за «преступления против германских военнослужащих». Но и после этого положение не изменилось. Жандармерия нефтепромыслового района, сообщая о бесчинствах гитлеровцев, писала, что «население возбуждено, и могут иметь место инциденты» [69].

---

[67] См.: «Studii», 1964, N 4, p. 762.
[68] См.: Arhivele Statului Prefectura judeţului Ilfov, dos. 213, 1941, vol. 1, ff. 425—426.
[69] Arhiva MFA, dos. 248/51, f. 69.

Исходя из того, что против военно-фашистской диктатуры выступали как трудящиеся слои населения, так и часть буржуазии, интересы которой ущемлялись германизацией румынской экономики и планами превращения Румынии в аграрно-сырьевой придаток гитлеровского рейха, компартия добивалась создания фронта антифашистских сил.

В январе 1941 г. она опубликовала документ под названием «За мир и национальную независимость румынского народа», в котором предложила платформу для объединения всех антифашистских патриотических и демократических сил на борьбу против режима Антонеску — Симы. Компартия подчеркивала, что военно-фашистская диктатура установлена в интересах крупных капиталистов и помещиков и что «господствующие классы подвергают румынский народ и угнетенные национальности острой опасности вовлечения в империалистическую войну, которая распространяется на Балканах... подстрекают против Советского Союза, заявляя, что весной пойдут вместе с немецкой армией против России» [70].

Единственным выходом из опасного положения, созданного политикой господствующих классов, компартия считала решительную борьбу за экономические, политические и национальные требования трудящихся. Она призывала выступить за установление строя, который будет служить интересам масс, сорвет замыслы империалистов, обеспечит национальную независимость, ликвидирует легионерские и другие враждебные народу организации, осуществит земельную реформу.

Предложенная компартией платформа объединения антифашистских сил включала следующие требования: 1) обеспечение мира и национальной независимости румынского народа, политики тесной дружбы с Советским Союзом; 2) установление дружеских отношений со всеми балканскими народами и Венгрией, мирное разрешение всех спорных вопросов с соседними странами; 3) ликвидация национального угнетения, равноправие национальностей в политической, экономической и культурной областях; 4) политическая амнистия; 5) свобода собраний, печати, организаций трудящихся, всеобщее избирательное право для граждан, достигших 18-летнего возраста, без различия национальности, вероисповедания и пола; 6) реальное улучшение положения трудящихся, прекращение реквизиций; 7) отмена военных сборов.

Компартия заявляла о своей готовности сотрудничать в осуществлении этой платформы при единственном условии, что оно обеспечит достижение национальной независимости румынского народа. Отметив, что ориентация на империалистические державы является предательством национальной независимости Румынии, КПР подчеркивала: «Только политика тесной друж-

[70] Documente din istoria partidului comunist din Romînia, p. 334.

бы с Советским Союзом, его поддержка могут спасти румынский народ от катастрофических последствий империалистической войны, гарантировать национальную независимость страны и сохранить мир народам Румынии»[71].

Платформа, предложенная Коммунистической партией Румынии 15 января 1941 г., таким образом, включала общедемократические задачи, в том числе главную из них — завоевание наицональной независимости и непосредственно вытекающую из этого задачу предотвратить втягивание Румынии в антисоветскую войну. Требования платформы отражали устремления всего румынского народа, в их осуществлении были заинтересованы различные социальные слои и политические группировки.

Компартия показала истинный характер междоусобной борьбы фашистской верхушки, завершившейся устранением железногвардейцев из правительства. В феврале 1941 г. КПР распространила брошюру «От легионерского режима к военной диктатуре», в которой говорилось: «Крупные румынские капиталисты и помещики для спасения общих интересов господствующих классов в нынешней катастрофической обстановке, являющейся следствием банкротства их политики, установили режим военной диктатуры»[72]. Этот режим, указывала КПР, стоит на прежних позициях предательства национальных интересов Румынии. Опутав страну сетью казарм, тюрем и концлагерей, он стремится силой оружия подавить борьбу рабочих за хлеб и свободу, уничтожить компартию — авангард рабочего класса и всего румынского народа. Призывая к борьбе за свержение военно-фашистской диктатуры Антонеску, к объединению антифашистских патриотических сил на базе выдвинутой компартией платформы от 15 января 1941 г., КПР вновь призвала румынский народ к борьбе за мир, против превращения Румынии в придаток германского империализма, за ее национальную независимость, за политику тесной дружбы с Советским Союзом[73].

Призыв КПР к борьбе против фашистского режима и закабаления страны гитлеровцами, против использования Румынии в военных планах фашистской Германии нашел отклик в массах рабочих, крестьян и антифашистской интеллигенции. Деятельность коммунистической партии, мобилизовавшей рабочий класс и весь народ на борьбу против военно-фашистской диктатуры, являлась существенным элементом политического положения в стране.

Крупнейшим выступлением рабочих в период, непосредственно предшествовавший началу войны против Советского Союза, была руководимая коммунистами стачка шахтеров Петрилы,

---

[71] Documente din istoria partidului comunist din Romînia, p. 336.
[72] Ibid., p. 338.
[73] Ibidem.

Аниноасы, Лупени, Лон и других мест долины Жиу. Эта забастовка, длившаяся с 15 апреля по 5 мая 1941 г. и угрожавшая сорвать снабжение топливом военных заводов, вызвала серьезное беспокойство в правящей фашистской верхушке.

Министр внутренних дел, докладывая Антонеску, что шахтеры отказываются приступить к работе, подчеркивал: «Если такое положение сохранится еще 24 часа, то копям будет угрожать опасность». Особенно встревожило генерала И. Антонеску заявление министра труда о том, что эта забастовка может привести к остановке предприятий, работавших на подготовку к антисоветской войне. По мнению министра, «так называемый трудовой конфликт в долине Жиу тщательно организован и подготовлен для дезорганизации данного производства и расстройства нынешнего порядка в государстве».

Забастовщики выдвинули ряд требований, в том числе о повышении заработной платы на 50%, сокращении рабочего дня, создании нормальных условий труда, оказании медицинской помощи, ликвидации карцеров и других видов наказания, введенных комендантами шахт, уважении человеческого достоинства шахтеров. Фашистские власти ответили угрозой применения оружия и арестами коммунистов, пытаясь заставить шахтеров возобновить работу. Но забастовщики твердо стояли на своем. Для подавления стачки, угрожавшей перекинуться на другие отрасли промышленности, правительство направило войска и жандармерию, а также наводнило всю местность агентами сигуранцы и специальной разведывательной службы.

Хотя забастовка была в конце концов подавлена, а над ее руководителями и передовыми рабочими власти учинили расправу, стойкая борьба шахтеров имела большое значение. Она нанесла чувствительный удар по военно-фашистскому режиму, явилась примером для рабочих всей страны в их борьбе против нищеты и голода, против террора и подготовки нападения на СССР.

Против военных приготовлений режима Антонеску выступало и румынское крестьянство, оказывая сопротивление конфискации земель под аэродромы для гитлеровской армии, реквизиции скота и сельскохозяйственных продуктов, уклоняясь от мобилизации.

Префектура Ясской области сообщала в министерство внутренних дел, что крестьяне неодобрительно относятся к военным сборам и говорят: если государство имеет армию, то пусть оно и содержит ее, а не сажает на нашу шею. В этом донесении указывалось также, что сельское население выражает открытое недовольство мобилизацией военнообязанных, рассматривая это как признак готовящейся войны против Советского Союза и осуждая ее. Командир 1-го армейского корпуса незадолго до начала войны против СССР получил письмо, в котором рассказывалось об антигерманских и антивоенных настроениях кре-

стьян, заявлявших: «Лучше пойдем против немцев, чем против русских»[74].

В последние недели перед началом гитлеровской агрессии против СССР румынские фашистские власти провели массовые аресты среди коммунистов, мобилизовывавших широкие массы народа на борьбу против антинациональной политики режима Антонеску. Несмотря на аресты, коммунистическая пропаганда, по признанию сигуранцы, не прекратилась.

В информационном секретном сообщении о настроениях гражданского населения за апрель 1941 г. отмечалось: «Как и в прошлом, коммунистическая пропаганда стремится показать «роковые последствия» германо-румынской дружбы, в особенности с экономической точки зрения. Нынешний хозяйственный кризис и недостаток предметов первой необходимости способствует успеху этой пропаганды, развитию антигерманских настроений, в первую очередь среди рабочих. С политической точки зрения деятельность коммунистов, их пропаганда, ведущаяся от человека к человеку, расклеивание и распространение лозунгов и листовок имеют целью показать, что политика союза Румынии с Германией приведет в будущем и к другим отрицательным результатам»[75].

Как сообщалось в том же документе, компартия разъясняла массам, что участие в войне противоречит интересам румынского народа и будет служить лишь целям германской политики, организовывала забастовки и другие выступления рабочих против политики эксплуатации и войны. В такой же информации в конце мая отмечалось, что деятельность коммунистов направлена на усиление антигерманских выступлений, организацию экономического саботажа и ориентацию населения на дружбу с СССР.

Непосредственным результатом самоотверженной деятельности КПР явилось нарастание стачечной борьбы. Она вновь усилилась в июне 1941 г., когда по всей стране прокатилась волна выступлений рабочих за свои жизненные права, против политики фашистского правительства. Забастовки и трудовые конфликты не прекращались на военных предприятиях, в том числе на авиационном заводе в Брашове, на заводе «Пиротехника арматей» в Бухаресте и многих других. Эти выступления рабочих, продолжавшиеся вплоть до 22 июня 1941 г., когда германские и румынские фашисты начали войну против СССР, были выражением недовольства тяжелыми условиями труда и нищенским уровнем заработной платы, их протеста против фашистского террора и приготовлений к участию Румынии в антисоветской войне[76].

---

[74] Arhiva MFA, dos. 1/21, f. 875.
[75] Arhiva MFA, dos. 733/57, f. 20.
[76] См.: «Studii», 1964, N 4, p. 770—771.

В антифашистском и антивоенном движении участвовали в тот период и значительные группы демократической интеллигенции. В частности, власти разогнали подготовленную студентами университета в Сибиу демонстрацию «против современного режима и держав оси»» [77].

Однако и в этот период создать широкий патриотический антифашистский фронт не удалось. Одна из причин этого состояла в том, что линия КПР на объединение всех демократических сил вновь натолкнулась на антинародную позицию лидеров национал-царанистской и национал-либеральной партий, а также оппортунистического руководства социал-демократической партии. Если руководство последней уклонилось от борьбы, то верхушка буржуазных партий, как показано выше, пошла на прямое предательство национальных интересов, способствовала установлению военно-фашистского режима и всячески поддерживала проводимый им гибельный для страны курс.

Позиция буржуазных кругов, группировавшихся вокруг национал-либералов и национал-царанистов, определялась реакционными тенденциями во внутренней политике и антисоветской внешнеполитической линией, что сближало их с военно-фашистской диктатурой. Поэтому они не выступили против нее даже в условиях, когда их собственные интересы оказались ущемленными в результате курса на приспособление румынской экономики для обслуживания потребностей гитлеровской военной машины, а сосредоточили усилия лишь на поисках компромисса, пытаясь добиться от правительства уступок в свою пользу.

В этом отношении характерным представляется меморандум Д. Брэтиану на имя И. Антонеску от 18 декабря 1940 г. Отмечая, что Германия уготовила Румынии роль своего аграрно-сырьевого придатка, лидер национал-либералов, однако, предложил «примирить интересы» гитлеровцев и непосредственно сотрудничавшей с ними части румынской крупной буржуазии и возглавляемой им финансово-промышленной группы.

Но это было невозможно, ибо фашистский режим, являясь по своей сущности диктатурой румынского монополистического капитала, поставившего себя на службу германскому фашизму, объективно был направлен не только против трудящихся, но и против тех слоев национальной буржуазии, которые в экономическом отношении не представляли интереса для гитлеровцев.

И все же к числу сторонников генерала Антонеску примкнула и эта часть буржуазии. В циркулярном письме руководства национал-либералов от 14 февраля 1941 г. заявлялось: «Теперь мы имеем правительство генералов. Это — наилучшее решение, возможное в условиях современного кризиса. Решение, обеспечивающее порядок в стране, при котором с помощью армии и под руководством кондукэторула в государстве будут подавлены

[77] Arhiva MFA, dos. 1/121, f. 771.

анархистские тенденции и разрешены многие из трудных проблем, стоящих на повестке дня». Далее обращалось внимание на то, что «присутствие» германских войск — «важнейшая гарантия против установления коммунистического режима».

Среди других «трудных проблем» главной лидеры национал-либералов считали, конечно, внешнеполитический курс. Представляя, как и руководство национал-царанистов, ту значительную часть буржуазно-помещичьих кругов, которая в прошлом осуществляла широкое сотрудничество с Англией и Францией, они теперь поддерживали прогитлеровскую политику генерала И. Антонеску. Правда, они не являлись непосредственными участниками военно-фашистской диктатуры, но это объяснялось, с одной стороны, подозрительным отношением гитлеровцев к их политическому прошлому, а с другой — их нежеланием взять на себя ответственность за возможные отрицательные последствия его политики.

Эти опасения были вызваны тем, что, как заявил Д. Брэтиану в одном из писем к генералу Антонеску, присоединение к Тройственному пакту могло втянуть Румынию «в войну против тех, кто до сих пор были нашими друзьями». Дело, конечно, было не в узах «дружбы». Д. Брэтиану не хотел, чтобы Румыния участвовала в войне против Англии, так как рассчитывал на германо-британское «примирение», усиленно предлагавшееся в то время Гитлером, и верил, что оно произойдет на антисоветской основе. Поэтому он настойчиво рекомендовал сохранять нейтралитет и проводить «политику равновесия между двумя великими державами», а также добиться установления хороших отношений с США как самой сильной державой мира и, главное, «сохранить за собой право воспользоваться выгодной обстановкой, которая может возникнуть» [78].

Нетрудно заметить, что это была концепция неучастия Румынии в войне на Западе. Но она отнюдь не распространялась на Восток. Суть ее в том и состояла, что она признавала необходимость «любой ценой» сотрудничать с гитлеровской Германией как для подавления революционного движения, так и для осуществления агрессивных планов в отношении Советского Союза. В одном из писем к генералу Антонеску лидер национал-либералов прямо писал, что поддерживает участие Румынии совместно с гитлеровцами в войне «за восстановление территории страны» [79], т. е. захват советских земель, на которые претендовали румынские капиталисты и помещики.

Итак, военно-фашистская диктатура поддерживалась и теми буржуазно-помещичьими кругами, лидеры которых официально представляли «оппозицию». Национал-царанистское руководство в коммюнике от 28 января 1941 г. указывало, что «установ-

---

[78] ИДА, письма Д. Брэтиану к И. Антонеску от 24 февраля и 20 мая 1941 г.
[79] Там же, письмо Д. Брэтиану к И. Антонеску от 8 апреля 1941 г.

ление военного правительства в его нынешней форме должно рассматриваться как начало энергичного правления». Лидеры буржуазно-помещичьих партий считали также, что о замене Антонеску на посту руководителя правительства «не могло быть и речи». Об этом они писали и в адресованных ему посланиях. Характерно, что одним из основных доводов в его пользу было доверие, оказываемое ему Гитлером.

Не менее показательно, что Маниу и Брэтиану, добиваясь разрешения диктатора на возобновление деятельности национал-царанистской и национал-либеральной партий, заверяли его в своей полной лояльности в отношении военно-фашистского режима и обещали, что направят свои усилия целиком против революционного движения.

Но И. Антонеску, который в сентябре 1940 г., когда они помогали ему прийти к власти, говорил им, что разрешит деятельность их партий, ограничив ее определенными рамками, потом отказался выполнить свое обещание. Он заявил также, что такое разрешение несовместимо с режимом военно-фашистской диктатуры и к тому же способно вызвать недовольство Берлина.

Ю. Маниу и Д. Брэтиану в январе 1941 г. обратились к Антонеску с новым письмом, в котором просили удовлетворить их просьбу и при этом напоминали: «В аудиенции, которую вы нам дали, мы просили не создавать трудностей в деятельности национал-царанистской и национал-либеральной партий... Мы показали вам, что хорошо, когда наряду с народившимися в стране анархическими течениями существуют националистические организации, сохраняющие нашу государственную жизнь,— организации, которые, обладая в своей среде элементами, необходимыми национальной экономической и политической жизни Румынии, смогут бороться с кризисом. Мы сообщили вам, что делеки от мысли создавать трудности вашему правлению... и не откажем в техническом содействии... Вы признали полезность наших партий и обещали дать свободу действий нашим центральным и уездным организациям, исключая агитационные и пропагандистские собрания в деревнях, которые могли бы вызвать некоторые контрманифестации».

Несмотря на последовавший отказ, лидеры обеих «исторических» партий продолжали поддерживать правительство И. Антонеску. Они примирились с второстепенной, вспомогательной ролью, которую отвел им военно-фашистский режим, поскольку он выражал общие и для них интересы укрепления эксплуататорского строя и захватнические цели буржуазии и помещиков. Не разделяя полностью идеологию фашизма, они тем не менее видели в нем надежное средство борьбы с движением трудящихся и не только путем террора, но и посредством разжигания шовинистического угара, имевшего целью отвлечь массы и направить их энергию на осуществление экспансионистской программы господствующих классов.

В свою очередь военно-фашистская диктатура, отказываясь предоставить лидерам «исторических» партий возможность возобновить широкую политическую деятельность, охотно пользовалась их поддержкой, а также советами. В частности, Антонеску сразу же последовал — и небезуспешно — рекомендации заручиться «благосклонностью» США.

Надо сказать, что в Вашингтоне с самого начала одобрительно отнеслись к установлению военно-фашистской диктатуры в Румынии и к прогитлеровской политике правительства Антонеску. Американская пресса еще в начале сентября обращала особое внимание на «ярко выраженный антикоммунизм» румынского «кондукэторула» и напоминала в этой связи о его активном участии в подавлении Венгерской Советской республики в 1919 г. «Нью-Йорк таймс» изображала генерала-диктатора как «спасителя» Румынии и, вторя румынским фашистским газетам, утверждала, будто его прихода к власти желала «вся страна»[80].

В таком же духе выступала английская реакционная пресса. Лондонская «Таймс» отзывалась об Антонеску как о «самом уважаемом» человеке и в армии, и среди буржуазных политиков, и среди железногвардейцев, подчеркнув, что его целью «несомненно, будет создание как можно более твердого правительства»[81].

Официальная позиция правительств Англии и США, разумеется, не позволяла им публично выразить свое одобрение политики румынского фашистского правительства.

Однако даже в Лондоне только на словах возмущались присоединением Румынии к Тройственному пакту, сделавшим ее союзницей Германии и Италии, которые вели войну против Британской империи. На самом же деле английские правящие круги восприняли это как признак приближающегося поворота гитлеровской агрессии на Восток, против СССР, и с нетерпением ждали такого поворота, отвечавшего их антисоветским устремлениям и к тому же сулившего отвести смертельную опасность, нависшую над Великобританией.

Несомненно, данным обстоятельством объяснялось и то, что английское командование, крайне заинтересованное хотя бы в сокращении снабжения гитлеровской военной машины румынской нефтью, практически ничего для этого не придпринимало, если не считать нескольких безуспешных попыток мелких диверсий. Только в феврале 1941 г., т. е. спустя почти четыре месяца после присоединения Румынии к Тройственному пакту, Англия разорвала дипломатические отношения с ней. Но даже и это в сущности являлось лишь данью общественному мнению.

Но если британские правящие круги были вынуждены тщательно скрывать свою заинтересованность в сотрудничестве Ру-

---

[80] «New York Times», 7.IX 1940.
[81] «Times», 6.IX 1940.

мынии с Германией — последняя, как было известно и в Лондоне, и в Вашингтоне, уже целиком переключилась на подготовку к войне против Советского Союза,— то их американские коллеги не делали из этого секрета, во всяком случае в конфиденциальных беседах. Так поступил и посланник США в Бухаресте М. Гюнтер.

Когда «кондукэторул», желая выяснить отношение правительства Соединенных Штатов к предстоящему участию Румынии в гитлеровской войне против СССР, спросил его, «не считает ли он, что румынская политика должна идти в другом направлении», Гюнтер «признался, что не считает этого». Далее в записи этой конфиденциальной беседы, состоявшейся 8 января 1941 г., говорится, что на повторный вопрос о том, какую политику он вел бы на месте Антонеску, «американский посланник ответил, что он вел бы именно такую политику» [82].

Более откровенное одобрение курса румынских фашистов на участие в войне против Советского Союза трудно себе представить. И. Антонеску, полагая, что заручился таким образом «благосклонностью» США, последовал и другому совету Д. Брэтиану — избегать втягивания Румынии в войну против Англии, ибо Антонеску тоже допускал возможность «примирения» между нею и Германией на антисоветской основе. Антисоветизм был определяющим фактором внешнеполитического курса Антонеску. В данном отношении примечательным является решение, принятое им в связи с возникшей весной 1941 г. новой военно-политической проблемой.

С целью обеспечения глубокого тыла для южного фланга своих войск, развертывавшихся вдоль западных советских границ, гитлеровцы тогда решили ускорить захват всей Юго-Восточной Европы. План предусматривал ввод немецких войск в Болгарию и Югославию, которые в марте 1941 г. присоединились к Тройственному пакту, а также вторжение в Грецию и Албанию с целью их оккупации. К участию в его осуществлении, наряду с германскими войсками, привлекались итальянские и венгерские.

В связи с этим встал и вопрос о «вкладе» Румынии в намеченные операции. Он приобрел особую актуальность в конце марта, когда в Югославии под натиском народных масс, возмущенных присоединением к державам «оси», пало профашистское правительство, и гитлеровцам стало ясно, что они смогут лишь силой оружия подчинить себе эту страну.

Сложившаяся обстановка представлялась румынским правящим кругам весьма выгодной, поскольку она, казалось, позволяла им осуществить свои давние притязания на территорию соседних балканских стран, которую они включили в «историческое пространство» проектируемой ими «Великой Румынии».

---

[82] «Studii», 1958, N 2, p. 83.

А так как их планы предусматривали захват не только советских земель, но также Албании и значительной части Югославии, в том числе трети Сербии, всей Македонии, половины Боснии и побережья Далмации, то намеченная гитлеровцами очередная агрессивная акция рассматривалась кликой Антонеску как реальная возможность «приобретения» этих территорий.

Тем не менее в Бухаресте не захотели принять непосредственное участие в новом военном походе вермахта.

Объяснялось это отнюдь не нежеланием воевать против Югославии — недавнего союзника Румынии по Малой Антанте. Подобные соображения меньше всего беспокоили румынских фашистских правителей. К рассматриваемому времени они уже сделали немало для содействия гитлеровцам в нападении на Югославию, не только пропустив их войска в Болгарию и, следовательно, к болгаро-югославской границе, но также обеспечив им возможность вторгнуться на югославскую территорию непосредственно из Румынии.

Нежелание правительства Антонеску участвовать своими вооруженными силами в боевых действиях на Балканах вытекало прежде всего из его стремления сохранить все имевшиеся ресурсы для осуществления главной цели — совместной с Германией агрессии против СССР.

В этом румынские фашисты видели ключ к решению всех своих экспансионистских планов. Иначе говоря, они рассчитывали на то, что гитлеровцы, по достоинству оценив их «заслуги», вознаградят Румынию, не только возвратив ей Северную Трансильванию, но и присоединив к ней как советские земли, так и территорию соседних балканских стран. Вот почему румынские правители направляли все свои усилия исключительно на подготовку агрессии против СССР.

Вместе с тем «кондукэторул», конечно, понимал, что участие румынских войск в нападении на Югославию, а затем и на Грецию означало бы практически вступление Румынии в войну против Англии со всеми вытекающими из этого последствиями, крайне нежелательными для румынских правящих кругов. В самом деле, если учесть их предположения о возможном англо-германском «примирении» на антисоветской основе, то легко понять, что и Антонеску, и стоявшие за ним буржуазно-помещичьи круги не хотели дать британскому правительству основание для серьезного недовольства ими.

Все эти соображения и нашли довольно четкое отражение в подготовленном весной 1941 г. по указанию Антонеску документе по вопросу об участии румынских вооруженных сил в совместных с вермахтом военных действиях.

В нем говорилось: «Румыния является для Германии центром и базой политического господства в Восточной и Юго-Восточной Европе. При развитии дипломатических и военных событий весной 1941 г. Румыния может стать в центре военных акций.

Сознавая свою роль и географическое положение... Румыния готова к полному сотрудничеству с Германией. Именно поэтому Румыния вступила в Тройственный пакт; она разрешила проход германских войск через румынскую территорию, чтобы показать эффективность своего присоединения к пакту».

Далее заявлялось: «Румыния готова, если потребуется, присоединиться к военным действиям на стороне Германии». В то же время подчеркивалось, что в случае немецкой атаки с румынского плацдарма на юг, в глубь Балканского полуострова, румынская армия будет оставаться «в обороне на левом фланге», но если начнется война против Советского Союза, она будет «всеми своими силами участвовать в военных действиях»[83].

Поэтому 31 марта, когда Муссолини предложил «кондукэторулу» принять участие в нападении на Югославию, тот отказался. Но не преминул при этом напомнить о своих притязаниях, заявив, что в случае «нарушения политической структуры» на Балканах Румыния «скажет свое слово» относительно Баната, Македонии и других территорий.

Любопытно, что И. Антонеску, отклоняя предложение итальянского дуче, уверял его в невозможности послать румынские войска против Югославии, так как в этом случае у Румынии не хватит сил для «защиты от русских», хотя прекрасно знал об отсутствии какой-либо «угрозы с востока». Этот предлог и стал официальным аргументом румынского фашистского правительства как для Рима, так и для Берлина, о чем и было сообщено в шифрованной телеграмме румынским посланникам в Германии и Италии[84].

Гитлеровцев устраивала такая позиция Антонеску. Подготовляя вторжение в Югославию, в котором кроме германских войск планировались также действия итальянских и венгерских, они считали, что участие румынской армии увеличило бы число «законных» претендентов на югославскую территорию, а их и без того слишком много. Тем более что гитлеровцы, раздавая щедрые посулы своим венгерским и румынским пособникам, в действительности не собирались выполнить эти обещания, ибо уже запланировали создание зависимого от Германии так называемого государства «Донауланд» с включением в него и тех югославских территорий, на которые претендовали и в Будапеште и в Бухаресте.

Таким образом, генералу Антонеску было позволено сосредоточить свои усилия целиком на подготовке Румынии и ее вооруженных сил к антисоветской войне.

Здесь следует вновь подчеркнуть, что в тот период в связи с ликвидацией «бессарабского конфликта» сложились благоприятные условия для советско-румынского политического и экономического сотрудничества в целях обеспечения мира и защиты

---

[83] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 321, л. 84--85.
[84] См.: Arhiva MAE, fond 71, vol. 82, anul 1941, n/p

интересов обоих государств. Румынский посланник в Москве Г. Гафенку неоднократно сообщал своему правительству, что Советский Союз выражает готовность к налаживанию добрососедских отношений с Румынией, однако фашистское правительство Антонеску меньше всего думало об этом и, напротив, открыто демонстрировало свою враждебность к СССР, провоцируя конфликты на границе и создавая ненормальные условия для работы советских представителей в Румынии.

Хотя освещение военных аспектов подготовки румынских фашистов к антисоветской войне выходит за рамки настоящего исследования, необходимо отметить, что приготовления включали чрезвычайно широкий круг мероприятий, связанных как с обеспечением благоприятных условий по использованию Румынии в качестве плацдарма для развертывания германских войск, так и с мобилизацией всех людских и материальных ресурсов страны на цели агрессии.

Это повлекло за собой прежде всего дальнейшее резкое ухудшение положения широких масс румынского народа. В связи с мобилизацией семьи лишались кормильцев, вновь были увеличены налоги, сильнее сказывалась нехватка продовольствия, еще больше возросла дороговизна. Наряду с усилившейся эксплуатацией трудящихся на них обрушился фашистский террор.

Румынская полиция и жандармерия действовали в тесном контакте с гестаповцами, которые появились вслед за германскими войсками и теперь помогали румынским фашистам в наведении «порядка» в стране. В свою очередь правительство Антонеску, используя дипломатические каналы и средства информации, активно участвовало в выполнении приказа верховного командования вермахта, предписывавшего в целях маскировки приготовлений к нападению на СССР распространять слухи о том, что Германия концентрирует свои войска на территории Румынии якобы для защиты Балкан от «возможного» вторжения англичан [85], хотя такой угрозы в действительности не существовало.

Итак, все усилия Антонеску и стоявшей за ним румынской реакции были направлены на обеспечение предстоящего нападения на Советский Союз. Помимо ненависти к социалистическому государству, их подхлестывали широкие захватнические планы. Последние, как уже отмечено, распространялись и на советские земли, и на территории соседних балканских стран. В целом они сводились к тому, чтобы правящая верхушка Румынии стала приказчиком гитлеровской Германии в Юго-Восточной Европе и заняла таким образом привилегированное место в европейском «новом порядке».

Эту идею румынский диктатор изложил 11 июня 1941 г. в меморандуме на имя Риббентропа. Для Германии, говорилось

---

[85] См.: DGFP. 1918—1945, series D, vol. XI, p. 938.

в нем, выгодно сделать Румынию своей опорой в этой части континента, где она является важным стратегическим пунктом, обеспечивающим германское господство на Дунае, Черном море и на Балканах, а также германо-румынское «военное сотрудничество против славян» и Малой Азии. Кроме того, он обещал сделать Румынию «центром снабжения» фашистского рейха сырьем и дешевой рабочей силой. Далее Антонеску заявлял, что его правительство, «искренне включаясь в новый европейский порядок, жаждет стать инструментом этого порядка и путем самого тесного сотрудничества во всех аспектах обеспечить проведение политики великого рейха в этом районе». А посему и просил предоставить ему «естественную роль регионального господства» [86].

Свои пожелания он повторил на следующий день при встрече с Гитлером в Мюнхене, а 21 июня направил германскому правительству еще один меморандум, в котором уже конкретно перечислялись территориальные притязания румынских фашистов. В частности, за свой «вклад» в гитлеровскую войну против СССР правительство Антонеску хотело получить обширные югославские земли, а также выдвигало план создания в долине рек Тимок и Вардар «румынской области» под румыно-германо-итальянским кондоминиумом с включением в нее территории от болгарской границы до Белграда, Ниша, Скопле и далее на юг в направлении на Салоники [87].

Разумеется, одновременно были предприняты демарши и относительно «доли» румынских фашистов при дележе советских земель, и о пересмотре трансильванского вопроса в пользу Румынии.

В Берлине делали вид, что готовы удовлетворить все желания Антонеску. Его радужные надежды усиленно подогревал Гитлер, подчеркивая при этом, что их осуществление зависит от степени участия Румынии в войне против Советского Союза [88]. Фюрер пленил не только «кондукэторула», но и румынскую буржуазно-помещичью верхушку, издавна лелеявшую планы создания «Великой Румынии» за счет аннексии советских земель. Неописуемый восторг охватил ее, когда Гитлер 11 июня 1941 г. сказал Антонеску, что отдаст Румынии за ее участие в антисоветской войне «территорию до Днепра». Узнав об этом, крупнейший аграрий и финансист К. Аржетояну немедленно занес слова фюрера в свой дневник и добавил: «Пишу и спрашиваю себя: не сон ли это?!» [89].

Явь во всяком случае оказалась совсем не такой, какой она представлялась «кондукэторулу» и стоявшей за ним буржуазно-помещичьей реакции.

---

[86] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 83, n/p.
[87] См.: Arhiva MAE, fond Germania, vol. 82, n/p.
[88] См.: Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal, vol. VIII. Nuremberg, 1946, p. 305.
[89] Arhiva CC al PCR, fond 104, *Argetoianu C.* Insemnări zilnice 1938—1941, p. 10311.

Глава шестая

ПРОВАЛ АНТИСОВЕТСКИХ ЗАХВАТНИЧЕСКИХ ПЛАНОВ. БОРЬБА КПР ЗА СОЗДАНИЕ НАРОДНОГО АНТИФАШИСТСКОГО ФРОНТА

22 июня 1941 г. вслед за гитлеровской Германией фашистское правительство И. Антонеску ввергло Румынию в войну против СССР. Это было логическое завершение предшествовавшей антинациональной политики румынских правящих кругов, их вражды и ненависти к первому в мире социалистическому государству, оказывавшему одним фактом своего существования революционизирующее воздействие на трудящихся всего мира.

Приняв участие в гитлеровской агрессии, румынская реакция уверяла население и армию в том, что стремится якобы восстановить прежнюю «границу» Румынии по Днестру. Это было маскировкой более обширных планов захвата советской территории.

Румынские буржуазно-помещичьи круги вступили в войну отнюдь не только ради того, чтобы снова, как в 1918 г., оккупировать Бессарабию. По признанию газеты «Универсул», вступление в антисоветскую войну произошло бы даже и в том случае, если бы не пришлось летом 1940 г. возвратить ранее захваченные советские земли[1].

Главной целью антисоветской войны румынские, как и германские, правящие круги считали уничтожение Советского Союза. Трубя о «вечной опасности с Востока», румынская фашистская пропаганда призывала «уничтожить Россию как государство». Заместитель «кондукэторула» М. Антонеску в беседе с Гитлером 27 ноября 1941 г. заявил, что его правительство занимает «непоколебимую позицию» в этом вопросе, и выразил согласие с установкой фюрера на решение «русской проблемы» путем «колонизации и биологического устранения»[2], т. е. захвата территории СССР и истребления его населения.

События начала войны, когда гитлеровские полчища, используя внезапность нападения и свое численное превосходство в войсках и боевой технике, глубоко проникли на территорию нашей страны, широко освещены в литературе. Не менее хорошо известно и героическое сопротивление советских войск, в результате которого были сорваны разработанные германским коман-

---

[1] См.: «Universul», 20.VIII 1941.

[2] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 85, n/p.

дованием планы восточного «блицкрига» и заложены основы для последующего разгрома немецко-фашистских захватчиков и их пособников, в том числе и румынских фашистов. Поэтому мы здесь остановимся на тех событиях периода войны, которые были непосредственно связаны с провалом захватнических планов румынских правителей.

Первым ударом по замыслам германских, а также румынских фашистов явился провал стратегических планов гитлеровского командования, намечавшего в течение двух-трех недель нанести решающее поражение Советской Армии, а затем, овладев Москвой, Ленинградом и Киевом, выйти до осени на «линию Архангельск, Волга»[3].

Кончились и лето, и осень, наступила зима, а захватчики так и не добились намеченных целей. Под Ленинградом они были остановлены. Киев им удалось захватить лишь 19 сентября, а попытка с ходу прорваться к Москве была сорвана в ходе ожесточенного двухмесячного Смоленского сражения. Только в октябре враг смог возобновить наступление на Центральном направлении. Однако войска Советской Армии после тяжелых оборонительных боев перешли в контрнаступление, завершившееся разгромом гитлеровцев под Москвой и общим наступлением Советских Вооруженных Сил от Ладоги до Черного моря, в ходе которого был очищен от противника ряд областей и районов. К этому времени потери захватчиков на советско-германском фронте достигли, по данным германского командования, 1 167 835 солдат и офицеров[4].

Провал «блицкрига», означавший важный поворот в ходе войны, был результатом героической борьбы Советской Армии и всего советского народа, развернувшейся с первых дней вражеского нападения на нашу страну. Уже тогда германское командование было вынуждено вносить существенные коррективы в свои планы. Начав вторжение силами 190 дивизий, гитлеровская ставка только за первые пять месяцев войны была вынуждена ввести в бой весь свой резерв — 24 дивизии и перебросить из Германии и других стран Европы на советско-германский фронт еще 21 дивизию и 15 бригад[5].

Все это оказало непосредственное влияние на масштабы и характер участия Румынии в антисоветской войне.

Первоначально румынским войскам по плану «Барбаросса» отводилась весьма скромная роль: они должны были ограниченными силами поддержать атаку немецкой группы «Юг» в районе западнее Южного Буга, затем временно, до окончания войны, нести там вспомогательную службу, после чего отойти на

[3] См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. М., 1970, с. 29.

[4] См.: Kriegstagebuch des Oberkommando der Wehrmacht. Frankfurt am Main, 1965, S. 46.

[5] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, т. 2. М., 1961, с. 267.

«возвращаемую» Румынии территорию Бессарабии и Северной Буковины. Такой характер поставленной задачи определяется тем, что гитлеровцы, во-первых, рассчитывали быстро одержать победу в борьбе против СССР и, во-вторых, не намеревались при дележе добычи давать своим союзникам больше, чем было ранее обещано.

Но все оказалось далеко не так легко и просто. 3-й румынской армии, действовавшей совместно с 11-й немецкой, не довелось завершить свой поход на берегах Южного Буга. Безуспешные попытки группы армий «Юг» быстро овладеть Киевом вынудили ее командование уже в июле сосредоточить свои основные усилия на киевском направлении, а 10 августа вообще приостановить наступление на столицу Украины.

Пересмотр ранее намеченного плана привел к тому, что 14 августа Гитлер потребовал от Антонеску увеличить «вклад» Румынии в антисоветскую войну. Чтобы подсластить пилюлю, он согласился удовлетворить тут же выдвинутую «кондукэторулом» просьбу о передаче под его управление территории между Днестром и Южным Бугом, потребовав за это участия румынских войск в военных действиях к западу от этого района, в том числе и «за Днепром»[6].

Антонеску дал свое согласие, надеясь таким образом еще больше расширить «свои» владения. Однако он был несколько разочарован, когда выяснилось, что управление и экономическую эксплуатацию территории от Южного Буга до Днепра гитлеровцы оставили за собой, а ему отвели там всего лишь жандармскую функцию по поддержанию «порядка». Пришлось Антонеску довольствоваться днестровско-бугским междуречьем. Этот обширный район был переименован в «Транснистрию» с центром в Одессе и объявлен принадлежащим Румынии.

Но Одессу еще надо было захватить. По-видимому, «щедрость» Гитлера и на этот раз объяснялась его стремлением увеличить «вклад» Румынии. Дело в том, что командование группы армий «Юг», вынужденное бросить свои основные силы на киевское направление, не смогло выделить достаточно войск для овладения Одессой.

Поэтому по его требованию в бой была введена 4-я румынская армия. Вместе с несколькими немецкими дивизиями она нанесла удар по Тирасполю и к 10 августа прорвалась на подступы к Одессе. Однако здесь немецкие и румынские войска натолкнулись на стойкую оборону. И хотя они обладали пятикратным численным превосходством, советские воины при активном участии населения Одессы отбили все атаки и в дальнейшем в течение двух с лишним месяцев сковывали здесь свыше 18 дивизий противника[7].

---

[6] См.: ИДА, ф. Военный кабинет, д. 43, л. 36.

[7] См.: Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история, с. 92—94.

Антонеску, который в качестве главнокомандующего румынскими вооруженными силами произвел себя 21 августа в маршалы, вполне оправдал надежды Гитлера. С его согласия 3-я армия была брошена в наступление в направлении на Днепропетровск и Запорожье, а 4-я продолжала атаковать Одессу. В этих боях румынские войска понесли огромные потери. Только под Одессой они потеряли 71 585 солдат и офицеров. Однако войти в город им удалось лишь 16 октября, после того как его героические защитники были эвакуированы морем по приказу Ставки Верховного Главнокомандования.

Так фашистские правители Румынии расплачивались кровью своего народа за «щедрость» фюрера. Между тем Гитлер стремился прибрать к своим рукам не только все завоеванные земли, но и расширить владения рейха за счет союзников. Эти планы касались и румынской территории.

Так, 16 июля 1941 г. на секретном совещании Гитлер говорил своим приближенным: «Наши отношения с Румынией сейчас хороши, но кто знает, как они сложатся в будущем? Поэтому надо быть готовым ко всему, в том числе и к решению вопроса о границах». Германские фашисты имели свои виды даже на Трансильванию. Геринг, например, в одной из бесед с румынским диктатором как бы в шутку сказал: «В конце концов почему вы ссоритесь с Венгрией из-за Трансильвании, которая в настоящий момент в большей степени немецкая, чем румынская или венгерская?» Однако это не было шуткой. Упоминавшиеся планы создания «Донауланда» предусматривали, что в это «государство», которому предстояло войти в состав германского фашистского рейха, будет включена и Трансильвания и обещанный румынским правителям Банат.

Вскоре началась и пропагандистская подготовка к реализации этих планов. Гитлеровцы усиленно обрабатывали немецкое население Трансильвании и Баната, обещая ему райскую жизнь в нацистском «Донауланде». А румынский посланник в Берлине Босси с беспокойством сообщал в Бухарест: «Тот факт, что правительственные органы позволяют и поощряют публикацию книг и статей о „Зибенбюргене", в которых полным молчанием обходится наличие (в Трансильвании в Банате.— *Н. Л.*) румынского и венгерского элемента, убеждает меня, что речь идет об официальном курсе, реализация которого последует в подходящий момент» [8].

Подобным образом, как мы увидим далее, действовали гитлеровцы и в отношении захваченной советской земли, якобы переданной ими Румынии.

Пока же фюрер делал вид, что между ним и румынским фашистским диктатором царит полное взаимопонимание. И действительно, Антонеску продолжал верно служить своему бер-

---

[8] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 90, n/p.

линскому хозяину. К началу осени 1941 г. он увеличил почти вдвое численность румынских войск на советско-германском фронте по сравнению с началом войны, составлявших теперь 26 дивизий, 4 бригады и ряд специальных частей. Общая численность румынских вооруженных сил в ноябре того же года достигла 700 тыс. солдат и офицеров[9].

Война против Советского Союза была непопулярной среди румынского народа, связанного с великим русским народом узами дружбы и совместной борьбы против турецких поработителей, в результате которой Румыния освободилась от чужеземного ига и обрела национальную независимость. Поэтому официальная румынская пропаганда в начале войны заявляла, что румынские войска не ведут войны против Советского Союза, а заняты «освобождением румынских провинций». В то же время усиленно подчеркивалось, что они не пойдут дальше Днестра.

Потом была пущена в ход версия о том, что в число «румынских провинций» входит «Транснистрия».

Наконец, после захвата Одессы И. Антонеску объявил, что «фактически война победоносно завершена». В Бухаресте состоялся «парад победы», в котором участвовала возвратившаяся на родину часть войск. В конце ноября, когда еще продолжалось второе «генеральное наступление» гитлеровцев на Москву и геббельсовская пропаганда трубила о приближающейся «победе», румынские фашистские правители даже приступили к сокращению армии. К декабрю ее численность уменьшилась до 470 тыс. человек, а к январю 1942 г.— до 430 тыс.[10]

Но вот обстановка на советско-германском фронте резко изменилась. К затянувшейся на долгие месяцы осаде Севастополя прибавилось поражение немецко-фашистских войск под Ростовом в конце ноября, а затем провал наступления на советскую столицу и последовавший за ним разгром гитлеровцев под Москвой. Стало ясно, что до конца войны далеко, и в Берлине, оправившись от первого потрясения, начали пересматривать планы. Германское командование лихорадочно собирало резервы для удержания захваченных позиций и подготовки новых наступательных операций.

Естественно, последовала очередная серия посулов союзникам рейха. В частности, румынскому диктатору Гитлер уже в начале зимы заявил: «Ваши права и власть на Востоке неограниченны: берите столько, сколько считаете необходимым». А когда увидел, как жадно разгорелись глаза у «кондукэторула», добавил, что для этого Румыния должна, не ограничиваясь захватом советских земель до Буга, участвовать в войне «до полной победы».

---

[9] Arhiva MFA, doc. 733/57, ff. 35, 135, 188.
[10] Ibidem.

По-видимому, речь шла о намерении фюрера возобновить весной 1942 г. широкие наступательные действия на Восточном фронте, так как И. Антонеску вскоре выразил готовность «многочисленными дивизиями принять участие в весеннем наступлении». Затем он издал по случаю Нового года приказ по румынской армии, в котором объявил: «Наш долг состоит в ведении войны до конца».

Раболепие «кондукэторула» было оценено должным образом Гитлером, и он послал И. Антонеску новогодний подарок — легковую машину в знак признания «заслуг в борьбе против большевизма». Но в то же время принял шаги для того, чтобы румынский диктатор под влиянием крупных успехов зимнего наступления Советской Армии не вздумал бить отбой. При встрече с его заместителем М. Антонеску фюрер как бы невзначай заявил, что «может быть только один кондукэторул, а не два, и пока И. Антонеску находится у власти, глупым является стремление Х. Сима стать кондукэторулом. У меня отличные отношения с маршалом Антонеску».

Выразив таким образом свое расположение к последнему, он вместе с тем напомнил, что в резерве имеется его соперник.

Гитлеровская клика, несомненно, обладала достаточными средствами, чтобы сделать послушными продажных румынских правителей, но в тот период в этом не было необходимости. Опьяненные успехами первых месяцев войны, они сами жаждали дальнейшего участия в вооруженной борьбе против СССР. Правда, после того, как были захвачены Бессарабия, Северная Буковина и «Транснистрия», некоторые из приближенных И. Антонеску начали высказываться за прекращение боевых действий румынских войск на Восточном фронте. Но И. Антонеску сместил с занимаемых постов и уволил в отставку группу генералов и высших офицеров во главе с начальником генерального штаба Якобичем, выступавшую против дальнейшего участия в войне.

Приостановив начавшееся было сокращение румынских вооруженных сил, он провел новую мобилизацию и к весне 1942 г. опять предоставил в распоряжение германского командования 26 дивизий.

Этот акт прислужничества удивил даже гитлеровскую верхушку, поскольку она тогда потребовала от Румынии, Венгрии и Италии, вместе взятых, посылки 40 дивизий на советско-германский фронт. Предполагалось, что этот «вклад» три страны распределят между собой примерно поровну. Иначе говоря, ожидалось, что румынское командование выделит для предстоящего наступления 13—14 дивизий. Антонеску давал почти вдвое больше, на что, по свидетельству бывшего румынского военного атташе в Берлине генерала Иона Георге, не рассчитывало германское командование [11].

---

[11] *Gheorhe J.* Rumaniens Weg Zum Satteliten Staat. Heidelberg, 1952, S. 230.

В летнем наступлении гитлеровцев в 1942 г. румынские войска были использованы на Южном фронте в боях под Керчью и Севастополем, под Харьковом, на Донце и Осколе. Как и в 1941 г., румынский флот, усиленный немецкими и итальянскими подводными лодками и торпедными катерами, обеспечивал коммуникации фашистов на Черном море. Участвуя в наступлении вместе с немецко-фашистскими войсками, две румынские армии дошли до Кавказа и Волги, понесли новый тяжелый урон. По данным румынского генерального штаба, их потери только убитыми и пропавшими без вести в 1942 г. составили 128 233 человека[12]. А к весне 1943 г., как признал И. Антонеску в выступлении перед слушателями высших военных курсов, эта цифра возросла до 179 тыс.[13]

Затянувшаяся война, в которой румынский народ по воле своих правителей проливал кровь и отдавал сотни тысяч жизней за чуждые ему интересы немецко-фашистских захватчиков, привела к огромному росту дезертирства в армии и уклонению населения от мобилизации. К. Аржетояну в своем дневнике отмечал, что неявка на призывные пункты с самого начала войны приняла «угрожающие размеры». Так, подразделения и части формировавшегося 6-го армейского корпуса смогли собрать лишь 51% приписного состава. На фронте солдаты и офицеры «не проявляли никакого энтузиазма» и «при первом удобном случае покидали поле битвы». «Под Одессой,— гласит одна из записей в дневнике,— наши солдаты не только не хотели идти в наступление, но, напротив, массами убегали в тыл»[14].

Дезертирство буквально разъедало румынскую армию, приняв уже в 1941 г. массовый характер. Из циркуляров и приказов главного военного прокурора Румынии явствует, что большое количество румынских солдат и младших офицеров, уехав в отпуск, не возвращались в свои части.

Многие солдаты всевозможными способами стремились не попасть на фронт, а если уж оказывались там, 'то любыми средствами уклонялись от участия в военных действиях. Появилось множество «самострелов». Другие старались в первом же бою получить легкое ранение, чтобы отправиться в госпиталь. Уже в сентябре 1941 г. в одном из своих приказов И. Антонеску обращал внимание командиров частей на следующее: «Число раненых в левую руку и нижнюю часть ног огромно. Теоретически невозможно, чтобы кто-то, находясь в положении лежа или на коленях, был ранен в левую руку, а пуля не вошла бы в корпус. Предполагаю, что солдаты поднимают руку или ногу вверх, когда лежат, и, получив ранение, эвакуируются»[15].

---

[12] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 12, лл. 1—2.
[13] Там же.
[14] Arhiva CC al PCR, fond 104. Memorii lui C. Argetoianu. Insemnări zilnice. 1938—1941, p. 10213, 10215.
[15] «Analele», 1960, № 1, p. 72.

Еще больше возросло дезертирство в 1942—1943 гг., о чем свидетельствуют документы румынского генерального штаба. В июле 1942 г. перед отправкой на фронт сбежало много солдат 5-го полка связи. В декабре того же года дезертировало 172 солдата 58-го горного полка.

Если удавалось найти кого-либо из бежавших, они приговаривались военными судами к отправке на фронт. Но эта мера оказалась неэффективной: осужденные опять убегали. Тогда командование частей потребовало принятия более суровых мер. В строго секретном докладе коменданта гарнизона г. Роман от 23 января 1943 г. заявлялось: «В полку много дезертиров, направленных военными трибуналами для перевоспитания. Но система перевоспитания путем направления на фронт не дает ожидаемых результатов. Многие из посланных в полк для перевоспитания бежали снова. Бич дезертирства можно вырвать только принятием радикальных мер — приговорами к смертной казни» [16].

Фашистская диктатура пошла и на это. Но даже смертные приговоры не подействовали. Число дезертирств продолжало расти. Для того чтобы обеспечить их поимку, правительство И. Антонеску издало в апреле 1943 г. декрет, требовавший выжигать на ладонях обеих рук схваченных дезертиров букву «Д», после чего отправлять на фронт.

Были случаи, когда целые подразделения отказывались участвовать в антисоветской войне. 30 июня 1942 г. на станции Брашов солдаты 3-го батальона горных стрелков отказались грузиться в вагоны для отправки на фронт. В знак протеста они стреляли в воздух, крича: «Зачем воевать против русских, какое отношение к нам имеют Харьков и другие русские города?»

Это один из многих фактов, убедительно свидетельствующих о том, что по мере продолжения антисоветской войны румынские солдаты все отчетливее видели ее антинациональный характер. Подтверждением тому служат и донесения службы информации румынской армии. В частности, о настроениях в одном из полков она сообщала следующее. «Из разговоров с солдатами ясно, что войска не хотят воевать, что солдаты не понимают целей войны и говорят, что незачем сражаться на чужой территории...» [17]

Румынские фашистские правители фактически признали резкое ослабление боеспособности своих войск, «моральное состояние которых оставляло желать лучшего», издав специальный приказ о борьбе с «пораженческими настроениями» в армии. Но осуществить его оказалось невозможно. Ибо развитие антивоенных настроений в румынских войсках было обусловлено антинародным и антинациональным характером войны против СССР,

---

[16] Arhiva MFA, dos. 217/112, f. 194.
[17] Arhiva MFA, dos. 2/93, f. 204.

новыми крупнейшими успехами героической Советской Армии, наносившей жестокие удары по фашистским захватчикам, а также активной разъяснительной работой, которую вела среди солдат и офицеров Коммунистическая партия Румынии, имевшая свои ячейки в ряде воинских частей [18].

Пассивное сопротивление антисоветской войне — дезертирство, самострелы и т. п.— дополнялось активной антифашистской борьбой, в которой участвовала часть румынских военнослужащих. Они переходили на сторону советских войск, вступали в партизанские отряды на временно оккупированной территории в Крыму и на Украине. Некоторые из них и на родине самоотверженно боролись против фашистов. Известен ряд фактов саботажа и диверсий, осуществленных румынскими военнослужащими Один из них, например, рискуя жизнью, перерезал на станции Брэила тормозные шланги у 10 вагонов германского эшелона, направлявшегося на Восточный фронт [19].

Уже в первые дни боев на советско-германском фронте был развеян в прах миф фашистской пропаганды о «братстве по оружию», «боевом содружестве» румынской и немецкой армий. Гитлеровцы пренебрежительно относились к румынам, считая их людьми низшей расы. Румынские солдаты и офицеры были обязаны первыми отдавать честь немецким офицерам. В то время как правительство Антонеску выплачивало огромные суммы на содержание германских войск, снабжение румынской армии было скудным, а семьи румынских военнослужащих влачили жалкое существование. Германское командование плохо снабжало фронтовые румынские части продовольствием, сокращая и без того нищенские рационы. В октябре 1942 г. оно уменьшило эти рационы на 60% [20].

Отношения между немецкими и румынскими военнослужащими были напряженными, часто возникали острые конфликты. Так, в марте 1942 г. произошла стычка между солдатами румынского 11-го стрелкового батальона и немцами. Осенью того же года две роты румынского 5-го пехотного полка вели форменный бой с германской воинской частью.

Об обстановке, царившей на тех участках фронта, где совместно действовали «братья по оружию», можно также судить по приказу командующего 3-й румынской армией, потребовавшего от командиров подчиненных ему частей «не реже одного раза в сутки» присылать донесения об убийствах, драках и прочих инцидентах между румынскими и немецкими солдатами. Столкновения происходили и на передовой, и в тылу. Возвращавшиеся с фронта румынские солдаты рассказывали о многих

---

[18] См.: Arhiva centrală a Institutului de istorie a partidului (далее — Arhiva Inst.), dos. 2099—3011, ff. 239—245.

[19] Arhiva MFA, dos. 457/482, f. 48.

[20] См.: Arhiva MAE, fond Germania, vol. 90, n/p.

случаях, когда гитлеровцы стреляли в спину своих румынских союзников.

На Южном Буге, по которому проходила так называемая граница румынских и немецких «интересов», была установлена пограничная служба, в обязанности которой входила проверка пропусков. Если румыны пытались проникнуть на немецкую сторону без соответствующего разрешения, им тотчас устраивали порку плетьми в немецких стражницах. Но и румыны не оставались в долгу. Оказался немец в пределах «румынских интересов» без пропуска, зазевался, считай — пропал без вести.

Румынские войска, действовавшие в составе группы армий «Юг», находились в полном подчинении германского командования.

Даже в начальный период войны существовала лишь видимость их самостоятельности. Хотя И. Антонеску считался главнокомандующим румынскими вооруженными силами, однако фактически он был марионеткой. Характер отношений между ними и германским командованием был определен Гитлером в письме от 19 июня 1941 г. Фюрер сообщил тогда румынскому диктатору, что будет посылать ему свои «пожелания», адресуя их командованию 11-й немецкой армии. Последнее, писал он, «будет своего рода рабочим генштабом вашей ставки, превращающим их («пожелания».— *Н. Л.*) в военные приказы, наиболее важные из которых будут распространяться за вашей подписью». В дальнейшем германское командование отказалось от этой фикции, предпочитая посылать приказы непосредственно румынским войскам, действовавшим на Восточном фронте. «Кондукэторул» же должен был обеспечить выполнение всех требований Берлина.

Затем потребовалось внести новые организационные изменения в структуру управления румынской армией. Это было вызвано прежде всего растущим нежеланием румынских солдат продолжать антисоветскую войну. Солдаты открыто выражали недовольство своим подчиненным положением в неравноправном румыно-германском «союзе». Наконец, их крайне озлобляла полная зависимость от германских генералов, ни во что не ставивших жизнь румынских солдат. И вот в целях укрепления морального духа румынской армии гитлеровское командование в июне 1942 г. решило, что после завершения операции за Доном немецкие и румынские войска, расположенные в районе Сталинграда и на Среднем Дону, будут объединены в группу армий под командованием И. Антонеску.

Таким путем гитлеровская верхушка надеялась крепче привязать своих румынских пособников к германской военной колеснице, заставив Румынию еще больше напрячь силы для ведения антисоветской войны. И. Антонеску согласился занять предложенный пост. Однако мощное контрнаступление Советской Армии под Сталинградом сорвало и эти планы гитлеровской

ставки: на огромных просторах донских степей вместе с двумя немецкими и одной итальянской были разгромлены и две румынские армии.

Одна из них, 3-я, прекратила существование уже на пятый день контрнаступления советских войск под Сталинградом, начавшегося 19 ноября 1942 г. Следует отметить, что примерно за месяц до этого ее командование провело обследование морального состояния войск и обнаружило резкое падение дисциплины и значительный рост дезертирства. В отчете командования указывалось, что крайне обострившиеся взаимоотношения с немцами вынудили командование румынского 5-го армейского корпуса издать приказ, требовавший «всемерно укреплять товарищеские отношения и взаимопонимание» с «братьями по оружию»[21].

Неудивительно, что основная масса румынских солдат не хотела проливать свою кровь в далеких от Румынии донских степях и предпочитала при первом удобном случае сдаваться в плен. И надо полагать, 3-я армия понесла бы гораздо меньшие потери, если бы не драконовские меры, с помощью которых ее командование принуждало свои войска сражаться.

Пример тому — судьба двух группировок румынских войск, окруженных в первые же дни контрнаступления.

В районе Распопинской в кольце советских войск оказались дивизии 4-го и 5-го румынских армейских корпусов. Командующий окруженной группировкой дивизионный генерал Ласкар, выполняя категорический приказ немецкого командования удерживать позиции и ждать помощи для выхода из окружения, бросал своих солдат в многочисленные бесплодные контратаки, в результате которых численность личного состава румынских дивизий быстро таяла. 22 ноября И. Антонеску срочно сообщил Гитлеру: «Генерал Ласкар, командующий группировкой, состоящей из четырех окруженных дивизий, докладывает, что у него нет боеприпасов, хотя ему они были обещаны, и что наступил последний момент, когда он мог бы попытаться вырваться из окружения с некоторыми шансами на успех. У него есть приказ от группы армий «Б» держаться, но он просит от меня прямого приказа»[22].

На следующий день Гитлер ответил «кондукэторулу», что он дал указание о выходе румынских дивизий из окружения, как будто это зависело от него. Он также писал, что выражает «благодарность» генералу Ласкару, который «проявил себя, как примерный солдат». Далее в послании фюрера сообщалось: «За его особые заслуги я вчера наградил его, первого офицера наших союзных войск, «Дубовыми листьями» к рыцарскому Железному кресту».

---

[21] Архив МО СССР, ф. 32, оп. 253349, д. 26, лл. 89—90.

[22] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, т. 2, с. 36.

К тому времени остатки окруженной группировки во главе с «первым офицером союзных войск» сдались в плен. 24 ноября прекратила сопротивление вторая группа окруженных румынских войск во главе с бригадным генералом Стэнеску.

Основные силы 3-й армии были разгромлены. Это глубоко потрясло румынский народ, вновь увидевший, в какую пропасть толкнула его фашистская клика Антонеску. В Берлине были весьма раздражены капитуляцией румынских войск. В телеграмме от 27 ноября 1942 г. из Берлина румынский военный атташе И. Георге сообщал: «...Совершенно секретно я узнал, что происшедшие в 3-й армии события рассматриваются в немецких кругах как «первое большое разочарование» в румынских войсках, которые до этого расценивались выше, чем войска других союзников». По мнению германских военных, говорилось далее в телеграмме, «3-я румынская армия имела фронт, достаточно эшелонированный в глубину, и располагала большими резервами для того, чтобы не допустить прорыва фронта на такую глубину».

Однако не менее сокрушительное поражение под Сталинградом и на Дону, как и на Кубани, потерпели не только румынские и итальянские, но также и германские войска, располагавшие во много раз большими силами и средствами, чем их союзники. Исход боев определялся не столько соотношением сил сторон, которое к началу контрнаступления Советской Армии было примерно равным, сколько превосходством советского военного искусства, высочайшим боевым порывом советских воинов, сражавшихся за освобождение родной земли.

И если нельзя того же сказать о моральном состоянии войск захватчиков в целом, то в еще большей степени это относилось к румынским солдатам, не желавшим служить пушечным мясом для гитлеровских генералов и во многих случаях отказывавшимся выполнять их приказы. Командующий группой армий «Б» генерал-полковник Вейхс возмущался тем, что некоторые части 3-й румынской армии под натиском советских войск покидали свои позиции «без сопротивления до конца». А командование этой армии доносило, что «солдаты в большинстве своем уклоняются от выполнения боевого долга», подчас убивая офицеров, заставлявших их оставаться на позициях, или переходя на советскую сторону.

Фельдмаршал Клейст писал в Бухарест то же самое о румынских войсках, находившихся на Кубани, и требовал, чтобы им было указано на «необходимость выполнения долга». По этой жалобе на Кубань прилетел румынский военный министр генерал Пантази, который объявил командирам корпусов и дивизий приказ И. Антонеску, предоставлявший им право утверждать смертные приговоры[23].

---

[23] См.: Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725168, д. 1173, л. 45.

Но никакими драконовскими мерами нельзя было пресечь антивоенные настроения в румынских войсках, резко усилившиеся в период сталинградской битвы.

Не надеясь более на устойчивость этих войск, немецко-фашистское командование расформировало уцелевшие дивизии 3-й армии, а их личный состав включило в германские части. Начальником штаба «воссозданной» таким путем 3-й румынской армии был назначен немецкий генерал Венк, взявший фактически все управление в свои руки.

В те же дни огромные потери понесла и 4-я румынская армия. Три ее дивизии — 1-я, 2-я и 18-я — были разгромлены и две другие окружены вместе с немецкими 6-й и 4-й танковой армиями. В стальном кольце советских войск оказались 22 дивизии и 160 отдельных частей противника, насчитывавшие свыше 300 тыс. солдат и офицеров.

Остатки румынских войск наряду с немецкими были включены германским командованием в группу армий «Дон», созданную специально с целью деблокады окруженных под Сталинградом войск. Ее командующим был назначен генерал фон Манштейн, который сразу же направил И. Антонеску следующее послание: «Я надеюсь, что вы поможете мне обратить кризис, который в настоящее время имеет место, в победу немецко-румынской группы армий. Я думаю, что моя личность служит вам гарантией успеха, славу которого вместе с немецкими частями разделят и румынские войска»[24].

Однако, как известно, немецко-фашистских захватчиков и их румынских сообщников постиг под Сталинградом бесславный конец. Подводя печальные итоги участия румынской армии в войне против СССР, И. Антонеску писал Гитлеру 15 ноября 1943 г.: «В 1942 г. мы дали 26 дивизий с самым лучшим вооружением и послали почти всю тяжелую артиллерию. На Дону и под Сталинградом мы потеряли 18 дивизий, а остальные 8 дивизий были измолочены на Кубани. Мы потеряли более 250 тыс. человек и вооружение 24 дивизий». Кроме того, «семь наших дивизий в настоящее время отрезаны в Крыму».

Таким образом, как показывает простой подсчет, румынские фашистские правители, помимо посланных на советско-германский фронт 26 дивизий в 1942 г., направили значительные силы и в следующем году, хотя было уже очевидно неминуемое поражение гитлеровской Германии в войне против СССР. Это еще весной 1943 г. понял и Антонеску, в поисках оправдания своей политики прислужничества рейху заявивший в одном из своих выступлений перед офицерами: «Мы не могли остановиться на Днестре. Мы дорого заплатили бы за это»[25].

---

[24] ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 11098, л. 4.

[25] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 21, л. 209.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом положил начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной и всей мировой войны. Он имел серьезнейшие последствия для Румынии, потерявшей на Восточном фронте всю свою армию. Паника и смятение охватили румынскую фашистскую клику. В стране усилились антивоенные и антифашистские выступления. «Государство качается»,— жаловался И. Антонеску на совещании высших военных чинов. Как отмечал несколько позднее английский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн», поражение на Волге «потрясло Румынию, может быть, сильнее, чем Германию» [26].

Толкнув страну в пучину войны против СССР, эксплуататорские классы Румынии надеялись не только «сокрушить большевизм», но и путем захвата советских земель разрешить обострившиеся внутренние противоречия. Территориальные «приобретения» рассматривались как средство разрешения аграрного вопроса без ущерба для помещиков. Кроме того, раздувая шовинистические настроения, правящая верхушка страны надеялась отвлечь трудящиеся массы от революционной борьбы. Монополистические круги также рассчитывали, что военная конъюнктура выведет румынскую экономику из кризисного состояния, оживит промышленность. Наконец, война должна была создать благоприятную обстановку для обогащения буржуазии и помещиков, для еще большего использования государственного аппарата в целях усиления эксплуатации трудящихся и ограбления румынского народа.

Участие в антисоветской войне позволило румынской правящей верхушке временно достичь некоторых из ее целей. В частности, были вновь оккупированы Бессарабия и Северная Буковина, захвачена «Транснистрия».

Румынская фашистская клика подвергла эти территории массовому ограблению. Вывозились в Румынию руда и железный лом, хлеб, скот. Кроме того, правительство Антонеску создало специальное «Одесское управление по захвату и сбору трофеев», которое занималось «организованным» изъятием ценностей и отправкой их в Румынию. По румынским данным, было вывезено советского имущества на сумму около 948 млрд. лей в довоенной валюте. Это были различная промышленная продукция, оборудование заводов и фабрик, сельскохозяйственные машины, при этом не гнушались личными вещами и домашней утварью советских граждан. Словом, тащили все, что попадалось под руку, в том числе культурные, научные, исторические и художественные ценности.

Аппетиты румынской буржуазии разгорались все сильнее. Уже осенью 1941 г. буржуазная пресса усиленно пропагандировала идею «перенесения» румынской границы на Днепр. Шум

[26] «New Statesman and Nation», April 1944, p. 236.

по этому поводу несколько утих в период зимнего наступления Советской Армии. Но к лету 1942 г. румынские фашисты с еще бо́льшим азартом заговорили о своих притязаниях на советские земли. Газета «Униря» требовала установить границу «на Днепре или дальше». Когда же немецкие и румынские войска дошли до Волги, бухарестская фашистская газета «Курентул» заявила, что граница Румынии должна проходить... по Уралу и таким образом обеспечить создание «румынской империи до ворот Азии».

Для обоснования захватнической политики румынских господствующих классов были пущены в ход всевозможные псевдонаучные геополитические и геоисторические теории. Г. Брэтиану выдвигал идею так называемого «пространства безопасности» румынского государства, фактически повторяя тезисы германского фашизма о «жизненном пространстве». Другой «теоретик» утверждал: «Распространение румын и их численность гораздо больше, нежели можно судить по данным истории, географии и политики... Кроме Балканского полуострова, страны Панония, Дакия и Украина, т. е. все пространство, которое занимали дакофракийцы, хилиры и скифы, было заселено или заселено и поныне либо компактными массами, либо островками румынского населения. Это их историческое пространство».

Но щедрость Гитлера, который по тактическим соображениям и в силу военной необходимости временно уступил своим румынским вассалам часть захваченных советских территорий, падала по мере того, как война на Востоке складывалась не в пользу фашистских агрессоров.

Наступление коренного перелома в ходе войны и обнаружившийся в этой связи крах широких завоевательных планов в отношении СССР привели к тому, что фюрер фактически отстранил румынскую администрацию от хозяйничанья в «Транснистрии». В письме на имя Антонеску от 25 октября 1943 г. он объявил эту территорию зоной военных операций немецких войск и потребовал передать германскому командованию управление всеми расположенными в ней железными дорогами. «Кондукэторул» понял, что его берлинские хозяева стремятся прибрать к своим рукам земли между Днестром и Южным Бугом. Он даже попытался протестовать, написав Гитлеру 15 ноября 1943 г., что «вся румынская администрация Транснистрии будет парализована изъятием железных дорог из ее ведения»[27].

Само собой разумеется, все протесты были бесполезными. Так румынские фашисты лишились возможности продолжать ограбление «Транснистрии», это дело полностью взяли в свои руки гитлеровцы, однако тоже ненадолго. Недалек был день изгнания оккупантов не только с этой территории, но и из Бессарабии и всех других советских земель.

---

[27] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 67, л. 61.

Таким образом, начавшееся в результате побед Советской Армии массовое освобождение советской территории от фашистских оккупантов привело к краху захватнической политики в отношении Советского Союза. Создать румынскую империю за счет территориальных «приобретений» на Востоке не удалось.

Точно так же оказались несбыточными надежды на возвращение Северной Трансильвании, основывавшиеся на предположении, что Гитлер вознаградит румынских правителей за «заслуги» в антисоветской агрессии. Исходя из подобных расчетов, они с самого начала войны против СССР усиленно добивались от Берлина пересмотра трансильванского вопроса в свою пользу, заявляя, что присоединение советских территорий не должно рассматриваться в качестве компенсации за потерю Северной Трансильвании. Так, в шифрованной телеграмме румынского министерства иностранных дел на имя посланника в Германии от 15 августа 1941 г. подчеркивалось, что «продвижение на Восток не имеет никакого отношения к правам на Западе».

Гитлер же не спешил с выполнением своих обещаний на этот счет, не желая лишать себя возможности шантажировать румынских и венгерских вассалов германского рейха.

Любопытно, что его тактику в данном вопросе понимали многие в Бухаресте, о чем свидетельствует ставший там популярным следующий политический анекдот. На очередном свидании с Антонеску Гитлер настаивает на посылке на советско-германский фронт новых румынских дивизий и, взяв в руки бумагу, зачитывает названия городов, которые он обещает передать Румынии, если она удовлетворит его требование. Услышав наименования «Арад», «Брашов», «Тимишоара», изумленный Антонеску восклицает: «Но эти города находятся в той части Трансильвании, которая осталась у Румынии!» «Черт возьми! — в сердцах бросает Гитлер.— Эти дураки-канцеляристы все перепутали, дав мне бумагу, которую я велел заготовить для встречи с Хорти».

Вновь резко обострились румыно-венгерские отношения из-за Трансильвании. Весной и летом 1942 г. дело едва не дошло до вооруженного конфликта. Гитлеру пришлось вмешаться. По его указанию германский посланник в Бухаресте заявил румынскому правительству и венгерскому посланнику в Румынии, что окончательное решение трансильванского вопроса откладывается до окончания войны и что «рейх не потерпит даже ограниченной войны в этом районе Европы»[28]. В действительности гитлеровцы, как отмечено выше, имели свои виды на «спорную» территорию. И в Бухаресте довольно скоро об этом узнали: 1 сентября того же года румынский военный атташе в Берлине сообщил о намерении германского правительства поставить всю Трансильванию под свой протекторат[29].

---

[28] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 85, n/p.

[29] См.: ИДА, ф. Военный кабинет, д. 304, л. 515.

Итак, к концу 1943 г. окончательно рухнули надежды румынских правителей как на возвращение Северной Трансильвании, так и на территориальные захваты на Востоке.

Участие в антисоветской агрессии привело фашистскую клику Антонеску к банкротству не только в военно-политической, но и в экономической области. Надежды господствующих классов на то, что в ходе войны можно будет преодолеть кризисные явления и вывести румынскую экономику из состояния длительного застоя, не оправдались. Напротив, в результате военного и экономического «сотрудничества» с гитлеровской Германией хозяйственное положение Румынии катастрофически ухудшалось.

Правда, военная конъюнктура вызвала определенный рост производства в тех отраслях, которые непосредственно обеспечивали нужды фронта. По данным, приведенным И. Антонеску в его выступлении на высших военных курсах в апреле 1943 г., заметно увеличился объем продукции военной промышленности, производство стали повысилось на 16%, а добыча угля — на 26% по сравнению с 1940 г. Как видно из приведенных ниже данных, взятых из официальных отчетов, возросло и число рабочих, занятых в основных отраслях румынской промышленности[30]:

Год	1940	1941	1942
Число рабочих, тыс.	199	211	270

Но, во-первых, эти цифры не характеризуют положение во всех отраслях промышленности; во-вторых, объем продукции увеличился лишь в стоимостном выражении. Так, если в 1940 г. он оценивался в 83 млрд. лей, то в 1941 г. достиг 211 млрд., а в 1942 г.— 270 млрд. лей. Но эти данные не отражают действительной картины, так как они, несомненно, являлись в значительной степени результатом роста отпускных цен. Такой вывод подтверждает тот же официальный румынский источник, характеризующий динамику промышленного производства в весовом исчислении. Например, в 1940 г. общий вес промышленной продукции составил 4,2 млн. т, в 1941 г. он сократился до 3,9 млн. т, а в 1942 г. был еще меньше — 3,6 млн. т[31].

Столь явное противоречие в данных о стоимостном и весовом выражениях объема промышленного производства Румынии в указанные годы невозможно объяснить ни уменьшением веса изделий, ни улучшением их качества и связанным с этим увеличением трудоемкости производства. Дело было в ином. Как видно из другого румынского документа, выпуск промышленной продукции уже в 1941—1942 гг. упал на 20—25%. Это было вызвано нехваткой квалифицированных рабочих, мобилизованных в армию, и сырья, а также износом оборудования, которое боль-

[30] См.: ИДА, ф. Военный кабинет, д. 303, лл. 17, 209.
[31] Там же.

шей частью было ввезено в свое время из Англии и Франции. В результате «вся промышленность уже в 1942 г. переживала серьезный кризис...» Рост же общей стоимости ее продукции объяснялся тем, что военная конъюнктура позволила фашистскому правительству в интересах монополий создать условия, при которых «высокие цены на промышленные товары обеспечили огромные прибыли и создавали впечатление процветания»[32].

В тяжелом положении оказалось и сельское хозяйство, что также явилось прямым следствием полного подчинения румынской экономики гитлеровскому рейху. В частности, резкое уменьшение сбора зерновых отчасти было вызвано тем, что по распоряжению германского «советника», фактически управлявшего министерством сельского хозяйства Румынии, из года в год сокращались площади под пшеницей и рожью с целью увеличения посевов необходимых Германии технических культур. Уже в 1941 г. под последние было отведено 350 тыс. га. Это, естественно, повлекло за собой дальнейшее значительное падение производства зерна. Но и сбор технических культур, в частности масличных и свеклы, вопреки ожиданиям не увеличился, а уменьшился, что, по официальным данным, привело, например, в 1942 г. к сокращению производства растительного масла на 1530 вагонов, а сахара — на 5600 вагонов по сравнению с предшествующим годом.

Румынская пресса довольно ясно говорила о причинах кризисного состояния сельскохозяйственного производства. В этом отношении представляют интерес, в частности, высказывания газеты «Универсул» весной 1943 г.: «Трудности, которые переживает наше сельское хозяйство, складываются из следующих элементов: недостаток рабочих рук, тяглового скота и удобрений, дороговизна транспорта, недоступные цены на сельскохозяйственные машины и орудия и, наконец, множество различных налогов и обложений»[33].

Та же газета писала, что нехватка рабочих рук в крестьянских хозяйствах была вызвана мобилизацией, а отсутствие тягла — массовыми реквизициями конского поголовья и заготовками мяса для армии и с целью вывоза в Германию. Последнее привело также к тому, что уже за первый год войны поголовье крупного рогатого скота сократилось на 38%, свиней — на 28%.

Но этим не исчерпывались отмеченные газетой «трудности». Грабительские реквизиции дополнялись транспортными, дорожными и другими повинностями, отрывавшими сельских тружеников от работы в поле. Наконец, их вынуждали сдавать почти весь урожай государству по принудительным низким ценам, а себе оставлять не более 60 кг зерна на каждого члена семьи.

---

[32] См.: Arhiva CC al PCR, fond 6134, f. 267.
[33] «Universul», 7.III 1943.

В результате они не были заинтересованы в своем хозяйстве, да и не имели возможности расширять его или хотя бы поддерживать на прежнем уровне. На основании подобных фактов газета «Универсул» пришла к выводу о катастрофическом положении в деревне и «необходимости серьезной реформы сельскохозяйственного производства» [34].

Подобные высказывания отражали растущее беспокойство правящей фашистской верхушки, оказавшейся перед угрозой развала сельского хозяйства. Однако она была неспособна осуществить действенные меры в соответствии с потребностями румынской деревни, страдавшей и от тягот войны, и от антинародной аграрной политики властей. Клику Антонеску тревожили отнюдь не тяжелое положение в деревне и растущая нехватка продуктов питания в стране. Все усилия фашистского правительства в области сельского хозяйства были направлены на то, чтобы любыми способами выкачивать как можно больше продовольствия для армии и особенно для отправки в Германию. Поэтому оно продолжало отбирать у крестьян все плоды их труда. Помощь оказывалась помещикам, которые и без того благоденствовали. Их снабжали удобрениями, машинами, инвентарем, на них бесплатно трудились мобилизованные крестьяне и советские военнопленные.

Антинародный характер аграрной политики фашистского правительства нашел отражение также в декрете о создании так называемых «крестьянских обществ», принятом в июне 1942 г. Эти общества могли купить или арендовать землю, машины, сельскохозяйственный инвентарь, приобрести взаймы семенной материал, а свою продукцию должны были продавать государству. Для этого им предоставлялись преимущественные права в получении от государства кредитов.

Таким путем фашистский режим стремился увеличить заготовки сельхозпродуктов для снабжения армии и гитлеровской Германии. Но в то же время он преследовал и другую цель, определявшуюся его классовой сущностью — обеспечить аграрному капиталу все выгоды от деятельности «крестьянских обществ». Практически речь шла о том, чтобы снабдить крупных землевладельцев дешевой рабочей силой. Поясняя назначение этих обществ, заместитель «кондукэторула» заявил: «Мы должны обеспечить сотрудничество между аграрным капиталом и сельскохозяйственным трудом, создавая ассоциации, в которых крупные землевладельцы предоставят свой капитал, а мелкое крестьянство — свой труд».

Однако румынские крестьяне уже достаточно хорошо знали, что такое «сотрудничество» введет их в еще бо́льшую кабалу к помещикам. Вследствие этого новая фашистская затея провалилась: по имеющимся данным, в общества удалось вовлечь не

---

[34] «Universul», 22.II 1943.

более 3 тыс. крестьянских хозяйств, что составляло менее 0,1% их общего числа[35].

Следует сказать, что расчеты румынских правящих кругов на то, что экономическое «сотрудничество» с рейхом поможет поднять сельскохозяйственное производство в стране, не оправдались. Гитлеровцы не могли, да и не хотели удовлетворить потребности Румынии в сельскохозяйственных машинах, химических удобрениях и т. п. Собственное же румынское производство сельхозинвентаря значительно сократилось в связи с войной[36].

Фашистский режим и участие в антисоветской войне привели к развалу румынской экономики. Как показывают документы румынского военного министерства, на военные приготовления за период с марта 1939 г. по 22 июня 1941 г. было израсходовано около 71 млрд. лей, а за время войны, точнее с 22 июня 1941 г. по 31 апреля 1944 г.,— более 311 млрд. лей. Английский журнал «Экономист» отмечал, что только за 1941—1942 гг. Румыния израсходовала на военные нужды столько же, сколько за предшествующие 12 лет[37].

Помимо собственных колоссальных затрат, румынское фашистское правительство взяло на себя и часть германских военных расходов, финансируя проводившиеся гитлеровцами закупки румынской нефти и продовольствия. В направленной в Берлин ноте 15 февраля 1944 г. под названием «Отношение Румынии к Германии по сравнению с другими оккупированными и союзными ей странами» говорилось: «Интересы воюющей Германии обеспечены в Румынии лучше, чем в какой-либо оккупированной или союзной стране». А спустя еще восемь дней оно вновь напомнило, что в Румынии созданы «идеальные условия для удовлетворения германских потребностей»[38].

Гитлеровцы не замедлили воспользоваться услугами своих румынских пособников. К тому времени, когда румынские солдаты были посланы проливать кровь на советско-германский фронт, экономика страны превратилась в придаток фашистского рейха.

Германский капитал глубоко внедрился в важнейшие отрасли промышленности — нефтяную, металлургическую, химическую и военную, наложил руки на сырьевые источники и продовольственные ресурсы страны. По некоторым подсчетам, на его долю приходилось не менее половины всего акционерного капитала в Румынии. Как свидетельствует официальная статистика, за короткий период, с 1 августа 1940 г. по 15 августа 1941 г., в торговой палате Бухареста было зарегистрировано 192 фирмы, принадлежавшие целиком или частично германскому капиталу.

[35] «Economist» 23.I 1943.
[36] Arhiva CC al PCR, fond 103, fos. 8098, f. 269.
[37] См.: «Economist», 23.I 1943.
[38] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 27, л. 28.

Эти данные не включают сведений относительно германских приобретений в тяжелой промышленности и на транспорте. Между тем они и в этих отраслях задавали тон. Например, в нефтяной промышленности немецкие монополии овладели значительным числом предприятий, в которых им принадлежал огромный капитал — 1759,8 млн. лей [39].

Румынские капиталисты и фашистские правители стремились к углублению экономического «сотрудничества» с германскими монополиями в надежде, что этим они еще больше увеличат свои прибыли и займут «достойное» место при «новом порядке» в Европе.

В начале 1942 г. группа крупных румынских промышленников отправилась в Вену для установления новых форм сотрудничества с гитлеровскими монополиями. Правительство И. Антонеску снабдило ее официальным документом о своей готовности предоставить всевозможные льготы и выгоды немецкому концерну «ИГ Фарбениндустри», если он создаст свои предприятия в Румынии.

Переговоры по этому вопросу закончились безрезультатно, так как немецкие монополии были заинтересованы лишь в румынском топливе, сырье и продовольствии. Промышленное развитие Румынии не входило в их расчеты. Это противоречие между германскими и румынскими капиталистами не было единственным. Хотя они и сотрудничали в деле эксплуатации румынского народа и ограблении богатств страны, тем не менее львиную долю прибылей забирали промышленно-финансовые воротилы рейха.

В этой связи румынская буржуазия хотела добиться хотя бы некоторого ограничения экономического засилья гитлеровцев, с тем чтобы укрепить собственные позиции. Идя навстречу этим пожеланиям, И. Антонеску на заседании совета министров 4 февраля 1942 г. высказался за то, чтобы в каждой отрасли промышленности и в экономике страны в целом определить «границы» германского проникновения. При этом, изображая себя «патриотом», он заявил: «Я не хочу, чтобы меня обвинили в том, что я продал интересы страны. Я — румын и хочу служить интересам румынской нации» [40].

Однако правительство И. Антонеску не решилось пойти дальше благих пожеланий в переговорах с гитлеровцами и принесло в жертву германскому империализму интересы румынского капитала.

Попытка установить «предельный уровень» проникновения гитлеровцев в экономику Румынии закончилась ничем.

По уполномочию «кондукэторула» его заместитель М. Антонеску поставил этот вопрос во время переговоров с германской

---

[39] «Studii», 1959, N 6, p. 27, 29.
[40] ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 307, л. 115.

экономической делегацией 15 мая 1942 г. Начал он с того, что румынский национальный капитал ничего не выиграл от «изменений, вызванных второй мировой войной», ибо собственность французских, чехословацких и других иностранных предпринимателей в Румынии перешла в руки Германии. Затем он напомнил, что и «румынизация» капитала тоже фактически оказалась «германизацией». В заключение М. Антонеску просил «установить окончательные (предельные) лимиты румыно-германского сотрудничества, чтобы не создалось впечатления одностороннего захвата»[41]. Из его заявления видно, что румынских фашистских правителей тревожила не судьба румынской экономики, а лишь неблагоприятное впечатление, созданное полным ее закабалением германским капиталом, а также стремление увеличить долю румынской буржуазии при дележе добычи. Но германский фашизм, как уже отмечалось, рассматривал Румынию в качестве аграрно-сырьевого придатка рейха. «Румыния,— говорил Гитлер своим приближенным,— должна в максимальной степени отказаться от идеи иметь собственную промышленность и направлять богатства своей земли, в особенности зерно, на германский рынок. Таким путем исчезнет румынский пролетариат, зараженный большевизмом, и наша страна никогда и ни в чем не будет испытывать недостатка»[42].

Не будучи заинтересованы в промышленном развитии Румынии, гитлеровцы хищнически использовали имевшиеся производственные мощности, дешевую рабочую силу и запасы сырья для обеспечения потребностей войны против СССР. А исчерпав сырьевые ресурсы и добившись закрытия одних промышленных предприятий, переводили германский капитал в другие. Именно так поступил в 1943 г. концерн «Герман Геринг». Когда заводам смешанного румыно-германского общества «Роджифер» стала угрожать нехватка металла, он «уступил» свою долю акций румынскому правительству, получив взамен контроль над заводами «Рещица» и судостроительными верфями Галаца, а также огромную сумму денег.

Многочисленными соглашениями, подписанными румынскими и германскими правителями во имя укрепления «сотрудничества», на Румынию было возложено обязательство поставлять рейху в крупных количествах нефть, хлеб, масличные культуры, сырье. Для закупки сельскохозяйственных продуктов гитлеровцы при участии румынских финансистов и помещиков создали специальные общества — «Солагра», «Череальэкспорт», «Хортикола», «Хансерекс» и другие, которые монополизировали румынский рынок сельскохозяйственных продуктов. В 1943 г. насчитывалось 829 таких немецких торговых фирм и 825 смешанных, фактически также контролируемых германским капиталом.

---

[41] ИДА, ф. МИД Румынии, д. 18, л. 120.
[42] Hitler's Secret Conversations. New York, 1959, p. 43

Располагая огромными денежными средствами в обесцененных леях, эти общества предлагали завышенные цены на продукцию сельского хозяйства и вывозили основную ее массу в Германию. Так, вместо установленных правительством Антонеску 110 тыс. лей за вагон пшеницы они платили по 160 тыс. лей. В результате на внутреннем рынке зерно вздорожало еще больше. Как отмечал М. Антонеску, за вагон пшеницы приходилось платить до 200 тыс. лей [43].

Об этом он говорил в декабре 1941 г. главе германской экономической миссии Нейбахеру, жалуясь на немецкие торговые фирмы. По его словам, они советовали румынским сельскохозяйственным производителям не продавать продукты по установленной правительством цене, а придерживать их, вызывая рост дороговизны и способствуя «экономическому истощению» и «параличу» страны. Действия германских фирм, говорил он, поставили под угрозу снабжение населения хлебом, ибо именно они закупают его «нелегально» по повышенным ценам.

Таким образом, была предпринята попытка разрешить еще одно серьезное противоречие, возникшее в ходе румыно-германского «сотрудничества». Но и она не увенчалась успехом. Немецкие фирмы закупили и отправили в Германию более 200 тыс. вагонов хлеба, предназначавшегося для внутреннего потребления. Помешать этому грабежу можно было лишь введением государственной монополии на закупки зерна в Румынии. Однако стоило гитлеровским дипломатам решительно предупредить правительство И. Антонеску, что рейх не потерпит такого «вмешательства», как румынские правители немедленно отказались от мысли о подобной мере [44].

Официальные данные румынского фашистского правительства не отражают действительных размеров вывоза сельскохозяйственных продуктов из Румынии в Германию. Но они все же дают некоторое представление о его масштабах. Так, согласно этим данным, в 1940—1944 гг. в рейх было отправлено 1 378 450 т зерна и семенного материала, более 75 тыс. т мяса, а также много других продуктов [45]. Из Румынии в гитлеровскую Германию непрерывным потоком шли железнодорожные составы с продовольствием. Правительство И. Антонеску, выслуживаясь перед гитлеровской кликой, поставляло продовольствие в значительно большем объеме, чем было предусмотрено кабальными торговыми соглашениями. Например, 5 июня 1942 г. М. Антонеску сообщил гитлеровскому уполномоченному по экономическим делам, что сверх намеченного количества отправлено рейху 2 тыс. вагонов пшеницы, 1,5 тыс. вагонов гороха, 20 тыс. голов крупного рогатого скота, 15 тыс. свиней, 100 тыс. овец, 4 млн. яиц. И это

[43] См.: «Studii», 1959, N 6, p. 24.
[44] Ibidem.
[45] *Savin T.* Economia românească sub jugul imperialismului german. Bucureşti, 1946, p. 43—44.

в то время как, по признанию самого румынского фашистского диктатора, в стране царил «продовольственный кризис», не хватало хлеба, а мясо выдавалось «лишь один раз в месяц и к тому же в минимальных размерах»[46].

Румынские фашистские круги похвалялись своим экономическим вкладом в антисоветскую войну. Близкая к правительству Антонеску газета «Порунка времии» писала в 1943 г.: «Румыния внесла в войну огромную и ценную дань. Кто не знает, что война «оси» ведется с помощью румынской нефти? Наш лес является важным элементом для авиационной и кораблестроительной промышленности. Зерно, разнообразное и многочисленное сырье увеличили богатство европейских наций. Чего только не дала Румыния для поддержки этой войны!»

Поставки румынской нефти, покрывавшие не менее трети потребностей германского рейха в горючем, имели особую ценность для гитлеровцев. Сокращая потребление нефтепродуктов внутри страны, румынское фашистское правительство в огромных количествах экспортировало их в страны «оси», в первую очередь в Германию. Даже по явно преуменьшенным официальным данным, после прихода И. Антонеску к власти поставки нефти рейху возросли в 2 с лишним раза. Если в 1940 г. они составляли 1256,8 тыс. т, то за последующие три года — 7399 тыс. т. Причем доля Германии в румынском экспорте нефти, несмотря на общее его постепенное сокращение в связи с истощением нефтепластов, непрерывно увеличивалась, достигнув 80% в 1943 г. против 66,5% в 1941 г.[47]

Фактически же размеры румынского экспорта нефти в Германию были еще выше. Как показал судебный процесс над И. Антонеску и его сообщниками, они ежегодно отправляли рейху 3—4 млн. т нефти и нефтепродуктов, что должно было составить, например, в 1941—1943 гг. не 7 млн. с лишним, а по меньшей мере 12 млн. т. Официальные данные учитывали только поставки с нефтепромыслов и нефтеочистительных заводов. Между тем гитлеровцы получали нефтепродукты также и из запасов румынской армии и специальных фондов. Так, 25 мая 1942 г. М. Антонеску сообщил на заседании правительства, что «Румыния предоставила в распоряжение Германии 2672 тыс. т горючего, отдав последние запасы своей авиации»[48].

Что касается упомянутого выше истощения румынских месторождений, то оно также являлось прямым результатом гитлеровской политики грабежа в Румынии. История эта такова.

В начале 1942 г., как отмечается в одном из румынских документов того времени, гитлеровцы потребовали от бухарестских правителей «изменения закона об охране недр в целях увеличе-

[46] Procesul marii trădări naţionale. Bucureşti, 1946, p. 256.
[47] Arhiva Statului Bucureşti, fond Presedenţia Consiliului de Miniştri, dos. 129/1944, f. 1.
[48] *Ravas Gh.* Din istoria petrolului romînesc. Bucureşti, 1955, p. 277—278.

ния добычи нефти»[49]. В связи с протестами румынских специалистов дело это несколько затянулось. Однако под нажимом Берлина правительство И. Антонеску 17 июля того же года издало требуемый декрет.

Изменение закона об охране недр, официально разрешавшее хищническую эксплуатацию нефтяных месторождений, и привело к преждевременному их истощению. Не помогли ни значительное расширение буровых работ, ни непрерывный ввод новых скважин. Например, в 1942 г. было пробурено 344 тыс. м, введены в строй 224 новые скважины, что являлось рекордным для румынской нефтепромышленности за два десятилетия. Несмотря на это, добыча, и без того сократившаяся в 1942 г. до 5,6 млн. т по сравнению с 8,7 млн. в 1936 г., вновь начала падать и уже в 1943 г. снизилась до 5,3 млн. т, а в 1944 г., когда особенно резко сказались последствия хищнической эксплуатации,— до 3,5 млн. т. Согласно официальным данным, львиную долю этого количества забрали гитлеровцы[50].

Чувствуя себя хозяевами в Румынии, они самым бесцеремонным образом требовали, чтобы она максимально сократила внутреннее потребление нефти. Румынские фашистские правители так и делали. И. Антонеску даже заявил Нейбахеру 12 февраля 1942 г., что для обеспечения поставок в Германию и Италию он не остановится перед полным прекращением снабжения горючим румынской промышленности. Между тем она и без того оказалась на голодном пайке, что привело уже в начале войны к закрытию значительного числа предприятий.

Характерно, что даже нефтеочистительные заводы страны к этому времени были загружены лишь наполовину, поскольку гитлеровцы, следуя своей линии на свертывание румынской промышленности, вывозили в основном сырую нефть, перерабатывая ее в Германии. Таким путем, помимо всего прочего, обеспечивалось увеличение прибылей германских монополий за счет их румынских партнеров. И делалось это с ведома и согласия правительства И. Антонеску, хотя его секретная служба регулярно доносила о «недовольстве нефтяных кругов (румынских.—*Н. Л.*) тем, что Германия во все бóльших размерах вывозит сырую нефть, ведя дело к закрытию нефтеочистительных заводов»[51].

Сокращалась также из года в год добыча угля. Производительность труда на шахтах резко упала. Технический директор крупнейшего акционерного общества по добыче угля «Петрошень» писал, что снижение добычи вызвано «тяжелыми условиями труда, в особенности на шахтах Аниноасы и Лупени, недовольством рабочих в связи с плохим снабжением и недостаточной заработной платой». Так как шахтеры под различными

[49] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 85, n/p.
[50] См.: Arhiva Statului Bucureşti, fond Presedenţia Consiliului de Miniştri, dos. 129/1944, f. 1.
[51] ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 84, л. 91.

предлогами не выходили на работу, правительство Антонеску широко использовало в угольной промышленности труд советских военнопленных,

Впрочем румынские фашисты принуждали их работать и в других отраслях промышленности, а также в крупных поместьях. Причем обращению с ними учил предпринимателей и помещиков сам И. Антонеску, заявлявший с характерным для него цинизмом: «...Имеется достаточное число военнопленных... Если они не работают, не давайте им есть». Бесплатный труд военнопленных широко использовался румынской буржуазией. Так, из отчетов упомянутого акционерного общества «Петрошень» видно, что на его угольных шахтах весной 1942 г. работало более тысячи военнопленных, а в августе — декабре того же года их число увеличилось на 1155 человек[52].

Но и это не помогло. В частности, не удалось ни повысить добычу угля, ни даже остановить ее падение. Если в 1940 г. она составляла 4,2 млн. т, то в 1941—3,9 млн., а в 1942—3,6 млн. т[53].

Нехватка рабочей силы ощущалась во всех отраслях румынской экономики. Тем не менее фашистская клика отправила более 10 тыс. человек на работу в Германию, где они подверглись жесточайшей эксплуатации. Включаясь в «тотальную мобилизацию», объявленную фашистским рейхом после сокрушительного поражения на Волге, М. Антонеску 2 февраля 1943 г. сказал, что румынское правительство готово закрыть промышленные предприятия в стране, чтобы послать квалифицированных рабочих на германские заводы и фабрики.

Взамен поставок нефти и продовольствия гитлеровцы снабжали Румынию оружием и некоторыми видами промышленной продукции. Но эта «торговля» была лишь прикрытием безудержного ограбления страны. Румынские поставки производились по «неизменным» ценам, установленным еще при подписании экономического договора 1939 г., а германские — по резко повысившимся военным. Последние, как отмечало министерство экономики Румынии в 1942 г., поднялись по сравнению с 1939 г. на 50—150%. В связи с этим подчеркивалось, что «Румыния несет огромные убытки» на продаже нефти. В еще большей степени это относилось к поставкам сельскохозяйственной продукции. По подсчетам румынских экономистов, гитлеровская Германия приобретала ее в Румынии по ценам в 3 раза ниже мировых[54].

Но даже при таких грабительских условиях торговли германский ввоз не покрывал и малой части румынских поставок. Заставляя Румынию строго соблюдать экспортные обязательства, гитлеровцы из года в год сокращали свой и без того незначительный ввоз в Румынию. В результате катастрофически быстро росла германская клиринговая задолженность. На 31 декабря

[52] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 18, л. 4.
[53] «Studii», 1964, N 1, p. 13.
[54] «Scînteia», 25.IV 1945.

1940 г. она составила 1050 млн. лей, спустя год — 17 148 млн., на 31 декабря 1942 г.— 25 192 млн., а к августу 1944 г. достигла 94 млрд. лей, что было равно двум годовым бюджетам Румынии.

Возраставшая с головокружительной быстротой клиринговая задолженность Германии оказывала пагубное воздействие на румынскую экономику и финансы, усиливала инфляцию. Правительство Румынии неоднократно обращалось в Берлин, пытаясь добиться выполнения германских обязательств по поставкам товаров, обращая внимание на то, что стране угрожал серьезный экономический и финансовый кризис.

В инструкции, посланной из Бухареста румынскому посланнику в Германии Босси, следующим образом обрисовывалось создавшееся в конце 1941 г. положение: «18 млрд. лей не имеют обеспечения в Национальном банке. Теперь от нас требуют еще 16 млрд. лей на расходы германской армии в течение пяти месяцев, не говоря уже о 20 млрд. лей, необходимых для обеспечения экспорта зерна и нефти. Три дня тому назад от нас потребовали сокращения внутреннего потребления нефти... Мы испытываем нужду в оружии, сельскохозяйственных машинах и сырье для металлургической промышленности. В то время как наши обязанности возрастают, германский экспорт в Румынию вот уже несколько месяцев очень ограничен, мал» [55].

Еще в августе 1941 г. германское правительство довольно ясно сказало румынским правителям, что оно не собирается покрывать клиринговую задолженность поставками немецких товаров. Гитлеровский министр Функ заявил тогда румынскому посланнику Босси, что рейх не увеличит свой экспорт в Румынию и потому «не сможет помешать дальнейшему росту румынского кредитного сальдо в Германии».

Видимо, теряя надежду на погашение Германией задолженности, румынские правители выражали готовность получить компенсацию другого рода. Уже цитировавшаяся инструкция румынскому посланнику в Берлине предлагала «найти экономическое решение, в результате которого был бы увеличен экспорт в Румынию и обеспечена финансовая гарантия Национального банка, или обсудить политические компенсации, ибо правительство (румынское.— *Н. Л.*) с каждым днем возлагает на себя все большую ответственность, не имея никакого оправдания» [56]. Под «политическими компенсациями» подразумевался возврат Северной Трансильвании.

В развитие этого нового предложения М. Антонеску при встрече с Гитлером в конце ноября того же года поставил ряд вопросов, разрешение которых могло бы, по мнению румынских правителей, укрепить экономическое положение страны. Среди

---

[55] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 85, n/p.
[56] Ibidem.

них, разумеется, была и «трансильванская проблема». Кроме того, он просил хотя бы частично оплачивать румынские поставки золотом, а также в целях уменьшения «бремени расходов» сократить численность немецких войск в Румынии [57].

Присутствовавший при этой встрече Геринг, прервав сетования заместителя «кондукэторула», насмешливо спросил: «Поскольку румынская армия мобилизована и находится за Днестром, неужели вы не находите, что присутствие германских частей является гарантией внутреннего порядка? Разве вы покончили с коммунистами и легионерами?» М. Антонеску в ответ заверил, что румынское правительство в состоянии «самостоятельно» поддерживать «внутренний порядок». Он также напомнил, что «маршалу Антонеску предоставлена возможность одному управлять страной», и в заключение заверил, что «германские интересы в Румынии» будут полностью соблюдены и в том случае, если численность немецких войск в стране уменьшится.

Но ни одна из этих просьб не была удовлетворена: Гитлер и так не сомневался, что правители Румынии в любом случае не посмеют ослушаться его и будут по-прежнему снабжать Германию в кредит, чем бы это ни грозило экономике самой Румынии. Положение осталось прежним. 1 сентября 1942 г. вместо предусмотренных соглашениями 300 тыс. т железной руды Германия поставила Румынии всего лишь 1,5 тыс. т, поставки чугуна составили 25%, меди — 15, свинца — 20, алюминия — 23, проката — 15, стали — 7% и т. д. [58].

Поднятый М. Антонеску вопрос о сокращении германских войск на территории Румынии требует некоторого пояснения. В политическом отношении его постановка в ноябре 1941 г. объяснялась тем, что правительство И. Антонеску, пришедшее к власти с помощью гитлеровцев и в предшествующий период опиравшееся на германские войска, теперь чувствовало себя более уверенно. Шовинистическая волна, поднявшаяся в стране в связи с военными успехами на Востоке, захватом и присоединением обширных советских территорий, несколько укрепила фашистский режим. С экономической точки зрения это требование было продиктовано колоссальными расходами Румынии на содержание германских соединений и частей, расположенных в стране.

Вступление и проход немецких войск через румынскую территорию в 1940—1941 гг. вызвали, как писал И. Антонеску Гитлеру 15 ноября 1943 г., «серьезное нарушение экономического порядка». На их содержание только за первые три месяца румынское министерство финансов выделило 2750 млн. лей. В июне 1941 г. было выплачено 1180 млн., а пять месяцев спу-

---

[57] См.: ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 25, л. 30 (62).
[58] ИДА, ф. МИД Румынии, д. 14, л. 19.

стя — еще 7,8 млрд. лей. Для сравнения укажем, что содержание всей румынской армии в начале 1942 г., когда она насчитывала до 500 тыс. человек, обходилось в 12 млрд. лей.

Германское командование претендовало на гораздо бо́льшую сумму, которая вскоре достигла 30 млрд. лей, хотя количество немецких войск в Румынии к тому времени сократилось в несколько раз. Помимо притязаний на «более обширные потребности» немецких солдат, гитлеровские генералы преднамеренно завышали их фактическую численность в Румынии. Так, Кейтель в начале 1942 г. потребовал оплатить содержание 40—50 тыс. немецких солдат и офицеров, тогда как их насчитывалось в Румынии 34 тыс.[59].

Всего в период антисоветской войны содержание немецких войск на румынской территории обошлось в 67 млрд. лей. Вместе с огромной клиринговой задолженностью Германии эта сумма тяжелым грузом легла на государственный бюджет. Кроме того, правительство И. Антонеску по требованию гитлеровцев выплачивало пенсии семьям 40 тыс. румынских немцев, призванных в германский вермахт. Только в 1944 г. на это было истрачено 4 млрд. лей. Весь ущерб, причиненный стране экономическим «сотрудничеством» с Германией, оценивается румынскими экономистами колоссальной суммой, равной двенадцати годовым бюджетам Румынии[60].

Если к этому прибавить громадные собственные расходы румынского фашистского правительства на ведение антисоветской войны, то станет ясно, какое непосильное бремя было возложено на страну, ее экономику и финансы. В результате государственный бюджет непомерно разбух. Его расходная часть в 1941/42 финансовом году, составлявшая 160 млрд. лей, лишь на 46,3% покрывалась доходами. Последние еще больше сократились в 1942/43 бюджетном году, а расходы увеличились до 192 308 млн. лей[61].

Для покрытия столь огромного дефицита фашистское правительство прибегло к выпуску банкнот. В 1941 г. было выпущено банкнот на 12 млрд. лей, в 1942 г.— на 6 млрд. лей. В начале 1943 г. в обращении находились бумажные деньги на сотни миллиардов лей, обеспечение же имелось лишь на 72 043 млн., причем оно покрывалось золотым запасом только на 51%, ценными бумагами — на 10%. Остальные 39% приходились на клиринговые немецкие марки, т. е. на германскую задолженность. Таким образом, из общей суммы «обеспечения» реальными были всего лишь 43,9 млрд. лей.

В целях пополнения опустошенной казны и мобилизации внутренних ресурсов фашистская клика Антонеску выпустила заем «воссоединения», который принудительно размещался среди на-

[59] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 37, л. 30.
[60] См.: «Studii», 1959, N 4, p. 55.
[61] «Economist», 23.I 1943, p. 109; «Universul», 2.IV 1943.

селения. Главным же источником доходов государственного бюджета являлось обложение прямыми и косвенными налогами. В отчете Национального банка за 1942 г. указывалось, что налогами покрывалось 63% бюджетных расходов, а остальные 37% — займами[62]. Однако архивы румынского совета министров, содержащие данные за три финансовых года, говорят о том, что удельный вес налогов в бюджете был больше[63]:

Год	*Прямые*		*Косвенные*		*Всего*	
	млрд. лей	%	*млрд. лей*	%	*млрд. лей*	%
1941/42	16,7	18,7	51,4	59,5	68,1	78,2
1942/43	24,5	17,0	87,0	60,0	111,5	77,0
1943/44	29,7	17,0	112,0	60,0	141,7	77,0

Таким образом, налоги давали не менее 77% бюджетных доходов. Обращает на себя внимание также тот факт, что общая сумма налогов росла из года в год. Так, в 1942/43 бюджетном году она составила по сравнению с предыдущим годом 163,7%, а в 1943/44 — 208,1%, т. е. выросла более чем вдвое. При этом налоговый пресс распределялся отнюдь не равномерно. Прямые налоги (на богатство) за это время увеличились на 13 млрд. лей, а косвенные (на потребление), ложившиеся всей тяжестью на трудящиеся массы,— на 60,6 млрд. лей. По существу это означало, что и расходы на ведение войны, и убытки от «торговли» с Германией покрывались за счет беднейших слоев населения.

Многочисленные факты и документальные данные показывают, что наживались на войне не только германские, но и румынские капиталисты. Последние обогащались, выполняя военные заказы, высокооплачиваемые режимом Антонеску, а также поставляя в Германию нефть, продовольствие и другую продукцию. Например, по официальным отчетам фирм, чистая прибыль нефтяной компании «Астра ромына», составившая в 1938 г. немногим более 360 млн. лей, в 1941 г. увеличилась до 438 млн., а в 1943 г. достигла 840 млн. лей. Заводы «Решица», принесшие с 1939 г. 188 млн. лей дохода, в 1941 г. дали 268 млн., в 1942 г.— 305 млн. лей прибыли.

Но эти данные являются явно заниженными с целью уменьшения выплачиваемого государству налога.

Значительно возросли также прибыли финансовых воротил. Так, доход «Банка ромыняска» с капиталом в 605 млн. лей, согласно его отчету, составил в 1942 г. свыше 97 млн. лей[64].

В то время как для верхушки румынской буржуазии и помещиков, чьи интересы выражала фашистская клика Антонеску, война стала источником колоссального обогащения, для широ-

[62] См.: «Universul», 27.II 1943.
[63] ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 664, табл. 2.
[64] «Universul», 1.II 1943.

ких масс населения она была бедствием, несшим смерть, лишения и страдания.

Пагубные последствия войны и гитлеровского грабежа сказывались и на мелкой и средней буржуазии. Если владельцы крупных заводов и фабрик получали от правительства прибыльные военные заказы и пользовались всевозможными льготами и преимущественными правами в снабжении сырьем и рабочей силой, мелкие и средние закрывались или поглощались более мощными конкурентами. Вследствие этого за период с августа 1940 г. по апрель 1943 г., как сообщил И. Антонеску в своем выступлении на высших военных курсах, число промышленных предприятий сократилось на 24% [65].

Усилившийся процесс концентрации капитала вел к разорению мелкой и средней буржуазии. Наибольшие бедствия выпали на долю трудящихся города и деревни. Катастрофическое ухудшение экономического положения страны привело к дальнейшему росту их нищеты, сопровождавшемуся беспощадным усилением эксплуатации.

Режим Антонеску, широко прибегавший к социальной демагогии, чтобы привлечь на свою сторону широкие массы, заинтересовать их, бросал им крохи из награбленного в Советском Союзе. Проводились, например, дешевые распродажи и бесплатное распределение вывезенного из оккупированных городов и сел имущества. По подсчетам румынских фашистских властей, через «Совет патронажа социальных действий» (государственное учреждение, уполномоченное контролировать и координировать деятельность всех общественных и частных благотворительных организаций) гражданским лицам было передано к 1943 г. советского имущества на 13,5 млрд. лей [66]. Но это составило всего лишь 7% общей стоимости награбленного в СССР, равнявшейся, как уже указывалось, 948 млрд. лей. Незначительная часть суммы была использована в тех же демагогических целях для выдачи бесплатных или дешевых обедов бедствующему населению. Наконец, часть средств пошла на постройку жилых домов для рабочих, бесплатную медицинскую помощь для государственных служащих, увеличение государственных пособий на детей и др. [67]

И хотя фашистская диктатура широко рекламировала подобные меры, используя их для того, чтобы представить себя «надклассовой» силой, они не могли ни скрыть ее антинародной сущности, ни улучшить положение трудящихся масс.

Свертывание ряда отраслей румынской промышленности привело к росту безработицы. На действующих предприятиях, большинство которых было военизировано, рабочий день длился 10—14 часов. Во главе их стояли военные коменданты, получив-

[65] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 303, л. 17.
[66] Там же, д. 18, л. 4.
[67] Там же.

шие право наказывать рабочих за малейшую провинность. О характере этих наказаний можно судить по следующим фактам, зарегистрированным в архивных материалах. Так, полицейский инспектор области Алба-Юлия докладывал в октябре 1943 г., что на шахтах Лупени введены «аресты, карцер и наказание 25 ударами». Далее он сообщал, что для наказанных установлен такой режим: арестованный получал половину продовольственного рациона, а в карцере — лишь хлеб и воду. Стоимость содержания при отбывании наказания высчитывалась в дальнейшем из зарплаты рабочего[68].

Румынский диктатор, однако, считал и эти меры недостаточными. Например, получив донесение о том, что рабочие завода «Узинеле ромыне» ушли с работы на час раньше, он наложил резолюцию: «Заковать в цепи и без промедления наказать». Характеризуя отношения между предпринимателями и рабочими, военные власти Петрошени были вынуждены признать, что это — «отношения между рабовладельцами и рабами»[69].

Подобные признания были нередки. «Жалостливые» речи любил произносить и сам «кондукэторул», особенно в последние месяцы своего правления страной, когда уже явно надвигался крах фашистской диктатуры.

Так, 8 марта 1944 г. он заявил на заседании правительства, что «видел в Комэнешть шахтеров, шедших на работу без обуви, без рубашек». Однако в предшествующий период он избегал касаться этой темы, хотя хорошо знал о крайней нищете трудящихся масс. Уже в ноябре 1941 г. в полученных им донесениях говорилось о крайне бедственном положении рабочих — нефтяников и угольщиков. Никак не реагировал он ни на это сообщение, ни на последующие, в том числе и на донесение военных властей, в котором таким образом характеризовалось положение шахтеров долины Жиу: «Рабочий влачит жалкое существование, выполняя тяжелый и изнурительный труд, за который он получает плату, едва хватающую ему на то, чтобы прожить день, не говоря уже о содержании семьи»[70].

Чтобы представить бедствия, обрушившиеся на трудящихся Румынии в период фашистской диктатуры и антисоветской войны, следует прежде всего напомнить, что сокращение сельскохозяйственного производства и массовый вывоз продуктов питания в гитлеровскую Германию вызвали острый недостаток продовольствия. Трудящееся население городов снабжалось по нищенским рационам, месяцами не видело мяса и жиров. Норма выдачи хлеба, который, по признанию румынских буржуазных газет, «являлся основным, а во многих случаях и единственным продуктом питания населения», составляла всего 200—250 г в

---

[68] Arhiva CC al PCR, dos. 2950, f. 509.
[69] Ibid., f. 366.
[70] Arhiva MFA, dos. 733/57, f. 69.

день. К тому же он изготовлялся из гнилой пшеницы и кукурузы, которые раньше шли только для производства сапожного клея и спирта.

Бедствовали и крестьяне. Оставляемая им часть собранного урожая не превышала голодной нормы, установленной для городских жителей. К тому же к началу 1943 г., по данным «Национального зоотехнического института», из 3,5 млн. крестьянских хозяйств у 2 млн. не было коров, более 1,6 млн. не имели свиней, а у 250 тыс. не нашлось даже курицы.

Положение усугублялось непрерывным ростом цен на продукты питания и другие товары первой необходимости. Росту цен способствовали наряду с вывозом продовольствия в рейх и свертыванием ряда отраслей промышленности также массовые закупки, производимые немецким интендантством в Румынии и солдатами и офицерами находившихся в стране германских войск. Располагая крупными денежными суммами, получаемыми от румынского правительства, они использовали их для приобретения и отправки в Германию продовольствия, одежды, обуви и других товаров, превратившись таким образом в своеобразную закупочную фирму, которая по масштабам операций не уступала немецким торговым обществам, действовавшим в румынских городах и селах.

Все это усиливало инфляцию, лишало население возможности приобретать на свои скромные средства продукты питания и предметы первой необходимости.

Пытаясь остановить рост дороговизны, правительство чуть ли не ежедневно публиковало распоряжения о «максимумах цен». Но это был всего лишь один из приемов социальной демагогии, с помощью которых фашистская диктатура, держась на штыках, пыталась в то же время представить себя некоей надклассовой силой, в равной мере защищающей интересы всех слоев нации.

Интересно отметить, что на этой почве возникли даже разногласия между буржуазией и помещиками, с одной стороны, и диктатурой Антонеску — с другой. Лидер национал-либеральной партии Д. Брэтиану в своем письме министерству экономики от 25 сентября 1941 г. выразил недовольство установлением «максимумов цен». Впрочем вскоре он смог убедиться, что правительственные распоряжения по существу способствовали росту дороговизны и, следовательно, увеличению прибылей монополий, определявших рыночную конъюнктуру. Уже к концу 1941 г., по данным Национального банка, индекс официальных цен поднялся до 240 против 100 в январе 1939 г.[71], т. е. в тот период рост дороговизны составил в среднем около 47% в год. Далее он продолжался еще более ускоренными темпами. Так, за первые полтора года войны, т. е. к концу 1942 г., цены на продовольствие были

[71] «Universul», 7.II 1943.

повышены почти в 2, а на одежду и обувь — более чем в 2 раза [72]. Прошло еще полгода — и к июню 1943 г. продукты питания вновь подорожали в среднем на 35%, а некоторые (например, картофель и соль) — на 67% [73].

В период с 1939 по 1944 г. официальные цены возросли в восемь раз. Фактически же они были еще выше. Усиливавшаяся инфляция привела к тому, что, например, пара ботинок, стоившая в 1939 г. 1 тыс. лей, в начале 1944 г. вздорожала до 10—15 тыс., цена метра ткани поднялась за это время с 750 лей до 5—6 тыс. лей. Как отмечал английский журнал «19 сенчури энд афте», рост цен в Румынии в годы войны был «самым высоким в Европе» [74].

Если в отношении регулирования цен правительственные распоряжения были явной фикцией, то по части ограничения уровня заработной платы они неукоснительно выполнялись. В результате месячный заработок рабочего составлял примерно от 2 тыс. до 3 тыс. лей. На эти деньги было невозможно прожить. К такому выводу пришли даже официальные представители режима. В частности, материалы обследования румынских железных дорог содержат такие сведения: «Тормозной кондуктор получает около 100 лей в день, из которых 90 лей платит за двухразовое питание в станционной столовой. На оставшиеся 10 лей, допуская, что он ничего не ест по утрам, ему нужно прокормить семью, если она у него имеется, одеть и обуть ее и себя». Подсчет, не требующий комментария!

Неудивительно, что по мере вздувания цен, в несколько раз опережавшего рост заработной платы, непрерывно снижалась покупательная способность городского трудящегося населения. Это видно из следующих данных за период с 1941 по 1943 г. по сравнению с 1939 г. (в %) [75]:

	Зарплата	*Цены*	*Покупательная способность*
Декабрь 1941 г.	168,5	412,1	40,8
Декабрь 1942 г.	212,0	712,1	29,8
Декабрь 1943 г.	275,5	1085,3	25,3

Покупательная способность трудящихся города к концу 1943 г. сократилась почти в четыре раза по сравнению с 1939 г. Резкое ее падение наблюдалось и в деревне. При этом следует иметь в виду, что покупательная способность румынского крестьянства была и до войны одной из самых низких в Европе: миллионы крестьян ели настоящий, не кукурузный хлеб только по праздничным дням, сахар считался роскошью, три четверти сельского населения не имели обуви. При таких условиях любое дальнейшее сни-

72 *Constantinescu Mitiţa.* Politica economică aplicată, vol. I. Bucureşti, 1943, p. 357.
73 «Studii», 1964, N 1, p. 20a.
74 «19th Century and After», April 1944, p. 169.
75 «Scînteia», 22. IX 1944.

жение покупательной способности крестьянства должно было означать крайнюю степень нищеты. Так и произошло. Если взять уровень 1927—1929 гг. за 100, то покупательная способность крестьянства в 1939 г. составит 71,3, в октябре 1941 г.— 58,2, а в 1942 г.— 45,3 [76].

Хотя ни в какое сравнение с бедствиями, обрушившимися на трудящихся города и деревни, не шли заботы мелкой и средней буржуазии, тем не менее и она вследствие засилья гитлеровцев оказалась в нелегком положении. Это создало в стране обстановку, при которой подавляющее большинство населения, за исключением монополистических кругов, выражало резкое недовольство. Об этом свидетельствуют и секретные правительственные документы того времени. Так, в одном из них — донесении главного директората полиции, озаглавленном «Экономическое и политическое положение в стране за период с 1 апреля 1942 г. по 1 апреля 1943 г.»,— сообщалось: «Торговцы жалуются на рост налогов и дезорганизацию транспорта, промышленники — на недостаток сырья, рабочие — на низкую заработную плату. Крестьяне выражают недовольство разрывом между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары и тем, что им оставляют лишь 60 кг зерна из всего урожая. Население недовольно германскими союзниками» [77].

То, о чем полиция докладывала в весьма осторожных выражениях, более откровенно было сформулировано специальным отделом румынского генерального штаба. В докладе «Настроения населения с мая 1941 г. по февраль 1942 г.» он прямо высказывал «опасение, что голод вызовет революцию» [78].

Фашистское правительство наряду с усилением террора против любых проявлений недовольства пыталось бороться с ним также пропагандистскими средствами. Выпускались специальные воззвания и брошюры, фашистская пресса изо дня в день уверяла, что положение вот-вот улучшится, и призывала проявить «терпение». Некто Макрин по заданию правительства в 1943 г. даже выпустил книжку под названием «Трудности войны. Разъяснения».

Однако широкие массы населения не верили лживым «разъяснениям». Все отчетливее понимая, что в их страданиях и бедствиях повинна фашистская диктатура, продавшая страну гитлеровцам и ввергнувшая ее в чуждую их интересам войну, они все активнее включались в борьбу против фашизма, видя в ней единственный путь к спасению.

Движение против военно-фашистской диктатуры Антонеску значительно усилилось сразу же после вступления Румынии в антисоветскую войну. Вызванное ею обострение классовых противоречий в стране ускорило революционные процессы, неразрыв-

[76] *Constantinescu Mitiţa.* Op. cit., vol. I, p. 434.
[77] ИДА, ф. Военный *кабинет, д.* 307, *л.* 48.
[78] Arhiva MFA, dos. 733/57, f. 10à.

но связанные с борьбой румынского народа за освобождение от фашистского ига. Начала расширяться база антифашистского движения, в него втягивались теперь и те круги, которые ранее относились к нему пассивно.

Румынскому народу были чужды цели, преследовавшиеся в войне правящими кругами. Она принесла ему не только новые лишения и нищету. Участие страны в войне на стороне гитлеровской Германии оскорбляло его национальные чувства. В народе были сильны воспоминания о немецкой оккупации в годы первой мировой войны и глубокое возмущение «венским арбитражем». Участие в нападении на Советский Союз, как признал даже один из фашистских дипломатов, А. Крецяну, вызвало «глубокое недовольство диктаторским режимом, который послал сынов, мужей и отцов умирать вдали ради прихоти Гитлера».

Это недовольство по разным причинам разделяли и определенные слои румынской буржуазии. Одну ее часть тревожило то, что Румыния вопреки ожиданиям оказалась в лагере, враждебном не только СССР, но и Англии, Франции и США, а другая, более многочисленная, была обеспокоена ущемлением своих интересов в условиях войны и гитлеровского засилья.

Главной силой антифашистской борьбы стал пролетариат, являвшийся самым передовым и последовательно революционным классом, на долю которого в результате фашистского господства и антисоветской агрессии выпали наиболее тяжкие страдания. Он возглавил все патриотические силы, которые стремились к освобождению страны от ига гитлеризма, к прекращению войны, свержению фашистского режима и установлению демократического строя. Жизненные интересы крестьянства делали его верным союзником пролетариата в этой борьбе. Поскольку политика клики Антонеску была направлена также и против основной массы мелкой буржуазии, интеллигенции и национальных меньшинств, то эти значительные по численности группы населения, как и часть средней буржуазии, оказались в антифашистском лагере.

Историческую миссию объединения всех патриотических антифашистских сил взяла на себя Коммунистическая партия — единственная политическая партия в Румынии, решительно выступившая против участия страны в антисоветской войне.

В специально выпущенном манифесте ЦК КПР разоблачил кровавую агрессию германских и румынских фашистов против СССР. Подчеркнув интернациональный характер войны, которую вел Советский Союз за свободу своего народа и всех порабощенных фашизмом стран, ЦК КПР призвал румынский народ всемерно содействовать победе Советской Армии, бороться за изгнание фашистских оккупантов, против румынских прислужников германского фашизма, за единый фронт борьбы румынского народа против фашистского господства, за свободу и национальную независимость.

Выражая отношение рабочего класса и всего румынского народа к антисоветской агрессии, компартия в одной из своих листовок заявляла: «Мы все не хотели и не хотим этой разбойничьей войны против великого советского народа. Не великий советский народ является нашим врагом... Наш враг — это немецкий фашизм и его прислужники в стране во главе с генералом Антонеску»[79].

8 июля 1941 г. Центральный Комитет КПР направил членам партии циркулярное письмо, в котором дал анализ новой обстановки, сложившейся в результате вступления страны в войну против СССР, и определил задачи коммунистов, рабочего класса и всего румынского народа. Он призвал рабочих развернуть борьбу за изгнание гитлеровских оккупантов и свержение фашистской клики Антонеску, за свои насущные интересы, за хлеб, мир и свободу. Крестьяне, говорилось в этом письме, должны саботировать антисоветскую войну и снабжение гитлеровцев сельскохозяйственными продуктами, ибо победа германского фашизма означала бы для румынского крестьянства рабство и голод, чужеземное иго и усиление помещичьего господства. Обращаясь к румынским солдатам, компартия призывала их не сражаться ради интересов врагов страны — фашистов и стоящих за ними румынских капиталистов и помещиков.

В письме подчеркивался справедливый, освободительный характер войны советского народа, от исхода которой зависела судьба всех народов Европы и мира, в том числе румынского народа, порабощенного фашистской Германией и ввергнутого в войну. «Задачей и исторической ответственностью Коммунистической партии Румынии является организация в Румынии совместной с великим советским народом и другими народами борьбы за разгром кровавого германского фашизма и его слуг во всех странах, за изгнание фашистских оккупантов из Румынии, за свержение власти предательской банды во главе с генералом Антонеску, за освобождение страны от кровавого германского ига, за победу Советского Союза, за свободную и независимую Румынию»[80].

Перед коммунистами ставилась задача направить все усилия на создание единого фронта пролетариата с участием всех рабочих, в том числе и находившихся под влиянием социал-демократов, национал-царанистов и даже железногвардейцев. «Без единства рабочего класса,— указывалось в письме,— невозможно организовать всеобщую борьбу за национальное освобождение румынского народа».

В этом и других своих документах, в том числе в манифесте ЦК КПР, опубликованном в конце июля, и в воззвании «Единый фронт свободолюбивых народов» от августа 1941 г., компартия

[79] Arhiva Inst., dos. 327, vol. I. f. 77.
[80] Arhiva Inst., cota AXXV-10, inv. N 1580, f. 3

призывала также к саботажу и партизанской борьбе против фашизма [81].

Партийные организации Валя Праховей, Брашова, Баната, Добруджи, Молдовы и других областей с первых дней войны перестроили свою работу в соответствии с новыми условиями. Коммунисты развернули пропагандистскую деятельность, разоблачая предательскую политику клики Антонеску и антинациональный характер участия в гитлеровской агрессии против СССР, мобилизовывали массы на борьбу с фашистской диктатурой.

Несмотря на преследования, компартии удалось сохранить и укрепить свои позиции и связи на заводах, в деревнях, в армии и среди интеллигенции. Подпольные партийные ячейки действовали в железнодорожных мастерских Гривицы, на заводах «Леметр», «Малакса», «Леонида», «Вольф», «Гаджел», в военном арсенале, на городском транспорте и других крупных предприятиях Бухареста, на нефтезаводах «Униря», «Ромына-американа», «Конкордия» в Плоешти, на авиационном заводе «ИАР» и фабрике «Скиел» в Брашове, на нефтепромыслах в Морени и угольных шахтах Валя Жиулуй, судостроительных предприятиях Констанцы, Галаца и Турну-Северина, на текстильной фабрике «Цесэтура» и в железнодорожных мастерских «Николина» в Яссах и во многих других местах [82].

На развязывание войны румынские патриоты во главе с коммунистами ответили усилением антифашистской борьбы, срывом правительственных распоряжений, саботажем военного производства. 25 июня 1941 г., как сообщала английская пресса, рабочие Галаца забастовали в знак протеста против войны с СССР. На стенах домов в городах и селах появились лозунги: «Мир с Россией!», «Долой Антонеску!», «Вон немцев!», а повсюду в общественных местах, даже в кино и театрах — листовки и брошюры КПР, призывавшие к борьбе против войны и гитлеровских оккупантов, к уклонению от мобилизации и отправки на фронт.

Выходившая в Банате подпольная коммунистическая газета «Ромыниа либера» писала: «Каждый день возникают инциденты и стихийные антигитлеровские выступления, свидетельствующие о том, что страна пришла в движение». Участились нападения на немецких военнослужащих. В июле 1941 г. серия диверсий была организована в Констанце. Патриоты перерезали кабель, по которому подавалась электроэнергия для установок немецкой противовоздушной защиты. Тогда же «Нью-Йорк таймс», сообщая «об актах саботажа, осуществлявшихся железнодорожниками и промышленными рабочими», отметила «силу коммунистического движения в Румынии» [83].

Фашистская диктатура, развернувшая еще в период подготовки к нападению на Советский Союз, массовые преследования

[81] См.: Documente din istoria partidului comunist din Romînia, p. 345.
[82] См.: «Scînteia», 31.VII 1964.
[83] «New York Times», 9.VII 1941.

патриотических сил, в первую очередь коммунистической партии, с началом войны усилила террор.

Из 15 арестованных тогда членов Центрального Комитета и активистов компартии 12 были приговорены к каторжным работам на срок от 10 до 25 лет. В июне в застенки было брошено еще 150 коммунистов. Тогда же власти объявили, что за каждого убитого гитлеровского военнослужащего будут расстреляны 50 коммунистов. 1 июля сигуранца схватила еще 8 человек по обвинению в том, что они состояли в бухарестской организации КПР и вели «агитацию, пропаганду и промышленный саботаж» В том же месяце за организацию саботажа на верфях Констанцы был казнен коммунист Филимон Сырбу. В августе на заводе «Конкордия» в Плоешти, как явствует из архивов военного командования нефтепромысловой зоны, были преданы суду военного трибунала 114 рабочих [84].

Но никакими репрессиями нельзя было задушить антифашистское движение, смелыми и самоотверженными организаторами и руководителями которого выступали коммунисты, «пользовавшиеся поддержкой населения» [85]. Их вдохновляла героическая борьба Советской Армии и всего советского народа. Новые силы вдохнуло в них начавшееся образование антигитлеровской коалиции во главе с СССР. Все это укрепляло их уверенность в неминуемом разгроме фашизма. Вера коммунистов передавалась рабочему классу. Из г. Решицы, крупнейшего металлургического центра страны, сигуранца доносила: «Рабочие верят в победу России» [86].

В своей борьбе за создание всенародного фронта против гитлеризма КПР исходила из того, что с момента, когда румынский народ ввергли в войну и сделали пушечным мясом для достижения целей германского империализма, «создались объективные условия для перегруппировки сил в Румынии. С одной стороны находилась военно-фашистская клика предателя Антонеску, поддерживаемая прогитлеровской верхушкой крупных капиталистов и помещиков, наживающихся на войне. С другой стороны стоял весь народ, все партии и политические группировки, за исключением фашистских лакеев Гитлера — предателей родины» [87].

В целях объединения всех патриотических антифашистских сил и мобилизации их на борьбу за свободу и независимость страны компартия выработала и предложила 6 сентября 1941 г. «Платформу единого национального фронта румынского народа против фашистских оккупантов и военно-фашистской клики во главе с предателем Антонеску».

Этот документ содержал следующие основные пункты: прекращение войны против Советского Союза, совместная с СССР и

[84] Arhiva MFA, dos. 248/52, f. 257.
[85] «Правда», 1941, 12 августа.
[86] Arhiva Inst., dos. 40634, f. 65.
[87] Documente din istoria partidului comunist din Romînia, p. 346.

всеми свободолюбивыми народами борьба против гитлеризма, свержение военно-фашистского режима и создание правительства национальной независимости из представителей патриотических сил, отмена венского диктата и возвращение Северной Трансильвании в состав Румынии, арест и наказание лиц, несущих ответственность за втягивание страны в гитлеровскую войну против СССР. В платформе также выдвигалось требование «прекращения зверского преследования евреев и всякого национального угнетения» и заявлялся протест против террора и грабежа временно оккупированных советских территорий.

Предложенная компартией платформа выражала национальные интересы румынского народа и ставила перед патриотическими силами страны конкретные задачи, вытекавшие из внутриполитического и внешнеполитического положения страны. Специфика этой программы состояла в том, что она, помимо целей, общих для движения сопротивления в ряде других стран, выдвигала и такие задачи, как свержение собственного фашистского правительства, выход страны из антисоветской войны и присоединение к антигитлеровской коалиции.

При выработке платформы КПР исходила из положения V съезда о том, что перед Румынией стоит задача завершения буржуазно-демократической революции под руководством пролетариата. Она также учитывала развитие революционного движения на базе борьбы всего народа против фашистского ига. Таким образом, партия стремилась к созданию широкого патриотического фронта, который должен был включить наряду с союзниками пролетариата на этом этапе — крестьянством и другими мелкобуржуазными слоями — косвенные резервы: различные буржуазные группировки, заинтересованные в разгроме фашизма.

В соответствии с этой установкой КПР выразила готовность сотрудничать со всеми партиями, группами, политическими деятелями и всеми румынскими патриотами в деле реализации любого пункта платформы при единственном условии — общности позиции в отношении гитлеровских оккупантов, фашистской клики Антонеску и преступной антисоветской войны [88].

В интересах создания единого национального фронта, во имя уничтожения фашистских захватчиков и завоевания национальной независимости и демократических свобод Коммунистическая партия Румынии не выдвигала лозунгов, которые могли бы отделить ее от других сил, выступавших за национальное освобождение румынского народа. Борьба против гитлеризма стала центральной, первоочередной задачей, а его разгром рассматривался в качестве предпосылки дальнейшего развертывания революционной борьбы за уничтожение капиталистической эксплуатации.

Румынские коммунисты, подчеркивалось в платформе от 6 сентября 1941 г., «не отказываются от своей программы, про-

[88] Ibid., p. 347.

паганды этой программы и своих конечных целей. С уничтожением гитлеровской тирании не прекратятся ни эксплуатация и угнетение трудящихся, ни кризисы и войны. Система монополистического капитализма, империализм, основывающийся на угнетении и эксплуатации трудящихся масс и закабаленных народов, порождает новые кризисы и войны». Компартия ставила перед своими членами задачу одновременно с популяризацией платформы пропагандировать успехи советского народа, преимущества социалистической системы над капиталистической, показывать массам, что единственным путем спасения от кризисов и войн, от всякого угнетения и эксплуатации является путь рабочих и крестьян России, совершивших социалистическую революцию. «Но этот путь сейчас закрыт кровавым фашизмом»,— указывала КПР. И далее подчеркивала: «Только разгром фашистской тирании откроет путь окончательного освобождения человечества от всякой эксплуатации и угнетения».

В платформе указывалось на необходимость ведения конкретной борьбы против гитлеровцев путем саботажа военного производства и гитлеровских перевозок, подчеркивалась важность организации вооруженной борьбы. «...Борьба с оружием в руках против армий Гитлера — долг каждого румынского патриота, который любит свободу и независимость румынского народа,— заявлялось в этом документе.— Саботаж и партизанская борьба румынского народа ускорят разгром гитлеровских оккупантов и освобождение нашей страны» [89].

Стремясь к созданию национального фронта борьбы против гитлеризма, компартия считала необходимым достижение единства действий рабочего класса, без чего освободительное движение румынского народа не могло увенчаться победой. Коммунисты, говорилось в платформе от 6 сентября 1941 г., должны работать на предприятиях над созданием снизу единого фронта рабочего класса, в который наряду с ними войдут рабочие социал-демократы, национал-царанисты и беспартийные. Вместе с тем ставилась также задача организации единых действий с социал-демократами в областном и общенациональном масштабе.

В январе 1942 г. компартия вновь призвала с еще большей настойчивостью бороться за единство всех рабочих. Их выступления в защиту своих прав против произвола и усиливающейся эксплуатации подрывали военное производство и, следовательно, являлись составной частью общей борьбы за свержение фашистской диктатуры, прекращение антисоветской войны и переход страны в лагерь антигитлеровской коалиции. Поэтому КПР указывала на необходимость использовать конфликты на предприятиях и столкновения с администрацией также «для высвобождения рабочих-легионеров из-под влияния их руководителей» [90].

---

[89] Documente din istoria partidului din Romînia, p. 349.
[90] Ibid., p. 361.

Коммунистическая партия обратилась также ко всем коммунистам, имеющим контакты с деревней, с призывом вести систематическую повседневную работу среди крестьянства с целью мобилизации его на антигитлеровскую борьбу. Ставилась задача разоблачать и срывать создание так называемых крестьянских обществ, организовать движение за демократическую аграрную реформу. Это требование наглядно показывает связь антифашистской деятельности с борьбой против остатков феодализма, тормозивших развитие страны. Тем самым выступления крестьян против крупных помещиков, являвшихся партнерами и пособниками гитлеровцев и режима генерала Антонеску, направлялись в общее русло антифашистского движения.

Особое значение придавала КПР разъяснительной работе в армии с целью открыть глаза обманутым солдатским массам на захватнический характер войны германского и румынского фашизма против СССР, показать, что они могут спасти свою жизнь только отказом от участия в боевых действиях на стороне гитлеровцев, дезертирством и сдачей в плен советским войскам. Компартия уже в этот период ставила задачу включения румынской армии в борьбу всего народа против гитлеровских поработителей. «Румынские солдаты,— указывала она,— должны отказаться от роли слепого орудия, пушечного мяса для смертельного врага румынского народа. Включаясь в патриотический фронт всего народа, они должны повернуть оружие и повести борьбу за разгром гитлеровских поработителей, за восстановление национальной чести и свободы румынского народа» [91].

В резолюции Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Румынии, состоявшегося в январе 1942 г., была выдвинута задача организации движения частных и государственных служащих, мелких ремесленников и торговцев, интеллигенции с тем, чтобы «соединить борьбу этих слоев населения с борьбой рабочего класса и всего народа в едином национальном фронте за мир, хлеб, культуру, свободу и национальную независимость народа, за уничтожение гитлеровских захватчиков и их прислужников во главе с Антонеску». Компартия стремилась включить в единый фронт борьбы румынского народа также национальные меньшинства. Разоблачая шовинистическую демагогию румынских и венгерских фашистских правителей, она указывала, что разжигаемая кликами Антонеску в Румынии и Хорти в Венгрии румыно-венгерская вражда «служит лишь гитлеровским планам уничтожения румынского и венгерского народов в подлой войне против Советского Союза» [92].

Деятельность коммунистов направлялась, в частности, на организацию всенародной поддержки экономических, политических и национальных требований венгерского населения, а также вклю-

---

[91] Ibid., p. 362.
[92] Ibid., p. 363.

чение его в патриотический фронт румынского народа для борьбы за общие цели — разгром фашизма, освобождение от гитлеровского ига и обеспечение национальной независимости. Компартия считала необходимым также проведение разъяснительной работы среди немецкого населения Румынии, чтобы вырвать его из-под влияния руководителей нацистских организаций и объединить с румынским народом и всеми национальными меньшинствами страны для совместных действий против гитлеровской тирании и предательской клики Антонеску.

В борьбе против антисоветской войны и фашистского режима видное место принадлежало женщинам. Указывая на это, КПР призывала их решительно выступать против отправки мужей, братьев и сыновей на фронт, против дороговизны и нищеты. Она также считала «одной из своих главных задач организацию борьбы молодежи, которая превращена в пушечное мясо для кровавого фашизма на фронте и в угнетаемых и эксплуатируемых рабов в тылу». Особо подчеркивалась необходимость усилить работу среди студенческой молодежи, помочь ей освободиться от влияния легионерских главарей и занять место в первых рядах патриотического народного фронта.

Исходя из этих установок, выработанных с учетом опыта антифашистской борьбы братских компартий и программы антигитлеровской коалиции, сформулированной в документах КПСС и Советского правительства, компартия развернула героическую борьбу против гитлеровцев и их румынских фашистских сообщников.

Здесь следует отметить, что антифашистское движение румынского народа развивалось в условиях, отличавшихся от обстановки в других странах, находившихся под гитлеровским господством, что и определило его особенности, масштабы и методы борьбы, уровень организованности.

В отличие, например, от Польши, чья государственность была официально ликвидирована немецко-фашистскими оккупантами, Румыния имела собственное правительство и короля, что создавало у политически отсталых слоев населения иллюзию самостоятельности и независимости страны. Этому способствовала также фашистская пропаганда, представлявшая румынского диктатора И. Антонеску в качестве якобы равноправного партнера Гитлера и Муссолини и называвшая его «третьим человеком» в фашистском блоке.

В этом отношении у Румынии было нечто общее с положением Болгарии, где вторжение немецких войск также не сопровождалось разрушением государственного аппарата. Германские фашисты распоряжались в Румынии, но свое разбойничье дело они делали руками клики Антонеску, являвшейся их агентурой.

Нельзя также не учитывать и того, что временные успехи войск гитлеровского блока в начальный период войны против СССР и захват румынскими фашистами советских земель, объ-

явленных частью Румынии, способствовали распространению шовинистического угара среди части населения, поддавшейся влиянию правительственной пропаганды. Даже те круги, которые не одобряли диктаторского фашистского режима, оказались захлестнутыми мутной националистической волной, приветствуя «возврат румынских территорий».

Компартия Румынии, стоявшая на марксистско-ленинских позициях в национальном вопросе, с самого начала войны выступила против захватнических устремлений румынской буржуазии, прикрываемых националистическими лозунгами «национального объединения». Правящие круги страны в этой связи объявили румынских коммунистов «предателями национальных интересов», «агентами России», натравливая на них националистические элементы. И хотя шовинистический угар рассеивался по мере того, как Советская Армия наносила сокрушительные удары по немецко-фашистским захватчикам, опрокидывая их бредовые планы, он оказал в начальный период тормозящее воздействие на развертывание массовой борьбы против антисоветской войны.

Анализируя причины, которые, как отмечал Г. Георгиу-Деж, помешали в Румынии «организовать широкое массовое движение против антисоветской войны» [93], развернуть вооруженную борьбу, подобную партизанскому движению в Болгарии, следует указать также на труднейшие условия деятельности КПР, понесшей большой урон в результате фашистского террора.

Репрессивные органы, жестоко подавлявшие всякое выступление против фашистского режима, расправились с многими верными делу партии людьми. В борьбе против фашизма смертью храбрых пали Филимон Сырбу, Франчиск и Лили Панет, Ада Маринеску, доктор Корнхаусер, Штефан Плавец, Жожа Бэла, Лазар Грюнберг, Бернат Андрей, Сузанна Пырвулеску, Ион Сучу, Жустин Джоржеску и многие другие румынские коммунисты.

5 ноября 1941 г. военный трибунал приговорил к смертной казни 5 коммунистов за изготовление взрывчатки для актов саботажа. В январе 1942 г. в Бухаресте был устроен процесс над 27 антифашистами, два месяца спустя осуждены на смертную казнь рабочие Помпилиу Штефу и Николае Моханеску. В августе того же года состоялся суд над 34 антифашистами, а в марте 1942 г.— еще над 19 рабочими завода «ИАР». В феврале 1943 г. жертвой фашистского террора пал секретарь Ильфовского комитета КПР Петре Георге, в августе судили 31 антифашиста в Бухаресте и 27 — в Констанце.

В мрачные годы гитлеровской войны коммунисты, организуя патриотические силы, весь народ на борьбу за свержение военно-фашистской диктатуры, понесли тяжелые потери. По сведениям сигуранцы, только за период с 1 апреля 1942 г. по 1 апреля 1943 г.

---

[93] *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи, т. I, М., 1956, с. 343.

было арестовано около 2 тыс. человек, в том числе 1714 за «экономический саботаж» и «невыполнение правительственных распоряжений», 17 — за «террористические» акты, 122 — «за пропаганду пораженчества» [94].

Помимо румынских, в стране действовало 11 германских карательных служб во главе с гестапо. Военные трибуналы вынесли много смертных приговоров. Более 3600 человек были приговорены к длительным срокам тюремного заключения, еще 5500 посажены за колючую проволоку концлагерей. Причем в эти данные включены только те, кто организационно был связан с компартией и другими антифашистскими группами.

Трудности, с которыми столкнулась КПР, осложнили ее работу по мобилизации масс на борьбу против антисоветской войны. Однако ни действия провокаторов, ни фашистский террор не смогли уничтожить партию. Вдохновляемые сознанием своего высокого долга перед народом, румынские коммунисты продолжали самоотверженную героическую борьбу.

В стране ежедневно распространялись коммунистические листовки. Об их содержании можно судить по одной из них, отпечатанной 31 октября 1941 г. партийным комитетом Секторул Албастру в Бухаресте. В ней указывалось, что нищета и голод являются следствием «преступной войны, развязанной Гитлером против свободных и счастливых народов Страны Советов. Гитлер и предатель Антонеску отняли хлеб у наших детей, а теперь требуют еще кровь и жизнь наших отцов и братьев» [95].

Служба контрразведки 18-й пехотной дивизии, расквартированной в Банате, доносила: «Коммунисты, хотя их руководители заключены в концлагеря, продолжают подпольную пропаганду». Так было по всей стране. В конце 1941 г. сигуранца констатировала: «Хотя внешне деятельность коммунистической партии ограничена, тем не менее участники этого движения имеются повсюду и ведут непрерывную работу» [96].

Пропагандистская деятельность компартии принимала все более широкие масштабы. Каждую знаменательную дату, дорогую сердцам трудящихся, коммунисты отмечали усилением работы по мобилизации масс.

Накануне 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции с призывом к населению обратился комитет КПР Секторул Галбен в Бухаресте. В своем манифесте комитет призвал превратить этот праздник трудящихся всего мира в день национальной борьбы за выход из войны и заключение мира и союза с СССР и Англией, за свержение предательского правительства Антонеску. В листовке также говорилось: «В эти часы тяжелых испытаний, голода и национального порабощения, когда гибнут сотни тысяч жизней в организованной Гитлером бойне,

[94] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 304, л. 3.
[95] «Revista arhivelor», 1959, N 1, p. 26.
[96] Arhiva MFA, dos. 733/57, f. 71.

когда десятки тысяч мучаются в лагерях и тюрьмах, все патриоты-румыны должны приступить к созданию Национального единого фронта для разгрома фашистского захватчика»[97].

В начале 1942 г. издававшаяся в Банате подпольная коммунистическая газета «Ромыниа либера», отмечая 83-ю годовщину объединения румынских княжеств в единое государство, указала на героические традиции народной борьбы за свободу и национальную независимость и призвала все население области — румын, венгров и немцев объединиться против гитлеризма.

В тот день газета поместила на своих страницах обзор международных событий, отметив рост и укрепление антифашистских сил во всем мире. Она популяризировала платформу КПР от 6 сентября 1941 г., рассказала о выступлениях трудящихся за экономические и политические права, против расистской фашистской политики в рабочем вопросе, призвала население протестовать против режима физического истребления, господствовавшего в банатском лагере для советских военнопленных. «Честные тимишоарцы навечно покроют себя позором, если будут терпеть рядом с собой такое положение,— подчеркивала «Ромыниа либера».— Позор румынскому народу, если он не придет на помощь советским военнопленным, жертвам гитлеровского террора...»[98]

В этот период начал выходить также бюллетень Центрального Комитета КПР, а в январе 1943 г. еще одна коммунистическая газета с таким же названием, как и в Банате. Распространялись и другие нелегальные издания, в том числе «Бюлетинул капиталей», «Тынарул патриот» и др. Голос партии, звавший народ на борьбу, звучал через подпольную радиостанцию «Свободная Румыния». Большую и смелую работу по распространению многих тысяч коммунистических листовок вели шоферы и водители городского транспорта Бухареста, имевшие контакт с коммунистами гаражей и депо[99].

Подпольные газеты, многочисленные листовки и брошюры, печатавшиеся компартией, популяризировали цели антифашистской борьбы и предложения коммунистов по объединению патриотических сил, рассказывали о сопротивлении румынского народа, актах саботажа и диверсий. В течение всей войны КПР распространяла в стране печатные издания, содержавшие изложение приказов Советского Верховного Главнокомандования и другие материалы, из которых румынский народ узнавал о героической борьбе советского народа и его Советской Армии, о действительном положении на советско-германском фронте.

Коммунистическая антивоенная и антиправительственная пропаганда причиняла большое беспокойство фашистским властям. По сведениям сигуранцы, компартия подпольно отпечатала и распространила в период с апреля 1942 г. по апрель 1943 г. в Буха-

[97] Arhiva Inst., cota XXV-7, № 1119.
[98] «Romînia liberă», 24.I 1942.
[99] См.: «Scînteia», 9.VIII 1964.

ресте, Яссах, Тимишоаре, Констанце, Араде, Брашове, Лупени, Лугоже и других городах более 30 наименований различной антифашистской литературы. В Араде за один день было распространено 400 листовок с призывом к населению вести борьбу за немедленный выход из войны против СССР.

Патриоты отвечали на эти призывы смелыми действиями.

Одной из важных форм антифашистской борьбы являлись выступления рабочих за улучшение экономического положения.

Многочисленные трудовые конфликты и забастовки вспыхивали с самого начала антисоветской войны на предприятиях, производивших оружие, как, например, на заводах «Вольф», «Леметр» и «Арсенал» в Бухаресте, «Конкордия» в Плоешти и др. Осенью 1942 г. бастовали строители нефтепровода Черновода — Констанца, предназначенного для снабжения фронта горючим и смазочными материалами. Стачки имели место на плоештинском заводе «Узинеле ромыне», работавшем на армию, в карьере Сандулешть, поставлявшем сырье для химического завода «Солвей» в Турде.

Несмотря на военное положение и жесточайшие репрессии, не прекращали настойчивую борьбу против зверской эксплуатации и нищенских условий жизни шахтеры Валя Жиулуй. Только в августе 1942 г. из 10 558 занятых на шахтах этого района не выходили на работу 1332 человека, что привело, как сообщала полиция г. Петрошени, к дальнейшему падению добычи угля, «несмотря на все усилия увеличить ее».

В том же донесении признавалось, что «причинами являются плохое питание и физическая слабость обессилевших рабочих». Но фашистские власти с этим не посчитались. В августе 1943 г. распоряжением военного командования угольного бассейна Петрошени был введен 12-часовой рабочий день на шахтах. В знак протеста рабочие отказались спуститься в забои и потребовали улучшения снабжения и условий труда. Обстановка настолько обострилась, что властям пришлось для подавления сопротивления шахтеров направить в Валя Жиулуй дополнительно четыре роты жандармов.

Довольно частыми были рабочие конфликты в области Тимишоара. В декабре 1941 г. из речного порта Оршова были уволены многие рабочие, призывавшие своих товарищей к неподчинению. Рабочие обувной фабрики «Прима Банат» потребовали в марте 1942 г. увеличения заработной планы на 65%. В течение трех дней длилась забастовка в прядильном цехе текстильной фабрики «Текстила Арадяна», в которой участвовало 900 человек. Они потребовали повышения заработной платы, обеспечения топливом и одеждой по себестоимости. Администрации пришлось пойти на определенные уступки, и лишь после этого в цехе возобновилась работа.

В тот же период забастовало 154 рабочих стекольного завода в Северинском уезде, которым в течение двух месяцев не выпла-

чивали зарплату. Острый конфликт вспыхнул 2 сентября 1942 г. на фабрике «Астра» в Араде. Бросив станки, рабочие собрались во дворе предприятия и устроили митинг, требуя повышения заработной платы. Заставить их вернуться в цехи властям удалось лишь после того, как была арестована и отправлена в военный трибунал часть рабочих.

О множестве других подобных забастовок и конфликтов красноречиво свидетельствует весьма длинный их перечень, содержавшийся в докладе полицейской префектуры Тимишоары, озаглавленном «Эволюция рабочего вопроса в области в период с июля 1941 по сентябрь 1942 г.» [100]

Стачечное движение распространилось по всей стране. С июля 1941 г. по август 1942 г. происходили забастовки на строительстве железнодорожной линии Брашов—Сибиу, на шахтах «Мусариу» в Хунедоаре и «Валя Аркулуй» в Петриле. В апреле 1943 г. отказались работать ученики-шахтеры Аниины. 11 августа того же года объявила стачку большая группа рабочих фабрики «Сокотуб» в Брашове. Под руководством коммунистов на заводах «Леметр» и «Малакса» в Бухаресте, «Ферроэмайл» в Плоешти и других рабочие выступали против введения карцеров на предприятиях. Массовый характер принял отказ от подписки на заем, выпущенный Антонеску для продолжения войны [101]. Рабочие многих предприятий, в том числе «Фердинанд», «Марджиня» и «Фрации Фехер» в Решице, «Узинеле Теба» и «Астра» в Араде, на металлургическом заводе «Куджир», бастовали также против повышения налогов [102]. Переплетаясь с борьбой против гитлеризма, эти выступления носили ярко выраженный политический характер. Трудовые конфликты и забастовки рабочих подрывали усилия фашистских властей добиться роста продукции в интересах ведения войны [103].

В борьбе за свои права, против эксплуатации и лишений, вызванных войной, трудящиеся разных национальностей выступали совместно.

В этом отношении показателен пример рабочих заводов «Решица» — румын, венгров, немцев, хорватов и представителей других национальностей. Фашистские власти сеяли вражду между ними, стремясь не допустить их объединения в борьбе за общие интересы. Для этого, например, гитлеровцы создали на заводе фашистскую организацию «Дойче арбайтершафт румениенс» и с помощью предоставления материальных выгод и различных посулов пытались вовлечь в нее рабочих немцев.

Коммунисты сорвали замысел нацистов, разъяснив его коварную сущность. В результате даже те немецкие рабочие, которых

---

[100] См.: Arhiva Inst., dos. 33115/2950, vol. 16, f. 53, p. 1—4.
[101] См.: Arhiva MFA, dos. 225/24, ff. 228, 346, 404, 406.
[102] См.: «Scînteia», 9.VIII 1964.
[103] «Studii», 1964, N 4, p. 16.

обманным путем или насильно записали в эту организацию, вскоре стали покидать ее, не желая, чтобы их приравнивали к гитлеровцам. Военный директор заводов в секретном докладе был вынужден признать, что «как румынские, так и немецкие рабочие хотят *иметь общую организацию*». И они добились ее создания. Это была легальная организация «Казина ромына», объявившая своей целью культурно-экономическую деятельность и объединившая 1400 рабочих различных национальностей, что позволило коммунистам усилить свое влияние на предприятии.

Всесторонняя оценка значения экономической борьбы румынского пролетариата для подрыва фашистского военного производства крайне затруднена в связи с отсутствием достаточно полных статистических данных о рабочих конфликтах и забастовках в Румынии в годы войны. Однако определенное представление о ней дают подсчеты румынских исследователей по отдельным отраслям и промышленным центрам. В Галаце и Брэиле, например, хотя там находились значительные силы немецких и румынских фашистских войск, за 1941—1944 гг. произошло 183 рабочих конфликта, в которых участвовало более 54 тыс. человек, и 39 забастовок, охвативших 12 837 человек, в результате было потеряно более 30 тыс. человеко-дней [104].

Так было и во многих других промышленных центрах, в том числе и на заводах, выполнявших заказы для армии. Об этом можно судить по тому, что в конце 1943 г. румынский генеральный штаб издал специальный приказ, в котором требовал от директоров военных предприятий усилить меры борьбы с «непослушанием» рабочих.

Одновременно с выступлениями против бесчеловечной эксплуатации и политического бесправия коммунисты организовывали саботаж военного производства.

На заводе «Леметр» были созданы специальные группы, портившие военную продукцию, в частности снаряды, многие из которых не взрывались после выстрела. На авиационном предприятии «ИАР» в Брашове в результате саботажа уменьшился выпуск самолетов. Рабочие бухарестской фабрики «Индустриа текстила» поставили армии значительное количество ткани низкого качества, оказавшейся непригодной для изготовления парашютов. На фабрике «Акта» в результате саботажа на шесть месяцев было задержано выполнение заказа для противовоздушной обороны, а когда, наконец, эту продукцию изготовили, выяснилось, что в ней более 20 тыс. дефектных деталей.

Такие случаи были нередкими и на заводах «Арсенал», «Малакса», «Вольф». Выпуск изделий с дефектами, которые было трудно обнаружить, привел, в частности, к тому, что военные корабли «Марашешть», «Реджина Мария» и другие, а также

---

[104] «Analele», 1963, N 4, p. 75.

подводная лодка «Дельфин» долго не могли покинуть верфи Констанцы. Значительные размеры принял саботаж в нефтепромысловом районе, способствовавший падению добычи нефти.

Железнодорожники Бухареста, Плоешти, Брашова, Тимишоары, Симерии, Арада и других станций вызывали самозагорание букс, что приводило к вынужденным простоям воинских эшелонов. На станции Николина 11 марта 1942 г. сошло с пути два немецких поезда, в результате чего задержалась перевозка грузов, предназначенных для фронта. 13 сентября того же года произошло столкновение поездов на станции Сокола, а 3 ноября 1942 г.— крушение в Подул Илоаей, которые прервали на довольно значительное время транспортировку на фронт оружия, снаряжения и войск.

Патриоты под руководством коммунистов организовывали нападения на военные объекты. В июле 1942 г. взлетел в воздух военный склад в окрестностях Бузэу. Взрывом было уничтожено более 200 вагонов снаряжения для армии и несколько сот цистерн авиационного бензина. Большое количество военного имущества и боеприпасов сгорело во время пожара в арсенале Тырговиште. Подобные диверсии были организованы также в Пятра-Нямц, в Валя Жиулуй и других местах. Патриотами была разрушена фабрика «Акила», производившая понтоны для нужд армии. Осенью 1942 г. в порту Джурджу загорелось 6 танкеров с нефтью, подготовленных к отправке в Германию.

Не находя виновных, полицейские власти, чтобы скрыть свою беспомощность, уверяли, что часто возникавшие пожары — результат халатности, случайного стечения обстоятельств и т. п. Но подобные объяснения не могли удовлетворить фашистского диктатора. Так, получив донесение о пожаре на складе завода противотанковых мин «Могошоайя», И. Антонеску наложил следующую резолюцию: «Пожары на продовольственных и военных складах учащаются. Нет нужды доказывать, что эта работа организуется и направляется» [105].

Румынские патриоты нарушали линии связи. В ночь на 21 августа 1943 г. был перерезан телефонный кабель, обеспечивавший германскому командованию связь на участке Бакэу — Роман — Яссы. Штаб немецкой авиации в Румынии отмечал в том же месяце «многочисленные случаи саботажа телефонной связи авиации», в частности разрыв кабеля между Плоешти и Тыргушорул Ноу [106].

В условиях, когда в стране не развернулась вооруженная борьба против гитлеровцев и не было партизанского движения, саботаж являлся главным орудием в руках патриотов-антифашистов. С его помощью они наносили чувствительные удары по гитлеровской военной машине и фашистскому режиму в Румы-

---

[105] «Scînteia», 31.VII 1964.
[106] См.: Arhiva MAE, fond Germania, vol. 83, nota din 23.VIII 1943.

нии. По признанию румынских репрессивных органов, саботаж стал «ужасным оружием в руках рабочих» [107].

Сопротивление фашистскому режиму, втянувшему страну в гибельную войну, оказывало также крестьянство. Крестьяне выступали за прекращение войны, которая принесла им неслыханные лишения и страдания. Они отказывались платить налоги, работать на полях помещиков, саботировали заготовку сельскохозяйственных продуктов, прятали скот, зарывали зерно в землю, предпочитая сгноить его, чем отдать фашистским властям.

Эта форма сопротивления приняла столь массовый характер, что правительство Антонеску начало во всеуслышание угрожать крестьянам. Радио Бухареста неоднократно объявляло, что виновные в несдаче или сокрытии урожая будут подвергнуты тюремному заключению, а обнаруженное зерно конфисковано.

Но угрозы не действовали. Один сельский житель так выразил настроения крестьян: «Мы решили больше ничего не давать. Ни одно зернышко не должно уйти из села. Все будет спрятано. Мы хотим, чтобы ели наши дети, а не убийцы-немцы, которые завоевали все страны. Мы хотим мира, ибо нам нечего делать в войне, которая не является нашей» [108].

Непосредственно работая в деревне или действуя через «Фронт земледельцев», коммунисты организовывали борьбу сельских тружеников против произвола властей, втягивали местные организации «исторических» партий в антифашистскую борьбу. Крестьяне все решительнее защищали свое имущество, открыто выступая против реквизиций.

В деревне Куртичь они напали на вагоны с собранными для отправки в Германию продуктами. В Пьятра (Молдова) ими была подожжена сельская мельница, моловшая зерно для германской армии. Выражением протеста крестьян против войны было и укрывательство дезертиров. Подводя итоги обследования настроений жителей деревень уезда Праховы, полицейские власти доносили: «Крестьяне начинают проявлять классовое сознание и враждебность к государственному порядку, употребляют в разговоре слова из лексикона коммунистов, что свидетельствует о коммунистической пропаганде среди крестьянства» [109].

В условиях, когда румынская армия использовалась в качестве пушечного мяса в гитлеровской войне, одной из главных форм, в которых проявлялось сопротивление населения политике германского фашизма и его румынских прислужников, как уже отмечено, было дезертирство из армии, уклонение от призыва и отправки на советско-германский фронт. Документы того времени показывают, что эта форма сопротивления приняла значительные размеры. Число сбежавших с фронта или неявившихся в части по призывным повесткам росло с каждым месяцем и годом войны.

---

[107] Arhiva CC al PCR, fond 5, dos. 840, f. 74.
[108] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 304, л. 3.
[109] «România liberă», 6.V 1943.

С июня 1941 г. по июнь 1944 г. за дезертирство и неявку по мобилизации было осуждено военными трибуналами более 86 тыс. человек. Но это те, кого властям удалось задержать. Вряд ли меньше было тех, кто сумел укрыться с помощью населения. Такое предположение подтверждают многие факты, свидетельствующие о массовом дезертирстве. В октябре 1942 г. только на призывной пункт г. Сибиу не явилось 4062 человека, а в первой половине 1943 г. общее число уклонившихся от призыва достигло нескольких десятков тысяч. Так, за полгода в части 1-й армии не явилось 14 127 призванных, а в 5-й территориальный корпус еще больше— 24 822 человека [110].

Составной частью румынского движения сопротивления являлось антифашистское движение среди румынских военнопленных, находившихся в Советском Союзе. Оно возникло еще в 1941—1942 гг. и приобрело большой размах после наступления коренного перелома в войне. Как известно, в ходе боев войска Советской Армии взяли в плен много румынских солдат и офицеров. Среди них велась большая разъяснительная работа, в которой участвовали румынские коммунисты-политэмигранты, проживавшие в СССР, а также румынские солдаты и офицеры, перешедшие на сторону Советской Армии. Увидев жизнь советских людей и почувствовав гуманное отношение к себе, военнопленные поняли, как жестоко были они обмануты фашистской пропагандой. Важную роль в политической работе среди военнопленных играла газета «Грайул либер» («Свободное слово»), начавшая выходить с середины 1942 г.

На конференции румынских военнопленных в начале 1942 года было высказано пожелание способствовать немедленному прекращению Румынией войны против СССР и принято обращение к румынскому народу и армии, призывавшее покончить с агрессией против СССР. В нем, в частности, говорилось: «Если нападение Румынии на Советский Союз было тяжким преступлением, то во сто крат большим преступлением является дальнейшее продолжение этой бессмысленной войны» [111].

Под влиянием разъяснительной работы и исторических побед Советской Армии среди румынских военнопленных зрело решение с оружием в руках сражаться против гитлеровцев за освобождение своей страны. Уже в конце 1942 г. тысячи из них обращались с просьбами разрешить им вступить в ряды Советской Армии 2 февраля 1943 г. 2700 солдат и 43 офицера из числа румынских военнопленных направили советскому командованию коллективный рапорт о посылке их на фронт для вооруженной борьбы против немецко-фашистских поработителей.

В сентябре того же года в Красногорске, под Москвой, состоялась еще одна конференция румынских военнопленных. Ее

---

[110] «Scînteia» 31.VII 1964.
[111] «Правда», 1942, 25 января.

участники единодушно решили просить разрешения на формирование добровольческих румынских частей.

В своем письме на имя главы Советского правительства они заявили: «Блестящие победы Советской Армии над войсками немецко-фашистских поработителей приближают триумф демократии над черными силами реакции и фашизма и со всей ясностью показывают, что теперь настал решительный момент, когда все румынские патриоты, желающие видеть свою страну свободной и независимой, должны бороться за немедленный выход Румынии из войны и изгнание немецких оккупантов из страны. Мы твердо убеждены, что борьба с оружием в руках является в настоящей ситуации наилучшей помощью, которую мы можем оказать нашему народу» [112].

Таким образом, программа действий румынских патриотов-военнопленных совпадала с основными требованиями выдвинутой компартией Румынии платформы патриотического антигитлеровского фронта, включавшими совместную с антигитлеровской коалицией борьбу против фашистской Германии, освобождение страны от гитлеровского ига и восстановление ее свободы и национальной независимости, свержение фашистского режима Антонеску.

Советское правительство удовлетворило просьбу румынских военнопленных, разрешив им формирование добровольческой дивизии и взяв на себя все связанные с этим расходы. Вскоре началось комплектование соединения. Оно было названо именем Тудора Владимиреску, руководителя народного восстания в Румынии в начале XIX в. 90% солдат и 15% офицеров из числа румынских военнопленных сразу же выразили желание вступить в добровольческую дивизию. Завершив боевую подготовку, она весной 1944 г. вошла в состав 2-го Украинского фронта и в дальнейшем участвовала в освобождении своей страны и в разгроме гитлеровской Германии.

Ярким выражением антифашистских настроений румынского народа явилось также проявление солидарности и оказание помощи советским военнопленным. Фашистские власти создали для них невыносимые условия. В Тимишоарском лагере, например, только за несколько месяцев погибло от голода и холода более 2 тыс. человек.

Когда об этом стало известно, Банатский областной комитет КПР через подпольную газету «Апэраря» обратился к населению с призывом выступить в защиту советских военнопленных. «Жители Баната! — говорилось в обращении.— С румынскими солдатами, взятыми в плен на Восточном фронте, обращаются по-человечески. Неужели вы будете терпеть, чтоб с советскими военнопленными, которые сражались и за вашу свободу, герои-

---

[112] Participarea armatei române alături de Armata Sovietică în luptele împotriva cotropitorilor hitlerişti. Bucureşti, 1954, p. 15.

чески защищая свою родину от нацистских захватчиков, обращались как с собаками?» Коммунисты заводов Решицы привлекли к оказанию помощи советским военнопленным, работавшим на предприятиях, значительное число людей. В октябре 1942 г. группа решицких рабочих завязала драку с жандармами, истязавшими военнопленного, и обратила их в бегство. После этого случая официально было запрещено избивать пленных на производстве, чтобы «не раздражать рабочих»[113].

Из долины Жиу полиция летом 1942 г. доносила, что присланные для работы русские пленные «были хорошо приняты рабочими», и отмечала в этой связи, что последние проявляли явные симпатии к коммунистическому движению. Власти также выражали беспокойство по поводу «ежедневных контактов советских военнопленных с рабочей массой, которая в большинстве своем склоняется к коммунистическому течению»[114].

Румынские антифашисты оказывали помощь и тем военнопленным, которых не выпускали за пределы лагерей. Как сообщило 9 декабря 1942 г. главное управление полиции, в Решице и в шахтерских поселках уезда Караш были произведены аресты рабочих, которые «тайком передавали русским пленным продовольствие, одежду и деньги»[115]. Было передано суду и несколько шахтеров, подозревавшихся в том, что они помогли военнопленным бежать. Отмечались случаи совместных выступлений румынских рабочих и советских военнопленных против жестокой эксплуатации. Так, в конце января 1943 г. два дня бастовало 200 румынских рабочих и 70 советских пленных, работавших в каменных карьерах завода «Солвей» в г. Турда[116].

В тесном контакте с компартией вел борьбу против фашизма и войны «Фронт земледельцев», руководимый выдающимся политическим деятелем и горячим патриотом доктором Петру Гроза. Организации этого фронта пользовались большим влиянием среди крестьян областей Хунедоара, Клуж и Тимиш-Торонтал. Они популяризировали цели антифашистской борьбы и организовывали выступления крестьян против военных поборов и произвола фашистских властей.

Линии антифашистской платформы, предложенной компартией 6 сентября 1941 г., придерживались в своей деятельности социально-крестьянская партия, возглавляемая известным политическим деятелем и философом Михаилом Раля, и организация венгерских трудящихся в Румынии МАДОС.

Действуя совместно с ними, компартия добивалась объединения всех патриотических антифашистских сил в единый фронт.

В начале 1942 г. под руководством КПР был создан подпольный «Союз патриотов», который, как говорилось в его програм-

---

113 «Studii», 1960, N 3, p. 43.
114 «Studii», 1964, N 1, p. 19.
115 См.: Arhiva CC al PCR, dos. 33076—2793, vol. 32, p. 00609.
116 См.: «Analele», 1963, N 3, p. 128.

ме, ставил целью создание широкого национального патриотического фронта для «изгнания немцев из страны, свержения правительства Антонеску, предающего национальные интересы, формирования подлинно национального правительства, прекращения войны и заключения сепаратного мира с Советским Союзом, отмены венского диктата». Помимо этих антифашистских организаций, существовала еще одна — «Патриотическая защита», которая привлекала массы к действиям по защите борцов-антифашистов, заключенных в тюрьмы и лагеря.

Деятельность компартии по организации национального патриотического фронта борьбы против гитлеризма и антисоветской войны встретила сопротивление со стороны руководства ряда нефашистских партий Румынии.

Правосоциалистические лидеры оставляли без ответа неоднократные предложения и обращения КПР о единстве действий двух рабочих партий. Отказываясь от сотрудничества с коммунистами, они держали равнение на буржуазно-помещичьи партии, тормозившие развитие антифашистской борьбы в стране. Переговоры между компартией и социал-демократической партией по этому вопросу в 1942 г. окончились безуспешно: руководство последней отклонило предложение коммунистов о создании единого рабочего фронта, который мог стать ядром антигитлеровского фронта в стране и объединить вокруг себя все патриотические и антифашистские силы.

Учитывая общенациональные цели антифашистского фронта, КПР добивалась участия в нем тех представителей буржуазных кругов Румынии, которые продолжали сохранять политические и другие связи с правящими кругами ряда стран антигитлеровской коалиции. Сразу же после начала антисоветской войны Компартия обратилась с соответствующим призывом к лидерам национал-царанистской и национал-либеральной партий. При этом она руководствовалась тем, что их присоединение к фронту национального освобождения румынского народа облегчило бы мобилизацию на антифашистскую борьбу части населения, находившейся под влиянием этих партий.

Лидеры «исторических» партий, как показано выше, содействовали установлению военно-фашистского режима. Они активно поддержали и его политику участия в гитлеровской войне против СССР. И. Антонеску не смог бы ввергнуть Румынию в эту войну, указывается в обвинительном заключении по делу главных румынских военных преступников, «если бы не имел то открытой и официальной поддержки, то молчаливого согласия и скрытого поощрения со стороны руководителей «исторических» партий» [117].

Они выделили в распоряжение диктатора своих людей, которые заняли видные посты в фашистском правительстве и активно участвовали в антисоветской агрессии.

[117] Procesul marii trădări naţionale, p. 216.

Отношение «исторических» партий к гитлеровской войне было подчеркнуто и тем фактом, что их видные деятели И. Михалаке и Г. Брэтиану демонстративно отправились добровольцами на советско-германский фронт, явно стремясь показать пример своим приверженцам. Кстати, фашисты не замедлили их вознаградить: в поместье И. Михалаке были присланы военнопленные для использования на сельскохозяйственных работах, а Г. Брэтиану получил от Гитлера Железный крест за заслуги перед рейхом. Остается добавить, что когда германская миссия в Румынии обсуждала в связи с болезнью И. Антонеску кандидатуры его возможных преемников, посланник Киллингер назвал в их числе и Г. Брэтиану.

Воинственное поведение последнего, как и И. Михалаке, определялось линией руководителей обеих буржуазно-помещичьих партий в отношении войны против СССР, в поддержку которой они высказались открыто. Так, сразу же после ее начала Ю. Маниу направил своим сторонникам циркуляр, в котором говорилось: «Национал-царанистская партия одобряет предпринятую военную акцию... Не следует чинить никаких трудностей руководителю государства»[118].

Таким образом, война сорвала маску с «исторических» партий, показав их истинное лицо. Солидарность с фашистской диктатурой Антонеску, проявленная руководством этих партий, имела своей базой классовые интересы румынской буржуазии и помещиков, совпадавшие с расчетами всей мировой реакции на уничтожение социалистического государства вооруженными до зубов полчищами германских фашистов.

В антисоветской войне румынская монополистическая верхушка видела также возможность быстрого обогащения. В связи с этим она с головой окунулась в бизнес, связанный с военным производством, экспортом в Германию и спекуляцией на внутреннем рынке товарами широкого потребления, приносивший ей огромные доходы, рост которых находился в прямой связи с катастрофическим ухудшением материального положения трудящихся масс. Это полностью относится к буржуазно-помещичьим кругам, группировавшимся вокруг «исторических» партий.

Так, главным акционером и председателем правления «Банка ромыняска», о колоссальных прибылях которого говорилось выше, был не кто иной, как лидер национал-либералов Д. Брэтиану. Банк этот являлся одним из активнейших пособников фашистского режима в деле содействия разграблению страны гитлеровцами. Д. Брэтиану даже хвастался на общем собрании акционеров в феврале 1943 г. тем, что в данном отношении «банком сделано в прошедшем году больше, чем позволял его капитал, и это является достаточным доказательством добрых намерений», т. е. готовности и дальше действовать в таком же духе.

[118] *Tuţui Gh., Popescu Al.* Zbrobiţi de popor. Bucureşti, 1959, p. 15—16.

Представители «исторических» партий играли важную роль в руководстве металлургической и химической промышленностью, состояли в административных советах румыно-германских акционерных обществ, выступая партнерами гитлеровцев в эксплуатации и ограблении румынского народа. Генеральный секретарь национал-царанистской партии Гица Поп являлся председателем административного совета акционерного общества «Валленберг» и представлял в Румынии интересы других германских трестов, в том числе «Бауэрише моторенверке Мюнхен» (БМВ), «Ганс Ллойд», «Голиаф верке». Другой генеральный секретарь этой партии, Ион Худице, был коммерческим представителем немецких фирм «Авто-юнион», «Бюссинг-И. А. Г.», мотоциклетного завода «ДКВ», велосипедного завода «Бреннабор» и др., а также председателем административного совета компании «Гаражеле Михаеску», обслуживавшей германские войска.

Делая вместе с И. Антонеску ставку на уничтожение гитлеровцами Советского Союза, эти лидеры в отличие от него считали, что конечную победу во второй мировой войне одержит не германский империализм, а англо-американский. В сущности такая позиция была отражением военно-политической концепции западных держав, рассчитывавших добиться своих целей в результате взаимного истощения СССР и Германии в ходе войны. Лидеры румынских буржуазно-помещичьих партий хотели извлечь для себя выгоды из сотрудничества с гитлеровцами в период их успехов в антисоветской агрессии и подготовить почву для перехода в нужный момент на сторону западных держав.

Уже в июне 1941 г. К. Аржетояну после беседы с вице-председателем национал-царанистской партии М. Поповичем записал в своем дневнике следующее: «Маниу стоит непреклонно на своей точке зрения: победит Англия. Он готовит себя ко дню этой победы, однако считает, что до тех пор, пока не переправимся через реку (Прут.— *Н. Л.*) с немцами, невозможно никакое другое правительство, кроме правительства Антонеску. Поэтому следует не затруднять, а помогать ему, но только косвенно, извне, не устанавливая прямого контакта и не разделяя с ним ответственности... Барон де Топловени (насмешливое прозвище, данное Иону Михалаке автором дневника.— *Н. Л.*) считает, что до победы англичан необходимо ликвидировать вопрос с русскими, а это возможно только с помощью немцев» [119].

Любопытно, что по-своему разделял эту точку зрения и И. Антонеску. Правда, он верил, что гитлеровская Германия не только уничтожит Советский Союз, но и сумеет отстоять завоеванное в борьбе с западными державами, однако допускал возможность полюбовного соглашения между ними и Гитлером. Поэтому «кондукэторул» хотел обеспечить и себе выгодное место в предполагаемой будущей расстановке сил и наряду с укреплением румыно-

[119] Arhiva CC al PCR, fond 104, Memorii lui Argetoianu C., f. 9446.

германского союза втайне от гитлеровцев содействовал установлению «предварительных» контактов с англичанами.

В результате еще до нападения на СССР между Антонеску и лидерами буржуазио-помещичьих партий было достигнуто соглашение по этому вопросу. Маниу и Брэтиану обязались поддерживать политику фашистского диктатора и лишь ему высказывать свои «возражения» в виде тех или иных пожеланий, а он согласился не препятствовать их связям с англичанами. Так, лидеры «исторических» партий по существу стали опорой румыно-германского агрессивного союза и одновременно связующим звеном между ним и западными державами. Контакт с британским правительством, по свидетельству вице-маршала авиации Артура Голд Ли, поддерживал через Каир Ю. Маниу, используя радиоаппаратуру, которую ему специально для этой цели оставили английские дипломатические представители в феврале 1941 г., когда они покидали Румынию[120].

Руководители национал-царанистской и национал-либеральной партий рассматривали себя в качестве резерва господствующих классов Румынии на случай возможного поражения гитлеровцев и необходимости устранить фашистское правительство Антонеску. И «кондукэторул» не только знал, но и одобрял эту позицию. В одном из меморандумов на его имя они так и заявляли: «Сохранение резервных сил повелительно необходимо не только в военных, но и в политических действиях»[121]. Антонеску со своей стороны из тех же соображений дал согласие на то, чтобы они создавали видимость оппозиции правительству.

О характере этих взаимоотношений можно судить, например, по высказыванию И. Антонеску в беседе с руководителями национал-царанистов в июне 1941 г. «Вы правы,— сказал он, выслушав своих собеседников.— И хотя я верю на 90% в окончательную германскую победу, я не имею мысли уничтожить возможный резерв для политики, противоположной той, которой я служу. Доказательством тому является то, что, несмотря на наличие декрета о смертной казни для лиц, занимающихся политикой, я приглашаю всех позавтракать».

Сделка между лидерами «исторических» партий и фашистским диктатором не помешала ему внимательно следить за их деятельностью. Но как ни старалась сигуранца, она так и не обнаружила никаких антиправительственных действий «оппозиции». Более того, фашистская секретная служба, например, в августе 1941 г. докладывала: «Ни один из бывших политиков не поднял голоса против акции господина генерала Антонеску (имелось в виду участие в войне против СССР.— *Н. Л.*), напротив, все они одобряют его акцию»[122].

---

[120] *Lee A. G.* Crown Against the Sickle. London, 1949, p. 59.
[121] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8174, f. 49.
[122] Arhiva MFA, dos. 305/144, f. 967.

Как и было условлено, вся «оппозиционная» деятельность руководства национал-царанистской и национал-либеральной партий свелась к посылке меморандумов на имя диктатора, в которых высказывались различные пожелания.

Ю. Маниу в своих письмах И. Антонеску от 11 и 18 июля 1941 г. призывал вести борьбу «за великую Румынию со всеми ее провинциями». Вместе с тем он явно страшился внутриполитических последствий антисоветской войны и рекомендовал «самым жестоким образом немедленно и на месте подавлять все случаи восстания и национального предательства», т. е. усилить террор в отношении коммунистов, выступавших против захватнических устремлений правящих кругов.

Тревогой по поводу возможных массовых волнений в стране был в значительной мере продиктован и совет Маниу не посылать румынские войска дальше Днестра. «Необходимо,— писал он,— беречь нашу армию для разрешения собственных великих и многих задач, для грядущих трагических дней». Кроме того, переход за Днестр и «приобретение» там новых территорий, считал Маниу, могли быть расценены хортистским правительством Венгрии как компенсация Румынии за потерю Северной Трансильвании. «Венгерское общественное мнение и его руководители,— писал он,— распространяют идею, что жизненное пространство Румынии лежит на восток от Карпат, а Венгрии — в западной части Карпат. Нельзя допустить, чтобы мы подкрепляли аргументы и мотивы, преследующие цель выбросить нас из Трансильвании» [123].

Антонеску оставил эту рекомендацию без внимания.

Тогда Маниу снова написал ему письмо, в котором, как отмечал в своем дневнике Аржетояну, заявил, что «переход румынскими войсками Днестра был ошибкой». Подчеркнув, что такое замечание сделало и лондонское радио, он указывал «...Ни в коем случае не следует оккупировать и сохранять клочок земли за Днестром». К своим прежним аргументам он добавил, что не следует «сердить западные демократии, не следует провоцировать Англию». В упомянутом дневнике также отмечалось: «Маниу убежден, мир будет заключен скоро (осенью!), и это будет компромиссный мир. Маниу также убежден, что после мира будет революция почти во всех странах... Нужно сохранить нашу армию нетронутой...» [124]

Меморандумы руководителей буржуазно-помещичьих партий предназначались не только генералу Антонеску. Маниу и Брэтиану старались заранее запастись «документами», которые в случае необходимости можно было бы использовать для того, чтобы в нужный момент выступить перед румынским и мировым общественным мнением в роли борцов за демократию и патрио-

---

[123] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 336, оп. 156, лл. 51, 52, 64.
[124] Arhiva CC al PCR, fond 104, Memorii lui Argetoianu C. ff. 9701—9702.

тов своей страны. Именно этим объяснялись некоторые критические высказывания лидеров «исторических» партий по поводу отдельных аспектов политики военно-фашистской диктатуры. Тон и степень подобной критики повышались по мере того, как затягивалась война, умножая бедствия и страдания румынского народа.

Показательно в этом отношении письмо к Антонеску, написанное 8 ноября 1941 г., т. е. после того, как стали известны провал первого наступления гитлеровцев на Москву и огромные потери, понесенные румынскими войсками на Украине, особенно под Одессой. И вот Маниу в своем новом послании диктатору, с одной стороны, от имени своей партии одобрял военные действия для «освобождения румынского элемента», а с другой — «сожалел» об их продолжении за пределами «естественных границ» и «об ослаблении румынской военной мощи, вызванной этими операциями»[125].

У лидеров «исторических» партий появился еще один повод для критики правительства Антонеску после того, как Румыния оказалась в состоянии войны с Англией и Соединенными Штатами. Поскольку одновременно продолжался процесс укрепления антигитлеровской коалиции во главе с СССР, а немецко-фашистские войска потерпели сокрушительный разгром под Москвой, лидеры «исторических» партий забеспокоились не на шутку. Теряя веру в победу гитлеровцев над Советским Союзом, они стали высказываться за прекращение войны и отвод румынской армии с советско-германского фронта. По их мнению, теперь, после захвата обширных советских территорий, следовало направить основные усилия на возвращение Северной Трансильвании.

Отчасти эту точку зрения разделял и король Михай. Еще 24 января 1942 г. он встретился в своем дворце с группой лидеров «исторических» партий и заявил им, что необходимо получить от Германии гарантию возвращения Северной Трансильвании и что только в этом случае можно послать новые войска на советско-германский фронт. Таким образом, хотя он и соглашался продолжать антисоветскую войну, но при определенном условии, что означало появление расхождений между его позицией и политикой Антонеску. Недовольство линией «кондукэторула» в вопросе о продолжении войны усилилось и в военных кругах[126].

В январе 1942 г. Маниу и Брэтиану направили Антонеску новый меморандум, в котором прямо поставили вопрос: «Во имя чего продолжать войну? Есть ли у нас какой-либо письменный документ, наподобие того, который постарался получить Ион Брэтиану перед вступлением в мировую войну на стороне Франции, Англии и России, документ, который обеспечи-

---

[125] ИДА, ф. Письмо Ю. Маниу И. Антонеску от 8 ноября 1941 г.
[126] См.: ИДА, ф. Военный кабинет, д. 305, лл. 73—76.

вал бы нам возвращение Трансильвании?» Продолжение войны при таких условиях, заявлялось далее, приведет лишь к тому, что страна окажется бессильной защитить себя. В меморандуме предлагалось информировать Германию, что Румыния сделала все, что могла, принесла такие жертвы, на которые не пошли ни Венгрия, ни Болгария, и что она не может, не подвергая себя серьезной опасности, продолжать участвовать в войне на Востоке [127].

В целом, следовательно, разногласия между фашистским диктатором и национал-царанистскими и национал-либеральными лидерами сводились к различию во внешнеполитической ориентации. И хотя они не выходили за рамки келейных разговоров, тем не менее противоречия эти усиливались, и их не могли не учитывать румынские коммунисты, стремившиеся объединить на платформе антигитлеровской борьбы все национальные силы.

Поэтому уже 26 января 1942 г. компартия обратилась к Маниу с предложением создать единый национальный фронт. Но лидер национал-царанистов не собирался сотрудничать с коммунистами и быстро нашел предлог для этого. Он заявил, что в принципе согласен с платформой КПР от 6 сентября 1941 г. и желает лишь дополнить ее требованием «признания присоединения Бессарабии и Буковины к Румынии».

Это была явная провокация, имевшая целью сорвать сотрудничество с компартией и другими организациями, стоявшими на антифашистских, демократических позициях и выступавшими против захватнической политики господствующих классов Румынии. Более того, не желая в действительности вести борьбу за прекращение войны и свержение фашистской диктатуры, Маниу выдвинул свое «добавление» с тем, чтобы получить возможность представить дело так, что созданию антигитлеровского фронта мешает позиция коммунистов, которые не соглашаются с «национальным требованием».

Продолжая маневрировать, Маниу летом того же года через активиста организации «Патриотическая защита» изложил компартии свою позицию, сводившуюся к следующим четырем пунктам: 1) ведение войны против СССР — катастрофа для Румынии; 2) германская победа была бы для Румынии еще большей катастрофой, чем сама война; 3) правительство, ведущее страну к катастрофе, необходимо устранить: 4) Антонеску невозможно убедить сменить политику, время уговоров прошло, и настало время действий. При этом Маниу подчеркнул свою «готовность сотрудничать со всеми партиями, стоящими на этой политической базе, в особенности с компартией Румынии».

Все это можно было бы принять за чистую монету, если бы не заключительная часть заявления Маниу, представлявшая со-

---

[127] Documents on International Affairs. 1939—1946, vol. II; Hitler's Europe. London, 1954, p. 327.

бой очередную провокацию. Так, он уверял, что расхождения идеологические и по вопросу о Бессарабии и Буковине не могли бы ему помешать сотрудничать с коммунистами в деле освобождения страны от немцев, вывода Румынии из войны и свержения режима Антонеску, но требовал, чтобы эти расхождения были предварительно доведены до сведения общественности страны [128].

Подобная тактика национал-царанистского лидера объяснялась развитием внутренней и международной обстановки. С одной стороны, растущее в стране недовольство политикой Антонеску заставляло буржуазную «оппозицию» высказываться за объединение патриотических сил для больбы против продолжения войны, с другой — заключение между СССР и Великобританией в мае 1942 г. договора о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны показало несостоятельность расчетов на непрочность антифашистской коалиции. На Советский Союз возлагала свои надежды на спасение Англия, и Маниу, давний приверженец британского империализма, не мог не считаться с этим.

Но ни вступать в борьбу с фашистским режимом, ни тем более действовать совместно с коммунистами он не хотел. Напротив, предлагая довести до сведения общественности свои расхождения с компартией, он надеялся таким образом оттолкнуть от нее определенную часть населения и сорвать создание широкого патриотического фронта, оказав тем самым услугу правительству Антонеску.

И, конечно, просчитался. Ибо коммунистам нечего было бояться общественности, они открыто говорили и о своих идейных принципах, и о позиции в отношении преступного захвата советских территорий, снискав именно этим симпатии и поддержку широких масс. К ним КПР обратилась и на этот раз, разоблачив новый маневр Маниу как проявление все той же политики подрыва антифашистского движения, которую проводили лидеры буржуазно-помещичьих партий.

В листовке «К румынскому народу» компартия вскрыла подлинную сущность «оппозиционной» деятельности Маниу и Брэтиану, сводившуюся к посылке меморандумов на имя Антонеску. Указав, что подобными средствами «цели не достигнешь», КПР заявляла: «Фальшивые пророки под маской дружбы с Англией занимают антисоветскую позицию, пытаясь удержать народ от борьбы за прекращение войны против СССР». Листовка содержала призыв к рядовым членам «исторических» партий потребовать от своих лидеров перехода к активным действиям. В ней говорилось: «Не следуйте за теми, кто удерживает вас от борьбы... Национал-царанистская, национал-либеральная, социал-демократическая и коммунистическая партии, все патриоти-

[128] См.: Arhiva CC al PCR, fond 1, dos. 7950, f. 1.

ские организации и ассоциации должны объединиться в патриотический антигитлеровский фронт народа»[129].

Национал-царанистские руководители подтвердили свою прежнюю позицию, вновь заявив, что согласятся на совместные с компартией действия лишь в том случае, если она выскажется в пользу румыно-советской границы 1939 г., т. е. одобрит захват советских территорий.

КПР в письме от 20 декабря 1942 г. решительно отвергла это требование, подчеркнув, что оно неправомерно и к тому же нереально, поскольку «и международное положение Румынии, являющейся государством-агрессором, союзником Гитлера, и внутреннее положение ухудшились». Компартия также предупредила, что колебания в деле объединения антигитлеровских сил отягчат ответственность перед народом за политику отделения его от антифашистской коалиции, возглавляемой Советским Союзом. «Наша партия,— говорилось в письме,— руководствуется интересами рабочего класса Румынии и всего румынского народа, а эти интересы требуют вести борьбу рядом с другими свободолюбивыми народами за общее великое дело освобождения от гитлеровской тирании»[130].

Отказываясь от сотрудничества с компартией, Маниу и его сообщники надеялись таким образом изолировать ее от мелкобуржуазных и других слоев, находившихся под влиянием «исторических» партий, помешать вовлечению этой части населения в антифашистскую борьбу под руководством КПР.

Чтобы положить конец этой тактике, компартия попыталась достичь соглашения с руководством буржуазно-помещичьих партий о единстве действий хотя бы в решении тех задач, которые были сформулированы ими самими. В январе 1943 г. она направила Маниу следующее предложение: «Вопрос о Бессарабии и Северной Буковине разделяет нас; вы не можете требовать от нас принятия вашей точки зрения, мы также не требуем принятия нашей, зафиксированной в нашей платформе от 6 сентября 1941 г. Но это не может препятствовать совместной борьбе против общего врага — гитлеровской Германии и предательского режима Антонеску в момент, когда находится под вопросом само существование нашего народа. Своими меморандумами и бюллетенями вы требовали отвода румынской армии с советского фронта до границ Бессарабии и Буковины. Мы заявляем о том, что поддержим вас в этом действии»[131].

Но и после этого Маниу не захотел действовать совместно с коммунистами, тем самым показав свое нежелание вести не на словах, а на деле борьбу за спасение румынского народа. Руководство национал-царанистской партии даже отказалось сделать совместно с компартией заявление о солидарности с «Атланти-

[129] Documente din istoria partidului comunist din Romînia, p. 343.
[130] Arhiva Inst., cota XXVI-9, inv. 1133.
[131] Arhiva CC al PCR, fond I, dos. 7950, f. 3.

ческой хартией» антифашистских держав, которая, по мнению ЦК КПР, могла бы явиться базой для сотрудничества всех патриотических сил Румынии. Точно так же поступило руководство национал-либеральной партии, лидер которой Д. Брэтиану, как он сам заявлял, во всем был согласен с политикой Маниу[132].

Благодаря настойчивой и последовательной борьбе КПР за создание единого антифашистского фронта переговоры между нею и представителями национал-царанистской и национал-либеральной партий возобновились в мае 1943 г.

Однако последние вновь продемонстрировали нежелание сотрудничать с коммунистами. Они также категорически выступили против организации саботажа и ведения вооруженной борьбы против гитлеровцев. Наконец, эти переговоры были ими использованы для подогревания националистических настроений в определенных кругах с целью представить компартию чуть ли не «врагом румынской нации» и тем самым сорвать усилия коммунистов по организации широкого антифашистского фронта Для этого они на сей раз ссылались на позицию Англии и США, не выступивших с осуждением действий румынских фашистских правителей по присоединению захваченных советских территорий. На данном «основании» лидеры «исторических» партий утверждали, что оккупация этих территорий якобы не является актом агрессии, и настаивали на их сохранении за Румынией[133].

Спекуляция на настроениях той части населения, которая была заражена многолетней антирусской и антисоветской пропагандой, несомненно, препятствовала деятельности компартии по собиранию воедино всех антифашистских сил.

И все же происки руководства буржуазно-немецких партий не смогли остановить этого процесса.

Летом 1943 г. под руководством КПР был создан Патриотический антигитлеровский фронт, в который вместе с компартией вошли также «Фронт земледельцев», «Союз патриотов» и МАДОС.

Они объединились на основе платформы, состоявшей из следующих 10 пунктов:

1. Спасение румынской армии путем прекращения посылки войск на фронт и возвращения находившихся там частей на родину. Привлечение вооруженных сил страны на сторону Патриотического фронта. Создание антифашистских партизанских групп.

2. Немедленное прекращение поставок нефти, зерна, продовольствия и военных материалов для Германии и для ведения антисоветской войны. Подрыв немецкой военной машины путем саботажа, дезорганизации военного производства и срыва военных перевозок.

---

[132] См.: «România liberă», 28.I 1944.

[133] См.: Arhiva CC al PCR, fond 1, dos. 7951, f. 7.

3. Немедленный выход из гитлеровской войны. Разрыв союза с фашистским блоком и заключение сепаратного мира с Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами.

4. Свержение военно-фашистской диктатуры предателя Антонеску. Сформирование подлинно национального правительства из представителей всех патриотических партий и организаций.

5. Завоевание свободы и независимости страны. Присоединение свободной и независимой Румынии к Объединенным Нациям.

6. Немедленное освобождение всех жертв фашистского террора, находившихся в тюрьмах и концентрационных лагерях. Арест и наказание предателей румынского народа во главе с Антонеску и всех виновных в убийстве и ограблении евреев, молдаван, украинцев, русских и др.

7. Немедленный роспуск фашистских организаций, арест и наказание их руководителей.

8. Немедленное прекращение национального угнетения. Равноправие национальных меньшинств.

9. Защита Южной Трансильвании и Баната. Ликвидация «венского арбитража» и освобождение населения Северной Трансильвании от фашистского гнета диктатуры Хорти.

10. Обеспечение трудового народа города и деревни работой и пищей. Достаточная помощь инвалидам, сиротам и вдовам со стороны государства и местных органов власти [134].

Таким образом, эти требования полностью совпали с сентябрьской платформой 1941 г., отражали интересы всего народа и представляли собой реальную базу объединения всех патриотических сил без различия классовой и партийной или религиозной принадлежности, программу их борьбы за восстановление национальной независимости и свободы. Патриотический антигитлеровский фронт, кроме того, выдвинул требование об обеспечении тружеников города и деревни работой и об удовлетворении их материальных нужд, подчеркивавшее народно-демократическую направленность антифашистского движения в Румынии и определявшееся тем, что главной его силой выступали трудящиеся массы.

Создание Патриотического антигитлеровского фронта во главе с КПР явилось важной вехой развития антифашистского движения сопротивления в Румынии.

Оно сыграло существенную роль прежде всего в борьбе за единство рабочего класса. Это нашло свое выражение в том, что к Патриотическому антигитлеровскому фронту вскоре начали одна за другой присоединяться отдельные местные организации социал-демократической партии, что свидетельствовало о происходившем в ее рядах сдвиге в сторону единства с коммуниста-

[134] См.: Documente din istoria partidului comunist din Romînia, p. 371—372.

ми. Рабочие социал-демократы, находившиеся до этого под влиянием правосоциалистических лидеров, начали понимать, что путь к спасению страны и освобождению ее от ига фашизма — в единстве пролетариата и совместной решительной борьбе всех патриотических сил румынского народа против гитлеризма и его агентуры — военно-фашистского режима Антонеску.

В свою очередь правосоциалистические лидеры, следовавшие в фарватере политики буржуазно-помещичьих партий, не могли не учитывать этих изменений. Хотя они и в дальнейшем на практике продолжали чинить препятствия созданию единого рабочего фронта и объединению всех патриотических антифашистских сил, однако не решались открыто выступить против решительных требований левого крыла своей партии, отражавших настроения рядовых социал-демократов, горячо откликнувшихся на призыв компартии к единству. Под давлением масс правосоциалистические лидеры были вынуждены в сентябре 1943 г. формально высказаться за единство действий с КПР в политической борьбе и профсоюзном движении [135].

К тому времени вступила в Патриотический антигитлеровский фронт и социально-крестьянская партия, пользовавшаяся определенным влиянием среди деревенской бедноты. Это способствовало укреплению союза рабочего класса и трудового крестьянства в совместной борьбе против войны и фашизма.

Не осталась в стороне от участия в этой борьбе и часть тех слоев населения, которые прежде всего шли за руководителями «исторических» партий.

Маниу и Брэтиану, оставаясь на старой националистической антисоветской позиции, оказались не в состоянии учесть в полной мере ни происходившие в ходе войны изменения внешнеполитической обстановки, ни развитие событий внутри страны. Хотя и у них уже не вызывало сомнений поражение гитлеровской Германии, они не считали нужным действовать совместно с антифашистскими силами, возглавляемыми коммунистами. Объяснялось это убежденностью Брэтиану и Маниу в том, что западные державы не допустят вступления Советской Армии в Румынию. По мнению лидера национал-царанистов, «русские будут так слабы в конце войны, что по первому требованию Лондона остановятся у румынской границы». Он также говорил: «Англия заинтересована в позициях на Дунае и в проливах, и она пошлет свои войска, чтобы остановить русских» [136].

В своем манифесте от 7 ноября 1943 г. ЦК КПР дал достойную отповедь лидерам «исторических» партий, указав, что они, как в прошлом, руководствуются не интересами народа, а антисоветской политикой и именно поэтому под различными предлогами саботируют вступление в Патриотический антигитлеров-

---

[135] См.: «Libertatea», 20.VIII 1945.
[136] ИДА, ф. Военный кабинет Румынии, д. 336, л. 52 (6).

ский фронт. Компартия вновь призвала всех патриотов, состоящих в этих партиях, потребовать от своих руководителей изменения позиции и перехода к участию в борьбе за освобождение страны [137].

Обращение коммунистов нашло отклик у многих рядовых национал-царанистов и национал-либералов, недовольных политикой отказа от участия в движении сопротивления фашизму и войне. Они заявляли, что порвут со своими партиями, если те не изменят отношение к Патриотическому фронту. На этой почве внутри «исторических» партий возникли группы, объединившие буржуазные и мелкобуржуазные слои, которые не одобряли сотрудничества с фашистским режимом Антонеску.

В начале 1944 г. группа национал-царанистов открыто осудила руководство своей партии за отказ от сотрудничества с коммунистами и другими патриотами, за призывы к «выжиданию», выгодные лишь военно-фашистской диктатуре и гитлеровским оккупантам. В письме на имя Маниу участники этой группы заявили: «Нынешнее положение заставляет нас говорить открыто. Политика, проводившаяся до сих пор нашей партией, оказалась гибельной. Мы вынуждены все больше отдаляться от наших теперешних руководителей, чтобы иметь свободу действий, диктуемую высшими интересами Румынии» [138].

Наряду с частью национал-царанистов сотрудничество с компартией и руководимым ею Патриотическим антигитлеровским фронтом установили в 1944 г. и некоторые национал-либералы, в том числе отколовшаяся в свое время от этой партии группа Г. Татареску. Представляя торгово-промышленные круги, недовольные политикой диктатуры Антонеску, эта группа считала необходимым скорейший выход Румынии из войны. Конечно, она руководствовалась интересами спасения буржуазно-помещичьего строя в стране, однако ее сотрудничество с патриотическим движением, возглавляемым КПР, свидетельствовало о росте сил, борющихся против фашизма и войны на стороне гитлеровской Германии, о расширении базы этой борьбы.

Таким образом, настойчивые и самоотверженные усилия румынских коммунистов по созданию широкого антифашистского фронта к началу 1944 г. увенчались первыми серьезными успехами. Первостепенную роль при этом сыграли блестящие победы Советской Армии. Громя фашистских захватчиков на всем советско-германском фронте, она на южном его участке уже приближалась к Румынии, вселяя в сердца румынских народных масс надежды на близившееся освобождение и внушая фашистским правителям этой страны страх перед надвигающимся возмездием.

---

[137] См.: Documente din istoria partidului comunist din Romînia, p. 373.
[138] «Inainte», 6.VIII 1944.

Глава седьмая

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ. НАЧАЛО ОСВОБОЖДЕНИЯ РУМЫНИИ СОВЕТСКОЙ АРМИЕЙ И ПОДГОТОВКА АНТИФАШИСТСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

Катастрофические поражения фашистских войск на советско-германском фронте и дальнейшее ухудшение экономического положения страны привели уже зимой 1942/43 г. к кризису диктаторского режима Антонеску, а в дальнейшем в связи с новыми крупными победами Советской Армии — к его резкому обострению. Этот кризис выразился прежде всего в растущем сопротивлении народных масс фашизму и войне. Вместе с тем непрерывно усиливались противоречия между господствующими классами и их ставленником — диктатором, не оправдавшим возлагавшихся на него надежд.

Недовольство верхов проявилось еще в первые годы войны. Уже тогда экономическое и политическое закабаление Румынии гитлеровским рейхом в сочетании с колоссальными военными расходами нанесло чувствительный ущерб той части буржуазии, которая непосредственно не была связана с военным производством и поставками в Германию. Дала себя знать и неоднородность верхушечной ее части. Если одну группировку крупной буржуазии, наживавшейся на войне, составляли давние сторонники прогитлеровской ориентации, то в другую, весьма значительную, входили те, кто в прошлом был тесно связан с англо-франко-американским капиталом. И хотя последние, группировавшиеся вокруг Ю. Маниу и Д. Брэтиану, теперь переключились на не менее выгодное для них сотрудничество с немецкими монополиями, все же они не хотели порывать с Западом и потому не одобряли линию «кондукэторула» на безоговорочное подчинение Гитлеру.

Важнейшую роль при этом, как уже упоминалось, играла их убежденность в том, что война против СССР рано или поздно объединит Англию и США с Германией и что решающая роль в таком альянсе будет принадлежать западным державам в силу превосходства их военной и экономической мощи. Подобная оценка перспектив развития международной обстановки привела к тому, что и лидеры «исторических» партий полностью одобрили агрессию против Советского Союза, рассматривая ее как предпосылку прекращения германо-английской войны. Данное обстоятельство наряду с ненавистью к социалистическому госу-

дарству и стремлением поживиться за его счет обусловило их активную поддержку участия Румынии в войне против СССР.

Но оно же определило крайне отрицательное отношение этих кругов к тому, что правительство И. Антонеску по требованию Гитлера 12 декабря 1941 г. объявило войну Англии и США. Маниу и Брэтиану не замедлили выразить «кондукэторулу» недовольство тем, что он пренебрег их предостережениями относительно необходимости при ведении войны против СССР ни в коем случае не давать повода для неудовольствия западных держав.

Еще в первые месяцы войны разногласия возникли и в военных кругах. Часть высших офицеров возражала против решения И. Антонеску использовать румынскую армию в военных действиях к востоку от Днестра. Они заявляли, что это приведет к резкому ее ослаблению, в результате чего она окажется не в состоянии воспрепятствовать захвату всей Трансильвании хортистами. Подобные опасения возросли к концу 1941 г., когда румынские войска действительно понесли тяжелые потери в боях на Украине, особенно под Одессой. В связи с этим усилились настроения в пользу отвода армии на линию Днестра. Имели место даже попытки уклониться от выполнения оперативных приказов немецкого командования. И хотя, например, генералы Николае Чуперка и Александру Орэшану были за это отстранены от занимаемой должности, недовольство в военных кругах не утихало.

Все же в тот период указанные противоречия не приобрели большой остроты. Они смягчались, сглаживались прежде всего надеждами на скорую победу фашистского блока над СССР и на якобы открывающиеся в связи с этим радужные перспективы. Что касается национал-царанистской и национал-либеральной «оппозиции», то она удовлетворилась тем, что И. Антонеску на следующий же день после объявления войны Англии и США провел специальную пресс-конференцию, дав понять, что этот шаг носит чисто формальный характер. Тогда же он сказал, что в отношении США придерживается той же политики, которую он сформулировал следующим образом, говоря о Великобритании: «Я являюсь союзником рейха в войне против России. Но я нейтрален в конфликте между Великобританией и Германией»[1].

Надо сказать, что если Маниу, Брэтиану и их приверженцы поддерживали И. Антонеску в деле ведения антисоветской войны, то и он разделял, как уже упоминалось, их взгляды на политику в отношении западных держав. Единодушие основных группировок румынской реакции в этих вопросах и помогло им в конце 1941 г. совместными усилиями потушить вспышку разногласий. Оно и в дальнейшем, несмотря на усиливавшиеся противоречия, служило основой для сотрудничества «оппозиции» и

---

[1] «Times», 6.XII 1941.

И. Антонеску, а в период кризиса фашистской диктатуры привело их к совместным действиям.

Кризис этот назревал постепенно, по мере того, как события на советско-германском фронте развивались вопреки расчетам румынской реакции.

Сначала рухнула надежда на скорую победу фашистского блока над СССР. Разгром гитлеровцев под Москвой означал крах «блицкрига» и явился началом коренного поворота в ходе войны, а последовавшее за ним контрнаступление — «началом перехода Красной Армии от стратегической обороны к стратегическому наступлению»[2].

Ореол «непобедимости» вермахта был развеян. Война явно приобретала затяжной характер, непосильный для Румынии, и без того находившейся на грани экономической катастрофы. Между тем гитлеровцы, сами оказавшиеся перед лицом серьезных трудностей, требовали все большего увеличения румынского «вклада» в ведение войны, и «кондукэторул» с усердием выкачивал из страны ее людские и материальные ресурсы. К тому же теперь не только Англия, но и Соединенные Штаты оказались в одном лагере с СССР, и это сильно встревожило румынскую реакцию.

Новая вспышка разногласий в верхах вылилась в начале лета 1942 г. в прямое столкновение внутри армейской верхушки. Несогласие с решением И. Антонеску предоставить в распоряжение германского командования две армии для участия в готовившемся крупном наступлении на южном участке Восточного фронта открыто выразил начальник румынского генерального штаба генерал Иосиф Якобич. В докладе на имя «кондукэторула» он заявил, что такое решение ставит под угрозу само существование румынской армии. И Антонеску немедленно отстранил его от должности, но и этим не смог пресечь недовольство в военных кругах: попытки ограничить количество войск, посылавшихся на советско-германский фронт, неоднократно предпринимал и новый начальник генштаба генерал Илие Штефля.

Но вот наступил момент, когда противоречия уже нельзя было приглушить, они резко обострились, что и привело к кризису военно-фашистской диктатуры. Он возник зимой 1942/43 г. как прямое следствие сокрушительного разгрома гитлеровцев под Сталинградом и в дальнейшем непрерывно нарастал, приняв особенно острые формы после завершения коренного перелома в войне в пользу СССР и всей антигитлеровской коалиции. Будучи составной частью кризиса, охватившего фашистский блок после катастрофы под Сталинградом, он прежде всего обнаружил в Румынии ту же тенденцию правящей клики, что и в других странах — сателлитах гитлеровского рейха,— отчаянное

---

[2] История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1. М., 1970, с. 242, 245.

стремление покинуть тонущий нацистский корабль. «Германия,— говорил в узком кругу И. Антонеску,— проиграла свою войну. Нужно не допустить, чтобы и мы ее проиграли». А его заместитель М. Антонеску, являвшийся также министром иностранных дел, видел выход из создавшегося положения в том, чтобы как можно скорее заключить сепаратный мир с западными державами. При этом имелась в виду не только Румыния, но и Германия, которая, по его мнению, должна была замириться с Англией и США, чтобы избежать поражения, ибо, как он говорил, «война вступила в политическую фазу».

Предпринятые военно-фашистской диктатурой шаги показывают, что наряду с внешнеполитическими акциями она придавала весьма важное значение укреплению своих позиций внутри страны. Судя по всему, «кондукэторул» и его заместитель распределили между собой эти задачи: первый в дополнение к своей роли исполнителя требований Берлина взял на себя проведение мероприятий по расширению внутриполитической базы режима, второй — контакты с западными державами.

Режим Антонеску, никогда не имевший опоры в массах и постоянно наталкивавшийся на их растущую враждебность, теперь обнаружил и все усиливавшуюся изоляцию среди господствующих классов. Буржуазные группировки, не связанные с гитлеровцами, стали открыто выражать недовольство. Более того, правительство постепенно начало терять и своих прежних сторонников: те круги, которые в свое время поддерживали установление военно-фашистской диктатуры и втягивание страны в антисоветскую войну, теперь всеми способами стремились отмежеваться от Антонеску, чтобы не разделить с ним ответственность за совершенные преступления.

Об этом свидетельствовало также обострение отношений между «кондукэторулом» и монархией.

В период успехов немецко-фашистских войск король Михай безоговорочно поддерживал антисоветскую агрессию. В начале войны он направил главе правительства следующую телеграмму: «Господину генералу Иону Антонеску, руководителю государства. В момент, когда наши войска переходят Прут, мысли мои обращены к вам, господин генерал. Выражаю вам свою признательность, господин генерал, а нашим бравым солдатам желаю здоровья и силы»[3]. Вскоре после этого король вместе с И. Антонеску предпринял ряд поездок на фронт, чтобы «вдохновить войска» на борьбу против СССР. Полностью одобряя захватнические планы Антонеску, он приветствовал аннексию «Транснистрии» и обратился к населению оккупированных советских территорий с «поздравлениями» по поводу их «навечного присоединения» к румынскому королевству[4].

---

[3] *Gărneaţa A.* Adevărată istorie a unei monarhii. Bucureşti, 1948, p. 126.
[4] См.: «Saturday Evening Post», 26.VIII 1944, p. 92.

В обстановке, когда фашистский блок одерживал военные победы, румынские Гогенцоллерны дали волю своим прогерманским чувствам. В ноябре 1941 г. король и его мать Елена посетили Гитлера в Берлине. По этому случаю он обменялся с Гитлером наградами и пригласил его посетить свой дворец в Синайе. В этом же месяце Михай вместе с румынским фашистским руководством, персоналом гитлеровской дипломатической миссии и фельдмаршалом Кейтелем принимал в Бухаресте «парад победы» и вручил награды его участникам, а войскам, отправлявшимся на фронт, передал знамя, заявив, что они должны «донести его до полной победы над русским коммунизмом»[5].

Для румынской монархии захватническая антисоветская война была не только средством укрепления политического положения, но и источником прямого обогащения. Сотни голов крупного рогатого скота, тысячи овец, десятки тракторов и прочих сельскохозяйственных машин, много другого имущества, награбленного в СССР, были доставлены в королевские поместья. Здесь, а также на предприятиях, совладельцем которых являлся Михай, широко использовался бесплатный труд советских военнопленных.

Королевская семья тесно сотрудничала с финансово-промышленными кругами гитлеровской Германии в деле эксплуатации и ограбления румынского народа. Через «Банк румынского кредита» она была связана с «Дойче банк» и «Рейхскредит гезельшафт», через страховое общество «Дачиа ромына» — с «Мюнхенер рюкверсигерунг», через фабрику «Банлок» — с «Континенталь гуммиверкен», через нефтяные общества «Стяуа ромына», «ИРДП» и «Конкордия» — с «Континентал оес», через общество «Пивницеле Рейн» — с винодельческими предприятиями, принадлежавшими Риббентропу, через заводы «Решица» и «Титан-Надраг-Калан» — с концерном «Герман Геринг». Будучи крупным акционером Национального банка и Румынского банка, Михай принимал активное участие в финансировании экспорта в фашистскую Германию[6].

Солидарность с И. Антонеску в вопросе о ведении антисоветской войны не мешала королю ревниво относиться к всевластию «кондукэторула». Румынская монархия, привыкшая играть определенную роль в политической жизни страны, не хотела оставаться в тени. На этой почве и произошло летом 1942 г. первое столкновение между Михаем и И. Антонеску. Последний не допускал тогда поездки короля на фронт, а тот недовольно заявил, что «кондукэторул» хочет «единолично присвоить лавры победы». Однако противоречия между ними приобрели серьезный характер лишь тогда, когда победы захватчиков сменились их поражениями на советско-германском фронте.

---

[5] *Gărneaţa A.* Op. cit., p. 127.

[6] См.: *Ţuţui Ch., Popa M.* Hohenzollernii in România. Bucureşti, 1962, p. 64.

Особенно напугал короля и его приближенных разгром фашистских войск под Сталинградом. Те же опасения, которые охватили румынскую реакцию, толкнули монархию к отходу от поддержки военно-фашистской диктатуры. Пытаясь отмежеваться от нее, король начал спекулировать на стремлении румынского народа как можно быстрее покончить с войной. В послании к народу по случаю Нового, 1943 года Михай предложил «всеобщий мир» на основе отказа враждующих сторон от войны и даже подчеркнул, что румынский народ ее не одобрял[7].

Выступлением в роли миротворца он хотел отмежеваться от фашистского режима Антонеску, снять с себя ответственность за втягивание страны в губительную войну. Призыв ко «всеобщему миру» был продиктован также желанием предъявить его будущей мирной конференции в качестве документа, подтверждающего, что монархия выступала против войны в союзе с державами «оси». Наконец, он должен был создать у народных масс страны впечатление, будто король не одобряет политику фашистского правительства.

Расценив эту акцию как попытку Румынии выйти из фашистского блока, гитлеровцы выразили свое недовольство «кондукэторулу» в самой резкой форме. Германский посланник Киллингер с угрозой заявил: «Гитлер не такой человек, чтобы позволить выбросить себя после того, как его использовали для достижения цели»[8].

Антонеску в ответ дал новые заверения в своей лояльности. Выяснив, что автором новогоднего послания короля был барон Стырча, он потребовал его удаления. Михай отказался. Тогда диктатор решил призвать Стырчу в армию и отправить на фронт. Но и это ему не удалось, так как король успел назначить Стырчу на должность при дворе. Обозленный Антонеску накричал на Михая. Припомнив ему заодно связи с «оппозиционерами» Маниу и Брэтиану, он потребовал, чтобы королевский двор прекратил всякую политическую деятельность. «Ваша роль чисто формальная,— сказал он Михаю,— и вы не должны вмешиваться в государственные дела». А в заключение добавил, как он это уже делал неоднократно, что не видит пользы от монархии и сохранил ее лишь потому, что «крестьяне хотят иметь монарха»[9].

Отношения между королем и И. Антонеску обострились настолько, что, по свидетельству германских официальных лиц, связь с королевским дворцом осуществлялась теперь через М. Антонеску.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что обострение отношений произошло не непосредственно вслед за новогодним обращением короля, а лишь после того, как недовольство им

[7] См.: «Timpul», 3.I 1943.
[8] *Mourin M.* Le drame des pays-satellites. Paris, 1951, p. 126.
[9] См.: *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden, 1954, S. 168.

выразили гитлеровцы. Конечно, И. Антонеску не могли понравиться ни призывы ко «всеобщему миру», ни признание того, что антисоветская война велась вопреки воле румынского народа. И все же «кондукэторул» счел возможным пойти на конфликт с королем лишь тогда, когда увидел, что сам оказался на «подозрении» у Берлина.

Это дает основание предполагать, что ранее он надеялся обратить себе на пользу стремление короля к политической деятельности, ввести ее в желательное русло и использовать монархию как для укрепления своих внутриполитических позиций, так и для облегчения будущих переговоров с западными державами. Далее, столь же очевидно, что все это не мешало И. Антонеску по-прежнему оставаться прислужником гитлеровцев, ибо стоило им нажать на него, как он поссорился с королем, окончательно лишив себя таким образом еще одной опоры.

Из сказанного следует, что задача укрепления внутриполитических позиций военно-фашистской диктатуры по существу была невыполнимой. Тем не менее «кондукэторул» попытался решить ее. Наибольшие надежды он возлагал на буржуазно-помещичью «оппозицию» в лице руководителей национал-царанистской и национал-либеральной партий, так как надеялся, что открытая поддержка с их стороны создаст видимость «демократизации» режима и расширит его социально-политическую базу. Не менее важное значение придавал Антонеску и тому, что лидеры этих партий, как ему было известно, поддерживали тайные связи с правящими кругами западных держав и, следовательно, могли стать посредниками в переговорах с ними.

В результате тогда же, в начале 1943 г., Ю. Маниу и Д. Брэтиану получили приглашение войти в состав правительства.

Позиция лидеров национал-царанистов и национал-либералов, однако, претерпела к этому времени существенное изменение. Если при установлении военно-фашистской диктатуры они возлагали на нее большие надежды и потому не жалели усилий, чтобы добиться включения своих представителей в правительство Антонеску, а потом выражали недовольство их отстранением от руководящих постов, то совсем иначе обстояло дело теперь. Ибо уже стало ясно, что правительство обанкротилось не только в экономической, но и в военно-политической области, не обеспечив ни реализации антисоветских захватнических планов, ни возвращения Северной Трансильвании. Не справилось оно и с задачей подавления революционных сил: в стране все шире развертывалось освободительное антифашистское движение народных масс. Поэтому господствующие классы Румынии все более склонялись к соглашению с западными державами и искали возможности передать бразды правления «другой команде».

Ю. Маниу и Д. Брэтиану считали, что наибольшие шансы взять власть в свои руки имеют возглавляемые ими партии, именовавшие себя «оппозиционными» и «демократическими». По-

тому-то они и не приняли предложения об участии в правительстве Антонеску. По той же причине провалился план «кондукэторула» создать государственный совет, включив в его состав деятелей «исторических» партий. Не принесли успеха и переговоры, которые вел с ними в феврале — марте 1943 г. бывший премьер-министр А. Вайда-Воевод по поручению Антонеску, предлагавшего им выступить с совместным обращением к народу и призвать его «быть солидарным с маршалом, ибо времена тяжелые, а мы, румыны, слишком малочисленны, чтобы быть разъединенными»[10].

Таким образом, попытки консолидации реакционных сил под руководством И. Антонеску в условиях надвигавшегося поражения в войне против СССР и перед лицом развивающегося освободительного антифашистского движения, руководимого коммунистической партией, потерпели провал.

Впрочем вскоре они возобновились, но уже на другой основе. Определялась она по-прежнему тем, что все бо́льшая часть буржуазии, отходившая от военно-фашистского правительства, считала необходимым заменить его другим, соответствующим новой обстановке и способным обеспечить сохранение буржуазно-помещичьего строя. Но выяснилось также, что передать власть «другой команде» мирным путем невозможно, так как этого не допустят гитлеровцы, считавшие правительство И. Антонеску гарантом подчинения Румынии интересам рейха. Поднимать массы на борьбу против военно-фашистской диктатуры румынская буржуазия не собиралась. В результате она предпочла исподволь готовить «другую команду» и в нужный момент заменить ею правительство Антонеску путем полюбовного соглашения с ним.

Между тем наряду с растущей внутриполитической изоляцией военно-фашистской диктатуры наметившееся поражение в войне привело также к резкому ухудшению румыно-германских отношений, что проявилось уже в конце 1942 г. в связи с разгромом двух румынских армий под Сталинградом.

Наглядной иллюстрацией острых противоречий в области военного сотрудничества может служить сцена, разыгравшаяся в румынском генеральном штабе 23 ноября 1942 г. Как известно, к тому времени основные силы обеих румынских армий были разгромлены и частью попали в окружение вместе с немецкими. И вот как раз в этот момент к находившемуся в полном отчаянии начальнику румынского генштаба генералу Штефле явился представитель германского командования генерал Гауффе. Он прибыл с... поздравлением по поводу награждения рыцарским крестом и дубовыми листьями румынского генерала Ласкара, успевшего уже сдаться вместе с остатками своего корпуса советским войскам.

---

[10] ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 336 (72), л. 54.

Тут-то и высказал ему возмущенный Штефля все, что он думал о германском союзнике. «...Я предостерегал,— кричал он,— чтобы 3-ю румынскую армию не выставляли на такой широкий фронт обороны. Подобное же предостережение я делал в отношении нашей 4-й армии... Главное командование сухопутных сил не выполнило просьбу румын, это и есть причина гибели двух румынских армий» [11].

Непосредственным откликом на эти события явилась паника, охватившая румынскую буржуазию, сотрудничавшую с гитлеровцами. Проходившие в то время очередные экономические переговоры внезапно застопорились. Национальный банк Румынии потребовал погашения германской задолженности как непременного условия предоставления дальнейших кредитов для оплаты поставок рейху.

Гитлеровцы, для которых эти поставки теперь имели особенно важное значение в связи с крушением планов захвата кавказской нефти, прибегли к давлению. Сначала они пригрозили запретить транзит румынских товаров в страны с твердой валютой — Швецию и Швейцарию. А когда это не подействовало, пошли на провокацию, направленную непосредственно против Антонеску: организовали «побег» главаря железногвардейцев Х. Симы из германского лагеря в Италию. Тем самым Гитлер явно давал понять, что у него есть замена «кондукэторулу» на тот случай, если не будет обеспечено выполнение германских требований.

Но прошли времена, когда румынский диктатор безоговорочно подчинялся германскому фюреру. Грозные события под Сталинградом, которым суждено было потрясти до основания фашистский блок, поколебали веру гитлеровских сателлитов в удачливость своего главаря, и этого оказалось достаточно, чтобы обнаружилась призрачность его власти над ними. Поэтому И. Антонеску, и без того раздраженный громадными потерями румынской армии, в которых он винил немецкое командование, не только не испугался «побега» Х. Симы, но и не скрыл, что глубоко уязвлен подобными методами давления и намерен их игнорировать.

Резкая реакция со стороны И. Антонеску на грубый нажим показала гитлеровцам, что они переборщили и что в сложившейся неблагоприятной для них обстановке стало уже невозможно помыкать союзниками. Начались поиски «примирения» с румынским диктатором. Для этого по поручению Гитлера к нему явился германский посланник в Бухаресте Киллингер. Он заявил, что «бегство» Х. Симы подстроила служба Гиммлера без ведома фюрера и что главаря железногвардейцев немедленно возвратят в Германию, где с ним «будет покончено».

---

[11] См.: *Gorlitz W.* Paulus und Stalingrad. Frankfurt am Main, 1964, S. 232.

После этого Гитлер пригласил И. Антонеску к себе в Клессгейм, чтобы «урегулировать конфликт и разрешить спорные вопросы».

При встрече с Гитлером 12—13 апреля 1943 г. «кондукэторул» удовлетворил все экономические требования Германии и даже обещал направить на фронт новые войска. Такая сговорчивость объяснялась тем, что фюрер не только встретил его с большим почетом, но и согласился передать Национальному банку Румынии три вагона золота в частичное погашение германской задолженности. Особенно порадовало румынского диктатора включение в коммюнике о встрече недвусмысленной угрозы в адрес Венгрии, не желавшей далее посылать свои войска на советско-германский фронт [12].

Однако противоречия и в военной, и в экономической областях не только не были устранены, но и продолжали обостряться. Более того, назревал новый острый конфликт, связанный с тайными отношениями между румынской дипломатией и представителями западных держав.

Мысль о возможности примирения блока с западными державами на базе общей борьбы против коммунизма, никогда не покидавшая правящие круги Румынии, с новой силой овладела ими в конце 1942 г., когда в битве под Сталинградом рухнули надежды на способность гитлеровцев победить Советский Союз. В этих условиях в Бухаресте возник замысел выступить с инициативой замирения Англии и США с Германией с тем, чтобы последняя могла продолжать борьбу на Востоке, не опасаясь за свой тыл.

Идея эта принадлежала заместителю «кондукэторула» и министру иностранных дел М. Антонеску, который считал, что с ее осуществлением гитлеровский рейх сможет быстро достичь победы над СССР и, следовательно, не будет препятствовать выходу обессиленной Румынии из войны. А это, по его расчетам, не только избавило бы фашистское руководство от надвигавшегося краха, но и упрочило бы его власть.

Заручившись одобрением диктатора, М. Антонеску тогда же, в конце 1942 г., через своих эмиссаров в Турции, Испании, Португалии, Швейцарии и Швеции начал зондировать возможность заключения сепаратного мира США и Англии с Германией и ее сателлитами. Он даже подготовил проект «предварительного» соглашения между ними, включавший: 1) согласие Германии очистить от своих войск некоторые районы Западной Европы, в первую очередь часть французской территории, и допустить высадку англичан и американцев на юге Франции в качестве гарантии «добрых» намерений гитлеровцев в отношении западных союзников; 2) отказ последних от «вмешательства» в войну фа-

---

[12] См.: «Memorial Antonesco», vol. 1. Paris, 1950, p. 175.

шистского блока против СССР; 3) последующие непосредственные переговоры Берлина с Лондоном и Вашингтоном на предмет достижения окончательного соглашения [13].

Румынские дипломаты, встречавшиеся в нейтральных странах с англо-американскими представителями и знакомившие их с этим проектом, настойчиво выдвигали один аргумент — продолжение войны между Германией и западными державами приведет к «ослаблению Европы».

Результаты зондажа оказались к весне 1943 г., по мнению М. Антонеску, вполне обнадеживающими, и он тотчас же сообщил о своей «инициативе» в Берлин.

Но там она вызвала бурю негодования. Гитлер расценил ее как попытку Румынии уклониться от продолжения совместной с Германией войны «против коммунизма и западных плутократий» и дал понять И. Антонеску, находившемуся в Клессгейме, что не допустит этого.

Очередная встреча фюрера с «кондукэторулом» имела и конкретную цель. Несмотря на все усилия Берлина, по словам западногерманского исследователя Хилльгрубера, после катастрофы под Сталинградом «в германо-румынских отношениях наступил период частично открытого, а частично скрытого кризиса доверия» [14]. Точно так же обстояло дело во взаимоотношениях рейха с другими сателлитами, и Гитлер был весьма озабочен восстановлением своего пошатнувшегося престижа. В сущности такова была одна из основных целей задуманной в его ставке и лихорадочно подготовлявшейся новой крупной наступательной операции в районе Курска. Именно этой теме он и посвятил значительную часть очередной двухдневной встречи с И. Антонеску, стремясь внушить ему веру в близящуюся «решающую победу».

Румынский диктатор не впервые выслушивал подобные речи. Последний раз это было 10 января 1943 г., когда Гитлер приглашал его для «урегулирования» конфликта. Тогда он уверял в «прочности» положения окруженной сталинградской группировки и в том, что она якобы всего лишь выполняет задачу по сковыванию крупных сил Советской Армии.

Но, как выяснилось, в тот самый день советские войска приступили к операции, которая вскоре окончилась уничтожением этой группировки, означавшим страшный удар для фашистской Германии и ее союзников. А потом, вплоть до конца марта, Советская Армия продолжала общее наступление на двухтысячекилометровом фронте. В результате в течение зимней кампании она разгромила более 100 дивизий противника и, отбросив его на некоторых участках на 600—700 км, освободила территорию в 494 тыс. кв. км. За это время войска фашистского блока по-

---

[13] Ibid., p. 185.
[14] *Hillgruber A.* Op. cit., S. 169.

теряли до 1700 тыс. солдат и офицеров, 24 тыс. артиллерийских орудий, свыше 3,5 тыс. танков и 4,3 тыс. самолетов [15].

Для Румынии эти события означали, по сути, военное поражение. Под Сталинградом ее армия лишилась 18 дивизий и потеряла 200 тыс. человек, в том числе 11 тыс. офицеров и 9 тыс. унтер-офицеров [16].

Клика Антонеску, почувствовав, что теряет почву под ногами, всячески пыталась укрепить свои позиции в стране и с этой целью оказывала все более решительное сопротивлеиие требованиям германского командования об отправке на фронт новых румынских войск. Более того, она начала настаивать на отводе своих войск к Южному Бугу. Гитлеровская ставка ответила, что не позволит ни одному румынскому солдату перейти Днепр. Антонеску, однако, продолжал стоять на своем. В конце концов договорились о следующем использовании румынских войск: пять дивизий на Северном Кавказе и две в Крыму остаются на месте, а остатки разгромленных под Сталинградом «могут быть переведены в Транснистрию» [17].

Таким образом, к моменту апрельской встречи Гитлера и Антонеску число румынских дивизий, остававшихся на фронте, уменьшилось до восьми, т. е. сократилось более чем втрое. Хотя германское командование предпринимало отчаянные усилия в поисках возможностей пополнения своих поредевших сил на Восточном фронте, оно знало, что уже не может принудить Румынию к новому увеличению «вклада» в ведение войны. Оставалось надеяться на то, что клика Антонеску сделает это добровольно, как в первый год войны, соблазнившись новыми «грандиозными» замыслами фюрера.

Однако «кондукэторул» не выразил такого желания, ибо знал, что любая попытка послать новые войска на советско-германский фронт встретила бы решительное сопротивление внутри страны, в том числе и со стороны армейской верхушки. И тогда Гитлер решил припугнуть его. Он спросил, известно ли ему, что румынский министр иностранных дел М. Антонеску пытался склонить Риббентропа к переговорам о заключении мира. И. Антонеску ответил утвердительно и тут же принялся оправдывать своего заместителя, заявив, что его «мирные усилия» были предприняты в интересах всей «западной цивилизации», которой «угрожает опасность со стороны СССР». Он даже сказал, что считает необходимым прекратить войну против западных держав и сосредоточить все силы против Советского Союза.

В этой связи необходимо напомнить, что гитлеровские главари и сами искали такой возможности, завязывая тайные связи

[15] См.: Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. М., 1970, с. 233.

[16] См.: Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht, Bd. III. Frankfurt am Main. 1965, S. 1508, 1531.

[17] Ibid., S. 70.

с определенными английскими и американскими кругами. Но они считали подобные переговоры своей собственной прерогативой и не желали, чтобы их вели сателлиты, опасаясь «измены».

Поэтому фюрер не только категорически отверг точку зрения своего собеседника, но и назвал действия его заместителя «предательскими». Так, он сказал, что германская разведка перехватила и расшифровала телеграмму государственного секретаря США К. Хэлла американскому посланнику в Лиссабоне, в которой предлагалось поддержать возможные мирные инициативы министра иностранных дел Румынии М. Антонеску. А затем в качестве примера подобных «инициатив» с возмущением зачитал другое сообщение абвера, из которого явствовало, что румынские дипломаты в Мадриде через своих испанских коллег пытались довести до сведения западных держав следующее заявление: «Гитлер, возможно, будет готов к миру по соглашению с англичанами и американцами. Он оставит все занятые им страны, кроме Украины». Далее в этом заявлении говорилось, что Германия «согласится с вторжением крупных англо-американских вооруженных сил на Балканы, а также с занятием Рейнской области американцами»[18].

И. Антонеску увидел, что румынские дипломаты действовали неосторожно и любой их шаг был известен германской разведке. Оказавшись таким образом в невыгодном положении, румынский диктатор был вынужден подписать коммюнике, гласившее, что Румыния совместно с Германией ведет войну против «всех врагов», в том числе англичан и американцев, а также пообещал выполнить требование фюрера о прекращении каких бы то ни было переговоров по поводу заключения сепаратного мира и о смещении М. Антонеску и ряда румынских дипломатов[19].

Однако эти обещания не были выполнены. По возвращении в Бухарест «кондукэторул», сообщая своему заместителю о неприятных минутах, пережитых им в Клессгейме, не преминул сделать ему выговор за «неосторожность». Между ними произошла размолвка, и постепенно их взаимоотношения приняли характер скрытого соперничества. В сущности оно было не чем иным, как одним из проявлений кризиса военно-фашистской диктатуры, приведшего не только к отходу от нее прежних сторонников, но и к распрям в самой румынской фашистской верхушке. «Начались грызня и предательство даже в узком кругу,— писал по этому поводу гитлеровский генерал Фрисснер, которому была хорошо известна обстановка внутри румынского правительства.— Дело дошло до того, что М. Антонеску не полностью и неточно передает приказы главы государства И. Антонеску»[20].

---

[18] Ibid., S. 1531—1532.
[19] См.: *Hillgruber A.* Op. cit., S. 170.
[20] *Frissner H.* Verratene Schlachten. Hamburg, 1956, S. 44.

Тем не менее и диктатор и министр иностранных дел, как и в целом все основные группировки румынской реакции, несмотря на разделявшие их противоречия и соперничество, в этот период были единодушны в своем стремлении с помощью Англии и США предотвратить «русскую угрозу». Кроме того, И. Антонеску уже не мог сместить ни своего заместителя, ни «провинившихся» дипломатов, так как, во-первых, боялся восстановить против себя быстро таявшую кучку приверженцев, во-вторых, он сам видел единственное спасение в том, чтобы заручиться покровительством западных держав. Поэтому он не только не положил конец связям с Западом, но и продолжал втайне от Берлина содействовать им.

Румынские правящие круги не без оснований возлагали надежды на эти связи.

В свое время И. Антонеску, как уже отмечалось, в результате бесед с американским посланником М. Гюнтером убедился в том, что правительство США одобрительно отнеслось к участию Румынии в войне против СССР. Тот же Гюнтер 22 июня 1941 г. направил в Вашингтон помощнику государственного секретаря С. Уэллесу телеграмму, в которой предложил, чтобы американское правительство сделало публичное заявление в поддержку агрессивной политики И. Антонеску. Ибо писал, он, «здесь распространилось ошибочное мнение, будто наши симпатии по меньшей мере на стороне России». Само собой разумеется, правительство Соединенных Штатов не могло сделать заявления, противоречащего декларации президента Рузвельта от 24 июня 1941 г. о помощи Советскому Союзу в войне против фашистской Германии. Поэтому в ответной телеграмме на имя Гюнтера госдепартамент ограничился сообщением о том, что правительство США в нужный момент «примет во внимание особое положение Румынии в войне»[21].

Переписку по данному вопросу Гюнтер довел до сведения румынского министерства иностранных дел, и здесь она была с полным основанием воспринята как поощрение США участия Румынии в антисоветской войне.

Подтверждения тому следовали одно за другим. 10 июля 1941 г., как сообщил из Вашингтона румынский поверенный в делах Брутус Костаке, представитель государственного департамента заявил ему, что благожелательную позицию американского правительства в отношении Румынии следует рассматривать как доказательство понимания причин ее участия в войне против Советского Союза. В сентябре того же года, когда румынское фашистское правительство специальной нотой известило государственный департамент США о присоединении к Румынии захваченных советских земель, американское правительство ни прямо, ни косвенно не осудило этой акции. Напротив, его высокопоставленные представители даже одобрили ее.

[21] *Cretzianu A.* The Lost Opportunity. New York, 1956, p. 70.

Американский посол при правительстве Виши адмирал Леги, например, выразил румынскому посланнику свое удовлетворение по данному поводу. Он высказал также уверенность в том, что СССР скоро «потеряет способность оказывать сопротивление» и Германия, а вместе с ней и Румыния смогут закрепить за собой все захваченные советские земли. Уверен был в этом и американский посланник в Бухаресте. Более того, он неоднократно говорил М. Антонеску о заинтересованности США в ослаблении Советского Союза в войне против Германии. При встрече 11 сентября 1941 г. Гюнтер сказал ему, что «Россия уже ослаблена в результате германских побед» и «что она выйдет из этой войны обессиленной». И добавил: «Я не думаю, чтобы Соединенные Штаты работали на восстановление России, представляющей угрозу для Европы»[22].

Английское правительство занимало в отношении режима Антонеску позицию, внешне отличавшуюся от американской, но по существу такую же. 30 ноября 1941 г., через четыре с лишним месяца после оформления англо-советского союза в войне против фашистской Германии, оно направило правительству Румынии при посредничестве американской дипломатической миссии в Бухаресте следующую ноту: «Румынское правительство в течение нескольких месяцев в тесном сотрудничестве с Германией ведет военные операции на территории Союза Советских Социалистических Республик, являющегося союзником Великобритании, принимая таким образом участие в общеевропейской войне и внося значительный вклад в германские военные усилия. В этих условиях правительство его величества считает себя вынужденным поставить в известность румынское правительство, что если до 5 декабря румынское правительство не прекратит военных операций и не приостановит всякое участие во враждебных действиях, то правительству его величества ничего не останется сделать, как объявить о существовании состояния войны между двумя странами»[23].

Антонеску воспринял данную акцию кабинета Черчилля как дань общественному мнению и продолжал подчеркивать, что воюет только против Советского Союза. Как уже отмечалось, он повторил это заявление даже после того, как под нажимом Гитлера объявил войну Англии и США. Но официальная реакция Лондона на эти заявления была уже предопределена вышеприведенной британской нотой. Поэтому 5 декабря, как сообщила «Таймс», Румынии и другим союзникам Германии, не давшим удовлетворительных ответов на соответствующие ноты. были посланы сообщения о состоянии войны между ними и Англией[24].

---

[22] «Studii», 1958, N 6, p. 91.
[23] ИДА, ф. МИД Румынии, д. 312, л. 31 (70).
[24] См.: «Times», 6.XII 1941.

В Вашингтоне не сделали даже этого. На том основании, что Румыния объявила войну Соединенным Штатам под нажимом Германии, американское правительство воздержалось от обычного в таких условиях ответного объявления войны. Весьма двусмысленному положению, в которое этим поставили себя правящие круги США, был положен конец лишь спустя полгода. Под давлением американского и мирового общественного мнения конгресс одобрил 5 июня 1942 г. предложение президента Рузвельта об объявлении войны сателлитам фашистской Германии, в том числе и Румынии. Однако и это мало что изменило в отношениях между американскими и румынскими правящими кругами. Газета «Нью-Йорк таймс» еще в дни дебатов в конгрессе писала, что «официальное объявление войны не будет иметь серьезных последствий» [25].

Отношение англо-американских империалистических кругов к фашистским правителям Румынии порождало у них надежды на то, что даже в случае поражения фашистского блока она не пострадает. Известный американский журналист Л. Уайт, хорошо знавший политическую обстановку на Балканах, писал в годы войны, что предметом неустанных забот дипломатии США в отношении Румынии и Венгрии были «как раз те группы, которые сейчас воюют на стороне Германии». Поддержка этих групп Соединенными Штатами зашла так далеко, признавал он, что Антонеску и Хорти надеются на «полное прощение после войны» [26].

Воюя против фашистских государств, западные союзники долгое время упорно воздерживались от нанесения ударов с воздуха по румынской нефтяной промышленности, снабжавшей гитлеровскую военную машину горючим. По свидетельству агента американского разведывательного центра в Стамбуле Роберта Паркера, английское правительство также отклоняло все предложения об организации диверсий с целью вывода из строя нефтепромыслов Румынии [27].

Антонеску хорошо знал об этом, поскольку поддерживал тайные контакты с западными державами.

Один из каналов связи обслуживал румынский промышленник И. Георгиу, часто наезжавший в Стамбул, где он встречался с английским резидентом Шателеном. Последний заявил ему в конце 1942 г., что английское и американское правительства заинтересованы в «предотвращении угрозы большевизма». Когда Георгиу спросил, почему западные союзники не бомбят румынские нефтепромыслы, Шателен многозначительно ответил: «Потому, что мы не хотим этого» [28]. М. Антонеску, получив донесение об этой беседе, с удовлетворением отметил, что «Англия

[25] «New York Times», 3.VI 1942.
[26] *White L.* The Long Balkan Night. New York, 1944, p. 161.
[27] См.: *Parker R.* Headquarters Budapest. New York, 1944, p. 253.
[28] Arhiva MAE, dos. special, nota SSJ din 11 dec. 1942.

и США позволяют Германии пользоваться румынской нефтью, чтобы немцы наносили удары по русским». Из этого он сделал вывод, что и участие Румынии в войне против СССР отвечало интересам английских и американских правящих кругов.

А в декабре 1942 г., когда уже стала очевидной катастрофа под Сталинградом, единственным обрадовавшим М. Антонеску известием было сообщение о подготовленном в Форин оффис проекте заявления английского правительства, согласно которому одной из целей Великобритании в войне являлось восстановление румынских границ 1939 г., т. е. сохранение за Румынией захваченных советских территорий [29].

Хотя этот проект так и не увидел света, для Антонеску он послужил новым подтверждением того, что на Западе у него есть влиятельные покровители. Вот почему на него не подействовали даже окрики Гитлера, требовавшего прекратить контакты с англичанами и американцами. К началу лета 1943 г., когда после сокрушительного разгрома фашистских войск на Дону и на Волге рухнул также германо-итальянский фронт в Северной Африке и над Италией нависла угроза англо-американского вторжения, румынские правители вообще перестали скрывать от гитлеровцев свои прозападные симпатии. В этом отношении характерна беседа между германским посланником в Бухаресте и румынским министром иностранных дел 23 июня 1943 г.

В тот день американская газета «Чикаго дейли ньюс» сообщила, что, как ей стало известно, румынское правительство, стремясь опередить Венгрию в деле заключения сепаратного мира с западными державами, обратилось к папскому нунцию в Бухаресте с просьбой передать представителям Англии и США в Ватикане мирные предложения Румынии [30].

По-видимому, гитлеровцы довольно быстро узнавали о таких фактах. Только этим можно объяснить, что уже в день появления публикации в чикагской газете, 23 июня 1943 г., германский посланник в Бухаресте Киллингер потребовал от М. Антонеску объяснений и зачитал полученную Риббентропом информацию о деятельности румынского посланника в Мадриде, «который якобы предложил соглашение, согласно которому англо-американцы могли бы оккупировать Балканы и Рейнскую область, предоставив рейху свободу действия против России» и обеспечив Румынии возможность заключить сепаратный мир [31].

М. Антонеску сделал вид, что ему об этом ничего не известно и что он не верит в серьезность подобных «слухов». И с вызовом добавил: «Румынское правительство не может каждый день опровергать мирные предложения, которых оно не делало, так же как не может каждый день заверять в своей доброй воле». Затем, упрекнув гитлеровцев в пренебрежении интересами

[29] См.: *Lukacs A.* Great Powers and Eastern Europe. New York, 1953, p. 486.
[30] См.: «Chicago Dayly News», 23.VI 1943.
[31] Arhiva MAE, fond Germania, vol, 92 n/p.

Румынии, он, в частности, заявил, что в Лондоне к румынам относятся «лучше», чем в Берлине. «Мистер Иден,— многозначительно говорил он ошеломленному такой «дерзостью» германскому посланнику,— заявил, что правительство Великобритании признает всю Трансильванию за Румынией, в то время как Германия... поддерживает венский арбитраж». А в заключение напомнил о «бегстве» Х. Симы и невыполненном германским правительством обещании «покончить» с железногвардейским главарем, «чье пребывание на свободе может вновь вызвать беспорядки» [32].

Таким образом, демарш Киллингера не умел успеха. Обращает на себя внимание тот факт, что если в апреле И. Антонеску при встрече с Гитлером по существу признал наличие связей румынских дипломатов, в том числе поверенного в делах в Мадриде, с представителями западных держав, то теперь, в конце июня, М. Антонеску отрицал это. Объяснялось это тем, что к рассматриваемому времени существенно изменились характер и цели таких связей.

Хотя советское наступление приостановилось еще в конце марта и теперь германское командование готовило крупную наступательную операцию, рассчитывая, как говорил Гитлер, «летом вернуть то, что было потеряно зимой» [33], в Бухаресте уже не верили в способность Германии избежать поражения на Восточном фронте. Всего лишь за несколько зимних месяцев фронт на сотни километров приблизился к Румынии, и было очевидно, что, если дело и дальше так пойдет, Советская Армия скоро окажется у ее границ. При одной мысли об этом страх и отчаяние охватывали румынские господствующие классы. Между тем надежда на выход из создавшегося положения путем антисоветского сговора западных держав с фашистским блоком становилась все менее реальной. Виной тому, по мнению румынской реакции, были гитлеровцы, упорно не желавшие пойти на уступки Англии и США. Отсюда делался вывод: поскольку нельзя вместе с Германией достичь соглашения с Западом, надо это сделать без нее.

Это стремление особенно усилилось после того, как в Бухаресте узнали, что на Вашингтонской конференции руководителей двух западных держав в мае 1943 г. Черчилль выдвинул так называемый балканский вариант создания второго фронта. Как известно, этот вариант предусматривал использование основных сил США и Англии для вторжения в Италию, а затем на Балканы и отражал стремление британского империализма восстановить и упрочить свои позиции в Средиземноморье и в Юго-Восточной Европе, в том числе и в Румынии. Но в Бухаресте не знали, что этот план был тогда же отвергнут правительством

[32] *Scoppa B.* Colloqui con due dittatori. Roma, 1974, p. 74.
[33] См.: *Philippi A., Heim F.* Der Feldzug gegen Sowjetrussland 1941 bis 1945. Stuttgart, 1962, S. 208.

США, предпочитавшим в соответствии с собственными интересами открыть второй фронт в Западной Европе.

Летом 1943 г. все это воспринималось в Бухаресте как реальная возможность избежать вступления советских войск в Румынию в случае поражения Германии. Такой ход событий, казалось бы, открывал для нее возможность перейти на сторону западных держав и с их помощью не только удержаться у власти, но и сохранить за собой захваченные советские земли. В соответствии с этими расчетами она и действовала.

В то самое время, когда М. Антонеску уверял Киллингера в «несерьезности» информации относительно румынских контактов с Западом, уже был приведен в действие новый план. Он предусматривал, что Италия, Румыния, Венгрия и Болгария «совместно и одновременно» выйдут из подчинения Берлину, заключат мир с Англией и США и тем самым вынудят Германию последовать их примеру. Автором замысла являлся опять-таки заместитель румынского диктатора, но инициативу в реализации своего предложения он предоставил Риму, поскольку итальянские фашисты в отличие от румынских были в хороших отношениях и с венгерскими, и с болгарскими. Изложив этот план итальянскому посланнику в Бухаресте Бова Скоппа, М. Антонеску попросил его срочно проинформировать свое правительство. Необходимо, подчеркнул он, «возобновить контакт с союзниками, чтобы защитить Европу от большевизма», а для этого нужно предпринять «конкретные действия — выйти из войны и открыть глаза Германии» [34].

Итак, румынские фашисты все же заботились о спасении гитлеровцев. В готовности же западных держав к антисоветскому сговору они не сомневались и считали, что дело лишь за Гитлером, который-де все еще не понимал, что без Англии и США ему не справиться с Советским Союзом. Но главным в этом плане было стремление спастись самим и в том случае, если Берлин будет по-прежнему упорствовать.

Показательно, что правящие круги фашистской Италии, тоже оказавшиеся перед лицом надвигавшегося краха, весьма положительно отнеслись к идее сговора двух воюющих империалистических группировок за счет СССР. Муссолини и сам уже предпринимал шаги в этом направлении. Правда, его собственный план был несколько иным, так как после Сталинграда дуче не верил в возможность победы над СССР. Безнадежность борьбы против России, по его мнению, стала очевидной также в связи с полученным незадолго до этого сообщением из Токио о том, что Япония в настоящий момент не может вступить в войну против Советского Союза. В этих условиях Муссолини предпочитал позаботиться о своих собственных интересах, прежде всего устранить непосредственную угрозу, нависшую над Ита-

---

34 *Scoppa B.* Op. cit., p. 74.

лией. Поэтому он предлагал Гитлеру «закрыть русскую главу», заключив «выгодный мир» на Востоке, сконцентрировать силы держав «оси» на Западе, особенно в Средиземноморье, и после этого добиваться благоприятного для фашистского блока соглашения с западными державами [35]. Однако в июле 1943 г. он был отстранен от власти в условиях, когда англо-американские войска, овладев Сицилией, развернули дальнейшее наступление против немецко-фашистских войск.

После капитуляции Италии румынское фашистское руководство с еще большей настойчивостью продолжало свои «мирные» демарши с целью покинуть гитлеровский лагерь и отдаться под защиту Англии и США. Его беспокойство росло по мере того, как Советская Армия все стремительнее приближалась к границам Румынии. Еще в начале лета 1943 г. румынская пресса все чаще стала выражать опасения насчет того, что, ожидая «развития событий», можно вообще опоздать с выходом из войны. Фашистская газета «Порунка времии», констатируя, что отныне «полная и радикальная победа невозможна», заявила: «Нам кажется, что наступило время для осуществления какой-то политической формулы» [36]. В ряде изданий высказывались более определенные предложения. Когда советские войска форсировали Днепр, даже такой поклонник германского и итальянского фашизма, как издатель газеты «Универсул» П. Шейкару, заговорил о том, что капитуляция Италии должна послужить наглядным уроком для Румынии [37].

Для Антонеску итальянский «урок» означал прежде всего необходимость действовать таким образом, чтобы не разделить участи фашистской верхушки Италии. Не допуская и мысли о возможности вступления Советской Армии в Румынию, «кондукэторул» понимал, что для него таит угрозу также и приход англо-американских войск. Он опасался их вступления на Балканы, хотя и понимал, что Муссолини был свергнут отнюдь не по настоянию западных союзников. Для них было важно вывести Италию из войны на стороне Германии, и они охотно приняли бы капитуляцию дуче. Но он медлил, колебался, хотя его армия была небоеспособна, а гитлеровцы, бросавшие все свои резервы на Восточный фронт, оказались не в состоянии эффективно помочь союзнику. В этих условиях решающим фактором стало нараставшее антифашистское движение итальянского народа.

И тогда на авансцену выступили группы заговорщиков, в числе которых были не только представители военных кругов и придворные короля Виктора-Эммануила, но и приближенные самого дуче. 24 июля «большой фашистский совет» большинством голосов выразил недоверие Муссолини, а на следующий день он был вызван в королевский дворец и заключен под стражу,

---

[35] См.: Les lettres secrètes échangées par Hitler et Mussolini. Paris. 1946, p. 184.
[36] «Porunca vremii», 14.VIII 1943.
[37] «Правда», 1943, 16 октября.

чтобы, как ему объявили, «обеспечить его личную безопасность». Причем перед этим Виктор-Эммануил сказал ему: «В настоящий момент вы являетесь человеком, которого больше всего ненавидят в Италии» [38].

В Румынии были налицо все предпосылки для такого же развития событий. Возможными кандидатами в заговорщики И. Антонеску считал и дворцовые круги во главе с королем Михаем, и значительную часть армейской верхушки, и лидеров «исторических» партий, и даже своего заместителя М. Антонеску, т. е. практически всех, на кого он до сих пор опирался. «Кондукэторул» понимал, что они, не колеблясь, пожертвуют им, чтобы в решающий момент отвести от себя гнев народных масс, как это сделали в отношении Муссолини те, кто так долго поддерживал его.

Вместе с тем румынский диктатор не мог применить силу для ликвидации зреющего заговора, поскольку этим окончательно восстановил бы против себя господствующие классы страны, ставленником которых он являлся, и оказался бы один на один с ненавидевшими его народными массами.

Оставалось одно — действовать не против потенциальных заговорщиков, а вместе с ними, и если удастся, возглавив их и обеспечив себе тем самым возможность удержаться у власти после поражения в войне, либо содействовать им в подготовке «другой команды» и таким образом по крайней мере приобрести политический капитал, чтобы впоследствии избежать ответственности за совершенные преступления.

Собственно, на этот путь И. Антонеску встал еще весной, после катастрофы под Сталинградом. С ведома и одобрения «кондукэторула» действовал его заместитель, искавший путей к сепаратному сговору с западными державами. Вскоре оба они подключили к этому делу также руководство «исторических» партий, рассчитывая на то, что лидеры «демократической оппозиции», официально не сотрудничавшие с Антонеску, добьются от англичан и американцев большего, чем фашистское правительство. Диктатор уже тогда заявил, что не будет цепляться за власть и готов уступить ее Ю. Маниу, если тот сумеет добиться от западных союзников приемлемых условий мира.

Чтобы облегчить руководству буржуазно-помещичьей «оппозиции» поиски сепаратного мира, М. Антонеску по договоренности с И. Антонеску в мае 1943 г. назначил доверенное лицо Маниу англофила А. Крецяну посланником в Турции, возложив на него ведение переговоров с английскими и американскими дипломатами в Анкаре. Согласно его полномочиям он выступал как «представитель румынской нации» и, таким образом, мог действовать и от имени правительства Антонеску, и в качестве посланца «оппозиции» [39].

---

[38] *Mussolini B.* Memoirs. 1942—1943. London, 1949, p. 81.
[39] См.: *Cretzianu A.* Op. cit., p. 94—96.

Итак, первая попытка консолидации реакционных сил страны была предпринята на основе готовности правительства Антонеску к полюбовному соглашению относительно передачи власти лидерам «оппозиции». В целом эта сделка отражала общее для всех группировок румынских господствующих классов стремление к тому, чтобы поражение в войне не затронуло основ буржуазно-помещичьего строя в стране, не привело к социальной революции. Понимая, что в момент крушения военно-фашистского режима они окажутся не в состоянии собственными силами удержать в повиновении народные массы, верхи возлагали все свои надежды на англо-американскую оккупацию Румынии.

Такая перспектива, как уже отмечалось, представлялась вполне реальной в начале лета 1943 г., когда казалось, что войска западных союзников окажутся у румынских границ раньше Советской Армии. Кроме того, это рассматривалось как гарантия удержания Румынией захваченных советских территорий.

В соответствии с этим контролируемая правительством пресса принялась всячески пропагандировать «заслуги» лидеров формально запрещенных после первой мировой войны национал-царанистской и национал-либеральной партий, давая понять, что наступает время, когда они вновь должны сыграть «историческую» роль. Ю. Маниу и Д. Брэтиану, со своей стороны, всячески подчеркивали свою «оппозиционность» правительству Антонеску. Речь, однако, шла отнюдь не о борьбе против него или хотя бы о публичном осуждении его антинародной политики. «Оправдательными документами» должны были послужить... «критические» меморандумы на имя диктатора, которые «оппозиция» собиралась представить румынской и мировой общественности, в том числе и некоторые послания прежних времен, содержавшие рекомендации не портить отношений с западными державами. Но ведь в Румынии помнили и о том, что Маниу и Брэтиану неоднократно призывали своих приверженцев поддерживать «кондукэторула» и сами сотрудничали с ними. Как предать все это забвению? Разумеется, с помощью новых, еще более «критических» меморандумов на имя И. Антонеску.

И вот на последнего обрушился поток посланий, в которых руководители национал-царанистов и национал-либералов, рядясь в тогу демократов и защитников национальных интересов румынского народа, лицемерно заявляли: «Мы постоянно предупреждали вас о великой опасности, которой вы подвергаете страну, воюя с самыми сильными нациями мира».

Как видно из переписки между ними и И. Антонеску, последний всячески пытался оправдать свою политику, а временами, задетый за живое их упреками, даже переходил в контрнаступление, оперируя неприятными для них фактами. Так, в ответ на послание Брэтиану по поводу развала экономики страны «кондукэторул» с издевкой ответил, что лидеру национал-либералов

не приходится жаловаться на экономическое положение, так как его доходы все время растут. И в качестве примера привел одно из принадлежавших ему промышленных предприятий, капитал которого за последние годы вырос с 240 млн. до 600 млн. лей, резервный фонд — с 47 млн. до 121 млн., амортизационный — с 355 млн. до 566 млн., капиталовложения — с 516 млн. до 1068 млн., стоимость запасов сырья — с 57 млн. до 196 млн. лей.

И. Антонеску утверждал, что за время его правления экономическое положение Румынии упрочилось, и он обвинял Маниу и Брэтиану в том, что это они во время своего пребывания у власти развалили государственный аппарат и довели страну до катастрофы. И опять следовал пример: к моменту прихода И. Антонеску к власти из 34 тыс. чиновников, составлявших государственный аппарат, 17 тыс. имели лишь четырехклассное образование.

Фашистский диктатор выдвинул свою версию относительно участия в антисоветской войне. Так, перенесение операций румынских войск к востоку от Южного Буга и далее, т. е. расширение первоначально намеченной для них зоны действий, как он писал в послании Маниу и Брэтиану в августе 1943 г., вызывалось «необходимостью полного уничтожения коммунизма». Теперь, в 1943 г., утверждал он, продолжающееся участие румынских войск в войне против СССР является «вынужденным», ибо их отвод с фронта якобы был бы «в нынешних условиях самой большой политической ошибкой, чреватой серьезнейшими последствиями». Во-первых, заявлял он, «немцы наказали бы румын, передав всю Трансильванию венграм», во-вторых, «если мы откажемся воевать, то потеряем нашу армию, находящуюся за тысячу километров от страны, немцы нас захватят и будут обирать как оккупированную страну — без какой-либо компенсации».

Затем следовали аргументы в пользу продолжения антисоветской войны. Сообщая, что из находящихся «к востоку от Буга» 100 тыс. румынских солдат и офицеров 40 тыс. отрезаны на Таманском полуострове, а остальные действуют в Крыму и на побережье Азовского моря, он утверждал, что возможные потери этих войск составят не более четверти их численности. И цинично спрашивал: «Есть ли смысл рисковать из-за 25 тыс. румын всем, что мы имеем?» [40]

Нельзя в этой связи не напомнить, что румынские войска, находившиеся «к востоку от Буга», были полностью уничтожены или взяты в плен. Только при освобождении Крыма советские войска разгромили семь румынских дивизий вместе с пятью немецкими [41]. А по версии Антонеску выходило, что все «правиль-

[40] См.: ИДА. Ответ И. Антонеску на письмо Ю. Маниу и Д. Брэтиану от 12 августа 1973 г.

[41] См.: Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история, с 336—338.

но» — и участие в нападении на СССР, и операции румынских войск «за тысячу километров от страны», и даже дальнейшее продолжение антисоветской войны в условиях уже неизбежного разгрома фашистского блока.

Лидеры буржуазно-помещичьей «оппозиции», собственно, и не требовали отвода румынских войск с фронта. Ибо в действительности они были заинтересованы в затягивании войны против Советского Союза, надеясь выиграть время и не допустить вступления в Румынию войск Советской Армии. Версия И. Антонеску устраивала Маниу и Брэтиану также и потому, что они, стремясь привлечь на свою сторону народные массы и помешать их сплочению вокруг компартии, не брезговали никакими средствами для оправдания поддержки, которую сами оказывали фашистскому режиму и его политике войны против СССР.

Однако ни единодушие относительно продолжения антисоветской войны и сепаратного сговора с западными державами, ни общность классовых интересов не устранили противоречий внутри господствующей верхушки, обусловленных военным, политическим и экономическим банкротством фашистской диктатуры. Главное из них сводилось к вопросу о том, какой группировке будет принадлежать власть после заключения мира с Англией и США.

И. Антонеску, на словах соглашавшийся передать власть лидерам «исторических» партий, тем не менее прилагал немало усилий для того, чтобы сохранить ее. В сущности с этой целью он и пошел на совместные действия с «оппозицией», надеясь, что в решающий момент она, как и при установлении военно-фашистской диктатуры, поддержит «человека твердой руки». А для того, чтобы облегчить ей такую задачу, «кондукэторул» прежде всего предпринял попытки оправдать свою политику участия в войне на стороне гитлеровской Германии.

Антонеску вновь старательно подчеркивал, что не воюет с Англией и США, а, напротив, в их интересах ведет «борьбу против большевизма» и, следовательно, вправе ждать от них признательности. Говоря о том, что западные державы стремятся не допустить продвижения Советской Армии на юго-восток Европы, румынский диктатор заявлял, что именно он помогает им в этом, продолжая вносить «вклад» в сдерживание натиска советских войск.

В подтверждение Антонеску ссылался на донесения румынских дипломатов из Турции, которым, по их словам, представители западных держав при всяком удобном случае давали понять, что Румынии следует продолжать войну против СССР. И «кондукэторул» уверял, что действует в полном соответствии с желаниями Лондона и Вашингтона, ибо, как он говорил, англосаксы, находящиеся официально в войне с нами, не могут более открыто высказывать своих мыслей [42]. В тех же целях он

[42] Memorial Antonesco, vol. I, p. 180—181.

усиленно демонстрировал свое недовольство гитлеровцами, используя для этого трансильванский вопрос. Выступив в свое время главным исполнителем венского диктата, он теперь стремился изобразить дело таким образом, будто только ради возвращения Северной Трансильвании пошел на союз с Гитлером, а тот, мол, не выполнил своих обещаний. Румыния, заявил он, например, на заседании правительства 9 февраля 1943 г., была «самым лояльным» союзником Германии в войне против СССР и понесла при этом тяжелые жертвы, а в Берлине не оценили ее вклада, проявили «неблагодарность», так как «всегда были на стороне венгров, а не румын» [43].

Стремясь укрепить свои внутриполитические позиции и отвлечь массы от освободительной антифашистской борьбы, правительство И. Антонеску развернуло в прессе кампанию против Венгрии.

Так, в июне 1943 г. с резким заявлением по вопросу о Трансильвании выступил М. Антонеску, а месяц спустя сам «кондукэторул» обратился к выпускникам офицерских школ с призывом вернуть все трансильванские земли «под знак румынского меча» [44]. Хортисты не остались в долгу и повели встречную враждебную кампанию. Отношения между Румынией и Венгрией обострились, участились пограничные конфликты. Если в 1941 и 1942 гг. на румыно-венгерской границе произошло соответственно 14 и 36 инцидентов, то в 1943 г.— уже 50 [45].

Способствуя обострению отношений со своими хортистскими союзниками по агрессивному фашистскому блоку, И. Антонеску хотел таким образом продемонстрировать «независимость» от гитлеровцев, навязавших Румынии «венский арбитраж». С той же целью, а также для демонстрации лояльности в отношении западных союзников румынский диктатор позволил себе проявить определенную самостоятельность в отношениях с капитулировавшей Италией. После того как гитлеровцы выкрали из-под ареста Муссолини и поставили его во главе созданного на итальянском севере марионеточного «правительства», Берлин потребовал, чтобы оно было признано всеми союзниками Германии. И. Антонеску выполнил это требование, но румынскую дипломатическую миссию оставил при правительстве Бадольо, подписавшем капитуляцию. При этом он рассчитывал через нее установить прямую связь с англо-американским средиземноморским командованием.

Описываемые события происходили летом 1943 г., когда общая военно-политическая обстановка представлялась румынским правящим кругам все еще благоприятной для предпринимавшихся ими дипломатических маневров.

---

[43] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8438, f. 48.
[44] «Правда», 1943, 27 сентября.
[45] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 305 (док. «Инциденты на румыно-венгерской границе с 22.6 41 по 20.2 44»).

Однако вскоре ситуация вновь резко изменилась. В августе стал очевиден катастрофический для гитлеровской Германии итог Курской битвы. Тогда же развернулось гигантское по своим масштабам наступление советских войск. Ломая сопротивление гитлеровцев и стремительно продвигаясь вперед, они вскоре освободили всю Левобережную Украину и с ходу форсировали Днепр, очистили от противника Таманский п-в и Приазовье, блокировали врага в Крыму. К концу 1943 г. Советская Армия овладела на правом берегу Днепра важными стратегическими плацдармами для дальнейшего наступления на запад.

И, как ни пыталась румынская господствующая верхушка скрыть охвативший ее страх, было очевидно, что она находилась в состоянии смертельной тревоги. «В балканских странах — союзницах Германии, особенно в Румынии,— писала осенью 1943 г. английская «Таймс»,— за фасадом официального спокойствия царит настоящая паника» [46].

Одного взгляда на карту было достаточно, чтобы увидеть: в декабре 1943 г. Советскую Армию отделяло от румынской границы 1939 г. расстояние втрое меньшее, чем год назад. Что же касается «Транснистрии» и Бессарабии, то они теперь оказались в непосредственной близости от фронта, и румынская реакция не могла не понимать, что потеряет их сразу же после начала следующего тура советских наступательных операций. Более того, поскольку Советские Вооруженные Силы продолжали наносить главный удар на юге, в этом она увидела и угрозу их вступления на территорию Румынии.

Стремительное наступление Советской Армии грозило сорвать все ее планы, направленные на сепаратный сговор с западными державами для обеспечения англо-американской оккупации страны. К тому же стало очевидно, что в отличие от Советских Вооруженных Сил, успешно наступавших на запад, англо-американские войска застряли на итальянском Юге, не сумев преодолеть сопротивление переброшенных туда из Западной Европы гитлеровских дивизий. Это значило, что оказались тщетными надежды на использование Италии в качестве трамплина для вторжения западных союзников на Балканы.

В Бухарест поступали и другие тревожные вести. В начале сентября стало известно, что генерал Эйзенхауэр принял капитуляцию Италии от имени не только США и Англии, но и Советского Союза. А в конце того же месяца там была создана союзная военно-политическая комиссия, в состав которой вошел и представитель СССР. Все это весьма озадачило румынские правящие круги. Ведь они рассчитывали на то, что англо-американская политика направлена по крайней мере на недопущение советского участия в решении судеб капитулировавших стран — союзниц Германии.

---

[46] «Times», 25.X 1943.

В сущности, так оно и было до известного момента.

В Лондоне и Вашингтоне действительно пытались игнорировать СССР при определении своей политики в данном отношении, ибо стремились сохранить существовавший в побежденных странах политический строй, не считаясь с их демократическими силами. Черчилль, например, прямо заявлял, выступая в английском парламенте, что он намерен оставить нетронутыми «всю структуру и облик итальянского государства» [47].

Однако возросший в связи с блистательными победами Советской Армии международный авторитет Советского Союза вынудил западные державы хотя бы внешне отказаться от сепаратной линии. Уже в конце июля в связи с провалом гитлеровской операции «Цитадель» и начавшимся мощным контрнаступлением советских войск британский министр иностранных дел Иден и посол США в Лондоне Вайнант, обсуждая политику в отношении Италии, констатировали необходимость консультироваться с советскими руководителями, чтобы, как говорил американский дипломат, в дальнейшем иметь возможность «оказать влияние на их условия капитуляции и оккупации территорий вражеских государств» [48].

Практически речь шла о попытках западных политиков допустить лишь такое участие СССР в решении этого вопроса, которое, по их мнению, обеспечило бы предпосылки для их вмешательства в определение будущего государств, освобожденных Советской Армией. Именно такой позиции Англия и США придерживались и впредь, в том числе в отношении Румынии. Как известно, румынский народ и народы других восточноевропейских стран решительно отвергли попытки империалистического вмешательства в свои внутренние дела, и эта их позиция была поддержана СССР. Пока же налицо был факт непосредственного участия СССР как в принятии капитуляции Италии, так и в Консультативном совете, призванном «формулировать рекомендации, рассчитанные на координацию политики союзников в отношении Италии» [49]. Тем самым задача сепаратного сговора румынской буржуазии с западными державами резко осложнилась.

Весной и даже в начале лета она представлялась вполне реальной. Как писал впоследствии А. Крецяну, перед своим отъездом в Анкару в мае 1943 г. он получил от И. Антонеску, М. Антонеску и Ю. Маниу инструкции, согласно которым должен был добиться соглашения, предусматривавшего «добровольный» выход Румынии из войны в момент вступления англо-американских войск на ее территорию. Ю. Маниу просил его от имени «оппозиции» передать западным союзникам, что все готово для их вы-

---

[47] *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. New Jersey, 1957, p. 157.

[48] Ibid., p. 167.

[49] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, т. I. М., 1946, с. 359.

садки на Балканах и что лучше всего, если они начнут с вторжения в Болгарию, так как в этом случае «Турция вступит в войну и англо-американский флот сможет войти в Черное море». Что касается Румынии, продолжал лидер национал-царанистов, то, «как только англо-американские войска подойдут к Дунаю, она перейдет на их сторону» [50].

М. Антонеску предоставил А. Крецяну «полную свободу рук». А диктатор заботливо предупредил, что в Анкаре и Стамбуле много германских шпионов, и посоветовал вести переговоры, соблюдая осторожность. В заключение А. Крецяну получил от него полномочия заявить, что «настоящее правительство рассматривает себя находящимся у власти с единственной целью обеспечить порядок и что оно немедленно передаст бразды правления правительству, одобренному Великобританией и Соединенными Штатами» [51].

Из этого видно, что ни клика Антонеску, ни буржуазно-помещичья «оппозиция» в то время даже не думали о заключении мира с СССР. Напротив, строя свои планы исключительно в расчете на «балканский вариант» Черчилля, они сходились на том, что он обеспечивал Румынии и после войны роль «форпоста против большевизма» и, следовательно, позволял сохранить «внутреннюю политическую структуру страны», т. е. фашистский режим, изменив лишь его внешнеполитическую ориентацию. И. Антонеску, по свидетельству того же А. Крецяну, даже считал, что Англия и США «скорее заинтересованы в предупреждении советского вторжения в Европу, чем в ликвидации гитлеровского режима» [52].

Развитие событий во второй половине лета и осенью 1943 г., показавшее нереальность подобных расчетов, вынудило румынскую реакцию приступить к их пересмотру.

Правда, румынская реакционная печать продолжала усиленно спекулировать на различиях в политических целях СССР и англо-американских империалистических кругов. Не было недостатка и в самоутешительных заявлениях о том, что британское правительство непременно добьется осуществления «балканского варианта». Газета «Порунка времии», например, писала: «Мы все же не верим в русско-британское соглашение, ибо Англия не может отказаться от политики, которую она проводила в течение двух столетий. Она не может оставить Балканы, ибо в противном случае будут поставлены под угрозу ее господство на Ближнем Востоке и пути, ведущие в Индию» [53].

Однако становилось все более очевидно, что заключить мир только с западными державами не удастся даже в том случае,

---

[50] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 94.
[51] Ibid., p. 96.
[52] Ibid., p. 89.
[53] «Porunca vremii», 23.X 1943.

если Румынию оккупируют англо-американские войска. В связи с этим появился новый план. Основу его по-прежнему составлял антисоветский сговор с реакционными кругами Англии и США, однако допускалось и заключение мира с СССР при условии сохранения Румынией «всех румынских земель» и забвения преступлений, совершенных румынскими фашистами в СССР.

Для обоснования данного плана правительство Антонеску начало уверять, что оно вообще непричастно к агрессии против Советского Союза. Заместитель «кондукэторула» так и заявил в сентябре 1943 г.: «Нам не приходит в голову мысль, что мы ведем агрессивную войну против великого русского соседа. Ни один румын не верит в то, что мы ведем войну с великой Россией, потому что румынам свойственно чувство меры» [54].

Таким пируэтом фашистская клика пыталась не только доказать недоказуемое, но и спрятаться за спину румынского народа, приписав ему свои собственные преступления.

В то же время И. Антонеску в одном из выступлений, специально предназначавшихся западным державам, заявил, что согласен на вступление Румынии в любую федерацию или иную группировку балканских государств под эгидой Англии, тем самым предлагая свои услуги по созданию нового антисоветского «санитарного кордона». Ему вторил М. Антонеску, настойчиво напоминавший, что Румыния входила перед войной в систему англо-французских союзов на юго-востоке Европы, а ее войска участвовали в подавлении Венгерской советской республики в 1919 г. Он также подчеркивал, что подобная «особая миссия» должна принадлежать Румынии и после окончания войны.

Все это действительно отвечало планам англо-американских реакционных кругов, намеревавшихся использовать после войны пограничные с СССР страны в целях создания нового «санитарного кордона». Известно, например, что во время сепаратных переговоров с гитлеровским представителем в 1943 г. глава американской разведки А. Даллес, соглашаясь с германским планом послевоенной организации Европы, отводил эту роль Румынии, а также Польше и Венгрии.

Но уже в то время все подобные замыслы были обречены на провал. Непреодолимым препятствием для их осуществления была решающая роль СССР и его Вооруженных Сил в создании коренного перелома в войне в пользу антигитлеровской коалиции и последующие крупные победы Советской Армии, предопределившие неминуемый разгром фашистского блока. Правящие круги Англии и США были вынуждены признать, что они не в состоянии помешать осуществлению освободительной миссии Советских Вооруженных Сил за пределами СССР.

Это нашло свое отражение прежде всего в крахе «балканского варианта» Черчилля. Идея британского премьер-министра

---

[54] См.: «Мировое хозяйство и мировая политика», 1943, № 8—9, с. 54.

не встретила поддержки даже среди американских правящих кругов. И не только в силу военной нецелесообразности. В Вашингтоне не без основания полагали, что, пока англо-американские войска будут вести основные операции в Италии и на Балканах, Советская Армия успеет разгромить Германию и освободить все западноевропейские страны.

Оказавшись, таким образом, перед выбором, американцы предпочли средиземноморским и балканским интересам англичан свои собственные цели в Западной Европе. Британское правительство было вынуждено примириться с этим как вследствие своей все более усиливавшейся экономической и военно-политической зависимости от США, так и потому, что тоже страшилось упустить возможности, связанные с нанесением удара по гитлеровской Германии с запада.

Провал планов румынской реакции, рассчитанных на англо-американскую оккупацию, обнаружился еще до Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Англии. В середине ноября 1943 г. огорчительную весть привез из Анкары А. Крецяну. Как он сообщил, в ответ на его предложения о заключении сепаратного мира английское правительство заявило, что не может рассматривать «демарш румынского правительства или румынских лиц», т. е. правительства Антонеску и лидеров «оппозиции», если он не будет адресован трем союзным державам, в том числе Советскому Союзу, и не будет содержать конкретных предложений.

Вскоре прибыло еще более неприятное сообщение от посланника в Мадриде С. Георгиу. Из него явствовало, что американский посланник в Испании К. Хейс потребовал официального согласия румынского правительства на безоговорочную капитуляцию. Это было еще полбеды, но он также добавил, что только при таком условии можно избежать «оккупации всей Румынии» советскими войсками. Выходило, что занятие ими части румынской территории вообще невозможно предотвратить. А именно этого больше всего и опасались клика Антонеску и стоявшие за ней буржуазно-помещичьи круги.

Последовала новая отчаянная попытка «кондукэторула» спасти положение. Он сообщил в Мадрид, что готов дать официальное согласие на безоговорочную капитуляцию, но при следующих условиях. Первое — капитуляция вступит в силу после высадки англо-американских войск на Балканах и их продвижения в Румынию, а также вступления Турции в войну на стороне западных союзников и введения ее войск на Балканский полуостров. Согласно второму условию, документ о капитуляции должен временно находиться на хранении у турецкого правительства, которое вручит его США и Англии в соответствующий момент.

Нелепость этих требований свидетельствует о том, что метавшийся в поисках спасения румынский диктатор уже не отда-

вал себе отчета в реальном положении. Неудивительно, что ожидание положительного ответа из Мадрида оказалось тщетным. Турецкое же правительство в ответ на соответствующий запрос прямо заявило, что отказывается принять на себя предложенную Бухарестом роль, так как считает даже хранение документа о капитуляции Румынии «обязывающим Турцию» шагом.

Провал внешнеполитических маневров румынской реакции уже не вызывал сомнений. В этих условиях вновь начал распадаться и без того шаткий альянс Антонеску и лидеров буржуазно-помещичьей «оппозиции». Последние, явно разочарованные безрезультатностью совместных с фашистским правительством действий, стремились предпринять самостоятельные шаги, чтобы скорее добиться заключения сепаратного мира с западными державами. Усилился и разлад внутри правящей верхушки. М. Антонеску стремился поближе сойтись с дворцовыми кругами, чтобы приобрести в их лице более «стабильную» опору. Король Михай пытался усилить собственные позиции привлечением на свою сторону генералитета и лидеров «исторических» партий.

Обозначавшаяся таким образом тенденция к отходу от диктатора была обусловлена прежде всего неотвратимо надвигавшимся поражением в войне против СССР и крахом расчетов на антисоветский сговор с западными державами. В этих условиях основные группировки румынской реакции стремились подготовить почву для того, чтобы в решающий момент отмежеваться от наиболее одиозной фигуры военно-фашистского режима и не разделить с ним ответственность за совершенные преступления.

Существенное влияние на формирование такой позиции оказывала политика западных держав, находившая довольно точное отражение в английской и американской буржуазной прессе. Правительственные круги в Лондоне и Вашингтоне, вынужденные примириться с неизбежностью освобождения Румынии стремительно наступавшими советскими войсками, теперь были весьма озабочены тем, что за крахом фашистского режима в этой стране может последовать социальная революция. Чтобы не допустить подобного развития событий, они стремились подготовить замену диктатуры Антонеску таким правительством, которое выглядело бы достаточно «демократическим» и в то же время обеспечило бы сохранение буржуазно-помещичьего строя и, следовательно, восстановление и укрепление позиций западных держав в Румынии.

Следствием таких намерений и явилась развернувшаяся в английской и американской прессе широкая кампания с целью доказать непричастность румынских господствующих классов к политике военно-фашистской диктатуры. В соответствии с этим «оппозиция» в лице монархии и «исторических» партий представлялась «единственными в стране» поборниками демократии и противниками фашизма. Особых похвал удостоился король Михай. Попытки обелить его, как признавал американский жур-

нал «Тайм», усиленно предпринимались буржуазной прессой США и Англии в конце 1943 — начале 1944 г.[55]

Такое предпочтение объяснялось тем, что в отношении лидеров национал-царанистов и национал-либералов подобная задача оказалась невыполнимой для западной буржуазной прессы. Не случайно журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» был вынужден признать, что фашистское правительство Антонеску опиралось *на поддержку лидеров* национал-царанистской и национал-либеральной партий Ю. Маниу и Д. Брэтиану[56].

Тем не менее правящие круги США и Англии поддерживали связи и с этими деятелями. В связи с приближавшимся разгромом фашизма в Румынии они стали также уделять больше внимания реакционной румынской эмиграции, состоявшей из представителей тех же «исторических» партий. В Соединенных Штатах она группировалась вокруг бывшего короля Кароля II и бывшего румынского посланника в Вашингтоне К. Давиллы, который объявил об организации движения «Свободная Румыния». В Англии румынскую эмиграцию возглавлял бывший румынский посланник в Лондоне В. Тиля, заявивший о создании «Национального румынского комитета». В такой «оппозиции» внутри страны и за границей западные монополистические круги видели силу, с помощью которой они надеялись восстановить и укрепить свои позиции в Румынии.

Румынский диктатор оказался между двух огней. Предпринимавшиеся им попытки проявлять «самостоятельность» и особенно его поиски сепаратного соглашения с западными державами привели к тому, что вера Гитлера в него была подорвана. Осенью 1943 г., когда фашистский блок начал разваливаться, в Берлине решили воздействовать на И. Антонеску через других своих румынских «поклонников».

Так появился инспирированный гитлеровцами меморандум, в котором группа известных прогерманских политических деятелей, в том числе А. Вайда-Воевод, В. Поп, М. Манойлеску, потребовала, чтобы «кондукэторул» продолжал политику «полного и сердечного союза» с Германией, отстранил М. Антонеску и сделал публичное заявление, *осуждающее поиски* сепаратного мира с англо-американцами. Когда и этот шаг оказался безуспешным, раздраженный Гитлер выразил в кругу приближенных сожаление по поводу того, что в свое время помог И. Антонеску устранить «Железную гвардию», так как она надежнее гарантировала бы незыблемость союза Румынии с Германией[57].

Итак, почва, на которой держалась власть румынского диктатора — доверие Гитлера и поддержка со стороны румынских господствующих классов,— к концу 1943 г. начала ускользать у

[55] См.: «Time», January. 1944, p. 20.
[56] «New Statesman and Nation», April 1944, p. 276.
[57] См.: Hitler's Secret Conversations. New York, 1959, p. 227.

него из-под ног. И все же, по свидетельству А. Крецяну, у И. Антонеску оставалась еще надежда на «балканский вариант» и на то, что «англичане и американцы прибудут раньше советских войск». Каковы же были его разочарование, смятение и растерянность, когда он узнал, что на Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Англии было решено открыть второй фронт не на Балканах, а в Западной Европе [58].

Страхом и отчаянием было пронизано новогоднее заявление румынского фашистского диктатора от 1 января 1944 г. Обращаясь к западным державам, он умолял помочь остановить советские войска, уверяя, что их вступление в Румынию явится «угрозой цивилизации Европы». Единственное спасение от этой «опасности», заявлял он, заключается в том, чтобы западные державы «образумились» и заключением сепаратного мира преградили Советской Армии путь на запад. В этом обращении И. Антонеску, по существу, признал свое бессилие перед лицом растущего сопротивления румынского народа и пугал английских и американских империалистов угрозой социальной революции в Румынии [59].

Те же ноты звучали и в официозной румынской прессе. Владелец газеты «Курентул» Р. Сейшану в статье «Европейский дух и война против СССР», оперируя тезисом о «нависшей опасности распространения коммунизма на Балканах и в Средиземноморье», заявил, что именно против нее борется Румыния совместно с Германией, «защищавшей европейскую цивилизацию». Таким образом, призывая к «установлению равновесия и порядка в будущей Европе», он фактически выступал, как и прежде, за прекращение войны между западными державами и фашистским блоком, за их объединение для совместной борьбы против СССР [60].

Подобные высказывания, несомненно, отражали поворот в политике И. Антонеску после Тегеранской конференции глав трех правительств. До тех пор он исходил из соображений, связанных с предполагаемой высадкой англо-американских войск на Балканах, которая, по его расчетам, должна была остановить Советскую Армию на подступах к румынской границе. При таких условиях он был готов согласиться на разрыв союза с Германией и выход из войны. Теперь же, после краха «балканского варианта», перед лицом неизбежного вступления советских войск в Румынию, «кондукэторул» отбросил всякую мысль о заключении

[58] Посланник венгерского правительства в Швеции записал в те дни в своем дневнике: «Первая тревожная весть относительно конференции в Тегеране. Я услышал ее от японского посланника, сказавшего мне без всяких объяснений следующую фразу: «Не будет никакого вторжения англо-американцев на Балканы»» (*Antal Ulien-Reviezky*. La guerre allemande. La paix russe. Le drame hongrois. Paris, 1950, p. 180; *Kallay N*. Hungarian premier. New York, 1954, p. 397).

[59] «Curentul» 1.I 1944.

[60] «Curentul», 7.I 1944.

мира. Он хотел продолжать войну и, следовательно, по-прежнему действовать совместно с гитлеровцами.

Суть этой линии определялась стремлением с помощью германских войск задержать наступающую Советскую Армию на такой срок, какой мог бы потребоваться англичанам и американцам для подхода к Румынии с юга или с запада. Поэтому в конце 1943 г., когда, по сообщениям румынских представителей из Стокгольма, сложились подходящие условия для начала мирных переговоров с СССР, правительство Антонеску оставило без последствий эту инициативу [61].

В то же время через военного атташе одной из нейтральных стран румынское правительство направило следующее послание в Вашингтон: «Румыния не ведет войны против Англии и США. Когда английские и американские войска достигнут Дуная, они не встретят сопротивления румынских войск, ибо в этот момент румынская армия будет занята обороной на Днестре против русских». Как видим, И. Антонеску уже в начале 1944 г. применил тот же прием, что и гитлеровцы весной 1945 г., когда они готовы были капитулировать перед западными державами с единственной целью продолжать вооруженную борьбу против наступающей Советской Армии.

Любопытно, что «демократы» Ю. Маниу и Д. Брэтиану, не уступавшие фашистам в ненависти к СССР, полностью разделяли эту позицию. В одном из своих писем, опубликованных в западной прессе, они подчеркивали, что правящие румынские круги будут сражаться против Советской Армии до тех пор, пока не получат «гарантий против русского вторжения», т. е. до прибытия англо-американских войск. И далее: «Ясно, что все обстояло бы иначе, если бы перед нами находились английские и американские войска и если бы нам пришлось иметь дело с Великобританией и Соединенными Штатами» [62].

Эта авантюристическая линия на продолжение антисоветской войны, грозившая стране национальной катастрофой, потерпела полный провал в результате победоносного наступления Советской Армии и мощного подъема освободительного антифашистского движения румынских народных масс, возглавляемого Компартией Румынии.

Еще в августе 1943 г., когда наступил коренной перелом в войне и под ударами Советских Вооруженных Сил гитлеровский блок стал разваливаться, а фашистский режим Антонеску переживал глубокий кризис, КПР взяла курс на вооруженное восстание. При этом она исходила из всестороннего учета внутренней и международной обстановки, свидетельствовавшей о вызревании революционной ситуации в стране. Подтверждением тому явились не только обострение классовых противоречий и недо-

---

[61] *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu, S. 175.
[62] «19th Century and After», April 1944, p. 171.

вольство войной, охватившее широкие слои населения, но также и усилившиеся внутри господствующей верхушки распри по вопросу о путях решения внутриполитических и внешнеполитических проблем.

Деятельность компартии по подготовке и организации вооруженного восстания проходила в условиях возрастающего воздействия побед Советской Армии на внутриполитическое положение Румынии. Поражения, понесенные гитлеровской Германией, рост недовольства масс и их сопротивления фашистскому режиму, приближение к границам Румынии победоносных советских войск вызвали разброд и панику в рядах господствующих классов, усилили политический кризис военно-фашистской диктатуры, создавая благоприятные условия для претворения в жизнь курса на вооруженное восстание. Как подчеркивал впоследствии Г. Георгиу-Деж, «Беспримерный героизм Советской Армии, которая несла на своих плечах всю тяжесть войны, уничтожающие удары, которые она наносила на фронте по фашистским армиям, давали мощный толчок освободительной борьбе румынского народа»[63].

Победы Советской Армии над немецко-фашистскими полчищами оказывали революционизирующее воздействие на румынских трудящихся, вселяли в них уверенность в торжество освободительной борьбы. Об этом говорят многочисленные донесения сигуранцы. Так, сообщая о настроениях трудящихся Плоештской области в ноябре 1943 г. в связи с продолжавшимся мощным советским наступлением, она отмечала: «Рабочие подчеркивают, что приход русских, которых они рассматривают в качестве защитников пролетариата, будет означать начало рабочего господства»[64]. В следующем месяце сигуранца с еще большей тревогой докладывала правительству: «Большая часть рабочих втянута в сферу коммунистических идей, что подтверждается с каждым днем. Рабочие с особенным вниманием следят за ходом войны, и большинство из них радуется любому событию, ослабляющему военную силу рейха. Главной темой их дискуссий является возможная победа коммунистов, которые, свергнув теперешний социальный строй, установят господство рабочих»[65].

В конце 1943 г. отмечалось значительное усиление борьбы рабочих за улучшение условий жизни, против эксплуатации и произвола фашистских властей. Об интенсивности этого движения свидетельствуют даже официальные данные. Из них явствует, что только за месяц, с 15 октября по 15 ноября, произошли многочисленные выступления рабочих в 23 промышленных цент-

[63] *Cheorghiu-Dej Ch.* A XX-ea aniversarea a eliberării Romîniei.— «Scînteia», 23.VIII 1964.
[64] Arhiva MFA, dos. 292/66, f. 334.
[65] Ibid., dos. 220/78, f. 333.

рах и на ряде железнодорожных узлов. 16 октября вспыхнули волнения на предприятиях «Пиротехника», «Икар» и «Роджифер», три дня спустя — на заводе «Индустрия сырмий» в Кымпия-Турзий и на фабрике «Бухушь», 28 октября — на заводах Бухареста, Сибиу и Рымникул-Сэрате, а в последующие пять дней — на железнодорожных узлах Олтеницы и Валя Прахóвей, в депо Гривицы и Брашова, на предприятиях электрокомпании в Яссах. на заводе «Астра» в Араде, 11 ноября — на предприятиях «Стяуа ромына», «Вега» и «Копша. Мика ши Куджир», 16 ноября — в Тырнавении, Зарнешти, Мелиаше, на заводах «Малакса» и в Хунедоаре.

Решительность и стойкость, проявленные румынским пролетариатом при выдвижении экономических требований, вынуждали фашистских правителей действовать не только при помощи репрессий, но в ряде случаев идти на уступки. Однако и этим они не достигали успеха. Напротив, незначительность уступок показывала рабочим, что их хотят обмануть, и они не поддавались на посулы властей.

В этом отношении показательны события в шахтерском районе Валя Жиулуй. Обеспокоенное выступлениями рабочих, министерство труда уговорило владельцев шахт повысить на 15% заработную плату, а также пообещало сократить налоги и обеспечить шахтеров медицинской помощью. Но горняков не удовлетворили эти меры. К тому же они были сыты по горло обещаниями. В результате шахтеры направили на имя И. Антонеску составленный в категорической форме документ с требованиями улучшения условий труда и жизни. Ответа не последовало. Тогда шахтеры 23 декабря перерезали кабель фуникулера и тем самым приостановили добычу.

Характерно, что эти и другие подобные действия местные власти объясняли тем, что «коммунистическая проблема является вечно актуальной в долине Жиу». В частности, полиция г. Лужки сообщала, что большинство шахтеров «вынашивает коммунистические идеи» и что они с большой радостью и нетерпением ждут освобождения страны от фашизма, которое принесет им зажиточную жизнь, навсегда свободную от эксплуатации и эксплуататоров [66].

Таким образом, выступления рабочего класса в защиту своих интересов тесно переплетались с его растущим сопротивлением фашистскому режиму и продолжению антисоветской войны. О том же свидетельствует массовое распространение такой формы борьбы, как саботаж и диверсии на производстве и военных объектах, отказ от выполнения распоряжений властей. По сообщению газеты «Курентул», в 1943 г. состоялось 6638 судебных процессов над участниками таких акций [67].

---

[66] См.: Arhiva CC al PCR, fond 16, dos. 3873, f. 318.
[67] См.: «Curentul», 15. I 1944.

Разведывательный отдел штаба 4-го армейского корпуса писал по этому поводу: «Пожары на военных складах и объектах в последнее время приняли такие размеры, что не могут быть отнесены к разряду случайностей. Эти пожары, несомненно, имеют другую причину, которую в большинстве случаев следует искать в актах организованного саботажа». Не ошибались репрессивные органы фашистского режима и в том, что подобные факты были результатом деятельности коммунистов среди населения, которая, по оценке сигуранцы, приобрела в конце 1943 г. огромный размах и представляла «не воображаемую, а реальную и непосредственную угрозу для безопасности и самого существования государства»[68].

Антифашистские и антивоенные настроения в Румынии нарастали с каждым днем. Население не скрывало своей ненависти к гитлеровцам и их румынским подручным. Антигерманские и антиправительственные настроения были столь очевидны, что даже иностранцы, находившиеся в Бухаресте, не сомневались в возможности революционного взрыва в стране. Один из скандинавских дипломатов в конце 1943 г. записал в своем дневнике: «Когда русские войска достигнут румынской границы, население окрестностей столицы, крестьяне, коммунистические элементы и все недовольные своей жизнью, которую они хотят изменить любой ценой, восстанут, организуя саботаж, помогая таким образом русским. Паника, которая, вне всякого сомнения, произойдет в стране, породит революцию народных масс»[69].

Обстановка в Румынии в этот период являлась наглядной иллюстрацией ленинского определения революционной ситуации, включающего три признака: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению»[70].

Именно так обстояло дело в Румынии, где перспектива неизбежного разгрома гитлеровской Германии и освобождения Румынии советскими войсками от фашистского ига вызывала панику и разброд в государственном аппарате и в целом в гос-

[68] *Dumitrescu S.* Activitatea de război a organizaţilor clandestine din România. Bucureşti, p. 126.
[69] См.: 15 лет свободной Румынии. М., 1959, с. 12.
[70] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.

подствующих классах, где росла ненависть населения к гитлеровским оккупантам и клике Антонеску, а армия отказывалась продолжать антисоветскую войну. В стране вызревала революционная ситуация.

Как подчеркивал В. И. Ленин, революция возникает не из всякой революционной ситуации, а лишь из такой, когда к перечисленным выше объективным факторам присоединяется субъективный, а именно — способность рабочего класса «на революционные массовые действия, достаточно *сильные,* чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»»[71]. Такой субъективный фактор также был налицо в Румынии, где коммунистическая партия стала во главе рабочего класса, преисполненного решимости положить конец фашизму и войне против СССР, установить истинно демократический строй, который коренным образом изменил бы жизнь румынских трудящихся.

Таким образом, КПР правильно определила наличие необходимых объективных и субъективных условий для подготовки вооруженного восстания с целью свержения фашистского режима. Наличие этих условий стало еще более очевидным весной 1944 г., когда политическая активность масс, с одной стороны, а кризис господствующей верхушки — с другой, резко усилились в связи с новыми крупными победами Советской Армии над фашистскими войсками и начатым ею освобождением Румынии.

26 марта 1944 г. соединения 2-го Украинского фронта после 20-дневного непрерывного наступления вышли на 85-километровом участке к р. Прут — государственной границе СССР с Румынией. Форсировав эту реку, советские войска перенесли военные действия на румынскую территорию и к середине апреля овладели первыми 800 населенными пунктами Румынии, в том числе уездными городами Ботошани, Дорохой, Рэдэуци, Сучава и Фэлтчени.

Фашистское командование оказалось перед фактом развала своей обороны на Правобережной Украине и угрозой окружения 6-й, 8-й немецких и 3-й румынской армий. Оно поспешило выдвинуть сюда и свежую 4-ю румынскую армию, которая основными силами заняла важнейшие горные перевалы в Карпатах и рубеж по линии Пашкани — район севернее Ясс[72].

На освобожденной румынской территории площадью примерно в 10 тыс. кв. км проживало около 400 тыс. человек. В то время как владельцы предприятий, помещики и крупные чиновники бежали вместе с отступающими фашистскими войсками, основная масса населения восторженно встретила Советскую Армию. Даже та часть жителей, которая находилась под влия-

---

[71] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.
[72] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 4. М., 1962. с. 82.

нием антисоветской пропаганды, скоро поняла, что была обманута фашистами.

Этому во многом способствовала большая разъяснительная работа, проводившаяся командованием советских войск. В соответствии с указаниями Государственного Комитета Обороны Военный совет 2-го Украинского фронта обратился к жителям освобождаемых районов с воззванием, в котором заявлялось, что Советская Армия вступила в Румынию не как завоевательница, а как освободительница румынского народа от фашистского гнета. Следуя той же директиве, Советское командование ограничилось лишь наблюдением за деятельностью местных румынских органов власти, не ломало существующую экономическую и политическую структуру, охраняло личные и имущественные права граждан и частных обществ[73].

Достойное, благожелательное поведение советских воинов и разъяснительная работа политорганов Советской Армии привели к установлению дружественных отношений с населением. С особым интересом слушали жители освобождаемых районов рассказы солдат и офицеров из румынской добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску, сформированной в СССР из числа бывших военнопленных и расположившейся в апреле 1944 г. в Ботошанах. Из бесед с ними, а также с советскими военнослужащими многие впервые узнали правду о социалистическом государстве и его политике в отношении румынского народа.

2 апреля 1944 г. в Москве было опубликовано правительственное заявление, в котором говорилось: «Советское правительство доводит до сведения, что наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции. Вместе с тем Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретений какой-либо части румынской территории или изменения общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника»[74].

Советское заявление произвело глубокое впечатление на румынское население как в освобожденных районах, так и на территории, находившейся под фашистским господством. Оно содействовало консолидации сил, выступавших за выход из гитлеровского блока и прекращение антисоветской войны, активи-

---

[73] См.: Архив МО СССР, ф. 243, оп. 63942, д. 31, лл. 209—211; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 4, с. 83.

[74] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. III. М., 1947, с. 136.

зировало и усилило их действия против фашистской диктатуры Антонеску. Это заявление, продемонстрировавшее благородные цели советской внешней политики, чуждой стремлениям к империалистическим захватам и основывающейся на уважении суверенных прав народов самим определять свою судьбу, явилось «первым камнем в фундаменте будущих добрососедских отношений СССР с Румынией»[75].

Заявление Советского правительства выбивало почву из-под ног противников выхода Румынии из антисоветской войны, клеветнически утверждавших, будто СССР намерен уничтожить румынское государство или захватить часть его территории. Это вынуждены были признать и на Западе. Так, государственный секретарь США К. Хэлл сказал в те дни, что «политические гарантии, которые содержит советское заявление, должны помочь румынам увидеть, что их высший интерес требует изгнания германских войск из их страны». Но так как румынские правящие круги продолжали выжидать, Советское правительство было вынуждено еще раз заявить союзникам, что «оно имеет мало надежд на эффективность возможного контакта» с румынским правительством[76].

К тому времени военно-политическое положение фашистского правительства генерала Антонеску стало безнадежным. И это не могла изменить даже временная отсрочка дальнейшего наступления советских войск по приказу Верховного Главнокомандования[77].

Вызвана она была стремлением избежать лишнего кровопролития и дать понять румынскому правительству, что продолжение войны на стороне гитлеровской Германии при сложившейся обстановке опасно для Румынии. Руководствуясь гуманными целями, Советское правительство 12 апреля 1944 г. предъявило румынскому правительству следующие шесть условий перемирия:

«1. Разрыв с немцами и совместная борьба румынских войск и войск союзников, в том числе и Красной Армии, против немцев в целях восстановления независимости и суверенитета Румынии.

2. Восстановление советско-румынской границы по договору 1940 года.

3. Возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией Румынией советской территории.

4. Возвращение всех советских и союзных военнопленных и интернированных.

5. Обеспечение возможности советским войскам, так же как и другим союзным войскам, свободно продвигаться по румын-

---

[75] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. III, с. 136.

[76] Там же.

[77] См.: Ясско-Кишиневские Канны. М., 1964, с. 24.

ской территории в любом направлении, если этого потребует военная обстановка, причем румынское правительство должно оказать этому всемерное содействие своими средствами сообщения как на суше и воде, так и в воздухе.

6. Согласие Советского правительства на аннулирование венского арбитража о Трансильвании и оказание помощи в деле освобождения Трансильвании»[78].

Однако клика Антонеску отказалась заключить перемирие на советских условиях.

В связи с этим необходимо напомнить, что британские и американские реакционные круги разделяли тревогу капиталистов и помещиков Румынии относительно того, что в результате освобождения этой страны советскими войсками ее народ получит возможность определять свою судьбу и создаст подлинно демократическое государство, дружественное Советскому Союзу. Поэтому в Лондоне и Вашингтоне после провала «балканского варианта» в конце 1943—начале 1944 г. разрабатывались планы, имевшие целью обеспечить в момент освобождения Румынии приход к власти «оппозиции» во главе с Маниу и тем самым не допустить крушения буржуазно-помещичьего строя в стране.

Речь шла о том, чтобы совместно с румынской буржуазией выработать такие условия выхода из войны, которые внешне соответствовали бы объявленным целям антигитлеровской коалиции, но в то же время исключали бы возможность вступления Советской Армии на румынскую территорию.

Для установления непосредственного контакта с Ю. Маниу англо-американский штаб в Каире еще в декабре 1943 г. переправил в Румынию трех офицеров британской разведки во главе с уже упоминавшимся Шателеном. Они должны были подготовить почву для таких переговоров. Правда, группу Шателена сначала постигла неудача. Едва приземлившись на парашютах вблизи имения Ю. Маниу, она была схвачена румынской жандармерией и доставлена в Бухарест, где ее попытались задержать гитлеровцы. Но в конце концов все обошлось благополучно. И. Антонеску не только не выдал английских разведчиков абверу, но и предоставил им возможность встречаться с Ю. Маниу и Д. Брэтиану, а также направил своих представителей для участия в этих беседах.

По-видимому, вскоре была достигнута предварительная договоренность, так как 1 февраля 1944 г. подполковник английской разведки Мастерсон специально прилетел в Анкару, чтобы условиться с А. Крецяну об отправке румынского эмиссара в Каир для ведения переговоров о сепаратном мире. Он дал понять, что румынским правителям придется отказаться от захваченных советских территорий, но заверил, что западные союзники помогут добиться согласия Советского правительства на

[78] «Правда», 1944, 27 августа.

продвижение войск Советской Армии только до р. Прут, т. е. не далее советско-румынской границы 1940 г.[79]

Полагая, что официальный представитель фашистского режима, находящегося накануне падения, будет не в состоянии представлять интересы буржуазно-помещичьей Румынии, румынские правящие классы решили направить для переговоров с союзниками члена «оппозиции». Их выбор пал на бывшего премьер-министра князя Б. Штирбея, имевшего давние связи с английским капиталом и правительственными кругами Лондона[80].

Хотя Штирбей выступал представителем «оппозиции» и короля, в действительности за его спиной стояла вся румынская реакция, объединившаяся в страхе перед стремительным наступлением советских войск и нараставшим движением народных масс. Как видно из материалов судебного процесса над И. Антонеску и его сообщниками, между ним и лидерами «исторических» партий было достигнуто полнейшее согласие относительно целей миссии Штирбея, причем выезду последнего за границу помог сам диктатор.

Прибыв в начале марта 1944 г. в Анкару, Штирбей в течение нескольких дней вел переговоры с англо-американскими представителями. Сведения об этом тотчас же проникли в печать. Причем «Нью-Йорк таймс», сообщив, что «румыны находились в контакте с американцами и англичанами», подчеркивала: «Русские не были информированы их британскими и американскими союзниками относительно присутствия здесь (в Анкаре.— *Н. Л.*) румынских эмиссаров или каких бы то ни было мирных переговоров»[81].

В то же время одна из швейцарских газет утверждала, будто румынскому уполномоченному были вручены советские условия перемирия. В связи с этим ТАСС выступил 22 марта 1944 г. с заявлением, в котором говорилось: «ТАСС уполномочен опровергнуть это сообщение как вымышленное и заявить, что вообще никаких советских условий Штирбею или какому-либо другому румынскому представителю не передавалось»[82].

В то время как Советское правительство не было своевременно извещено о миссии Штирбея, гитлеровская клика знала о ней. И. Антонеску, сообщая Гитлеру об этих переговорах, заявил, что они ведутся по инициативе «оппозиции», а сам он не воспрепятствовал им якобы с единственной целью — «дать румынам убедиться в том, что от них требуют безоговорочной капитуляции, и тем самым поднять дух и решимость румынской армии воевать против России».

---

[79] См.: *Cretzianu A.* Op. cit., p. 125.
[80] См.: «Nation», 1944, April, p. 380.
[81] «New York Times», 15.III 1944.
[82] «Правда», 1944, 22 марта.

Гитлер не очень поверил этому объяснению, но не стал препятствовать миссии Штирбея, надеясь, что она приведет лишь к усилению недоверия между западными державами и СССР. «Нацисты,— писала в этой связи «Нью-Йорк таймс»,— позволяют румынам играть с идеей выхода из войны и подписания сепаратного мира, ибо до тех пор, пока англичане и американцы, которым румыны были бы рады сдаться, находятся далеко... на Вильгельмштрассе (улица в Берлине, где находились германские правительственные учреждения, в том числе миинистерство иностранных дел.— *Н. Л.*) не беспокоятся, что это может случиться» [83].

Итак, миссия Штирбея уже не являлась тайной для Советского правительства и мировой общественности. К тому же войска Советской Армии, громя гитлеровцев и освобождая свою территорию, неотвратимо приближались к румынской границе. В таких условиях стало немыслимо продолжение переговоров о перемирии без участия СССР.

Поэтому 13 марта 1944 г. Штирбей в сопровождении английского офицера был доставлен на военном самолете в Каир для переговоров с представителями трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. На первой встрече с ними, состоявшейся 17 марта, он заявил, что как И. Антонеску, так и «оппозиция» понимают необходимость скорейшего вывода Румынии из войны, подчеркнув таким образом, что он является представителем румынских правящих кругов в целом. Далее, как отмечала американская пресса, Штирбей попытался убедить союзников вывести Румынию из войны путем англо-американской оккупации и настаивал на включенни этого пункта в условия перемирия. Из его предложения также явствовало, что румынские правители не намеревались объявлять войну гитлеровской Германии, предпочитая ограничиться «приглашением германским войскам покинуть Румынию в определенный срок» [84].

Советское правительство, разгадав маневр буржуазно-помещичьих кругов Румынии, не возлагало больших надежд на успех начавшихся в Каире переговоров. Об этом оно и заявило в своей ноте английскому правительству от 22 марта 1944 г.

В ней, в частности, указывалось: «Что касается самого Маниу, то теперь стало ясно, что он не принадлежит к числу таких лидеров, которые могут вести борьбу против Антонеску, а скорее следует считать, что то, что он делает, он делает с разрешения Антонеску, являясь лишь орудием в его руках. С другой стороны, ни из сообщений Штирбея, ни из других данных сейчас не видно, чтобы Антонеску проявлял интерес или стремился к переговорам с союзниками по поводу выхода Румынии из войны и перехода на сторону союзников против Германии. Ввиду та-

---

[83] «New York Times», 14.III 1944.
[84] См.: «Time», March 1944, p. 25.

кого положения приходится сделать вывод, что, судя по имеющейся информации, нет оснований придавать значение сообщению Штирбея и следует выразить сомнение в том, что переговоры, которые велись с князем Штирбеем в последние дни в Каире, могут привести к положительным результатам»[85].

Тем временем советские войска успели выйти к румынской границе, а затем форсировали Прут и приступили к освобождению Румынии от фашистского ига. По мере развития событий охваченные паникой румынские правящие круги все более лихорадочно искали выхода из сложившегося критического положения. 21 марта, когда войска Советской Армии еще находились за пределами Румынии, Маниу и Брэтиану, все еще надеявшиеся добиться прибытия англо-американских вооруженных сил, обратились к И. Антонеску с новым посланием. По их мнению, он должен был «сказать немцам, что, поскольку германские войска не могут сдержать советского наступления, Румыния выйдет из войны и начнет переговоры с союзниками о перемирии». «Если вы не можете этого сделать,— писали они,— то вы должны заявить королю о своей отставке и подумать уже сейчас о сформировании нового кабинета, который исправил бы создавшееся положение».

Лидеры буржуазно-помещичьей «оппозиции» намеревались также потребовать созыва коронного совета для принятия решения о выходе Румынии из войны и заключении перемирия, ибо промедление в этом вопросе, по их оценке, было «чревато огромной опасностью». Они предупреждали: во-первых, в результате прорыва фронта советскими войсками в Румынии наступит «внутренняя анархия, которой никто не сможет противостоять», т. е. революционный взрыв; во-вторых, если Советская Армия перейдет Прут, то невозможно будет получить «приемлемые условия перемирия»[86].

В тот же день, 21 марта, И. Антонеску решил отправиться к Гитлеру, но предварительно через посланника в Турции направил в каирский штаб англо-американских войск запрос: на какую помощь западных союзников можно рассчитывать при защите румынской территории от продвижения советских войск? Он также поставил Каир в известность о своей предстоящей встрече с Гитлером для обсуждения дальнейших планов ведения войны на румынском фронте. Тем самым «кондукэторул» давал понять, что в случае отказа прислать англо-американские войска в Румынию он не пойдет на разрыв с немцами и выход из войны.

Через Крецяну командующий войсками западных союзников на Ближнем Востоке генерал Вильсон направил И. Антонеску следующий ответ: «Вы не должны ни под каким видом встре-

---

[85] *Исраэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция. М., 1964, с. 372.
[86] ИДА, ф. Совет министров Румынии, д. 336 (81), л. 67/139/3.

чаться с Гитлером. Если вы это сделаете, то это будет рассматриваться как окончательное свидетельство румынского намерения сотрудничать с Германией до конца и ваша страна будет нести полную ответственность за все последствия. Вы немедленно должны капитулировать перед тремя великими державами и приказать румынским войскам прекратить сопротивление русским. Немцы находятся в безнадежном положении на юге России, и у вас теперь наилучший шанс для того, чтобы способствовать их полному поражению. Мы будем судить по результатам, и характер мирных условий, которые будут предъявлены Румынии ультимативно, в большей части будет зависеть от тех усилий, которые она внесет в поражение Германии...»[87]

Послание Вильсона, исходившего из трезвого учета обстановки на южном участке советско-германского фронта и необходимости сохранения сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, разочаровало румынских фашистов. И. Антонеску понял, что и усилия «оппозиции» и его собственные попытки добиться присылки англо-американских войск провалились. И тотчас же отправился к Гитлеру.

Как известно, за несколько дней до этого, 19 марта, немецко-фашистские войска оккупировали Венгрию, заподозрив хортистское правительство в намерении выйти из войны. Но не это напугало «кондукэторула», поскольку Румыния и без того была наводнена гитлеровцами, которые, однако, были уже не в состоянии сдержать наступление советских войск на румынском направлении. Следовательно, открывалась реальная возможность выхода Румынии из войны. Но для этого нужно было согласиться на вступление советских войск на румынскую территорию и вместе с ними действовать против гитлеровцев.

Ни то, ни другое не входило в планы И. Антонеску. И перемирию с СССР он предпочел продолжение войны на стороне Германии.

23—24 марта состоялись его переговоры с Гитлером, который прежде всего заявил, что в связи с «вероломным поведением Венгрии» он в ближайшее время объявит «венский арбитраж» недействительным. Затем он пообещал предпринять крупное контрнаступление с целью преградить советским войскам путь в Румынию, а также нарисовал радужную картину «решительных перемен» в пользу Германии, которые вот-вот произойдут на Восточном фронте в целом[88].

Воспрянув духом, румынский диктатор 26 марта возвратился в Бухарест. Но здесь его ждали новые грозные вести с фронта, никак не соответствовавшие тому, что говорил ему Гитлер. Переполошившись, он немедленно послал фюреру не лишенное упреков письмо. «Вернувшись сегодня в свою страну, я нашел,

---

[87] *Cretziann A.* Op. cit., p. 130.
[88] ИДА, ф. Военный кабинет, д. 304, л. 43.

что положение выглядит совершенно иначе, чем это мне казалось, когда я был в верховном командовании вооруженных сил,— писал И. Антонеску.— Положение на фронте от Тернополя до Бугского лимана очень серьезное. Советские войска, прорвавшие фронт между Тернополем и Проскуровом, своими передовыми частями достигли Залещики. Вторая основная группа противника, форсировавшая Днестр между Могилевом и Каменкой, глубоко вклинилась в расположение наших войск и передовыми частями уже находится в районе Стефанешти, Яссы... Противник ведет также мощное наступление между Днестром и Бугом; оказывается, германский фронт в этом районе отодвинут к югу намного дальше, чем это было представлено во время моего отъезда из ставки (гитлеровской.— *Н. Л.*)»[89].

Страх и отчаяние все больше овладевали мечущейся в поисках спасения румынской фашистской кликой. После очередного обмена мнениями с Ю. Маниу «кондукэторул» решился еще раз попытать счастья в Каире. Не решаясь обращаться туда лично после того, как он вопреки совету генерала Вильсона встретился с Гитлером, И. Антонеску возложил эту задачу на своего заместителя. М. Антонеску тотчас же отправил в каирский штаб телеграмму, в которой вновь сообщалось о намерении Румынии выйти из войны.

Генерал Вильсон ответил 29 марта предложением отдать румынским войскам в Крыму приказ вступить в контакт с советским командованием и сложить оружие, а также организовать сопротивление против немцев на Прутском участке фронта.

Фашистская клика даже не ответила на это предложение. И не только потому, что считала его неприемлемым для себя. Дело в том, что в начале апреля, как уже упоминалось, наступление советских войск в Румынии было приостановлено по приказу Ставки Верховного Главнокомандующего, и клика Антонеску усмотрела в этом возможность продержаться еще некоторое время, с тем чтобы добиться от союзных держав более выгодных для себя условий перемирия.

Такую же позицию заняли лидеры буржуазно-помещичьей оппозиции, которых безуспешно пытались образумить их западные друзья. Не получив от румынского правительства ответа на свое предложение от 29 марта, генерал Вильсон 1 апреля обратился с посланием к Ю. Маниу. Он писал: «Если вы сбросите режим Антонеску, который не хочет порывать с немцами, Советы согласятся вести с вами дело». Далее давались рекомендации: «Лучший шанс на военный успех, по моему мнению, заключается в том, чтобы избегать прямого военного конфликта с германскими войсками и сконцентрироваться на немедленном подрыве германских коммуникаций в Румынии (шоссе, железные дороги, мосты, подвижной состав, локомотивы)». Наконец, Виль-

---

[89] Ясско-Кишиневские Канны, с. 20—21.

сон обещал свое содействие. «В качестве немедленной помощи в выполнении этой задачи,— писал он,— я готов произвести мощный воздушный налет на цели, которые вы укажете» [90].

Все было тщетно. Ослепленная ненавистью к СССР и страхом перед собственным народом, румынская буржуазия не понимала, что западные союзники, по существу, подсказывали ей последнюю и единственную для нее возможность удержать свои господствующие позиции в стране после перемирия. Ничего другого при всем своем желании они уже не могли ей предложить, ибо не оправдались и их собственные надежды на то, что удастся предотвратить освобождение Румынии Советской Армией. «После того как русские пересекли Прут,—писал американский журнал «Тайм»,—...долгая и хитрая игра союзников (западных.— *Н. Л.*) с целью не допустить войну на Балканы провалилась» [91].

Но в то же время правительства США и Великобритании, связывавшие с румынской реакцией, в частности с Маниу и его сторонниками, свои далеко идущие планы в отношении Румынии, настаивали перед советской стороной на продолжении переговоров.

И тогда Советское правительство, стремившееся к скорейшему завершению войны и прекращению дальнейшего кровопролития, выразило готовность предъявить свои условия перемирия с Румынией. Они были предварительно согласованы с правительствами Англии и Соединенных Штатов и, как отмечено выше, вручены Штирбею 12 апреля 1944 г. Советские условия перемирия явились новым убедительным доказательством доброго отношения СССР к Румынии. Они отражали глубокие интересы и национальные чаяния румынского народа, свидетельствовали об уважении Советским правительством внутренней жизни Румынии, о нежелании вмешиваться в нее. Выступая в английской палате общин 24 мая 1944 г., Черчилль признал, что эти условия не допускали и мысли об изменеиии общественных устоев в Румынии и были «во многих отношениях необыкновенно великодушны» [92].

Несмотря на это, после совместного обсуждения советских условий перемирия клика Антонеску и буржуазно-помещичья «оппозиция» отклонили их. Румынский диктатор заявил, что он никогда не согласится воевать против Германии. Впоследствии же, на судебном процессе в 1946 г., он признал, что его позицию целиком разделял Ю. Маниу, считавший необходимым «подождать» с перемирием на советских условиях.

О том, чего именно ожидал лидер национал-царанистов, можно судить по сообщению из Швейцарии. Г. Гафенку, поддерживавший там связи с реакционными английскими и американ-

[90] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 132.
[91] «Time», April 1944.
[92] См.: «Times», 25.V 1944.

скими кругами, писал Ю. Маниу, что не следует спешить с заключением перемирия с СССР, ибо западные державы скоро-де примут решение, которое «изменит участь Румынии». И далее пояснял, что речь идет об «иной форме» осуществления «балканского варианта», настойчиво отстаиваемого Черчиллем и после Тегеранской конференции.

Высказавшись против принятия советского предложения о перемирии, Маниу не решился открыто заявить об этом, а прибегнул к тактике затягивания переговоров в Каире с целью выторговать у союзников приемлемые для румынской реакции условия. 14 апреля 1944 года он выдвинул свой проект, из которого явствовало, что «оппозиция» не намеревалась вести борьбу против гитлеровской Германии.

Румыния, говорилось в нем, заключит соглашение о прекращении военных действий и нотой поставит об этом в известность Берлин, а войну рейху объявит лишь в том случае, если он начнет военные действия против нее. Маниу также требовал, чтобы советские войска ограничились освобождением территории Молдавии и не продвигались дальше «без разрешения румынского правительства» и чтобы англичане и американцы прислали свои воздушнодесантные соединения, без которых якобы было невозможно обеспечить выход Румынии из войны на стороне гитлеровской Германии.

Чтобы замаскировать явно антисоветскую сущность своих предложений, Маниу уверял, что их не следует рассматривать как «дискриминацию какого-либо союзника» и что они продиктованы «лишь географическими и военными соображениями».

В действительности же позиция Маниу отражала стремление румынских правящих кругов с помощью англо-американских дивизий «нейтрализовать» присутствие советских войск в освобождаемой от фашизма Румынии и тем самым обеспечить возможность подавить революционное движение румынского народа и сохранить прогнивший буржуазно-помещичий строй, а, возможно, и спровоцировать столкновение между вооруженными силами западных союзников и СССР. Именно поэтому Маниу, по свидетельству Крецяну, не допускал и мысли об освобождении Румынии «без активного присутствия английских военных формирований»[93].

По его поручению 27 мая в Каир прибыл еще один румынский эмиссар — Вишояну. От имени Ю. Маниу он просил направить в Румынию хотя бы две-три англо-американские дивизии, подчеркнув, что такая «помощь внутри страны является важнейшим условием всякого действия с нашей стороны» и что «ответственные и решившиеся на выступление румынские группировки могли бы произвести переворот, если бы было достигнуто приемлемое соглашение». Советские же условия перемирия

[93] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 139.

он фактически отверг, уклончиво заявив, что они нуждаются в дальнейшем обсуждении [94].

В результате союзники по инициативе советского посла в Каире решили прервать переговоры со Штирбеем и Вишояну. В принятом 1 июня на совещании представителей трех союзных держав тексте заявления указывалось: «Ввиду положения, создавшегося в связи с последними телеграммами Маниу, представители трех держав считают необходимым заявить румынским делегатам, что дальнейшие переговоры бесполезны и они считают их законченными» [95].

Совершенно очевидно, что «оппозиция», действуя в сговоре с фашистской кликой, пыталась в ходе переговоров в Каире достичь целей, не имевших ничего общего с подлинными национальными интересами Румынии. К тому же, как показал судебный процесс в 1946 г., Маниу и Брэтиану были против свержения Антонеску, ибо полагали необходимым, чтобы он взял в свои руки подавлеиие революционной борьбы масс, и считали его «тем человеком, который должен вести переговоры и заключить перемирие» [96].

Сам же «кондукэторул», убедившись в том, что западные союзники, связанные обязательствами перед СССР, не в состоянии помочь достижению этих целей, вообще отказался от мысли покинуть своего германского союзника. 4 августа 1944 г. при очередной встрече с Гитлером он дал ему слово до конца стоять на стороне фашистской Германии. И. Антонеску намеревался превратить всю территорию страны в арену ожесточенных сражений, обречь румынский народ на новые бессмысленные жертвы и страдания. «Я отдал приказ о мобилизации всей нации,— заявил он.— Мы переживаем тотальную войну, и если солдату приходится умирать на фронте, не должен щадить своей жизни и оставшийся в тылу» [97].

Обреченность фашистских правителей Румынии делала их действия особенно опасными, несущими угрозу самому существованию румынского народа.

К тому времени клика Антонеску доживала последние дни. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов заканчивали подготовку к нанесению нового мощного удара, которому суждено было положить начало освобождению всей Румынии. А внутри страны назревал революционный взрыв, которого так страшилась румынская реакция.

Политический кризис в Румынии в 1944 г. еще более углубился и достиг крайней остроты. К этому неизбежно вело продолжение антисоветской войны, а также прогрессирующий раз-

---

[94] «New York Times», 1.VIII 1944.
[95] *Исраэлян В. Л.* Указ. соч., с. 374.
[96] Procesul marii trădări naţionale. Bucureşti, 1946, p. 165.
[97] См.: Вклад Румынии в разгром фашистской Германии (23 августа 1944 г.— 9 мая 1945 г.). М., 1959, с. 38.

вал румынской экономики. Ограбление страны гитлеровцами, непомерные военные расходы, тяжелые потери на фронтах и разруха в тылу крайне усилили нужду и бедствия масс.

Народ голодал, а клика Антонеску продолжала поставлять рейху огромное количество продовольствия и горючего. В феврале 1944 г. было заключено новое экономическое соглашение с Германией, по которому Румыния сверх обычных поставок должна была отправить нефти на 32 млрд. лей, 60 тыс. вагонов хлеба, 25 тыс. вагонов кукурузы и ячменя, 5 тыс. вагонов масличных культур, 1 тыс. вагонов сои, 100 тыс. голов крупного рогатого скота, большое количество свиней, птицы и т. д. Причем, как сообщил М. Антонеску на заседании совета министров 23 февраля 1944 г., речь шла о поставках «в кредит». Кроме того, румынское правительство подтвердило свое обязательство финансировать содержание немецких войск на румынской территории и выплачивать пенсии семьям румынских граждан немецкого происхождения, служивших в германской армии[98].

Таким образом, фашистские правители, выкачивая последние ресурсы страны для поддержки гитлеровцев в войне против СССР, продолжали гибельную политику подрыва и без того дезорганизованной хозяйственной жизни Румынии.

Большой урон румынской экономике наносили и англо-американские бомбардировки. Выше уже упоминалось, что западные союзники, объявив войну Румынии, длительное время, по существу, поощряли ее участие в антисоветской агрессии, и это проявилось, в частности, в нежелании предпринять действия, которые хотя бы ограничили объем румынских поставок нефти для гитлеровской Германии. Только в конце августа 1943 г., когда в результате блестящих побед Советской Армии завершился коренной перелом в ходе войны, англо-американская авиация впервые совершила налет на нефтяной район Румынии. После этого прошло более полугода, прежде чем подобные рейды возобновились.

И хотя к тому времени в них уже не было необходимости, так как советские войска приступили к освобождению Румынии, тем не менее авиация западных союзников подвергла ее жесточайшим бомбардировкам, имевшим единственную цель — превратить в пустыню румынскую территорию, по которой предстояло наступать войскам Советской Армии. В результате этих налетов рушились промышленные предприятия и целые кварталы жилых домов, гибло мирное население. Большое число зданий было разрушено в Бухаресте, Плоешти и во многих других населенных пунктах. Сотни тысяч людей остались без крова.

Разрушение предприятий привело к дальнейшему росту безработицы, которая и без того приняла большие размеры в результате закрытия многих предприятий из-за отсутствия сырья.

---

[98] См.: Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8440, ff. 4—5.

В то время как в городах люди безуспешно искали работу, в крестьянских хозяйствах оставалось все меньше трудоспособных. Особенно тяжелое положение сложилось в деревне весной 1944 г. в связи с новой мобилизацией, проведенной кликой Антонеску с целью восстановления не раз уже разгромленной 4-й армии и отправки ее на фронт. Одновременно велась массовая реквизиция скота, лишавшая крестьянские хозяйства сохранившейся тягловой силы. Все это привело к новому резкому сокращению посевов. В 1944 г. по сравнению с 1941 г. площадь под яровой пшеницей уменьшилась вдвое, под кукурузой и ячменем — в два-три раза, под яровой рожью — в четыре раза.

В связи с дальнейшим падением сельскохозяйственного производства усилилась нехватка продуктов питания. Даже по спекулятивным ценам, недоступным трудовому населению, было очень трудно найти мясо, жиры, муку. Норма выдачи хлеба уменьшилась даже по сравнению с 1943 г., когда она составляла всего 215 г в день[99].

Выпуск товаров широкого потребления также резко упал. Например, производство сахара по сравнению с 1940 г. сократилось в 1944 г. в три раза, хлопчатобумажных тканей и трикотажа — в четыре-пять раз. Так обстояло дело и с другими товарами первой необходимости. К тому же львиная их доля, как и нефть и зерно, несмотря на сократившееся производство, по-прежнему отправлялась в Германию. Поскольку Румыния сама должна была оплачивать эти колоссальные поставки, а также громадные расходы на ведение войны, то Национальный банк непрерывно увеличивал выпуск необеспеченных денежных знаков.

В результате всего этого инфляция и дороговизна росли с головокружительной быстротой. К августу 1944 г. цены на продукты питания и предметы первой необходимости возросли по сравнению с августом 1939 г. почти в 14 раз. Уровень жизни по сравнению с 1933 г. был в апреле 1944 г. в 6 раз ниже, а в августе — в 7 раз[100].

Хозяйственная разруха со всей силой ударила по материальному положению трудящихся масс. Об этом свидетельствуют официальные документы фашистского режима. Из них, в частности, видно, что реальная заработная плата рабочих за годы войны уменьшалась более чем в пять раз, причем в 1944 г. из нее еще и высчитывалось примерно 30% на оплату всевозможных налогов и насильственно распространяемых займов. В то же время даже причитавшаяся рабочим нищенская сумма на многих промышленных предприятиях месяцами не выплачивалась.

Фашистский режим превратил труд рабочих в каторгу. Они подвергались наказаниям за малейшие проступки. Многие были

---

[99] Arhiva MAE, fond Germania, vol. 91, n/p.
[100] «Bursa» 26.II 1945.

вынуждены проводить ночь в карцере, а днем работать до полного изнурения. По приказу И. Антонеску, ни во что не ставившего жизнь трудящихся, запрещалось прекращать работу и покидать свое место на производстве даже во время бомбардировок англо-американской авиации.

Бедствия и лишения трудящихся масс усугублялись массовым террором, с помощью которого фашистская диктатура пыталась продлить свое существование. Аресты и судебные процессы шли один за другим. За первую половину 1944 г. было осуждено по обвинению в нарушении законов, иеповиновении властям около 34 500 гражданских лиц, из которых 332 человека были приговорены к смертной казни [101].

В этих условиях весть о вступлении советских войск на территорию Румынии с радостью и надеждой была воспринята народными массами, увидевшими наконец реальную перспективу избавления от фашистского ярма. Огромное впечатление на широкие слои населения произвело заявление Советского правительства от 2 апреля 1944 г., подтвердившее, что Советская Армия пришла в Румынию не с завоевательскими целями, а как армия-освободительница.

Клика Антонеску попыталась скрыть этот документ от народа. Но запрет на его публикацию в прессе не достиг цели. Этому помешала компартия.

Благодаря подпольной коммунистической газете «Ромыниа либера» о содержании заявления Советского правительства узнал весь румынский народ. Публикуя его, компартия призвала население к активной борьбе, чтобы совместно с Советской Армией избавить страну от фашистского господства. В обращении КПР говорилось: «Румынский народ! Принимай Красную Армию с доверием как армию — освободительницу и спасительницу. Помогай ей всеми силами и средствами!»

КПР призвала рабочих, крестьян, интеллигенцию, студентов, женщин, молодежь к подрыву фашистской военной машины, забастовкам и демонстрациям, к отказу от принудительной эвакуации. Компартия обращалась также к солдатам, сержантам, офицерам и генералам румынской армии, которых она призывала отказываться воевать за Гитлера и Антонеску и переходить на сторону Советской Армии. «Находящиеся в тылу! — говорилось далее в обращении.— Отказывайтесь отправляться на фронт. Переходите на сторону народа. Уходите с оружием и снаряжением в леса и горы. Создавайте группы и подразделения патриотов и партизан. Защищайте и спасайте население и его имущество от грабителей-немцев. Защищайте и спасайте честь, свободу и богатства румынского народа» [102].

Ненависть рабочих к гитлеровцам и их прислужникам,

---

[101] «Revista arhivelor», 1959, N 1, p. 12.

[102] Documente din istoria partidului comunist din Romînia. Bucureşti, 1951, p. 375—376.

управлявшим румынским государством, нарастала с каждым днем, открыто проявляясь при всяком подходящем случае. В донесении сигуранцы от 23 апреля 1944 г. прямо говорилось, что в столице «ненависть к режиму сейчас сильнее, чем когда бы то ни было». Сообщая летом 1944 г. о революционных настроениях шахтеров долины Жиу, полиция города Дева писала: «Рабочие с нетерпением ждут падения нынешнего правительства, а часть их даже готова совершать акты саботажа, чтобы ускорить его свержение». Из Брашова докладывали: «Можно с уверенностью сказать, что при первом критическом моменте для государства рабочие окажут эффективную поддержку коммунистам в деле свержения существующего социального строя». В том же донесении отмечалось, что трудящиеся связывали надежды на улучшение своего положения с установлением рабочей власти [103].

Враждебное отношение к военно-фашистской диктатуре проявляли и крестьяне. Сообщениями об этом пестрят многие документы из архивов репрессивных органов фашистского правительства. Причем, как правило, в них выражалось крайнее беспокойство по поводу того, что коммунистическая пропаганда проникла также и в крестьянские слои.

Авторитет и влияние компартии, разоблачавшей антинародную политику клики Антонеску, действительно, неизмеримо возросли и среди сельских тружеников. Ее призывы находили у них горячий отклик. В письме, опубликованном в газете «Ромыниа либера» весной 1944 г., рассказывалось о том, что крестьяне готовы с оружием в руках бороться за изгнание немцев из страны и свержение режима Антонеску, чтобы прекратить войну, несущую смерть и разорение [104].

Антивоенные настроения все больше распространялись и в армии. И. Антонеску даже намеревался специальным приказом «осудить» ее за то, что она явно не желала «воевать должным образом против русских». Чтобы заставить румынские части сражаться, гитлеровское командование включало их в состав немецких соединений. За этими частями располагались эсэсовцы. Им было приказано стрелять в спину румынских солдат и офицеров, если они не шли в атаку.

Однако дезертирство приняло еще больший размах, охватив также часть офицерства. Летом 1944 г. только военный трибунал в Плоешти ежедневно выносил 60—80 приговоров о смертной казни или тюремном заключении для дезертиров. И все же число дезертиров непрерывно росло. Официальные вестники публиковали бесконечные списки лиц, дезертировавших из армии или не явившихся на призывные пункты. Только во второй половине июня 1944 г. из воинских частей сбежало более 5 тыс. человек, в том числе 200 офицеров [105].

[103] См.: Arhiva MFA, dos. 221/45, f. 26.
[104] См.: «Romînia liberă», 22.III 1944.
[105] «Inainte», 13. VIII 1944.

Свидетельством крайне обострившегося кризиса фашистского режима был прогрессировавший распад государственного аппарата, который в ряде районов страны был полностью парализован. В марте 1944 г. сигуранца доносила правительству, что в некоторых местностях проявляется «безразличное отношение полицейских властей», ибо они, не зная, как будет обстоять дело в будущем, считают, что «лучше никому не делать зла» [106].

Антивоенные настроения охватили всю страну, что вынудило сигуранцу признать в одном из донесений правительству: «Единственное желание народа состоит в том, чтобы война закончилась как можно скорее» [107]. На стенах домов появлялись написанные от руки листовки с требованиями: «Хотим хлеба и мира! Вон немцев из страны, чтобы нас прекратили бомбить! Долой войну!» [108]

Конкретные условия развития революционного процесса в Румынии сложились так, что хотя в годы войны наиболее закаленные коммунисты находились в тюрьмах и концлагерях, тем не менее именно они оставались руководящим ядром КПР, организаторами и руководителями антифашистского сопротивления. Террор диктатуры Антонеску не смог сломить их боевого духа. Даже фашистская сигуранца была вынуждена констатировать, что попытки оторвать их от партии, от политической жизни страны и антифашистского движения оказались безуспешными. «Заключение коммунистов в лагерь,— отмечалось в одном из ее донесений правительству в 1943 г.,— не изолировало их от остального общества и не явилось препятствием для продолжения ими деятельности» [109].

Этим руководящим ядром КПР был разработан план подготовки вооруженного восстания. Он предусматривал: реорганизацию, перестройку всей деятельности партии; осуществление единства действий рабочего класса; образование коалиции всех прогрессивных, антифашистских сил; развитие сотрудничества со всеми партиями и группами, которые по той или иной причине высказываются за выход из войны; создание под руководством компартии боевых патриотических отрядов; привлечение армии на сторону восстания; освобождение из заключения основных партийных кадров; свержение путем вооруженного восстания военно-фашистской диктатуры Антонеску; вывод страны из антисоветской войны, поворот армии против нацистской Германии и присоединение к антигитлеровской коалиции; сформирование правительства, представляющего все антифашистские силы.

Таким образом, основными направлениями деятельности Коммунистической партии Румынии стали: организация активного сопротивления трудящихся диктатуре Антонеску и войне

---

[106] «Analele», 1959, N 4, p. 92.
[107] «Военно-исторический журнал», 1951, № 2, с. 41.
[108] Arhiva MFA, dos. 2/60, f. 136.
[109] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 3174, f. 224.

для обеспечения массовой базы вооруженного восстания, а также привлечение армии на сторону народа и создание боевых групп рабочих, которые должны были в решающий момент стать ядром крупных патриотических формирований для непосредственного осуществления задачи свержения фашистского режима.

4 апреля 1944 г. в подполье было создано временное руководство партии в составе Константина Пырвулеску, Иосифа Рангеца и Эмиля Боднэраша. Оно и возглавило деятельность коммунистов по усилению решительной борьбы против гитлеровских захватчиков и предательской клики Антонеску, организации активной поддержки Советской Армии-освободительницы, перестройке всей партийной работы на военной основе в соответствии с задачами подготовки вооруженного восстания [110].

Временное руководство партии, поддерживая постоянную связь с партийными кадрами, находившимися в заключении, в короткий срок проделало большую работу по укреплению связей с массами, увеличению рабочей прослойки во всех звеньях партийного аппарата, улучшению пропаганды, активизации патриотических организаций. Был также реорганизован военный отдел КПР, что позволило шире развернуть деятельность партии в рядах армии [111].

Важнейшей задачей в этот период явилось усиление борьбы за создание Единого рабочего фронта (ЕРФ). Успешному ее решению благоприятствовала военная и политическая обстановка, сложившаяся к весне 1944 г. Среди рабочих, находившихся под влиянием социал-демократов, произошел поворот в сторону единства действий с компартией. Они все более убеждались, что предлагаемый ею путь совместной борьбы против господства германского империализма и фашистской диктатуры Антонеску является единственным средством спасения страны. Поэтому они стали оказывать возрастающее давление на правосоциалистических лидеров, выступавших против единого фронта с КПР.

Огромное воздействие оказывали на них победы Советской Армии, нанесшей сокрушительное поражение немецко-фашистским войскам и начавшей освобождение Румынии от гитлеровского ига. Лотар Рэдэчану, один из руководителей румынской социал-демократической партии, в то время отмечал, что успехи СССР в антигитлеровской войне явились подтверждением правильности политической линии коммунистов и способствовали росту их престижа [112].

В этой обстановке компартия использовала опыт создания ЕРФ снизу, приобретенный ею в период классовых боев 1931—1933 гг. В то время созданный таким путем вопреки сопротив-

[110] Ibid., fond 1, dos. 7988, f. 22.
[111] См.: «Scînteia», 21.VII 1964.
[112] См.: *Radaceanu L.* Temeliile politice de front unic muncitoresc. Bucureşti, 1945, p. 18.

лению правосоциалистических элементов Единый рабочий фронт нефтяников и железнодорожников придал широкий размах их борьбе. Учитывая этот опыт, компартия видела ныне в создании Единого рабочего фронта одну из важнейших предпосылок успеха борьбы за свержение фашистского режима и последующего ее перерастания в борьбу за социальное освобождение [113].

К весне 1944 г. в результате деятельности КПР на предприятиях уже начали создаваться комитеты, состоявшие из коммунистов, социал-демократов и беспартийных, что, по существу, означало формирование Единого рабочего фронта снизу. А это, как и изменение военной и политической обстановки в Румынии в связи с начавшимся освобождением страны Советской Армией, заставило правых социал-демократических лидеров изменить свое отношение к предложениям коммунистов. Боясь остаться за бортом событий и уступая давлению рабочих социал-демократов и левого крыла руководства партии, они были вынуждены согласиться на создание Единого рабочего фронта.

Переговоры по этому вопросу от имени компартии вели Константин Пырвулеску и Константин Аджу, а от социал-демократической партии — лидер ее левого крыла Штефан Войтек. В первой половине апреля 1944 г. они достигли договоренности о создании Единого рабочего фронта, причем было решено объявить об этом 1 Мая, в день праздника единства и солидарности трудящихся всего мира.

В первомайском манифесте «Ко всему рабочему классу! К румынскому народу!» сообщалось о создании Единого рабочего фронта и программе его деятельности. «Рабочий класс в нашей стране, как и всюду, смыкает свои ряды в едином фронте,— говорилось в манифесте.— В день 1 Мая, в день своей борьбы и надежды, организованный и объединенный рабочий класс от имени коммунистов и социал-демократов призывает всех рабочих, весь румынский народ, все классы и социальные слои, все партии и организации, независимо от политической окраски, религиозных верований и социальной принадлежности, к решительной борьбе за немедленный мир, свержение правительства Антонеску и создание национального правительства из представителей всех антигитлеровских сил, изгнание гитлеровских армий из страны, к саботажу и разрушению германской военной машины, к поддержке Советской Армии-освободительницы, к союзу с Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами, к борьбе за свободную, независимую и демократическую Румынию» [114].

Манифест звал рабочий класс также на борьбу за его неотложные нужды — 8-часовой рабочий день, немедленное повышение заработной платы до уровня выросших цен, обеспечение права объединяться в профсоюзы и политические организации,

---

[113] *Pîrvulescu C.* Unitatea de acţiune a clasei muncitoare un factor esenţial al victoriei insurecţiei din august 1944. - «Scînteia», 9.VIII 1964.

[114] Arhiva CC al PCR, fond 39, filele 9 şi verso.

свободу слова, освобождение из заключения арестованных за политические убеждения и патриотическую антигитлеровскую борьбу, рабочий контроль за социальным обеспечением, бесплатные школы и больницы, дешевое жилье для трудящихся.

В заключение вновь подчеркивалось, что на рабочий класс возложена историческая миссия руководства борьбой за освобождение румынского народа от фашистского ига. «Но освобождение не придет само по себе,— указывалось в манифесте,— за него надо бороться. Мир, которого желает нация, нужно завоевывать в борьбе, в ходе которой народ должен взять свою судьбу в собственные руки» [115].

Первомайский манифест Единого рабочего фронта был широко распространен в Бухаресте и других городах Румынии. Он вызвал огромное воодушевление среди рабочих и был воспринят ими как важный шаг на пути объединения всех патриотических антигитлеровских сил во имя освобождения страны.

Вот, например, одно из многих писем рабочих, публиковавшихся в те дни в подпольной коммунистической печати: «С большой радостью мы узнали о первом шаге, сделанном на пути объединения антифашистских сил в результате создания Единого рабочего фронта... Это, конечно, только первый шаг, после него последуют другие, которые приведут к созданию широкого и мощного Патриотического национального фронта, столь желаемого истинными патриотами нашей страны... Объединенный рабочий класс должен стать во главе борьбы за изгнание немцев, свержение режима Антонеску, за мир, свободу и благосостояние». Оценивая значение создания Единого рабочего фронта, «Ромыниа либера» подчеркивала, что он явится мощным оружием в патриотической освободительной борьбе пролетариата и всего румынского народа [116].

Платформа Единого рабочего фронта не предусматривала изменения производственных отношений, а лишь выдвигала задачу совмещения борьбы за насущные экономические интересы с борьбой против фашистской диктатуры, за национальное освобождение от гитлеровского ига и прекращение антисоветской войны. Это объяснялось конкретными историческими условиями Румынии того периода. Платформа ЕРФ отвечала выработанной коммунистами линии на создание единого национального фронта борьбы против гитлеризма. И хотя Единый рабочий фронт был создан двумя партиями для решения ограниченного круга вопросов, а сами эти партии сохранили свою идеологическую и организационную самостоятельность, значение этого события трудно переоценить.

Жизнь подтвердила правильность линии КПР, ибо Единый рабочий фронт способствовал значительному повышению бое-

---

[115] Ibidem.
[116] «Romînia liberă», 28.VII 1944.

вой силы пролетариата, его способности влиять на широкие массы, мобилизуя их на антифашистскую борьбу.

Весной и летом 1944 г. комитеты ЕРФ были созданы не везде, а лишь на основных предприятиях Бухареста и других городов страны. Это объяснялось как жесточайшим фашистским террором, так и тем, что многие заводы из-за воздушных бомбардировок были эвакуированы отдельными цехами в разные концы страны, а там оказались невозможны широкие выступления рабочих. Тем не менее создание и деятельность комитетов Единого рабочего фронта сыграли большую роль в подготовке и мобилизации трудящихся масс на вооруженное антифашистское восстание [117].

Комитеты призывали к борьбе за экономические и политические требования рабочего класса. В этом отношении характерны листовки одного из комитетов железнодорожников. Они призывали добиваться повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, уклоняться от принудительной подписки на займы. В то же время комитет разъяснял, что, борясь за эти цели, рабочие тем самым способствуют ускорению выхода Румынии из войны и заключению мира с Объединенными Нациями, свержению диктатуры Антонеску и сформированию правительства из представителей антифашистских сил [118].

Неразрывную связь между этими проблемами подчеркивала и листовка комитета ЕРФ завода «Астра» в Брашове. «Борьба за наши минимальные требования,— говорилось в ней,—должна быть тесно увязана с борьбой всего румынского пролетариата и всего румынского народа за немедленный выход из гитлеровской войны, за саботаж производства оружия, за изгнание германских захватчиков из страны, за свержение предательского правительства...» Чтобы активно способствовать достижению этих целей, указывалось в листовке, рабочие завода «Астра» наряду с борьбой за неотложные экономические требования должны саботировать восстановление разрушенных бомбардировками цехов, отказываться от эвакуации и препятствовать любым мероприятиям фашистских властей [119].

Создание Единого рабочего фронта способствовало тому, что движение протеста против фашистского режима и за удовлетворение экономических требований, несмотря на репрессии властей, приобрело массовый характер.

Участились забастовки рабочих. Они происходили только там, где имелись для этого объективные условия, в частности, на тех предприятиях, цехи которых не были разбросаны по стране. Хотя эти забастовки были непродолжительными, порой длились час-два, они оказывали большое воздействие на все слои

---

[117] «Studii», 1964, N 4, p. 783.
[118] «Analele», 1959, N 4, p. 128.
[119] Arhiva CC al PCR, fond 35, dos. 3, ff. 8—9.

населения, свидетельствуя о неспособности фашистского режима остановить борьбу пролетариата.

Так, 3 июня 1944 г. на заводе «Пиротехника» в г. Саду группа рабочих прекратила на два часа работу в знак протеста против вычетов из заработной платы. Все чаще администрации предприятий приходилось идти на уступки, чтобы не останавливать производство. Например, рабочие завода «Форд ромына», действуя под руководством своего комитета, воспротивились принудительной эвакуации, а рабочие фабрики «Гаджель» добились возмещения сумм, вычтенных администрацией в счет военного займа. На заводе «Леметр» рабочие организовали забастовку и демонстрацию, заставив администрацию пойти на сокращение рабочего дня с 11,5 до 8,5 часа. Они также отказались подписаться на военный заем. Комментируя этот успех, газета «Ромыниа либера» писала: «Вот какую силу представляет объединение всех рабочих ради защиты и завоевания их профессиональных прав» [120].

Одной из широко распространенных форм сопротивления фашистскому режиму стал невыход на работу. Непосредственную связь между этим проявлением борьбы рабочих и деятельностью комитетов ЕРФ можно проследить на примере упоминавшегося завода «Астра» в Брашове. После того как в одном из его цехов была распространена антифашистская листовка, из 253 рабочих 117 не явились на работу. Под руководством комитетов ЕРФ рабочие также саботировали выполнение важнейших заказов, искусственно замедляя темп производства. Администрация завода «Леметр», производившего артиллерийские снаряды, жаловалась на то, что даже после удовлетворения некоторых требований рабочих производительность труда не превышала половины обычного уровня [121].

Под руководством компартии рабочие фабрик и заводов, действуя через свои комитеты, направляли в министерство труда и другие правительственные учреждения делегации, требовавшие улучшения условий жизни и работы. Бухарестское областное полицейское управление в докладе от 30 июня 1944 г. отмечало, что в последнее время резко возросло число рабочих и работниц, обращающихся с жалобами. О том же сообщало плоештское областное управление полиции, подчеркивавшее, что это, как и в целом выступления рабочих,— результат деятельности коммунистов, в которой авторы донесения усматривали следующие три этапа: «Пропаганда выдвижения требований о денежной помощи, авансах, займах; подстрекательство рабочих к коллективному протесту; организация конфликтов, забастовок и актов насилия» [122].

---

[120] «Romînia liberă» 25.VI 1944.
[121] Arhiva MFA, dos. 120, vol. 2, ff. 41—43.
[122] Ibid., dos. 221/47, f. 235.

Под влиянием усиливавшейся борьбы рабочего класса летом 1944 г. приняли большой размах и крестьянские выступления против фашистского режима и гитлеровских оккупантов. Возмущение сельских тружеников достигло крайнего предела в связи с новыми актами беззакония, осуществляемыми совместно германскими и румынскими фашистами.

Чтобы придать видимость законности ограблению крестьян, правительство Антонеску объявило, что реквизиции для германской армии будут осуществляться румынскими офицерами, обязанными выдавать пострадавшим соответствующие квитанции, подлежащие оплате румынскими властями. Но на деле эта процедура не соблюдалась. Гитлеровцам была предоставлена возможность беспрепятственно совершать опустошительные набеги на деревни, грабить крестьян и расправляться с теми, кто не хотел отдавать последнее добро.

В таких условиях среди сельского населения, естественно, нашли горячий отклик призывы компартии оказывать сопротивление немцам-грабителям, прятать от них скот и зерно. Успеху этой деятельности коммунистов способствовало то, что компартия направила в деревню своих активистов.

Крестьяне все чаще отказывались выполнять поставки сельскохозяйственных продуктов, платить налоги, сопротивлялись реквизициям. О размерах этого движения можно судить, например, по тому, что фашистским властям, по их собственному признанию, удалось получить в 1944 г. лишь 60% намеченного количества зерна. Они также были вынуждены констатировать срыв запланированных в военных целях дорожно-транспортных работ в результате массового уклонения крестьян от выполнения различных повинностей. В частности, из Крайовы административный инспекторат осторожно сообщал по этому поводу, что среди населения деревень наблюдается «отсутствие воодушевления в отношении выполнения повинностей» [123].

В ряде мест крестьяне не приступали к уборке нового урожая, предпочитая оставить его на полях, чем отдать гитлеровцам. Участились протесты против размещения германских войск в селах. Из Яломицкого уезда местные власти сообщали, что крестьяне не скрывают своей радости по поводу продвижения Советской Армии по румынской территории. В сельских районах в июле происходили вооруженные выступления против немецких оккупантов [124].

Организатором и руководителем борьбы тружеников деревни, как неизменно отмечала сигуранца, являлась КПР. В одном из ее донесений правительству прямо указывалось, что сопротивление со стороны крестьян — результат «усилившейся коммунистической пропаганды на селе» [125].

---

[123] «Analele», 1959, N 4, p. 37, 40.
[124] См.: «Buletinul Capitalei», 28.VII 1944.
[125] Arhiva Inst., dos. 16305—5905, f. 4.

На сторону рабочих и крестьян, боровшихся за свержение правительства Антонеску и разрыв гибельного для страны союза с гитлеровской Германией, за заключение мира с СССР, все решительнее переходила румынская интеллигенция. И в этом сыграла огромную роль деятельность компартии по разоблачению клеветы фашистской пропаганды, запугивавшей население «красной опасностью» и «угрозой большевизма».

Поскольку клика Антонеску начиная с весны 1944 г. пыталась заставить наиболее видных представителей румынской интеллигенции эмигрировать за границу, компартия выпустила специальную брошюру, раскрывавшую провокационный характер этого маневра. Фашистские правители, отмечалось в брошюре, охвачены страхом перед неотвратимым возмездием за свои преступления и надеются спастись бегством в последний момент, после того как предадут огню войны всю страну. Они хотят увлечь за собой представителей румынской интеллигенции, что послужило бы им ширмой, оправданием перед историей, и лицемерно называют это «спасением элиты».

Выражая уверенность в том, что румынская интеллигенция останется с народом, КПР призывала ученых, инженеров, врачей, писателей, артистов в тяжелый для страны момент внести свой вклад в борьбу против фашистов — злейших врагов румынской и мировой культуры [126].

Румынская интеллигенция в своей основной массе разделяла чаяния народа. Об этом свидетельствуют многочисленные факты проявления ее патриотического духа и прогрессивных устремлений. Еще осенью 1943 г. известный румынский писатель Тудор Аргези опубликовал в газете «Информация зилей» статью, в которой приветствовал победы Советской Армии над фашистскими захватчиками. За это клика Антонеску заключила его в концентрационный лагерь.

Но и такими методами не удалось устрашить демократическую интеллигенцию. В апреле 1944 г. большая группа профессоров и преподавателей Бухарестского, Ясского, Клужского университетов открыто выступила против политики фашистского правительства. В письме на имя И. Антонеску содержалось требование прекратить войну, несущую разрушения, бедствия и смерть румынскому народу. Бомбардировка столицы и разрушение других городов, предупреждения Лондона, Вашингтона и Москвы, превращение Молдовы в театр войны, писали они, являются предвестниками катастрофы. В обращении также разоблачались утверждения антисоветской пропаганды о том, будто СССР стремится к уничтожению румынского государства, захвату части его территории или насильственному изменению существующего в Румынии строя.

---

[126] Documente din istoria partidului comunist din Romînia, p. 389.

Антифашистские настроения были характерны и для румынского студенчества. Студенты Клужского университета, переведенного в Сибиу, организовали в июле 1944 г. уличную демонстрацию против продолжения войны. Антиправительственные выступления отмечались также среди учащихся лицеев и гимназий. В тот же период группа студентов выступила с манифестом, в котором говорилось: «Студенческая молодежь! В настоящее время, когда мир бурлит и принимаются великие исторические решения, спокойно заниматься книгами и довольствоваться своей жизнью было бы не только бесчестьем, но и преступлением против страны... У нас один путь. Мы не хотим быть порабощены в результате предательской политики Антонеску. Мы не хотим быть оружием в руках гитлеровского империализма. Мы не хотим, чтобы румынский народ стал пушечным мясом для Гитлера и его подлой банды... Да здравствует свободная Румыния! Да здравствует патриотический фронт! Смерть немецким захватчикам!» [127]

В конце июля Единый рабочий фронт вновь обратился с призывом добиваться 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты, предоставления 3-месячного денежного пособия рабочим, пострадавшим от бомбардировок, немедленной отмены военных порядков на предприятиях, прекращения сверхурочных работ и вычетов на нужды войны, обеспечения права на объединение в профсоюзы и политические организации, освобождения политических заключенных и антифашистов.

В обращении провозглашались лозунги антифашистской патриотической борьбы — немедленный мир, свержение диктатуры Антонеску и сформирование правительства из представителей всех антигитлеровских сил, завоевание свободы, национальной независимости и гражданских прав, построение свободной, демократической и независимой Румынии [128].

ЕРФ также указал на необходимость усилить саботаж с целью разрушения гитлеровской военной машины всеми возможными средствами. В этом обращении со всей силой прозвучал призыв создавать боевые патриотические группы и отряды партизан для ведения вооруженной борьбы против фашизма [129].

Укрепление руководства КПР и достигнутое усилиями коммунистов единство пролетариата, скрепленное созданием Единого рабочего фронта, сыграли решающую роль в подготовке вооруженного восстания против фашистской клики и гитлеровских оккупантов. Компартия не прекращала усилий по объединению всех сил, которые по той или иной причине выступали за вывод Румынии из антисоветской войны и освобождение страны из-под фашистского ига. Вместе с тем вновь и вновь КПР предпринимала попытки создания широкого национального антигитлеров-

[127] «Analele», 1959, № 5, p. 40.
[128] См.: «Romînia liberă», 28.VII 1944.
[129] Ibidem.

ского фронта с участием «исторических» партий, оказывавших влияние на некоторые слои населеиия. Эта задача диктовалась необходимостью использовать все имеющиеся возможности для консолидации сил, желавших устранения правительства Антонеску.

Переговоры руководства компартии с лидерами национал-царанистов и национал-либералов велись, как уже отмечено, и в предшествующие годы, но не увенчались успехом, так как Ю. Маниу и Д. Брэтиану сначала целиком поддерживали политику «кондукэторула», а позднее, когда стало очевидно ее полное банкротство, пытались найти такой выход, который в любом случае исключил бы возможность участия народных масс в решении дальнейших судеб страны. Однако начавшееся освобождение Румынии войсками Советской Армии, рост антифашистского движения румынского народа и провал попыток антисоветского сговора с западными союзниками вынудили лидеров «исторических» партий приступить к пересмотру своих позиций в отношении сотрудничества с компартией.

К этому их толкало и стремление заручиться еще одним доказательством своей «оппозиции» военно-фашистскому режиму, и растущее недовольство рядовых членов этих партий фактически проводимой их руководством политикой поддержки правительства Антонеску.

Последнее отмечала даже агентура сигуранцы. Так, в ее донесении из Плоешти в январе 1944 г., в частности, говорилось: «В рядах национал-царанистской партии в последнее время наблюдается большое брожение, и ближайшие сотрудники Ю. Маниу утверждают, что в настоящий период партия переживает острый политический кризис, который может иметь серьезные последствия в будущем. Это брожение является результатом принципиальных расхождений и отсутствия единства»[130].

Единством «исторические» партии, как о том свидетельствуют их внутренние распри на протяжении многих лет, не отличались и прежде. Однако в новой обстановке противоречия между отдельными их группировками существенно отразились и на отношении к сотрудничеству с компартией. Например, среди национал-либералов наиболее трезвый подход к оценке событий проявила группа бывшего премьер-министра Г. Татареску, заключившая в мае 1944 г. соглашение с КПР о совместных действиях[131]. Усилилась тенденция к сотрудничеству с компартией и среди рядовых национал-царанистов, особенно молодых. У них, как отмечала сигуранца, возникло «враждебное отношение к Маниу, которого они считают реакционером»[132].

[130] См.: *Роман В., Захареску В., Петрик А.* Антифашистское движение сопротивления в Румынии.— В кн.: Вторая мировая война. Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией, кн. 3. М., 1966.
[131] Arhiva statului Bucureşti, dos. special 3854, vol. 4, partea a 11-a, f. 628.
[132] Ibid., f. 628.

В этих условиях Ю. Маниу и Д. Брэтиану решили, что они могут извлечь выгоды из соглашения о сотрудничестве с компартией. По свидетельству А. Крецяну, они рассчитывали на то, что такое соглашение придаст представительный характер их посланцам на каирские переговоры с союзниками[133]. Любопытно, что К. Вишояну, прибывший в Каир на помощь Штирбею, уже 26 мая, почти за месяц до оформления Национально-демократического блока в составе КПР, национал-царанистской, национал-либеральной и социал-демократической партий, сообщил там о его создании и с целью набить себе цену добавил, что это-де «большая уступка марксистским партиям»[134].

Сформирование Национально-демократического блока (НДБ) состоялось 20 июня 1944 г. В соглашении, подписанном представителями четырех партий, заявлялось, что он будет действовать ради спасения страны, преследуя цели:

«1. Незамедлительное заключение перемирия с Объединенными Нациями (Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами Америки) на основе предложения, сделанного союзниками... 2. Вывод Румынии из «оси», освобождение страны от германской оккупации, присоединение к Объединенным Нациям, восстановление национальной независимости и суверенитета. 3. Устранение в этих целях нынешнего диктаторского режима, замена его конституционным, демократическим режимом на основе предоставления прав и гражданских свобод всем гражданам страны. 4. Поддержка демократического порядка и обеспечение мира в соответствии с интересами государства и румынского народа».

Во время переговоров делегации коммунистической и социал-демократической партий предлагали включить в состав НДБ также такие антифашистские организации, как Фронт земледельцев, Союз патриотов, социально-крестьянскую партию. Но лидеры национал-царанистской и национал-либеральной партий на это не согласились, заявив, что «четыре демократические партии Национально-демократического блока выражают мнение страны и представляют почти все политические силы, постоянно боровшиеся против диктаторских режимов и внешнеполитической ориентации на державы оси». Компартия оставила за собой право сотрудничать с названными организациями, входившими в Патриотический антигитлеровский фронт, и продолжала руководить их борьбой против фашистского господства.

Соглашение о создании НДБ вступало в силу немедленно и обязывало его участников действовать сообща для реализации изложенных выше пунктов.

В соглашении подчеркивалось, что партии Национально-демократического блока полностью сохраняют идеологическую и

---

[133] См.: *Cretzianu A.* Op. cit., p. 142.
[134] См.: Hitler's Europe. New York, 1951, p. 626.

политическую самостоятельность и что их обязательство о совместных действиях относится только к осуществлению сформулированных задач. Это замечание напоминало о различии конечных целей участников соглашения. В то время как буржуазно-помещичьи круги, представленные в этом блоке лидерами «исторических» партий, присоединились к движению сопротивления в целях восстановления «конституционного режима» путем замены клики Антонеску другой правящей группой, способной обеспечить их собственные политические и экономические интересы, народные массы под руководством компартии стремились к национальному и социальному освобождению, рассматривая свержение фашистского ига в качестве первоочередного шага на этом пути.

КПР не скрывала своей конечной цели — уничтожения капиталистического рабства. Рисуя перспективы борьбы румынских трудящихся за полное освобождение и в этой связи подчеркивая важность ликвидации фашистского господства в стране, ЦК Компартии Румынии в брошюре, изданной в августе 1944 г., указывал: «Конечно, коммунистическая партия является революционной партией. Она стремится к коренным изменениям румынского общественного уклада. В первую очередь она хочет ликвидировать все феодальные пережитки как в сельском хозяйстве, так и в социальной жизни... Конечная цель коммунистической партии — сделать Румынию бесклассовой, социалистической». В то же время в брошюре подчеркивалось: «Не отказываясь ни от одного пункта своей программы, осуществление которой не ставится в качестве незамедлительной цели, коммунистическая партия считает своей неотложной задачей сегодня борьбу за освобождение страны от террора Гитлера. Чтобы существовала социалистическая Румыния, нужно, чтобы существовал румынский народ»[135].

Для лидеров «исторических» партий вступление в Национально-демократический блок было лишь маневром, с помощью которого они стремились укрепить собственные позиции в качестве «борцов против фашизма», чтобы обмануть народные массы и обеспечить свое влияние на них. В действительности Ю. Маниу и Д. Брэтиану по-прежнему поддерживали фашистского диктатора и даже свое участие в НДБ рассматривали как средство помешать любому конкретному действию, направленному на свержение Антонеску и на поворот оружия против гитлеровской Германии. Они же и проинформировали фашистского диктатора о создании Национально-демократического блока и его составе[136].

В дальнейшем лидеры буржуазно-помещичьих партий вместо выполнения своих обязательств по участию в НДБ организовали

[135] Documente din istoria partidului comunist din Romînia, p. 365.
[136] См.: Le procès des dirigeants de l'ancien parti national-paysan. Bucureşti, 1947, p. 147.

саботаж освободительной антифашистской борьбы румынского народа. Они чинили всевозможные препятствия деятельности Национально-демократического блока, стремились затруднить объединение масс вокруг компартии, помешать радикальному решению задач момента.

Секретная служба фашистского режима в документе «Коммунистическая партия и Национально-демократический блок» от 27 июня 1944 г. с удовлетворением отмечала трудности, возникшие на пути превращения НДБ в орган, призванный объединить все демократические силы, и подчеркивала: «Этому способствует больше всего образ мысли Маниу...» Вместе с тем далее пессимистически констатировалось: «Но вполне возможно, что бурное развитие событий опередит его, и он не окажется тем, кто будет руководить судьбами страны» [137].

Так и случилось.

Вопреки позиции Ю. Маниу и Д. Брэтиану и их маневрам создание Национально-демократического блока с участием буржуазно-помещичьих партий объективно привело к полной политической изоляции клики Антонеску и сыграло наряду с другими факторами положительную роль в обеспечении широкого участия населения и армии в вооруженном восстании против фашистского господства. Более того, оно по существу способствовало также изоляции лидеров «исторических» партий, поскольку своей двурушнической политикой они поставили себя вне деятельности, направленной на осуществление главной в то время национальной задачи — свержения военно-фашистской диктатуры и перехода Румынии в лагерь антигитлеровской коалиции.

Правящая фашистская клика оказалась перед лицом мощного и непрерывно возраставшего всенародного сопротивления, возглавляемого компартией. Все более тревожными становились донесения сигуранцы. 27 июля она докладывала о «пугающей» обстановке в стране, отмечая, что за последнее время значительно возросла активность «подрывных элементов», имевшая целью нарушить существующий «государственный порядок» и парализовать всю деятельность в тылу фронта. А в донесении от 5 августа 1944 г. сообщила, что «коммунистическая партия готовится к решающим действиям» [138].

В связи с этим И. Антонеску отдал распоряжение о подготовке в военной школе Котрочень специальных частей для подавления возможного выступления антифашистских сил [139].

Однако ставка на использование румынской армии для борьбы против собственного народа была обречена на провал. Ибо, ведя подготовку к вооруженному восстанию, КПР придавала первостепенное значение привлечению армии на сторону наро-

[137] Arhiva CC al PCR, dos. 2119/3013, vol 19, ff. 559—560.
[138] Arhiva Inst., dos. 16232—5337, f. 328; dos. 2120—3013, f. 37.
[139] «Analele», 1956, N 3, p. 79.

да, превращению ее из орудия реакции в силу, поддерживающую антифашистскую революцию. Как отмечал Г. Георгиу-Деж, деятельность партии в рядах армии, привлечение части генералитета и офицерства на сторону антигитлеровских сил имели очень большое значение[140].

Начиная с 1942 г. румынские коммунисты усилили работу по созданию в частях армии своих ячеек и групп сочувствующих. Уже в то время такие ячейки и группы возникли в 9-й пехотной дивизии, в полку морской авиации в Мамайе, 46-м пехотном и 9-м кавалерийском полках, а также в ряде других. В них наряду с солдатами входили и офицеры. К лету 1944 г. такие организации имелись во многих воинских частях и подразделениях, в том числе в полку связи, саперном полку, третьей бомбардировочной флотилии, дислоцировавшихся соответственно в Бухаресте, Рошиори-де-Веде, Крайове. Эти ячейки и группы, а также коммунисты и члены Союза коммунистической молодежи, призванные в армию, развернули большую разъяснительную работу.

КПР через свою нелегальную печать обращалась к солдатам, офицерам и генералам с призывом объединиться с антифашистскими силами, чтобы свергнуть фашистское правительство и повернуть оружие против гитлеровцев. Наибольшего размаха эта деятельность достигла весной и летом 1944 г. Стремясь положить конец опасному продолжению войны, КПР еще 22 марта через газету «Ромыниа либера» обратилась к командующим соединениями, генералам, офицерам и солдатам румынской армии.

В этом воззвании говорилось: «Красная Армия, самая мощная армия Объединенных Наций... продвигается вперед, громя армии гитлеровской Германии. Она будет преследовать их до полного уничтожения в соответствии с англо-советско-американским планом, составленным (на конференциях) в Москве и Тегеране. В этих условиях, когда полный военный и политический разгром Гитлера является лишь вопросом короткого времени, нацисты отступают по нашей территории, сжигая и опустошая все на своем пути. Румыния превращается в театр военных действий и будет опустошена, если мы не воспрепятствуем этому...».

Далее указывалось, что высшие национальные интересы требуют без промедления разорвать союз с Гитлером и повернуть оружие против германских фашистов — общих врагов Объединенных Наций и Румынии. Подчеркивая, что только таким путем можно спасти страну, народ и армию, компартия отмечала, что находящиеся на румынской территории германские войска пока еще слабы и могут быть легко разоружены. «Армия и ее командование,— заявляла КПР,— несут большую ответствен-

---

[140] *Gheorghiu-Dej Gh.* A XX-ea aniversarea a eliberării Romîniei.— «Scînteia», 23.VIII 1964.

ность. Они должны немедленно выполнить свой патриотический долг. Народ не забудет тех, кто был на его стороне в решающий час, так же как и тех, кто не выполнил своего долга»[141].

1 мая КПР обратилась к солдатам, младшим командирам, офицерам и генералам с призывом: «Отказывайтесь сражаться и умирать за преступников — Гитлера и Антонеску. Фронтовики! Переходите со всем оружием и снаряжением на сторону Красной Армии, которая поможет вам бороться за освобождение нашей Родины! Тыловики! Отказывайтесь отправляться на фронт. Переходите на сторону народа!.. Разоружайте и уничтожайте гитлеровских захватчиков!..»[142]

Разъясняя опасность продолжения войны на стороне гитлеровской Германии, компартия в другом своем обращении также звала солдат и офицеров на решительную борьбу за спасение румынского народа. Она говорила им: «Поверните оружие против немцев и предателей, находящихся у них на службе!.. Присоединяйтесь к Красной Армии-освободительнице и вместе с ней боритесь за очищение Румынии от немцев, за мир и свободу Румынии!»[143].

Эти и другие обращения компартии способствовали прозрению как рядового, так и командного состава армии, подготавливали ее переход на сторону антифашистских сил, руководимых коммунистами.

Росту патриотических антигитлеровских настроений среди солдат, офицеров и генералов способствовала также настойчивая разъяснительная работа коммунистов непосредственно в воинских частях. В своих воспоминаниях, опубликованных в послевоенные годы в Бухаресте, генерал Илие Крецулеску писал: «Что касается армии, то наши солдаты, души которых были переполнены гневом и возмущением, с жаром говорили о необходимости рассчитаться с гитлеровцами, принесшими столько горя и несчастья румынскому народу. Как в результате интенсивной работы КПР, так и по причине страданий, перенесенных в течение этой непопулярной войны, наши солдаты были готовы повернуть оружие против фашистов»[144].

Крецулеску также отмечал, что в связи с этим в армии приняли массовый характер акты неподчинения распоряжениям румынской фашистской верхушки и приказам германского командования, солдаты и офицеры все чаще оставляли самовольно позиции, переходили на сторону советских войск[145].

Клика Антонеску пыталась воздействовать на армию жестокими репрессиями. Так, в первом полугодии 1944 г. за дезертирство, нарушение воинской дисциплины и невыполнение прика-

---

[141] «Romînia liberă», 22.III 1944.
[142] Documente din istoria partidului comunist din Romînia, p. 376—377.
[143] Ibid., p. 387.
[144] «Analele», 1959, N 4, p. 40.
[145] «Scînteia», 19.VII 1964.

зов было осуждено 9465 военнослужащих, из которых 634 были приговорены к смертной казни. Но даже такими мерами ничего не удалось изменить. Обследование румынских частей на фронте, проведенное генеральным штабом 28 июля 1944 г., показало, что солдаты и офицеры не хотят продолжать антисоветскую войну, а большинство командиров полков прямо заявили, что на их части рассчитывать нельзя [146].

О подобных настроениях в румынской армии свидетельствуют и мемуары командующего группой армий «Южная Украина» генерала Фрисснера. Характеризуя обстановку, складывавшуюся в Румынии под влиянием успехов Советской Армии и начавшейся наконец 6 июня 1944 г. высадки англо-американских войск на западном побережье Франции, он был вынужден констатировать быстрый рост враждебности в Румынии к гитлеровской Германии. Он писал, что такое неприязненное отношение проявлялось не только среди населения, но и в генштабе. Что же касается солдат, то, по его словам, их «не привлекал лозунг антибольшевизма. Эти войска трудно заставить воевать». Он также считал, что «плохое поведение» румынских войск было «результатом давно подготовленного саботажа» [147].

Как свидетельствовал позднее генерал-полковник Д. Дэмэчану, являвшийся в то время начальником штаба бухарестского гарнизона, ход событий на фронте, где Советская Армия наносила фашистским войскам сокрушительные удары, ненависть народа к военно-фашистскому правительству и гитлеровцам оказали сильное воздействие на многих генералов и высших офицеров, которые стали более трезво оценивать создавшееся положение. Он писал: «Нас было много — офицеров, которым жизнь, ход событий показали, что единственной силой, способной организовать всех заинтересованных в свержении фашистской диктатуры, является коммунистическая партия. Именно поэтому в мае 1944 г., установив связь с КПР, я примкнул к акции, которую она предпринимала» [148].

Изменение позиции части генералитета и высшего офицерства создавало условия для того, чтобы армия присоединилась к патриотическим силам и повернула оружие против гитлеровских захватчиков.

Разумеется, далеко не все румынские генералы руководствовались при этом интересами народа. Среди них, как и в фашистской верхушке, были и такие, кто просто понял бессмысленность продолжения войны и стремился найти выход с наименьшим ущербом для себя и господствующих классов страны в целом.

Так, один из иностранных дипломатов в сообщении из Бухареста следующим образом описывал возникшую в румынских

---

[146] Arhiva MFA, dos. 732/1, f. 14.
[147] *Frissner H.* Verratene Schlachten. Hamburg, 1956, S. 83.
[148] 23 august 1944, Culegere de articole. Bucureşti, 1964, p. 44.

военных кругах тягу к миру: «Генералы не скрывали от меня, что потеряли надежду и хотят теперь, чтобы война немедленно кончилась, так как продолжение ее больше ничего не может принести. Они даже начали находить приемлемыми советские условия, которые всего несколько недель тому назад с ужасом отвергали...» Он также писал: «У меня сложилось мнение, что даже в правящих кругах большинство желает, чтобы советское наступление началось как можно скорее и привело к поражению немцев на местном фронте, что даст возможность покончить с войной и вступить в переговоры, так как тогда нечего или почти нечего будет больше бояться Германии».

Эти настроения свидетельствовали о том, что не только широкие народные массы и все демократические силы страны, но и определенные круги правящей верхушки так или иначе хотели покончить с войной. Последние, конечно, стремились таким путем не допустить перехода политической инициативы в руки коммунистической партии, возглавившей народное сопротивление фашизму и войне, ибо понимали, что это угрожает их интересам больше, чем поражение на фронте.

Что касается намерения этих кругов вступить в мирные переговоры тогда, когда советские войска разгромят гитлеровцев и можно будет «не бояться Германии», то нельзя не отметить, что они участвовали в установлении фашистской диктатуры и в антисоветской войне отнюдь не из страха перед рейхом, а из ненависти к СССР и ради грабежа и наживы. Их «мирные» устремления представляли собой не что иное, как еще одно убедительное свидетельство глубокого кризиса верхов.

Однако тот факт, что в результате крайнего обострения противоречий внутри правящей верхушки часть ее была вынуждена перейти на позиции отказа от продолжения войны, имел немаловажное значение, ибо он усиливал изоляцию клики Антонеску, лишал фашистскую диктатуру последней опоры. В этих условиях не только лидеры «исторических» партий, но и дворцовые круги во главе с королем были вынуждены пойти на сотрудничество с компартией.

В документе, подготовленном для короля Михая группой придворных политиков в начале мая 1944 г., констатировалось отсутствие возможности продолжать антисоветскую войну. Вместе с тем составители документа высказывались против созыва коронного совета для заключения перемирия. Во-первых, заявляли они, нет полной уверенности, что все его члены выскажутся за заключение перемирия, а, во-вторых, если даже большинство поддержит такое решение, то другая часть, несомненно, будет по-прежнему настаивать на выдвижении таких условий, которые, как показали переговоры в Каире, совершенно неприемлемы для антигитлеровской коалиции.

Авторы документа ставили вопрос: «Какова будет в этой ситуации позиция и ответственность его королевского величест-

ва?»[149] Если заключить перемирие, разумеется, на условиях, навязанных союзниками, тогда некоторые политические деятели отклонят от себя ответственность. Поддержать же нереальные предложения, выдвигаемые последними, значит отказаться от заключения перемирия и тем самым «перед лицом катастрофы, которая разразилась бы вследствие этого над страной, дать повод для обвинения монархии в невыполнении выраженной народом воли выйти из войны. И в том, и в другом случае ответственность падает на его величество»[150].

Что же делать? Ждать, пока И. Антонеску сам заключит перемирие, означало упустить момент, когда еще можно добиться от союзников «терпимых условий». Тем более, отмечалось в документе, что, хотя И. Антонеску и М. Антонеску дали королю формальное обещание вступить на путь заключения перемирия, они считают его преждевременным и «не предпринимают ничего позитивного в этом направлении», ожидая неких «новых событий в общем развитии войны».

Ждать больше нельзя, предупреждали составители документа, ибо только теперь можно «смягчить суровость неизбежной советской оккупации». Дальнейшее промедление к тому же опасно для судеб монархии, так как «по мере продвижения русских его величество вместе с армией и государственным аппаратом не будет иметь другого выбора, если не заключит перемирие, кроме как отступить в Германию. Разве можно надеяться, что монархия, которая таким путем проявила бы полную солидарность с германским делом, сможет сохраниться?»[151].

Из приведенного документа явствует, что дворцовые круги потеряли надежду на успех переговоров в Каире об обеспечении англо-американской оккупации Румынии и стали искать других путей спасти монархию и уйти от ответственности за ведение преступной антисоветской войны. И в то же время они не хотели восстанавливать против себя тех, кто так или иначе поддерживал «кондукэторула».

Вот почему они рекомендовали королю не созывать коронный совет по этому вопросу, чтобы не оказаться вынужденным открыто присоединиться к той или иной стороне, а вместо этого либо добиться согласия И. Антонеску на выход Румынии из войны, либо сформировать новое правительство, которое немедленно подпишет перемирие. А так как уверенности в успехе первого варианта не было, то высказывалась мысль о необходимости одновременно с попытками уговорить «кондукэторула» найти, на случай его отказа, возможность избавиться от него.

Такой запасной вариант представлялся авторам документа делом нелегким, но возможным. Сложность заключалась в том, что при существовавших условиях единственной реальной поли-

[149] Arhiva CC al PCR, fond 1, dos. 7986, f. 1.
[150] Ibid., ff. 1—2.
[151] Ibid., f. 8.

тической силой в стране была коммунистическая партия, сотрудничество с которой, естественно, было нежелательным для монархии. Но в то же время оно сулило последней немалые выгоды, так как, вступив в контакт с коммунистами, она могла в дальнейшем представить себя участницей антифашистского движения, чтобы укрепить свой авторитет в глазах населения страны и мировой общественности.

На этот путь и стали после некоторых колебаний король и его окружение.

Компартия со своей стороны решила не пренебрегать возможностью сотрудничества с дворцовыми кругами в условиях, когда оно могло способствовать дальнейшей изоляции клики Антонеску, ее свержению и выводу Румынии из войны на стороне гитлеровской Германии. При этом КПР, учитывая, что монархия пользовалась влиянием в средних социальных слоях, в армии, и прежде всего среди генералов и офицеров, чья позиция имела существенное значение для организации перехода армии на сторону народа, руководствовалась следующим ленинским указанием: «Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном,* самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран,— так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного»[152].

Первое совещание по вопросу о подготовке к свержению правительства И. Антонеску состоялось в королевском дворце в мае 1944 г. На нем присутствовали король Михай, его адъютант генерал К. Сэнэтеску, генералы Михаил, Рашкану и Алдя, барон И. М. Стырча, Г. Никулеску-Бузешть и два представителя КПР.

Характерно, что король не пригласил на совещание лидеров «исторических» партий. Он объяснил это тем, что не доверяет Ю. Маниу и опасается предательства с его стороны. Михай даже попросил собравшихся не сообщать лидеру национал-царанистов о намеченном совещании, так как считал, что тот способен выдать их всех «кондукэторулу» и гитлеровцам. Второе совещание состоялось в ночь на 14 июня, на этот раз на нелегальной квартире компартии. КПР представлял Эмиль Боднэраш, действовавший тогда под конспиративным именем инженера Чаушу, а дворцовые круги и армию — К. Сэнэтеску, И. М. Стырча, И. Иоанициу, Г. Никулеску-Бузешть, Г. Михаил и начальник штаба бухарестского гарнизона Д. Дэмэчану, в то время полковник.

---

[152] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 55.

Следует отметить, что до второго совещания дворцовые круги делали ставку на осуществление своего собственного плана. Он сводился к тому, чтобы с согласия Гитлера заменить И. Антонеску другим прогерманским деятелем — И. Джигурту и назначить на министерские посты лиц из окружения короля. Имелось в виду, что созданное таким путем новое правительство, продолжая еще некоторое время войну на стороне фашистской Германии, предпримет с помощью КПР шаги к заключению «выгодного» перемирия за спиной Джигурту, а затем отстранит последнего с поста премьер-министра и предложит находившимся в стране гитлеровским войскам покинуть пределы Румынии.

Это был план постепенного перехода власти в руки короля, с тем чтобы сохранить господство реакции, не допустив народного вооруженного восстания, подготовлявшегося компартией, и обеспечить немецко-фашистским войскам возможность беспрепятственно отойти на новые позиции для организации дальнейшего сопротивления наступающей Советской Армии.

Э. Боднэраш по поручению КПР выступил против замысла дворцовых кругов. Указав на нереальность и неприемлемость какого бы то ни было соглашения с гитлеровцами, он подчеркнул, что единственно правильный выход из антисоветской войны — свержение фашистской диктатуры путем вооруженного восстания и немедленное подписание перемирия. А затем изложил план, разработанный временным руководством компартии совместно с ее виднейшими деятелями, находившимися в фашистских застенках. Он предусматривал арест правительства Антонеску, захват государственных учреждений в столице и на местах, поворот оружия против гитлеровской Германии.

Преодолев сопротивление некоторых участников совещания, представитель компартии добился принятия плана, предложенного КПР. «Сам этот факт,— указывал Г. Георгиу-Деж,— является признанием решающей роли, которую партия играла в решающий для судьбы страны момент» [153].

Тогда же был создан Военный комитет, которому поручалось подготовить армию к участию в восстании. В его состав вошли генерал запаса Г. Михаил, командующий 5-м территориальным корпусом в Валя-Праховей генерал К. Василиу-Рэшкану и начальник штаба бухарестского гарнизона полковник Д. Дэмэчану.

Чрезвычайно важным было также принятое на этом совещании по требованию КПР решение, согласно которому Военному комитету вменялось в обязанность действовать под непосредственным руководством коммунистической партии [154]. Таким образом, компартия взяла в свои руки все рычаги военной подго-

---

[153] *Gheorghiu-Dej Gh.* Articole şi cuvântări. 1959—1961. Bucureşti, 1961, p. 440.
[154] *Роман В., Захареску В., Петрик А.* Указ. соч., с. 274.

товки вооруженного восстания и практически стала единственным его организатором и руководителем.

Главную роль в Военном комитете играл начальник штаба бухарестского гарнизона полковник Дэмэчану, который, как отмечалось выше, еще в мае 1944 г. установил связь с компартией и действовал в тесном контакте с нею. Что касается генерала Михаила, введенного в Военный комитет по настоянию дворцовых кругов, то он проявил себя противником поворота оружия против гитлеровцев и был фактически отстранен от деятельности в этом комитете.

Под руководством КПР был выработан и оперативный план восстания.

Необходимо подчеркнуть, что составной частью проводимой компартией подготовки к свержению правительства Антонеску являлась организация вооруженной борьбы патриотов. Что касается партизанского движения, то в предшествующий период войны оно, как известно, не получило широкого развития в Румынии[155]. Летом 1944 г. КПР приняла меры по развертыванию партизанской борьбы. Этому в значительной мере способствовали отважные и умелые действия партизанских групп, сформированных на территории Советского Союза из числа румынских антифашистов, эмигрировавших в СССР после участия в гражданской войне в Испании, а также военнопленных, выразивших желание с оружием в руках сражаться на румынской территории против гитлеровцев. Советское командование перебрасывало их на самолетах или другим путем в Румынию, где они встретили горячую поддержку населения.

В качестве примера можно указать на партизанскую группу № 1 «Карпаты», насчитывавшую 15 человек. Ее главной задачей было нанесение ударов на железной дороге Плоешти — Фэгэраш с целью срыва перевозок нефти в Германию. Сигуранце стало известно, что группа хорошо вооружена и обеспечена значительным запасом взрывчатки[156]. Чтобы уничтожить партизан, фашистские власти обещали крупную награду тем, кто укажет их местонахождение. Однако население не только не откликнулось на эти посулы, но и активно помогало партизанам, снабжая их продовольствием и предупреждая об опасности. За два месяца эта группа подорвала 16 эшелонов[157].

Так действовали во многих районах страны и боевые патриотические группы и отряды, созданные КПР. Партизанская борьба против гитлеровских оккупантов развернулась, в частности, в долине Праховы, в дельте Дуная, в горах Вранча, в Марамуреше и Сучаве, близ городов Сигет, Бая-Маре и Сау-Маре.

В Бакэуской области удары по военным объектам наносили партизанские группы «Тудор Владимиреску» и «Екатерина Тео-

155 «Analele», 1962, N 3, p. 131.
156 См.: Arhiva CC al PCR, fond 92, dos. 7685, f. 71.
157 Ibid., p. 14.

дориу». Банатский областной комитет КПР создал партизанский отряд «Мэрэшешть», который успешно действовал под командованием рабочего-коммуниста Штефана Плавеца в горах Семеникулуй. Оружие для него было получено с помощью офицера-патриота из воинской части, дислоцировавшейся в Лугоже.

Весной и летом 1944 г. непрерывно нарастали удары румынских партизан по фашистской военной машине. Особенно чувствительными для гитлеровцев были действия патриотов на транспортных коммуникациях. В ночь на 30 апреля в порту Галаца была пущена на дно самоходная баржа с 30 вагонами оружия и снаряжения. В конце апреля была заминирована и подорвана часть железнодорожной линии Фокшаны — Путна-Сяка и одновременно выведен из строя паровоз. 28 июня аналогичная диверсия была совершена вблизи важного железнодорожного узла Мэрэшешть. В течение месяца — с 25 июня по 25 июля — патриоты организовали пять взрывов и поджогов железнодорожных эшелонов. 25 июня на линии Брашов — Сигишоара в результате диверсии сгорело шесть цистерн с горючим.

Показателен и такой эпизод. Днем 13 июля в середине эшелона с горючим, направлявшегося в Германию, раздался взрыв. Загоревшуюся цистерну отцепили с двух сторон. Передняя часть состава двинулась дальше, а заднюю оттащили назад, на станцию Валя-Ларга и там прицепили к шести другим цистернам с бензином и маслами. Но не успел этот состав тронуться в путь, как произошел новый взрыв. На сей раз сгорели девять цистерн с нефтепродуктами, а также находившийся рядом топливный склад. 24 июля взрывы цистерн были отмечены в двух эшелонах, шедших из Брэилы в Констанцу, а следующей ночью — на участке между Бейкой и Кымпина.

Докладывая об этих фактах, генеральный инспекторат жандармерии отмечал: «Частичное расследование, проведенное до настоящего времени, привело к выводу, что во всех отмеченных случаях взрывы вызывались адскими машинами типа магнитных мин, которые закладывались под цистерну или недалеко от ее крана»[158]. Переполошились и гитлеровцы. Командование группы армий «Южная Украина» обратилось к румынскому правительству с претензией по поводу того, что участились акты диверсий на железных дорогах[159].

Все чаще устраивались поджоги на предприятиях, выполнявших военные заказы, а также в нефтяной промышленности. 24 мая в результате пожара было серьезно повреждено оборудование предприятия «Унио-кимика» в г. Тырнэвень. В Плоешти 2 июля была выведена из строя установка для перегонки бензина на нефтеочистительном заводе «Вега», а 4 августа был полностью уничтожен склад горючего и технических материалов

---

[158] Arhiva CC al PCR, fond 92, dos. 7685, ff. 93—95.
[159] Ibid., dos. 2/65, f. 24.

предприятия «Континентала». Диверсии и акты саботажа имели место в это время также в Решице, Тимишоаре, Бакэу и других промышленных центрах.

Боевые патриотические группы успешно действовали и на автомобильных магистралях, по которым доставлялось снабжение для фашистских войск. На дорогах закладывались мины, подрывавшие автомашины с войсками и боеприпасами. Широко распространенным было применение металлических пластинок с острыми шипами, которые расставлялись на дорогах, где должны были проходить колонны немецких грузовиков. Сигуранца докладывала 30 июня 1944 г., что «в течение нескольких дней все чаще отмечаются проколы камер автомашин на главных автомагистралях возле столицы, в частности у городских шлагбаумов; эти проколы вызываются приспособлениями, изготовленными из железных пластин толщиной в 3—4 мм и расставленными на проезжей части дороги...» [160]

Другим объектом действий боевых групп были вражеские линии связи, систематически перерезавшиеся патриотами. Одна из боевых групп, действовавшая в Бухаресте, совершила 21 такую операцию.

Патриоты совершали диверсии также и на военных объектах и в расположении воинских частей. Так, были перерезаны провода, связывавшие немецкий штаб в Отопени с Бухарестом, в Брашове — линии телефонной связи батареи противовоздушной обороны и кабель, подававший электроэнергию для прожектора. В июле трижды выводилась из строя телефонная линия от Бухареста к г. Бакэу, т. е. в направлении фронта. В Сибиу были перерезаны линии связи крупной воинской части [161].

Действия боевых групп, или, как их еще называли, отрядов патриотической гвардии, направлялись единым командованием во главе с членом временного руководства КПР Э. Боднэрашем, которое непосредственно готовило вооруженное восстание.

К тому времени была уже проведена большая работа в этом направлении.

Коммунистическая партия, опиравшаяся на поддержку широких народных масс, к лету 1944 г. располагала большим числом боевых групп. В их состав в основном входили рабочие-коммунисты, члены Союза коммунистической молодежи, а также беспартийные, выразившие желание с оружием в руках бороться за свержение фашистской диктатуры Антонеску и изгнание гитлеровцев из страны. В момент вооруженного восстания они должны были действовать совместно с армией и стать ядром крупных антифашистских формирований.

Больше всего таких отрядов было организовано в Бухаресте и других индустриальных городах. Работе по их созданию в

---

[160] Вклад Румынии в разгром фашистской Германии, с. 34.
[161] См.: Arhiva MFA, dos. 1/133, f. 21.

огромной мере способствовало то, что Советская Армия тогда уже приступила к освобождению Румынии. В начале июня 1944 г. командование боевых патриотических отрядов отмечало в одном из своих отчетов: «Всего лишь за два месяца создано командование боевых патриотических отрядов в Олтении, Добрудже, Молдове, Банате и Цара-Бырсей, организованы опорные пункты по стране, сформированы 17 ударных отрядов, из них 6 в столице, созданы базы снабжения оружием и снаряжением» [162].

В дальнейшем количество вооруженных ударных групп в Бухаресте возросло до 50. Они были организованы также в Плоешти и других городах, на нефтепромыслах долины Праховы, нефтеочистительных заводах «Вега», «Орион», «Колумбиа», «Стяуа ромына», «Астра ромына», «Конкордия» и др. Ударные группы вооруженных рабочих имелись и в других частях страны. Они были небольшими по численности. Так, в Бухаресте в них насчитывалось 300 человек. Еще 500—600 бойцов имелось в других городах. Однако они располагали значительными резервами. В столице это были в основном рабочие железнодорожных мастерских Гривицы, заводов «Малакса», «Леметр», «Грозэвешть», трамвайного управления. Только на указанных предприятиях столицы было подготовлено еще 2 тыс. человек, которым предстояло вступить в вооруженную борьбу в момент начала восстания [163].

Так было и в других городах.

Отряды имели на вооружении автоматы, винтовки, пистолеты, пулеметы, гранаты, взрывчатку. Значительная часть этого оружия была получена от населения и патриотов-военнослужащих, в том числе солдат и офицеров 3-й бомбардировочной флотилии в Крайове, пехотного полка в Турну-Мэгуреле и других воинских частей [164]. Из донесений полиции видно, что в ряде случаев оружие добывалось и у гитлеровских солдат. Например, в г. Брэиле коммунисты купили у них 40 револьверов и 6 автоматов с боеприпасами [165].

До начала восстания командование патриотической гвардии направляло ее деятельность на боевую подготовку, накапливание оружия, сбор сведений о расположении и передвижениях немецких войск и, как уже отмечено, организацию партизанской борьбы и диверсий в целях подрыва боеспособности врага, противостоявшего советским войскам, а также гитлеровских частей, расположенных внутри страны.

Сразу же после сигнала к восстанию боевым группам предстояло взять под охрану предприятия, не допустив их уничтожения отступающими немецкими войсками, и наносить по против-

[162] Arhiva CC al PCR, fond 35, dos. 1, f. 15.
[163] «Scînteia», 12.VIII 1964.
[164] См.: 23 august 1944, p. 34.
[165] См.: Arhiva MFA, doc. 2/60, f. 203; dos. 244/70, f. 602.

нику удары с тыла, дезорганизовать его коммуникации, разоружать и интернировать мелкие группы гитлеровцев. Наиболее ответственная задача возлагалась на боевые ударные отряды столичных рабочих. Они должны были быстро захватить важнейшие объекты, в том числе правительственные и немецкие учреждения, центры связи и др., и подавить любые попытки сопротивления со стороны германских и румынских фашистов. Все это нашло отражение в оперативном плане, разработанном Военным комитетом на основе указаний руководства компартии. В нем также было учтено соотношение сил и намечены меры, обеспечивающие подавление любых попыток сопротивления.

В то время численность немецких войск во внутренней зоне страны составляла 57 тыс. солдат и офицеров[166]. Располагались они в основном в нефтяном районе долины Праховы, в Бухаресте и вокруг него — на внешнем железнодорожном кольце и в ближайших селах. В столице насчитывалось свыше 5 тыс. немецких солдат и офицеров. Личный же состав румынских войск в Бухаресте, в числе которых находились преданные делу восстания механизированный и кавалерийский полки, составлял здесь примерно 6 тыс. человек, не считая боевых патриотических отрядов, готовых по первому сигналу вступить в бой. Кроме того, полковник Д. Дэмэчану в качестве начальника штаба бухарестского гарнизона под предлогом необходимости усилить охрану столицы на случай «бунтовщических» действий добился от румынского генштаба согласия прислать туда несколько частей, намеченных к отправке на советско-германский фронт. В результате в июле — августе 1944 г. удалось усилить бухарестский гарнизон двумя полками — кавалерийским и пограничным, дивизионом артиллерии и двумя батальонами новобранцев.

Румынская армия, расположенная вне пределов фронтовой зоны, насчитывала более 385 тыс. человек, и, хотя значительную часть ее составляли новобранцы, она намного превосходила германские войска внутри страны[167].

Увеличению сил, которые можно было привлечь к борьбе против гитлеровцев внутри страны, способствовало и то, что командование румынских мотомеханизированных войск приняло меры, позволившие оставить ряд частей внутри страны вопреки требованиям германского командования, настаивавшего на их отправке на фронт. Поскольку гитлеровцы отнеслись к этому весьма подозрительно и могли попытаться разоружить задержанные войска, последние с целью предосторожности были приведены в боевую готовность. Наконец, и румынский генштаб на основании выдвинутого полковником Д. Дэмэчану предлога при-

---

[166] См.: Ясско-Кишиневские Канны, с. 55.
[167] Arhiva MFA, dos. 732/1, f. 6.

остановил отправку на фронт нескольких вновь сформированных дивизий [168].

Руководству КПР и Военному комитету было ясно, что наиболее серьезное сопротивление гитлеровцы окажут в районах Бухареста и долины Праховы. В то же время было очевидно, что основные силы участников восстания следовало сосредоточить в Бухаресте, где находились главные гитлеровские объекты и центральные румынские государственные учреждения, захват которых являлся решающим условием успеха. А в долину Праховы и ее центр г. Плоешти, где были сосредоточены крупные немецкие части, заблаговременно направить достаточное количество румынских войск не представлялось возможным, ибо это насторожило бы гитлеровцев. Поэтому на первое время там планировались в основном действия боевых патриотических отрядов, которые могли рассчитывать на поддержку многочисленного рабочего населения долины Праховы, имевшего богатые традиции и опыт революционной борьбы.

К вооруженному восстанию готовились под руководством КПР и в других местах страны — Олтении, Добрудже и Молдове. Удалось обеспечить и участие ряда фронтовых частей румынской армии. В ходе подготовки к восстанию был установлен контакт с некоторыми командующими крупными соединениями, в том числе с генералами М. Раковица, И. Крецулеску, К. Никулеску, и достигнута соответствующая договоренность. Те румынские части на фронте в Молдове, которые имели возможность отделиться от немецких войск, должны были перейти в распоряжение руководства восстанием, а находившиеся в других местах — прикрыть границы и помешать проникновению вражеских сил из Северной Трансильвании, а также через западные и южные границы [169].

В столице намечалось прежде всего захватить германские военные миссии сухопутных и военно-воздушных сил, помещение гестапо, здания совета министров, министерств внутренних дел и авиации, центральную телефонную станцию, почтамт, телеграф, радиостанцию, вокзалы, тюрьмы, бензосклады и т. д., всего 70 объектов.

На основе указаний руководства КПР Военный комитет подготовил оперативный приказ воинским частям, участвовавшим в восстании. Он предусматривал порядок и очередность блокирования и захвата объектов в зависимости от их значения, обеспечение порядка и подавление попыток сопротивления.

Компартия приняла все меры к соблюдению строжайшей тайны в проведении военных приготовлений к восстанию и добилась того, что правительство Антонеску и гитлеровское командование ничего не знали о готовящемся выступлении армии и

---

[168] История Румынии. 1918—1970. М., 1971, с. 412.
[169] «Analele», 1964, N 4, p. 24.

вооруженных формирований патриотической гвардии и не смогли заблаговременно предпринять какие-либо контрмеры[170]. В целях конспирации в большинстве случаев давались только устные приказания, а оперативный план вооруженного восстания был известен лишь узкой группе людей — руководству компартии и лицам, непосредственно работавшим над его осуществлением. Это обеспечило внезапность выступления, имевшую особо важное значение в условиях неравенства сил.

Итак, летом 1944 г. в стране под руководством КПР в основном завершилась подготовка к свержению фашистского режима. Однако имелись еще мощные внешние силы, на которые опиралась клика Антонеску: гитлеровская Германия держала на румынском фронте группу армий «Южная Украина» общей численностью более 900 тыс. солдат и офицеров[171]. Следовательно, вооруженное восстание должно было начаться в условиях, когда германское командование, вынужденное бросить все свои силы на фронт, оказалось бы не в состоянии воспрепятствовать ходу событий внутри страны.

В связи с этим, как говорится в одном из документов того времени, выступление, первоначально намечавшееся на начало лета, было отложено, так как «общая обстановка (т. е. временное затишье на фронте.— *Н. Л.*) в то время не обещала больших шансов на успех»[172]. Было совершенно очевидно, что подготовленное Коммунистической партией Румынии вооруженное восстание могло победоносно развиваться только в условиях ликвидации наиболее мощной группировки немецко-фашистских войск на румынской территории. Поэтому по решению ЦК КПР восстание было приурочено к началу нового наступления Советской Армии.

И оно не заставило себя ждать.

---

[170] Arhiva MFA, dos. 12, vol. 1, f. 324.

[171] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 4, с. 258.

[172] Arhiva MFA, dos. 752, f. 7.

Глава восьмая

РАЗГРОМ ГИТЛЕРОВЦЕВ ПОД ЯССАМИ И КИШИНЕВОМ. АНТИФАШИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ В РУМЫНИИ — НАЧАЛО НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

20 августа 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов начали одну из крупнейших наступательных операций второй мировой войны — Ясско-Кишиневскую, имевшую целью разгром группы армий «Южная Украина».

Германское командование придавало исключительно важное значение румынскому фронту, прикрывавшему путь на Балканский полуостров и к южным границам рейха. Гитлеровцы также стремились любой ценой удержать Румынию в своих руках, чтобы не лишиться возможности выкачивать отсюда продовольствие, сырье, в особенности нефть для германских танков, самолетов и машин.

В своем донесеиии в Бухарест румынский военный атташе в Берлине так резюмировал высказывания в германских военных кругах о значении Румынии для рейха: «Оккупация русскими нефтеносного района Румынии нанесла бы серьезный удар экономике Германии. В результате этого, принимая во внимание количество нефти, добываемой в Галиции, и количество производимого синтетического бензина, современное потребление горючего сократилось бы на одну треть или две пятых, и, если добавить, что немецкая промышленность синтетического бензина должна еще пострадать (от воздушных бомбардировок.— *Н. Л.*), тогда достигнутые Советами результаты повлекут за собой серьезные последствия для Германии» [1].

Подготовку балканского фланга к обороне германское командование начало еще в 1943 г., когда стало ясно, что остановить наступление Советской Армии на Украине не удастся. Весной 1944 г. в связи с вступлением советских войск в северо-восточную часть Румынии гитлеровская ставка решила в самое ближайшее время развернуть стратегическое наступление на Балканах. Это привело к дальнейшему усилению группы армий «Южная Украина» и расширению оборонительных работ. В результате к началу августовского наступления войск 2-го и 3-го Украинских фронтов противник опирался на мощные укрепленные рубежи. Он создал три полосы обороны глубиной 8—15 км

[1] ИДА, ф. Воеиный кабиием Румынии, д. 301, л. 16.

каждая, насчитывавшие по три-четыре линии траншей, а на северном участке фронта — еще и четвертую, прикрывавшую так называемые Фокшанские ворота — 80-километровый проход между Карпатами и Дунаем, ведущий в глубь Румынии.

Однако в это время гитлеровцы крупное советское наступление на румынском фронте считали невозможным[2].

В июне началась грандиозная белорусская наступательная операция советских войск, за ней последовали мощные удары по немецко-фашистским группировкам на Львовско-Сандомирском направлении, в Прибалтике и под Ленинградом. Крупные масштабы этих операций, по мнению гитлеровцев, требовали столь значительных сил, что исключали возможность стратегического наступления еще и на румынском фронте.

За это заблуждение фашистское командование, застигнутое врасплох, заплатило внезапным прорывом обороны под Яссами и Кишиневом, начавшимся 20 августа 1944 г.

К тому времени в составе группы армий «Южная Украина» было 47 дивизий, из них три танковые и одна моторизованная, а также пять пехотных бригад[3]. Северный участок румынского фронта по р. Прут обороняли 8-я немецкая армия генерала Велера и находившаяся у него в подчинении 4-я румынская армия. Первая насчитывала 7 дивизий, вторая — 14 и, кроме того, 4 бригады. Южнее от Прута до Черного моря оборону держали 6-я немецкая (14 дивизий) и 3-я румынская (7 дивизий и 1 бригада) армии. В резерве были две дивизии — румынская и немецкая.

Настроения румынских солдат и офицеров производили удручающее впечатление на германское командование, считавшее их боеспособность крайне низкой. Генерал Велер в связи с неудачами, постигшими немецкие дивизии в мае 1944 г., жаловался в Берлин на то, что румыны «недостойно» вели себя на поле боя, покинули позиции, не поддержав дивизию «Великая Германия»[4]. Немецкое командование даже провело в конце июля специальное обследование румынских частей на фронте и пришло к выводу, что на них нельзя рассчитывать в случае «осложнений». 1 августа в журнале боевых действий группы армий «Южная Украина» появилась такая запись: «Боевой дух румын падает все больше и больше»[5].

Не меньшую тревогу внушало гитлеровцам и политическое положение в Румынии. В той же записи от 1 августа отмечалось, что румынский народ устал от войны и воспользуется любой возможностью для выхода из нее. Далее говорилось, что

---

[2] См.: Ясско-Кишиневские Каины. М., 1964, с. 46.

[3] См.: Сборник материалов по составу войск фашистской Германии, вып. 4. М., 1956, с. 132—137.

[4] Ясско-Кишиневские Каниы, с. 34.

[5] ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 12633, лл. 3—4.

Антонеску находится в изоляции вследствие неудач последних полутора лет и что в стране имеется многочисленная группа лиц, которая согласилась бы на переворот[6].

Именно поэтому германское командование, не доверявшее румынским войскам, подчиняло их своим генералам. Румынские дивизии также включались в состав немецких корпусов. Таким путем гитлеровцы надеялись заставить их выполнять свои приказы.

Однако это им не удалось.

Важную роль в этом сыграла большая работа, проведенная политорганами советских войск. Так, для личного состава 4-й румынской армии только в мае, июне и первых числах июля было организовано 772 радиопередачи и 925 рупорных передач, а в расположение 3-й румынской армии за один лишь август авиация сбросила около 1,5 млн. листовок и брошюр. Советское командование разъясняло румынским солдатам и офицерам действительное положение на фронтах, призывало их порвать с гитлеровцами и присоединиться к Советской Армии, чтобы совместно бить общего врага. Эти призывы находили живейший отклик. Румынские солдаты хранили при себе советские листовки-пропуска, чтобы при удобном случае сдаться в плен. А те, кому они не достались, даже приобретали их за деньги у имевших несколько экземпляров.

Не помогла и попытка заигрывания с румынами, предпринятая генералом Фрисснером. Когда рухнула надежда на то, что советское наступление не состоится, он издал приказ, в котором, обращаясь ко «всем немецким и румынским командирам», заявил: «Плечом к плечу с нашими испытанными румынскими товарищами, полагаясь на нашу боевую подготовку, наше вооружение и наши укрепленные позиции, мы можем с решительной уверенностью встретить эти атаки»[7].

Но никакие приказы ничего не могли изменить. Приближался час катастрофы немецко-фашистской группировки «Южная Украина».

В первые два дня начавшегося 20 августа наступления армии 2-го и 3-го Украинских фронтов сокрушили вражескую оборону на главных направлениях. В этих боях противник исчерпал свои оперативные резервы и уже не мог влиять на ход операций, в то время как у советского командования на главных направлениях имелось еще 25 стрелковых дивизий, не введенных в бой[8]. Создалась возможность быстрого окружения основных сил противника.

Поскольку и 2-й и 3-й Украинские фронты нанесли удары в стык между немецкими и румынскими армиями, это привело к

---

[6] Там же.

[7] *Frissner H.* Verratene Schlachten. Hamburg, 1956, S. 44.

[8] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 4. М., 1962, с. 269.

их отсечению друг от друга. Не желавшие воевать румынские солдаты и офицеры бросали свои позиции и разбегались. Уже 21 августа командующий 4-й румынской армией издал приказ, в котором требовал «приложить все усилия к сбору и восстановлению разбежавшихся подразделений 18-й горнострелковой, 5-й и 7-й пехотных дивизий». На следующий день И. Антонеску приказал расстреливать «всех бегущих от противника». А так как никакие меры не помогали, командующий 4-й армией генерал Аврамеску запросил разрешения отвести войска на позицию «Траян» — третью оборонительную полосу. За это он был смещен с поста.

Временно заменивший его полковник Драгомир вскоре повторил ту же просьбу, обратившись с ней к И. Антонеску. Он доложил ему, что фронт между реками Бырлад и Серет прорван, советские танки стремительно движутся вперед, обгоняя отступающие румынские войска. Драгомир писал: «Отход армии задерживается немецким командованием, которому вы нас полностью и даже унизительно подчинили, и это в такие минуты, когда никто лучше, чем румынское командование, не может знать, что нужно сделать с румынскими войсками для охраны румынских интересов»[9].

То же самое происходило на южном участке полосы наступления советских войск. Правда, генерал Фрисснер 22 августа с санкции Гитлера приказал обеим оборонявшимся здесь армиям — 6-й немецкой и 3-й румынской начать отход за Прут, на позиции «Траян» и «Фердинанд», с тем чтобы там остановить наступление. Но сделать это они уже не могли. Стремительно наступавшие танковые и механизированные корпуса 2-го и 3-го Украинских фронтов, совершив мощные броски, оказались намного впереди пытавшихся отступить войск противника.

К вечеру 23 августа было, таким образом, завершено оперативное окружение кишиневской группировки, состоявшей преимущественно из гитлеровских войск. Тем самым был закончен первый и основной этап Ясско-Кишиневской операции. Из 25 немецких дивизий группы армий «Южная Украина» 18 были окружены, а затем ликвидированы; были разгромлены также 20 из 22 румынских дивизий[10].

В сложившихся условиях 23 августа отчаявшийся полковник Драгомир, не решаясь снова обращаться к И. Антонеску, связался с королевским адъютантом генералом К. Сэнэтеску. Сообщив, что фронт полностью прорван, советские танки устремились в 100-километровую брешь и 4-й армии также грозит окружение, он просил «воздействовать на немцев», препятствующих отводу румынских войск. Сэнэтеску ответил, что он «не знал о столь тяжелой обстановке», и обещал убедить короля в тот же

---

[9] Ясско-Кишиневские Канны, с. 124—125.
[10] *Антосяк А. В.* В боях за свободу Румынии. М., 1974, с. 99—101.

день добиться от Антонеску либо подписания перемирия либо ухода в отставку[11].

Ответ К. Сэнэтеску, как видим, не имел ничего общего с принятым дворцовыми кругами, в том числе и королем, планом компартии, предусматривавшим арест И. Антонеску и членов его правительства. Он свидетельствовал о том, что король и его окружение вели двойную игру, целью которой являлось договориться хотя бы в последний момент с «кондукэторулом» и, действуя совместно с ним, отстранить КПР и возглавляемые ею народные массы от участия в решении дальнейших судеб страны.

Но этот замысел был сорван мощным наступлением войск Советской Армии, которые наряду с завершением окружения группы армий «Южная Украина» стремительно продвигались в глубь Румынии, не оставляя ее правящей верхушке надежды на возможность выторговать «приемлемые» условия перемирия.

Как подчеркивали румынские исследователи, мощное наступление советских войск под Яссами и Кишиневом создало благоприятные условия для развертывания вооруженного антифашистского восстания, подготовленного под руководством коммунистической партии[12]. 20 августа КПР провела совещание, на котором было решено осуществить ранее принятый план свержения правительства Антонеску и вывода Румынии из войны в период между 24 и 26 августа. Это свидетельствует о том, что румынские коммунисты не сомневались в быстром успехе советского наступления. Однако события на фронте сразу же начали развиваться в таком стремительном темпе, что появилась возможность перенести намеченное выступление на 23 августа. Тем более что как раз в этот день представился удобный случай положить конец преступной деятельности Антонеску.

23 августа после заседания правительства, принявшего предложение И. Антонеску мобилизовать «все силы нации» на продолжение войны, «кондукэторул» получил приглашение посетить короля. Во второй половине дня Антонеску явился в королевский дворец, не подозревая, что этот визит станет концом его преступной карьеры.

Такое приглашение с целью ареста диктатора было предусмотрено планом вооруженного восстания. Однако король не сразу решился на этот шаг. Михай до последнего момента стремился договориться с И. Антонеску. И, судя по дальнейшим событиям, действовал в данном направлении совместно с лидерами буржуазно-помещичьих партий. Это, по-видимому, и был «первый вариант» из двух, подсказанных королю его придворными политиками. И если согласие Михая на свержение военно-фашистского правительства привело к контактам с КПР, тщательно скрываемым от Ю. Маниу и Д. Брэтиану, то попытки «образу-

---

[11] Ясско-Кишиневские Канны, с. 148—149.

[12] *Goldberger N., Zaharia Gh.* Caracterul naţional şi internaţional al mişcării de rezistenţă din Romînia.— «Analele», 1962, N 3, p. 133—134,

мить» диктатора предпринимались монархом с помощью лидеров «исторических» партий и втайне от компартии.

Хотя руководители буржуазно-помещичьих партий не были информированы о подготовке вооруженного восстания, они разделяли точку зрения короля о том, что переговоры о прекращении военных действий следовало бы вести самому диктатору, поскольку, по выражению Ю. Маниу, он имел «моральный вес». Суть их рассуждений сводилась к тому, что только Антонеску в состоянии «договориться» с Гитлером и добиться его согласия на вывод германских войск из пределов Румынии, а это дало бы основание заявить при подписании перемирия об отсутствии причин для продвижения Советской Армии в глубь страны. Именно в этом они убеждали И. Антонеску 22 и 23 августа.

Сначала, вечером 22 августа, по их поручению в загородную резиденцию Антонеску отправился И. Михалаке, поддерживавший близкие личные отношения с диктатором. Тот сказал, что выяснит, согласятся ли гитлеровцы уйти из Румынии. На следующее утро Ю. Маниу и Д. Брэтиану, посовещавшись в доме последнего с лидером правых социал-демократов Т. Петреску, послали к «кондукэторулу» Г. Брэтиану. Оказалось, что И. Антонеску пришел совсем не к тому решению, которого от него ждали. Он категорически отказался заключить перемирие, после чего отправился на заседание правительства с упомянутым проектом «мобилизации всей нации».

За этим последовало приглашение в королевский дворец. Беседа короля с Антонеску затянулась, так как в ответ на вопрос о дальнейших намерениях правительства в связи с катастрофическим положением на фронте он начал пространно излагать свои планы дальнейшего ведения военных действий. Михай заявил, что считает обстановку критической, и настойчиво предлагал безотлагательно заключить перемирие. И. Антонеску в резкой форме отказался. Тогда король заявил, что «смещает его». Диктатор рассвирепел.

Дело приняло крутой оборот, и король увидел, что ему ничего не остается, кроме как выполнить договоренность с компартией. Немедленно вызванная дворцовая охрана взяла под стражу «кондукэторула» и сопровождавшего его М. Антонеску[13].

После того как во дворец были вызваны и арестованы другие министры, вооруженный патриотический отряд вывез диктатора и его министров на конспиративную квартиру ЦК КПР, где они содержались до передачи их советскому командованию.

В соответствии с планом вооруженного восстания сразу же после ареста членов фашистского правительства частям бухарестского гарнизона и боевым патриотическим отрядам был отдан упомянутый выше оперативный приказ, разработанный Военным комитетом совместно с ЦК КПР. Им предписывалось занять

[13] August 1944 — mai 1945. Bucureşti, 1969, p. 37.

важнейшие объекты и обеспечить порядок в столице, подавляя любые попытки германских или румынских фашистов нарушить его. Германские учреждения предлагалось предварительно блокировать, прервать связь между ними и немецкими воинскими частями, после чего атаковать и принудить гитлеровцев к сдаче в плен[14].

К полуночи части гарнизона и патриотические отряды заняли указанные объекты, в том числе правительственные учреждения и все центры связи. Под ударами патриотических сил фашистский режим рухнул, не сумев даже организовать сопротивление. В защиту Антонеску не выступило ни одно подразделение румынской армии, полностью ставшей на сторону народа. Не составила исключения и личная охрана диктатора, насчитывавшая до полка солдат. Она присоединилась к участникам антифашистского восстания, вступив позднее в ожесточенный бой с гитлеровскими войсками[15]. Это ясно показывает, насколько изолирован был режим Антонеску, державшийся исключительно на штыках немецких захватчиков. Что касается румынских фашистов, то они не рискнули оказать сопротивление вооруженному восстанию, начавшемуся в условиях победоносного освободительного наступления Советской Армии. Поняв обреченность клики Антонеску, они предпочли затаиться или бежать вместе с гитлеровцами.

Последующие события, однако, показали, что свержением правительства Антонеску не были еще достигнуты все цели антифашистского вооруженного восстания. Король и его окружение отказались удовлетворить требование компартии о сформировании правительства Национально-демократического блока. И в этом они нашли полную поддержку у Ю. Маниу и Д. Брэтиану. Хотя национал-царанистская и национал-либеральная партии входили в состав НДБ, их лидеры, как и прежде, не собирались на деле сотрудничать с КПР.

Это позволило дворцовым кругам во главе с королем создать так называемое правительство специалистов. Оно было сформировано уже вечером 23 февраля под председательством генерала К. Сэнэтеску. Большинство в нем составляли реакционно настроенные военные и чиновники. Партиям Национально-демократического блока было предложено по одному портфелю государственных министров, что в сущности имело целью оттеснить компартию от участия в управлении страной. Но эта тактика не принесла успеха. КПР не отказалась от борьбы за создание подлинно демократического правительства из представителей всех антигитлеровских сил. Однако, учитывая, что правительство Сэнэтеску, возникшее в результате вооруженного антифашистского восстания и свержения диктатуры Антонеску,

---

[14] Arhiva MFA, dos. 242/2, ordin N 30871.
[15] Arhiva MFA, dos. 12, vol. 1, f. 125.

было вынуждено признать своей задачей немедленное заключение перемирия, выход из антисоветской войны, восстановление национальной независимости и суверенитета, КПР согласилась участвовать в нем [16].

Новое правительство выступило с многообещающей декларацией. Излагая свою программу, оно заявило: «Ныне диктатура устранена. Народ вступает в свои права. Политический режим, который мы создадим, будет демократическим, при котором будут гарантированы и соблюдены гражданские права и свободы». Далее объявлялось, что своей первоначальной задачей правительство считает выход Румынии из войны на стороне государств «оси», принимает советские условия перемирия и прекращает военные действия против Вооруженных Сил СССР. «Отныне,— говорилось в декларации,— Румыния рассматривает Объединенные Нации как дружественные нации. Заявления правительств Москвы, Лондона и Вашингтона о несправедливости, совершенной в отношении Румынии венским диктатом, открывают возможности для того, чтобы румынские войска вместе с союзными войсками освободили Северную Трансильванию от иностранной оккупации».

Отмечая, что вся страна желает положить конец разрушительной войне, «проигранной с самого начала», правительство подчеркивало: «Любая попытка воспрепятствовать осуществлению стремления румынского народа к миру и свободе вызовет беспощадную борьбу со стороны вооруженных сил и народа против тех, кто стремится удержать нашу страну в войне с Объединенными Нациями, продолжая таким путем напрасные жертвы» [17].

Сразу же после сформирования правительства Сэнэтеску была издана оперативная директива генерального штаба, в которой заявлялось: «Румынская армия прекращает борьбу на стороне германских войск, чтобы получить мир от Объединенных Наций и возобновить борьбу на стороне вооруженных сил союзников за освобождение Северной Трансильвании». Румынским войскам на фронте предлагалось немедленно прекратить военные действия против Советской Армии, перегруппироваться для последующих операций по освобождению Северной Трансильвании и воспрепятствованию отходу немецких войск в глубь румынской территории [18].

На деле же король и реакционное большинство правительства Сэнэтеску по-прежнему вели двойную игру. Они не собирались устанавливать подлинно демократический режим и потому стремились выбить политическую инициативу из рук компартии и возглавляемых ею масс, не допустить перерастания антифа-

---

[16] См.: «Lupta de clasa», 1964, N 8, p. 24—25.
[17] «Timpul», 25.VIII 1944.
[18] Arhiva MFA, dos. 732/1, ff. 60—65.

шистского вооруженного восстания в народную революцию. Достичь этой цели предполагалось путем свертывания восстания под предлогом того, что его участники, свергнув правительство Антонеску, якобы полностью выполнили свою задачу и теперь должны предоставить королю и новому правительству все заботы о благополучии страны, в том числе и об изгнании гитлеровских войск из Румынии. Последнее же намечалось осуществить не путем вооруженной борьбы, к чему призывала компартия, а с помощью соглашения с рейхом об их выводе с румынской территории. Это намерение имело и другую далеко идущую цель — не допустить продвижения советских войск в глубь страны, выдвинув в качестве аргумента отсутствие здесь германских вооруженных сил.

Уже вечером 23 августа, когда компартия и руководимый ею Военный комитет готовили силы боевых патриотических отрядов и восставших воинских частей к нанесению ударов по местам сосредоточения гитлеровских войск во внутренней зоне Румынии, король Михай беседовал у себя во дворце сначала с германским посланником Киллингером, а затем немецкими генералами Ганзеном и Герстенбергом.

Сообщив им о выходе Румынии из «оси» и прекращении войны против СССР, он выразил сожаление по поводу вынужденного принятия такого решения. Затем последовала просьба убедить Гитлера согласиться на вывод немецких войск с румынской территории, чтобы, как выразился Михай, «не омрачать боевого союза двух армий, выдержавшего самые тяжелые испытания». Король также подчеркнул, что «не хочет вести войну против немцев» и что германские войска смогут беспрепятственно уйти, не встретив никаких помех со стороны румынского правительства[19].

Аналогичное заявление сделал Киллингеру новый начальник румынского генерального штаба генерал Михаил. «Вопрос о борьбе с немецкой армией не подлежит рассмотрению,— добавил он.— Возможные в этом смысле условия со стороны русских не будут приняты»[20].

Такая уверенность основывалась на расчете получить поддержку со стороны западных держав. Шаги в этом направлении были предприняты немедленно. По свидетельству А. Крецяну, сразу после сформирования нового правительства в Каир были посланы инструкции Штирею и Вишояну, которые должны были информировать союзников, что румынское правительство предложило германским войскам покинуть страну в течение 15 дней и что оно в случае выполнения этого требования не будет вести против них борьбу[21].

---

[19] См.: *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden, 1954, p. 217.
[20] Ясско-Кишиневские Канны, с. 194.
[21] *Cretzianu A.* The Lost Opportunity. New York, 1956, p. 151.

Что касается гитлеровских генералов Ганзена и Герстенберга, то они сделали вид, что смирились с неизбежным, и даже дали королю «честное слово» не предпринимать никаких враждебных актов против нового румынского правительства. В связи с этим Сэнэтеску в тот же вечер отдал по телефону распоряжение штабу бухарестского гарнизона не допускать вооруженных столкновений с германскими войсками[22]. Приказ такого же содержания был направлен генштабом командирам всех румынских соединений[23].

Однако попытка румынской реакции достичь полюбовного сговора с гитлеровцами и помешать их разгрому советскими войсками, а внутри страны — восставшими народными массами была сорвана. Удары 2-го и 3-го Украинских фронтов по противнику к тому времени уже окончательно определили бесславный конец группы армий «Южная Украина», а развертывающееся народное вооруженное восстание уготовило такую же участь немецко-фашистским оккупантам Румынии за пределами фронтовой зоны. Иллюзорными оказались и надежды короля и Сэнэтеску на «честное слово» гитлеровских генералов.

Едва покинув королевский дворец, Ганзен и Герстенберг приступили к организации подавления восстания в Бухаресте. По прибытии в пригород Бэняса, где находилась в то время основная часть немецких войск, расположенных в районе столицы, они арестовали сопровождавших их румынских офицеров и начали перегруппировку своих сил для удара по восставшим. Тем временем Гитлер, взбешенный сообщением о событиях в Румынии, отдал приказ «о ликвидации путча, аресте короля и придворной знати и об образовании нового правительства во главе с генералом, дружественно относящимся к Германии»[24].

Для подавления восстания была выделена часть немецко-фашистских войск, находившихся в Югославии в районе Ниша и Белграда, командованию которых послана соответствующая директива.

Выполнить требование Гитлера о ликвидации «путча» практически было невозможно, ибо основные силы германских войск находились в группе армий «Южная Украина» и уничтожались в ходе мощного советского наступления. Румынская армия, расположенная внутри страны, за пределами фронтовой зоны, насчитывала, как это уже отмечалось, более 385 тыс. человек. Таким образом, по численности она почти в семь раз превосходила находившиеся здесь же германские войска. Правда, гитлеровцы в тот момент еще имели некоторый перевес сил в Бухаресте и особенно в районе Плоешти, но туда можно было быстро перебросить силы из состава недавно сформированных и под разны-

---

[22] Arhiva MFA, dos. 12, vol. 1, ff. 460—462.
[23] Arhiva MFA, dos. 457/62, ff. 11—12.
[24] *Frissner H.* Op. cit., p. 87.

ми предлогами не отправленных генштабом на фронт 29 румынских дивизий[25].

По поручению Фрисснера генерал Герстенберг приступил к выполнению приказа о подавлении восстания с целью создания нового прогитлеровского правительства в Румынии. В его распоряжении были немецкие воинские части общей численностью примерно до 6 тыс. солдат и офицеров, танковая рота и около 20 штурмовых орудий[26]. С этими силами, объединенными под командованием генерала Штагеля, Герстенберг двинулся в восьмом часу утра 24 августа на Бухарест. Одновременно германские самолеты начали варварскую бомбардировку румынской столицы, продолжавшуюся два дня. Ослепленные ненавистью к восставшему народу, гитлеровцы бомбили резиденцию правительства, жилые кварталы, разрушили здание Национального театра, повредили замечательный концертный зал «Атенеум ромын». Целью этих бомбардировок было запугать патриотические силы и заставить их капитулировать.

В этих условиях королю и реакционному большинству правительства Сэнэтеску ничего не оставалось, как согласиться с коммунистической партией и стать на путь вооруженной борьбы против немецко-фашистских оккупантов. Командование бухарестского гарнизона привело в боевую готовность свои войска. В 4 час. 30 мин. 24 августа они совместно с боевыми патриотическими отрядами двинулись в направлении Бэнясы, чтобы упредить нападение противника, а частью сил возобновили атаки против гитлеровских объектов в Бухаресте, временно приостановленные вечером 23 августа упомянутым выше телефонным распоряжением Сэнэтеску.

Действительным организатором и руководителем подавления попытки гитлеровцев захватить Бухарест была Коммунистическая партия Румынии. С самого начала вооруженного восстания она стремилась придать ему наступательный характер, чтобы враг не имел передышки и не смог нанести ответного удара.

В первом легальном номере газеты «Ромыния либера», вышедшем утром 24 августа 1944 г., было опубликовано обращение КПР «Ко всем трудящимся города и деревни! Ко всему румынскому народу!», звавшее на активную борьбу совместно с союзниками против германских фашистов. «В нашей освободительной борьбе,— говорилось в этом документе,— мы опираемся на активную поддержку союзных держав, в первую очередь на помощь Союза Советских Социалистических Республик и его героической Красной Армии, которая преследует и громит на нашей земле орды немецких захватчиков... Румынский народ! Румынская армия! На решительную борьбу за спасение и освобождение страны!»

---

[25] Arhiva MFA, dos. 732/7, f. 324.
[26] Ясско-Кишиневские Канны, с. 197.

В том же номере газеты было помещено заявление компартии, в котором она предупреждала о «неизбежном столкновении с гитлеровскими силами» и призывала «рабочих, крестьян, интеллигенцию и всех граждан Румынии к беспощадной борьбе, используя любое имеющееся оружие, против смертельного врага румынского народа, для обеспечения своего будущего» [27].

Призыв компартии встретил горячий отклик трудящихся столицы. На многих предприятиях и на улицах состоялись митинги, на которых коммунисты разъясняли смысл происходящих событий и задачи текущего момента. На заводах «Леметр», «Малакса» и «Вулкан», в бухарестском трамвайном обществе «СТБ» сотни рабочих потребовали оружие, чтобы бороться против гитлеровцев.

Глубокое возмущение охватило жителей столицы в связи с бомбардировкой Бухареста гитлеровцами и их попытками подавить антифашистское восстание. Днем 24 августа компартия распространила листовку «Наша жизнь в опасности! Все к оружию!» В тот же день вышел экстренный выпуск «Ромыния либера», в котором было напечатано обращение командования патриотических отрядов к населению города, ко всем румынским патриотам. В нем говорилось, что «на предложение покинуть страну немцы ответили открытием огня. Три года с помощью предателя Антонеску они грабили нашу страну, заставляли нас проливать кровь за установление их мирового господства. Теперь они зверски бомбят столицу, чтобы захватить ее и устроить кровавое побоище».

Указывая на опасность, нависшую над Бухарестом, командование боевых патриотических отрядов призывало без промедления включиться в борьбу с гитлеровскими захватчиками и выражало твердую уверенность в торжестве правого дела разгрома фашизма. Обращение заканчивалось словами: «Освободительная Красная Армия приближается! Немцы будут разбиты! Да здравствует борьба румынского народа! Смерть германским захватчикам!» [28].

По призыву штаба боевых патриотических отрядов большое число трудящихся столицы и ее окрестностей приняло участие в операции по очистке Бухареста от германских войск, по их разоружению. В районе Бэняса вместе с воинскими частями сражались против гитлеровцев отряды вооруженных рабочих бухарестских предприятий.

В течение 24 августа в столице были заняты многие объекты, оборонявшиеся немцами, захвачено и разоружено большое число гитлеровцев. На следующий день в Бухарест начали прибывать румынские войска из других частей страны, в результате чего соотношение сил стало резко меняться в пользу восставших.

---

[27] «Romînia liberă», 24.VIII 1944.

[28] Documente din istoria partidului comunist din Romînia. Bucureşti, 1951, p. 393.

К концу боевых действий численность личного состава наземных частей и авиационных подразделений румынской армии, принимавших участие в освобождении столицы, составила более 37 тыс. человек. Кроме того, в этих боях участвовали свыше 2 тыс. бойцов боевых патриотических отрядов[29].

В ходе боев 24—26 августа в Бухаресте были ликвидированы очаги гитлеровского сопротивления, а атаки немецких войск, пытавшихся проникнуть в город извне, в последующие дни были отбиты.

Победа вооруженного восстания в Бухаресте, имевшая огромное значение, была достигнута революционными силами румынского народа — румынской армией, выступившей против фашизма, и боевыми патриотическими отрядами, поддержанными массами рабочих и крестьян окрестных деревень. Важным условием достижения этой победы было стремительное наступление войск 2-го Украинского фронта, лишившее германское командование возможности выделить крупные силы для подавления восстания. Продвижение советских войск, шедших на помощь восставшему румынскому народу, заставило гитлеровцев прекратить бомбардировку румынской столицы: им пришлось спешно перебазировать свой 4-й воздушный флот в связи с потерей аэродромов и острой нехваткой горючего.

Почти одновременно с военными действиями в Бухаресте развернулась вооруженная борьба и в других частях страны. В районе Турну-Северина завязался бой с полуторатысячным отрядом немецко-фашистских войск, переправившимся через Дунай из Югославии. По призыву коммунистов сотни рабочих взяли оружие в казармах и вместе с солдатами 95-го пехотного полка нанесли поражение гитлеровцам, а затем во взаимодействии с кораблями румынской речной флотилии отрезали врагу путь к отступлению обратно в Югославию. Отряд противника был вынужден прекратить сопротивление и сдаться. Более 10 тыс. солдат и офицеров германской армии было обезоружено в Добрудже. В Брашове гитлеровские войска получили отпор со стороны румынских частей и рабочих, которые использовали находившиеся на заводском дворе отремонтированные пушки для обстрела вражеских позиций. Бои против гитлеровцев успешно велись также в промышленном районе Баната, в Араде, в Алба-Юлии и других местах.

Значительный размах приняли действия румынских воинских частей и боевых патриотических отрядов в нефтепромысловом районе долины Праховы, в особенности в Плоешти и его окрестностях. Здесь гитлеровцы располагали силами, втрое превосходившими численность румынских войск. Однако их попытка занять город натолкнулась на решительное сопротивление частей румынской армии и вооруженных рабочих-нефтяников. В боях

[29] «Scînteia», 14.VIII 1964.

в долине Праховы рабочие являлись одной из наиболее активных сил. Вооружившись, они изгоняли гитлеровскую охрану с промыслов и нефтеочистительных заводов и устанавливали рабочую охрану. В течение пяти дней рабочие нефтеперегонных заводов «Вега», «Ромыно-американа», «Астра» и «Стяуа ромына» обороняли предприятия, не позволяя гитлеровцам подорвать их.

Будучи не в силах взять Плоешти, германские части окружили его со всех сторон.

Но тут на них обрушились удары подошедших 29 августа 5-го танкового корпуса и 3-й воздушнодесантной дивизии Советской Армии. Вместе с 18-й румынской пехотной дивизией они ликвидировали кольцо окружения вокруг Плоешти и к 31 августа уничтожили последние сопротивлявшиеся немецкие части.

Руководящая роль рабочего класса и его революционной партии в подготовке и проведении вооруженного антифашистского восстания, твердость и решительность, проявленные в борьбе воинскими частями и боевыми патриотическими отрядами, широкая поддержка, оказанная им народными массами, обеспечили победу восстания. В условиях, когда советские войска окружили и уничтожили основные силы немецко-фашистской группировки «Южная Украина» на фронте, восставшая румынская армия и патриотические силы нанесли поражение гитлеровским войскам внутри страны, уничтожив за восемь дней — с 24 по 31 августа — более 5 тыс. и взяв в плен 56 455 гитлеровцев, в том числе 14 генералов и более 1200 офицеров [30].

Чем успешнее развивалось вооруженное восстание, вовлекая в борьбу широкие народные массы, тем активнее действовали король и его сторонники, стремившиеся не допустить участия Румынии в антигитлеровской войне.

24 августа, когда в кольце советских войск оказалась ясско-кишиневская группировка противника в составе 18 дивизий Ставка Верховного Главнокомандования приказала Военным советам 2-го и 3-го Украинских фронтов и своему представителю маршалу С. К. Тимошенко продолжать наступление на внешнем фронте окружения. Одновременно она дала указание разъяснять румынским войскам, переставшим оказывать сопротивление, что «Красная Армия не может прекратить военных действий до тех пор, пока не будут ликвидированы вооруженные силы немцев, которые продолжают оставаться в Румынии» [31]. Приказ был продиктован необходимостью воспрепятствовать отходу остатков разгромленных немецко-фашистских частей.

Между тем правительство Сэнэтеску и король Михай вместо оказания содействия советским войскам в выполнении этой задачи, как того требовало их заявление о принятии советских усло-

---

[30] ИМЛ. Документы и материалы Великой Отечественной войны, инв. № 9493, л. 78.

[31] Там же.

вий перемирия, по существу продолжали содействовать выводу немецких войск из-под ударов Советской Армии. Более того, даже оказавшись вынужденным пойти 24 августа на объявление войны фашистской Германии в связи с ее агрессивными действиями против Румынии, реакционное большинство нового румынского правительства продолжало проводить на деле прежнюю линию.

С его согласия начальник генштаба генерал Михаил 24 августа, когда гитлеровцы уже бомбили Бухарест, направил в штаб группы армий «Южная Украина» телеграмму, в которой говорилось, что «командование румынскими вооруженными силами обеспечивает свободный отход немецких частей с территории Румынии и желает избежать всяческих вооруженных столкновений между немецкими и румынскими войсками». Тогда же он приказал соединениям 3-й и 4-й армий отойти на линию Фокшаны — Нэмолоаса — Брэила — устье Дуная, «оказывая сопротивление всяческим попыткам разоружения», хотя не мог не знать, что в упомянутом выше распоряжении Ставки Верховного Главнокомандования от 24 августа советским войскам приказывалось не разоружать румынские части и соединения, которые организованно сдаются в плен и соглашаются вести совместную борьбу против гитлеровских или хортистских войск [32].

Нельзя не упомянуть также о предписании Михаила, направленном 25 августа командованию 5-го территориального корпуса. Начиналось оно весьма решительным требованием: «В связи с агрессией германских войск против столицы приказываю отныне выполнять следующее: воспрепятствовать любому передвижению германских автомашин и колонн по нашим шоссе...» А заканчивалось так: «...За исключением шоссе Бузэу — Нехой — Инторсуру — Бузэулуй» [33].

Остается добавить, что эта автомагистраль была важной коммуникацией через Карпаты, которую германское командование могло с успехом использовать не только для отступления остатков своих разбитых 6-й и 8-й армий, но и для переброски резервов из Центральной и Западной Европы на румынский фронт. Следовательно, такое приказание явно представляло собой попытку оказать содействие немецко-фашистским войскам, с тем чтобы они избежали полного разгрома и по возможности замедлили стремительное продвижение Советской Армии в центральные и западные районы Румынии.

Наконец, 26 августа в уезды, куда вскоре должны были прийти советские войска, из Бухареста было направлено распоряжение эвакуировать всех допризывников «с максимальной быстротой... чтобы не быть упрежденными русскими» [34].

---

[32] См.: ИМЛ. Документы и материалы Великой Отечественной войны, инв. № 9493, л. 78.
[33] Arhiva MFA, dos. 457/463, f. 31.
[34] Ibidem.

Все это происходило в условиях, когда Советское правительство, получив сообщение о событиях 23 августа в Румынии, передало по радио в ночь на 25 августа заявление, в котором вновь подтверждалась позиция СССР, изложенная в документе от 2 апреля 1944 г. Советское правительство, подчеркивалось в заявлении, не имеет намерения приобрести какую-либо часть румынской территории или изменить существующий социальный строй в Румынии, или ущемлять каким-либо образом ее независимость, а наоборот, считает необходимым восстановить совместно с румынами независимость их страны путем освобождения от немецко-фашистского ига.

Далее указывалось на необходимость непосредственного участия румынской армии в борьбе против гитлеровских войск за освобождение своей страны. «Советское Верховное Командование,— говорилось в заявлении,— считает, что если румынские войска прекратят военные действия против Красной Армии и если они обяжутся рука об руку с Красной Армией вести освободительную войну против немцев за независимость Румынии или против венгров за освобождение Трансильвании, то Красная Армия не будет их разоружать, сохранит им полностью вооружение и всеми мерами поможет им выполнить эту почетную задачу.

Однако Красная Армия может прекратить военные действия на территории Румынии лишь после того, как будут ликвидированы немецкие войска в Румынии, являющиеся проводником угнетения и порабощения румынского народа. Помощь румынских войск войскам Красной Армии в деле ликвидации немецких является единственным средством скорого прекращения военных действий на территории Румынии и заключения Румынией перемирия с коалицией союзников» [35].

Румынская реакция была не прочь официально заключить соглашение с германским командованием, и лишь позиция Советского Союза заставила ее воздержаться от этого предательского шага. Тот факт, что Сэнэтеску продолжал вести переговоры с гитлеровцами, подтверждает заявление, сделанное на заседании правительства 27 августа министром иностранных дел Никулеску-Бузешть. Он сообщил о готовности Германии заключить перемирие с Румынией, чтобы обеспечить свободный уход своих войск. Но тут же с сожалением констатировал, что пойти навстречу этому желанию невозможно, ибо «если румынское правительство заключит перемирие с германскими войсками, то Советское правительство будет продолжать разоружать румынские войска» [36].

Потерпев неудачу в своем стремлении задержать наступление советских войск путем сговора с гитлеровцами, преемники Антонеску попытались добиться этого иным путем. На том же заседании правительства 27 августа Ю. Маниу предложил потре-

[35] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. II. М., 1946, с. 172.

[36] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8464, f. 11.

бовать выделения Бухареста с его округом и западных уездов в специальную зону, куда не должны вступать советские войска. В этом направлении и стал теперь действовать Сэнэтеску. 28—29 августа его представители официально обратились к командующим 6-й танковой и 46-й армий, наступавших соответственно на участках 2-го и 3-го Украинских фронтов, с просьбой прекратить продвижение по румынской территории, остановившись на линии Карпаты — Дунай. При этом они заявили, что «ликвидацию немецких войск на территории, не занятой Красной Армией, румынское правительство берет на себя» [37].

Советское командование отклонило данное предложение, так как его принятие предоставило бы гитлеровскому командованию возможность отвести свои войска в Карпаты для продолжения борьбы, а также препятствовало бы выполнению Советской Армией освободительной миссии в странах Юго-Восточной Европы [38].

Между тем румынские реакционеры именно этого и добивались. Причем одновременно они прилагали отчаянные усилия, чтобы добиться прибытия в Румынию англо-американских войск, в присутствии которых видели гарантию сохранения буржуазно-помещичьего строя, опору эксплуататорских классов в борьбе с революционными силами румынского народа.

Сразу же после свержения Антонеску король Михай через освобожденного из заключения английского разведчика Шателена обратился к англо-американскому командованию в Каире с просьбой направить в Бухарест три авиадесантные бригады. Этим вплоть до конца августа усиленно занималось и правительство Сэнэтеску. На одном из его заседаний генерал Потопяну предложил пригласить военно-воздушные силы западных союзников под предлогом необходимости защиты румынской столицы от налетов германской авиации. Но министр иностранных дел Никулеску-Бузешть тут же сообщил, что уже направил такую просьбу «по нескольким каналам» [39].

Чем быстрее продвигались советские войска, преследовавшие и громившие фашистов на румынской территории, чем ближе они подходили к Бухаресту, тем лихорадочней становились попытки реакционеров добиться англо-американской оккупации хотя бы части страны, чтобы таким образом «уравновесить» соотношение политических сил в Румынии. Буржуазная пресса заранее принялась уверять население, что в самое ближайшее время командованием западных союзников будет высажен крупный воздушный десант. Газета «Кувынтул ноу», например, писала в те дни, что скоро англичане и американцы возьмут на себя «обеспечение зоны безопасности над Бухарестом и нефтепромыс-

---

[37] Архив МО СССР, ф. 240, оп. 16362, д. 26, л. 103; ф. 243, оп. 17963, д. 14, л. 570; Ясско-Кишиневские Канны, с. 195.

[38] См.: Ясско-Кишиневские Канны, с. 195.

[39] Архив МО СССР, ф. 240, оп. 16362, д. 26, л. 103; ф. 243, оп. 17963, д. 14, л. 570; Ясско-Кишиневские Канны, с. 195.

ловым районом» и что в связи с этим неподалеку от румынской столицы уже приготовлен первый аэродром для приема 500 самолетов[40].

Надежды короля и эксплуататорских классов на оккупацию Румынии войсками США и Англии были, однако, несбыточными. Для западных союзников было немыслимо высадить воздушный десант в Бухаресте без согласия командования советских войск, разгромивших основные силы гитлеровцев на румынской территории и стремительно приближавшихся к столице страны. Единственное, на что решились в Лондоне и Вашингтоне, это послать 38 «летающих крепостей», чтобы забрать из Бухареста военнопленных англичан и американцев. Сэнэтеску попытался использовать даже этот молниеносный визит для того, чтобы ободрить приунывшую румынскую реакцию, поощрить ее на борьбу против демократических, революционных сил. По его поручению была составлена якобы от имени американцев листовка, в которую премьер-министр лично вписал такие слова: «Мы, американцы, позаботимся о вас!»[41]

Вопреки намерениям правительства Сэнэтеску румынские вооруженные силы с первых дней антифашистского восстания не только развернули совместно с боевыми патриотическими отрядами активные дейтвия против гитлеровцев внутри страны, но и вступили плечом к плечу с Советской Армией в борьбу за окончательный разгром германских войск на фронте. Поскольку одной из первых таких румынских воинских частей был 3-й пограничный полк, сражавшийся против гитлеровцев уже в ночь на 24 августа, представляют интерес некоторые связанные с этим подробности.

Вот что рассказал впоследствии командир одного из советских соединений генерал-майор И. Н. Виноградов: «В ночь на 24 августа в расположении 500-го батальона, занимавшего плацдарм на правом берегу Молдовы, появились парламентеры, посланные командиром 3-го румынского пограничного полка полковником Теодореску... Парламентеры, которых я принял в штабе батальона, передали предложение своего командира о переходе румынских частей на сторону Красной Армии. Вскоре прибыл и сам полковник Теодореску. Приехал также представитель Военного совета 40-й армии. Тут же было достигнуто соглашение о совместных боевых действиях против общего врага... намечен план...

В ту же ночь выдвинулись в Валя-Санэ, Мирон и Капы-Кымпулуй 491-й и 500-й батальоны. Совместно с перестроившими свой фронт румынскими частями они взяли в плен 326 немецких солдат и офицеров, захватили три артиллерийские батареи и много другого оружия и боеприпасов». В последующие дни, как

[40] См.: «Cuvîntul nou», 31.VIII 1944.
[41] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8467, ff. 10—11.

свидетельствует генерал Виноградов, румынские пограничники столь же отважно действовали совместно с советскими воинами при взятии сильно укрепленных узлов сопротивления противника Гура-Гумора, Мулин, Кымпулунг-Молдовенеск, Ватра-Дорией, а затем при освобождении Северной Трансильвании[42].

Вместе с советскими войсками с 26 августа вели бои против гитлеровцев румынская 1-я кавалерийская и части 1-й танковой дивизии. В тот же день более восьми дивизий, входивших в 1-й румынский армейский корпус, выразили желание вести совместно с Советской Армией борьбу против немецких и венгерских фашистов[43]. С 28 августа и в последующие дни в боях на стороне советских войск участвовали румынская 3-я горнострелковая, 2-я, 5-я, 18-я, 21-я пехотные дивизии и ряд других[44].

Преследуя отступающего врага, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов стремительно продвигались вперед. 29 августа советские части, разгромив оборону противника, заняли город Бузэу, сорвав таким образом попытку германского командования отвести остатки разгромленных войск на Карпаты по оставленной, как говорилось выше, дороге на Инторсуру — Бузэулуй. К утру 30 августа штурмом был взят город Плоешти.

Повсюду румынское население с радостью и энтузиазмом встречало советские войска, всемерно помогало им, нередко проявляя высокую отвагу и самоотверженность.

Так было с первых дней Ясско-Кишиневской операции. «Был, например, такой случай,— рассказывает генерал Виноградов.— С трудом продвигаясь на гору Обчина, третья рота 491-го батальона встретила спешившую ей навстречу местную крестьянку Руксанду Георгиу. Волнуясь, женщина сообщила, что недалеко отсюда расположились немецкие пулеметчики, стерегущие подходы к вершине горы. Отважная горянка вызвалась также показать поближе вражеские позиции. И действительно, двух бойцов, посланных командиром роты лейтенантом Ивановым, она провела по еле заметной тропке почти вплотную к расположению противника. Благодаря этому рота нанесла внезапный удар по фашистам и, уничтожив их, захватила высоту»[45].

29 августа передовые советские части подошли к Бухаресту.

На следующий день сюда начали подходить главные силы советских соединений, наступавших на этом направлении. Они расположились полукольцом вокруг Бухареста, ожидая разрешения на вступление в столицу. А румынская реакция тем временем предпринимала отчаянные попытки задержать их, надеясь, что хоть в последний момент явится столь желанный для нее англо-американский воздушный десант. Поскольку ожида-

---

[42] См.: *Виноградов И. Н.* Оборона — штурм — победа. М., 1968, с. 182—191; Архив МО СССР, ф. 395, оп. 9136, д. 330, лл. 1—10.
[43] См.: Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 11, л. 75.
[44] «Scînteia», 19.VIII 1964.
[45] *Виноградов И. Н.* Указ. соч., с. 184.

ние разрешения затягивалось, что противоречило планам дальнейших наступательных операций, Ставка Верховного Главнокомандования приказала ввести в Бухарест войска 2-го Украинского фронта.

И вот 31 августа через румынскую столицу проследовали колонны войск, принесшие румынскому народу избавление от гитлеровского ига. Шествие открывала 1-я румынская добровольческая дивизия имени Тудора Владимиреску во главе со своим командиром полковником Н. Камбря и начальником штаба полковником Я. Теклу, сражавшаяся в составе 2-го Украинского фронта. Она насчитывала 9587 солдат и офицеров, была хорошо вооружена и отлично экипирована. Ее марш по бухарестским улицам вызвал чувство радости и гордости у населения. За ней шли колонны советских воинов, которых жители города встретили как друзей и братьев с цветами и флагами.

На стихийно возникавших митингах они говорили о своей горячей благодарности Советской Армии. Выступая от имени ЦК КПР на одном из митингов, Г. Апостол сказал: «Выражаем нашу признательность славной и героической Красной Армии-освободительнице, которая совместно с нашей любимой румынской армией очищает нашу страну от орд гитлеровских варваров»[46].

С овладением нефтеносным районом Плоешти и вступлением советских войск в Констанцу и Бухарест закончилась одна из самых крупных и выдающихся по своему стратегическому и военно-политическому значению операций второй мировой войны — Ясско-Кишиневская. В ходе этой битвы гитлеровская Германия потерпела одно из тяжких поражений, которое «Нью-Йорк таймс» с полным основанием оценила как «самое катастрофическое для Адольфа Гитлера» со времени разгрома немецко-фашистских войск на Волге[47].

Уничтожение группы армий «Южная Украина» было далеко не единственным итогом блистательной Ясско-Кишиневской операции 2-го и 3-го Украинских фронтов. «Такое же значение, как и военный удар, нанесенный гитлеровцам утратой Румынии,— писала американская газета «Крисчен сайенс монитор»,— имеют и потери в хозяйственной области. Это лишает их ресурсов крупнейшей производящей хлеб страны на Балканах, а также единственного крупного источника природных нефтепродуктов»[48]. По оценке западногерманского историка К. Типпельскирха, потеря румынских нефтяных источников была с экономической точки зрения наиболее тяжелым ударом для германского командования[49].

Исключительно велики политические последствия этой исторической победы Советской Армии. В результате разгрома вра-

[46] «Romînia liberă», 31.VIII 1944.
[47] См.: «New York Times», 31.VIII 1944.
[48] «Christian Science Monitor», 24.VIII 1944.
[49] См.: *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956, с. 486.

жеской группы армий «Южная Украина» Румыния была избавлена от гитлеровского ига, выведена из войны на стороне фашистской Германии и перешла на сторону антигитлеровской коалиции, что привело к коренному изменению политической обстановки в Юго-Восточной Европе. Создались условия для освобождения Болгарии и оказания непосредственной помощи Югославии и Чехословакии, для усиления освободительной антифашистской борьбы народов Албании и Греции.

Генеральный секретарь РКП, президент СРР Н. Чаушеску отмечал в этой связи: «Румынская коммунистическая партия, весь наш народ никогда не забудет помощь, оказанную Коммунистической партией Советского Союза, народами Советского Союза и его могучей армией, которая пролила кровь не только за освобождение собственной родины, но и за окончательный разгром фашизма, способствуя освобождению всей территории Румынии»[50].

Используя благоприятную обстановку, создавшуюся в результате уничтожения мощной немецко-фашистской группировки «Южная Украина», румынский народ сверг военно-фашистскую диктатуру Антонеску, положил конец захватнической войне против СССР. Вступление советских войск в Бухарест, в южные и западные районы страны закрепило победу вооруженного антифашистского восстания в Румынии, достигнутую благодаря усилиям Коммунистической партии Румынии, настойчиво и последовательно проводившей политику объединения всех национальных сил для свержения фашистской диктатуры и прекращения антисоветской войны.

Тот факт, что организатором и руководителем этого победоносного восстания была КПР, впоследствии попытались оспаривать выразители интересов румынской и мировой реакции. Но подобные утверждения не выдерживают критики.

Версия, согласно которой «исторические» партии во главе с Маниу и Брэтиану были главными действующими лицами в событиях 23 августа, полностью опровергается приведенными выше фактами. Они показывают, что эти события развернулись без участия названных деятелей. Более того, выступление патриотических сил, свержение фашистского правительства Антонеску и начало борьбы против гитлеровских войск оказались полнейшей неожиданностью для лидеров буржуазно-помещичьих партий. Это признал сам Ю. Маниу, заявив: «Я ничего не знал о том, что произошло ночью 23 августа. Мне ничего не было известно об этих событиях до утра следующего дня, когда ко мне пришел Аурел Лекутья и рассказал обо всем»[51].

Все сказанное выше свидетельствует также о несостоятельности попыток буржуазной историографии приписать королю Михаю решающую роль в событиях 23 августа 1944 г. Немало усилий

[50] «Scînteia», 4.VI 1976.
[51] Procesul marii trădări naţionale. Bucureşti, 1946, p. 13.

в этом направлении приложила также американская и английская пресса, пестрившая в то время кричащими заголовками такого рода: «Единоличный переворот. Молодой король Михай отдал приказ об аресте клики Антонеску и повороте страны». Не трудно понять, что это имело целью поддержать судорожные усилия румынских эксплуататорских классов удержать свои пошатнувшиеся позиции.

В действительности монархия была лишь незначительной частью тех сил, которые компартия включила в выполнение разработанного ею плана вооруженного восстания. Причем согласие короля содействовать осуществлению этого плана было вынужденным шагом, продиктованным, как признают западные авторы, «боязнью революции, которая смела бы его династию» [52].

Этим страхом были продиктованы и предпринятые им тогда же попытки воспрепятствовать развертыванию вооруженной борьбы румынского народа и его армии против гитлеровцев, остановить антифашистское восстание на полпути. Однако король и созданное им правительство Сэнэтеску оказались бессильны повлиять на ход событий. Их попытки войти в сговор с гитлеровцами были сорваны компартией, сумевшей поднять массы на борьбу с врагом и, используя благоприятные условия, созданные стремительным наступлением советских войск, довести антифашистское восстание до победного конца.

Непосредственными результатами восстания были свержение военно-фашистской диктатуры, срыв планов германского командования и клики Антонеску, направленных на продолжение войны на румынской территории, спасение страны от национальной катастрофы, от новых бессмысленных жертв. События 23 августа лишили гитлеровскую Германию самого крупного союзника в Юго-Восточной Европе, облегчили и ускорили наступательное продвижение Советской Армии по румынской территории, способствовали выполнению ее освободительной миссии на Балканах. Они, как вынуждены были признать Кейтель и Гудериан в докладе на имя Гитлера, «наряду с немедленными последствиями военного порядка привели к опасному изменению фронтов, в результате чего будет утрачена не только территория Румынии, но также Болгарии, Югославии и Греции, окажется в опасности германская армия на Балканах». Охваченные яростью гитлеровские военачальники требовали не более и не менее как «принять все меры к тому, чтобы Румыния исчезла с карты Европы, а румынский народ перестал существовать как нация» [53].

С победой антифашистского восстания Румыния вошла в антигитлеровскую коалицию, и ее армия повела вместе с советскими Вооруженными Силами борьбу за окончательный разгром общего врага — германского фашизма.

---

[52] *Steel J.* The Future of Europe. New York, 1946, p. 70.
[53] «Analele», 1964, N 4, p. 32.

События 23 августа 1944 г., вернувшие на политическую авансцену румынские народные массы во главе с компартией, сыграли большую роль и в быстрейшем заключении перемирия между СССР, Англией и США, с одной стороны, и Румынией — с другой, обеспечившего стране благоприятные условия для подведения черты под периодом, когда она вопреки воле своего народа являлась союзницей фашистской Германии, и для определения ее положения в антигитлеровской коалиции. Победа вооруженного восстания способствовала тому, что в соглашении о перемирии были не только зафиксированы условия, на которых прекращалось состояние войны между антигитлеровской коалицией и Румынией, но и отражены те перемены, которые определялись событиями 23 августа,— ее выход из фашистского блока и переход на сторону Объединенных Наций.

Показательно, что и в этом важном для страны вопросе реакционное большинство правительства Сэнэтеску с самого начала повело линию, чуждую национальным интересам и продиктованную своекорыстными целями эксплуататорских классов.

Во-первых, оно попыталось воспрепятствовать участию страны в войне против фашистской Германии и с этой целью, наряду с попытками полюбовно договориться с гитлеровцами, предприняло и соответствующие внешнеполитические шаги. Причем — и это также характеризует сущность политики правительства Сэнэтеску — румынскими уполномоченными для ведения в Каире переговоров о заключении перемирия остались те же Штирбей и Вишояну, посланные туда в свое время с санкции И. Антонеску. Им было уже вечером 23 августа предложено информировать союзников о том, что Румыния не будет вести борьбы против немецких войск, если они согласятся покинуть страну в течение 15-дневного срока [54].

Во-вторых, вплоть до подписания перемирия монархия и буржуазно-помещичьи круги, как уже упоминалось, направляли все усилия на то, чтобы в соответствии со своими контрреволюционными целями добиться хотя бы частичной англо-американской оккупации Румынии. Поэтому в той же телеграмме посланцам в Каире от 23 августа содержалась директива «как можно скорее» заключить перемирие [55], что, как полагало правительство Сэнэтеску, помешает советским войскам занять всю территорию Румынии и обеспечит англо-американскому командованию возможность послать свои войска в румынскую столицу и другие города страны. На следующий день Штирбей и Вишояну получили новое указание — добиваться включения в советские условия перемирия от 12 апреля 1944 г. пункта о сохранении для румынского правительства «свободной зоны», куда войска Советской Армии не будут иметь доступа.

---

[54] *Cretzianu A.* Op. cit., p. 150.
[55] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8464, f. 13.

Поскольку, таким образом, румынские представители в Каире по-прежнему не проявляли желания принять советские условия, согласованные с западными союзниками, и в связи с тем, что разгром немецко-фашистских войск в Румынии Советской Армией создал предпосылки для скорейшего заключения перемирия, румынскому правительству было предложено послать свою делегацию для переговоров в Москву.

Со своей стороны Советское правительство 27 августа опубликовало справку об условиях, выдвинутых еще в апреле 1944 г. Это способствовало разоблачению лживых утверждений лидеров национал-царанистской и национал-либеральной партий, которые в целях затягивания и срыва переговоров выступали с заявлениями о якобы «несправедливом» характере и «чрезвычайной обременительности» некоторых пунктов предложенного соглашения [56].

В конце августа румынская правительственная делегация прибыла в Москву, имея полномочия на ведение переговоров с представителями СССР, Англии и США и подписание перемирия. Ей было поручено добиваться и здесь тех же целей, которые преследовались правительством Сэнэтеску в ходе каирских переговоров. Реакция не скрывала, что рассчитывает в этом отношении на поддержку британских и американских правящих кругов. Так, газета «Кувынтул ноу», сообщая об отъезде делегации в Москву, писала, что среди румынских предложений фигурирует та же «*нейтральная* зона», закрытая для советских войск, и при этом многозначительно добавляла, что на сей раз представители Англии и США «скажут свое слово во время переговоров» [57].

Однако эти расчеты не оправдались. Англо-американские правящие круги были не в состоянии оказать определяющее влияние на исход переговоров. Характер и содержание соглашения, как подчеркивала в те дни «Правда», определялись тем, что перемирие с Румынией являлось «плодом замечательных побед Красной Армии» [58]. Это решающее обстоятельство обрекло на провал маневры румынской реакции. Оно также позволило Советскому правительству в переговорах с США и Англией об условиях перемирия отстоять подлинные национальные интересы румынского народа, его право строить свою жизнь на демократических началах. Благодаря этому соглашение о перемирии с Румынией, подписанное в Москве 12 сентября 1944 г., «приобрело справедливый, демократический характер» [59].

Основные его положения [60] исходили из необходимости реше-

---

[56] «Dreptatea», 9.IX 1944; «Viata», 3.IX 1944.
[57] «Cuvîntul nou», 30.VIII, 4.IX 1944.
[58] «Правда», 1944, 14 сентября.
[59] См.: История внешней политики СССР, ч. I. М., 1966, с. 418.
[60] См.: «Известия», 1944, 14 сентября.

ния важнейших задач, стоявших в то время перед свободолюбивыми народами всего мира,— достижения скорой и полной победы над фашизмом и демократизации политической жизни стран, ранее находившихся под гитлеровским господством.

В ст. 1 соглашения подчеркивалось, что Румыния с 4 часов утра 24 августа 1944 г. полностью прекратила военные действия против Советского Союза на всех участках фронта, вышла из войны против Объединенных Наций, порвала отношения с Германией и ее сателлитами, вступила в войну на стороне союзных держав и будет вести ее, чтобы восстановить свою независимость и суверенитет, выставив для этой цели не менее 12 пехотных дивизий. Военные действия румынских вооруженных сил, включая военно-морской и воздушный флот, будут вестись под общим руководством союзного (советского) главнокомандования.

В ст. 2 указывалось, что на правительство и командование румынской армии возлагается обязанность принять меры к разоружению и интернированию фашистских войск, находящихся на румынской территории.

Румыния обязывалась также обеспечить союзным (советским) войскам возможность беспрепятственного передвижения по румынской территории и оказывать этому передвижению всемерное содействие, немедленно передать всех находящихся в ее власти советских и союзных военнопленных и интернированных лиц. Соглашение также содержало обязательство румынского правительства передать в распоряжение союзного (советского) главнокомандования в качестве трофеев все находящееся на румынской территории военное имущество вражеских государств.

Ст. 4 соглашения восстанавливала государственную границу между СССР и Румынией, установленную советско-румынским соглашением от 28 июня 1940 г.

Английские и американские правящие круги были против возвращения Северной Трансильвании Румынии. В этом вопросе в Лондоне и Вашингтоне руководствовались теми же соображениями, что и фашистская Германия, которая с помощью венского диктата подчинила себе Румынию и Венгрию и использовала их в качестве послушного орудия в антисоветской борьбе. Верные своему принципу «разделяй и властвуй», они соглашались объявить «венский арбитраж» несуществующим, но выдвигали новые планы раздела Трансильвании, нашедшие, в частности, отражение в статье, опубликованной английским журналом «Контемпорари ревью». В ней предлагалось разделить Трансильванию по «венскому образцу» или создать на ее территории «карликовое государство»[61].

Благодаря твердой и последовательной политике Советского правительства осуществить эти планы не удалось. Ст. 19 соглашения о перемирии провозглашала утратившим силу «венский

---

[61] «Contemporary Review», January 1945, p. 16.

арбитраж», расчленявший Румынию, и возвращала ей Северную Трансильванию.

Соглашение о перемирии обращало особое внимание на необходимость демократизации политической жизни Румынии. Оно предусматривало немедленное освобождение всех лиц, находящихся в заключении в связи с их деятельностью в пользу Объединенных Наций или за их сочувствие делу Объединенных Наций, отмену дискриминационного расистского законодательства и вытекающих из него ограничений (ст. 6). «Румынское правительство,— гласила ст. 14 соглашения о перемирии,— обязуется немедленно распустить находящиеся на румынской территории все прогитлеровские (фашистского типа) политические, военные, военизированные, а также другие организации, ведущие враждебную Объединенным Нациям, в частности Советскому Союзу, пропаганду, и впредь не допускать существования такого рода организаций». Румыния обязывалась принять меры к задержанию лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и к суду над ними.

Политические статьи соглашения о перемирии, совпадавшие с требованиями демократизации политической жизни страны, выдвигавшимися революционными силами румынского народа, благоприятствовали борьбе за установление подлинно демократического строя в Румынии. Эти статьи наносили удар по позициям румынской реакции, которая хотела опереться на уцелевшие фашистские элементы в своей борьбе против демократических и революционных сил. Оценивая значение перемирия, Г. Георгиу-Деж в своем выступлении в Бухаресте 24 сентября 1944 г. сказал, что оно представляет собой помощь, оказанную румынскому народу Советским Союзом и его Советской Армией[62].

Условия перемирия исходили из категорического признания независимости и суверенитета Румынии, сформулированного в ст. 1 соглашения. Советское правительство тем самым еще раз продемонстрировало свою верность принципу уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела всех стран, в том числе и побежденных. Ст. 17 предусматривала восстановление румынской гражданской администрации на всей территории Румынии, за исключением полосы, отстоящей от линии фронта на 50—100 км (в зависимости от условий местности). На румынские административные органы возлагалась обязанность выполнять инструкции и указания союзного (советского) главнокомандования, «данные им в целях обеспечения выполнения настоящих условий перемирия».

В экономических статьях соглашения ярко проявились великодушие Советского Союза и его бескорыстная забота об обес-

[62] *Gheorghiu-Dej Gh.* O politică romînească de realizări democratice. Bucureşti, 1946, p. 112.

печении экономического развития и независимости Румынии. «Убытки, причиненные Советскому Союзу военными действиями и оккупацией Румынией советской территории,— говорилось в ст. 11,— будут возмещены Советскому Союзу, причем, принимая во внимание, что Румыния не просто вышла из войны, а объявила войну и ведет ее против Германии и Венгрии, стороны условливаются о том, что возмещение указанных убытков будет произведено Румынией не полностью, а только частично, а именно: в сумме 300 млн. американских долларов с погашением в течение шести лет товарами (нефтепродукты, зерно, лесоматериалы, морские и речные суда, различное машинное оборудование и т. п.)».

Если учесть, что ущерб, причиненный Советскому Союзу в результате военных действий Румынии, достиг, по румынским данным, 1,5 млрд. долл.[63], то установленный соглашением о перемирии размер репараций составлял лишь одну пятую убытков, понесенных СССР. Этот факт говорит сам за себя. То, что репарационные платежи должны были выплачиваться в товарной форме, а не в долларах и фунтах стерлингов, избавляло Румынию от необходимости за бесценок продавать свои товары за эту валюту, лишало империалистические круги США и Англии возможности финансового закабаления страны.

Не случайно поэтому позднее, на Парижской мирной конференции в 1946 г., делегаты западных стран пытались ревизовать соглашение о перемирии, добиваясь выплаты Румынией репарации не товарными поставками, а твердой валютой. А еще раньше, в октябре 1944 г., возражая против включения в соглашение определенной суммы репараций, американские представители настаивали на том, чтобы условия перемирия были представлены на утверждение Европейской консультативной комиссии[64].

Соглашением о перемирии на Румынию возлагалось также обязательство в сроки, указанные советским командованием, возвратить Советскому Союзу в полной сохранности вывезенные с его территории во время войны все ценности, принадлежавшие государственным, общественным и кооперативным организациям, предприятиям, учреждениям или отдельным гражданам,— оборудование фабрик и заводов, паровозы, железнодорожные вагоны, тракторы, автомашины, исторические памятники, музейные ценности и другое имущество.

Для контроля за выполнением соглашения о перемирии учреждалась Союзная Контрольная Комиссия в составе представителей СССР, Англии и Соединенных Штатов Америки, которая работала под руководством и по указаниям Советского Главнокомандования, действовавшего от имени трех союзных держав.

[63] Independenţa, suveranitatea şi integritatea RPR sunt garantate prin prietenia cu URSS. Bucureşti, 1948, p. 12.
[64] См.: The Memoirs of Cordell Hull, vol. 2. New York, 1948, p. 1461.

Выработанные Советским Союзом условия перемирия с Румынией были убедительным доказательством его великодушия и добрых намерений в отношении побежденной Румынии, что признавали английские и американские государственные деятели и буржуазная печать. Выступая в палате общин, У. Черчилль, например, отметил умеренность советских условий [65]. Американский журнал «Тайм» писал, что «мир считает условия перемирия великодушными» [66]. «Румынский народ,— указывала английская «Йоркшир пост»,— не может жаловаться на тяжесть условий перемирия. В этих условиях нет никаких элементов мстительности» [67].

Действительно, Советское правительство руководствовалось исключительно интересами мира и безопасности народов в послевоенный период, желанием создать благоприятные условия для развития советско-румынской дружбы.

Румынский народ оценил великодушие советских условий перемирия. Бухарестская газета «Семналул» писала по этому поводу: «...Советский Союз, несмотря на свою мощь, не потребовал от румынского народа никаких аннексий и ничем не оскорбил его. СССР уважает нашу территориальную целостность. Он требует от нас проявления доброй воли. Докажем же ему нашу добрую волю с самого начала. Только таким путем мы можем создать новую атмосферу в наших отношениях с Советским Союзом. Разве нашему малому народу недостаточно одной только дружбы могучего русского народа для обеспечения нашей независимости и свободы? Дружба с ним означает жизнь и свободу. Враждебное отношение к нему является национальным самоубийством». Как отмечал Г. Георгиу-Деж, советские условия перемирия создали предпосылки будущего сотрудничества и вечной дружбы между румынским и советским народами [68].

Коммунистическая партия Румынии призвала рабочих, крестьян, интеллигенцию и всех патриотов вести борьбу за точное и лояльное выполнение условий перемирия. «Румынский народ,— говорилось в воззвании ЦК КПР по случаю подписания соглашения,— сможет освободить страну, сможет восстановить и развить национальную экономику, сможет жить свободно и счастливо в независимом, могучем и процветающем государстве, только проводя политику искренней и тесной дружбы с Советским Союзом» [69]. Пресса компартии писала о соглашении о перемирии как об еще одном подтверждении интернациональной политики Советского государства и его Коммунистической партии, оказывающих братскую помощь народам в их борьбе за независи-

---

[65] «Times», 29.IX 1944.
[66] «Time», September 25, 1944, p. 27.
[67] См.: «Правда», 1944, 15 сентября.
[68] См.: *Gheorghiu-Dej Gh.* Op. cit., p. 112.
[69] «Scînteia», 21.IX 1944.

мость, за создание лучшей жизни для трудящихся, против всякой эксплуатации и угнетения [70].

Поскольку соглашение о перемирии предусматривало радикальное оздоровление всей политической и экономической жизни Румынии, чистку ее государственного аппарата и армии от профашистских элементов, ликвидацию реакционного режима и установление подлинной демократии в стране, реакционные румынские круги, находившиеся у власти в период с 23 августа 1944 г. по 6 марта 1945 г., преднамеренно саботировали его выполнение.

Но усилия реакции были обречены на провал прежде всего потому, что победа вооруженного восстания 23 августа 1944 г. и освобождение страны Советской Армией нанесли решающий удар по эксплуататорским классам, создав условия для установления народной власти. Свержение военно-фашистской диктатуры, осуществленное наряду с армией многими тысячами рабочих, крестьян и патриотически настроенных интеллигентов, перспектива завоевания демократических прав и свобод и свержения буржуазно-помещичьей власти привели к мощному подъему освободительной борьбы, расковали революционную энергию трудящихся масс.

Политический кризис буржуазно-помещичьего режима в Румынии углубился еще более. Вооруженное антифашистское восстание стало началом народной революции. Корни ее уходили в предшествующий исторический период. Как уже отмечалось, буржуазно-демократическая революция 1848 г. не была доведена до конца, в результате чего в социально-экономической жизни страны сохранились феодальные пережитки. Еще в 1931 г. на основе глубокого анализа внутреннего и международного положения V съезд КПР наметил ясную перспективу революционной борьбы в стране. Он указал, что Румыния находится накануне завершения буржуазно-демократической революции, и подчеркнул: «Как объективные социально-экономические условия румынской революции и особенности ее движущих сил, так и международное положение... создают условия для быстрого перехода от завершения буржуазно-демократической революции к пролетарской, социалистической революции» [71].

За время, прошедшее после V съезда КПР, классовые противоречия, вызывавшие революционную борьбу масс и определявшие ее характер, не только не были устранены, но, напротив, усилились. Захватническая империалистическая война против СССР, в которую ввергли народ румынские правители, ускорила наступление революции в Румынии. Ни королевская диктатура, ни военно-фашистский режим Антонеску не смогли подавить революционного движения народных масс.

---

[70] См.: «Romînia liberă», 20.IX 1944.

[71] Documente din istoria partidului comunist din Romînia, p. 126.

Оценка характера надвигавшейся революции, движущих сил и этапов ее развития, данная V съездом КПР, в основном сохраняла свою силу и в новой обстановке, сложившейся после 23 августа 1944 г. Ликвидация помещичьего землевладения, остатков феодально-крепостнических отношений оставалась одной из главнейших, первоочередных задач народной революции, развернувшейся в Румынии после ее освобождения от фашистского господства. Но наряду с этим она должна была решить проблемы, возникшие в связи с фашистским господством в стране.

Поскольку эта революция носила не только антифеодальный, антиимпериалистический, но и антифашистский характер и развертывалась в условиях еще не закончившейся войны против гитлеризма, народным массам, руководимым коммунистической партией в ходе борьбы за политическую власть, нужно было решить и задачи обеспечения максимального участия страны в заключительной фазе битвы против фашистской Германии, ликвидации остатков фашизма в Румынии и восстановления разрушенного народного хозяйства страны.

Таким образом, содержание народной революции оказалось шире, чем мог предвидеть V съезд КПР. Это и определило расстановку классовых сил, несколько отличную от той, которую компартия наметила в 1931 г., а также некоторое изменение тактики партии в революции.

Гегемоном, главной движущей силой народной революции выступал пролетариат — самый передовой и последовательно революционный класс, руководимый коммунистической партией, сумевший привлечь на свою сторону в качестве союзников и резервов широкие слои населения. «Учитывая соотношение классовых сил,— говорил по этому поводу Г. Георгиу-Деж,— наша партия создала широкий демократический фронт, в который наряду с союзниками пролетариата на данном этапе — крестьянством и другими мелкобуржуазными слоями — входили также и косвенные резервы, как, например, группировка, представлявшая собой часть либеральной буржуазии. Использование этих резервов, вызванное необходимостью сосредоточить наступление против основных сил буржуазии и помещиков, не могло изменить характера народной власти, базирующейся на союзе рабочего класса и крестьянства»[72].

Хотя завершение буржуазно-демократической революции было главным содержанием первого этапа революции, коммунистическая партия тогда не выдвигала лозунга ликвидации монархии, сохранившейся в стране со времен феодального господства. КПР учитывала, что некоторые политические силы, готовые сотрудничать с ней в деле обеспечения активного участия в антигитлеровской войне, искоренения фашизма внутри страны и проведения демократических реформ, придерживались монархиче-

[72] *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи, т. II, М., 1956, с. 280—281.

ских взглядов. Эта тактика способствовала расколу реакционных сил, обеспечила концентрацию огня против буржуазно-помещичьих партий и остатков фашизма.

Основной удар на этом этапе революции наносился по «историческим» партиям, в особенности национал-царанистской, которая все еще имела влияние среди крестьянства и пыталась выступать в роли борца за свободу и демократию. Разоблачая и изолируя эту «крестьянскую» партию, КПР вовлекала широкие массы сельского населения и мелкой буржуазии в союз под руководством рабочего класса.

Исключительно благоприятные внутренние условия для развертывания народной революции в Румынии были созданы разгромом Советской Армией основных сил фашизма и свержением военно-фашистской диктатуры, подорвавшими политические позиции эксплуататорских классов. В результате победы, одержанной Советским Союзом во второй мировой войне, соотношение сил на международной арене изменилось в пользу демократии и социализма. Таким образом, СССР, сыгравший решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, обеспечил благоприятную обстановку для борьбы румынского и других европейских народов за свободу и независимость, предоставил им возможность самим решать свою судьбу.

Изменение в соотношении сил на международной арене и ослабление сил реакции внутри страны позволили Коммунистической партии Румынии взять курс на мирное развитие революции, добиваться свержения буржуазно-помещичьего господства и установления власти народа без нового вооруженного восстания и гражданской войны.

Большую роль в мирном развитии революции, в предотвращении гражданской войны, сыграло присутствие советских войск. Оно стало непреодолимым препятствием для империалистической интервенции в поддержку румынской реакции и развязывания гражданской войны, для вооруженного подавления революционных сил народа.

В свое время В. И. Ленин предвидел возможность мирного завоевания власти пролетариатом и его союзниками, связывая ее с ростом сил социализма на мировой арене. Руководствуясь ленинскими указаниями, Коммунистическая партия Румынии правильно оценила новые исторические условия борьбы за революционное преобразование общества, сложившиеся в результате разгрома фашистских войск Советской Армией и ее освобождения Румынии, а также в силу того, что революционное движение непосредственно вырастало из всенародной борьбы за освобождение от ига фашизма.

Сразу же после 23 августа 1944 г. перед революционными силами, руководимыми компартией, встала задача закрепления завоеваний антифашистского восстания, которым угрожали гитлеровские захватчики и внутренние враги — железногвардейцы

и другие фашистские элементы. Необходимо было полностью очистить территорию страны от немецко-фашистских войск, обеспечить активное участие Румынии в окончательном разгроме гитлеровской Германии, ликвидировать остатки фашизма внутри страны.

От окончательного разгрома фашизма в решающей мере зависели самостоятельность страны, ее демократическое развитие. Поэтому участие Румынии в составе антигитлеровской коалиции в справедливой войне за освобождение всей территории страны от захватчиков, за окончательный разгром фашистских войск представляло собой первостепенную национальную задачу, выполнение которой требовало мобилизации всех сил и ресурсов страны.

В своем манифесте к офицерам и солдатам румынской армии компартия указала, что после 23 августа 1944 г. они ведут при мощной поддержке Советской Армии справедливую войну за освобождение страны, призвала вести беспощадную борьбу против немецко-фашистских полчищ до их полного уничтожения [73]. «Весь румынский народ,— говорилось в манифесте,— поддерживает вашу вдохновенную самоотверженную борьбу, потому что эта борьба является борьбой всего народа за свободу, независимость и лучшую жизнь» [74].

В целях мобилизации всех сил на борьбу за окончательный разгром гитлеризма компартия выдвинула лозунг: «Все для фронта, все для победы!», подхваченный румынским народом. В стране развернулось широкое патриотическое движение за оказание поддержки фронту. Преодолевая колоссальные трудности, рабочий класс обеспечивал выпуск продукции для нужд фронта.

Неотложной, первоочередной задачей являлась борьба с железногвардейцами, которые, будучи агентурой гитлеровцев, подрывали усилия румынского народа в антигитлеровской войне, организовывали саботаж и диверсии. В первые же дни после свержения режима Антонеску компартия в одном из своих обращений предупредила, что фашистско-легионерские элементы «начинают поднимать голову», и призвала народ повести против них беспощадную борьбу. Она потребовала, чтобы правительство немедленно запретило фашистскую прессу, очистило государственный аппарат и все учреждения от гитлеровских прислужников. Компартия заявила, что окажет в этом деле полную поддержку правительству, ибо «террористические остатки «Железной гвардии», угрожающие с тыла армии, правительству патриотических сил и самому существованию румынского народа, являются сегодня главнейшим внутрениим врагом» [75].

---

[73] «Romînia liberă» 4.IX 1944.
[74] Ibidem.
[75] «Romînia liberă», 30.VIII 1944.

На митинге в Бухаресте 30 августа 1944 г. Г. Георгиу-Деж говорил: «Свержение гитлеровского режима Антонеску означает большую победу на пути к полной свободе. Но не следует упиваться успехом. Борьба не закончилась. Нужно продолжать наносить удары по остаткам легионерских банд — этой главной внутренней опасности — и по тем, кто их поддерживает, нужно бороться за очищение всей общественной жизни, государственного аппарата и учреждений от любых остатков фашизма. Товарищи рабочие, нужно изгнать легионеров с фабрик, нужно раздавить фашизм» [76].

Призывы коммунистической партии нашли горячий отклик в широких народных массах, жизненно заинтересованных в искоренении фашизма, в освобождении всей румынской территории от фашистского ига, в обеспечении национальной независимости. В конкретных исторических условиях Румынии того времени от решения этих задач зависело в первую очередь завершение буржуазно-демократической революции, установление подлинно демократического режима в стране.

Народная революция в Румынии развертывалась в очень сложной внутренней обстановке. Победа антифашистского вооруженного восстания, свержение диктатуры Антонеску не привели, однако, к установлению подлинно демократической власти. Сформированное 23 августа правительство генерала Сэнэтеску состояло почти целиком из реакционных генералов и представителей финансово-промышленных кругов, а его деятельность направлялась лидерами буржуазно-помещичьих партий. КПР, располагавшая всего лишь одним местом в этом правительстве, естественно, не могла влиять на его политику, направленную на срыв борьбы народных масс за искоренение фашизма и демократизацию страны.

И все же в условиях победоносного народного восстания правительство Сэнэтеску было вынуждено заявить в своей декларации, что «установление демократического режима общественных свобод и широких прав для всех граждан страны» является «велением времени» [77]. Развитие революции заставило это правительство осуществить ряд мер антифашистского и демократического характера в соответствии с этой декларацией. Так, политические партии и организации, запрещенные в период фашистской диктатуры, получили возможность легальной деятельности. Стали выходить демократические газеты и журналы, ранее находившиеся под запретом. Была объявлена общая амнистия политическим заключенным, осужденным в период 1938—1944 гг., ликвидированы концентрационные лагеря, восстановлена конституция 1923 г. [78].

---

[76] «Romînia liberă», 31.VIII 1944.
[77] «Timpul», 25.VIII 1944.
[78] «Monitorul oficial», part 1, doc. N 197 şi 202 din 24 şi 31 august 1944.

Восстановление буржуазно-демократических прав и свобод в условиях революционного подъема способствовало развитию народной революции. Особо важное значение в этой связи имела деятельность компартии, вышедшей из подполья и получившей право послать своего представителя в состав правительства.

Учитывая демократический и антифашистский характер задач, выдвинутых в правительственной программе, коммунистическая партия в заявлении от 24 августа 1944 г. указала, что будет поддерживать деятельность правительства в этом направлении, мобилизуя широкие народные массы на осуществление поставленных задач. Она подчеркивала: «Немедленное заключение перемирия, выход Румынии из «оси» и очищение румынской территории от гитлеровской оккупации, установление режима гражданских прав и свобод...— эти цели являются основой участия Коммунистической партии Румынии в нынешнем правительстве» [79].

Следовательно, КПР дала согласие войти в состав буржуазного правительства и поддерживать его при условии, что оно будет выполнять задачи демократизации и борьбы против фашизма.

Революционные силы, боровшиеся под руководством компартии за осуществление этих первоочередных целей, не теряли из виду перспективных задач, связанных с завершением буржуазно-демократической революции и переходом к социалистической революции. КПР отдавала себе отчет в том, что дальнейшее продвижение Румынии по пути демократии и социального прогресса можно обеспечить только при условии завоевания государственной власти трудящимися.

Эта задача и стала основной для компартии после 23 августа 1944 г. Уже на следующий день после свержения правительства Антонеску она заявила, что политика сотрудничества с буржуазией в форме Национально-демократического блока «не ущемляет организационной, идеологической и политической независимости (компартии.— *Н. Л.*), поскольку она сохраняет полную свободу в деле разрешения основных задач сегодняшней и завтрашней Румынии» [80].

Выдвигая с самого начала революции вопрос о власти в качестве главного, компартия в первые недели после 23 августа 1944 г. все же воздерживалась от постановки лозунга устранения буржуазно-помещичьего правительства. Отчасти это объяснялось ее стремлением использовать до конца сотрудничество с ним в демократических и антифашистских целях. Но главная причина состояла в том, что выдвижение такого лозунга сразу после 23 августа 1944 г. было бы несвоевременным, ошибочным, поскольку народные массы еще не успели распознать подлин-

---

[79] «Romînia liberă», 24.VIII 1944.
[80] Ibidem.

ный характер правительства Сэнэтеску и требовалось определенное время для того, чтобы оно разоблачило себя как контрреволюционную силу, чтобы трудящиеся на собственном опыте убедились в его реакционности.

Вместе с тем было очевидно, что это правительство ждал неизбежный провал, подобный тому, который предсказал В. И. Ленин Временному правительству России в марте 1917 г., указав, что оно в лучшем случае может оттянуть крах, ибо «не покидая почвы буржуазных отношений, не переходя к революционным мерам», невозможно вывести страну из того тяжелого положения, в котором она находилась[81]. Подобная участь предстояла в силу тех же причин и правительству Сэнэтеску, саморазоблачение которого началось почти сразу же после его прихода к власти. Оно усиливалось по мере того, как достижение антифашистских целей, особенно заключение перемирия и включение Румынии в активную борьбу на антигитлеровском фронте, выдвинуло на повестку дня непосредственно задачи завершения буржуазно-демократической революции.

В то время как революционные силы во главе с компартией после свержения фашистской диктатуры Антонеску все шире разворачивали борьбу за демократизацию страны, румынская реакция, сгруппировавшаяся вокруг «исторических» партий и монархии, направляла свои усилия на срыв этой борьбы, успех которой угрожал самому существованию буржуазно-помещичьего строя в Румынии.

Для борьбы с начавшейся после 23 августа 1944 г. народной революцией буржуазно-помещичьи круги использовали правительство Сэнэтеску, в котором профашистски настроенные генералы управляли важнейшими министерствами и ведомствами, в том числе и гражданскими. Генерал Алдя занял пост министра внутренних дел, бывший член военно-фашистского правительства генерал Потопяну возглавил два министерства — национальной экономики и финансов. Министерством труда, здравоохранения и социального обеспечения руководил генерал Маринеску. Реакционные генералы, по расчетам буржуазно-помещичьих кругов, должны были стать в правительстве Сэнэтеску силой, призванной остановить революционное движение румынского народа.

Таким образом, сразу же выявилась противоположность интересов демократических сил, с одной стороны, и реакционных,— с другой, в вопросе о путях развития Румынии в новый исторический период, открытый вооруженным антифашистским восстанием.

В ночь на 24 августа 1944 г., через несколько часов после ареста членов военно-фашистского правительства Антонеску, представители реакции собрались, чтобы обсудить создавшееся

---

[81] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 37.

положение и наметить меры, направленные против установления народно-демократического строя в Румынии. О характере этих мер можно судить по упомянутым выше попыткам саботировать установление дружественных отношений с Советским Союзом и ориентировать внешнюю политику страны на США и Великобританию, а также воспрепятствовать организации и дальнейшему развитию борьбы народных масс под руководством компартии, сохранить в неприкосновенности, насколько это возможно, государственный аппарат, унаследованный от фашистского режима.

Боясь участия масс в вооруженной борьбе против гитлеровцев, Маниу в дни антифашистского восстания призывал население сохранять «спокойствие и порядок». Эти же призывы повторялись позднее буржуазной прессой. Сея иллюзии, будто правительство Сэнэтеску утвердит режим демократических свобод, она требовала, чтобы народные массы проявляли «спокойствие и терпение», воздерживались от «незаконных действий». В статье «Выдержка и такт», появившейся в газете «Попорул», говорилось, например, следующее: «Современный момент требует доверия, требует выдержки, требует такта. Правительству страны предстоит разрешить трудные проблемы, построить мост к жизни, которую мы все ждали с таким нетерпением. Не затрудняйте поспешными жестами и форсированием дел положение тех, кто оберегает вашу судьбу» [82].

Реакция усиленно спекулировала на том факте, что правительство Сэнэтеску на первых порах выступало в качестве правительства Национально-демократического блока. В то же время в своей борьбе против революционных сил она делала ставку на буржуазно-помещичьи партии, в первую очередь национал-царанистскую, а также на правых социал-демократов. Именно на них была возложена задача помешать организации и сплочению демократических сил вокруг коммунистической партии для завершения буржуазно-демократической революции.

Национал-царанистская партия, широко прибегавшая к социальной демагогии, пыталась выступать в качестве «защитницы» интересов крестьян. Эта партия все еще оказывала влияние на часть крестьян и наиболее отсталых рабочих, не порвавших связей с сельским хозяйством. Этим она и стремилась воспользоваться, чтобы сорвать упрочение союза пролетариата с крестьянством, без которого не могла победить народная революция.

Лидер национал-царанистов Ю. Маниу также спекулировал на своей «оппозиционной» деятельности в годы диктатуры, пытаясь представить себя «защитником демократии», между тем как на самом деле он являлся идейным вождем румынской реакции, спешно консолидировавшей свои силы вокруг его партии.

Национал-либералы во главе с Д. Брэтиану, давно уже сле-

[82] «Poporul», 1.IX 1944.

довавшие в фарватере национал-царанистской политики, теперь, перед лицом угрозы развивающейся народной революции, спешно собирали свои силы, оказавшиеся разобщенными в период их междоусобной борьбы за власть. Однако характерно, что пока это привело лишь к возвращению в партию откровенно профашистской группировки Г. Брэтиану, что само по себе показывает направленность объединительных усилий национал-либералов. За Ю. Маниу шли и правосоциалистические лидеры во главе с Т. Петреску, руководствовавшиеся исключительно целями борьбы с компартией.

Таковы были политические силы, противостоявшие развитию народной революции. Свое намерение воспрепятствовать осуществлению чаяний широких масс трудящихся они и не скрывали. Вот что заявил их главный идеолог Ю. Маниу, выступая в начале сентября 1944 г. перед представителями печати: «У меня было большое желание покинуть страну, но после раздумья я решил остаться, чтобы среди этого урагана (народной революции.— *Н. Л.*) поддерживать огонь в факеле демократии»[83].

А так как «поддерживать огонь» в потухшем факеле буржуазной демократии оказалось возможным лишь путем активизации фашистских элементов и превращения их в союзников по борьбе против революционных сил, то Маниу, не колеблясь, вступил на такой путь.

Надо сказать, что он имел опыт в этом деле, накопленный им еще со времен известного соглашения Маниу-Кодряну. Позднее, в 1942 г., когда железногвардейцы переживали острый кризис, вызванный провалом их путча, он установил связь с ними и, по свидетельству одного из легионерских главарей Горацию Команчиу, «помог своими советами в поисках пути, наиболее соответствующего новым обстоятельствам». Маниу тогда рекомендовал им «раствориться» в других партиях, что они и сделали. После свержения фашистской диктатуры он посоветовал объявить о самороспуске «Железной гвардии».

И вот теперь перед железногвардейцами открылись двери национал-царанистской партии. Часть легионеров укрылась в национал-либеральной партии.

Когда коммунистическая партия выступила с решительным разоблачением политики руководителей «исторических» партий, последние открыто взяли под свою защиту фашистские элементы, утверждая, что «Железная гвардия» будто бы являлась противником режима Антонеску. Они также выдвинули «теорию», согласно которой фашизм в Румынии был случайным, наносным явлением, его «иностранное происхождение», утверждали они, снимает вопрос о ликвидации фашистского наследия в стране. «Фашизм и нацизм были лишь привходящими политическими болезнями, которые Румыния получила путем инфекции,— гово-

[83] «Semnalul», 6.IX 1944.

рил глава национал-либеральной партии Д. Брэтиану.— Когда микробы будут уничтожены в своем источнике (я имею в виду Германию), эти болезни никого не будут тревожить» [84].

Это была ложная теория, ибо фашизм в Румынии являлся продуктом экономического и политического развития в условиях, когда эксплуататорские классы, оказавшись более не в силах сохранять свое господство методами буржуазной демократии и парламентаризма, прибегли к установлению фашистской диктатуры.

Если внутри страны союзниками этих классов в борьбе против сил народной революций выступали уцелевшие фашистские элементы, то поддержку извне румынской реакции оказывали империалистические круги США и Англии, заинтересованные в сохранении буржуазно-помещичьих порядков в Румынии. Не решаясь действовать открыто в силу своих обязательств перед Советским Союзом, они начали с того, что сразу же после 23 августа 1944 г. направили в Румынию свою агентуру, поставив перед ней задачу подогревать надежды румынской реакции на поддержку западных держав.

Выполняя эту инструкцию, британский шпион Портер, например, установил контакт с «заинтересованными» румынскими кругами и уверял их, что Англия всеми средствами будет бороться против установления в Румынии власти демократических сил во главе с КПР. Ибо, как он подчеркивал, и для румынской буржуазии, и для западных правящих кругов «рост политической силы трудящихся и коммунистической партии в равной степени представляет угрозу» [85]. Надежды на предотвращение такой «угрозы» эти силы связывали с деятельностью лидеров национал-царанистской партии. Так, один из американских исследователей, говоря о Румынии, прямо писал, что «Запад возлагал большие надежды на Ю. Маниу» [86].

Поэтому неудивительно, что правительство Сэнэтеску, находившееся под идейным руководством лидеров «исторических» партий, с первых же дней своей деятельности стало чинить препятствия организации и развитию революционной борьбы масс. С этой целью оно старалось сохранить без изменений государственный аппарат и репрессивные органы, оставшиеся от времен военно-фашистской диктатуры Антонеску.

Под предлогом военной обстановки, якобы исключавшей возможность немедленной замены старой фашистской администрации, министр внутренних дел генерал Алдя отдал распоряжение всем представителям местных властей оставаться на своих постах и действовать на основе остававшихся в силе фашистских законов. Далее, как бы подчеркивая общность целей реакционного большинства правительства и предшествовавшего ему анти-

[84] «Война и рабочий класс», 1944, № 22, с. 12.
[85] «Scînteia», 26.IV 1950.
[86] *Smith H. K.* Op. cit., p. 134.

народного фашистского правительства Антонеску, Алдя потребовал «любой ценой обеспечить преемственность общественной жизни»[87].

Эта мера должна была положить конец панике и дезорганизации государственного аппарата, вызванным свержением военно-фашистской диктатуры и освобождением страны от гитлеровского господства, успокоить фашистские элементы в государственном аппарате и поощрить их на борьбу против демократических сил.

Были предприняты и попытки ликвидировать демократические свободы и гражданские права, завоеванные в результате победы вооруженного антифашистского восстания. В частности, ссылаясь на то, что «идет война», правительство попыталось запретить собрания, митинги и демонстрации или, в крайнем случае, допускать их проведение только с разрешения властей. Однако от этой идеи пришлось отказаться после того как на заседании правительства 31 августа И. Г. Маурер решительно потребовал «безусловной свободы для демократических партий проводить собрания и демонстрации»[88].

Страшась организованной силы пролетариата, румынская реакция всячески тормозила объединение рабочих в профсоюзы и создание фабричных комитетов. 30 августа военный министр, а 23 сентября государственный субсекретарь военной промышленности издали приказы, в которых потребовали от военных комендантов крупных предприятий препятствовать организации рабочих и запрещать их собрания.

На основе этих указаний администрация предприятий увольняла тех, кто активно участвовал в организации фабричных комитетов и профессиональных союзов. А когда по приказу генштаба было сокращено на 10—20% число забронированных за предприятиями рабочих, то это было использовано для того, чтобы в первую очередь избавиться от членов фабричных комитетов и других активных организаторов трудящихся. Не останавливались и перед применением силы, чтобы не допустить объединения рабочих. На ряде предприятий за участие в собраниях угрожали расстрелом, а на строительстве железнодорожной линии в Питешть даже стреляли в активистов, призывавших рабочих организоваться[89].

Министры-реакционеры с ожесточением противились принятию закона о профессиональных союзах, не хотели признавать единые профсоюзы, создававшиеся на базе Единого рабочего фронта. На неоднократные обращения комиссии по организации профсоюзного движения по этим вопросам правительство Сэнэтеску отвечало отказом. Выступая против единства профсоюзного движения, оно пыталось провести такой закон, который пре-

[87] «Viata», 30.VIII 1944.
[88] См.: Arhiva CC al PMR, fond 103, dos. 8467, ff. 57—58.
[89] См.: «Studii», 1964, N 4, p. 825.

доставил бы «всем» право создавать любое количество профессиональных союзов в отраслях промышленности, т. е. обеспечил бы раскол рабочего класса. Резкие возражения правительства встретила идея организации профсоюза государственных служащих, якобы «подрывающая государство». Само собой разумеется, последовал и отказ признать за возникшими в огне революционной борьбы фабричными комитетами право участвовать в управлении производством и в очистке предприятий от фашистских элементов.

Таким образом, правительство Сэнэтеску всячески противилось демократизации страны, все более отходя от программы Национально-демократического блока, от имени которого оно выступало.

Разоблачая эту политику, «Ромыниа либера» писала: «Режим Антонеску был свергнут 23 августа 1944 г. и был провозглашен новый демократический строй. В этой связи было арестовано всего лишь пять военных преступников. Разве эти пять делали все своими руками? Разве в их распоряжении не находился огромный репрессивный аппарат, разве повсюду они не имели соучастников?.. Режим Антонеску пал, но в государственном аппарате по-прежнему остаются на командных постах сообщники военных преступников. Они угрожают победе 23 августа...»

Указав на необходимость немедленно приступить к чистке государственного аппарата, газета подчеркивала несостоятельность ссылок на отсутствие квалифицированной замены. «Имеется достаточно кадров,— говорилось в статье.—...Нужна лишь политика широкой концентрации всех патриотических антигитлеровских сил...» Газета требовала также безотлагательной отмены сохраняющихся фашистских порядков — режима карцеров и произвола администрации, института военных комендантов на предприятиях и т. п. Она предупреждала, что румынский народ не остановится на полпути, а будет закреплять и развивать победу вооруженного антифашистского восстания [90].

Реакционные силы враждебно приняли заключенное 12 сентября 1944 г. соглашение о перемирии с Румынией, в особенности политические статьи, содержавшие требования ликвидации остатков фашизма и развития страны по демократическому пути. На заседании правительства 16 сентября 1944 г. Ю. Маниу, Д. Брэтиану и другие буржуазные деятели открыто выступили против этих статей, наносивших удар по позициям румынской реакции [91].

Встав на путь саботажа выполнения соглашения о перемирии, правительство Сэнэтеску не принимало мер к аресту военных преступников, ликвидации профашистских организаций, чистке государственного аппарата и армии. Вынужденное согласиться

---

[90] «Romînia liberă», 11.IX 1944.
[91] См.: Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8945.

на принятие предложенного представителем компартии декрета об устранении фашистских элементов из государственного аппарата, оно сделало все, чтобы лишить его эффективности. Коммунистическая партия в своем проекте закона дала четкое определение и перечень организаций, участники которых подлежали удалению из государственного аппарата, но Ю. Маниу внес поправку, исключавшую из этого списка фашистскую «Железную гвардию» [92].

В результате подобного рода поправок принятый правительством в отсутствие представителя КПР закон от 24 сентября о чистке фактически стал правовой основой для сохранения в государственном аппарате легионеров и других фашистов. Так, он предусматривал «удаление» лишь тех из них, кто по «собственной инициативе» занимался «чрезмерной» фашистской деятельностью. Причем действие закона ограничивалось трехмесячным сроком с момента его опубликования. Тем самым фашистским элементам предоставлялась возможность под предлогом того, что их деятельность якобы не была «чрезмерной», затягивать прохождение чистки до тех пор, пока этот закон не утратит силу.

Государственный аппарат продолжал оставаться после 23 августа 1944 г. таким же, каким был при Антонеску. Во всех его звеньях, начиная от бухарестских канцелярий и кончая местными органами управления — примариями, находились прежние чиновники. С целью сохранения администрации времен военно-фашистского режима правительство Сэнэтеску даже разыскивало и возвращало на свои должности примарей, бежавших в связи с наступлением советских войск. Более того, в составе правительства находился военный преступник генерал Потопяну, который лишь по требованию Союзной Контрольной Комиссии в середине октября был смещен с поста министра и заключен под арест.

В тех случаях, когда население само проводило чистку государственного аппарата на местах, изгоняя фашистов и заменяя их демократически настроенными людьми, правительство не останавливалось перед применением любых средств, вплоть до использования вооруженной силы, чтобы помешать этому. Когда, например, жители села Колентина поставили своего представителя вместо примаря-фашиста, по распоряжению министра внутренних дел Алдя туда были направлены войска, которые арестовали избранника крестьян, а затем открыли огонь по протестующим демонстрантам. Специальным распоряжением министерства внутренних дел выборы новых примарей были объявлены незаконными, а полиции предложено «принимать меры к нарушителям, предавая их суду военного трибунала» [93].

---

[92] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8947, f. 46.
[93] «Şcînteia», 13.X 1944.

Саботаж демократизации страны был настолько очевидным, что о нем писали и некоторые английские и американские буржуазные газеты. «Хотя прошло два месяца с момента капитуляции Румынии,— отмечала в октябре 1944 г. «Нью-Йорк таймс»,— не видно, чтобы румынское правительство намеревалось очистить армию и гражданскую администрацию от большого числа пронацистских офицеров и чиновников, которых до сего времени не трогают». Создается впечатление, писала эта газета, что румынское правительство преднамеренно назначает на государственные посты и в администрацию заведомых антидемократов.

В результате политики покровительства и поощрения фашистских элементов, проводившейся правительством, последние осмелели и стали открыто выступать против демократических сил. Легионеры совместно с полицией совершали нападения на собрания, проводимые демократическими организациями, избивали людей лишь за то, что они оказывали гостеприимство советским воинам. Фашиствующие предприниматели и директора предприятий увольняли рабочих «по подозрению в коммунизме», наказывали их за «проступки», совершенные до 23 августа 1944 г. Дело дошло до того, что за опубликование статьи с требованием очистить армию от фашистских элементов газета «Скынтейя» получила предупреждение от главного цензора правительства Сэнэтеску.

В Трансильвании банды легионеров, организованные в так называемую «национальную гвардию», или «гвардию Юлиу Маниу», развязали кровавый террор против венгерского населения, в первую очередь венгерских демократов. Лидер национал-царанистов высоко оценил эти бандитские действия и в своем «Воззвании к товарищам из «национальной гвардии» поблагодарил их за «патриотизм» [94].

Попытка румынской реакции, разжигая национальную вражду, сбить массы с пути народной революции и борьбы против фашизма, за демократизацию страны не удалась. Поведение «гвардии Юлиу Маниу» вызвало гневное возмущение румынского народа, отмежевавшегося от преступников и потребовавшего сурового наказания для них. «Мы, румыны,— говорилось по этому поводу в передовой статье «Скынтейи»,— считаем, что наш народ не имеет ничего общего с этими преступными бандами, унижающими его имя» [95].

В связи с тем, что действия банд «гвардии Юлиу Маниу» и поведение румынской администрации, полиции и жандармерии, потворствовавших им, создали напряженное положение в ближайшем тылу советских и румынских войск, сражавшихся против гитлеровцев, советское командование разоружило эти отря-

---

[94] «Dreptatea», 16.XI 1944.
[95] «Scînteia», 17.XI 1944.

ды и потребовало ликвидации на территории Северной Трансильвании румынской профашистской администрации. Управление этой территорией временно было передано в руки советских военных властей. Такая мера, продиктованная соображениями безопасности тыла, не могла не подорвать позиций реакционного правительства Сэнэтеску, представшего в глазах всех румынских патриотов препятствием на пути осуществления территориального единства страны.

Народная революция в Румынии развертывалась в условиях тяжелого экономического положения страны. Гитлеровский грабеж и тяжкое бремя антисоветской войны подорвали народное хозяйство. Этому способствовали также англо-американские бомбардировки важнейших городов страны весной и летом 1944 г.

Наибольшие потери нанесла война железнодорожному транспорту и нефтяной промышленности. К 23 августа 1944 г. пропускная способность железных дорог сократилась до 30% по сравнению с 1943 г. Были разрушены многие тысячи километров железнодорожного пути, большое количество мостов и других сооружений. Численность паровозного и вагонного парка уменьшилась больше чем наполовину. Мощности нефтеперерабатывающей промышленности сократились на 80—86%. Добыча нефти упала с 5273 тыс. т в 1943 г. до 3505 тыс. т. в 1944 г. Многие промышленные предприятия были эвакуированы и разбросаны отдельными цехами и секциями в разных частях страны, что повлекло за собой резкое падение объема промышленного производства. Большой ущерб потерпело сельское хозяйство, потерявшее много скота, в том числе тяглового, и сельскохозяйственного инвентаря.

После 23 августа 1944 г. крупная буржуазия и помещики стали саботировать восстановление экономики, чтобы путем создания хозяйственного хаоса, инфляции и голода ослабить патриотический подъем, сорвать снабжение антигитлеровского фронта и подготовить почву для порабощения страны империалистами под видом оказания ей «помощи». В конечном итоге экономический саботаж преследовал цель помешать установлению подлинно демократического строя в Румынии. Костлявой рукой голода буржуазно-помещичьи круги намеревались задушить народную революцию и таким путем сохранить свое господство.

Экономический саботаж, охвативший важнейшие отрасли промышленности, осуществлялся под руководством контролировавших ее румынских и иностранных монополистов. В конце августа 1944 г. из США вернулся один из крупнейших капиталистов — «железный король Румынии» М. Аушнит. Он стал во главе «Всеобщего союза румынских промышленников», щедро финансировавшего деятельность реакционных партий и групп, боровшихся против революционных сил. Из Англии прибыли

Ф. Гартнер, ставший в сентябре 1944 г. главным администратором крупнейшего нефтяного общества «Астра Ромына», и представитель «Роял-Датч Шелл» О. Штери, под руководством которого вскоре был создан комитет для координации подрывной деятельности в румынской нефтяной промышленности.

Опорными пунктами империалистического саботажа являлись четыре крупнейшие нефтяные компании — «Астра Ромына», «Стяуа Ромына», «Ромына американа» и «Униря», на долю которых приходилась основная масса добычи и переработки нефти в Румынии. В угольной промышленности саботажем руководил И. Бужой, являвшийся заместителем М. Аушнита по «Всеобщему союзу румынских промышленников». Саботаж промышленного производства выражался в закрытии предприятий и уклонении от монтажа возвращенного из эвакуации оборудования, в отказе принимать заказы, связанные с выполнением условий перемирия, в утайке сырья и готовой продукции, в преднамеренном выводе из строя производственных мощностей и т. п.

В тех же целях военным комендантам предприятий было дано указание организовать массовое увольнение рабочих. Так, на заводе «Астра» под предлогом отсутствия заказов была предпринята попытка рассчитать 800 рабочих. Подобным образом действовала и адмииистрация заводов «Малакса» в Брашове и Бухаресте. На фабрике взрывчатых веществ по решению дирекции число рабочих дней было сокращено с шести до трех. Демократические газеты ежедневно сообщали о подобных фактах дезорганизации производства реакционерами и фашистами.

Результаты не заставили себя ждать: выпуск продукции резко упал. Например, на предприятиях «Решицы» к январю 1945 г. он сократился в несколько раз по сравнению с 1943 г., что привело к соответствующему уменьшению производства на металлообрабатывающих заводах, получавших от этих предприятий более половины полуфабрикатов. Ежемесячная добыча угля в бассейне Валя Жиулуй сократилась с 180 тыс. до 70 тыс. т. Усиливая дезоргаиизацию и хаос в экономике страны, правительство не принимало мер для восстановления железных дорог и других средств сообщения.

Национальный банк, являвшийся орудием политики буржуазно-помещичьих партий, в первую очередь национал-либеральной партии, отказывал в кредитах на восстановление страны. Он также затягивал обмен на леи советских рублей, уплачиваемых за поставки Советской Армии, стремясь таким путем вызвать недовольство населения и сорвать снабжение советских войск, сражавшихся за полное освобождение территории Румынии и окончательный разгром гитлеризма. В стране продолжала свирепствовать инфляция. Количество деиег в обращении вновь увеличилось за вторую половину 1944 г. почти в два раза [96].

---

[96] «Scînteia», 4.III 1945.

Саботаж развернулся и в сельском хозяйстве. Крупные землевладельцы пытались сгноить хлеб на корню, лишить трудящееся население городов и армию продовольствия. «Помещики не убирают хлеб с полей,— писала в октябре 1944 г. «Скынтейя», приводя многочисленные примеры. Реакционные власти не разрешали крестьянам убирать урожай с земель, брошенных бежавшими помещиками.

Чтобы подорвать продовольственное снабжение страны и голодом принудить трудящиеся массы прекратить революционную борьбу, крупные землевладельцы при поддержке правительства срывали осенний сев. В результате к концу октября 1944 г. по всей стране было засеяно не более 5—6% земельной площади, предусмотренной планом. Разоблачая действия саботажников, газета компартии указывала: «Причина затягивания (сева.— *Н. Л.)* не столько в известной нехватке тягла, инвентаря и рабочих рук, сколько в преднамеренном саботаже реакционеров, фашистов» [97].

Министерство сельского хозяйства, возглавляемое реакционером Недлежем, отвергло выработанный группой демократически настроенных агрономов план действий по исправлению положения с осенним севом. Этот план предусматривал передачу в аренду крестьянам всех площадей, которые не обрабатывались их владельцами, с тем чтобы две трети урожая достались арендатору, а одна треть — помещику в уплату за пользование его землей. Предлагались также конкретные пути для более эффективного использования всех имевшихся резервов рабочих рук, тягла, семенного материала, организации ремонта сельхозинвентаря, проведения необходимых агротехнических мероприятий. Этот план был положен под сукно.

Экономический саботаж и сопутствовавшая ему безудержная спекуляция вели к дальнейшему падению жизненного уровня трудящихся. Даже по сравнению с крайней дороговизной последнего периода военно-фашистской диктатуры розничные цены к февралю 1945 г. поднялись еще на 245%. Некоторое увеличение заработной платы, которого добились после 23 августа 1944 г. рабочие и служащие, организованные в профсоюзы, не могло угнаться за головокружительным ростом цен, особенно в условиях, когда правительство не принимало никаких мер для снабжения населения.

Ухудшению положения трудящихся масс способствовало также и то, что выполнение экономических условий соглашения о перемирии взваливалось на плечи беднейших категорий трудящихся. Правительственные органы по выполнению этого соглашения подвергали хозяйства крестьян грабительским реквизициям, забирая бесплатно или за бесценок скот и зерно. Не была проведена конфискация ни имущества военных преступников, ни

---

[97] «Scînteia», 20.XI 1944.

прибылей тех, кто разбогател на военных поставках. При распределении налогов власти отнюдь не стремились к тому, чтобы все социальные слои несли расходы, связанные с выполнением условий перемирия, пропорционально их богатству. Вместо этого Национальный банк увеличил выпуск необеспеченных бумажных денег, что привело к еще большему усилению инфляции со всеми ее тяжелыми последствиями для экономики.

Разорение страны и непрерывно ухудшающееся положение народных масс румынская реакция пыталась представить как результат якобы «непосильных» экономических условий перемирия. Таким путем делалась попытка подорвать признательность румынского народа Советскому Союзу, сыгравшему решающую роль в освобождении Румынии от ига гитлеризма, посеять рознь между советским и румынским народами.

Компартия, демократическая печать, разоблачая эти происки, указывали народу на истинных виновников его лишений и бедствий — реакционеров из правительства Сэнэтеску, стремившихся такими преступными методами обеспечить сохранение буржуазно-помещичьих порядков. Против антинародной политики фашистских последователей, чьи действия показали народу их подлинную сущность, поднимались мощные революционные силы, руководимые Коммунистической партией Румынии.

КПР руководствовалась ленинским указанием о том, что для победы над буржуазией необходимо ее великолепной организации противопоставить столь же великолепную организацию пролетариата, руководящего всей необъятной массой городской и деревенской бедноты, полупролетариата и мелких хозяйств. «Лозунгом момента и накануне новой революции, и во время ее, и на другой день после нее,— писал В. И. Ленин после победы Февральской буржуазно-демократической революции в России,— должна быть *пролетарская организация*»[98].

Сразу же после свержения военно-фашистской диктатуры компартия Румынии развернула большую работу по организации революционных сил пролетариата и его союзников.

Прежде всего было необходимо реорганизовать и укрепить саму партию — передовой отряд рабочего класса. Переход на легальное положение потребовал перестройки деятельности КПР. Был создан центральный аппарат, реорганизованы областные, уездные, городские и сельские комитеты. Для оказания помощи на местах во все области были направлены из Бухареста партийные кадры. Развернулась работа по созданию новых и укреплению имевшихся партийных организаций.

Компартия вышла из подполья немногочисленной, но боевой и закаленной, вооруженной богатым революционным опытом. Ее влияние в широких массах трудящихся было исключительно велико.

---

[98] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 37.

Притягательная сила КПР заключалась в ее программе создания в Румынии нового социально-экономического строя, преимущества которого перед капитализмом столь ярко продемонстрировал Советский Союз как в годы мира, так и в годы войны.

Ряды компартии стали быстро расти, ликвидируя имевшееся несоответствие между ее численностью и политическим влиянием в стране. Хотя рост численности не являлся самоцелью, он был крайне важен для проведения огромной работы в массах, которые после свержения военно-фашистской диктатуры потянулись к политике. За короткий период в партию вступили многие тысячи новых членов.

В связи с необходимостью идейного вооружения новых членов была начата работа по созданию широкой сети партийного просвещения. Срочно организовывались школы и кружки, в которых занимались не только члены партии, но и беспартийные передовые рабочие крупных предприятий. Только в одной Бухарестской партийной организации, например, к концу 1944 г. было создано 11 таких школ. Широко развернулась работа по популяризации программы Коммунистической партии Румынии и произведений классиков марксизма-ленинизма. 21 сентября 1944 г. вышел первый номер центрального органа КПР газеты «Скынтейя», начавшей издаваться легально. Вместе со всей партийной прессой она вела большую работу по революционному воспитанию масс, организуя и мобилизуя их на борьбу за демократические преобразования.

Под руководством компартии в новых условиях легальности развернул свою деятельность Союз коммунистической молодежи. За короткое время он объединил в своих рядах многих молодых рабочих, крестьян и интеллигентов. А затем, в начале октября 1944 г., на основе демократической и антифашистской платформы был создан Единый фронт молодежи. Он объединил Союз коммунистической молодежи и Союз социалистической молодежи.

Сразу же после 23 августа 1944 г. развернулась работа по организации румынского пролетариата, выступавшего главной силой в народной революции. На огромное значение этой задачи указал Г. Георгиу-Деж уже 30 августа 1944 г. Выступая в тот день на митинге, он говорил: «Мы завоевали свободу. Но она должна быть упрочена. И руководящая роль в этом упрочении принадлежит рабочему классу и его борьбе. Однако только организованная борьба может увенчаться полным успехом». Говоря о конкретных формах организации рабочих, он призывал к организации на предприятиях объединенных профсоюзов и созданию фабричных комитетов [99].

Еще в окрестностях столицы велись бои по ликвидации гитлеровских войск, а рабочие — делегаты бухарестских предприя-

---

[99] *Gheorghiu-Dej Gh.* Op. cit., p. 10.

тий, собравшись 27 августа на свое первое свободное собрание, приняли решение провести на предприятиях выборы фабричных комитетов и выдвинули ряд требований, в том числе о повышении заработной платы, введении 8-часового рабочего дня, немедленном уничтожении карцеров на заводах и фабриках, отмене системы штрафов. С начала сентября одно за другим проходили собрания и митинги рабочих, на которых избирались фабричные комитеты, создание которых свидетельствовало о стремлении пролетариата к организации в защиту своих экономических и политических требований.

В этих условиях 1 сентября 1944 г. состоялась конференция делегатов центральных комитетов КПР и СДП, разработавшая меры по организации единых профсоюзов. Было решено, что их создание и последующая деятельность будут основываться на революционных принципах классовой борьбы и пролетарского интернационализма. Для руководства этой работой вплоть до созыва первого съезда профессиональных союзов была создана специальная комиссия. В нее вошло по пять представителей от коммунистов и социал-демократов. Комиссия разработала организационные принципы и структуру единых профсоюзов. Действуя от имени Единого рабочего фронта, она решительно выступила против раскольнических действий врагов рабочего единства, объявив незаконными и добиваясь роспуска тех организаций, которые создавались реакционерами в противовес единым профсоюзам.

Под руководством этой комиссии по всей стране быстро возникали и укреплялись многочисленные профессиональные союзы железнодорожников, нефтяников, шахтеров, рабочих металлургической, химической, пищевой и других отраслей промышленности. В октябре 1944 г. в них насчитывалось 150 тыс. организованных рабочих, а в декабре — уже свыше 400 тыс.

Создание профессиональных союзов на базе пролетарского единства было большой победой рабочего класса. Оно означало торжество революционных принципов классовой борьбы над реформистской, тред-юнионистской системой цеховой организации, ускорило процесс организации пролетариата, способствовало дальнейшему развитию народной революции, гегемоном которой выступал рабочий класс.

Движение за создание единых профсоюзов было неразрывно связано с экономической и политической борьбой румынского пролетариата. Основными требованиями, выдвигавшимися на рабочих собраниях, были установление 8-часового рабочего дня, чистка предприятий от фашистских элементов, уважение личности рабочего, запрещение побоев, увеличение заработной платы и др.

Единый рабочий фронт ставил перед профсоюзным движением широкие задачи, диктовавшиеся конкретными условиями развития народной революции. Профессиональные союзы долж-

ны были вести борьбу за: а) активное участие Румынии в войне против фашистской Германии, повышение производительности труда, восстановление промышленности и увеличение выпуска продукции; б) осуществление чистки государственного аппарата и учреждений от фашистов и саботажников, арест и наказание военных преступников; в) проведение аграрной реформы, повышение уровня жизни масс, в том числе культурного и политического; г) выполнение соглашения о перемирии, установление и укрепление дружбы с СССР; д) объединение всех демократических и антигитлеровских сил в широкий Национально-демократический фронт и создание демократического правительства [100].

Единство рабочего класса, достигнутое в профсоюзном движении, оказало большое влияние на социал-демократическую партию, усилив ее левое крыло, которое выступало за расширение сотрудничества с коммунистами. В начале октября 1944 г. на совместном заседании ЦК КПР и ЦК СДП был создан Центральный комитет Еднного рабочего фронта, перед которым ставилась задача координации действий пролетариата в профессиональной и политической областях. В резолюции, принятой на этом заседании, подчеркивалась необходимость единства для «защиты интересов трудящихся и всего народа путем установления настоящей, прогрессивной демократии» [101].

Организация пролетариата давала ему возможность в дальнейшем диктовать свою волю эксплуататорским классам. Ибо только мощной организованной силой рабочего класса можно было свергнуть буржуазно-помещичье господство и установить власть трудящихся. «Мы не занимаемся посылкой меморандумов,— говорил Киву Стойка на митинге рабочих-железнодорожников в сентябре 1944 г.,— но, когда нужно, мы железным кулаком добьемся того, в чем нуждаемся» [102].

Говоря о необходимости организации пролетариата, идущего на борьбу за свержение власти эксплуататоров, В. И. Ленин подчеркивал, что речь идет не о том, «чтобы рабочие *только* записывались в свою партию, в свой профессиональный союз, в свой кооператив и т. д. и т. п.» [103]. Он указывал на необходимость вооружения пролетариата как гарантии против насилия над народом со стороны буржуазии [104].

В условиях Румынии рассматриваемого периода такой гарантией являлись вооруженные отряды патриотической гвардии, созданные еще накануне антифашистского вооруженного восстания. Поэтому КПР после свержения военно-фашистской диктатуры Антонеску не только не распустила их, но, напротив,

[100] См.: «Rominia liberă», 7.IX 1944.
[101] «Scînteia», 17.X 1944.
[102] «Rominia liberă», 21.IX 1944.
[103] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 38.
[104] Там же, с. 73.

приняла меры к их увеличению, обратившись 28 августа к рабочим, крестьянам и интеллигенции с призывом записываться в боевые патриотические отряды. И это обращение нашло широкий отклик. Генеральный инспектор жандармерии в своих донесениях правительству Сэнэтеску с тревогой сообщал о росте числа отрядов вооруженных рабочих. «Большая часть рабочих шахты Комэнешть, в особенности молодых,— говорилось в одном из этих докладов,— записалась в коммунистическую организацию, создав рабочую вооруженную охрану» [105].

Организация боевых патриотических отрядов была самой разнообразной, отражая революционную самодеятельность масс. В Ясской области это были ударные взводы и бригады, в Бухарестской — каждый отряд состоял из двух групп по 10 человек. Во главе вооруженных патриотических формирований, комплектовавшихся из рабочих-коммунистов и симпатизирующих КПР рядовых социалистов, а также беспартийных, стояли назначавшиеся компартией командиры и политические руководители.

Вооруженные отряды рабочих были мощным оружием в руках демократических сил. Они использовались для искоренения остатков фашизма, подавления вылазок легионеров и других фашистских элементов, для обеспечения порядка и соблюдения революционной законности.

Выступления боевых патриотических отрядов в защиту трудящихся города и деревни, явочным путем осуществлявших демократические преобразования, вызывали ненависть реакции, которая неоднократно пыталась провести в правительстве решение об их разоружении и роспуске. Министр внутренних дел Алдя добивался превращения вооруженных рабочих отрядов в придаток полиции, чтобы лишить компартию возможности использовать их в интересах борьбы демократических сил. И реакционное большинство правительства даже приняло 12 сентября соответствующее решение [106].

А на его заседании 17 сентября по настоянию представителей «исторических» партий вновь обсуждалась «проблема патриотической гвардии». На этот раз буржуазно-помещичьи деятели требовали роспуска вооруженных рабочих формирований на том основании, что они, мол, выполнили свою роль в период свержения режима Антонеску и борьбы против гитлеровских войск на румынской территории и что дальнейшее существование этих отрядов якобы не имеет никакого смысла. Они также заявляли: если компартия не откажется от роспуска своих вооруженных отрядов, то следует предоставить национал-царанистской и национал-либеральной партиям право иметь подобные формирования [107].

---

[105] Arhiva Inst., fond 1, dos. 39, f. 50.
[106] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8943, f. 3.
[107] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8469, f. 8/5.

Компартия самым решительным образом заявила, что попытки разоружения патриотических отрядов или захвата их складов и баз встретят вооруженный отпор. Вопреки намерениям генерала Алди рабочие отряды сохранили независимость и действовали по-прежнему под руководством КПР. Ее представитель заявил на заседании правительства 17 сентября, что сохранение вооруженной патриотической гвардии необходимо для защиты новой демократии [108].

Закончилась неудачей и попытка румынской реакции добиться разоружения и роспуска отрядов патриотической гвардии с помощью дипломатического вмешательства западных империалистических держав.

Сохранение и укрепление боевых патриотических отрядов наряду с присутствием советских войск на румынской территории создали благоприятные условия для революционной борьбы трудящихся, для оказания отпора реакции и предупреждения гражданской войны.

Коммунистическая партия Румынии уделяла большое внимание организации и мобилизации крестьянства, являвшегося главным союзником рабочего класса в развертывавшейся народной революции.

Война углубила и до крайней степени обострила общественно-экономические и политические отношения в деревне, а победоносное вооруженное восстание, высвободив революционную энергию крестьянства, сделало его активным борцом за ликвидацию пережитков феодальных отношений, за демократизацию всей жизни страны. В целях организации сельских тружеников на революционную борьбу под руководством пролетариата компартия направила в деревню тысячи рабочих. Преодолевая огромные трудности, подвергаясь нападениям легионеров и репрессиям со стороны реакционных властей, они вели там большую работу по политическому просвещению масс, содействовали созданию крестьянских комитетов и профсоюзов сельскохозяйственных рабочих, ставших центрами организованной борьбы за удовлетворение насущных требований крестьян.

В конкретных условиях Румынии после 23 августа 1944 г. крестьянские комитеты явились основной формой организации сельского населения. Под руководством компартии они втягивали в массовые выступления подавляющее большинство жителей своих деревень, что определялось заинтересованностью всего крестьянства в решении антифашистских, антиимпериалистических и антифеодальных задач народной революции. Первоначально крестьянские комитеты создавались в рамках «Союза патриотов» и являлись его местными организациями, в дальнейшем они действовали в составе «Фронта земледельцев», который под руководством компартии приобрел к тому времени харак-

[108] Ibid., f. 7/4.

тер общенациональной организации крестьян. В контакте с КПР действовала и социально-крестьяиская партия во главе с М. Раля.

Первый значительный успех в этом деле был достигнут в Бухарестской области, где уже в сентябре возникли многочисленные крестьянские комитеты. Тогда же работа по их созданию развернулась и в других местностях. Особенно большой размах она получила в Молдове, где крестьянские комитеты взяли на себя управление брошенными владениями помещиков, а в ряде случаев в связи с бегством фашистских властей выполняли и функции местных административных органов. В Ботошанском уезде, например, было свыше 100 крестьянских комитетов, управлявших 183 покинутыми поместьями, 60 мельницами и т. п. Отмечая массовую тягу сельского населения страны к участию в организованной борьбе за свои права, газета «Луптэторул», например, сообщала, что крестьянские комитеты при содействии местных организаций КПР созданы в большинстве деревень[109].

Действуя в соответствии с директивами ЦК КПР, местные партийные организации в первые же недели после 23 августа провели большую работу по вовлечению крестьян в выступления за их жизненные интересы, за мобилизацию всех сил страны на поддержку антигитлеровской войны. На собраниях крестьянских комитетов при участии рабочих — делегатов из города принимались решения о сокращении издольщины за арендуемую помещичью землю до одной трети урожая, об отмене всяких других обязательств по отношению к крупным землевладельцам[110].

Создавая и укрепляя союз рабочего класса с крестьянством, компартия также настойчиво работала над привлечением на сторону пролетариата средних слоев городского населения, в особенности прогрессивной интеллигенции.

После освобождения Румынии от фашистского ига «Союз патриотов», созданный еще в 1942 г., принял в свои ряды многих представителей мелкой городской буржуазии и интеллигенции, стремившихся внести свой вклад в демократизацию страны. Созданные в городах этим союзом так называемые гражданские комитеты наряду с задачами искоренения остатков фашизма решали вопросы обеспечения населения жильем, продовольствием, топливом, принимали меры против спекулянтов и саботажников.

Усилилось и влияние другой антифашистской организации — «Патриотическая защита», которая после 23 августа развернула широкую деятельность в поддержку антигитлеровского фронта, по оказанию помощи семьям фронтовиков, жертвам фашист-

---

109 См.: «Luptătorul», 10.IX 1944.
110 См.: «Studii», 1964, N 4, p. 852.

ского террора. С этой целью она проводила сбор денег, продовольствия и одежды.

В революционную борьбу за окончательный разгром фашизма и демократизацию страны, за ликвидацию национального угнетения включились и трудящиеся массы национальных меньшинств, проживавших в Румынии. Важную роль в мобилизации, например венгерского национального меньшинства, играла организация МАДОС, впоследствии переименованная в Венгерский народный союз. С целью вовлечения женщин в народную революцию был создан Союз антифашистских женщин Румынии.

Эти массовые антифашистские организации признавали руководящую роль компартии и действовали в соответствии с ее политической линией и конкретными указаниями.

Таким образом, возникли различные формы организации пролетариата и его союзников — фабричные, крестьянские и другие комитеты, патриотические вооруженные отряды. Действуя под руководством компартии, они по существу являлись зачатками новой власти, которая, как говорил В. И. Ленин, опирается «прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон,* изданный централизованной государственной властью» [111].

Успехи, достигнутые компартией в деле организации пролетариата и других революционных сил, открыли возможность поставить вопрос об устранении реакционного правительства, которое за короткий период показало себя противником демократизации страны и искоренения остатков фашизма в стране. В целом развитие событий после 23 августа 1944 г. показало большое историческое значение вооруженного антифашистского восстания. Осуществленное в благоприятных условиях освободительного наступления Советской Армии, оно явилось началом народной революции, в ходе которой трудящиеся массы под руководством коммунистической партии обрели возможность свергнуть буржуазно-помещичье господство.

---

[111] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 145.

Глава девятая

ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИОННЫХ МАСС ВО ГЛАВЕ С КПР. УСТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ

Одна из основных особенностей обстановки в Румынии в конце 1944 — начале 1945 г. состояла в острейшем противоречии между народной революцией, начавшейся вооруженным антифашистским восстанием 23 августа, и политикой реакционеров, ставших у власти в результате этого восстания. Иначе говоря, свержение диктатуры Антонеску в условиях освобождения страны войсками Советской Армии объективно означало крушение фашизма в Румынии, однако править ею продолжали те, кто в течение длительного времени насаждал и поддерживал фашизм в интересах подавления революционных сил и упрочения господства буржуазии и помещиков.

Они представляли собой как бы второй эшелон румынской реакции, вернее, тот самый резерв, который она, как мы видели, заранее готовила под видом «оппозиции» на случай изменения обстановки. И когда под натиском мощного революционного подъема масс была сметена военно-фашистская диктатура и зашатался весь буржуазно-помещичий строй, реакция бросила на его спасение свой последний резерв — «исторические» партии и дворцовые круги, выдававшие себя за противников свергнутого режима. Поскольку она еще надеялась остановить революционный процесс, не допустив сплочения широких народных масс вокруг КПР, задачу их разобщения взяли на себя лидеры буржуазно-помещичьих партий, особенно национал-царанистской, имевшие немалый опыт использования социальной демагогии для обмана трудящихся.

Однако вместе с тем реакция нуждалась и в реальных силах для борьбы против народной революции. А так как ими могли стать лишь фашистские и профашистские элементы, то именно на них, как и в прежние времена, она стремилась опереться в своих попытках удержать власть.

В связи с этим необходимо напомнить, что после 23 августа осталась нетронутой вся система институтов свергнутого режима. Государственный аппарат сверху донизу был заполнен фашистами. Самые ярые из них по-прежнему подвизались в различных репрессивных органах: сигуранце, полиции и жандармерии. В армии, на которую сильное воздействие оказал провал антисо-

ветской военной авантюры, фашистская прослойка была невелика, ее составляла определенная часть генералов и офицеров, принадлежащих к наиболее реакционным кругам эксплуататорских классов. Наконец, в стране сохранились остатки различных фашистских организаций: железногвардейцы, кузисты и прочие, а также пропагандистский аппарат рухнувшего режима, все еще оказывающий воздействие на часть прессы и другие средства массовой информации.

Все это являлось нарушением условий перемирия, обязывавших правительство Сэнэтеску ликвидировать остатки фашизма и обеспечить демократизацию всей государственной и общественной жизни страны. Однако реакционеры, составлявшие большинство в этом правительстве, яростно противились выполнению обязательств. Ограничившись отменой фашистского законодательства и введением некоторых свобод, они и эти уступки стремились превратить в пустую формальность, препятствуя их осуществлению на деле.

Точно так же обстояло дело и с выполнением такого важного обязательства по соглашению о перемирии, как создание условий для быстрейшей победы над гитлеровской Германией.

Саботаж военных усилий Румынии в антигитлеровской войне имел целью удержать внутри страны как можно больше войск для подавления революционных сил. Он прежде всего проявился в попытке уклониться от отправки необходимого пополнения и снабжения для действующей армии. На одном из заседаний правительства был даже поставлен вопрос о сокращении бюджета министерства национальной обороны. Уже в сентябре 1944 г. резко уменьшились поставки снабжения для сражавшихся войск. При попустительстве реакционного большинства правительства Сэнэтеску владельцы промышленных предприятий свертывали производство продукции, необходимой для обеспечения армии, прятали сырье, отказывались принимать заказы, сокращали численность рабочих и даже закрывали фабрики и заводы. В результате промышленное производство сразу после 23 августа 1944 г. резко упало. Особенно сократился выпуск военной продукции, что привело к значительному уменьшению поставок для армии [1].

В этих условиях вместо принятия необходимых мер правительство с целью сорвать снабжение фронта и в то же время снять с себя ответственность за это выдвинуло план передачи всех поставок для армии в руки частных лиц [2].

Однако задачи активного участия в антигитлеровской войне, демократизации страны и ликвидации остатков фашизма определялись не только условиями перемирия, но и насущными потребностями румынского народа, глубоко заинтересованного в полном разгроме фашизма и ликвидации его остатков внутри

---

[1] См.: «Analele», 1961, N 2, p. 21.
[2] См.: Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8437, f. 12.

страны для обеспечения жизненно необходимых демократических преобразований.

Вот почему политика реакционного большинства правительства Сэнэтеску, как и следовало ожидать, в короткий срок разоблачила его в глазах трудового народа, воодушевленного первыми успехами в борьбе с тиранией и решительно выступавшего за радикальные экономические и общественно-политические реформы. Широким массам, возглавляемым компартией, становилось все более ясно, что это правительство превратилось в тормоз дальнейшего развития революции.

Поскольку же оно прикрывалось вывеской Национально-демократического блока, то и последний стал в новых условиях таким же тормозом.

Национально-демократический блок, возникший летом 1944 г. по инициативе компартии и включавший в себя как социал-демократическую, так и две буржуазно-помещичьи партии — национал-царанистскую и национал-либеральную, создавался на платформе борьбы за устранение военно-фашистской диктатуры и выход из войны на стороне гитлеровской Германии. Эти задачи были выполнены в первые же дни после свержения правительства Антонеску, причем, как мы видели, без участия и даже вопреки лидерам национал-царанистов и национал-либералов. Более того, задачи, осуществленные в ходе народной революции и освобождения страны Советской Армией, переросли рамки платформы НДБ. После 23 августа 1944 г. Румыния не только вышла из фашистского блока, но и включилась в войну против гитлеровской Германии, хотя и это тоже противоречило намерениям руководства буржуазно-помещичьих партий.

При таких условиях назрела необходимость в новой перегруппировке классовых сил. Она диктовалась как фактическим саботажем сотрудничества в рамках НДБ со стороны национал-царанистских и национал-либеральных лидеров, так и их враждебным отношением к развитию революции, которое выдвинуло на первый план вопрос об установлении народно-демократического строя, основанного на рабоче-крестьянской власти и являвшегося необходимым условием завершения буржуазно-демократической революции и ее перерастания в дальнейшем в социалистическую революцию.

Перегруппировка стала необходима также потому, что хотя «исторические» партии входили в состав НДБ, именно они сконцентрировали вокруг себя главные силы буржуазии и помещиков, без устранения которых от власти нельзя было решить антифашистские задачи революции — обеспечение активного участия Румынии в антигитлеровской войне и ликвидацию остатков фашизма в стране. Между тем свое нежелание участвовать в осуществлении этих задач лидеры буржуазно-помещичьих партий даже не скрывали.

6 сентября 1944 г. по инициативе компартии была создана

Патриотическая антигитлеровская группа. В нее вошли КПР, СДП, «Союз патриотов», «Фронт земледельцев» и социально-крестьянская партия. Они ставили перед собой задачу закрепить победу 23 августа освобождением всей территории страны от гитлеровских захватчиков, немедленной очисткой государственного аппарата от фашистских элементов, обеспечением гражданских прав и демократических свобод. Единственными политическими организациями, отказавшимися участвовать в этой группе, были «исторические» партии. Тем самым их лидеры открыто продемонстрировали, что не хотят способствовать успешному завершению борьбы против фашизма и стремятся помешать активному воздействию масс на политику правительства реакционного большинства.

Во второй половине сентября КПР, опираясь на успехи в организации сил революции и учитывая быстрое саморазоблачение министров-реакционеров и лидеров буржуазно-помещичьих партий, выдвинула лозунг борьбы за устранение правительства Сэнэтеску. Она также выступила за роспуск НДБ и предложила всем демократическим партиям и организациям объединиться в Национально-демократический фронт (НДФ), который должен был стать решающей силой в управлении страной. В заявлении, объяснявшем необходимость такой реорганизации сил революции, указывалось: «Нынешнее правительство и Национально-демократический блок, выполнившие свою задачу заключением перемирия, не выражают более воли и интересов широких масс народа и не пользуются доверием страны. Лишенное поддержки народа, это правительство не в состоянии устранить опасность, угрожающую нашей стране, и направить Румынию по пути настоящей демократии, которой желает и требует весь народ» [3].

В целях мобилизации всех демократических сил, заинтересованных в решении задач народной революции, КПР выработала «Проект платформы Национально-демократического фронта», опубликованный 26 сентября. В нем содержался анализ внутриполитического и международного положения Румынии, вскрывались причины, мешавшие глубоким преобразованиям, ставились задачи борьбы за политический, экономический и социальный прогресс.

Основные положения проекта платформы отвечали интересам широких народных масс, имели общенациональный характер, что определялось целями объединения всех демократических сил вокруг пролетариата — единственного последовательно революционного класса, способного довести до конца народную революцию, начатую вооруженным восстанием 23 августа. Вследствие этого выдвинутая компартией платформа Национально-демократического фронта представляла собой программу завершения буржуазно-демократической революции в условиях борьбы про-

[3] «Scînteia», 7.X 1944.

тив фашизма внутри страны и еще не закончившейся войны против гитлеровской Германии.

В этом документе подчеркивалась важность окончательного разгрома гитлеризма для судеб демократии и независимости Румынии. Поэтому в качестве одной из главных выдвигалась задача обеспечения активного участия совместно с СССР в справедливой войне за полный разгром фашистской Германии. Важнейшее значение придавалось также проведению политики искренней дружбы с Советским Союзом, являвшимся в тот момент главным гарантом независимого демократического развития страны. В документе указывалось и на необходимость полного уничтожения внутреннего фашизма и наказания военных преступников, проведения чистки государственного аппарата от фашистских и профашистских элементов, установления подлинно демократического строя и действительного равенства гражданских прав.

В проекте предлагалось осуществить «режим реальной демократии», при котором трудящиеся массы, а не эксплуататоры решали бы дела государства, выработать новую конституцию для установления «принципов государственной жизни на основе демократического парламентского строя в соответствии с интересами румынского народа» [4].

Учитывая специфические условия развития революционного движения в стране, компартия не ставила задачи немедленного слома старого государственного аппарата и ликвидации монархии, ибо это могло облегчить демагогические маневры «исторических» партий с целью завоевания влияния в массах, помешать привлечению мелкой и части средней буржуазии на сторону народной революции, а также вызвать трудности в обеспечении активного участия в войне против гитлеровской Германии. КПР с полным основанием считала, что для победы народной революции необходимо сначала захватить старый государственный аппарат, а затем, подвергнув его радикальной чистке от реакционных элементов, превратить в инструмент осуществления революционных задач [5].

Вместе с тем уже в проекте платформы выдвигались требования ряда глубоких социально-экономических реформ, направленных на восстановление и подъем национальной экономики, улучшение жизни народа. Речь шла в первую очередь об аграрной реформе. Для быстрейшего восстановления и развития страны, указывалось в проекте, необходимо удовлетворить самые насущные и справедливые требования румынского крестьянства, а именно: провести широкую аграрную реформу путем экспроприации земельных излишков свыше 50 га и распределения их среди безземельных и малоземельных крестьян.

---

[4] «Scînteia», 26.IX 1944.
[5] См.: «Studii», 1964, N 4, p. 845.

Аграрный вопрос в Румынии являлся следствием незавершенности буржуазно-демократической революции. Реформы 1894 и 1918—1921 гг. не уничтожили крупное помещичье землевладение, не дали крестьянству желаемой земли. Более того, процесс его обезземеливания и концентрации пахотных площадей в руках крупных владельцев усиливался.

Если в 1930 г., как уже отмечалось, кучка помещиков, не превышавшая 0,8% сельского населения, владела 57% всей пашни, то спустя несколько лет в результате разорения бедняцких хозяйств и слияния крупных поместий эта неравномерность еще больше возросла. Перед войной крупные помещики составляли всего 0,5% сельского населения, а принадлежавшие им земли — 60%. При этом около 30% крестьянских хозяйств совсем не имели надела, подавляющее большинство остальных владели карликовыми участками, неспособными прокормить семью [6].

Чтобы не умереть с голода, малоземельное и безземельное крестьянство было вынуждено на кабальных условиях арендовать землю у помещиков, отдавая им половину, а то и две трети урожая. Крупное помещичье землевладение и связанные с ним феодально-крепостнические отношения тормозили развитие сельского хозяйства, увековечивали его отсталость и низкую продуктивность, обрекали широкие массы крестьянства на нищенское существование. Феодальные пережитки в сельском хозяйстве также тормозили расширение внутреннего рынка и индустриализацию страны.

С требованием аграрной реформы компартия выступила еще до опубликования проекта платформы НДФ. Но тогда речь шла лишь о конфискации земель помещиков, сотрудничавших с Гитлером и Антонеску [7]. Теперь же компартия выдвинула в качестве одной из важнейших задач Национально-демократического фронта ликвидацию крупного помещичьего землевладения, аннулирование задолженности крестьян государству и банкам, имевшую уже почти четвертьвековую давность. Эти лозунги в сочетании с требованием предоставить наделы малоземельным и безземельным хозяйствам обеспечивали рабочему классу поддержку его самого массового, главного союзника — крестьянства, создавая тем самым важнейшую предпосылку для победы народной революции и свержения буржуазно-помещичьей власти.

В проекте ставился вопрос и об улучшении условий жизни рабочих, служащих и других слоев населения. В нем предусматривались такие меры, как установление минимальной заработной платы на уровне, соответствующем дороговизне, оказание поддержки ремеслам, свобода торговли, демократизация образования и др.

---

[6] См.: Обзор крестьянского вопроса в Румынской Народной Республике. Бухарест, 1948, с. 8.

[7] См.: «Scînteia», 21.IX 1944.

Следует коснуться и одного из пунктов проекта, предусматривавшего «огосударствление» Национального и 18 других крупных банков, а также картелей, действовавших в основных отраслях промышленности.

Это требование тоже не выходило за рамки завершения буржуазно-демократической революции и было продиктовано прежде всего интересами восстановления экономики, мобилизации ресурсов страны, ее промышленного потенциала для нужд антифашистской войны. Компартия разъяснила, что имеется в виду не конфискация акций и вкладов, а установление государственного контроля над распределением кредитов и капиталовложениями. Г. Георгиу-Деж подчеркивал в связи с этим, что требование «огосударствления» не следует смешивать с обобществлением, с социалистической национализацией [8].

Это заявление должно было успокоить мелких держателей акций, предупредить их переход в стан врагов революции. И все же требование «огосударствления» оказалось, по-видимому, преждевременным. Об этом свидетельствует тот факт, что в опубликованной позднее «Правительственной программе» Национально-демократического фронта оно уже не фигурировало.

Выдвинутые в проекте задачи, как указала тогда компартия, могли быть осуществлены только при условии устранения правительства реакционного большинства. «Эта программа,— говорилось в документе,— может быть претворена в жизнь только правительством, представляющим все национальные и демократические силы страны и пользующимся активной поддержкой широких слоев румынского народа» [9].

Следовательно, с выдвижением платформы Национально-демократического фронта окончился очень короткий период, когда Коммунистическая партия Румынии после победы антифашистского вооруженного восстания 23 августа 1944 г. официально не выступала против правительства Сэнэтеску. Отныне она начинала борьбу за его устранение. В этом и состояли сущность идеи создания Национально-демократического фронта и главное содержание его платформы. При выработке этого проекта КПР исходила из наличия условий для объединения широких масс румынского народа, всех его сил, заинтересованных в доведении до конца антифашистской борьбы, в демократизации страны и проведении прогрессивных реформ.

Этот документ сыграл большую роль в дальнейшем развитии народной революции. Широкая пропаганда и популяризация его основных пунктов в коммунистической и всей демократической печати способствовали разоблачению враждебных народу действий реакции, политическому просвещению масс, активизации их борьбы за власть, за демократические преобразования, дальней-

---

[8] См.: Arhiva CC al PCR, fond 1, dos. 3, f. 67.
[9] «Scînteia», 26.IX 1944.

шему росту влияния КПР и укреплению ее руководящей роли в коалиции революционных и демократических сил.

Проект платформы НДФ вызвал живейший отклик среди самых различных слоев населения. Он широко обсуждался на многочисленных собраниях и митингах, на которых рабочие, крестьяне и интеллигенция выражали полную поддержку программе широких демократических реформ, предложенных компартией.

Исключительно важное влияние он оказал на укрепление сплоченности рабочего класса и определение его роли как главной, ведущей силы Национально-демократического фронта.

Что касается правого крыла руководства социал-демократической партии, то оно сначала выступило вообще против идеи создания НДФ. Так, Т. Петреску в своем письме, адресованном ЦК СДП и ЦК КПР, возражал против объединения «многих организаций», заняв таким образом ту же позицию, которой придерживались Ю. Маниу и Д. Брэтиану при создании НДБ в мае-июне 1944 г. Петреску предложил вместо НДФ создать «консультативное собрание» из равного числа представителей четырех партий: коммунистической, социал-демократической, национал-царанистской и национал-либеральной [10], что было бы равнозначно сохранению изжившего себя НДБ и, следовательно, прикрывавшейся его именем власти реакционных сил.

Коммунисты отклонили это предложение.

Тогда Т. Петреску и его сторонники выдвинули «поправку» к проекту платформы НДФ. Они требовали добиваться экспроприации не только помещичьих владений свыше 50 га, но и всех земель, обрабатываемых наемным трудом, но при условии «предварительного и справедливого возмещения». Провокационный характер этой идеи был очевиден. Ибо, во-первых, экспроприация всей земли, обрабатываемой чужим трудом, сделала бы невозможным нейтрализацию кулачества на первом этапе народной революции и толкнула бы его в лагерь крупной буржуазии и помещиков. Во-вторых же, в тогдашних условиях было невозможно найти средства для «предварительного и справедливого возмещения», что вынудило бы отложить проведение аграрной реформы на неопределенно долгий срок.

Таким образом, «поправка» по существу имела целью не только сорвать создание НДФ, но и дискредитировать компартию в глазах крестьянства, подорвать его союз с рабочим классом и в конечном счете привести к свертыванию народной революции.

Этот маневр провалился. Румынский пролетариат решительно выступил за создание Национально-демократического фронта. В резолюции массового собрания железнодорожников столицы, состоявшегося на стадионе «Джулешти», заявлялось: «Ознакомившись с проектом платформы НДФ, представленным ЦК КПР, мы приветствуем инициативу коммунистической партии и считаем,

---

[10] См.: «Libertatea», 30.IX; 1.X 1944.

что проект платформы намечает единственно правильный путь, по которому должен следовать рабочий класс вместе со всем румынским народом». Участники собрания также решили немедленно приступить к изгнанию фашистских элементов и саботажников из администрации железнодорожных мастерских, добиться роста производственных показателей, чтобы тем самым помочь делу быстрейшего восстановления экономики страны и обеспечению активного участия Румынии в антигитлеровской войне [11].

Такие резолюции приняли и рабочие заводов «Малакса», «Мочорница» и других промышленных предприятий.

Вместе с рабочим классом безоговорочно поддержали платформу коммунистов крестьяне. Особенно горячее одобрение вызвал у них пункт об аграрной реформе. Об отношении тружеников села к проекту в целом можно судить, например, по резолюции собрания представителей деревень Ильфовского уезда, в которой они назвали предложенную компартией программу «своей собственной, крестьянской платформой» [12]. Рассматривая ее как программу немедленных действий, крестьяне во многих местах тогда же начали изгонять реакционных примарей, избирая на их место своих представителей.

Все демократические организации выступили с заявлениями о своем полном согласии с предложенной КПР платформой. Руководство «Фронта земледельцев» призвало крестьянство решительно бороться за ее претворение в жизнь. «Союз патриотов» организовал 1 октября большую демонстрацию под лозунгами: «Смерть гитлеровским бандам!», «Очистить государственный аппарат от фашистских элементов!», «Требуем экспроприации крупных помещиков и раздела их земли между крестьянами!», «Безграничная любовь и признательность к Красной Армии-освободительнице никогда не должна угаснуть!».

Под давлением рабочих масс и лидеров левого крыла социал-демократической партии Т. Петреску и его приверженцы были вынуждены снять свои возражения. 2 октября состоялось совместное заседание делегаций центральных комитетов КПР и СДП, на котором предложенный компартией проект был одобрен в качестве платформы Единого рабочего фронта. Был создан Центральный комитет ЕРФ и согласована общая линия двух рабочих партий в области политической борьбы и профсоюзного движения. Единый рабочий фронт, созданный 1 мая 1944 г. для борьбы с фашистским режимом, был таким образом упрочен и нацелен на решение революционных задач, стоявших перед пролетариатом и всем румынским народом на новом историческом этапе.

В принятой 2 октября совместной резолюции делегаций двух партий подчеркивалось, что задача трудящихся — бороться за демократию нового типа, способную защищать их интересы.

---

[11] «Scînteia», 1.X 1944.
[12] «Scînteia», 11.X 1944.

Укрепление единства действий рабочего класса позволило ему сплотить вокруг себя все демократические силы, возглавить их борьбу за победу народной революции. Как отмечал несколько позднее А. Могиорош, «единый рабочий фронт явился силой, помогавшей завершению буржуазно-демократической революции» [13].

Спустя пять дней, 7 октября, «Скынтейя» опубликовала платформу НДФ, одобренную двумя рабочими партиями, и призыв Центрального комитета Единого рабочего фронта ко всем демократическим организациям и партиям объединиться на ее основе для того, чтобы поставить у власти правительство Национально-демократического фронта [14].

8 октября на крупнейшем бухарестском стадионе состоялся 100-тысячный митинг. Была принята резолюция, в которой говорилось: «С сегодняшнего дня проект платформы Национально-демократического фронта является программой борьбы всего румынского народа за свободную, демократическую и независимую Румынию». Участники митинга выразили решимость устранить правительство реакционера Сэнэтеску, которое саботировало выполнение соглашения о перемирии, отказывалось проводить чистку государственных учреждений от фашистских элементов и принять действенные меры по улучшению жизненных условий народных масс.

Многотысячные митинги с требованием передать власть подлинно демократическому правительству прошли под руководством местных организаций КПР почти во всех городах страны, в том числе в Плоешти, Брашове, Галаце, Тыргу-Жиу, Яссах, Бакэу, Петрошани, Араде, Сибиу, Тимишоаре и др. В них принимали участие также крестьяне близлежащих сел. Эти массовые манифестации явились свидетельством всенародного одобрения революционной платформы НДФ.

В этих условиях был создан 12 октября 1944 г. Национально-демократический фронт, в который вошли коммунистическая и социал-демократическая партии, единые профсоюзы, «Фронт земледельцев», «Союз патриотов» и МАДОС. Свое согласие с его программой выразили также Союз коммунистической молодежи, «Патриотическая защита», социально-крестьянская партия и ряд других демократических организаций. Для руководства совместными действиями был создан Национальный совет НДФ.

«Исторические» партии отказались вступить в Национально-демократический фронт. Объяснялось это тем, что их лидеры предпочитали сохранить НДБ, в котором они были двумя из четырех участников, тогда как в НДФ им предстояло оказаться в меньшинстве. Именно этим они мотивировали свой отказ, заявив, что создание НДФ вместо Национально-демократического блока

---

[13] Arhiva Inst., fond I. dos. 385, f. 52.
[14] См.: «Scînteia», 7.X 1944.

нарушает «равновесие», установившееся 23 августа 1944 г., т. е. такое положение, при котором они могли, блокируясь с реакционными генералами из правительства Сэнэтеску, определять его политику, игнорируя волю масс. Что касается реформ, намеченных в платформе НДФ, то национал-либеральное и национал-царанистское руководство объявило их «несвоевременными» и «неосуществимыми до окончания войны».

Их открытое выступление против демократических преобразований явилось, таким образом, вынужденным саморазоблачением. Оно вело к изоляции «исторических» партий и давало компартии возможность привлечь на сторону революции и ту часть населения, которая ранее находилась под их влиянием.

В связи с созданием НДФ коммунистическая и социал-демократическая партии вышли из Национально-демократического блока и объявили его распущенным, а также отозвали своих представителей из правительства Сэнэтеску. В результате реакция лишилась возможности продолжать выступать под прикрытием НДБ. В заявлении Национального совета НДФ по этому поводу указывалось, что Национально-демократический блок и его правительство основывали свою политику не на «объединении национально-демократических сил, а на устранении наиболее активных из них», вследствие чего превратились в тормоз на пути прогресса страны [15].

Так возник правительственный кризис, и генерал Сэнэтеску был вынужден подать заявление об отставке.

С 16 октября на аудиенции у короля представители коммунистической и социал-демократической партий поставили вопрос о создании нового правительства на основе платформы НДФ и прежде всего его положений относительно мобилизации всех сил и ресурсов страны на ведение антигитлеровской войны, о строгом соблюдении условий перемирия, о демократизации страны. На пост премьер-министра выдвигалась кандидатура доктора Петру Гроза, председателя «Фронта земледельцев». Новое правительство должно было состоять в основном из представителей партий и организаций, вошедших в НДФ. Вместе с тем КПР и СДП соглашались сохранить руководство рядом министерств за представителями национал-царанистской и национал-либеральной партий [16].

Последние же попытались воспользоваться сложившейся ситуацией в своих собственных интересах. Они желали такой замены правительства, при которой им самим удалось бы играть ведущую роль.

Хотя именно лидеры этих партий являлись идейными вдохновителями реакционного правительства Сэнэтеску, тем не менее они были недовольны неумелыми, по их мнению, действиями это-

---

[15] «Scînteia», 18.X 1944.
[16] См.: «Scînteia», 19.X 1944.

го генерала, «слишком быстро» разоблачившего себя в глазах народа. Особенно напугало их создание Национально-демократического фронта и возникшая в связи с этим перспектива его прихода к власти. Чтобы не оказаться разоблаченными вместе с правительством Сэнэтеску, они принялись критиковать его.

Так, газета «Дрептатя», являвшаяся официальным органом национал-царанистской партии, в начале октября заявила: «Тезис сотрудничества, положенный в основу Национально-демократического блока, с самого начала упирался в неспособность настоящего правительства разрешить что-либо помимо текущих дел. Как стремление масс к реформам, так и серьезная проблема ответственности (за военные преступления.— *Н. Л.*) не получили ожидаемых политических ответов от технических специалистов, стоящих у власти»[17].

Лицемерие авторов подобных высказываний выявилось, однако, сразу же после создания НДФ. Руководство национал-царанистской и национал-либеральной партий не только отказалось войти в его состав, но и выступило против предложения КПР и СДП относительно сформирования правительства. Последнее, по их мнению, должно было состоять только из представителей четырех партий бывшего Национально-демократического блока.

Позднее, в ходе переговоров с представителями НДФ, они все же согласились на создание более широкого коалиционного правительства. К этому их вынудили принявшие широкий размах выступления масс под руководством компартии за немедленное сформирование демократического правительства. Впрочем, и теперь Ю. Маниу, Д. Брэтиану и другие руководящие деятели буржуазно-помещичьих партий придерживались тактики проволочек. Ведя бесконечные дискуссии и неоднократно возвращаясь к уже согласованным пунктам, они одновременно стремились вести закулисные переговоры отдельно с каждой группировкой, входящей в Национально-демократический фронт, пытаясь расколоть его и выторговать себе как можно больше правительственных постов.

Коммунистическая партия и другие демократические организации приняли меры к тому, чтобы пресечь происки буржуазно-помещичьих партий. В своей печати они регулярно публиковали коммюнике Национального совета НДФ, информируя трудящихся о ходе переговоров и позициях сторон. Это способствовало дальнейшей изоляции национал-царанистской и национал-либеральной партий от широких масс, воочию убеждавшихся в том, что буржуазно-помещичьи политические деятели преследовали своекорыстные цели.

Пока руководство «исторических» партий затягивало переговоры, продолжавшее с согласия короля оставаться у власти правительство Сэнэтеску неожиданно объявило, что решило не уходить в отставку и будет продолжать свою деятельность[18].

[17] «Dreptatea», 7.X 1944.
[18] См.: «Scînteia», 20.X 1944.

В условиях, когда КПР и СДП отозвали из его состава своих представителей, это была явная попытка ликвидировать одно из наиболее важных завоеваний 23 августа 1944 г., заключавшееся в том, что впервые в истории Румынии трудящиеся овладели правом участия в управлении страной. Более того, став целиком реакционным по своему составу, правительство Сэнэтеску немедленно направило свои усилия на принятие мер, имевших целью подавить революционную борьбу трудящихся масс, затормозить демократизацию страны.

Под предлогом необходимости соблюдения «порядка» и «спокойствия» министр внутренних дел генерал Алдя приказал жандармерии и полиции применять силу против населения, изгоняющего реакционные власти на местах. В результате в ряде сел и городов были произведены аресты представителей демократических сил, избранных местными жителями на должности примарей и префектов. На заседаниях правительства теперь главным образом обсуждались такие предложения, как запрет деятельности Комиссии по организации профсоюзного движения, принятие закона против создания революционных профсоюзов и объединения государственных служащих, подготовка нового декрета о чистке, по которому можно было бы демократизацию и устранение фашистских элементов передать в руки реакционеров, а рабочих отстранить от этого дела [19].

Национальный совет НДФ выступил с решительным разоблачением попыток реакции удержаться у власти. В своем манифесте от 22 октября 1944 г. он отметил, что правительство Сэнэтеску было сформировано 23 августа в качестве временного органа власти на основе соглашения, участниками которого являлись КПР и СДП, и что стоявшие перед ним задачи утратили свою актуальность. Далее указывалось, что это правительство с момента выхода министров социал-демократов и коммунистов стало незаконным.

Между тем оно, заявлялось в манифесте, стремится остаться у власти и укомплектоваться министрами-специалистами, которых ему рекомендует реакционная клика. Это представляет собой попытку движения назад, к старым методам правления, открывшим путь к фашизму и национальной катастрофе Румынии. Квалифицируя действия правительства Сэнэтеску как вызов демократическим силам и всему румынскому народу, Национальный совет НДФ заклеймил позором маневры руководителей «исторических» партий, ставивших свои собственные цели выше интересов страны. Манифест содержал обращенный к широким народным массам призыв усилить борьбу за устранение реакционного правительства.

Ответом на этот призыв был новый мощный подъем борьбы прогрессивных сил против попыток реакции восстановить фашист-

[19] См.: Arhiva CC al PCR, fond 103, Stenogramele sedinţelor Consiliului de Ministri din 20, 21, 23, 24, 27 oct. 1944.

ские методы правления. Уже в день опубликования манифеста НДФ сотни тысяч рабочих, крестьян и представителей интеллигенции в разных городах страны провели демонстрации, собрания и митинги, требуя передачи власти правительству Национально-демократического фронта. В демонстрации трудящихся в Лупени, например, участвовало более 25 тыс. человек, в Петрошени — 20 тыс., в Яссах — 10 тыс., в Бакэу — 5 тыс. Такие массовые манифестации состоялись и в Тимишоаре, Араде, Констанце, Плоешти, Сибиу, Крайове и других городах. В Бухаресте только в демонстрации молодежи приняли участие 10 тыс. человек.

Участники этих выступлений направляли в ЦК КПР и в Национальный совет НДФ телеграммы, в которых заявляли о своей решимости довести до конца борьбу против реакционного правительства. «Рабочие Плоешти,— говорилось в одной из телеграмм,—торжественно берут на себя обязательство мобилизовать все силы и не складывать оружия до тех пор, пока нынешнее правительство не будет изгнано... Правительство Национально-демократического фронта — единственное, которое может спасти страну от гибели... Мы не сложим оружие до тех пор, пока весь государственный аппарат не будет очищен от фашистских, реакционных и предательских элементов, выступающих против жизненных интересов румынского народа» [20].

В такой обстановке руководители буржуазно-помещичьих партий стали шантажировать КПР, которая на переговорах о создании коалиционного правительства твердо отстаивала интересы демократических сил. Национал-царанистская партия в своем коммюнике, опубликованном в газете «Дрептатя», потребовала от компартии отказаться от занятой ею позиции и заявила, что в противном случае «одна возьмет на себя ответственность за управление страной или разделит ее с теми, кто желает сотрудничать с ней» [21], т. е. с национал-либералами и правыми социал-демократами.

Она также попыталась совместно с национал-либералами и при содействии властей организовать контрдемонстрации. Однако для выступлений в поддержку правительства Сэнэтеску удалось собрать лишь кучку состоятельных людей, реакционных служащих и бывших легионеров. Причем одновременно с этой карликовой демонстрацией 28 октября по улицам Бухареста прошли 70 тыс. граждан под лозунгами Национально-демократического фронта [22].

То был весьма наглядный пример растущей изоляции буржуазно-помещичьих партий и их ставленника — генерала Сэнэтеску.

Неудачу потерпела и попытка, предпринятая лидерами этих партий с целью сбить массы с пути революционной борьбы. Речь идет о спешно подготовленных и опубликованных руководством

[20] «Scînteia», 26.X 1944.
[21] См.: «Dreptatea», 26.X 1944.
[22] См.: «Scînteia», 30.X 1944.

национал-царанистов программных документах, при помощи которых оно надеялось ввести в заблуждение трудящихся.

В частности, было объявлено о внесении некоторых «демократических» поправок в партийную программу 1934 г., не менявших, однако, ее реакционной сущности. Один из руководящих национал-царанистских деятелей, И. Худице, заявил, что его партия намерена «немедленно приступить к установлению нового строя в Румынии — созданию крестьянского государства». Между тем лозунг «крестьянского государства», имевший более чем десятилетнюю давность, был основан на идее «природной селекции лучшего в классе крестьянства», что фактически означало создание благоприятных условий для помещиков и кулаков за счет усиления гнета и эксплуатации основной крестьянской массы [23]. Национал-царанистская партия опубликовала также «правительственную программу-минимум», в которой уверяла, что обеспечит выполнение условий перемирия, проведение «чистки кадров», снабжение населения продовольствием [24], однако тщательно обходила все вопросы, которые были связаны с решением задач развернувщейся в стране народной революции.

Демагогическая программа национал-царанистской партии и теория «крестьянского государства» были подвергнуты резкой критике в печати КПР и демократических организаций, а также на многочисленных собраниях в городах и селах. К тому же сама жизнь заставляла буржуазио-помещичьих политических деятелей занимать позицию, расходившуюся с их декларациями и обещаниями. Так, на собрании в кинотеатре «Аро» 29 октября И. Михалаке, являвшийся заместителем Ю. Маниу, был вынужден признать, что национал-царанисты выступают против осуществления каких бы то ни было реформ до окончания войны. Он также заявил, что профсоюзы должны быть «лишь инструментом профессиональной защиты» и что трудящимся массам незачем заниматься политикой, так как она, по его словам, является уделом «избранников нации», ее «элиты».

Неудивительно, что народные массы отвергли призывы буржуазно-помещичьих партий не нарушать «порядок и спокойствие».

В стране прошли многочисленные собрания, митинги и демонстрации, на которых трудящиеся требовали немедленного осуществления подлинной демократизации страны.

Со второй половины октября, когда представители НДФ вышли из правительства Сэнэтеску, большой размах приняли проводившаяся снизу демократизация государственного аппарата, чистка учреждений и предприятий от фашистских и реакционных элементов. На предприятиях это дело взяли в свои руки избранные рабочими комитеты. Они изгоняли фашистов из администрации, заменяя их демократическими элементами, заинтере-

---

[23] См.: *Горанович М. М.* Крах Зеленого Интернационала. М., 1967, с. 189.
[24] См.: «Dreptatea», 9.X 1944.

сованными в восстановлении производства и экономики страны. Рабочие и крестьяне перешли к насильственному захвату примарий в ряде городов, в том числе в Галаце, Констанце, Тулче, а также некоторых уездных префектурах. К началу ноября во многих местных органах власти в Молдове, Трансильвании, Добрудже и Мунтении руководящие посты заняли избранники народа [25].

Смена революционным путем местных властей имела огромное значение, поскольку ограничивала возможности контрреволюции и облегчала борьбу масс за установление народного строя, за активное участие Румынии в антигитлеровской войне.

Необходимо подчеркнуть, что борьба против фашизма как внутри страны, так и на фронте, где румынские войска бок о бок с Советской Армией вели бои за освобождение всей румынской территории и окончательный разгром гитлеризма, была составной частью народной революции. В платформе Национально-демократического фронта, являвшейся программой действий революционных сил, подчеркивалось, что «жизненные интересы румынского народа требуют его самого активного участия в борьбе за освобождение страны от ига фашистских оккупантов, в борьбе за разгром гитлеризма, в борьбе, которую ведет все прогрессивное человечество» [26].

Коммунистическая партия, возглавлявшая революционную борьбу народных масс, в первые же дни после победы вооруженного восстания опубликовала обращение к солдатам и офицерам румынской армии. Разъясняя, что с переходом Румынии на сторону антигитлеровской коалиции они ведут справедливую, освободительную войну, КПР призвала их сражаться плечом к плечу с Советской Армией до окончательного разгрома гитлеровской Германии.

Румынская армия сразу же включилась в борьбу против гитлеровцев. После восстания 23 августа часть ее сил действовала внутри страны совместно с боевыми патриотическими отрядами. На фронте многие соединения и части добровольно перешли на сторону советских войск. В дальнейшем были налажены их связь и сотрудничество с основными силами румынской армии, которые в соответствии с достигнутым соглашением 6 сентября перешли в оперативное подчинение 2-го Украинского фронта. Это были румынская 1-я армия и отошедшие в Трансильванию части 4-й армии. В то время они подтягивались соответственно к западной и северо-западной границам страны, имея задачу прикрыть их.

Передача этих войск в оперативное подчинение советскому командованию произошла в исключительно сложных условиях.

Дело в том, что накануне, 5 сентября, германское командова-

---

[25] *Петрик А., Цуцуй Г.* Борьба за установлене и укреплене народно-демократического строя в Румынии. Бухарест, 1964, с. 43.

[26] «Scînteia», 26.IX 1944.

ние, стремясь овладеть перевалами в Южных Карпатах и создать там прочную оборону, бросило в наступление 6 немецких и венгерских дивизий против частей 4-й румынской армии, только еще подходивших к району развертывания и к тому же малочисленных и слабо вооруженных. В первый же день враг нанес им чувствительный удар и продвинулся на 20—40 км. Почти одновременно он атаковал и 1-ю румынскую армию, также не успевшую полностью развернуться. Потеснив ее, противник занял ряд городов. Под угрозой оказался один из крупнейших промышленных центров страны — г. Решица. 4-я армия попала в еще более опасное положение: ей грозило окружение и полное уничтожение.

Советские войска в это время находились в сотнях километров от обоих названных районов. В соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 29 августа 1944 г. 2-й Украинский фронт своим правым крылом наступал на северо-запад с целью преодолеть Восточные Карпаты и выйти в Венгерскую долину, а левым — в направлении границ Румынии с Болгарией и Югославией. К болгарской границе продвигались и войска 3-го Украинского фронта.

В такой обстановке румынским правительством Сэнэтеску были переданы обе армии, а также 4-й армейский и авиационный корпусы в подчинение 2-му Украинскому фронту, который по указанию Ставки Верховного Главнокомандования немедленно бросил им на помощь войска своего левого крыла. 53, 27 и 6-я танковая армии получили приказ повернуть на северо-запад и север и при поддержке 5-й воздушной армии разгромить противника, действовавшего против 1-й и 4-й румынских армий.

Эта задача была успешно выполнена. Советские войска, стремительно преодолев значительное расстояние по малочисленным и труднопроходимым горным дорогам, с ходу вступили в бой с врагом и совместно с румынскими частями разбили и отбросили врага на исходные позиции, а затем перешли в контрнаступление. Замысел гитлеровского командования по захвату горных перевалов был сорван [27], что создало благоприятные условия для дальнейшего наступления на запад.

В ходе тяжелых боев советские и румынские войска в течение сентября освободили часть Северной Трансильвании, а в Кришане перешли венгерскую границу. Затем развернулась Дебреценская операция, в ходе которой к 25 октября было завершено освобождение Северной Трансильвании. Этот день стал праздником румынского народа и позднее был объявлен Днем румынской Народной Армии.

В борьбе за освобождение всей румынской территории активно участвовали также патриотические формирования, вооруженные рабочие отряды, широкие слои населения городов и сел. В конце сентября — начале октября в уезде Бихор группы рабо-

[27] См.: *Антосяк А. В.* В боях за свободу Румынии. М., 1974, с. 145—155.

чих с оружием в руках защищали учреждения и предприятия от гитлеровцев. Партизанские группы, сформированные из рабочих — румын и венгров, наносили удары по фашистам в период боев за освобождение г. Орадя. В Клужской области трудящееся население препятствовало попыткам фашистов разрушить промышленные предприятия или демонтировать и вывезти их. Пример героической борьбы показали рабочие электростанции «Сомешул рече», которые 10 часов оборонялись против отряда гитлеровцев, имевшего приказ взорвать это предприятие.

Не касаясь подробно хода совместных действий советских и румынских войск, широко освещенных в литературе, следует, однако, подчеркнуть, что они сыграли огромную роль в укреплении боевого содружества воинов двух стран. Исключительно важное значение имели своевременная и эффективная помощь, оказанная 1-й и 4-й армиям, быстро и умело налаженное советским командованием взаимодействие с румынскими войсками. Не менее сильное впечатление на румынских солдат и офицеров произвели сам облик советских воинов-освободителей, их дружеское, товарищеское отношение, готовность помочь в трудный момент, высокая боевая выучка и беззаветная доблесть в боях с врагом. «Подвиги советских воинов служили примером для румынских братьев по оружию и вдохновляли их на самоотверженную и упорную борьбу против гитлеровских захватчиков» [28].

Действительно, именно в те дни и недели, когда советские и румынские воины вместе повели борьбу против общего врага, родилось и их братство по оружию, скрепленное совместно пролитой кровью в боях за свободу, независимость и светлое будущее Румынии. В этих операциях вместе с армиями 2-го Украинского фронта действовали румынские войска общей численностью 260 тыс. солдат и офицеров [29]. Они проявили, как отмечал позднее Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, высокий боевой порыв, храбрость и самопожертвование. «Эти ценные качества, свойственные войскам румынской Народной Армии,— писал он,— доказали, что она может сражаться очень хорошо и быть нашим достойным союзником» [30].

Массовый героизм и отвага, проявленные румынскими воинами, были рождены сознанием того, что отныне они ведут не чуждую их интересам захватническую войну, а справедливую борьбу со злейшим врагом своего народа — германским фашизмом за освобождение родной страны. Они понимали, что только в союзе с СССР и другими государствами антигитлеровской коалиции Румыния может защитить свои национальные интересы, обрести подлинную независимость, закрепить и расширить завоевания антифашистского вооруженного восстания 23 августа.

---

[28] *Антосяк А. В.* Указ. соч., с. 157.
[29] «Scînteia», 19.VIII 1964.
[30] «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, с. 32.

Первостепенную роль в поднятии боевого духа румынских войск играли деятельность компартии и борьба народных масс под ее руководством за завершение буржуазно-демократических преобразований, за установление рабоче-крестьянской власти и осуществление аграрной реформы. Через свою печать, проникавшую на фронт вопреки противодействию реакционного большинства правительства Сэнэтеску, КПР несла солдатским массам правду о положении в стране.

С большой радостью встретили в войсках выработанную компартией платформу НДФ. И это вполне понятно, ибо она отражала их стремление совместно с Советской Армией быстрее разгромить гитлеровцев на фронте и, покончив с властью реакции в стране, добиться лучшей жизни. На солдат, в основном состоявших из крестьян, большое впечатление произвело выдвинутое в платформе положение о том, что при проведении аграрной реформы участники борьбы против германского фашизма будут наделяться землей в первую очередь.

Росту авторитета и влияния КПР также способствовала ее настойчивая борьба за демократизацию армии, против царившего в ней прежде офицерского произвола. Вместе с тем складывавшиеся новые отношения между рядовым и командным составом под влиянием совместных с Советской Армией действий, не могли не привести к повышению боеспособности румынских войск. Своей деятельностью КПР завоевала огромный авторитет и влияние среди солдат и большей части командного состава румынской армии. В этом, несомненно, сказалась та ведущая роль, которую сыграли коммунисты в свержении ненавистной диктатуры Антонеску. Победа подготовленного ими восстания 23 августа была как бы ярким лучом, в свете которого особенно ясным и понятным стал высокий смысл многолетней бесстрашной борьбы компартии против фашизма, за подлинные национальные и социальные интересы румынского народа.

Не случайно уже в начале сентября 1944 г. так называемая правительственная информационная служба, являвшаяся одним из ответвлений сигуранцы, в своем донесении отметила, что в военных кругах многие «с одобрением воспринимали действия коммунистической партии», находя ее лозунги патриотичными, а самих коммунистов — «людьми с хорошими намерениями и любящими страну». В донесении также выражалось беспокойство по поводу роста влияния КПР среди рядового и командного состава румынской армии. В частности, особо подчеркивалось, что в офицерской среде, особенно среди молодежи, формируется течение за присоединение к общей политической линии компартии [31].

Все это делает понятным тот горячий отклик, который встретило обращение КПР среди солдат и офицеров. Их ответом была мужественная самоотверженная борьба против гитлеровцев

---

[31] Arhiva CC al PCR, fond 35, dos. 6, ff. 43—44.

Армия повседневно чувствовала заботу коммунистической партии, призывавшей народ мобилизовать все материальные ресурсы в помощь войскам, сражавшимся против гитлеровской Германии.

В условиях, когда реакция всячески пыталась помешать активному участию Румынии в войне за уничтожение фашизма, задачу обеспечения армии всем необходимым для борьбы с врагом взяли на себя рабочий класс и его марксистско-ленинская партия. «Рабочие,— говорилось в обращении ЦК КПР от 21 сентября 1944 г.,— на вас ложится задача выступить организованной силой в патриотическом движении поддержки фронта, обеспечивая нормальный ход производства, срывая всякие попытки саботажа, откуда бы они ни шли. В современной обстановке саботаж является актом национального предательства, преступлением против родины. Защищайте предприятия от вредителей. Ваши боевые патриотические отряды должны арестовывать и передавать фашистских преступников военным и гражданским властям».

Компартия выдвинула лозунг «Все для фронта, все для победы!» И он был горячо подхвачен трудящимися массами. Несмотря на тяжелые условия жизни и труда, румынский рабочий класс проявлял героизм и самоотверженность, восстанавливая заводы и фабрики и обеспечивая выпуск продукции, необходимой фронту и стране.

Борясь за восстановление национальной экономики, рабочий класс во главе с компартией разоблачал действия саботажников.

Показателен в этом отношении пример рабочих завода «Малакса». Здесь реакционная администрация в конце октября заявила, что отсутствие сырья не позволяет выпускать какую бы то ни было продукцию, и готовилась под этим предлогом закрыть предприятие и уволить более 8 тыс. рабочих. Этот акт саботажа был предпринят по указанию министерства военного снабжения. Возмущенные рабочие, собравшись на митинг, приняли резолюцию протеста. В ней заявлялось: «Единодушно голосуя за данную резолюцию, рабочие решительно протестуют против самоуправства министерства военного снабжения, которое подрывает военные усилия».

Но они не ограничились одними словами, а взялись за дело, изгнав реакционеров и профашистов из администрации и поставив на их место демократически настроенных людей. Новое руководство сумело менее чем за месяц вернуть на завод и пустить в действие 95% эвакуированного оборудования. Обнаружилось, что имеется и достаточное количество сырья. В результате завод продолжал выпускать продукцию и даже принял новые крупные заказы [32].

Таких примеров было много.

---

[32] См.: «Scînteia», 25.XI 1944.

Главным звеном в восстановлении хозяйственной жизни было налаживание путей сообщения, в особенности железных дорог, без которых невозможно своевременно снабжать фронт вооружением и питанием, промышленные предприятия — сырьем и топливом, а население — предметами первой необходимости и продовольствием. По призыву компартии рабочие-железнодорожники упорно трудились, восстанавливая разрушенные линии и депо, ремонтируя вагоны и паровозы.

Замечательную инициативу проявили рабочие паровозного депо Гривица. В октябре 1944 г. они решили досрочно отремонтировать несколько локомотивов. Их патриотическое начинание, подобное субботникам, проводившимся в Советской стране, было подхвачено железнодорожниками других служб и узлов, а также получило широкое распространение в других отраслях экономики. «В этот период,— отметил впоследствии Г. Апостол в своей книге «Профсоюзы РНР в борьбе за построение социализма»,— в ходе борьбы за восстановление предприятий и рост промышленного производства родилось патриотическое соревнование рабочих, явившееся зародышем социалистического соревнования, которым ныне охвачено большинство рабочих на социалистических предприятиях» [33].

В ходе борьбы против происков реакционеров, проходившей под лозунгами Национально-демократического фронта, укреплялся союз рабочего класса с крестьянством. Массы сельских тружеников увидели, что не национал-царанистская партия, именовавшая себя «крестьянской», а КПР выступает верной защитницей их интересов. Эту мысль один из крестьян, выступая на собрании, выразил так: «Настало время вступить в открытую борьбу. Коммунистическая партия поддержит нас повсюду». Все больше усиливал свое влияние в стране «Фронт земледельцев», проводивший большую работу по мобилизации крестьянских масс на борьбу за демократические реформы, в том числе аграрную, на поддержку справедливой антигитлеровской войны.

Выработанная компартией платформа Национал-демократического фронта способствовала тому, что соотношение классовых сил в стране быстро менялось в пользу демократии. Следствием этого явились кризис правительства Сэнэтеску и разброд внутри «исторических» партий, вызванный растущим недовольством их рядовых членов реакционной политикой Ю. Маниу и Д. Брэтиану. Некоторые местные организации этих партий начали присоединяться к Национально-демократическому фронту.

Усилившееся разложение буржуазно-помещичьих партий объяснялось тем, что они теряли массовую базу. Это показали, в частности, результаты выборов примарей в ряде сел. Так, в коммуне Милитари кандидат НДФ был избран подавляющим боль-

---

[33] *Apostol Gh.* Sindicatele din RPR in lupta pentru construirea socialismului. Bucureşti, 1957, p. 47.

шинством голосов: за него проголосовали 265 человек, в то время как за кандидата национал-царанистской партии всего лишь 37. Примерно такое же соотношение голосов было отмечено на выборах во многих других коммунах [34].

Несмотря на это лидеры буржуазно-помещичьих партий продолжали препятствовать созданию коалиционного правительства на основе платформы НДФ. Тем самым они затягивали правительственный кризис, что в свою очередь тормозило работу по восстановлению экономики страны и обеспечению нужд румынских войск, сражавшихся на антигитлеровском фронте.

Коммунистическая партия проявила большую выдержку и такт в переговорах с руководителями национал-царанистской и национал-либеральной партий. Руководимый ею Национально-демократический фронт, исходя из интересов страны, требовавших самого широкого объединения общественно-политических сил, согласился на сформирование коалиционного политического правительства на основе программы-минимум, предусматривавшей строгое выполнение условий перемирия, обеспечение активного участия Румынии в ведении антигитлеровской войны и восстановления экономики страны. Вместе с тем НДФ оставил за собой право бороться за полное осуществление социально-экономических преобразований в соответствии со своей платформой.

Так была достигнута договоренность относительно программы и распределения постов в новом правительстве. Но и после этого Маниу начал выдвигать одно за другим новые требования, стремясь затянуть кризис. Тогда Национально-демократический фронт выступил с серьезным предупреждением в адрес руководства «исторических» партий. В своем заявлении от 4 ноября он указал, что если в течение данного дня не будет учреждено новое коалиционное правительство на согласованной основе, то НДФ перейдет к прямым действиям в интересах румынского народа и выполнения обязательств перед Объединенными Нациями.

Большую помощь демократическим силам Румынии, боровшимся против реакционного правительства Сэнэтеску, оказала в это время Союзная Контрольная Комиссия (СКК), действовавшая от имени трех союзных держав под руководством и по указаниям советского командования.

Следует отметить, что Советский Союз, войска которого находились на румынской территории, не вмешивался во внутриполитическую борьбу в Румынии, хотя его симпатии, естественно, были на стороне демократических, антифашистских сил. Признавая этот факт, английская буржуазная «Таймс» писала в ноябре 1944 г.: «Вся полученная до сих пор информация убедила даже скептически настроенных лиц, что русские гражданские и военные представители в этих странах (Румынии и Болгарии.— *Н. Л.*) занимаются только выполнением условий перемирия и

---

[34] См.: «Scînteia», 5, 6.XI 1944.

скрупулезно воздерживаются от вмешательства во внутренние дела»[35].

Действуя строго в пределах своих функций, СКК 2 ноября направила правительству Сэнэтеску ноту, в которой указала на совершенно неудовлетворительный ход выполнения условий перемирия, подчеркнув, что это объясняется «не столько объективными причинами, сколько отсутствием желания точно выполнять соглашение»[36].

Нота СКК, разоблачавшая политику румынской реакции, способствовала усилению борьбы масс за приход к власти правительства, способного выполнить соглашение о перемирии и обеспечить демократизацию страны. 3 ноября НДФ организовал в Бухаресте 100-тысячный митинг, на котором еще раз была продемонстрирована решимость трудящихся добиться сформирования демократического правительства. А на следующий день после опубликования упомянутого выше заявления Национально-демократического фронта, реакция была вынуждена отступить: 5 ноября король Михай издал декрет о создании коалиционного правительства.

Хотя во главе его снова был поставлен генерал Сэнэтеску, однако по своему составу оно значительно отличалось от предыдущего. В новом правительстве позиции демократических сил были значительно расширены. Национально-демократический фронт теперь был представлен шестью министрами — путей сообщения, юстиции, труда, национального образования, здравоохранения и социального обеспечения, национальных меньшинств и тремя заместителями министров — внутренних дел, сельского хозяйства и земельных владений, национальной экономики. Впервые в истории Румынии пост министра занял простой рабочий: бывший железнодорожник Г. Георгиу-Деж возглавил министерство путей сообщения. Руководитель «Фронта земледельцев» доктор Петру Гроза занял пост заместителя премьер-министра.

Это была большая победа демократических, революционных сил. Тем более что новому правительству предстояло действовать на основе программы, которая предусматривала решение неотложных задач, являвшихся составной частью платформы Национально-демократического фронта. Наконец, расширение позиций революционных сил в управлении страной предоставляло им возможность оказывать воздействие на реакцию не только снизу — путем выступлений масс, но также и сверху — внутри совета министров. Таким образом, стало еще более очевидно, что господствующие классы Румынии не могли управлять по-старому и были вынуждены вследствие этого идти на серьезные уступки революционным силам.

---

[35] «Times», 7.XI 1944.

[36] АВП СССР, ф. 454, оп. 2, п. 82, д. 4, л. 4.

Все же и в новом правительстве большинство принадлежало представителям реакции. И это означало, что она не отказалась от своих антинародных целей и что, следовательно, демократическим силам предстояло продолжать наступление для закрепления и расширения завоеваний революции.

Основными направлениями деятельности нового правительства в соответствии с договоренностью, достигнутой в период его формирования, должны были стать восстановление экономики страны, обеспечение активного участия в антигитлеровской войне и строгое выполнение соглашения о перемирии. Тесная взаимосвязь этих задач была очевидна. Ибо ни одна из них не могла быть выполнена без осуществления двух других. Как уже отмечалось, именно соглашение о перемирии обязывало к активному участию Румынии в войне против фашистской Германии, которое в свою очередь в значительной мере зависело от эффективного использования экономического потенциала страны. Вместе с тем осуществление перечисленных задач было невозможно без проведения демократических преобразований, определявшихся как общими целями антигитлеровской коалиции в войне, так и присоединением к ней Румынии, что также было зафиксировано в соглашении о перемирии.

Такнм образом, выполнение этого соглашения стало главным, решающим условием реализации программы нового правительства. Однако реакция, на словах обещавшая придерживаться такой линии, на деле всячески противилась ей, так как не хотела ни участия Румынии в борьбе с германскнм фашизмом, ни подлинно демократического развития страны. Вот почему уже через несколько дней после сформирования нового состава совета министров «Скынтейя» была вынуждена констатировать: «И сейчас продолжается то же самое, что было при старом правительстве...» [37]

Хотя реакционное большинство в правительстве согласилось под давлением НДФ на создание комиссии во главе с П. Грозой по контролю над выполнением соглашения о перемирии, попытки саботажа в этой области принимали все более вызывающий характер.

Дело дошло до того, что лидеры буржуазно-помещичьих партий и их представители в правительстве поддерживали фашистские элементы, орудовавшие в государственном аппарате, промышленности и на транспорте, и открыто способствовали возрождению их террористических организаций, бесчинствовавших в некоторых городах и селах. Как отмечалось в документах Союзной Контрольной Комиссии, «в ряде мест фашисты организуются и накапливают силы при попустительстве или прямой помощи местных властей и командиров румынских частей (речь идет о профашистских офицерах из воинских частей, располо-

[37] «Scînteia», 13.XI 1944.

женных внутри страны и не входивших в состав войск, переданных в оперативное подчинение советскому командованию.— *Н. Л.*)»[38], а также «тайно вооружаются, не встречая со стороны румынских властей никакого противодействия»[39].

Прямым результатом этого явился разгул бандитизма в ряде районов, особенно в Северной Трансильвании. После ее освобождения там начала бесчинствовать террористическая «гвардия Юлиу Маниу». Она жестоко расправлялась с местными жителями за малейшее выражение добрых чувств к Советской Армии, совершала нападения на советских военнослужащих, препятствовала налаживанию нормальной жизни в городах и селах.

Советское командование, естественно, не могло допустить такого положения в ближайшем тылу своих наступающих войск. Поэтому бандитская «гвардия Маниу» была разоружена, а вместо потворствовавших ей профашистских властей в Северной Трансильвании была временно установлена советская администрация. «Для меня, командующего фронтом,— говорил по этому поводу маршал Р. Я. Малиновский,— небезразлично, что происходит в моем тылу. В Северной Трансильвании бесчинствовали фашистские банды. Я вынужден был восстановить порядок и удалить этих бандитов»[40].

Очистка ближайшего тыла сражавшихся войск от бандитов избавила от террора местное население. Поэтому неудивительно, что оно с горячим одобрением восприняло меры советского командования. Вместе с тем эти меры еще яснее показали народным массам пагубность политики министров-реакционеров во главе с генералом Сэнэтеску, препятствовавшей воссоединению Северной Трансильвании с Румынией и в целом направленной против национальных интересов страны.

Решение советского командования способствовало дальнейшему усилению авторитета и влияния компартии и возглавляемого ею НДФ, так как подтвердило правильность их линии на решительное искоренение остатков фашизма в интересах решения всех национальных и социальных проблем страны. Это решительно подчеркнул П. Гроза на заседании совета министров 13 ноября. Он потребовал разоружения и ликвидации банд «гвардии Маниу» повсюду, где они имеются, и заявил, что только при этом условии, а также путем «лояльного выполнения условий перемирия в целом и в частности» можно добиться восстановления румынской администрации в Северной Трансильвании[41].

Реакция упорно продолжала противиться подобным требова-

[38] Архив МО СССР, ф. 32, оп. 11 309, д. 214, л. 428.
[39] Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2811, д. 8, л. 162.
[40] См.: *Антосяк А. В.* Указ. соч., с. 189.
[41] Arhiva CC al PMR, fond 103, dos. 8478, f. 16.

ниям. Национал-царанистский министр внутренних дел Н. Пенеску публично заявил, что он не намерен пресечь деятельность фашистских банд и будет «защищать» их. Так он и действовал, тем самым показав, что руководство «исторических» партий открыто саботирует выполнение согласованной с НДФ программы управления страной. Несмотря на официальную договоренность о назначении новых примарей и префектов, Н. Пенеску продолжал сохранять на этих постах ставленников фашистской диктатуры. Более того, и он, и его единомышленники не только уклонялись от проведения чистки во вверенных им министерствах и государственных учреждениях, но и удаляли из администрации представителей демократических сил, покровительствовали саботажникам в промышленности и сельском хозяйстве, способствуя дальнейшей дезорганизации хозяйственной жизни страны.

КПР отдавала себе отчет в том, что реакционеры не отступятся добровольно от своей антинародной политики. Характеризуя деятельность совета министров, сформированного в начале ноября, Г. Георгиу-Деж месяц спустя отметил, что не может «назвать его правительством национальной сплоченности и сотрудничества, а только коалиционным правительством, в котором сталкиваются самые острые противоположные политические интересы»[42].

В этих условиях компартия последовательно разоблачала реакционный характер буржуазно-помещичьих партий, препятствовавших развитию народной революции, и одновременно усилила организацию выступлений трудящихся масс, чтобы явочным путем добиться решения неотложных задач.

В тот момент ЦК КПР считал одной из первоочередных задач восстановление железнодорожного транспорта как важнейшее условие обеспечения вклада Румынии в окончательную победу над гитлеровской Германией и подъема экономики страны. И тут большую роль сыграло то, что министерство путей сообщения возглавил представитель компартии Г. Георгиу-Деж. Под его руководством работа по налаживанию коммуникаций приобрела огромный размах.

В ответ на призыв КПР рабочие-железнодорожники заявили, что считают своим патриотическим долгом, не жалея сил, обеспечивать перевозки для фронта, промышленности и сельского хозяйства и снабжения населения городов и сел. По инициативе коммунистов они провели собрания, на которых были разработаны всесторонние меры по быстрому восстановлению путей и подвижного состава, создали ударные бригады. В короткий срок вся сеть железных дорог стала громадной стройкой.

Реакция немедленно принялась чинить всяческие препятствия восстановлению путей сообщения в стране. Сначала король Михай и Сэнэтеску, стремясь ограничить сферу деятельно-

---

[42] «Scînteia», 3.XII 1944.

сти министра-коммуниста, изъяли из его ведения морской и речной транспорт, гражданскую авиацию и шоссейные дороги. Затем они попытались сорвать восстановление железных дорог, в связи с чем министерство финансов отказалось выделить необходимые средства.

Несмотря на это благодаря самоотверженному труду рабочих за последние два месяца 1944 г. была восстановлена одна пятая протяженности разрушенных железнодорожных путей, отремонтировано много тоннелей и мостов на главных линиях, обеспечивавших перевозки для фронта.

Налаживанию работы транспорта содействовал Советский Союз, уже в тот период оказывавший значительную помощь румынскому народу в восстановлении экономики. В результате поездки Г. Георгиу-Дежа в Москву была достигнута договоренность, согласно которой СССР направил в Румынию группу специалистов-железнодорожников, предоставил 23 тыс. трофейных вагонов, взял на себя поставки специальных масел для нужд румынского паровозного парка и т. п. Высоко оценивая эту помощь, Г. Георгиу-Деж отметил также «высокое понимание, с которым Советское правительство отнеслось ко всем вопросам общего положения в Румынии» и проявило готовность оказать румынскому народу полное содействие в экономическом восстановлении страны[43].

Наряду с организацией восстановления коммуникаций КПР обратилась к трудящимся всех отраслей промышленности с призывом развернуть борьбу за подъем производства. Результаты не заставили себя ждать.

Пример в этом отношении показали горняки. По поручению компартии Г. Георгиу-Деж в ноябре посетил угольный бассейн Валя Жиулуй. Выступая на массовом митинге шахтеров, он, в частности, сказал: «Хотя вы больше всех страдаете и переносите величайшие трудности, нужно показать, что именно вы поднялись до уровня понимания высших интересов нашего народа. Я приехал сюда, в Валя Жиулуй, будучи уверен, что вы поймете меня, что ваше сознание и ваши патриотические чувства достаточно высоки, чтобы проникнуться пониманием того, что страна нуждается в повышении производства во всех отраслях»[44].

Шахтеры с энтузиазмом откликнулись на призыв министра-коммуниста. Уже в ноябре добыча угля по сравнению с сентябрем составила 248%, в декабре — 276%, а в январе 1945 г.— 301%. Вспоминая об этом в 1952 г. на совещании работников угольной промышленности РНР, Г. Георгиу-Деж рассказывал: «И эти голодные и разутые люди, которым мы ничего не могли обещать, так как это не в наших правилах и так как этого не позволяли условия,— эти люди как один человек откликнулись

---

[43] «Известия», 1945, 16 января.
[44] *Gheorghiu-Dej Gh.* O politică romînească de realizări democratice, p. 42—43.

на призыв Центрального Комитета нашей партии, и добыча угля начала неуклонно расти»[45].

Были достигнуты первые успехи и в других отраслях. Нефтяная промышленность значительно увеличила поставки горючего для нужд фронта и экономики страны. Наращивали производство рабочие военных заводов. К концу января 1945 г. решицкие предприятия изготовили 192 противотанковые пушки, более 400 тыс. мин и много другой продукции для армии. На заводе «Войня» рабочие довели производство до 90% прежнего уровня. На заводе «Вольф» вдвое увеличили выпуск снарядов, а на авиационном предприятии в Брашове, которое к началу осени фактически бездействовало из-за разрушений, причиненных бомбардировками, и эвакуации оборудования, сумели возобновить работу. Большую помощь брашовским авиастроителям оказало советское командование, предоставившее в их распоряжение 1000 вагонов. Благодаря этому они быстро вернули эвакуированное оборудование, а затем, работая по 17 часов в день, установили его в цехах[46].

Борьбу за подъем производства компартия неразрывно связывала с задачей улучшения условий труда и жизни рабочих. Выступая единым фронтом и действуя через свои профсоюзные организации, они добились определенных успехов и в этом направлении.

Примечателен, например, договор, заключенный 25 ноября 1944 г. рабочим коллективом бумажной фабрики в Буштени с администрацией этого предприятия и представителем министерства национальной экономики. В нем было зафиксировано обязательство повысить оплату труда на 60%, а по некоторым профессиям — до 150%, увеличить расценки за сверхурочные работы, установить 45-часовую рабочую неделю, обеспечить рабочих одеждой и обувью по себестоимости, а также денежными пособиями на детей.

В договор было включено и обязательство администрации изгнать с предприятия фашистско-легионерские элементы и положить конец злоупотреблениям начальников цехов. Характерно, что труженики фабрики, заключая этот договор, позаботились не только о себе: в нем устанавливалось, что все его положения распространяются также на рабочих других предприятий общества «Буштень»[47].

Все это вызывало злобу у реакционеров, и они всячески пытались срывать предлагаемые компартией мероприятия по подъему экономики.

Так, назревшей проблемой осенью 1944 г. стала национализация угольной промышленности, что могло пресечь саботаж шахтовладельцев и тем самым способствовать быстрейшему

[45] «Scînteia», 30.VII 1952.
[46] «Analele», 1961, N 2, p. 27.
[47] См.: Arhiva CC al PCR, fond 49, dos. 9286, ff. 8—10.

оздоровлению экономической жизни. Однако буржуазно-помещичье большинство в правительстве усмотрело в этом лишь покушение на свое святая святых — частную собственность. В результате оно отклонило выдвинутое представителями компартии на заседании совета министров 25 ноября предложение национализировать шахты [48].

Однако в условиях развивавшейся народной революции трудящиеся массы, возглавляемые компартией, сами нашли действенное средство против капиталистического саботажа — установление рабочего контроля на предприятиях.

Первоначально он осуществлялся «техническими советами», или «производственными комиссиями», которые создавались при профсоюзных организациях с целью увеличения выпуска продукции, обеспечения первоочередного выполнения заказов для фронта, борьбы с саботажем и спекуляцией, а также изгнания с предприятия фашистов и реакционеров. Во многих случаях трудящиеся добивались включения в коллективные договоры пункта о рабочем контроле и участия своих представителей в управлении производством.

В Решице, например, 15-тысячный коллектив заводов «Узинеле ши домениile дин Решица» на своей профсоюзной конференции 3 января 1945 г. принял решение ввести двух рабочих и одного служащего в административный совет этого акционерного общества, трех рабочих — в дирекцию и по одному — в управление шахт и лесоразработок. Направляя это требование в совет министров, министерство труда и правление общества решицких заводов, рабочие указали, что свое решение они приняли в связи с тяжелым положением, сложившимся на предприятиях: нежеланием администрации удовлетворить элементарные потребности рабочих, а также обеспечить производство сырьем, что грозит полным прекращением выпуска продукции. «Чтобы предупредить это,— заявлялось далее,— рабочие и служащие требуют, помимо принятия срочных мер по налаживанию работы заводов на полную мощность, снабжения и оплаты труда, право иметь своих представителей в правлении общества с совещательным голосом. Это позволит рабочим и служащим сказать свое слово при решении вопросов, связанных с исправлением положения на предприятии» [49].

Правительству и правлению акционерного общества пришлось принять это требование, так как рабочие предупредили, что используют все методы профсоюзной борьбы, чтобы заставить признать своих представителей [50].

Органы рабочего контроля действовали в тесном контакте с вооруженными отрядами рабочей гвардии, которые не допускали саботажников к работе на предприятия.

[48] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8478, f. 11.
[49] Arhiva CC al PCR, fond 49, dos. 9286, ff. 20—21.
[50] Ibidem.

Например, на заводе «Вулкан» в Бухаресте рабочий контроль осуществляла созданная при заводском профсоюзном комитете «комиссия сотрудничества». Она добилась значительного успеха в обеспечении бесперебойной работы всех цехов и предотвращении попыток саботажа, предпринимавшихся фашистскими элементами. Однако ее требование об изгнании последних с предприятия дирекция отказалась выполнить. Тогда на следующее утро у заводской проходной стал вооруженный отряд рабочих. Он не пустил на предприятие не только легионеров-фашистов, но и их покровителя — директора. Затем рабочие завода обратились к своим товарищам, трудящимся других предприятий общества «Вулкан», с призывом не принимать на работу изгнанных саботажников.

Так действовали под руководством коммунистов и рабочие предприятий «Ромына-американа», «Астра-ромына», «Вега» и др. На одной из обувных фабрик, принадлежавших ярому реакционеру Мочорнице, рабочие неопровержимо доказали, что хозяин предприятия саботирует выполнение заказов для фронта, и потребовали предания его суду[51]. В Молдове и Трансильвании, где владельцы предприятий бежали вместе с отступавшими гитлеровскими войсками, деятельность по обеспечению нужд фронта имела свою особенность: здесь рабочие, руководимые коммунистами, брали в свои руки управление брошенными заводами и фабриками и успешно налаживали производство.

Все это вызывало сильное беспокойство у капиталистов и их ставленников в правительстве Сэнэтеску. Рабочий контроль мешал им осуществлять преступные планы подрыва усилий страны в ведении антигитлеровской войны и выполнении соглашения о перемирии. На заседании совета министров 14 ноября 1944 г. представители «исторических» партий выразили возмущение по поводу того, что борьба рабочих «перешла от материальных вопросов к вопросам управления»[52].

Но воспрепятствовать такому развитию событий они уже были не в состоянии, ибо в ходе народной революции ведущей, определяющей силой в стране стал рабочий класс, руководимый своим авангардом — КПР, сплотившей вокруг себя в Национально-демократическом фронте народные массы. Деятельность компартии и возглавляемого ею НДФ сыграла решающую роль в мобилизации широких слоев народа на выполнение неотложных задач по уничтожению остатков фашизма в стране и обеспечению ее активного участия в окончательном разгроме гитлеровской Германии.

Массы прониклись сознанием того, что осуществление этих задач было залогом завоевания и упрочения национальной независимости Румынии, установления подлинно демократическо-

---

[51] См. «Viata sindicala», 21.I 1945.
[52] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8478, f. 9.

го строя, достижения экономического и социального прогресса. Это способствовало срыву саботажа реакции не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Своим отказом выполнить требование НДФ о безотлагательном проведении аграрной реформы большинство в правительстве прежде всего показало, что оно выступает защитником сохранения феодальных пережитков в стране. Вместе с тем позиция министров-реакционеров создавала непосредственную угрозу интересам обеспечения действующей армии и населения продовольствием, а промышленности сельскохозяйственным сырьем.

Дело в том, что после свержения фашистского правительства Антонеску и особенно в период полного освобождения Румынии Советской Армией значительная часть помещиков сбежала, а оставшиеся прекратили все сельскохозяйственные работы в своих имениях. Между тем была пора осеннего сева, и его срыв, если учесть, что львиная доля обрабатываемых площадей принадлежала крупным землевладельцам, грозил оставить страну без хлеба. С другой стороны, крестьянство, воодушевленное программой Национально-демократического фронта, показавшей реальную возможность осуществления вековой мечты сельских тружеников, больше не желало довольствоваться неопределенными обещаниями лидеров буржуазно-помещичьих партий, тем более что они и прежде никогда их не выполняли.

В таких условиях в деревне возникло движение за захват земель сбежавших помещиков-фашистов. В числе первых, кто принял такое решение, были жители коммуны Колку. 12 ноября 1944 г. на своем собрании они постановили взять в свои руки поместье железногвардейца Попеску, ушедшего вместе с отступавшими гитлеровскими войсками. Его владение они решили поделить между безземельными и малоземельными крестьянами «согласно тому, как записано в платформе Национально-демократического фронта» [53].

Начало этого движения, порожденного народной революцией, совпало с призывом компартии занимать брошенные помещичьи земли и засевать их, что сразу же придало ему массовый характер. Большую помощь сельскому населению оказали в тот период бригады рабочих, направленные в деревню компартией и помогавшие крестьянским комитетам захватывать и распределять такие поместья.

В начале декабря, когда реакция попыталась воспрепятствовать этому, КПР вновь выступила с призывом не поддаваться провокациям помещиков и делить земли не только тех из них, кто сбежал, но и тех, кто саботировал проведение сельскохозяйственных работ.

---

[53] «Scînteia», 20.XI 1944.

Речь тогда шла не о взятии помещичьей земли крестьянами в окончательное владение, а лишь о временном использовании ее сельскими комитетами для обеспечения осеннего сева. Тем не менее этот призыв оказал революционизирующее воздействие на крестьянство, подготовив переход к явочному осуществлению аграрной реформы в последующие месяцы. Немаловажную роль сыграло и то, что НДФ с помощью крестьян и рабочих сумел через голову правительства успешно реализовать план агротехнического обеспечения сельскохозяйственных работ, подготовленный демократически настроенными агрономами.

В результате принятых мер планы реакции были сорваны. В сравнительно короткий срок удалось наверстать упущенное время и завершить осенний сев. Несмотря на продолжавшийся саботаж, а также нехватку тягла и инвентаря, было засеяно, как и намечалось, более 1,8 млн. га [54].

Политическая активность населения в осуществлении лозунга КПР «Все для фронта, все для победы» нашла яркое выражение также во всенародной заботе о воинах, сражавшихся против гитлеровцев. По инициативе демократического общества «Патриотическая защита» среди населения успешно проводился сбор денег, продуктов питания, одежды для солдат-фронтовиков и их семей. В действующую румынскую армию было отправлено более 150 тыс. пакетов с подарками. Денежные средства, собранные населением, расходовались в основном на покупку медикаментов и оборудования для госпиталей. Кроме того, по предложению компартии из них было выделено 327 млн. лей на оказание помощи семьям солдат и на приобретение для них сельскохозяйственного инвентаря [55].

В ноябре усилилась и поднялась на более высокую ступень проводившаяся массами под руководством компартии демократизация государственного аппарата. В северной части Молдовы, освобожденной советскими войсками еще весной, она фактически уже была завершена, ибо фашистские власти бежали оттуда вместе с разгромленными гитлеровскими войсками. В Северной Трансильвании после ее освобождения и изгнания хортистской администрации также была установлена демократическая администрация. Теперь настал черед тех уездов и крупных городов, в которых фашисты остались у власти после 23 августа 1944 г.

Захватывая власть в крупных центрах, демократические силы тем самым оказывали воздействие на усиление процесса демократизации в окружающих небольших населенных пунктах. Так, одним из первых шагов демократической администрации уезда Констанцы явилось принятие решения о том, чтобы «во всех селах и городских коммунах свободным путем были избраны примари и коммунальный совет из числа уважаемых борцов

[54] «Scînteia», 24.XII 1944.

[55] См.: Apararea patriotică. Primul congres liber, august 1945. Bucureşti, p. 63—65.

за демократию». Согласно этому же распоряжению жандармерия переходила под контроль избранных крестьянских комитетов[56].

Борьба за очищение местных органов власти от фашистских и реакционных элементов охватила всю Румынию. Народные массы революционным путем, снизу проводили демократизацию страны, преодолевая ожесточенное сопротивление реакционного большинства правительства Сэнэтеску, пытавшегося применением силы остановить этот процесс.

В ряде мест устранение фашистских элементов из руководства примариями и префектурами приводило к кровопролитным схваткам населения с вооруженными легионерами и их пособниками. Но никакие усилия буржуазии и помещиков не могли затормозить процесс революционной смены местных властей. Не имели успеха и призывы «исторических» партий, заклинавших население «подождать», и обещания правительства о том, что оно само «в будущем» осуществит чистку. Давая отпор представителям реакции, объявлявшим «незаконными» власти, назначенные народом, Г. Георгиу-Деж на заседании совета министров 20 ноября заявил, что не может быть и речи о непризнании этих демократических органов. Он отверг и провокационное предложение, чтобы компартия и НДФ обратились к народу с призывом «повременить» до выработки закона о выборах префектов и примарей, и подчеркнул, что массы не могут больше терпеть[57].

В результате массовых выступлений, организованных Национально-демократическим фронтом во главе с компартией, в ноябре были избраны новые и заменены старые городские и уездные власти в целом ряде городов.

В Брэиле собрание, в котором участвовало более 10 тыс. рабочих и служащих порта и промышленных предприятий, а также крестьяне уезда, сместило прежнего примаря, а на его место избрало рабочего-металлурга. В тот же день был заменен и префект. На многотысячном собрании в Тырговиште 28 ноября 1944 г. были отстранены от власти национал-царанистский примарь и префект, назначенные еще при режиме Антонеску. При этом население, руководимое коммунистами, не испугалось угрозы оружием и заняло помещение префектуры. Революционный захват примарий и префектур был осуществлен также в Араде, Тимишоаре, Хунедоаре, Дымбовице, Прахове и других местах. К концу ноября более чем половиной уездов страны управляли примари и префекты, избранные народом[58].

Важную роль в революционном осуществлении демократизации местных органов власти играли вооруженные группы рабочих, патриотические отряды, число которых непрерывно росло. Они уверенно и решительно действовали при устранении фашист-

---

[56] «Studii», 1959, N 4, p. 290—292.
[57] См. Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8477, f. 6.
[58] Ibidem.

ской администрации в Констанце, Брэиле, Галаце, Тулче и других городах, в уездах Коворусуй, Тутова и т. д., давали отпор попыткам реакции запугать народ и помешать ему выполнить свою волю.

Национал-царанисты на заседании правительства 20 ноября вновь потребовали разоружения патриотических отрядов. Их поддержал премьер-министр Сэнэтеску. При этом он заявил: «Меня тревожит следующий факт: как бы власть не ускользнула из наших рук и как бы не сели нам на голову эти массы, которые сегодня желают выбирать примарей, завтра потребуют работы и т. п., а мы не сможем их остановить» [59].

Реакционные министры настаивали на применении силы. Национал-царанистский министр внутренних дел Н. Пенеску предлагал ввести военную охрану на заводах и фабриках. Но в то же время реакция понимала свое бессилие перед лицом могучего революционного натиска. Тот же Пенеску на заседании совета министров 25 ноября был вынужден признать, что не может применить силу, так как не имеет ее в своем распоряжении.

Кстати, его предшественник на посту министра внутренних дел генерал Алдя столкнулся с тем же, когда пытался воспрепятствовать смене властей в Констанце. В телеграмме на имя реакционного префекта Констанцы он потребовал установить контакт с военным командованием округа Добруджи и при необходимости применить оружие. Вслед за тем министр послал новый, еще более категорический приказ: стрелять по демонстрации.

Однако рабочие и крестьяне все же заняли префектуру и примарию и поставили во главе их своих избранников. Солдаты отказались стрелять, многие из них даже братались с демонстрантами, показав таким образом, что армия, в которой продолжало расти влияние компартии, перестает быть слепым орудием в руках эксплуататорских классов [60].

Признав свое бессилие, Пенеску, однако, в тот же день предпринял попытку запугать народные массы. По его указанию министерство внутренних дел организовало налет на собрание рабочих. Ворвавшаяся в помещение группа полицейских открыла стрельбу. В результате двое рабочих были убиты и несколько человек ранены.

По всей стране прокатилась волна протеста. В день похорон жертв фашистского террора в Бухаресте на площади Виктории состоялся огромный митинг, участники которого настаивали на немедленном аресте Пенеску, ответственного за совершенное преступление.

Национально-демократический фронт потребовал отставки министра внутренних дел и некоторых других наиболее ярых

---

[59] Arhiva CC al PMR, fond 103, dos. 8477, f. 22.

[60] См.: Din lupta PCR pentru închegarea alianţei între clasă muncitoare şi ţărănimea, vol. I. Bucureşti, 1955, p. 32.

реакционеров, с тем чтобы на их места были назначены представители демократических сил. НДФ настаивал также на передаче ему вакантного поста военного министра, что способствовало бы обеспечению активного участия Румынии в антигитлеровской войне.

В условиях, когда соотношение сил все более складывалось в пользу демократии, а контрреволюция теряла одну позицию за другой, реакционеры решили использовать требование НДФ в качестве повода для создания нового правительственного кризиса. При этом они рассчитывали, что формирование нового кабинета позволит не допустить участия представителей Национально-демократического фронта в управлении страной. Осуществить этот замысел предполагалось путем создания очередного правительства «специалистов», которое было бы послушным орудием в руках реакции.

2 декабря 1944 г. генерал Сэнэтеску заявил королю об отставке своего правительства.

Однако хотя эти действия привели к обострению внутриполитической борьбы, ее исход в обстановке мощного революционного подъема и в условиях освобождения Румынии Советской Армией был предопределен: реакцию ждало поражение.

После отставки второго правительства Сэнэтеску события развернулись следующим образом.

Национально-демократический фронт был против отставки правительства, он требовал лишь устранения Пенеску, пролившего народную кровь, а также некоторых других реакционеров. При этом условии НДФ в интересах обеспечения наиболее полного участия Румынии в антигитлеровской войне был готов продолжать сотрудничество с буржуазно-помещичьими партиями в правительстве Сэнэтеску. Поэтому он осудил действия реакции, приведшие к новому правительственному кризису, и выступил с заявлением, в котором разоблачил ее маневры. «Ответственность за этот кризис,— говорилось в заявлении Национального совета НДФ,— ложится на реакционные элементы из руководства национал-царанистской партии, посланные в правительство не для честного сотрудничества, а для того, чтобы сорвать лояльное выполнение перемирия, чтобы помешать уничтожению фашизма внутри страны, сорвать демократизацию политической и экономической жизни» [61].

Реакция предприняла шаг, который, как она полагала, позволит ей освободиться от вынужденного сотрудничества с представителями демократических, революционных сил. По совету лидеров буржуазно-помещичьих партий и их западных покровителей король Михай поручил формирование нового правительства генералу Н. Радеску, который считался наиболее подходящей фигурой для осуществления замыслов контрреволюции.

---

[61] «Scînteia», 4.XII 1944.

О том, что ему отводилась именно такая роль, прямо говорилось в одной из изданных в 1947 г. в США книг: «Человек, который, как надеялись «исторические» партии, мог спасти положение,— генерал Радеску казался очень подходящим для этой работы...»[62]

Еще до первой мировой войны Радеску был награжден за беспощадное подавление крестьянского восстания в Васлуе. Позднее ему было поручено возглавлять королевскую жандармерию. Затем он в течение нескольких лет был военным атташе в Англии, а по возвращении в Румынию занимал видные посты в армии. Являясь представителем реакционнейших кругов, Н. Радеску издавна сотрудничал с фашистскими элементами и был почетным председателем легионерской организации «Крестовый поход румынизма». Жестокий и властолюбивый, он пользовался большим влиянием в реакционных кругах румынской армии.

Его назначение на пост главы правительства в условиях развивавшейся народной революции оказалось возможным в силу того, что он выдавал себя за «жертву» режима Антонеску. Радеску действительно в 1941—1942 гг. находился в лагере Тыргу-Жиу, но фактически не был заключенным, так как жил и столовался у коменданта и мог в любое время поехать в Бухарест. Попал он в лагерь отнюдь не за антифашистскую деятельность, которой никогда не занимался, а только потому, что Антонеску увидел в нем конкурента. Вся его вина перед «кондукэторулом» заключалась в том, что в 1941 г. он написал германскому посланнику «негодующее» письмо. Как выяснилось позднее, это послание имело лишь одну цель — «обратить внимание Гитлера на то, что кроме Антонеску и легионеров у него есть возможность опереться в Румынии на силы, возглавляемые Радеску»[63].

Получив мандат на формирование правительства, генерал Радеску выступил перед представителями прессы с заявлением относительно своей программы управления страной.

Объявив себя сторонником активного участия Румынии в антигитлеровской войне и спекулируя на чувствах признательности и любви румынского народа к Советскому Союзу, сыгравшему решающую роль в освобождении Румынии от фашистской тирании, Радеску уверял, что сделает «главным пунктом» своей программы максимальное укрепление дружественных связей с СССР.

Отметив далее, что будет придерживаться курса двух предшествующих правительств реакционного большинства, но при этом действовать «более решительно», он обрушился с угрозами на рабочий класс, который-де «много занимается политикой и митингует». Затем новый глава правительства заявил, что потребует от народа «не злоупотреблять свободой» и что намерен

---

[62] *King W., O'Brien M.* Balkans, Frontier of two Worlds. New York, 1947, p. 128.

[63] См.: *Антосяк А. В.* Указ. соч., с. 193.

«восстановить порядок и дисциплину по всей стране», явно имея в виду удушение демократических сил [64].

Истинную суть программы Радеску, а заодно и расчеты империалистических кругов на то, что он сумеет покончить с развивавшейся в Румынии революцией, тогда же разъяснила западная пресса. Комментируя его заявление, газета «Нью-Йорк таймс» с удовлетворением отмечала, что он намерен «твердой рукой» управлять страной, и выражала надежду, что «под руководством премьера генерала Радеску в Румынии будет обеспечено положение, подобное положению в Греции» [65].

Если учесть, что греческие монархо-фашисты в то время с помощью империалистического вмешательства потопили в крови освободительную борьбу народных масс, то становится ясно, какую участь реакция готовила румынскому народу.

Первым ее шагом в данном направлении и явились попытки сформировать правительство без участия НДФ. Но взять на себя инициативу отстранения его представителей она не могла при уже сложившемся невыгодном для нее соотношении сил. НДФ, партии и организации, входившие в него, опирались на поддержку и выражали интересы широких народных масс, и реакция боялась бросить им открытый вызов. В этих условиях все ее усилия направлялись на то, чтобы НДФ сам отказался от участия в новом составе совета министров. Этим объяснялись и назначение главой правительства махрового реакционера Радеску, и вызывающий характер выдвинутой им программы.

Компартия и возглавляемый ею Национально-демократический фронт считали необходимым удержать свои позиции в управлении страной во имя интересов революции и продолжавшейся антигитлеровской войны. Они также учитывали, что это обеспечит благоприятные возможности для борьбы против попыток проведения антинародной политики. Поэтому НДФ заявил о своем согласии участвовать в новом правительстве, и генералу Радеску ничего не оставалось как примириться с этим. Вместе с тем КПР решительно выступила против реакционных положений объявленной им программы и заявила, что не допустит ни ликвидации завоеванных народом свобод, ни подавления демократических сил.

В сформированном 6 декабря правительстве генерала Радеску Национально-демократический фронт сохранил свои позиции. Глава «Фронта земледельцев» доктор П. Гроза по-прежнему был заместителем премьер-министра, Г. Георгиу-Деж — министром путей сообщения, остались на своих постах и другие представители НДФ.

Но большинство составляли, как и раньше, представители реакционных сил во главе с лидерами национал-царанистов и

---

[64] См.: «Scînteia», 6.XII 1944.
[65] «New York Times», 10.XII 1944.

национал-либералов. Причем премьер-министр генерал Радеску взял себе также портфель министра внутренних дел, а на пост военного министра назначил своего ставленника генерала Негулеску. И хотя положение в стране все больше определялось народными массами, с созданием правительства Радеску реакция усилила свои попытки воспрепятствовать нежелательному для нее развитию событий. «Обе реакционные партии — НЦП и НЛП, писал впоследствии по этому поводу Г. Георгиу-Деж, сохранили в этом правительстве руководящую роль, саботируя условия перемирия с СССР, упрямо выступая против требований осуществить демократические реформы» [66].

Революционные силы во главе с компартией применили в этих условиях тактику, способствовавшую быстрому разоблачению реакционного большинства в правительстве Радеску.

Учитывая, что оно на словах выступало за искоренение фашизма, КПР решила дать народным массам возможность самим убедиться в истинном характере такой политики. Поскольку генерал Радеску, пытаясь ввести в заблуждение общественность страны, утверждал, что проведение чистки фашистских элементов «по официальной линии» якобы тормозится тем, что ее «анархически» ведет само население без санкции правительственных органов, организационная комиссия профсоюзного движения по предложению компартии сделала следующее заявление: «Принимая во внимание обещание генерала Радеску провести чистку предприятий от гитлеровцев и других враждебных элементов, рабочие предоставляют ему приоритет в данном деле. Но как следствие этого мы требуем от правительства решительного перехода к действиям». Одновременно комиссия призвала трудящихся временно приостановить чистку, которую они проводили сами.

Жизнь подтвердила правильность этой тактики. Радеску и его единомышленники, как и следовало ожидать, по-прежнему ничего не делали для изгнания фашистских элементов из государственного аппарата и руководства экономикой. Более того, они с первых же дней предприняли попытки любой ценой восстановить прежнюю реакционную администрацию в тех местах, где народ заменил ее своими избранниками. 13 декабря Радеску отдал приказ сместить демократического префекта г. Брашова, ввести в префектуру войска и в случае сопротивления применить оружие.

Эти действия вызвали гнев и возмущение жителей города. В результате возникла опасность кровопролития, которая была устранена лишь благодаря вмешательству советского представителя — уполномоченного Союзной Контрольной Комиссии. По его требованию посланная правительством воинская часть была выведена из префектуры и восстановлен порядок [67].

---

[66] *Gheorghiu-Dej Gh.* Articole şi cuvintări. Bucureşti, 1950, p. 103.
[67] См.: Arhiva MFA, dos. 1, vol. IV, f. 373.

Провалились подобные попытки и в других местах. Большую роль в этом сыграло присутствие советских войск, которое лишило румынскую контрреволюцию возможности провоцировать вооруженные столкновения с целью силой навязать народным массам свою волю. Исключительно важное значение для разоблачения антинационального и антидемократического курса реакционного большинства правительства Радеску имело заявление ТАСС 29 декабря 1944 г. В нем указывалось, что ряд статей соглашения о перемирии, в том числе предусматривающих демократизацию страны и наказание военных преступников, попрежнему выполняется неудовлетворительно [68].

Деятельность Радеску, направлявшаяся лидерами буржуазно-помещичьих партий, способствовала и их дальнейшему разоблачению. Кроме того, их собственные действия показали, что они заинтересованы в сохранении фашистских элементов в органах управления для борьбы против развивающейся народной революции. Так, «исторические» партии, заключив 16 декабря 1944 г. соглашение с Национально-демократическим фронтом о проведении выборов административных органов в 11 уездах, сорвали его выполнение.

Таким образом, народные массы еще раз воочию убедились в том, что только в борьбе с реакцией они смогут добиться демократизации страны и решения ее насущных проблем. Результатом этого явились дальнейшее резкое ослабление влияния «исторических» партий среди населения, усиление нажима демократических сил.

Под их давлением и по требованию представителей НДФ правительство приняло декрет об отмене фашистского расового законодательства (18 декабря 1944 г.), закон о преследовании и наказании военных преступников и лиц, виновных в бедствиях страны (20 января 1945 г.), и статут равноправия национальных меньшинств (6 февраля 1945 г.). Но для их претворения в жизнь правительство Радеску ничего не делало.

Особенно упорно уклонялись они от борьбы с фашистскими преступниками. Те, кто должен был предстать перед судом за свои злодеяния, все еще занимали видные посты в различных звеньях государственного управления. Даже официальный список военных преступников был опубликован лишь 1 февраля. «Потребовалось пять месяцев,— писала по этому поводу «Скынтейя»,— чтобы констатировать, что предатели Антонеску, Эуджен Кристеску и другие являются военными преступниками. Пять месяцев шли дискуссии, сменились три правительства, и, наконец, появилось сообщение о том, что арестовано 65 военных преступников, хотя, как известно, Ион и Михай Антонеску, генералы Пантази, Василиу и другие были арестованы еще 23 августа».

---

[68] См.: «Красная звезда», 1944, 29 декабря.

Но и после этого реакция делала все возможное, чтобы спасти от заслуженного наказания как можно больше своих подопечных. Усиленную деятельность в этом направлении развили Ю. Маниу и Д. Брэтиану. Они выступали против ареста железногвардейских бандитов, настаивали на смягчении мер в отношении легионеров. Направляемые ими власти освобождали из тюрем арестованных военных преступников, предоставляя им возможность скрыться от правосудия. Даже празднование Нового, 1945 года префектура Бухареста использовала для того, чтобы выпустить из заключения 107 легионеров.

Таким образом, с приходом к власти генерала Радеску борьба между реакцией и демократическими силами страны приняла еще более острый характер. Отстаивая свои позиции, эксплуататорские классы перешли к организации открытых нападений на помещения демократических организаций, на руководителей рабочего движения. В декабре 1944 г. было совершено покушение на П. Гроза. В то же время Радеску вновь ополчился против вооруженных отрядов патриотической гвардии, дававших отпор нападениям со стороны румынской реакции.

Но попытки распустить их не увенчались успехом, так как в значительной части страны местные власти к тому времени находились в руках народных представителей. Например, в Северной Трансильвании последние возглавляли девять из 11 уездных префектур, а также большинство других звеньев местного административного аппарата. Они не только воспротивились роспуску отрядов демократической гвардии, но и содействовали их борьбе с фашистскими элементами. А в уезде Бихор, например, по инициативе уездного комитета КПР была создана народная полиция, состоявшая из рабочих и успешно выполнявшая задачу защиты революционных завоеваний и обеспечения общественного порядка.

В декабре в ряде мест население также сформировало новые вооруженные отряды для борьбы против бандитских вылазок фашистов. Решительное сопротивление встретили и в других районах страны усилия Радеску, направленные на восстановление старых порядков. Так, он вынужден был отказаться от попытки распустить вооруженные рабочие отряды в Молдове и Буковине, ибо уездные префекты этих областей отвергли это его требование[69].

В поисках реальной силы для борьбы с революционным движением генерал Радеску стремился привлечь на свою сторону армию. Поощряемое им реакционное офицерство, сосредоточенное главным образом в тыловых частях, терроризировало рядовой состав, стремясь помешать пробуждению в нем политической сознательности и превратить его в беспрекословных исполните-

---

[69] См.: Din lupta PCR pentru închegarea alianţei între clasă muncitoare şi ţărănimea, vol. I. p. 78.

лей своих приказов. Солдатам внушали, что «дела могут измениться очень скоро», и тогда, мол, тем, кто «занимается политикой», не сдобровать.

Смысл этих угроз сводился к тому, что революция якобы будет разгромлена с помощью англо-американских войск. Именно так изображали дело и газеты буржуазно-помещичьих партий, которые усиленно распространяли среди солдат профашистски настроенные офицеры. Кстати, национал-царанистская и национал-либеральная пресса вела также разнузданную националистическую и антисоветскую пропаганду, подстрекала к активным действиям против демократических сил.

На националистических настроениях охотно играл и Радеску. Видя невозможность силой подавить непрерывно нараставшую революционную борьбу трудящихся, он стал призывать к классовому примирению во имя национальных интересов.

Любопытно, что увещевал он подобным образом... коммунистов, стоявших во главе революции. Естественно, заклинания Радеску не могли иметь успеха, который добивался «классового мира» в интересах буржуазии и помещиков, лицемерно призывая «всех румын» к некоему «согласию».

Тем временем, потерпев неудачу в использовании тыловых войск для борьбы против революции, он начал отзывать с фронта некоторые пехотные и даже танковые части, на которые, как ему казалось, он мог рассчитывать. Делалось это под видом заботы об интересах страны, а в действительности с целью получить в свое распоряжение крупные силы и заодно помешать румынскому народу внести достойный вклад в разгром на заключительном этапе войны против гитлеровской Германии.

Так возникла тенденция к сокращению военных усилий Румынии под предлогом истощения людских и материальных ресурсов страны. На одном из заседаний правительства начальник генерального штаба заявил, что румынская армия может участвовать в войне еще не более полутора-двух месяцев, причем «в меньших размерах». Приведя различные надуманные доводы, он в заключение своего выступления все же раскрыл действительную цель своего предложения — сосредоточить основные силы румынской армии внутри страны для последующего вооруженного подавления революции в интересах сохранения буржуазно-помещичьего господства. «...В наших интересах,— заявил он,— чтобы в момент, когда завершится 5-й акт и упадет занавес (т. е. окончится война.— *Н. Л.*), мы смогли остаться на сцене»[70].

В целях подрыва военных усилий страны министры-реакционеры, как и прежде, препятствовали восстановлению экономики, разрушенной войной и гитлеровским грабежом, принимали меры к еще большей дезорганизации хозяйственной жизни. Так,

[70] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8494, ff. 16—17.

министр национальной экономики национал-царанист Леукутья совместно с директором управления нефтяной промышленности Андоние, занимавшим этот пост и при Антонеску, составил план сокращения добычи нефти. Намечалось также закрыть некоторые нефтеочистительные заводы, производившие бензин для нужд антигитлеровского фронта. Национал-царанист Худице, стоявший во главе министерства сельского хозяйства, саботировал подготовку к весеннему севу, срывал ремонт машин и инвентаря, заготовку семян и горючего для тракторов, что имело тяжелые последствия для урожая 1945 г.

Чтобы вызвать недовольство населения ведением антигитлеровской войны, они перекладывали всю тяжесть связанных с этим расходов на плечи трудящихся путем повышения налогов и проведения реквизиций у крестьян. Очередная диверсия была осуществлена в декабре 1944 г. в связи с выпуском «займа восстановления». В соответствии с условиями, разработанными министерством финансов, приобретение этих облигаций давало право на покупку специальной золотой медали, на чеканку которой было выделено три вагона золота из фондов Национального банка. Таким образом была распродана часть золотого запаса страны, что привело к усилению инфляции и обогащению имущих классов.

С первых же дней своего правления Радеску повел яростную борьбу против захвата и раздела помещичьих земель. Он пытался даже прибегнуть к репрессиям в отношении крестьян, явочным путем осуществлявших аграрную реформу. Одновременно применялась тактика обещаний. Радеску уверял крестьянство, что правительство само проведет аграрную реформу. А для того чтобы показать, будто ее осуществление уже предрешено, премьер-министр направил на места специальный вопросник и пообещал, что присланные крестьянами ответы-пожелания будут учтены правительством при выработке закона об аграрной реформе.

Между тем и без «вопросника» было ясно, какой аграрной реформы хотели труженики деревни. Об этом свидетельствовали имевшиеся у правительства данные о массовом захвате и разделе помещичьих земель. Кроме того, оно располагало множеством документов, не только отражавших основные требования крестьянства, но и содержавших детальную разработку главных положений аграрной реформы.

Чтобы представить характер таких документов, целесообразно привести один из них — решение демократической префектуры уезда Тутова, принятое на основе обсуждения этого вопроса в селах. Оно гласило:

«Статья 1. Все поместья свыше 50 га, независимо от характера земли — пахотная, луга, лес и т. п., переходят в пользование крестьян на основе актов о передаче земли.

Статья 2. Поместья, собственники которых бежали после

23 августа 1944 г. и до сего времени не вернулись, если они даже управлялись присланными помещиками людьми, полностью подлежат разделу между крестьянами.

Статья 3. Земли, которые трудно поделить, как-то: луга, сенокосы, будут взяты под контроль и распоряжение сельских комитетов.

Статья 4. Недвижимое имущество помещичьих имений, как-то: дома и хозяйственные постройки, ульи, мельницы — также переходят в собственность сельских комитетов, которые позаботятся об их использовании.

Статья 5. Сельскохозяйственная палата и ее органы совместно с административными органами и сельскими комитетами примут срочные меры для проведения в жизнь упомянутых выше положений.

Статья 6. Сельские комитеты вместе с административными органами коммун немедленно составят списки крестьян, имеющих право на получение земли из помещичьих владений, руководствуясь следующей очередностью:

а) солдаты, которые сражались или сражаются на фронте борьбы против германского фашизма, не имеющие земли или имеющие малые участки;

б) вдовы солдат, сироты и инвалиды войны — безземельные или малоземельные;

в) селяне, не имеющие земли;

г) малоземельные селяне, способные обработать дополнительную землю.

Статья 7. Размер наделов устанавливается в соответствии с количеством экспроприируемой помещичьей земли в уезде и количеством членов семьи, внесенных в списки.

Статья 8. В случае, если размеры конфискуемого помещичьего имения окажутся больше той площади, которая необходима для наделения крестьян землей по упомянутой выше норме, оставшаяся земля будет распределена между крестьянами соседних коммун, где ее будет недостаточно. При этом будет соблюдаться очередность в наделении землей, установленная той коммуной, где проживает крестьянин.

Статья 9. Сельскохозяйственный инвентарь, находящийся в поместьях уезда, будет распределен среди крестьян, совершенно не имеющих его. Что касается тракторов, триеров, двигателей и т. п., то они перейдут к коммунальным комитетам и под контроль вышестоящих органов.

Статья 10. Последующий регламент дополнит и расширит положения настоящего распоряжения»[71].

Это решение представляет большой интерес, поскольку он показывает, что на местах в сущности уже нашли единственно правильное решение одной из важнейших в тот момент экономи-

[71] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8486, ff. 81—82.

ческих проблем страны — ликвидации феодальных пережитков в деревне. Содержание документа, кроме того, свидетельствует, что разработанная компартией платформа НДФ стала программой революционной борьбы всего трудового крестьянства страны.

Примечательная его особенность заключалась и в том, что он представлял собой не обращенную к правительству просьбу и не предложение, а обязательное решение, подлежащее безотлагательному выполнению на территории уезда. А тот факт, что этот документ был одним из многих, означал: крестьянские массы в союзе с рабочим классом и под руководством его авангарда КПР практически уже приступили к осуществлению аграрной реформы революционным путем.

Подобные решения местных демократических властей вызывали ярость у реакции. На заседании правительства 14 декабря 1944 г. Радеску назвал эти действия «анархическими» и заявил, что не допустит «незаконной» конфискации помещичьих владений. Национал-либералы также открыто выступали в качестве защитников крупного помещичьего землевладения, утверждая, будто его ликвидация приведет к упадку сельскохозяйственного производства.

Национал-царанисты фактически придерживались такой же точки зрения.

Один из лидеров этой партии, И. Михалаке, еще недавно выступивший в качестве горячего приверженца Антонеску, заявил на заседании комиссии, что аграрный вопрос следует разрешить не путем наделения крестьян землей, а созданием образцовых помещичьих ферм. Выступая против предложения НДФ о предельном размере поместий в 50 га, он требовал не ограничивать количество земли для «тех хозяйств, которые находятся в хорошем состоянии», т. е. помещичьих владений.

Против аграрной реформы высказывались и реакционные «специалисты». Они утверждали, что этот вопрос якобы требует длительного изучения, которое «может продлиться год-два, а может быть, и десять лет». В целом все противники аграрной реформы полностью солидаризировались с Радеску, который считал ее «несвоевременной», хотя и выступал с обещаниями удовлетворить требования крестьян.

Чтобы создать видимость, будто правительство хочет удовлетворить чаяния крестьян, совет министров создал «комиссию по изучению вопроса об аграрной реформе». В ее состав были включены 19 человек, в том числе всего лишь четыре представителя Национально-демократического фронта. Таким образом, большинство в ней принадлежало деятелям «исторических» партий и их ставленникам — «специалистам», выступавшим против аграрной реформы. Причем возглавил комиссию национал-царанистский министр сельского хозяйства Худице, а его ближайшими помощниками стали крупный помещик национал-либерал

Берчану и бывший министр земледелия в правительстве военно-фашистской диктатуры Мареш, впоследствии осужденные вместе с главными румынскими военными преступниками.

Само собой разумеется, что такая комиссия была не в состоянии выработать конкретных предложений по проведению аграрной реформы. В то время как представители Национально-демократического фронта требовали скорейшего ее осуществления самими крестьянами в соответствии с платформой НДФ, реакционное большинство комиссии стремилось вообще не допустить экспроприации помещичьих земель. Сведя работу комиссии к бесплодным дискуссиям о характере аграрной реформы и сроках ее проведения, оно по существу вело дело к срыву решения важнейшего вопроса румынской революции. Сбросив маску «нейтрала» и «демократа», под которой он вначале пытался скрыть свое подлинное лицо, Радеску открыто действовал в интересах реакции. Причем все больше обнаруживал диктаторские замашки. Так, чтобы протащить угодные решения, он нередко проводил заседания правительства, не приглашая на них министров — представителей НДФ, и прямо заявлял, что их участие мешает достижению его целей [72].

Цели же эти ясно обнаруживала осуществлявшаяся им политика. Реакционный внутриполитический курс сочетался в ней с саботажем условий перемирия и лишь слегка замаскированной, но совершенно определенной антисоветской линией.

Реакционеры во главе с Радеску делали все возможное для того, чтобы сорвать активное участие Румынии в антигитлеровской войне. Вопреки соглашению о перемирии и воле румынского народа они уклонялись от отправки на фронт необходимых пополнений. В результате, например, на 1 января 1945 г. румынская действующая армия была укомплектована личным составом лишь на 70%, а некоторые ее дивизии и того меньше — на 45—57% [73]. Это вело не только к снижению боеспособности войск, но и как следствие его к увеличению потерь при выполнении боевых задач. Цель подобных действий Радеску и его приспешников из правительства и румынского генштаба, начальником которого стал откровенный противник участия Румынии в антигитлеровской войне бывший премьер-министр Сэнэтеску, как было впоследствии документально установлено, состояла в том, чтобы вызвать в войсках недовольство и нежелание сражаться против гитлеровцев [74].

Радеску также способствовал созданию различных фашистских банд, чтобы опереться на них в борьбе против демократических сил. В результате взамен ликвидированных возникали новые террористические организации, получавшие для устрашения населения такие названия, как «Голос крови», «Черные

[72] См.: АВП СССР, ф. 454, оп. 2, п. 82, д. 4, л. 71.
[73] АВП СССР, ф. 454, оп. 2, п. 511, д. 1831, лл. 31—34, 187.
[74] АВП СССР, ф. 395, оп. 9134, д. 12, л. 50.

кафтаны» и т. п. Непосредственно руководил их созданием, вооружением и бандитскими действиями другой приспешник Радеску — бывший министр внутренних дел генерал Алдя, причем он регулярно отчитывался в этой своей деятельности перед главой правительства, а также королем Михаем [75].

В то время как демократические силы во главе с рабочим классом достигли немалых успехов в очищении предприятий и многих звеньев государственного и местного управления от фашистских элементов, последними все еще было засорено значительное число важнейших учреждений, находившихся в ведении министров-реакционеров или самого Радеску. Причем между ними и террористическими бандами по существу было налажено тесное взаимодействие. Фашистские головорезы из «Голоса крови» и «Черных кафтанов» могли поэтому в ряде мест безнаказанно совершать зверские расправы над населением, а также враждебные действия в отношении работавших в стране военнослужащих Советской Армии.

Ввиду такого недопустимого положения Союзная Контрольная Комиссия по указанию маршала Р. Я. Малиновского была вынуждена сделать новое представление румынскому правительству. Указав на наличие в стране подпольных фашистских организаций, а также их пособников в полиции, судах, военных учреждениях и в ряде воинских частей, она потребовала принятия действенных мер по очистке государственного аппарата и наказанию преступников в соответствии с соглашением о перемирии [76].

Как видно из сказанного, приход к власти генерала Радеску не только не положил конец антинародной политике реакции, вследствие которой под натиском возмущенных масс пало правительство Сэнэтеску, но и придал ей еще более определенный профашистский характер. Дальнейшие события показали, что новый премьер-министр вынашивал далеко идущие замыслы возрождения диктаторского режима и с этой целью готовился силой подавить революционное движение.

Однако по мере того как кучка реакционеров в правительстве своим антинародным курсом разоблачала себя в глазах народа, внутриполитическая борьба в стране усиливалась, приобретая все большую остроту. Одновременно нарастало сопротивление масс реакционному курсу правительства Радеску.

В своем новогоднем обращении к рабочим, крестьянам, интеллигенции, солдатам и офицерам Совет Национально-демократического фронта, указав, что реакционеры не выполняют программы, на базе которой было сформировано коалиционное правительство Радеску, подчеркивал опасность проводимой ими политики саботажа условий перемирия и ухудшения отношений с

---

[75] См.: *Антосяк А. В.* Указ. соч., с. 197.

[76] Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2839, д. 36, л. 21.

Советским Союзом. «Только вместе с СССР,— указывалось в обращении,— Румыния обеспечит себе свободу и независимость».

Совет НДФ призвал еще настойчивее бороться за уничтожение остатков фашизма, за демократизацию страны, арест военных преступников и конфискацию их имущества в фонд покрытия репараций, за облегчение тягот войны, возложенных на плечи трудящихся, против спекуляции, за общественный контроль над производством и распределением, немедленное осуществление реформ, намеченных программой Национально-демократического фронта. В обращении также содержался призыв к крестьянам разделить помещичьи земли, чтобы уже весной провести на них сев[77].

КПР учитывала, что саморазоблачение правительства Радеску и стоявших за ним «исторических» партий вело к их полной изоляции от народных масс. Это делало возможным выдвижение лозунга отстранения реакционеров от власти и создания правительства Национально-демократического фронта. Тем более что к тому времени компартия завершала мобилизацию и организацию сил пролетариата и его главного союзника в борьбе за завершение задач буржуазно-демократической революции — крестьянства.

В начале 1945 г. закончилась работа по созданию единых профсоюзов. Съезды отраслевых профсоюзных объединений продемонстрировали единство пролетариата, выкованное в огне боев за поддержку антигитлеровского фронта, восстановление разрушенного войной хозяйства и демократизацию страны, показали, что рабочий класс все решительнее выступал как руководящая сила румынского народа. Это особенно ярко продемонстрировал состоявшийся 26—30 января 1945 г. в Бухаресте в здании румынского парламента первый свободный всеобщий съезд объединенных профсоюзов Румынии.

В докладах, с которыми выступили на съезде Киву Стойку и Георге Апостол, а также в выступлениях делегатов подчеркивались успехи в деле восстановления профсоюзного движения и борьбы за экономические и политические права рабочего класса. К тому времени в стране было уже 12 профсоюзных объединений, насчитывавших 519 тыс. членов. Профсоюзы вынуждали правительство считаться с ними и дважды заставили его принимать постановления о повышении заработной платы, соблюдении восьмичасового рабочего дня и выполнении ряда других требований трудящихся.

В то же время организованный пролетариат проявил высокий патриотизм и политическую зрелость. Преодолевая огромные трудности и лишения, он самоотверженно восстанавливал экономику и обеспечивал военные усилия Румынии на антигитлеровском фронте. Ему принадлежала ведущая роль в народной рево-

---

[77] См.: «Scînteia», 3.I 1945.

люции, объединившей вокруг него крестьянство и все прогрессивные силы страны.

На съезде были подведены первые итоги очистки предприятий от фашистских элементов и саботажников производства. Как отметили все выступавшие, в этой большой и еще продолжавшейся работе активно участвовали труженики всех заводов и фабрик. Рабочие так же решительно действовали в ходе замены реакционных властей на местах демократическими, помогали крестьянству в его борьбе за землю и лучшую долю. Делегаты съезда в своих выступлениях подчеркивали, что борьба за демократизацию страны, за осуществление аграрной реформы, против экономического саботажа буржуазии и помещиков, за активное участие Румынии в войне еще не закончена и что успешное решение всех этих задач зависит в первую очередь от установления подлинно демократической власти. Как отмечал Г. Георгиу-Деж, речи делегатов показали, что румынский пролетариат вплотную и по-серьезному приступил к решению политических проблем страны[78].

Съезд принял решение о создании Всеобщей конфедерации труда на основе революционных принципов единства профсоюзного движения и пролетарского интернационализма. Он также заявил, что всякая попытка подрыва этих принципов будет рассматриваться как преступление против трудящихся. Таким образом, важнейшим итогом съезда явилось укрепление Единого рабочего фронта, усиление руководящей роли пролетариата во главе с компартией в борьбе трудящихся масс против буржуазно-помещичьего господства.

В том, что румынский рабочий класс сплотил вокруг себя широкие массы крестьянства, увидевшего в нем своего верного союзника и руководителя в борьбе за избавление от гнета, эксплуатации и нищеты, важнейшая заслуга принадлежала компартии.

Большую роль в укреплении союза пролетариата с трудовым крестьянством играл работавший под руководством КПР «Фронт земледельцев». Его организации на селе стали признанными вожаками крестьянских масс. Это вновь подтвердили проходившие в то время областные конференции по выборам руководящих органов «Фронта земледельцев». Они продемонстрировали твердую решимость крестьянства крепить союз с пролетариатом, бороться за создание демократического правительства и осуществление аграрной реформы до весны 1945 г.

Так, на конференции в Мехединци делегаты крестьян приняли решение устранить оставшиеся фашистские элементы в местной администрации и революционным путем ликвидировать помещичье землевладение. Присутствовавшие на заседании рабочие

---

[78] См.: Dezbaterile primului Congres general liber al sindicatelor unite din Romînia. București, 1945, p. 147.

заявили, что всеми силами поддержат борьбу тружеников села. Такие же постановления принимались и на других конференциях. В Яссах, например, организация «Фронта земледельцев» в своей резолюции подчеркивала: «Только совместная борьба трудящихся города и деревни может привести к удовлетворению наших требований» [79].

На путь борьбы за демократизацию и прогресс становилась и мелкая городская буржуазия, страдавшая от экономического саботажа и инфляции. Это также вело к дальнейшему ослаблению позиций крупной буржуазии и помещиков, усиливало изоляцию «исторических» партий.

Изменение соотношения сил на политической арене в пользу демократии и открывающаяся в связи с этим возможность поставить у власти в стране такое правительство, которое обеспечило бы проведение назревших революционных преобразований, были своевременно учтены компартией. По ее предложению Национально-демократический фронт выдвинул 28 января 1945 г. свою программу управления страной, поставив на повестку дня, таким образом, задачу устранения власти реакции и установления народно-демократического строя.

В «Правительственной программе НДФ» на основе всестороннего анализа внутреннего и международного положения Румынии делался вывод о том, что имеются все условия для быстрого восстановления и развития народного хозяйства, однако они не используются реакцией, окопавшейся в правительстве и руководстве экономикой. Антинародная политика, направляемая руководящими кругами национал-царанистской и национал-либеральной партий, отмечалось далее в программе, поощряет также саботаж и проволочки при выполнении условий перемирия, препятствует демократизации управления и осуществлению экономических и социальных реформ, что привело к тяжелым для страны последствиям.

Подчеркивая, что вся ответственность за создавшееся катастрофическое положение ложится на руководство буржуазно-помещичьих партий и реакционные круги в целом, Национально-демократический фронт указывал, что единственным выходом являются отстранение реакции от власти, создание правительства НДФ. «Только правительство Национально-демократического фронта,— говорилось в этом документе,— способно ликвидировать недоверие к Румынии со стороны Советского Союза и его союзников. Только правительство Национально-демократического фронта способно положить конец спекуляции, дороговизне, экономическому хаосу и прекратить страдания народных масс — рабочих, крестьян, чиновников и интеллигенции. Только правительство Национально-демократического фронта сможет обеспечить нормальные условия деятельности промышленников,

---

[79] «Studii». 1954, N 1, p. 75.

коммерсантов, ремесленников, которые желают сотрудничать в деле экономического и финансового восстановления нашей страны»[80].

Одними из главным пунктов сформулированной Национально-демократическим фронтом программы являлись обеспечение максимального участия Румынии в антигитлеровской войне, точное и лояльное выполнение соглашения о перемирии, установление подлинно дружественных отношений со всеми демократическими странами, в особенности с Советским Союзом. Другая первостепенная задача состояла в ликвидации остатков фашизма, аресте и предании суду военных преступников, чистке государственного аппарата, проведении политики братства между национальностями, проживающими в Румынии.

В экономической области предусматривались восстановление и развитие народного хозяйства, ликвидация безработицы и повышение материального и культурного уровня жизни масс, немедленное осуществление аграрной реформы путем конфискации помещичьих владений свыше 50 га, а также земель военных преступников, гитлеровской агентуры и саботажников с целью распределения между безземельными и малоземельными крестьянами.

«Правительственная программа НДФ», повторяя в основном требования платформы Национально-демократического фронта принятой в сентябре 1944 г., содержала и некоторые новые положения. Их включение было продиктовано изменениями, происшедшими в общественно-политической жизни Румынии. Так, предусматривались восстановление румынской администрации в Северной Трансильвании путем демократизации местных органов власти в этой провинции, реорганизация и демократизация армии, принятие мер к скорейшему возвращению румынских военнопленных, находившихся в Советском Союзе. В целях обеспечения промышленности сырьем и оборудованием намечалось установление постоянного торгового обмена со всеми демократическими странами.

Этот документ, отражавший насущные интересы демократического развития страны, встретил горячую поддержку широких народных масс. Повсюду в Румынии проходили собрания, митинги и демонстрации, на которых принимались решения требовать передачи власти в руки правительства Национально-демократического фронта.

В числе первых одобрили программу НДФ рабочие бухарестских предприятий «Малакса», «Леметр», «Леонида» и других, фабрики «Скандиа» в Сибиу, авиационного завода «И. А. Р.» в Брашове, предприятий «Ромыно американа» в Плоешти и трудящиеся Галаца. В резолюции, принятой на собрании рабочих и служащих бухарестской фабрики «Вулкан», говорилось: «Мы не

[80] «Scînteia», 29.I 1945.

прекратим борьбу до тех пор, пока в нашей стране не будет стоять у власти правительство Национально-демократического фронта... Только такое правительство может удовлетворить требования, выдвигаемые румынским народом»[81].

Под лозунгом «Хотим правительство НДФ!» массовые демонстрации следовали одна за другой в Бухаресте и других городах Румынии. Число демонстрантов росло изо дня в день, свидетельствуя о притягательной силе программы НДФ и решимости масс претворить ее в жизнь. 2 февраля на митинг в Бухаресте собралось около 300 тыс. человек. 4 февраля в демонстрациях принимали участие в Плоешти и Констанце по 30 тыс., в Тырговиште — 10 тыс., в Брэиле — 8 тыс. человек. В последующие дни число демонстрантов в столице возросло до 500 тыс., в Плоешти — до 60 тыс., в Брэиле — до 10 тыс.

«Правительственную программу НДФ» с огромным энтузиазмом встретили румынские крестьяне. Отражая их чаяния, «Фронт земледельцев» выпустил манифест, в котором говорилось: «Нам нечего ждать от нынешнего правительства. Немедленно переходите к осуществлению программы! Боритесь за правительство Национально-демократического фронта!»[82]

Поддержку программе НДФ выразили многочисленные профессиональные организации, в том числе демократические группы инженеров и агрономов, медиков и владельцев ремесленных мастерских.

Против этой программы выступало руководство «исторических» партий. Но оказалось, что оно уже не может рассчитывать на сколько-нибудь значительную поддержку даже со стороны своих сторонников. Так, редакция национал-царанистской газеты «Дрептатя» подготовила к печати передовую статью, содержавшую клеветнические нападки на Национально-демократический фронт. Рабочие типографии отказались ее набирать. Когда же она все-таки была опубликована[83], против высказанных в ней положений выступили многие рядовые члены национал-царанистской и национал-либеральной партий.

Несогласие с руководством и поддержку программы Национально-демократического фронта выразили даже некоторые местные организации НЦП и НЛП. В начале февраля подобные решения вынесли организации этих партий в Яссах, Сату-Маре, Быстрице, Нямпе, Пьептэнаре, Сомеше и других районах страны. Одновременно начался массовый выход крестьян из НЦП. Возмущенные позицией ее руководства в земельном вопросе, они предпочли вступить в «Фронт земледельцев», который, как это им уже становилось ясно, был верным защитником интересов сельских тружеников.

---

[81] «Scînteia», 3.II 1945.

[82] *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя (1944—1947). М., 1963, с. 258.

[83] См:. «Dreptatea», 1.II 1945.

Все это означало разложение «исторических» партий, отражавшее глубокий кризис буржуазно-помещичьих порядков, доживавших свои последние дни.

Важно отметить, что многие положения программы НДФ способствовали налаживанию его сотрудничества с некоторыми другими политическими группировками, в том числе и буржуазными, реалистически оценившими обстановку. Этому способствовало и то, что Национально-демократический фронт не включил в «Правительственную программу» содержавшиеся в сентябрьской платформе пункты о национализации крупнейших банков и основных картелей. Временный отказ от такой меры был продиктован правильной оценкой тогдашней обстановки, требовавшей сотрудничества со всеми силами, заинтересованными в восстановлении экономики, в том числе и с финансистами, промышленниками и торговцами.

Используя углубившиеся противоречия в рядах эксплуататорских классов, компартия привлекла на сторону демократических сил буржуазные группировки, выразившие готовность сотрудничать в деле осуществления «Правительственной программы НДФ».

Так была укреплена связь с отколовшейся от национал-либеральной партии группой Г. Татареску. Представляя интересы части буржуазии, понесшей определенный ущерб в период военно-фашистской диктатуры, она сотрудничала с КПР еще до 23 августа 1944 г. Будучи также противником революционных преобразований, что он и показал впоследствии, ее лидер, однако, в рассматриваемый момент трезво оценивал обстановку, считал необходимым сближение с демократическими силами внутри страны и сотрудничество с антигитлеровскими государствами, в том числе с СССР, на внешнеполитической арене. В этом было его отличие от руководителей «исторических» партий, строивших свои расчеты на ожидании конфликта внутри антифашистской коалиции между СССР, с одной стороны, и США и Аиглией — с другой.

Во второй половине февраля к Национально-демократическому фронту присоединилась и вышедшая из национал-царанистской партии группа во главе с А. Александреску.

Огромное влияние на дальнейшее развитие событий в Румынии оказала «Декларация об освобожденной Европе», принятая на Крымской конференции глав правительств СССР, США и Англии, которая состоялась 4—11 февраля 1945 г. Этот документ, как известно, предусматривал оказание помощи «народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств — сателлитов оси в Европе при решении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем». В нем также указывалось: «Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит

освобожденным народам уничтожить последние остатки нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору»[84].

В связи с опубликованием «Декларации об освобожденной Европе» КПР организовала широкую популяризацию этого документа. Совет НДФ в своем заявлении подчеркнул, что, как подтвердила Крымская конференция, только правительство, широко представляющее все демократические элементы населения, способно разрешить прогрессивными методами жизненно важные проблемы страны и что, следовательно, оно не может состоять из реакционеров вроде Радеску и руководителей «исторических» партий. Газета «Скынтейя» в те дни отмечала, что решения Крымской конференции еще яснее показали путь, по которому должен идти румынский народ[85].

К тому времени народные массы Румынии во главе с компартией с новой силой развернули борьбу за революционное осуществление программы Национально-демократического фронта.

Внутри страны главные усилия направлялись на проведение аграрной реформы.

Еще в первых числах февраля, после того как «комиссия по изучению вопроса об аграрной реформе» выявила свою реакционную сущность, крестьянство поняло, что оно не получит землю от правительства Радеску. Учитывая это, компартия приняла решение рекомендовать представителям НДФ выйти из состава комиссии. Одновременно по призыву «Фронта земледельцев» крестьяне начали создавать свои органы по проведению аграрной реформы. Это были комитеты, избираемые тружениками села и призванные «вместе со всем организованным крестьянством бороться за конфискацию помещичьих имений размером выше 50 га»[86]. Они немедленно приступили к составлению списков нуждающихся в земле и обмеру конфискуемых помещичьих земель, чтобы еще до наступления весны завершить их распределение.

Вслед за тем «Фронт земледельцев» предложил всем своим местным организациям перейти к повсеместному осуществлению аграрной реформы снизу и взять на себя руководство этим делом. Им также было разъяснено, что помещичья земля подлежала конфискации без всякого возмещения и что крестьяне выплатят государству в течение 10—20 лет сумму, равную стоимости одного урожая с полученного участка. «От стоящего у власти правительства,— указывалось в обращении,— нечего ждать добра. Нельзя терять время. Приступайте немедленно к работе.

---

[84] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. III. М., 1947, с. 105.

[85] «Scînteia», 17.II 1945.

[86] Frontul «plugarilor», 7.II 1945.

Ваша судьба в ваших руках. Сплотите ряды, соберите силы и осуществляйте немедленно аграрную реформу»[87].

Для оказания помощи крестьянству в организованном и быстром проведении аграрной реформы по инициативе компартии из промышленных центров были направлены в село десятки тысяч рабочих[88]. Насколько необходимыми были эти меры, видно из того, что крестьянство немедленно приступило к их осуществлению. В течение двух-трех недель раздел помещичьих земель охватил всю страну.

Попытки Радеску репрессиями остановить этот процесс оказались безуспешными. В селе Моцицей жандармы арестовали 17 членов сельского комитета аграрной реформы и отправили их в Крайову в военный трибунал, но тот под давлением масс, руководимых коммунистами, был вынужден освободить их. Вернувшись домой, крестьяне завершили раздел помещичьих земель. В коммуне Бэйнец «за подстрекательство крестьян к захвату помещичьих земель» были задержаны два бухарестских рабочих. На их защиту поднялось все сельское население Рэдэуцского уезда. И оно добилось освобождения рабочих.

Все это свидетельствовало о том, что крестьяне были уверены в своей правоте и при поддержке рабочих действовали без колебаний. Они выражали решимость любой ценой отстоять полученные ими участки. «Мы скорее умрем на борозде, чем уйдем»,— заявили крестьяне деревень Линчени и Драгичени, когда жандармы попытались согнать их с помещичьей земли[89].

Для борьбы против крестьянских масс, захватывавших помещичьи земли, Радеску направил во многие уезды воинские части. Но и из этого ничего не вышло. Компартия провела в армии большую разъяснительную работу, в значительной мере парализовавшую контрреволюционный замысел реакции использовать войска против народа.

В одной из листовок этого времени, озаглавленной «К офицерам, сержантам и солдатам, рабочим и крестьянам, находящимся в рядах армии!», говорилось: «Ваши братья-крестьяне, видя, что правительство, состоящее в своем большинстве из реакционеров, отказывается осуществить аграрную реформу, сами приступили к конфискации помещичьих земель. Они решили наделить этой землей в первую очередь вас, находящихся на фронте и в тылу, борющихся с оружием в руках за свободу родины. Перепуганные помещики стремятся использовать вас против ваших братьев-крестьян и рабочих. По той причине, что в армии и ее руководстве имеются фашистские и профашистские элементы, генералы-помещики вроде Алди, делаются попытки превратить

---

[87] «Scînteia», 12.II 1945.
[88] См.: 50 de ani de la crearea Consiliului general al Sindicatelor din Romînia. Bucureşti, 1957, p. 36.
[89] «Scînteia», 17.II 1945.

армию в инструмент помещиков и реакционеров для борьбы против рабочих и крестьян». Армия, говорилось в листовке, должна стать на сторону народа, отказываясь выполнять любой приказ, направленный против рабочих и крестьян[90].

В результате подобных обращений и работы коммунистов непосредственно в воинских частях солдаты, посланные Радеску на подавление крестьянских выступлений в уездах Телеорман, Сибиу и других, отказались выполнить приказы реакционного командования[91].

В наиболее благоприятных условиях проходили конфискация и раздел помещичьих земель в тех местностях, где уже установилась демократическая власть. В Молдове и Клуже, например, на совещаниях демократических префектов 12—15 февраля были приняты решения всеми административными мерами поддержать борьбу масс за аграрную реформу и другие требования программы НДФ. В большинстве сел Хунедоарского уезда к середине февраля, а в Констанцском уезде к концу того же месяца в основном уже было завершено распределение земель между крестьянами.

К началу марта эта работа явочным порядком была закончена и во многих других местах, что явилось сильнейшим ударом по позициям буржуазии и помещиков. В то же время в огне революционной борьбы за конфискацию и раздел помещичьих земель окреп союз рабочего класса и крестьянства, усилилась руководящая роль пролетариата.

Народные массы во главе с компартией с новой силой и еще большим размахом возобновили действия по смещению реакционных префектов и примарей и замене их своими представителями. Демократизация местных органов властей, несмотря на ожесточенное сопротивление реакции, успешно проходила в уездах Телеорман, Долж, Роман и др. «Мы решили сами очистить государственный аппарат и администрацию частных учреждений и предприятий от фашистских элементов»,— говорилось в одной из рабочих резолюций. Далее в ней заявлялось: «Мы решили изгнать и из правительства преступную клику Радеску»[92].

Революционные действия масс, охватившие всю страну, усилили панику в рядах реакции. На одном из заседаний правительства в феврале генерал Радеску говорил: «В последние дни сильно возросло движение в уездных городах. То же самое и в отношении примарей. Что же касается волнений в селах в связи с аграрной реформой, то положение стало исключительно тяжелым». Это заявление дополнил министр общественных работ. «В трех уездах,— сообщил он,— были совершены успешные на-

---

[90] Arhiva MFA, dos. 230/56, f. 226.
[91] См.: *Сазина М. Г.* Указ. соч., с. 251.
[92] «Scînteia», 23.II 1945.

падения на префектуры, в одном из них даже при помощи самого префекта. В уезде Яломица в течение нескольких дней были изгнаны сто примарей»[93].

Однако реакция отнюдь не собиралась сложить оружие. Напротив, она предпринимала отчаянные попытки подавить народную революцию. Именно в те дни, когда началось массовое осуществление аграрной реформы снизу, Радеску решился на развязывание гражданской войны в стране. В середине февраля, когда рабочие типографии «Дрептатя» в ответ на расправу, учиненную над ними жандармами, объявили забастовку, глава правительства пригрозил им, что в Румынии скоро все будет так, «как было в Греции»[94]. А несколько дней спустя он заявил на заседании правительства по поводу раздела помещичьих земель следующее: «...Я всеми силами буду противиться этому и, если понадобится, готов прибегнуть к гражданской войне, я это сделаю, господа, что бы из этого ни вышло»[95].

Сигналом к наступлению контрреволюции послужила речь Радеску, произнесенная 11 февраля перед аудиторией, состоявшей из реакционных представителей «исторических» партий, железногвардейцев и других фашистских элементов.

Начал Радеску с такого заявления: «Внимательно взвесив все факты за и против, я пришел к выводу, что сейчас не только не наступил подходящий момент для аграрной реформы, но, больше того, проводить реформу в настоящее время было бы грубейшей ошибкой». Затем он заявил, что требует от рабочих перестать заниматься политикой и прекратить всякую агитацию, угрожая в противном случае применить жесточайшие репрессии. Его речь изобиловала антисоветскими выпадами и закончилась призывом к реакционным силам решительно бороться с революцией[96].

Исчерпывающую характеристику этого выступления дала «Скынтейя». Она писала: «11 февраля Радеску объявил открытую войну народу»[97].

Полная угроз в адрес народа, боровшегося за подлинную демократизацию страны, речь Радеску представляла собой прямое подстрекательство к развязыванию гражданской войны. Несколько позднее стало известно, что ее предварительно одобрили дипломатические представители западных держав в Бухаресте[98], король Михай, а также Ю. Маниу и Д. Брэтиану. Лидеры обеих буржуазно-помещичьих партий тогда же открыто заявили представителям печати о своей полной солидарности со взглядами генерала Радеску[99].

---

[93] *Петрик А., Цуцуй Г.* Указ. соч., с. 72.
[94] См.: *Антосяк А. В.* Указ. соч., с. 198.
[95] Враги мира и свободы народов. Бухарест, 1952, с. 28—29.
[96] «Universul», 12.II 1945.
[97] «Scînteia», 13. II 1945.
[98] См.: «Central Europeen Observer», 23.III 1945, p. 95.
[99] См.: «Unita ora», 14. II 1945.

Сразу же после выступления Радеску приободренные фашистские элементы перешли к действиям.

Перед зданием кинотеатра «Аро» во время выступления Радеску возникла стихийная демонстрация трудящихся, протестовавших против его политики. В помещение их не впустили, оно было оцеплено двухтысячным отрядом жандармов. Когда же собрание окончилось, фашистские молодчики напали на демонстрантов. После этого они двинулись по городу, выкрикивая антисоветские и фашистские лозунги и избивая всех тех, кто не присоединялся к ним. В тот же день было совершено нападение на редакцию газеты «Скынтейя». Затем группа фашиствующей молодежи из национал-либеральной партии при попустительстве жандармерии ворвалась в типографию газеты «Вииторул» и учинила там расправу над рабочими.

Народные массы ответили на провокационные действия реакции мощными демонстрациями под лозунгом борьбы за создание правительства Национально-демократического фронта. «Народ понял,— писала в эти дни газета «Скынтейя»,— что только подлинно демократическое правительство НДФ желает и может провести демократизацию страны» [100].

13 февраля в столице состоялся грандиозный 500-тысячный митинг, на котором перед трудящимися выступил Г. Георгиу-Деж. Он заявил, что в мире нет такой силы, которая могла бы остановить румынский народ на пути, открытом 23 августа 1944 г. Участники митинга выразили твердую решимость покончить с остатками фашизма, осуществить демократические реформы, установить дружественные отношения с СССР. Многолюдные митинги и демонстрации с требованием положить конец проискам реакции и установить власть правительства НДФ состоялись в Плоешти, Брэиле, Морени, Фэлтичени и других городах.

Все более широкие круги населения выступали с осуждением политики Радеску. 60 университетских профессоров, многие из которых были учеными с мировыми именами, опубликовали воззвание, в котором потребовали создания демократического правительства. «Опыт последних пяти месяцев,— писали они,— показал, что правительство не в силах добиться выполнения широких демократических реформ, которых ждет страна, и не в состоянии завоевать доверие союзников. Обязательства, вытекающие из соглашения о перемирии, не уважались. Неразрешение аграрной реформы грозит стране настоящей катастрофой... Чистка государственного аппарата не проведена. Саботируется всякая попытка наказания военных преступников, ответственных за несчастья страны... Перед лицом этого положения мы... требуем прихода к власти правительства, выражающего устремления всех демократических элементов, правительства, которое немед-

---

[100] «Scînteia», 13.II 1945.

ленно выполнит программу Национально-демократического фронта»[101].

Радеску же продолжал действовать в том же направлении. 15 февраля он отдал всем префектурам распоряжение силой отвечать на «насильственные действия» по замене реакционных властей, захвату помещичьих имений и т. п. Военному министерству он приказал обеспечить участие военных гарнизонов в операциях органов министерства внутренних дел против «нарушителей закона»[102].

Это привело к целому ряду кровавых столкновений, но не принесло успеха реакции. В уезде Бая-Маре, где трудящиеся сместили префекта-реакционера, жандармы напали на здание управы, чтобы арестовать избранных народом представителей власти. Но демократические силы, поддержанные населением, отбили атаку. Неудачей окончилась и подобная попытка в Яссах: жители города дали отпор нападению полиции и разоружили ее. В Турну-Мэгуреле по приказу Радеску двухтысячный отряд войск блокировал здание, в котором находились новый префект и его сотрудники, пытаясь заставить их капитулировать. Но тоже успеха не имел. И так было повсюду, хотя Радеску для борьбы против демократических сил вооружал также фашистские элементы, устраивавшие нападения на народные собрания, митинги и демонстрации.

Решительный отпор наступлению реакции дала компартия. Выступив на заседании правительства и разоблачив контрреволюционные действия Радеску и его сторонников, Г. Георгиу-Деж подчеркнул: «Не может быть и речи о том, чтобы оспаривать правомочность и законность органов власти, избранных свободным волеизъявлением народа»[103].

Компартия также сорвала новые попытки реакционного большинства правительства добиться роспуска и разоружения вооруженных народных формирований. Отряды патриотической гвардии и другие вооруженные формирования трудящихся, в том числе народная полиция, были серьезным препятствием для осуществления замыслов реакции. Они защищали демократические завоевания, давали решительный отпор нападениям со стороны фашистов и других реакционеров. Как отмечалось в донесении жандармерии от 17 февраля, в столице и провинции рабочие многих предприятий были вооружены. Об этом сообщали также военные органы[104].

Натолкнувшись на сопротивление представителей НДФ в правительстве, Радеску и его единомышленники попытались сво-

---

[101] *Маринеску И. И.* О привлечении интеллигенции на сторону народно-демократической революции в Румынии (1944—1947). — В кн.: Балканский исторический сборник. Кишинев, 1973, с. 350.
[102] См.: Arhiva CC al PCR, fond 49, dos. 9286, f. 49.
[103] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8496, f. 19.
[104] См.: Arhiva MFA, dos. 1355, f. 134.

ей властью добиться ликвидации этих формирований. Но местные демократические власти отказались выполнить приказ министра внутренних дел о роспуске народной полиции. Префект Ясского уезда, например, ответил, что не видит необходимости в этом, так как она создана народом и пользуется его уважением. «...Наоборот,— писал он,— ее нужно как можно больше поддерживать, субсидировать и считать необходимым органом»[105].

В результате революционных действий масс реакционное большинство правительства Радеску все больше теряло контроль над страной. «...Против буржуазно-помещичьей власти,— писал Г. Георгиу-Деж,— поднялись силы, представлявшие собой элементы новой, народно-демократической власти: Национально-демократический фронт, который объединил демократические партии и группировки под руководством нашей партии и который завоевал некоторые позиции в правительстве и государственном аппарате; вооруженные патриотические отряды; фабрично-заводские комитеты; трудящиеся массы, завладевшие улицами, заводами и фабриками, крестьянские комитеты, изгонявшие помещиков и осуществлявшие аграрную реформу»[106].

К этому следует добавить, что к началу марта 1945 г. в подавляющем большинстве уездов (в 52 из 58) во главе префектур были поставлены представители демократических сил. Они отказывались выполнять правительственные распоряжения, противоречившие интересам масс, и осуществляли требования программы НДФ[107].

В условиях растущей изоляции и перед лицом новой мощной революционной волны румынская реакция сделала ставку на развязывание гражданской войны. Таким путем она надеялась дать повод для англо-американской интервенции, чтобы с ее помощью подавить революцию и установить монархо-фашистский режим по греческому образцу. В соответствии с этим планом усилились нападения фашистских банд на демократические силы, организовывались одно за другим провокационные выступления и покушения на руководителей демократических организаций.

В Бухарест, Крайову, Брашов и другие города по приказу Радеску были стянуты войска. В Крайове три роты солдат и жандармерии, ворвавшись в здание префектуры, арестовали и жестоко избили вновь избранного префекта и членов местного совета НДФ. 19—20 февраля на бухарестском заводе «Малакса» бывшие легионеры и члены национал-царанистской партии пытались распустить профсоюзный комитет. Прибывших на завод представителей Всеобщей конфедерации труда во главе с ее председателем Г. Апостолом они встретили ружейным огнем. В результате был убит один из рабочих, 11 человек, в том числе Г. Апостол, получили ранения.

---

105 *Петрик А., Цуцуй Г.* Указ. соч., с. 72.
106 *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи, т. II, М., 1957, с. 281.
107 См.: «Studii», 1959, N 4, p. 298.

В те же дни реакционное большинство правительства Радеску с целью снятия представителя компартии с поста заместителя министра внутренних дел приняло постановление об упразднении этой должности. Однако по указанию ЦК КПР он отказался выполнить противозаконное решение и остался на своем посту, тем самым сорвав замысел превращения министерства внутренних дел в оперативный центр подготовки государственного переворота.

Для демократических сил, возглавляемых компартией, смысл всех этих провокационных действий реакции был совершенно ясен. Совет НДФ в своем коммюнике прямо указал, что «Румынию втягивают в гражданскую войну» [108].

КПР приняла все необходимые меры к тому, чтобы сорвать планы реакционеров. Правильно оценив обстановку, компартия пришла к выводу, что соотношение классовых сил в стране, характеризовавшееся бурным ростом революционного движения и резким ослаблением и дезорганизацией позиций его врагов, позволяло свергнуть буржуазно-помещичью власть мирным путем. Поэтому коммунисты направляли выступления масс таким образом, чтобы не допустить уличных столкновений, не дать реакции повод к развязыванию гражданской войны.

Не исключая возможности попыток Радеску прибегнуть к использованию вооруженных сил, компартия готовилась к тому, чтобы сорвать такие попытки с самого начала. С этой целью она призвала народные массы повысить бдительность, укрепила боевые патриотические отряды. Особое внимание было уделено усилению работы коммунистов в рядах армии. Одноврменно демократическая группа офицеров и солдат, созданная по инициативе КПР, обратилась к своим сослуживцам с призывом стать на сторону революционного народа.

Как уже отмечалось, Радеску, саботируя выполнение ст. 1 соглашения о перемирии, а также подписанного на ее основе 26 октября 1944 г. Военного протокола, определившего количество румынских войск, выделяемых для участия в антигитлеровской войне, удерживал основные силы румынской армии в тылу. В результате их общая численность внутри страны составляла в рассматриваемое время 320 тыс. солдат и офицеров — почти втрое больше, чем на фронте.

Учитывая, что фашистская и профашистская прослойка румынского офицерства сосредоточилась главным образом в этих тыловых частях, Радеску полагал, что сможет их использовать в качестве орудия подавления революции. Кроме того, в его распоряжении имелись такие подразделения, как батальоны обслуживания военного министерства и генштаба, различные охранные, жандармские и полицейские части, которые по своему составу являлись наиболее пригодными для намеченных им целей.

---

108 «Scînteia», 22.II 1944.

Все это объясняет тот факт, что если в целом румынская армия в условиях революции и участия вместе с советскими войсками в антигитлеровской войне постепенно приобретала характер народной армии, то отдельные ее части и подразделения все еще могли быть использованы в антинародных целях. Как показали дальнейшие события, на данное обстоятельство и рассчитывала реакция.

События развертывались следующим образом.

21 февраля на заседании правительства представители Национально-демократического фронта выступили с разоблачением намерений генерала Радеску. Обращаясь к нему, П. Гроза прямо заявил: «Я вижу, что вы готовитесь к государственному перевороту, чтобы упразднить демократию и ввести диктатуру».

Глава правительства сделал вид, что не понимает, о чем идет речь. Зато национал-царанистский министр Поп, оправдывая генерала Негулеску, отказывавшегося послать на фронт офицеров и солдат из тыла, прямо заявил, что они нужны «для поддержания спокойствия в стране». Радеску поддержал его [109].

Поскольку действия правительства реакционного большинства во главе с генералом Радеску стали крайне опасными для страны, компартия и НДФ считали, что единственным выходом является его отставка. Однако ставленники буржуазии и помещиков отклонили это требование. Более того, генерал Радеску заявил, что если представители НДФ не согласны с его курсом, то они сами должны уйти в отставку.

На что Г. Георгиу-Деж ответил, что правительству все равно не удастся удержаться у власти. Он сказал: «Мы не хотим оказаться втянутыми в гражданскую войну. Мы всеми средствами будем препятствовать попыткам превратить внутреннюю борьбу в гражданскую войну». Однако вместе с тем подчеркнул: «Положение критическое, не станем отрицать, но мы все же заставим вас уйти в отставку... Выход из создавшегося положения — ваша отставка, и мы ее добьемся. Мы поднимем народ, и тогда вы увидите, что значит воля народа» [110].

Крайне обострившееся внутриполитическое положение в Румынии привлекло внимание советской общественности. Как подчеркивала «Правда», генерал Радеску ведет политику, во многом похожую на фашистскую диктатуру Антонеску, и «этот реакционный курс угрожает Румынии катастрофой и неисчислимыми бедствиями».

Разоблачая антидемократическую линию Радеску и лидеров буржуазно-помещичьих партий, которые путем насилия над рабочими, крестьянами и интеллигенцией пытались утвердить свою власть, газета напоминала, что Румыния может выйти из нынешнего положения только при условии решительной и последова-

---

[109] Arhiva CC al PCR, fond 103, dos. 8496, f. 29.
[110] Ibid., f. 30.

тельной демократизации, ликвидации всех остатков фашизма, проведения необходимых политических и социальных реформ. В Румынии, как и в любой другой стране, писала «Правда», сильным может быть лишь правительство, опирающееся на народ и действующее демократическими методами в интересах широких слоев населения [111].

Выступление «Правды», перепечатанное в специальном выпуске газеты «Скынтейя», сыграло важную роль. Оно придало новые силы румынскому народу, вновь убедившемуся в том, что на его стороне симпатия и поддержка народов Советского Союза.

Реакционеры не вняли голосу рассудка. Чтобы представить, на что именно они рассчитывали, следует указать на следующее признание, сделанное несколько позднее английской газетой «Трибюн»: «Решение Радеску изменить свою политику и начать наступление против левых не было целиком основано на беспочвенном предположении (относительно поддержки со стороны западных держав.— *Н. Л.*). По-видимому, ему были сделаны какие-то намеки со стороны английских представителей в Бухаресте. Эта глупая провокация имела суровые последствия».

Заключались же эти «суровые последствия», как явствует из той же статьи, прежде всего в том, что румынская реакция окончательно разоблачила себя [112].

Начало бурным событиям было положено 24 февраля. Зная, что в этот день в Бухаресте должна состояться массовая демонстрация трудящихся, организуемая Национальным советом Национально-демократического фронта, Радеску накануне отправился к королю и получил от него санкцию на расстрел демонстрантов. Проинформированный об этом Ю. Маниу заверил премьер-министра в полной солидарности и даже выразил готовность оказать всяческую помощь. Радеску ответил, что сил у него хватит и что он уверен в успехе своего замысла [113].

В соответствии с этим замыслом в столицу было стянуто значительное количество войск. По указанию Радеску солдатам были выданы патроны и гранаты, офицеры потребовали от своих подчиненных беспрекословного выполнения любых приказов. Солдатам гвардейского полка имени Михая Витязя было приказано прибыть в центр города в гражданской одежде, имея при себе револьверы, чтобы инсценировать нападение «возмущенного народа» на демонстрантов и дать тем самым повод для вмешательства войск.

Лидеры «исторических» партий также привлекли своих активистов к участию в кровавой расправе над трудящимися. По распоряжению Ю. Маниу были составлены списки членов национал-царанистской партии, которым поручалось вооружиться и

---

[111] См.: «Правда», 1945, 22 февраля.
[112] См.: «Правда», 1945, 21 марта.
[113] См.: *Ţuţui Gh., Popa M.* Hohenzollernii in Romînia. Bucureşti, 1962, p. 77.

вместе с войсками «защищать общественные учреждения от занятия их рабочими». Были снабжены оружием и члены молодежной секции национал-либеральной партии. Буржуазия и помещики с нетерпением ожидали разгона демонстрации, который должен был стать началом переворота. Соответствующие указания получили и организации «исторических» партий в провинции. Так, руководитель национал-царанистов в уезде Дымбовица еще 22 февраля предупредил своих единомышленников о предстоящих «важных событиях»[114].

Реакции не удалось осуществить свой план. По-видимому, переодетые солдаты не захотели, а кучка фашиствующих молодчиков не рискнула напасть на мощную 600-тысячную демонстрацию жителей столицы и крестьян окрестных сел, решительно потребовавших немедленного ухода в отставку правительства Радеску и передачи власти Национально-демократическому фронту. Тогда реакционеры открыли огонь из окон королевского дворца, министерства внутренних дел и других ближайших зданий. Были убиты 6 и ранены 18 человек.

Однако и дальнейшие события развернулись не так, как хотела клика Радеску. Она была вынуждена по требованию Союзной Контрольной Комиссии прекратить расстрел мирной демонстрации. Так было в тот день и в ряде других городов, в частности в Крайове, Каракале, Брашове, где в результате нападения на безоружных демонстрантов также имелись убитые и раненые.

Последующие дни внесли полную ясность в вопрос о сути планов Радеску и подтвердили, что они были разработаны им в сговоре с англо-американской реакцией. Цель этих планов состояла в том, чтобы не только потопить в крови народные демонстрации, но и представить их как попытки «кучки красных» силой захватить власть.

Подтверждением тому служат однообразные версии событий 24 февраля в Бухаресте, сразу же появившиеся в западной прессе. Так, «Нью-Йорк таймс» уверяла, будто «большие группы вооруженных коммунистов пытались свергнуть румынское правительство» и установить «румынские советы». О «восстании под руководством красных» сообщали также «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк геральд трибюн». Последняя даже утверждала, что на королевский дворец и резиденцию Радеску было совершено нападение. В таком же духе информировали своих читателей английские буржуазные газеты. «Дейли телеграф энд морнинг пост» опубликовала сообщение о том, что «в Бухаресте бунтовщики напали на полицию и солдат», а «Таймс» — о «небольшом меньшинстве, стремившемся неприкрытой силой навязать свою волю»[115].

---

[114] «Romînia liberă», 27.II 1945.
[115] См.: «New York Times», 26.II 1945; «Washington Post», 26.II 1945; «New York Tribune», 25.II 1945; «Times», 1.III 1945.

Расстрел мирных демонстраций вызвал бурю негодования во всей стране. Однако массы, направляемые коммунистами, не поддались на провокацию румынской реакции, преследовавшей цель развязать гражданскую войну. В тот же вечер участники демонстрации в Бухаресте организованно пришли на площадь перед королевским дворцом и дали клятву не прекращать борьбы до тех пор, пока не будет создано демократическое правительство. Они также потребовали немедленной отставки и ареста Радеску и всех тех, кто виновен в расстреле мирных демонстрантов.

Король и лидеры буржуазно-помещичьих партий открыто стали на сторону генерала-убийцы. Эту позицию, как свидетельствует тогдашний глава английской военной миссии в Румынии вице-маршал авиации Артур Голд Ли, король Михай занял при поощрении американских дипломатических представителей [116].

Одновременно правительство США официально потребовало созвать конференцию представителей трех великих держав с целью оказания поддержки правительству Радеску. Но эта попытка, противоречившая согласованным принципам невмешательства во внутренние дела освобожденных стран, не была поддержана Советским Союзом и поэтому не имела успеха. Тогда Вашингтон и Лондон принялись усиленно подталкивать румынскую реакцию к дальнейшим действиям, направленным на развязывание гражданской войны, чтобы все-таки получить повод для интервенции и помешать победе революции.

Газета «Нью-Йорк таймс» прозрачно намекала на существование подобного плана, подчеркивая, что «имеется большое сходство между теперешним положением в Румынии и положением в Греции накануне недавней войны» [117].

Английская «Манчестер гардиан» также с удовлетворением отмечала, что положение в Румынии «во многих отношениях имеет замечательное сходство с положением в Греции» [118].

Однако замыслам кучки румынских реакционеров и их англо-американских покровителей не суждено было сбыться. В соответствии с соглашением о перемирии, содержавшим, в частности, обязательства румынского правительства провести демократизацию страны и обеспечить безопасность в стране, являвшейся ближайшим тылом советско-германского фронта, СКК потребовала безукоснительного выполнения этих обязательств.

Огромное значение такой позиции СССР для судеб Румынии состояло в том, что кучка румынских реакционеров, оставшись один на один с революционными народными массами, руководимыми коммунистами, неизбежно должна была потерпеть поражение. Тем более что и армия, которую реакция считала своим надежным орудием, все больше выходила из повиновения: не

[116] См.: *Lee A. G.* Grown Against the Sieckle. The Story of King Michal of Rumania. London, 1949.
[117] «New York Times», 27.II 1945.
[118] «Manchester Guardian», 3. III 1945.

только солдатские массы, но и офицерский состав переходил на сторону демократических сил. Войска отказывались стрелять в народ. От реакционной политики Радеску отмежевалась также значительная группа генералов и высших офицеров, выразившая преданность Национально-демократическому фронту [119].

События 24 февраля повлекли за собой дальнейшее усиление борьбы масс против реакционного большинства правительства Радеску. По всей стране прокатилась новая волна многочисленных митингов трудящихся, требовавших передачи власти Национально-демократическому фронту, ареста и наказания виновников расстрела демонстрантов. В адрес короля Михая беспрерывным потоком шли телеграммы протеста против преступных действий реакционного большинства правительства.

27 февраля представители НДФ предъявили королю Михаю требование об отставке Радеску и других представителей реакции в правительстве.

Видя, что премьер-министр уже не в состоянии владеть положением и что дальнейшее сохранение его у власти становится опасным для монархии, король Михай 28 февраля утвердил отставку неудавшегося кандидата в диктаторы. В тот же день Радеску с целью избежать ответственности за совершенное преступление укрылся в английской миссии, а затем был тайно переправлен в США.

Отставка правительства генерала Радеску была признанием провала попытки государственного переворота и подавления народной революции. Однако реакция все еще надеялась сохранить власть в своих руках. Чтобы не допустить создания демократического правительства, король Михай по совету лидеров буржуазно-помещичьих партий попытался назначить премьер-министром князя Барбу Штирбея, как «не принадлежавшего ни к одной политической группировке». Но поскольку демократическим силам он был хорошо известен не только как один из крупнейших румынских помещиков, но и как участник сговора клики Антонеску и лидеров «исторических» партий, добивавшихся на переговорах в Каире англо-американской оккупации Румынии, то НДФ отказался иметь с ним дело.

При сложившемся соотношении сил в стране это означало, что реакция полностью исчерпала свои возможности удержаться у власти. 2 марта король был вынужден поручить формирование нового кабинета председателю «Фронта земледельцев» П. Грозе, являвшемуся одним из руководителей НДФ.

Любопытны подробности, связанные с принятием этого решения. Они показывают, что румынская реакция до последней минуты не расставалась с надеждой на «помощь Запада». Вот что рассказал впоследствии глава английской военной миссии в Румынии: «Наступило 2 марта, а король все еще ничего не решил.

---

[119] См.: «Romînia liberă», 28.II 1945.

С утра у него находились Маниу, Михалаке, Татареску и др. Король обратился за помощью к миссиям, которые, симпатизируя ему и чувствуя свое бессилие, а также понимая, что король не может тянуть бесконечно, заявили утром, что если они до вечера не получат указаний, то следует назначить (премьер-министром.— *Н. Л.*) Грозу. Час за часом король ждал сообщений, но они не поступали»[120].

Так П. Гроза получил мандат на формирование правительства.

Но тут опять ситуация, казалось, изменилась: представители Англии и США получили, наконец, инструкции своих правительств не соглашаться на создание правительства НДФ и сообщили об этом королю.

Такая позиция, разумеется, определялась тем, что установление подлинной демократии означало конец буржуазно-помещичьих порядков в Румынии и являлось сильнейшим ударом по планам империалистов в отношении этой страны. Подтверждением тому может служить их бурная реакция на показанные выше события.

Министр иностранных дел Великобритании Иден выступил в защиту генерала-убийцы Радеску, всячески оправдывая его действия и утверждая, будто он «лично не замешан в антисоюзнической деятельности». Член английского парламента Дункан сделал в палате общин специальный запрос «относительно политического положения в Румынии» и при этом многозначительно обратил внимание правительства на наличие «значительных британских интересов» в этой стране, в частности в румынской нефтяной промышленности[121].

Вопрос о Румынии дважды за короткий период обсуждался в американском конгрессе. 2 марта член палаты представителей от штата Висконсин заявил, что американские правящие круги США солидарны с национал-либералами и национал-царанистами в их борьбе против демократизации страны[122]. Другой конгрессмен потребовал включить в протокол заседания палаты представителей в качестве приложения статью из «Вашингтон стар», в которой приход к власти в Румынии демократического правительства изображался как результат «односторонних действий» СССР[123].

Американская и английская буржуазная пресса после провала попытки контрреволюционного переворота Радеску развернула клеветническую кампанию против Советского Союза, обвиняя его в нарушении решений Крымской конференции. Но вместе

---

[120] *Lee A. G.* Op. cit., p. 110.
[121] См.: Parliamentary Debates. House of Commons. March 14, 1945, vol. 409, col. 211.
[122] См.: «Congressional Record», 1945, vol. 91, N 40. p. 1736A.
[123] См.: «Washington Star», 13.III 1945.

с тем на Западе раздавались и трезвые голоса. Характерными в этом отношении были, например, публикации журнала «Нью рипаблик». В ней признавалось, что правительства Сэнэтеску и Радеску были неспособны на радикальные меры, которых потребовали война и «социальные конфликты» в стране, и что поэтому их падение было неизбежным [124].

Выдумкой о «советском вмешательстве», об «экспорте революции» буржуазная пропаганда безуспешно пыталась прикрыть действительное вмешательство англо-американских реакционных кругов, преследовавшее цель не допустить победы народной революции в Румынии.

Развитие классовой борьбы в Румынии после 23 августа 1944 г. убедительно свидетельствует о том, что установление народно-демократической власти произошло по воле самого румынского народа. Советский Союз, верный принципу пролетарского интернационализма, оказал дружескую поддержку трудящимся Румынии в их борьбе за освобождение от империалистического гнета. Но эта поддержка, как видно из изложенного, не имела ничего общего с вмешательством во внутренние дела страны.

Между тем король Михай, пытаясь хоть с опозданием исправить создавшееся положение, отказался утвердить представленный П. Грозой состав нового правительства, заявив, что оно якобы не является «представительным». Король настаивал на том, чтобы места в совете министров были распределены поровну между НДФ и «историческими» партиями.

Согласиться на это означало создать правительство, не отражающее соотношения классовых сил в стране и потому неспособное решить важные политические и социально-экономические проблемы, стоявшие перед румынским народом. Поэтому Национально-демократический фронт категорически отверг притязания буржуазно-помещичьих партий. Он дал согласие лишь на включение небольшого числа их представителей в состав совета министров.

С приходом к власти правительства П. Грозы были обеспечены строгое выполнение условий перемирия. активизация участия страны в антигитлеровской войне, способствовавшая тому, что Румыния внесла достойный вклад в окончательный разгром фашистской Германии. Политика народно-демократического правительства, направляемая компартией, создала условия для проведения глубочайших революционных преобразований и последующего перехода к социалистическому развитию, приведшему ныне к замечательному расцвету экономики и культуры, к непрерывно растущему благосостоянию народа Румынии — свободного и независимого государства, равноправного члена великого братского содружества стран социализма.

---

[124] «New Republic», March 19, 1945, p. 386.

...Переговоры затягивались. Шло время, а новое правительство все еще не было сформировано. Реакционные силы продолжали чинить всевозможные препятствия, все еще надеясь вызвать беспорядки в стране со всеми вытекающими из этого последствиями. Одновременно лидеры «исторических» партий на случай неудачи с созданием «подходящего» правительства предлагали королю бежать за границу, чтобы там подготовить интервенцию.

Но все это свидетельствовало лишь о том, что они были неспособны понять ни внутриполитическую, ни международную обстановку, определявшую неизбежность победы революции в Румынии и бессилие как внутренней, так и внешней реакции помешать этому.

Конец маневрам реакции наступил 6 марта. В этот день в Бухаресте под руководством компартии состоялась грандиозная 800-тысячная демонстрация масс, решительно потребовавших немедленной передачи власти в руки демократического правительства. Мощная волна народного гнева явно грозила перерасти в реальную опасность для монархии, и напуганный король в тот же день утвердил список членов правительства, представленный П. Грозой.

Таким образом, в результате победоносного развития народной революции, начавшейся 23 августа 1944 г., 6 марта 1945 г. к власти пришло демократическое правительство, решающую роль в котором играли представители трудящихся. В его состав вошли также представители отколовшихся от «исторических» партий группировок национал-либералов и национал-царанистов. В частности, Г. Татареску стал заместителем премьера и министром иностранных дел, национал-либерал Алиманештяну — министром финансов, национал-царанист Александреску — министром кооперативов. Участие представителей либеральной буржуазии в правительстве не могло, однако, изменить сущность новой государственной власти. По своему характеру и содержанию она являлась революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. «Народные массы города и деревни,— указывал Г. Георгиу-Деж,— решили судьбу борьбы за власть, установив 6 марта 1945 г. народно-демократическую власть» [125].

---

[125] *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи, т. II, с. 281.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование событий, связанных с возникновением, кратковременным господством и последующим крушением фашизма в Румынии, с неопровержимостью свидетельствует о том, что румынский фашизм, как и в ряде других стран, представлял собою зловещее порождение монополистической буржуазии, ее орудие в борьбе за сохранение своего господства в условиях углубляющегося кризиса капитализма, открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных кругов финансового капитала, направленную против всех оппозиционных сил, в первую очередь против коммунистического и рабочего движения. При этом румынский фашизм, подобно германскому и итальянскому, широко использовал националистическую, шовинистическую идеологию и социальную демагогию, а своим внешнеполитическим курсом избрал агрессию и территориальные захваты. Вместе с тем крушение румынского фашизма убедительно подтверждает обреченность попыток реакции при помощи террора и одурманивания масс воспрепятствовать поступательному развитию и социальному прогрессу народов.

Хотя румынский фашизм имел ту же основу, что и германский и итальянский, ему были свойственны и определенные особенности, обусловленные экономическими и социально-политическими факторами. Главная из них заключалась в том, что он не сумел обрести массовой базы внутри страны. Вызванная этим необходимость поисков внешней опоры привела к полной зависимости Румынии от гитлеровской клики и ее закабалению фашистской Германией. Румынские фашисты и стоявшая за ними буржуазно-помещичья верхушка сознательно пошли на такое предательство национальных интересов, рассчитывая с помощью гитлеровцев удушить революционное движение в стране и осуществить свою программу захвата земель Советского Союза и соседних балканских государств.

Эта особенность имеет первостепенное значение для оценки обстановки, в которой произошло крушение фашистского режима в Румынии. Поскольку его существование в условиях растущего противодействия народных масс определялось главным образом опорой на гитлеровскую Германию, как только германский

фашизм в результате мощных ударов Советской Армии оказался перед лицом неминуемого разгрома, рухнул и фашистский режим в Румынии, сметенный революционными силами страны во главе с КПР. А так как он был не только порождением румынской реакционной буржуазии, но и ее последней ставкой в борьбе за сохранение своего господства, то за его крушением закономерно последовало установление народной, подлинно демократической власти, обеспечившей в дальнейшем ликвидацию капиталистического строя в стране и переход к построению социалистического общества.

Следует подчеркнуть, что в этот период решающий вклад Советского Союза в разгром фашизма во второй мировой войне обеспечил коренное изменение соотношения сил на международной арене в пользу социализма. В этих условиях развернулся второй этап общего кризиса капитализма, важнейшим проявлением которого явилась новая волна революций, приведшая к отпадению ряда стран Центральной и Восточной Европы от системы капитализма. Революции в этих странах развивались как на основе общих закономерностей, так и специфических особенностей, вызванных различием исторических и социально-экономических условий. Решающей предпосылкой победы трудящихся над буржуазией явились руководящая роль рабочего класса, правильная политика коммунистических партий, творческое применение ими учения марксизма-ленинизма и опыта мирового революционного движения. Большое значение для освободительной борьбы народов имела помощь Советского Союза. Об этом ярко свидетельствует и развитие революционного процесса в Румынии. Важнейшей его вехой стало вооруженное антифашистское восстание 23 августа 1944 г., начавшееся в условиях наступления Советской Армии, приступившей к освобождению страны от ига фашизма. Как отметил современный румынский военный историк Э. Бантя, «вооруженному восстанию существенно способствовала крупная советская стратегическая Ясско-Кишиневская операция, сковавшая, опрокинувшая и в конечном счете разгромившая главные силы вермахта между Восточными Карпатами и Черным морем»[1].

Победа антифашистского вооруженного восстания, организатором и руководителем которого явилась Коммунистическая партия Румынии, спасла страну от национальной катастрофы, уберегла румынский народ от многих бессмысленных жертв, сорвав планы германского командования и клики Антонеску продолжения войны на румынской территории, способствовала выполнению освободительной миссии Советской Армии на Балканах. Эта победа не только лишила гитлеровцев их самого крупного европейского союзника, но и позволила Румынии включиться в активную борьбу против немецко-фашистских захватчиков, что

[1] См. Страницы истории румынской армии. Бухарест, 1975, с. 193.

ухудшило и без того тяжелое военное, политическое и экономическое положение нацистской Германии.

Важное значение вооруженного восстания 23 августа 1944 г. состоит и в том, что свержением фашистской диктатуры было положено начало народной революции, главной движущей силой которой выступал рабочий класс во главе с коммунистической партией. Благодаря этому уже через несколько месяцев — 6 марта 1945 г. румынский народ покончил с властью буржуазно-помещичьей реакции, являвшейся базой фашизма в стране, а также с зависимостью от империалистических держав. Основой политики Румынии стала братская дружба с Советским Союзом. С приходом к власти народно-демократического правительства, руководящая роль в котором принадлежала коммунистической партии, были обеспечены условия, способствовавшие тому, что румынский народ внес достойный вклад в окончательный разгром фашистской Германии, успешно залечил раны войны, осуществил глубочайшие революционные преобразования, завершившиеся переходом к социалистическому развитию.

Именно на этом пути впервые за всю свою историю Румыния достигла подлинного расцвета экономики и культуры, непрерывного роста благосостояния народных масс, стала свободным и независимым государством, равноправным членом великого братского содружества стран социализма.

Румынский народ высоко ценит помощь Советского Союза в деле освобождения страны от фашизма и строительства новой, лучшей жизни. Это неоднократно подчеркивал Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии, Президент Социалистической Республики Румынии Н. Чаушеску. В частности, он заявил: «...Мы выражаем чувства глубокой благодарности и признательности румынского народа Советскому Союзу, его славной армии, которые внесли решающий вклад в освобождение Румынии от гитлеровского господства» [2].

Эти чувства были продемонстрированы делегацией РКП во главе с Н. Чаушеску, участвовавшей в работе XXV съезда КПСС. С глубоким удовлетворением отметив деятельность своей делегации, Политисполком Румынской коммунистической партии охарактеризовал ее участие в работе XXV съезда КПСС как выражение дружбы, сотрудничества и солидарности между РКП и КПСС, между Румынией и Советским Союзом, между народами двух стран, как проявление желания развивать и углублять эти отношения в интересах обоих государств [3].

Важной вехой в дальнейшем развитии советско-румынской дружбы и сотрудничества явилась встреча Л. И. Брежнева и Н. Чаушеску в Крыму 3 августа 1976 г. Как отмечалось в коммюнике об этой встрече, «особое внимание было уделено углуб-

---

[2] «Scînteia», 23.VIII 1969.
[3] См. «Правда», 1976, 19 марта.

лению межпартийных связей, дальнейшему укреплению братских отношений между народами обеих стран... Товарищи Л. И. Брежнев и Н. Чаушеску подчеркнули решимость КПСС и РКП всемерно содействовать дальнейшему укреплению сплоченности и взаимодействия стран социализма, мирового коммунистического движения на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. С удовлетворением было отмечено крепнущее единство взглядов по обсуждавшимся вопросам» [4].

Ежегодно 23 августа румынский народ торжественно отмечает свой национальный праздник — День освобождения страны от фашистского господства. Эта дата стала знаменательной и для его верного друга — советского народа. В своем поздравлении по случаю 32-й годовщины освобождения Румынии советские руководители отметили: «Августовское вооруженное восстание 1944 года, осуществленное патриотическими силами во главе с коммунистами в условиях победоносного наступления Советской Армии, сокрушившего вооруженную опору режима Антонеску, открыло новую эру в жизни румынского народа — эру социализма... Искренне радуясь достижениям трудящихся Румынии в социалистическом строительстве, советские люди бережно хранят и приумножают традиции дружбы и плодотворного взаимодействия между нашими партиями и народами. Центральный Комитет КПСС и Советское правительство последовательно придерживаются линии на дальнейшее всестороннее углубление дружеских связей с Румынией, на осуществление эффективного сотрудничества между нашими странами во всех областях жизни» [5].

Духом братской дружбы было проникнуто и ответное послание румынских руководителей, в котором выражалась сердечная благодарность за поздравления и добрые пожелания. «Румынская коммунистическая партия, правительство Социалистической Республики Румынии, весь наш народ,— подчеркивалось в послании,— дают высокую оценку развивающимся по восходящей линии отношениям дружбы и сотрудничества с Коммунистической партией Советского Союза, с СССР и народами Советского Союза... Мы глубоко убеждены, что непрерывное развитие и углубление отношений дружбы и многостороннего сотрудничества между двумя партиями, странами и народами служат делу социализма, сотрудничества и солидарности социалистических стран, коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических и прогрессивных сил» [6].

Яркой демонстрацией братства и нерушимой дружбы, крепнущего сотрудничества между СССР и СРР, КПСС и РКП, советским и румынским народами явился визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Румынию (ноябрь 1976 г.),

[4] «Правда», 1976, 4 августа.
[5] «Правда», 1976, 23 августа.
[6] «Правда», 1976, 10 сентября.

во время которого состоялись его переговоры с Генеральным секретарем РКП, Президентом СРР Н. Чаушеску. В опубликованном по окончании этого визита «Заявлении о дальнейшем развитии сотрудничества и братской дружбы между КПСС и РКП, Советским Союзом и Румынией» было подчеркнуто: «КПСС и РКП исполнены решимости и дальше всемерно развивать свое товарищеское сотрудничество на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, равноправия, в духе взаимного доверия и уважения, крепить братскую дружбу советского и румынского народов, отвечающую коренным национальным интересам СССР и СРР, интересам дела мира, демократии, национальной независимости и социализма» [7].

Дружба и сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами, основанные на прочном фундаменте общности политического строя и коммунистической идеологии, на принципах равенства и взаимного уважения, являются для румынского народа одним из важнейших его завоеваний. Они стали возможными в результате народной революции, осуществленной под руководством коммунистической партии и покончившей как с фашистским режимом, так и с породившим его капиталистическим строем.

---

[7] «Правда», 1976, 25 ноября.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Демократические задачи революционного пролетариата.— Полн. собр. соч., т. 10.
Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Полн. собр. соч., т. 11.
Ленин В. И. Вопрос о земле и борьба за свободу.— Полн. собр. соч., т. 13.
Ленин В. И. Аграрный вопрос и силы революции.— Полн. собр. соч., т. 15.
Ленин В. И. К вопросу об общенациональной революции.— Полн. собр. соч., т. 15.
Ленин В. И. Балканские народы и европейская дипломатия.— Полн. собр. соч., т. 22.
Ленин В. И. Отсталая Европа и передовая Азия.— Полн. собр. соч., т. 23.
Ленин В. И. Поражение России и революционный кризис.— Полн. собр. соч., т. 27.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полн. собр. соч., т. 27.
Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».— Полн. собр. соч., т. 30.
Ленин В. И. Письма из далека.— Полн. собр. соч., т. 31.
Ленин В. И. Резолюция о текущем моменте.— Полн. собр. соч., т. 31.
Ленин В. И. Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33.
Ленин В. И. Марксизм и восстание.— Полн. собр. соч., т. 34.
Ленин В. И. Сообщение о переговорах по радио с Бела Кун.— Полн. собр. соч., т. 38.
Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Полн. собр. соч т. 41.
Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции.— Полн. собр. соч., т. 44.
Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961.
Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.
Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969.
К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1970.
О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. М., 1972.
Тридцатилетие победы советского народа в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. М., 1975.
За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1976.
Брежнев Л. И. Великая победа советского народа.— Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1970.
Брежнев Л. И. Речь на митинге советско-румынской дружбы в Кремлевском дворце съездов.— Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1970.

Брежнев Л. И. Пятьдесят лет великих побед социализма.— Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970.
Брежнев Л. И. Дело Ленина живет и побеждает.— Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970.
Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик.— Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974.
Брежнев Л. И. Во имя мира, безопасности и сотрудничества.— Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976.
Георгиу-Деж Г. Статьи и речи, т. I—II. М., 1956.
Георгиу-Деж Г. Статьи и речи (1960—1962). Бухарест, 1963.
Георгиу-Деж Г. 20-я годовщина освобождения Румынии от фашистского ига. Бухарест, 1964.
Димитров Г. В борьбе за единый фронт против фашизма. Статьи и речи. 1935—1937. М., 1939.
Димитров Г. М. Избранные произведения, т. I—II. М., 1957.
Gheorghiu-Dej Gh. Articole şi cuvintări (1955—1959). Bucureşti, 1959.
Gheorghiu-Dej Gh. Articole şi cuvintări (1959—1961). Bucureşti, 1961.
Чаушеску Николае. Румыния по пути построения всесторонне развитого социалистического общества.— Доклады, речи и статьи, т. 1—6. Бухарест, 1969—1972.
Ceauşescu Nicolae. România pe drumul construirii societăţii socialiste multilateral dezvoltate, vol. 7. Bucureşti, 1973.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Архив внешней политики СССР, фонды 125 и 0125.
Историко-дипломатический архив. Микрофильмы румынских архивных документов, фонды совета министров Румынии, министерства иностранных дел Румынии, военного министерства и генерального штаба румынской армии, оп. 1, д. 2, 22, 16, 18; оп. 2, 1, 6, 20, 22, 25, 26, 28, 30, 56, 62, 73, 80, 81, 82, 83; оп. 3, д. 80, 10, 32, 47, 49, 57, 137, 142, 163, 168, 36, 45, 267, 131, 212, 137, 144, 145, 164, 299, 33, 3, 169, 10, 14, 21, 34, 25, 159, 80, 191, 196, 206, 207, 225, 261, 22, 147, 183, 184, 250; оп. 4, д. 508, 512, 627, 724, 750, 730, 735, 782, 157, 203, 372, 400, 40, 773, 660, 775, 300, 301, 505, 514, 582, 725, 739, 333, 348, 349, 352, 353, 354, 356, 357, 359, 360, 27, 108, 220, 398, 492, 493, 496, 507, 522, 650, 723, 32, 294, 295, 299, 40 77, 116, 334; оп. 5, д. 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 89, 90, 97, 135, 184, 188, 263, 365, 395, 112.
Arhiva Comitetului Central al PCR, fonduri 1, 103, 104.
Arhiva Centrală a Institutului de istorie a partidului de pe linga CC ul PCR, fond 13.
Arhiva Ministerului Fortelor Armate, fond Marele Stat-Major.
Arhiva Ministerului Afacerilor Externe, fond Germania.
Arhiva Statului Bucureşti, fond Presedinţia Consiliului de ministri.

* * *

Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. III (1925—1934), т. IV (1935—1941), т. V (1941—1946). М., 1945—1947.
Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, т. I—III. М., 1946—1947.
Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I—II. М., 1948.
Документы внешней политики СССР, т. I—XX. М., 1957—1976.
Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962.
Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы в двух томах. М., 1973.
Выступления в прениях участников Пленума ЦК РРП (30 ноября — 5 декабря 1961 г.). Бухарест, 1961.

Anuarul statistic al României 1939—1940. Bucureşti, 1940.
Anuarul statistic al RPR. Bucureşti, 1957—1960.
Anuarul statistic al României (1929—1940). Bucureşti.
Breviarul statistic al României. Bucureşti, 1939.
Comunicări statistice, I—II. Bucureşti, 1945.
Decret-lege pentru stabilirea salariilor minimale in intreprinderi. Bucureşti, 1940.
Documente din istoria partidului comunist din România 1917—1944. Bucureşti, 1951.
Documente din istoria partidului comunist din România 1929—1933. Bucureşti, 1957.
Documente din istoria partidului comunist din România 1934—1937. Bucureşti, 1957.
Documente din istoria Uniunii tineretului comunist din România 1917—1944. Bucureşti, 1958.
Documente privind pregătirea şi infăptuirea sub conducerea PCR a insurecţiei armate de 23 august 1944.— «Analele», 1959, N 4.
Documente privind starea de spirit a maselor populare şi armatei impotriva dictaturii.—«Analele», 1961, N 4.
Documente privitoare la lupta maselor muncitoare sub conducerea PCR...— «Revista arhivelor», 1959, N 1.
Documents on British Foreign Policy (1919—1939), Third series, vol. I—IX. London, 1949—1955.
Documents on German Foreign Policy (1918—1945), series D (1937—1945), vol. IV—XI. London, 1951—1960.
Documents on American Foreign Policy, vol. II—VII. Washington, 1944—1947.
Foreign Relations of US. Diplomatic Papers (1932—1939). Washington, 1958.
Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht, Bd. III. Frankfurt am Mein, 1965.
I Documenti diplomatici italiani, series 8. Roma, 1945—1953.
L'Entente Balkanique du 9 février 1939 au 8 février 1940. Bucureşti, 1940.
Pe marginea prăpastiei, vol. I—II. Bucureşti, 1941.
Procesul marii trădări naţionale (Stenograma desbaterilor dela tribunalue poporului asupra Antonescu). Bucureşti, 1946.
Le procés des dirigeants de l'ancien parti national-paysan: Maniu, Mihalake etc. Bucureşti, 1947.
Le procés du groupe des comploteurs, espions et saboteurs: Popp, Bujoi, Aushnit etc. Bucureşti, 1949.
Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. 14 November 1945—1 October 1946, vol. I, II, IV, VII, XI, XX, XXV. Nuremberg. 1947—1949.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ ЗА 1934—1945 гг.

«Известия»
«Красная звезда»
«Правда»
«Большевик»
«Война и рабочий класс»
«Вопросы истории»
«Коммунист»
«Коммунистический Интернационал»
«Мировое хозяйство и мировая политика»
«Новая и новейшая история»
«Scînteia»
«România liberă»
«Argus»
«Curentul»
«Cuvîntul nou»
«Dreptatea»
«Informaţia»
«Libertatea»
«Luptatorul»
«Timpul»
«Ultima oră»
«Universul»
«Viitorul»
«Lupta de clasă»
«Analele Institului de istorie a partidului de pe lingа CC al PCR»
«Studii. Revista de istorie»
«Probleme economice»
«Revista arhivelor»

«Revista de statistică»
«Times»
«Daily Telegraph and Morning Post»
«New York Times»
«L'Epoque»
«Le Temps»
«Contemporary Review»
«Current History»
«The Economist»
«Foreign Affairs»
«The Nation»
«19th Century and After»
«New Statesman and Nation»
«American Slavic and East European Journal»
«Revue des études slaves»
«Revue internationale des études balkaniques»
«Les Balkans»
«Slavonic and East European Review»
«Osteuropa»

ЛИТЕРАТУРА

Антосяк А. В. В боях за свободу Румынии. М., 1974.
Афтенюк С., Елин Д. *РСС* Молдовеняскэ ын Мареле рэзбой ал Униуний Совиетиче пентру апэраря патрией 1941—1945. Кишинэу, 1961.
Балканские страны. М., 1946.
Бантя Е. Румыния в антигитлеровской войне. Бухарест, 1970.
Бантя Е., Николае К., Захария Г. Румыния в антигитлеровской войне. Август 1944 — май 1945. Бухарест, 1970.
Бирюзов С. С. Суровые испытания. М., 1969.
Бодюл И. И. Присоединение Бессарабии к России и исторические судьбы молдавского народа.— «Вопросы истории», 1972, № 8.
Борисов Ю. Советско-французские отношения (1924—1945). М., 1964.
Боршоди Н. Фашистский эксперимент в Румынии.— «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 2.
Бэлтяну Б. Влияние Сталинградской битвы на политическое положение в Румынии.— «Военно-исторический журнал», 1961, № 2.
Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975.
Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. М., 1970.
Виноградов В., Карпещенко Е., Лебедев Н., Язькова А. История Румынии нового и новейшего времени. М., 1964.
Виноградов И. Н. Оборона — штурм — победа. М., 1968.
Вклад Румынии в разгром фашистской Германии. М., 1959.
Давыдов Ю. П. О новых тенденциях восточноевропейской политики США.— В кн.: Американская историография внешней политики США. М., 1972
Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1972.
Исраэлян В. Антигитлеровская коалиция 1941—1945. М., 1964.
История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, т. 1—6. М., 1960—1963.
История внешней политики СССР, изд. 2-е, ч. 1. М., 1976.
История второй мировой войны, в 12 томах, т. 1—6. М., 1973—1976.
История дипломатии, т. IV. М., 1975.
История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1. М., 1970.
История международных отношений и внешней политики СССР. М., 1959—1963.
История Молдавской ССР. Кишинев, 1955.
История Румынии 1918—1970. М., 1971.
Кобляков И. К. Борьба за мир и коллективную безопасность. М., 1975.
Колкер Б. Национально-освободительная борьба в Румынии.— «Вопросы истории», 1954, № 8.
Колкер Б. М., Левит И. Э. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1937 — июнь 1941). М., 1971.
Лазарев А. М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974.
Лебедев Н. И. «Балканский вариант» англо-американской стратегии во второй мировой войне.— «Новая и новейшая история», 1959, № 5.

Лебедев Н. И. За мир на Балканах. М., 1960.
Лебедев Н. И. Румыиия в годы второй мировой войны. М., 1961.
Лебедев Н. И. Румыиская Народная Республика в современных междуиародиых отношениях. М., 1962.
Лебедев Н. И. Борьба за установление народной власти в Румынии в период с 23 августа 1944 г. по 6 марта 1945 г.— В кн.: Новая и новейшая история Румынии. М., 1963.
Лебедев Н. И., Карпещенко Е. Д. История Румынской Народной Республнки. М., 1964.
Лебедев Н. И. КПР — организатор аитифашистской борьбы и победы вооруженного восстания 23 августа 1944 года.— «Вопросы истории», 1964, № 7.
Лебедев Н. И. «Исторические партии» Румынии в период антисоветской войны 1941—1944.— «Вопросы истории», 1965, № 2.
Лебедев Н. И. Падение диктатуры Аитонеску. М., 1966.
Лебедев Н. И. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1968.
Левит И. Э. Захватнические плаиы буржуазно-помещичьей Румынии накануне второй мировой войны.— «Уч. зап. Института истории языка и литературы Молдавского филиала АН СССР», серия истории, т. 6. Кишииев, 1957.
Лесаков В. Румыния на путн к социализму. М., 1955.
Матей Г. 15-я годовщина освобождения Румынии от фашистского ига.— «Вопросы истории», 1959, № 9.
Мойсук В. Дипломатия Румынин и проблема защиты суверенитета и нациоиальной независимости в период марта 1938 г.— мая 1940 г. Бухарест, 1971.
Монин М. Е. Содружество, рожденное в боях. М., 1971.
Мунтян М. Очерк внешней политики РНР. 1948—1955. Кишииев, 1971.
Новиков М. Коиец Дофтаиы. М., 1963.
Олейник И. Победа социализма в Румынни. М., 1962.
Орлик И. И. Политика США в отношении социалистических стран Восточной Европы.— В ки.: Американская историография внешней политики США. М., 1972.
Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1971.
Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы. 1944—1945. М., 1970.
Паклин Н. А. Крах диктатуры Антонеску.— «Новая и иовейшая история», 1976, №№ 3 и 4.
Пархомчук С. Нарождення новоі Румунии. Антифашиский рух перемога иародної демократії в Румуніе 1941—1945. Київ, 1961.
Попов Б. Буржуазно-помещичья Румыния 1918—1944. М., 1955.
Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., 1972.
Петрик А., Цуцуй Г. Устаиовление и укрепление народно-демократического строя в Румынии. Бухарест. 1964.
Пушкаш А. Венгрия во второй мировой войне. М., 1963.
Пятиадцать лет свободной Румынии. М., 1959.
Розанов Г. Германия под властью фашизма. М., 1961.
Роман В., Захареску В., Петрик А. Аитифашистское движение Сопротивления в Румынии. В кн.: Вторая мировая война. Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине Победы над гитлеровской Германией, кн. 3. М., 1966.
Румыния во второй мировой войне. Бухарест, 1964.
Румыния в годы иародно-демократической революции. 1944—1947. Пер. с рум. М., 1974.
Сазина М. Г. Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М., 1963.
Самойлов М. Румыния 1939—1949. М., 1951.
Самсонов А. М. Крах фашнстской агрессин 1939—1945. Исторический очерк. М., 1975.
Санакоев Ш. П. Мировая система социализма. М., 1968.

Семиряга М. Победа народного вооруженного восстания 23 августа 1944 года.— «Новая и новейшая история», 1958, № 4.
Социалистическая индустриализация стран народной демократии. М., 1960.
Страницы истории румынской армии. Под общ. ред. полковника Ал. Г. Саву. Бухарест, 1975.
Тимов С. Аграрный вопрос в Румынии. М., 1928.
Томшин Ю. Борьба Коммунистической партии Румынии за единство рабочего класса в 1944—1948 гг.— В кн.: Новая и новейшая история Румынии. М., 1963.
Ушаков В. Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961.
Фомин В. Агрессия фашистской Германии в Европе. М., 1963.
Фролов Н. Аграрные отношения в буржуазно-помещичьей Румынии.— «Труды Кишиневского сельскохозяйственного института», 1958, т. 17. Кафедра политической экономии.
Чемпалов И. К истории заключения германо-румынского экономического соглашения 1939 г.— «Новая и новейшая история», 1959, № 1.
Шевченко Ф. Участие венгров и румын в партизанском движении на Украине в годы Великой Отечественной войны Советского Союза.— «Новая и новейшая история», 1961, № 5.
Шевяков А. Борьба Компартии Румынии против политики фашизации страны в 1939—1941 гг.— «Вопросы истории», 1959, № 8.
Шевяков А. Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии. Кишинев, 1963.
Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны, кн. 2. М., 1970.
Язькова А. А. Борьба румынского народа против наступления реакции и фашизма в 1935—1937 гг.— «Вопросы истории», 1960, № 12.
Язькова А. А. Румыния накануне второй мировой войны. М., 1963.
Язькова А., Спиваковский Е. О фальсификации некоторых вопросов новейшей истории Румынии современной буржуазной историографией.— В кн.: Новая и новейшая история Румынии. М., 1963.
Язькова А. А. Установление дипломатических отношений между СССР и Румынией в 1934 г.— «Новая и новейшая история», 1964, № 6.
Язькова А. Народная Румыния. М., 1965.
Язькова А. А. О некоторых вопросах изучения фашизма в Румынии.— «Новая и новейшая история», 1968, № 1.
Язькова А. А. Малая Антанта в европейской политике. 1918—1925. М., 1974.
Ясско-Кишиневские Канны. Под общ. ред. Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. М., 1964.

* * *

Adam I., Marcu N. Studii despre dezvoltarea capitalismului in agricultura, vol. I, Bucureşti, 1956.
Alexe N. Inapoierea economică a României burghezo — moşiereşti oglindită în unele date ale statisticii burgheze.— «Revista de statistică», 1957, N 1.
Anescu V. Rolul monarhiei în jefuirea şi exploatarea poporului român, in aservirea economică atării faţă de puterile imperialiste.— «Analele», 1962, N 6.
Armata română în războiul antihitlerist. Bucureşti, 1965. Aspecte ale dezvoltării capitalismului monopolist. Bucureşti, 1957.
August 1944— mai 1945. Bucureşti, 1969.
Balteanu B. Lupta PCR pentru instaurarea regimului democrat-popular.— «Analele», 1957, N 4.
Balteanu B. Relatiile guvernului S. U. A. cu regimul fascist din România (septembrie 1940 — iunie 1942).— «Studii», 1958, N 6.
Balteanu B. Aspecte ale aservirii economice a României de către Germania hitleristă.— «Studii», 1959, N 6.
Barbu C., Ionescu V. Constituirea si activitatea comitetelor de Front unic muncitoresc în aprilie — august 1944.— «Studii», 1964, N 8.
Benditer J. Atitudinea guvernului român faţă de Cehoslovacia (mai — septembrie 1938).— «Studii», 1956, N 5.

Bogdan C. Baza social-economică a fascismului în România.— «Studii de istorie a gîndirii economice», 1971, N 15.
Campus E. Blocul balcanic al neutrilor (septembrie 1939— martie 1940).— «Studii», 1956, N 4.
Campus E. Tratativele diplomatice in preajma dictatului de la Viena.— «Studii», 1957, N 3.
Campus E. Mica Intelegere. Bucureşti, 1967
Campus E. Intelegerea balcanică. Bucureşti, 1972.
Ciachir N., Loghin L. Frăţia de arme româno-sovietică. Bucureşti, 1959.
Cimponeriu E. Muncitorii resiţeni în lupta împotriva criminalului război antisovietic.— «Studii», 1960, N 3.
Constantinescu N., Axenciuc V. Capitalismul monopolist in România. Bucureşti, 1962.
Constantinescu O., Constantinescu N. Cu privire la problema revoluţiei industriale în România. Bucureşti. 1957.
Constantinescu-Iaşi P. Organizaţiile de masă legale conduse de PCR în anii 1932—1938. Bucureşti, 1952.
Constantinescu-Iaşi P.; Oprea I. Nicolae Titulescu — figure marquante de la diplomatie européene.— «Revue roumaine d'histoire», 1962, N 2.
Contribuţii la istoria capitalului străin. Bucureşti, 1960.
Contribuţia României la victoria asupra fascismului. Bucureşti, 1965.
Covaci M., Dragne F. Aspecte ale luptei clasei muncitoare din România împotriva dictaturii militaro-fasciste.— «Revista arhivelor», 1962, N 2.
Dezvoltarea economică a României 1944—1964. Bucureşti, 1964.
Din istoria luptelor greviste ale proletariatului din România. Bucureşti, 1957.
Din lupta PCR pentru inchegarea alianţei clasei muncitoare cu ţărănimea muncitoare, vol. I—III. Bucureşti, 1955—1960.
Dogar M. Analiza statistică a «democraţiei parlamentare» de România. Bucureşti, 1946.
Dumitrescu S. Caracterul reacţionar al concepţiilor lui V. Madgearu.— «Probleme economice», 1960, И 5.
20 de ani de la eliberarea României. Bucureşti, 1964.
23 august 1944. Bucureşti, 1964.
Economia României între anii 1944—1959. Bucureşti, 1959.
Fătu M. 1946. Din istoria politică a României contemporane. Bucureşti, 1968.
Fătu M., Spălăţelu T. Garda de fier-organizaţie teroristă de tip fascist. Bucureşti, 1971.
Fătu M. Sfirşitul fără glorie. Partidul naţional-ţărănesc (Maniu) şi partidul naţional-liberal (Brătianu) în anii 1944—1947. Bucureşti, 1972.
Fulea M. Fiscalitatea — instrument de exploatare a oamenilor muncii din România (1934—1939).— «Finanţe şi credit», 1962, N 12.
Gărneaţa A. Adevărată istorie a unei monarhii. Bucureşti, 1948.
Georgescu T. Pagini din lupta maselor populare din România impotriva războiului şi pentru pace. Bucureşti, 1959.
Georgescu T., Leonid M. Presa PCR şi a organizaţiilor sale de masă 1921—1944, Bucureşti, 1963.
Georgescu T., Fodor L. Rascoala ţăranilor din Valea Ghimeşului. Bucureşti, 1960.
Groza P. In umbra celulei. Bucureşti, 1945.
Groza P. Reconstrucţia Romăniei. Bucureşti, 1946.
Impotriva fascismului. Bucureşti, 1971.
Ioniţa Ch., Ţuţui Gh. Frontul Plugarilor (1933—1953). Bucureşti, 1970.
Institutul de istorie a partidului de pe lîngă CC al PMR, Lecţii in ajutorul celor care studiază istoria PMR. Bucureşti, 1961.
Istoria economiei naţionale a României, vol. II. Capitalismul in România. Bucureşti, 1961.
Istoria României. Compendiu. Bucureşti, 1969.
Lectii în ajutorul celor care studiază istoria PMR. Bucureşti, 1961.
Matei Gh. Insurecţia armată din august 1944.— «Studii», 1964, N 8.
Matei Gh. Dezarmarea în contextul problemelor internaţionale şi poziţia României 1919—1934. Bucureşti, 1971.

Militarism german şi România. Bucureşti, 1963.
Murgescu C. Reforma agrară din 1945. Bucureşti, 1956.
Muşat S. Eşecul instaurării dictaturii regale in 1931.— «Studii», 1956, N 5.
Nedelcu F. PCR in viaţă politică a României (1934—1940).— «Anale de istorie», 1973, N 5.
Oprea I. Organizaţia şi activitatea formaţiunilor patriotice de lupta.— «Studii», 1960, N 4.
Oprea I. Masele muncitoare în lupta impotriva fascismului 1934—1938.— «Studii», 1964, N 8.
Organizaţiile de masă legale şi ilegale create, conduse sau influenţate de PCR 1921—1944, vol. I. Bucureşti, 1970.
Păcuraru I., Goldstein E. Aspecte ale situaţiei ţărănimei muncitoare din România burghezo-moşierească.— «Revista de statistică», 1961, N 8.
Parpala O. Exportul de produse agricole şi dezvoltarea unilaterala a agriculturii României burghezo-moşiereşti.— «Probleme economice», 1960, N 11.
Petrovic N., Ţuţui Gh. Făurirea alianţei muncitoresţi-ţărăneşti.— «Analele», 1965, N 1.
Popescu-Puţuri I., Zaharia Gh., Rădulescu I. Insurecţia armată antifascistă din august 1944.— «Analele», 1965, N 2.
Puia I., Baloiu C. Concentrarea muncitorilor din industria prelucratoare a României in ajunul celui de al doilea război mondial.— «Revista de statistică», 1963, N 4.
Ravas Gh. Din istoria petrolului românesc. Bucureşti, 1955.
Roller M. Studii şi note ştiinţifice. Bucureşti, 1956.
Roller M. Scrieri istorice şi social-politice. Bucureşti, 1957.
Roman A. Din istoria luptelor greviste ale muncitorilor de la fabrica de postav Buhusi. Bucureşti, 1959.
Roman V., Zaharescu V., Petri A. Cercetare miscarii de rezistenţa antifascistă din România.— «Analele», 1965, N 2.
Savin T. Economia românească sub jugul imperialismului german. Bucureşti, 1946.
Savin T. Istoria unei figuri «istorice». I. Maniu. Bucureşti, 1946.
Savu Al. Lupta maselor populare pentru răsturnarea primului guvern cu majoritate reactionară.— «Analele», 1959, N 6.
Savu Al. Gh. Dictatura regală. 1938—1940. Bucureşti, 1970.
Simon A., Negoe S. Comitetul naţional antifascist din România. Bucureşti, 1973.
Stoica Chivu. Eroicele lupte ale muncitorilor ceferişti petrolişti din 1933. Bucureşti, 1953.
Studii privind istoria economică a României. Bucureşti, 1961.
Studii privind politica externă a României 1919—1939. Bucureşti, 1969.
Studii şi articole de istorie, vol. I—IV. Bucureşti, 1956—1962.
Studii şi materiale de istorie contemporana, vol. I—II. Bucureşti, 1956—1962.
Surpat Gh. Pauperizarea clasei muncitoare din România burghezo-mosierească. Bucureşti, 1962.
Topalu V. Din lupta PCR in perioada dictaturii regale.— «Studii», 1961, N 2.
Tamas C. şi alti Aspecte ale luptei ţărănimei din regiunea Arges impotriva dicta turii militare-fasciste.— «Revista arhivelor», 1962, N 2.
Ţuţui Gh. Partidul in perioada luptei pentru instaurarea puterii democrat-populare (august 1944— martie 1945).— «Revue d'histoire roumaine», 1974, t. 27 N 3.
Ţuţui Gh., Popescu A. Zdrobiţi de popor. Bucureşti, 1959.
Ţuţui Gh., Popa H. Hohenzollernii in România. Bucureşti, 1962.
Udrea T. Condiţiile istorice ale formării Frontului naţional democrat.— «Studii», 1964, N 8.
Vicentio P. Lupta PCR pentru crearea frontului popular antifascist (Autoreferat). Bucureşti, 1961.
Zaharescu V. Participarea României la războiul antihitlerist.— «Studii», 1964, N 8.

* * *

Alastos D. The Balkans and Europe. A Study of Peace and Forces of War. London, 1950.
Alifieri D. Dictators: Face to Face. London, 1954.
Arcadian N. Industrializarea Rominiei. Bucureşti, 1936.
Argetoianu C. Orientari generale pentru alcătuirea unui plan economic pe un termen mai lung. Bucureşti, 1938.
Arnaud O. La nouvelle Roumanie. Paris, 1938.
Aspecte ale economiei romănesti. Bucureşti, 1939.
Averescu A. Dictatura şi comunismul. Bucureşti, 1936.
Barker E. South-Eastern: A political and Economic Survey. London, 1939.
Basch A. The Danube Basin and German Economic Sphere. New York, 1944.
Beck J. Dernier rapport. Politique Polonaise 1926—1939. Paris, 1951.
Bishop R., Crayfield E. Russia astride the Balkans. New York, 1950.
Black C. Challenge in Eastern Europe. New York, 1954.
Black C. The Axis Sattelites and the Great Powers. New York, 1946.
Boldur A. Statutul internaţional al Basarabiei. Chişinău, 1938.
Bolitho H. Rumania under King Carol. New York, 1940.
Bonnet G. Defense de la paix, vol. 1—2. Paris, 1946—1948.
Bova Scoppa R. Colloqui con Due Dittatori. Roma, 1949.
Brătianu G. Tradiţia istorică despre intemeierea statelor româneşti. Bucureşti, 1945.
Bratianu G. La Roumanie et l'URSS. Bucureşti, 1936.
Braun A. Lupte şi jertfe pentru Ardeal. Brasov, 1944.
Broszat M. Die Eiserne Garde und das Dritte Reich.—«Politische Studien». München, September 1958.
Calinescu A. Discursuri parlamentare, vol. 1—2. Bucureşti, 1938.
Calinescu A. Noul regim. Bucureşti, 1939.
Calinescu A. România renaşterii. Bucureşti, 1939.
Calinescu A., Gafenco Gr. La Roumanie et la crise de l'Europe. Bucureşti, 1939.
Carp M. Legionari şi rebeliunea. Bucureşti, 1946.
Cartea comandantului legionar. Bucureşti, 1940.
Cartea legionarului. Bucureşti, 1940.
Chandan K. Les Balkans et la democratie. Paris, 1937.
Charlé K. Die Eizerne Garde. Berlin, 1939.
Churchill W. The Second World War, vol. I—VI. London, 1949—1954.
Ciano G. L'Europa verso la catastrofe. Milano, 1948.
Ciano's Diaries 1939—1945. New York, 1948.
Clopotel I. Criza democraţiei in România. Bucureşti, 1926.
Codreanu C. Eizerne Garde. Berlin, 1939.
Codreanu C. Pentru legionari. Bucureşti, 1939.
Codrescu F. Capitalurile germane în România. Bucureşti, 1941.
Comnéne N. Anarchie, dictature ou organisations internationales. Genéve, 1946.
Comnéne N. Preludi del grande dramma. Roma, 1947.
Constantinescu M. Politica economică aplicată. Bucureşti, 1943.
Coulondre R. De Stalin á Hitler. Souvenirs de deux Ambassades 1936—1939. Paris, 1950.
Cretzianu A. La politique de paix de la Roumanie à l'égard de l'Union, Soviétique. Paris, 1954.
Cretzianu A. Captive Rumania. A Decade of Soviet Rule. New York, 1956.
Cretzianu A. The Lost Opportunity. London, 1958.
Dascovici N. Politica externă a României. Jasi, 1936.
Dimancescu D. Post War World, a Plea for Rumania. Oxford, 1941.
Dobrovici M. Evoluţia economică şi financiară a României in perioada 1934—1943. Bucureşti, 1943.
Dorul D. Revoluţia fascistă. Bucureşti, 1932.
Dumitrescu S. Activitatea de război a organizaţiei clandestine in România. Bucureşti. s. a.

Dumitru S. Romanie, terre d'infortune. Paris, 1970.
East Central Europe under the Communists Rumania, ed. by S. Fisher-Galaţi. New York, 1957.
Easterman A. King Carol, Hitler and Lupescu. London, 1942.
Economic Development in South Eastern Europe. Oxford, 1945.
Einzig P. Bloodless Invasion. German Economic Penetration into Danubian States and the Balcans. London, 1939.
Eliade M. Les huliganes. Paris, 1936.
Ene E. Spre statul ţărănesc. Bucureşti, 1932.
Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. New Jersey, 1957.
Fisher-Galaţi S. Rumania. A Bibliographical Guide. Washington, 1963.
Flandin E. Politique française 1919—1940. Paris, 1947.
Frissner H. Verratene Schlachten. Die Tragödie der deutschen Wehrmacht in Rumanien und Ungarn. Hamburg, 1956.
Gafenco G. Derniers jours de l'Europe. Un voyage diplomatique en 1939. Paris, 1939.
Gafencu G. Prelude to the Russian Campaign. London, 1945.
Gamelin. Servir. Le prologue du drame (1930—1 août 1939). Paris, 1946.
Georgesco A. Le régime juridique et financier de capitauxé trangers en Roumanie. Paris, 1934.
Geshkoff T. Balkan Union: A Road to peace in Southeastern Europe. New York, 1940.
Gheorghiu I. Rumaniens Weg zum Satteliten Staat. Heidelberg, 1952.
Giannini A. Le vicende della Rumania (1878—1940). Roma, 1941.
Giurescu C. Istoria Romanilor, vol. I—III. Bucureşti, 1938—1946.
Giuresco D. Les monopoles en Roumanie. Paris, 1933.
Gordan C. The Rumanian oil Industry. New York, 1959.
Gosset Pierre et Renée. La deuxième guerre mondiale. Les secrets de la paix manquée. Paris, 1951.
Görlitz W. Paulus und Stalingrad. Frankfurt a/M, 1964.
Greiner H. Die oberste Wehrmachtführung 1939—1943. Wiesbaden, 1951.
Hall D. Roumanian Furrow. London, 1939.
Herseni T. Miscarea legionară şi muncitorimea. Bucureşti, 1940.
Hillgruber A. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rümanischen Beziehungen 1938—1944. Wiesbaden, 1954.
Hillgruber A. Hitlers Strategie. Frankfurt a/M., 1965.
Hitler's Europe. New York, 1951.
Hitler's Secret Conversations. New York, 1959.
Hoaven H. King Carol of Roumania. London, 1940.
Hodineau G. Frontul Renasterii Naţionale. Bucureşti, 1940.
Ioanitescu D. Charta muncii agricole. Probleme social-tărănesti. Bucureşti, 1944.
Ionescu-Sisesti A. La reforme agraire en Romanie et ses consequences. Bucureşti, 1937.
Iorga N. Memorii. Sinuciderea partidelor politice (1932—1938). Bucureşti, 1939.
Kallay N. Hungarian premier. New York, 1954.
Kamenetzki I. Secret nazi plans for Eastern Europe. New York, 1961.
Kertesz S. Diplomacy in a Whirlpool. Notr-Dame (Indiana), 1953.
Kertesz S. The Fate of East Central Europe. New York, 1956.
King W., O'Brien M. Balkans, Frontier of two Worlds. New York, 1947.
Kiritzesco C. La Roumanie dans la guerre mondiale 1916—1919. Paris, 1934.
Kolko G. The politics of War. New York, 1969.
Korbel I. The Captive Nations. Toronto, 1955.
Kormos. Rumania. Cambridge, 1944.
Laenen H. Marschall Antonescu. Essen, 1943.
Lee A. Special Duties. Reminiscences of a Royal Air Force Staff Officer in the Balkans, Turkey and Middle East. London, 1947.
Lee A. G. Crown Against the Sickle. The Story of King Michel of Rumania. London, 1949.
Lovrin C. Rumania To-day. London, 1945.

Lukacs. The Great Powers and Eastern Europe. New York, 1951.
Macartney C. Problems of Danubian Basin. Oxford, 1944.
Mackray R. The Little Entente. London, 1932.
Mackray R. The Eastern Question Revived. Bulgaria Claims on Rumania. London, 1939.
Macrin G. Despre greutăţile războiului (Lămuriri). Bucureşti, 1943.
Madgearu V. Evoluţia economiei romănesti după razboiul mondial. Bucureşti, 1940.
Manoilescu M. N. Romanismul şi dreptul său. Bucureşti, 1936.
Manuila S. Structure et évolution de la population rurale. Bucureşti, 1940.
Marcel C. Evoluţia partidelor noastre «istorice». 1919—1932. S. l., s. a.
Marghiloman A. Note politice 1897—1924, vol. 1—5. Bucureşti, 1927.
Markham R. Rumania under the Soviet Yoke. Boston, 1949.
Memorial Antonesco. Le troisième homme de l'axe, vol. 1. Paris, 1950.
Mezincescu A. Rumania over Two Years of German Domination, Oxford, 1943.
Mihalache I. Ţărănism şi naţionalism. Bucureşti, 1935.
Mihalache I. Partidul naţional-ţărănesc. Aniversarea 1926—1936. Bucureşti, 1936.
Moscow's European Sattelites. Washington, 1955.
Mourin M. Les tentatives de paix dans la deuxième guerre mondiale. Paris, 1949.
Mourin M. Le drame des pays sattelites de l'axe de 1939 a 1945. Paris, 1957.
Mylons G. The Balkans States. S.-Louis, 1946.
Nazi Conspiracy and Agression, vol. III. Washington, 1946.
Neubaucher H. Sonderauftrag Südost 1940—1945. Wien, 1957.
Newman B. Balkans Background. New York, 1945.
Noël L. L'agression allemande contre la Pologne. Paris, 1946.
Noguères H. Munchen ou la drole de paix. Paris, 1963.
Okhotnikov I., Batchinski N. La Bessarabie et la paix europénne. Paris, 1927.
Parker R. Headquarters Budapest. New York, 1944.
Patmore D. Balkan correspondent. London, 1939.
Patrascanu L. Sous trois dictatures. Paris, 1946.
Paul-Boncour I. Entre deux guerres. Paris, 1916.
Pavel P. Why Rumania failed. London, 1942.
Pavel P. Transylvania and Danubian Peace. London, 1943.
Petrascu N. Evoluţia politică a Romîniei in ultimii douăzeci de ani (1918—1939). Bucureşti, 1938.
Philippi A., Heim F. Der Feldzug gegen Sowietrussland 1941 bis 1945. Stuttgart, 1962.
Politics and political parties in Rumania. Bucureşti, 1936.
Popescu S. La constitution roumaine du 27 fevrier 1938 et ses principes. Paris, 1939.
Praguer W. Bukarest. Berlin, 1943.
Prost H. Destin de la Roumanie (1918—1954). Paris, 1954.
Protopeanu V. şi alţi. Ghidul pieţei financiare. Bucureşti, 1943.
Razus P. Les entreprises économiques de l'Etat. Paris, 1939.
Reynaud P. La France a sauvé l'Europe. Paris, 1951.
Roberts H. The sattelites in Eastern Europe. Phil., 1958.
Roberts H. Rumania: political problems of an Agrarian State. New York, 1961.
Roman V. Doctrina liberală şi realizările partidului naţional-liberal in România. Bucureşti, 1936.
Rothschild J. East Central Europe between the two World Wars. Washington, 1974.
Roucek J. Contemporary Roumania and her Problems. London, 1932.
Roucek J. The politics of the Balkans. New York, 1939.
Roucek J. Central-Eastern Europe — Crucible of World Wars. New York, 1946.
Roucek J. Balkan Politics. London, 1948.
Schmidt P. Hitler's Interpreter. New York, 1951.
Seicaru P. Rien que des cendres. Paris, 1949.
Serbanesco G. Sous la botte soviétique. Paris, 1957.
Seton-Watson H. Eastern Europe between the Wars 1918—1941. London, 1945.
Seton-Watson H. The East European Revolution. London, 1950.

Soimaru T. Istoria vieţii publice din România (1928—1938). Bucureşti, 1938.
South Eastern Europe. Oxford, 1940.
Spector S. Rumania at the Paris Peace Conference. New York, 1962.
Stavrianos L. Balkan Federation. Northampton, 1944.
Stavrianos L. The Balkans since 1953. New York, 1958.
Stoica V. Intre Italia şi noi (1919—1940). Bucureşti, 1941.
Stoyan P. Spotlight on the Balkans. New York, 1940.
Survey of International Affairs for 1930—1937.
Survey of International Affairs 1938, vol. 1—3. London, 1951—1953.
Survey of International Affairs 1939—1946. The World in March. London, 1952.
Survey of International Affairs 1939—1946. The Eve of the War. London, 1957.
Survey of International Affairs 1939—1946. The Initial Triumph of the Axis. London, 1958.
Tabouis G. Douăzeci de tenzimei diplomatice. Bucureşti, 1965.
Tatarescu Gh. Patru ani de guvernare. Opera partidului naţional-liberal. Bucureşti, 1937.
Taylor A. L. English History 1914—1945. Oxford, 1965.
Trei ani de guvernare. Bucureşti, 1943.
Vladesco O. L'Entente balkanique. Bucureşti, 1939.
Voiculescu I., Hagiu I. Opera guvernului liberal 1933—1937. Bucureşti, 1937.
Waldeck. Athenee Palace. Bucarest. London, 1943.
Western M. The Balkans. Europe's Powder Key. Toronto, 1946.
Wheeler-Benett J. Munich-Prologue to the Tragedie. London, 1963.
White L. The Long Balkan Night. New York, 1944.
Wolff R. The Balkans in Our Time. Cambridge, 1956.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авеноль 57
Авереску И. 143, 192
Аврамеску И. 492
Аврамовски Ж. 155
Аджу К. 464
Адоряну Г. 26
Аксенчук В. 60
Алдя 480, 523, 526, 527, 538, 539, 554, 575, 587
Александреску А. 593 609
Алиманештяну 609
Андоние 583
Андрей Б. 385
Анеску В. 28
Антонеску В. 56, 155, 156, 161, 164, 172—174, 251
Антонеску И. 6—8, 12, 13—19, 22, 30, 41, 169, 179, 181, 187, 192, 207, 214, 222, 245, 259, 273, 292—327, 329—342, 344—358, 360, 362, 364—367, 369—372, 374, 376—380, 383, 384, 386, 389, 391, 392, 394, 396—401, 403, 404, 406—424, 426, 428—433, 435—442, 444, 446—448, 455, 457—462, 465, 466, 468—471, 473, 474, 476, 478—481, 484, 487, 488, 491—495, 497, 504—505, 509—511, 517, 520, 522, 523, 527, 528, 529, 537, 542, 544, 547, 560, 572, 577, 580, 583, 602, 606, 613
Антонеску М. 342, 347, 362—365, 367—369, 414, 418—421, 423—427, 429, 433, 435—437, 439, 440, 458, 479, 494, 580
Антосяк А. В. 31, 32, 492, 558, 559, 566, 577, 597
Апостол Г. 87, 508, 562, 588, 600
Арас Р. 164
Аргези Т. 469
Аржетояну, семейство 55
Аржетояну К. 40, 56, 95, 110, 132, 147, 178, 182, 192, 218, 287, 321, 341, 348, 398
Арцишевский 128, 181
Аушнит, семейство 55
Аушнит М. 43, 56, 73, 321, 531

Бадольо П. 433
Бантя Е. 27, 28, 611
Барту Л. 122, 124, 127
Барце 228
Беза Г. 76
Бек Ю. 147, 161, 162, 203, 204, 205, 224, 234
Бендитер Ж. 23
Бенеш Э. 126, 133
Березняков Н. В. 103
Берчану 585
Бжезинский З. 20
Билый 182
Бирюзов С. С. 31
Бланк 321
Блюм Л. 141
Бобейко И. М. 103
Бодюл И. И. 34, 102
Боднэраш Э. (Чаушу) 463, 480, 481, 484
Богдан К. 23
Болдуин С. 129
Болито Г. 5, 77
Бонкур 182
Босси 345, 368
Брандш Р. 123
Браухич 280
Брежнев Л. И. 3, 39, 612, 613
Брэтиану, семейство 55, 67
Брэтиану Г. 97, 110, 132, 133, 138, 149, 154, 157—160, 164, 169, 177, 201, 204, 210, 211, 215, 216, 356, 397
Брэтиану Д. 13, 14, 67, 69, 79, 169, 189, 190, 192, 194, 207, 238, 296, 298, 299, 301, 309, 333—335, 337, 374, 397, 400—403, 405, 407, 409, 410, 414, 415, 430—432, 440, 442, 449, 452, 457, 471—474, 493—495, 509, 524—526, 528, 529, 549, 553, 562, 581, 597
Бугнариу Т. 87
Бужой И. 160, 222, 257, 321, 532
Бунеску Т. 25
Бэла Ж. 385
Бюлов 125

Вайда-Воевод А. 46, 55, 56, 66, 68, 69, 76, 77, 79, 81, 110, 132, 175, 192, 416, 440
Варринер Д. 19
Василики Г. 87
Василиу-Рэшкану К. 480, 481, 580
Вебер 118
Вейхс 353
Велер 490
Венк 354
Видяну 271
Виерман 247
Виктор-Эммануил 428, 429
Виллелюм 202
Вильсон 452—455
Виноградов Б. 111
Виноградов В. Н. 35
Виноградов И. Н. 506, 507

Вшояну К. 161, 456, 457, 472, 497, 511
Войтек Шт. 464
Волкович 257
Вольтат Г. 161—162, 218
Вольф Р. 12, 16
Ворошилов К. Е. 233

Габсбург Отто 119
Гайм Ф. 426
Галифакс Э. Ф. 204, 217, 218, 225, 228, 230, 232, 234
Гальдер Ф. 270
Гамелен М. 166
Ганзен 317, 497—499
Гартнер Ф. 532
Гафенку Г. 9—11, 207, 215, 218, 219, 222, 225—227, 229—233, 235, 241, 243—245, 248, 251, 252, 257, 261, 263, 284, 303, 340, 455
Гельмеджеану М. 81
Георге И. 347, 353
Георге П. 385
Георгиу И. 424
Георгиу С. 438
Георгиу-Деж Г. 39, 40, 44, 58, 87, 89, 97, 191, 385, 443, 475, 481, 514, 516, 518, 521, 535, 548, 564, 567, 568, 574, 578, 579, 589, 598, 599, 600, 602, 609
Геринг Г. 125, 157, 158—160, 163, 168, 169, 181, 202, 211, 214—216, 275, 276, 320, 345, 369
Гёрлиц В. 417
Герстенберг 243, 245, 300, 497—499
Гесс Р. 82
Гика 299, 314, 316
Гиммлер Г. 82
Гитлер А. 6—8, 10, 11, 53, 63, 65, 76, 95, 113, 119, 121, 125, 136, 140, 144, 146, 149, 150—152, 160, 168, 174, 175, 177, 178, 180, 181, 200, 203, 204, 207, 210—215, 227, 228, 236, 237, 252, 253, 254, 263, 264, 266, 269, 270, 273—283, 291, 293, 300, 304—306, 312, 314, 317—319, 334, 335, 341, 342, 344—347, 351, 352, 354, 356, 357, 363, 368, 369, 377, 380, 382, 384, 386, 397, 398, 404, 409, 410, 413, 414, 417—421, 423, 425, 426, 428, 440, 450, 452—454, 457, 470, 473, 475, 476, 481, 492, 494, 498, 508, 510, 547, 577
Гога О. 66, 132, 137, 143, 146, 149, 158, 169, 174, 179—190, 195, 199, 231
Гогенцоллерны, 413
Гогенцоллерн Елена 413
Гогенцоллерн Кароль II 6—9, 43, 44, 53, 54, 56—58, 63, 67—69, 73—79, 81—84, 94—95, 98, 99, 101, 104, 105, 118, 119, 123—125, 127—131, 141, 142, 144, 145, 149—152, 154, 158—160, 162, 163, 165—171, 173, 177—180, 185—187, 189—192, 194—201, 203—207, 209, 211—215, 217, 219, 220, 223, 226, 227, 229, 234, 238, 241—247, 249, 252, 254—261, 263, 264, 267, 269, 271—276, 278, 279, 281, 283, 285, 291, 293—298, 307, 321, 322, 440
Гогенцоллерн Михай 12, 13, 15—17, 211, 298, 299, 306, 401, 412—414, 429, 439, 478, 480, 493, 494, 497, 502, 505, 509, 510, 564, 567, 576, 587, 597, 606, 608
Гогенцоллерн Николае 94, 95
Гогенцоллерн Фредерик 212
Гольдбергер Н. 28, 29, 493
Горанович М. М. 46, 556
Грайнер Г. 270, 280
Григореску 257
Грындя Д. 62
Гроза П. 88, 395, 552, 564—566, 578, 581, 602, 606, 607, 608, 609
Грюнберг Л. 385
Гудериан Х. 510
Гэрняца А. 23, 43, 299, 412, 413
Гюнтер М. 337, 422, 423

Давид К. 192, 325
Давидеску 265, 266
Давилла К. 440
Даладье Э. 210, 211, 227, 234
Даллес А. 437
Далин А. 11
Дельбос И. 163, 173, 174
Деринг 315
Джигурту, семейство 50
Джигурту И. 179, 263, 268, 269, 271, 275—279, 293, 321, 481
Джоржеску Ж. 385
Джорджеску Т. 26
Джерота 299
Диану 230
Дикулеску В. 22
Димитров Г. М. 39, 70, 73, 308
Дирксен Г. 224
Добрович Г. 61
Драгалина 297
Драгомир 492
Драгомир С. 257
Дракс 233
Дука И. 67, 69, 77—79, 81, 82, 122
Думитреску С. 445
Думитру С. 21
Дункан 607
Дьордь Э. 20
Дэмэчану Д. 477, 480—482, 486

Жебеляну 257
Жуков Г. К. 31

Замфиреску 161, 201, 202
Захареску В. 26, 28, 471, 481
Захария Г. 24, 27, 28, 29, 493
Захаров М. В. 31

Иден А. 435, 607
Илие П. 83
Иненю Исмет 234
Инкулец И. 78, 81, 164
Иоаницiу И. 480
Ионеску-Сисешть 257
Ионица Г. 27
Исраэлян В. Л. 34, 452, 457
Истерман А. 5, 9, 179, 191

Йодль 314
Йорга Н. 27, 155, 170, 192, 196, 256, 312

Кадоган 225
Калинеску А. 40, 76, 77,

81, 179, 185, 189, 190, 192, 196, 198, 214, 227, 229, 230, 231, 241, 242, 246, 255—258, 260
Каллаи Н. 441
Камбря Н. 508
Кампус Э. 23
Канарис 262
Кантакузино-Граничеру З. 78, 81—83, 214
Канчиков 257
Карпещенко Е. Д. 35
Картленд Б. 46, 53, 78
Кауфман 321
Кейтель 306, 314, 370, 413, 510
Кертес С. 204, 284
Кестер 122
Киллингер 314, 397, 414, 417, 425, 427, 497
Кинг В. 577
Клейст 353
Клодиус 208
Кодряну К. 48—51, 64—66, 70, 71, 73, 76—79, 81, 83, 93—97, 132, 174, 176, 177, 187, 188, 190, 195—197, 212, 214, 215, 256, 257
Колкер Б. М. 33
Команчиу Г. 525
Константинеску А. 169, 211
Константинеску М. 161, 375, 376
Константинеску Н. 28, 60
Константинеску-Яшь П. 24, 25, 87, 109
Копанский Я. М. 33, 103, 105, 108, 267
Корбель И. 20
Кордт 284
Корнецяну 257
Корнхаусер 385
Костаке Б. 422
Крайник Н. 63, 64, 83
Крецулеску И. 476, 487
Крецяну А. 9, 13, 15—17, 20, 225, 226, 299, 377, 422, 429, 435—438, 441, 449, 450, 452, 453, 455, 456, 472, 497, 511
Кристеску Эд. 580
Кристя М. 151, 191, 208
Кручану М. 87
Куза А. 49, 65, 66, 82, 110, 132, 164, 179, 181—185, 187, 188, 231
Куза Г. 179

Лаваль П. 134, 152
Лазарев А. М. 34, 103, 104, 267
Ласкар 352
Лебедев Н. И. 20, 35
Левит И. Э. 33, 105, 108
Леукутья А. 509, 583
Ленин В. И. 37, 38, 58, 116, 445, 446, 480, 518, 523, 534, 537, 541
Леон 299
Лефевр 57
Ли А. Г. 13, 17, 399, 605, 607
Ливеану В. 26
Литвинов М. М. 108, 117, 131, 143, 175
Логин Л. 28
Лукач Дж. 12, 425
Лупеску Е. 78, 81—83
Лупу Н. 90

Маджару В. 59, 81, 83, 124, 287, 312
Макдоиальд Д. Р. 116, 134
Маковей М. 87
Макрей Р. 106
Макрин 376
Малакса, семейство 55
Малакса Н. 43, 56, 73, 160, 321
Малиновский Р. Я. 31, 559, 566, 587
Маниу Ю. 7, 13—15, 17, 46, 68, 69, 79, 93, 95—97, 174—177, 189, 190, 194, 207, 239, 296, 298, 299, 302, 323, 335, 397, 398—405, 407—410, 414, 415, 429—432, 435, 440, 442, 449, 451, 452, 454—457, 471—474, 493—495, 504, 509, 524—526, 528, 529, 549, 553, 556, 562, 563, 581, 597, 603, 607
Манойлеску М. 75, 258, 274, 277—279, 281—283, 293, 440
Манштейн 354
Маргулис 321
Мареш 586
Марин В. 74
Маринеску А. 385
Маринеску Г. 46, 74, 75, 78, 192, 523
Маринеску И. И. 599
Маркхем Р. 20
Мастерсон 449
Матей Г. 26, 29

Матическу О. 25
Маурер И. Г. 87, 527
Мезинческу А. 14, 15, 325
Мииц И. И. 36
Михаил Г. 297, 480, 482, 497, 503
Михалаке И. 46, 68, 69, 175, 194, 239, 397, 398, 494, 556, 585
Мическу И. 179, 182
Могиорош А. 87, 551
Мугур 268
Мойсук В. 24
Монии М. Е. 32
Морузов 258, 262
Мосьцицкий 162
Моца И. 48, 49, 65
Моханеску Н. 385
Мочорница, семейство 55
Мурен М. 9, 414
Мурджеску К. 26
Муссолини Б. 6, 8, 10, 48, 53, 69, 95, 102, 120, 121, 134, 144, 146, 150, 151, 174, 175, 177, 178, 207, 228, 266, 278, 291, 293, 303, 304, 306, 339, 384, 427—429, 433

Негулеску 602
Неделку Ф. 27
Негое С. 27
Нейбахер 364, 366
Нейрат К. 114, 119, 120, 122, 124, 125, 128, 138, 139, 146, 180
Никита П. 26
Николае К. 27, 28
Никулеску К. 487
Никулеску-Бузешть Г. 480, 504, 505
Нимейер 57
Ницелеску С. 87
Ницше 75
Ништяну 271
Новяну 271
Нола ди 57

О'Брайн М. 577
Олтяну О. 26
Опря И. 24, 26, 105, 122, 131, 139, 147, 154
Орэшану А. 410
Островский М. С. 110, 117, 156
Оттулеску 299

Павел П. 8, 9, 59, 60
Паклин Н. А. 34, 35
Панет Л. 385

Панет Ф. 385
Пантази 353, 580
Паркер Р. 424
Пархомчук С. М. 33
Паулюс Ф. 11, 304
Пенеску Н. 567, 575
Петреску 299
Петреску Т. 89, 494, 525, 549, 550
Петреску-Комнен Н. 11, 119, 124—126, 128, 130, 131, 138, 160, 168, 169, 199, 200, 203, 211, 215
Петрик А. 28, 471, 481, 557, 597, 600
Петровическу К. 299, 316, 325, 326
Пинтилие И. 87, 325
Плавец Шт. 385, 483
Поклевский-Козел 163
Поиинский 143
Поп Г. 398, 602
Попа В. 81, 296, 440
Попа К. 28
Попа М. 23, 84, 413, 603
Попеску А. 23, 397
Попеску-Пуцурь И. 28
Попов Б. С. 47
Попович К. 89
Попович М. 398
Потопяну 505, 523, 529
Прайс Г. 134
Преотяса Г. 87
Прост Г. 5, 77, 135, 150
Проэктор Д. М. 34, 227, 246, 280
Пырвулеску К. 463, 464
Пырвулеску С. 385
Пушкаш А. И. 107, 223, 228; 279

Раваш Г. 22, 365
Радеску Н. 65, 576—583, 585—588, 595—597, 599—608
Радулеску И. 28
Раковица М. 487
Раля М. 257, 395, 540
Рангец И. 463
Риббентроп И. 149, 213, 262, 263, 272, 276, 277, 279—284, 306, 317, 340, 413, 420, 425
Рист Ш. 56, 57
Риттер 123
Робертс Г. 62
Розенберг А. 82, 116, 158
Роллер М. 25, 69, 71, 193
Роман А. 25
Роман В. 28, 50, 471, 481
Романеску Г. 28
Рот Г. 272
Ротшильд Дж. 21
Роусек Дж. 6, 7, 16, 65
Рузвельт Ф. Д. 108, 422, 424
Рыдз-Смиглы 162
Рэдэчаиу Л. 463

Савин Т. 364
Саву А. 23, 26
Сазина М. Г. 33, 34, 592, 596
Самсонович 161
Сейшану Р. 441
Сидорович 257
Сима Х. 197, 256, 258, 259, 263, 271, 293—296, 299, 301, 311, 312, 315—318, 325, 347, 417
Семпилл 216, 217
Симон А. 25, 27
Ситон-Уотсон Х. 6, 7, 13, 16, 18, 19, 66, 167, 323
Скоппа Б. 426, 427
Смит Г. К. 526
Совдей 57
Соколан А. И. 33
Сола У. 147, 182
Спиваковский Е. И. 4
Спэлэцелу И. 22, 23, 150
Ставрианос Л. 12, 14, 17, 19
Стахевич 162
Стелеску М. 50, 79, 81, 83
Стид В. 171
Стил И. 17, 510
Стояи Р. 195
Стойка К. 58, 87, 537, 588
Стояи 228
Стурдза М. 299, 303, 306, 313, 314
Стырча И. М. 414, 480
Стэнеску 353
Сурпат Г. 22, 286
Сучу И. 385
Сырбу Ф. 380, 385
Сэнэтеску К. 480, 492, 493, 495, 496, 499, 502, 504—506, 510, 511, 521, 523, 524, 526, 529—531, 543, 544, 548, 551—556, 562—564, 567, 571, 575, 576, 586

Табуи Ж. 116, 122, 152
Татареску Г. 67, 69, 79—81, 83, 91—93, 94, 97, 120, 121, 123, 124, 126, 127, 129, 140, 141, 145, 147, 151, 158—160, 163, 165, 169, 173, 178, 190, 191, 210, 222, 227, 235, 255, 260, 262, 264, 269, 408, 471, 593, 607, 609
Татареску Ш. 63, 64, 82, 142
Тейлор А. 250
Теклу Я. 508
Телеки 274, 279
Теодореску 297
Теодореску 506
Тиля В. 217—220, 225, 231, 440
Тимошенко С. К. 502
Типпельскирх К. 300, 508
Титулеску Н. 10, 24, 77, 81—83, 103—123, 125—152, 153—156, 159, 161, 163, 167, 173, 175, 176, 231
Тойнби А. 20, 161
Томшин Ю. К. 34
Туцу Д. 24, 27, 28

Уайт Л. 424
Удря Т. 26
Уиллер-Бенетт 9
Улин-Ревицки А. 441
Урдаряну Э. 190, 211, 258, 261, 262
Урсул Р. 164
Уэллес С. 422

Фабрициус 172, 173, 182, 200, 203, 204, 206, 210, 216, 218, 219, 225, 229, 241, 243, 248, 251, 260—265, 267, 269, 271, 274, 279, 282, 295—298, 314
Фейс Г. 435
Филипп А. 426
Фланден П. 240
Флондор 206
Флореску 224
Фодор Л. 26
Фрайиер Г. 300
Франко 151
Фриссиер Г. 17, 18, 421, 477, 491, 492, 498, 499
Фролов Н. Н. 33, 287,
Фрунзенеску И. 45
Функ 368
Фэту М. 22, 23, 150

Хейс К. 438
Херцеии Т. 70
Хильгрубер А. 5, 8, 159, 180, 181, 261, 270, 296, 320, 419, 421, 442, 497

Хор 218, 219, 224, 225, 226, 230, 232, 233, 248, 250
Хорти М. 149, 203, 223, 270, 357, 406, 424
Худице И. 398, 583, 585
Хэлл К. 421, 448

Цуцуй Г. 28, 84, 397, 413, 557, 597, 600, 603

Чаки 274, 279, 282
Чаушеску Н. 4, 40, 87, 509, 612, 613
Чемберлен Н. 211, 227, 234
Чемпалов И. Н. 33
Черчилль У. 35, 423, 426, 435—437
Чиано 122, 201, 202, 228, 251, 253, 274, 278, 281—284, 303
Чуперка Н. 410

Шапиро 321
Шателен 424, 449, 505
Шеба Я. 126, 167
Шевченко Ф. П. 34
Шевяков А. А. 32, 210, 252
Шейкару П. 147, 268, 428
Шербанеску (Шербан Войня) 6, 20
Шмидт П. 8
Штагель 499
Штеменко С. М. 31
Штефля И. 411, 417
Штефу П. 385
Штирбей, князья 55
Штирбей Б. 15, 16, 450—452, 455, 457, 472, 497, 511, 606
Шуленбург 284

Эдуард VIII, английский король 119
Эйзенхауэр Д. 434

Юхач Дюла 107
Юниан Г. 90

Язькова А. А. 4, 32, 35, 68, 71, 86, 90, 96, 100, 117, 141, 167, 176, 180, 190, 236
Якобич И. 347, 411
Яшпортов 164

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	
Глава первая	Наступление реакции и фашизма	43
Глава вторая	От ориентации на Запад к сближению с гитлеровской Германией	100
Глава третья	Установление королевской диктатуры. Курс на союз с германским фашизмом	177
Глава четвертая	Монархо-фашистская политика предательства интересов страны	240
Глава пятая	Военно-фашистская диктатура Антонеску. Политика втягивания Румынии в войну против СССР	293
Глава шестая	Провал антисоветских захватнических планов. Борьба КПР за создание народного антифашистского фронта	342
Глава седьмая	Возникновение революционной ситуации. Начало освобождения Румынии Советской Армией и подготовка антифашистского вооруженного восстания	409
Глава восьмая	Разгром гитлеровцев под Яссами и Кишиневом. Антифашистское восстание в Румынии — начало народной революции	489
Глава девятая	Победа революционных масс во главе с КПР. Установление народной власти	542
	Заключение	610
	Источники и литература	615
	Указатель имен	627

Николай Иванович Лебедев

КРАХ ФАШИЗМА В РУМЫНИИ

Утверждено к печати Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор Д. Б. РУБЕЖНЫЙ. Редактор издательства Р. З. МАЗО. Художник Ю. П. ТРАПАКОВ Художественный редактор Н. Н. ВЛАСИК. Технический редактор Л. И. КУПРИЯНОВА Корректор Ф. А. ДЕБАБОВ

Сдано в набор 1/X 1976 г. Подписано к печати 23/XI-1976 г. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 39,5. Уч.-изд. п. 43,8. Тираж 3800. Т-16584. Тип. зак. 1208. Цена 3 р.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10